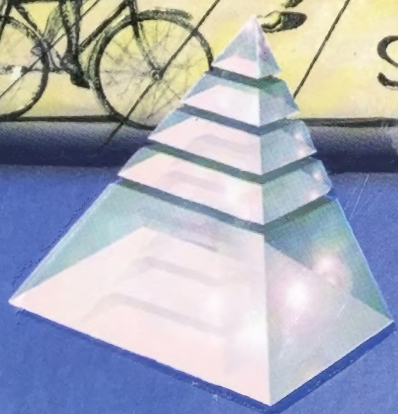

88.37

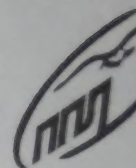
*Как важно быть самим собою на своем
жизненном пути в Человечестве, делать
в жизни свое Добро, совершенствоваться
в своем, то есть в том, что получается
лучше, нежели у многих других, и лучше,
чем другое у тебя самого.*

О ХАРАКТЕРАХ ЛЮДЕЙ

МАРК БУРНО

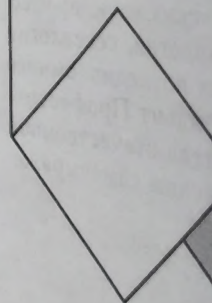
14

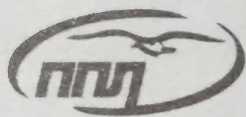

М.Е. Бу

0 x

ЛЮД

Профессиональная
Психотерапевтическая
Лига

М.Е. Бурно

О характерах людей

14
УДК 88; 56.13
Б 90

Серия издается совместно
с Профессиональной Психотерапевтической Лигой

Научный редактор серии — проф. В.В. Макаров
Менеджер серии — В. Потапова

Психотерапевтические рисунки врача-психотерапевта
Аллы Алексеевны Бурно

Бурно М.Е.
Б 90 О характерах людей (психотерапевтическая книга). —
Изд. 5-е. — М.: Академический Проект, 2013. —
639 с. — (Психотерапевтические технологии).

ISBN 978-5-8291-1502-9

Это — 5-е издание книги, ставшей своеобразным учебником для врачей, психологов, пациентов, душевно здоровых людей с трудными для себя и других характерами, для людей, склонных к тягостным душевным переживаниям, и их близких.

Рекомендовано кафедрой психотерапии, медицинской психологии и сексологии Российской медицинской академии последипломного образования и Профессиональной Психотерапевтической Лигой в качестве учебного пособия по психотерапии.

Марк Евгеньевич Бурно — доктор медицинских наук, профессор кафедры психотерапии, медицинской психологии, сексологии ГОУ ДПО «Российская медицинская академия последипломного образования Росздрава» (Москва), вице-президент Профессиональной Психотерапевтической Лиги. Основатель отечественной психотерапевтической школы «Терапия творческим самовыражением».

УДК 159.9; 616.89
ББК 88; 56.13

Э., 2013
макет, оформление.
ский Проект, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕ

Книга основательно п
работки. Книга допол
ским опросником» (ра
зом для пожилых трен
ложении (в разделе 1

Благодарю душевн
нии этой книги, кажет
для психотерапевтов,
серьезными душевны
числе, как теперь зна
от психотерапевтиче

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Книга основательно поправлена: ушли, надеюсь, многие недоработки. Книга дополнена моим «Кратким характерологическим опросником» (раздел 9) и психотерапевтическим рассказом для пожилых тревожных людей в тяжелом жизненном положении (в разделе 10).

Благодарю душевно читателей, помогавших мне в улучшении этой книги, кажется, ставшей своеобразным учебником — для психотерапевтов, для врачей общей практики, для людей с серьезными душевными трудностями, расстройствами (в том числе, как теперь знаю, и для тех, кто получает помощь только от психотерапевтического чтения).

Автор

Июнь 2008 г.

Москва, Вешняковская ул.

Содержание

Предисловие ко третьему изданию	3
Предисловие ко второму изданию	4
Предисловие к первому изданию	5
1. О характерах людей	6
Вступление	8
Сангвинический (синтонный) характер (циклоид)	11
Напряженно-авторитарный характер (эпилептоид)	20
Тревожно-сомневающийся характер (психастеник)	25
Застенчиво-раздражительный характер (астеник)	37
Педантичный характер (ананкаст)	38
Замкнуто-углубленный (аутистический) характер (шизоид)	43
Демонстративный характер (истерик)	57
Неустойчивый характер (неустойчивый психопат)	63
Смешанные (мозаичные) характеры	66
Грубоватый характер (в патологии — органический психопат)	68
«Эндокринный» характер (в патологии — «эндокринный» психопат)	71
«Полифонический» характер	73
Заключение	77
2. О некоторых душевных расстройствах на почве разных характеров	82
Застенчивость	82
Страх	88
Навязчивости	94
Болезненные сомнения и тревожная мнительность	100
Сверхценные идеи	106
Ипохондрия	113
Депрессия	118
3. О происхождении характеров, сила слабых и помощь при дефензивности	127
О происхождении характеров	129
Отношение к «слабому» (меланхолическому) характеру в разные времена в западноевропейских странах	142

Содержание

Отноше
в разны
Психот
«слабы
Пример
Заключ

4. Психоп
Вступле
Психоп
инфанти
Психоп
Психоп
Заключе

5. Шизофр
История
Клиниче
Распрост
Лечение

6. Дефензи
самовы
О сущест
Еще о си
О некото
творческ
О чувств
и светлос
Богу или
«В зимни
Поднима
Психотер
О тоскли
О национ
Тема «Ре
творческ
«Душа Ро

7. Письма п
Вы уже н
Вам необ
расстрой
у Вас нав
Ваши пере
психастени

Отношение к «слабому» (меланхолическому) характеру в разные времена в нашей стране	157
Психотерапевтическая и психопрофилактическая помощь «слабым» (дефензивным) людям	179
Примеры психотерапевтической прозы	188
Заключение	212
4. Психопатии	213
Вступление	213
Психопатии, обусловленные мягкой задержкой развития — инфантильные (ювенильные) психопаты	218
Психопатии, обусловленные искаженным развитием	234
Психопатии, обусловленные повреждением мозга	276
Заключение	276
5. Шизофрения	285
История клинического изучения шизофрении	286
Клинические картины и типы течения шизофрении	287
Распространенность шизофрении и ее природа	288
Лечение	290
6. Дефензивные люди и Терапия творческим самовыражением	291
О существе Терапии творческим самовыражением (ТТС)	291
Еще о силе слабых	301
О некоторых приемах самопомощи творческим самовыражением	303
О чувстве общественной полезности и светлом мироощущении, духовности	325
Богу или маммоне	331
«В зимний морозный день...»	333
Поднимает душу из печали	335
Психотерапевт Лес	340
О тоскливом переживании смерти близкого человека	342
О национальных характерах	345
Тема «Религиозные чувства и характеры» в Терапии творческим самовыражением	349
«Душа России» и профилактика душевного здоровья	352
.....	359
7. Письма пациентам	360
Вы уже никогда не сможете пить понемногу	360
Вам необходимо возненавидеть свои истерические расстройства	364
У Вас навязчивые страхи	367
Ваши переживания естественны для Вашего психастенического характера	370

Неврастения вернулась	374
Болезнь студента-медика третьего курса	376
Навязчивости по-прежнему с Вами	380
Дрессировать себя!	382
Жить в тени для Вас невыносимо	385
Когда человек что-то делает, переживает по-своему, он больше чувствует себя собой	388
Вы недостаточно ясно пока понимаете ценность своего душевного склада	391
Я останусь жить, пока живет Человечество	395
«Здесь нужны короли и поэты»	406
Есть и грани созвучия	410
8. Очерки по истории отечественной характерологии, психиатрии, психотерапии	413
К истории древнерусской психиатрии, психологии, этики (по «Повести временных лет»)	413
О М.Я. Магазинере (к истокам отечественной психотерапии алкоголизма)	414
Некоторые примеры изображения бессознательного русскими писателями конца XVIII — начала XIX века	417
К истории адыгейской психиатрии и психотерапии (донаучный период)	421
О Константине Сотонине и его мыслях	428
Психотерапия, этика и права человека	434
Памяти отца	440
К истории кафедры психотерапии Российской медицинской академии последипломного образования (бывшего Центрального института усовершенствования врачей). Письмо в редакцию	445
О «возвышающей психотерапии» Рожнова	447
О клинической психотерапии	455
9. Краткий характерологический опросник (М.Е. Бурно, 2007)	462
10. Психотерапевтическая проза	467
Чехов	467
Сыроежка	476
Свой мир	482
Дарвин и Швейцер	486
Возраст проблем	490
Аминет	509
Зал редких книг (психотерапевтическая повесть)	532
Из дневника пожилого человека	586

Содержание

639

Неполный список авторов, которых упоминал в книге	621
Сводная таблица диагностических обозначений, встречающихся в книге	625
Литература	627

О характерах людей

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящая книга есть основательно переработанная и дополненная психотерапевтическая книга «Сила слабых» (М.: ПРИОР, 1999. 368 с., ил.). Первое издание, в самом деле, оказалось психотерапевтической книгой. Убедился в этом благодаря многим письмам читателей и устным отзывам.

В книге собрано многое из моих бесед с пациентами, здоровыми людьми (с душевными трудностями), наедине и в психотерапевтических группах, в почтовой переписке за сорок с лишним лет работы. Книга помогла и помогает прежде всего людям с разнообразными трудными характерами, с переживанием своей неполноценности, с тревожно-депрессивными расстройствами. Помогает, как рассказывают мне, своей целебной содержательностью, внутренним психотерапевтическим воздействием. Помогает глубоко созвучными с текстом психотерапевтическими рисунками тоже врача-психотерапевта Аллы Алексеевны Бурно, моей жены.

Второе издание дополнено, в том числе разделом «Краткие очерки по истории отечественной психологии, характерологии, психиатрии, психотерапии» — разделом, надеюсь, исторически обогащающим книгу.

Автор

Апрель 2005 г.

Москва, Вешняковская ул.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Психотерапевтические очерки, письма, повесть, рассказы, составляющие эту книгу, написаны и впервые изданы в разные годы. Они уже, насколько могу судить, серьезно помогли многим нервным пациентам, а также служат врачам, психологам — в том числе в нашей кафедральной психотерапевтической амбулатории (кафедра психотерапии Российской медицинской академии последипломного образования), дополняя, углубляя непосредственное живое влияние психотерапевта и лекарственную терапию. Книга, однако, предназначена не только для лечения, но и для предупреждения различных серьезных нервных расстройств — то есть для множества здоровых людей с тягостными душевными переживаниями, в человеческом горе. Послужит она и родственникам, близким людям, знакомым душевнобольных, невротиков, психопатов, и тем, кто просто интересуется клинической психотерапией, особенно терапией духовной культурой, учением о характерах, психиатрией сравнительно мягких душевных расстройств.

Настоящие психотерапевтические очерки, письма, повести, рассказы по необходимости исправлены и дополнены. Мне хотелось, однако, сохранить живущее в них время и себя самого прежнего: в одних работах я еще молодой, в других постарше, в третьих уже совсем седой, как сейчас.

Еще я намеренно не вытравлял отдельные повторы, потому что именно в такой книге они уместны. Это одно из важных отличий психотерапевтической прозы для широкого читателя от научной.

Автор
Сентябрь 1998 г.
Москва, Вешняковская ул.

1. О характерах людей

Сегодня хоть немного более, нежели вчера, знать, понимать себя среди других людей — это значит яснее видеть свою дорогу, свое предназначение в жизни. По мере того как постепенно постигаешь, что же именно в соответствии с твоими природными особенностями у тебя получается лучше, чем другое, и лучше, чем у многих других, — стараешься более и более делать в жизни это *свое* и *по-своему*. То есть стараешься душевно-духовно развиваться, расти в соответствии со своей природной предрасположенностью к определенным осмысленным и любимым жизненным делам. И тогда, рано или поздно, возникает в душе тихий или яркий стойкий свет содержательно-осознанной встречи с самим собою для людей. Этот радостный свет и есть уже пожизненное, даже сквозь наплывы тревоги-тоскливости, творческое вдохновение, пронизывающее всего тебя до самой крохотной клеточки организма природно-волшебными лекарствами и потому целебное в высоком смысле.

Уже немолодой врач-психотерапевт, я убежден, что многим людям с душевными трудностями изучение характеров помогает обрести это свое счастье. Реальное счастье, свойственное именно твоему складу.

Мой психотерапевтический метод — Терапия творческим самовыражением — предназначен прежде всего для пациентов с тягостно-тревожным переживанием своей неполноценности. Он состоит, коротко говоря, в изучении характеров и различных нехарактерологических душевных трудностей (депрессивных расстройств, навязчивостей и т. д.) в процессе разнообразного творческого самовыражения с поиском своего, свойственного своим конкретным особенностям, це-

1. О характерах людей
лебного пути в жизни
2000. 2006). Изучая
себя в творчестве из
ступках, переживая
же, стремимся и в со
неповторимости, уни
ленного, все повторя
ческого склада — ка
повторяющейся по
творяющегося нашего
Эти известные об
заблудиться, не свер
родой, но не всегда яс
нее включились свойс
если душевно сложн
мо-намеренно или вы
жизни не то, к чему пр
лизовать себя творчес
Так, сплошь и рядом не
и в паспортной зрелост
природного характера.
обращая серьезного вни
гатства, не зная толком
В этом разделе попы
ровые и болезненные ха
мую суть каждого. Этот
лишь болезненно усиле
выразителен в своем гро
В классической клини
характерологии — учени
целая группа-гирлянда ч
типов (характеров), незав
дому здоровому характер
рисунком врожденно-пат
тический (болезненно уси
(с греч. — малоумный). Х
По указанному году издани
легко найти в списке литерату

лебного пути в жизни, своего смысла (Бурно, 1990, 1999, 2000, 2006)¹. Изучая характеры и то, как обнаруживают они себя в творчестве известных художников, в творчестве, в поступках, переживаниях вообще, мы с пациентами, конечно же, стремимся и в собственном творчестве к своей духовной неповторимости, уникальности, но в общих рамках определенного, все повторяющегося в Человечестве характерологического склада — как и в рамках, например, определенной, повторяющейся половой конституции, возраста, повторяющегося нашего человеческого вида.

Эти известные общие рамки дают нам ориентир, дабы не заблудиться, не свернуть в сторону со своей намеченной Природой, но не всегда ясно видимой дороги, дабы легче, естественнее включились свойственные нам творческие механизмы. Ведь если душевно сложный человек по каким-то причинам, упрямо-намеренно или вынужденный обстоятельствами, делает в жизни не то, к чему предрасположен, не может раскрыть-реализовать себя творчески — он обычно болеет душой и телом. Так, сплошь и рядом несчастен тот, кто не только в юности, но и в паспортной зрелости пытается выпрыгнуть из рамок своего природного характера, завидуя людям с другим складом и не обращая серьезного внимания на собственные личностные богатства, не зная толком о них, а то и презирая их.

В этом разделе попытаюсь кратко описать известные здоровые и болезненные характеры — основной «рисунок», самую суть каждого. Этот рисунок в случае патологии характера лишь болезненно усилен, гипертрофирован, более отчетлив и выразителен в своем гротеске или затуманен болезнью.

В классической клинической психиатрии, неотделимой от характерологии — учения о здоровых характерах, сложилась целая группа-гирлянда человеческих характерологических типов (характеров), независимо от того, как их называть. Каждому здоровому характеру в патологии соответствует своим рисунком врожденно-патологический характер — психопатический (болезненно усиленный) и даже олигофренический (с греч. — малоумный). Характер может быть «занавешен»,

¹ По указанному году издания работы название ее и выходные данные легко найти в списке литературы в конце книги.

«замутнен», искажен или чуть «завуалирован» каким-то болезненным процессом, протекающим остропсихически или мягко, с остановками или с полным завершением, оставшимся, например, в виде душевного «рубчика», еле видимого, но иногда по-своему красивого — и в общении с людьми, и в творческой работе. В таких случаях характер все равно более или менее просвечивает. Может быть, тут уместнее говорить не о конкретном законченном характере, здоровом или патологическом, а шире и глубже — о «характерологическом радикале».

Естественно, что высокое, сложное творчество как выражение сложной, страдающей индивидуальности есть все же удел людей с более или менее болезненной душой, с болезненно усиленными чертами характера. Подлинное творчество есть лечение от страдания, как удивительно сгущенно показал это Дюрер в своей «Меланхолии» (1514).

Там, где есть серьезные основания думать о врожденной патологии характера или о депрессии, острых страхах, галлюцинациях и т. п., конечно же, требуется помощь психиатра, психотерапевта. Но там, где все, так сказать, в терпимо-житейских рамках, возможно человеку и самому поработать с собою, начав хотя бы с изучения этой работы, а потом, с ее помощью, может быть, перейти к более подробным и сложным работам.

Часть из них дана в списке литературы.

Настоящий раздел, надеюсь, послужит как краткое пособие и пациентам, и здоровым людям с душевными трудностями, занимающимся в Терапии творческим самовыражением. Это может пригодиться также врачам всех лечебных специальностей для более отчетливого понимания душевного состояния, характеров своих пациентов, в том числе даже психиатрам и психотерапевтам. Здесь, кажется, удалось мне описать существо каждого характера с ясностью, какой не было в прежних моих работах.

Вступление

Характер данного человека — это, по-моему, его более или менее стойкая душевная человеческая природа в своей особен-

ности-вещности, с
комам. Природа, с
минералов, в глубинах
с Землей, но и с Космосом
дающими: ведь даже
ном небе — как и го
Таким образом, и
душевно-телесная и
нист-материалист
подвижный своею м
ренный), я не спос
человека без особен
теру. Даже характер
ва. Толстого живут в
гениев.

Каждый из нас ун
и духовно меня до м
только похожие на
не в точности, как н
точности желтого, з
под стеклом на моем
уникальные, каждый с
и листья осины, и еще
свойствами (березовы
ствуют и определенны
мых людей по общим с
Так, каждый человек с
неповторим среди друг
ся общими сангвиничес
гвинический характер
Существо этих харам
радикалов — я и попыта
из них даю свои названи
нятые в науке обозначи
логических типов (радик
1) сангвинический (синт
2) напряженно-авторита
3) тревожно-сомневающ
4) застенчиво-раздраж

ности-неповторимости, развивающаяся с младенчества по законам Природы, среди других людей, животных, растений, минералов, в глубинном взаимодействии со всем этим. Не только с Землей, но и с Космосом, то есть с событиями, в нем происходящими: ведь каждый из нас живет в конечном счете в звездном небе — как и горная бабочка, и квартирный таракан.

Таким образом, характер конкретного человека есть его душевно-телесная индивидуальность. Как неисправимый клиницист-материалист по природе своей (надеюсь, несколько подвижный своею мыслью, не воинствующий и даже одухотворенный), я не способен представить себе характер какого-то человека без особенностей его тела, соответствующих характеру. Даже характеры бессмертных для меня Пушкина, Чехова, Толстого живут в моей душе вместе с телосложением этих гениев.

Каждый из нас уникален душой и телом — не было телесно и духовно меня до меня и не будет меня после меня. Будут только похожие на меня, как были они и до меня. Похожие, но не в точности, как не будет и не было никогда такого же в точности желтого, засушенного листика березы, что лежит под стеклом на моем письменном столе. Но, как существуют уникальные, каждый сам по себе, листья березы и листья липы, и листья осины, и еще другие листья, объединенные общими свойствами (березовыми, липовыми, осиновыми), так существуют и определенные характеры, объединяющие неповторимых людей по общим свойствам в какую-то группу-характер. Так, каждый человек с сангвиническим характером уникален, неповторим среди других сангвиников, но все они объединяются общими сангвиническими свойствами, составляющими сангвинический характер вообще.

Существо этих характеров вообще — характерологических радикалов — я и попытаюсь здесь кратко описать. Некоторым из них даю свои названия, но непременно отмечу и другие принятые в науке обозначения. Вот она — «гирлянда» характерологических типов (радикалов):

- 1) сангвинический (синтонный) характер (циклоид);
- 2) напряженно-авторитарный характер (эпилептоид);
- 3) тревожно-сомневающийся характер (психастеник);
- 4) застенчиво-раздражительный характер (астеник);

- 5) педантичный характер (ананкаст);
- 6) замкнуто-углубленный, аутистический характер (шизоид);
- 7) демонстративный характер (истерик);
- 8) неустойчивый характер (неустойчивый психопат);
- 9) смешанные (мозаичные) характеры:
 - а) «грубоватый» характер (органический психопат);
 - б) «эндокринный» характер (эндокринный психопат);
 - в) «полифонический» характер (также в здоровой и болезненной своей выраженности).

Первые пять характеров (радикалов) и «грубоватый» объединяются известной, частой для них склонностью, в соответствии с их природным устройством, к реалистическому (материалистическому) мироощущению; замкнуто-углубленные и «эндокринные» — к идеалистическому мироощущению; «демонстративные» и «неустойчивые» обычно меняют свое мироощущение по обстоятельствам; «полифонисты», в зависимости от полифонического варианта, могут быть больше материалистами или больше идеалистами.

В основе мироощущения (материалистического и идеалистического), с точки зрения характеролога, лежит особенность природного ощущения (чувства) каждого из нас, когда задаем себе вопрос: чувствую свое тело по отношению к своему духу (в широком смысле) источником духа или его приемником? Реалисты (материалисты) обычно уверенно отвечают на этот вопрос себе и другим: источником; чувствую, как тело мое светится духом, и не чувствую какой-то самостоятельности своего духа, способности его существовать изначально, непосредственно вне меня. Так, например, чувствовал себя всю жизнь Чехов, хотя и пел в детстве в церковном хоре. Идеалист же либо отчетливо ощущает уже с детства изначальноность, первичность духа — как, к примеру, пишет о себе в воспоминаниях Павел Флоренский (1992), либо приходит к этому лишь с годами, либо не понимает этот вопрос, считая его не имеющим смысла, но и не согласен с тем, что тело (высокоорганизованная материя) — источник духа.

Здесь, конечно же, много сложностей, тонкостей. Не вхожу тут в обсуждение разницы между «духовным» и «душевым» и еще во многие важные тонкости-подробности, подходы в этих сложнейших попытках понять людей, Человечество. Но

о нравственности и в краткой работе о характерах сказать необходимо.

Не существует, убежден, характеров нравственных и безнравственных. Конкретный человек с определенным характером может быть более нравственным или менее нравственным, прежде всего, в соответствии со своими природными задатками. Но характер накладывает свой отпечаток на строй безнравственности человека. Безнравственный сангвиник, например шекспировский Фальстаф, совсем иной по картине своей безнравственности, нежели напряженно-авторитарная Кабаниха Островского.

Сангвинический (синтонный) характер (циклоид)

Как полагали в гиппократовской древности, в сангвиниках из всех других жидкостей организма преобладает кровь (по-латыни — *sanguis*), потому они так свежи, румяны, энергичны. Им свойственна синтонность, то есть естественная реалистичность (греч. *syntonia* — созвучность, согласованность). Отсюда другое название сангвиников — синтонные люди (синтонный характер). В патологии соответствуют им циклоидные психопаты (циклоиды). Отсюда третье название здоровых людей с сангвиническим складом — циклоидные акцентуанты. В отличие от психопата акцентуант — здоровый человек, но и он несет в себе в рамках здоровья характерологический рисунок, подобный определенному психопатическому, в данном случае — циклоидному.

Классические описания этого склада принадлежат Эрнсту Кречмеру (1921) и Петру Борисовичу Ганнушкину (1933)². Кречмер отметил и частое здесь пикническое (от греч. *pusnos* — плотный, густой) телосложение. Эти жизнелюбы нередко отличаются телесной полнотой, особенно во второй половине жизни.

Существо сангвинического радикала — естественная (синтонная) реалистичность, наполненная круговыми (циклоидны-

² Если год, поставленный после имени автора, не соответствует году издания работы в списке литературы, то это год первого издания работы.

ми) полнокровно-живыми колебаниями настроения (у здоровых — в рамках здоровья), то есть колебаниями от тревоги-печали к радости-свету. При этом практически всегда в тревоге-печали светится хоть крошка надежды-радости, а в радости ночует тревожинка. Естественность (натуральность), в сущности, и есть некий сплав этих противоположных чувств с преобладанием то одного, то другого — как естественно сплавлено все в Природе. Этот сплав, этот печально-теплый свет, названный Э. Кречмером «диатетической пропорцией» (пропорцией настроения), ясно видится в теплом солнечно-печальном творчестве Чарли Чаплина и Аркадия Райкина.

Синтонностью обусловлены и высокое искусство перевоплощения, и детски-живая, непосредственная способность «схватывать» иностранные языки с возможностью сложного, почти без акцента, национального произношения.

Будучи чувственным, добрым материалистом, сангвиник получает нередко пьянящее его, главное для него наслаждение от соприкосновения органов чувств с желанным реальным, то есть живет прежде всего подробными ощущениями-наслаждениями (пищевыми, любовными и т. д.), без которых страдает. Даже в глубокой старости вспоминает он красочные вкусовые и эротические ощущения своей молодости (например, подробности приготовления какого-то блюда или какие-то запахи), тогда как старый психастеник (тревожно-сомневающийся) вспоминает прежде всего свои бедные красками переживания-размышления.

Именно чувственно-материальное, телесное ощущает сангвиник источником духа. Однако благодаря своей мощной жизнелюбивой чувственности, горячей эмоциональности со страхом смерти, он нередко, особенно в пожилые годы и если достаточно грустен, молится Богу. Сангвиник такой земной человек, что никак не хочет умирать и поэтому порою верует в бессмертие. Бога он обычно не способен представить себе абстрактно, как Дух без плоти. Он ощущает Бога как нечто материально-теплое, как доброго, мудрого старика, защищающего его, посылающего ему радости среди печали.

Синтонному человеку нетрудно искренне приспособить религию, учение о нравственности к своим влечениям, как это сделал, например, Лютер. Нередко сангвиник добросовестно и

с душой выполняет религиозные обряды, пока это не помешает его плоти, настроению. К аскетической самоотверженности он вообще мало способен.

Синтонная тревожность нередко перекрывается, гасится чувственными желаниями. Конфликты между желаемым и морально-допустимым редки, так как желаемое часто ощущается по-детски естественным. Например, близость с любовником втайне от мужа так естественна, будто Бог с ней вполне согласен.

На место веры в Бога в душе сангвиника может стать вера в нечто другое материально-осязаемое: например, вера в богоподобность всех людей с альтруистическими чувствами к ним (как это случилось с синтонными материалистами Л. Фейербахом, А.И. Яроцким, Г. Селье) или в созданный одной всеобщей сознательностью счастливый для всех людей строй (как это случилось с синтонными марксистами).

Таким образом, естественность (натуральность, синтонность) в общепринятом понимании-чувствовании есть, думается, то, что особенно близко к природе (натуре), детству человека и человечества, к простому народу с его сказками и поверьями. Это — открытая, непосредственная доброта-теплота, наполненная светом радости, в котором растворена печалинка-тревожинка. Печалинка-тревожинка эта по временам может сгущаться в тоскливость, тревожную ипохондричность или тяжелую раздражительность с угрюмой надутостью, а радость способна переходить в неумное буйство влечений. Естественный человек настроением, поступками крепко зависит от своих естественных влечений, но в его напряженности от влеченческого голоса нет злой агрессивности напряженно-авторитарного человека.

Чувственный материализм располагает многих сангвиников не только к пищевым, сексуальным, развлеченческим наслаждениям, не только к энергичной практической деятельности в самом широком смысле, к добрым организаторским делам, к предпринимательству, но и к кровавым революциям во имя переустройства мира, радостной борьбе за народное счастье. «Борьба — моя поэзия», — писал сангвинический А.И. Герцен.

Сангвиники, отличаясь живым анализом, чутьем, быстрой реакцией, могут быть прекрасными полководцами (Кутузов),

шахматистами (Ласкер). Своими военными, революционными, историческими сочинениями они неплохо вдохновляют массы истинных (напряженно-авторитарных) воинов с оружием в руках. В повседневной жизни практичность многих сангвиников может быть порою также нравственно подмоченной, хотя и в дружбе с уголовным кодексом (вспомним Остапа Бендера).

Синтонные писатели и художники изображают в своих вещах прежде всего реалистическое действие и живые, бытовые, чувственные людские переживания — будь то проза Рабле, Дюма-отца или произведения Пушкина, пьесы Островского, повести Моравиа и Саган, будь то картины передвижников, Ренуара, будь то музыка Моцарта, Штрауса.

Синтонность вообще свойственна простому народу, народным сказкам, поверьям. Синтонность объединяет простолюди-на и с ребенком, и с интеллигентом. В детях в целом тоже больше синтонности, яркой языческой реалистичности. К зрелости многие несинтонные люди становятся суше и более утонченными, глубокими, сообразно генетически заложенному в них. Более избирательными в общении и интересах. Не случайно именно сангвинический Пушкин творчеством своим создал полнокровный, «вкусный» русский язык для всей страны: и для детей, и для разнообразных взрослых. Даже замкнуто-углубленная (аутистическая) Ахматова любила Пушкина, но не тревожно-сомневающегося (психастенического) Чехова. В то же время Запад, не способный в полной мере чувствовать наше пушкинское национальное чувственное, более проникается точнее переводимыми на другие языки нравственно-художественными размышлениями Достоевского, Толстого, Чехова.

Благодаря подробной чувственности своего восприятия сангвиник, в отличие от рассеянных людей с блеклой чувственностью, тут же заметит и новую рубашку на сослуживце, и что подстригся он, и т. п. А если он врач, то с порога уже заметит и бледное пятно на коже у пациента, и легкое изменение дыхания. Но это красочное живое воображение способно и до дикой паники раскрасить ужасными картинами подозрительность, ревность, страх опасной болезни в сангвинике.

Сангвиник способен «растворять» свою тревогу в практических делах, действиях — успокаивается-разряжается на

высокой скорости за рулем автомобиля; или ему необходимо, чтобы снять напряжение, «отстучаться» за печатной машинкой и т. п.

Чувственная материалистичность определяет, обуславливает и «голос крови» в сангвнике. Это яркое чувство родной плоти в родственнике обычно не лежит здесь в основе кровной мести, что часто встречается у людей авторитарно-напряженного склада, но ради кровного родственника, даже ему не знакомого, сангвник нередко готов горы сдвинуть, «слыша» на расстоянии свою кровь.

Естественность сангвника, даже правонарушителя, преступника, всегда смягчает, обезоруживает нас искренностью-теплом. Это сказывается и в юморе, к которому склонны сангвиники. Юмор всегда тепел, он не разделяет того, кто смеется, и того, над кем смеются, потому и так заразителен — смеемся вместе.

В синтонности-естественности есть нечто первозданное, не загрязненное человеческими условностями-искусственностями, нечто невинное своею природной неиспорченностью, как физиологические отправления малого ребенка или какого-нибудь животного. Всепоглощающей естественностью, непосредственностью объясняется и нередкое детское отсутствие дистанции в общении сангвника с человеком, перед которым принято робеть.

Сангвник (циклоид), таким образом, живет прежде всего влечениями-ощущениями-настроениями. Этим определяется строй его мыслей, его отношение к людям. Многие чувствительные сангвиники (циклоиды) берегут от людских прикосновений свой душевный покой за внешней хмуростью (часто детски беспомощной) и даже как бы холодной замкнутостью-необщительностью с теми, кто может попортить им настроение. Некоторые из них могут даже остро и стойко ненавидеть (правда, тоже с детски беспомощной тревожной надутостью) тех, кто может испортить их хрупкое настроение, например, критикуя их отношение к жизни, мировоззрение.

Думается, в ленинской сангвинической авторитарности не было подлинной жестокости-сاديстичности (так полагал, кстати, и Н.А. Бердяев). Но многое ли это меняет в катастрофических результатах революционной жути?

Синтонная реалистичность, как видим это и в повседневной жизни, и в истории человечества, может служить и Добру (например, добрейшая синтонная санитарка бескорыстно, из жалости, варит дома нежный питательный бульон для одиноких послеоперационных пациентов), и Злу (например, синтонный чиновник-аферист ради потехи и тяжелого кошелька «облапошивает» несведущих в законах доверившихся ему граждан).

Сангвиники (циклоиды) разнообразны, как и любой другой личностный тип внутри себя. В одних бурлит организаторская энергия, стремление переделывать-переворачивать все вокруг в жизни людей и Природы. В других неумная чувственность переливается за рамки морально дозволенного, как у Казановы. Третьи — ужасные ипохондрики-паникеры. Четвертые чаруют всех вокруг себя своим тихим, уютным, душевным теплом-заботой. Пятые несут в себе весь этот сложный, переливающийся калейдоскоп чувств.

Кстати, мягкая, грустная, добрая жалостливость простых полных телом русских женщин часто сангвинического происхождения. Одна одинокая сангвиничка жалостливо-восторженно кормит на улице бездомных собак и кошек, берет их жить в свой дом, упоенно живет для них. Другая, тоже одинокая, боится глянуть на улице собаке в глаза, чтобы не привязаться к ней, не дрожать, не тревожиться потом, что заболит собака, еще умрет... Так же боится она привязываться и к людям. Но глубинно-общее, связывающее этих разных сангвиничек, конечно же, чувствуется, и это есть синтонная бурная эмоциональность, которая в третьей сангвиничке направлена сплошь на практические дела или эротику с полным равнодушием к животным и растениям. Или же сангвиник обожает животных, а живым цветам предпочитает красивые искусственные, потому что не вянут.

Поменявшееся (часто и без внешних толчков) настроение порою резко преображает сангвиника. Тонкая душой, нежная, самоотверженная в уходе за больным мужем, подругой, женщиной в дурном настроении, например в бурной неоправданной ревности, делается вульгарно-базарной, даже как бы слабоумной, совершенно не похожей на себя прежнюю.

Естественная, теплая отзывчивость-доброта сангвиников нередко путает неопытных новичков: заботливо приголуб-

ленные, обласканные в первую встречу, они могут получить на другой день, когда настроение сангвиника качнулось вниз, что называется, «мордой об стол». Эмоция может так «по-бабьи» «понести» даже сангвинического мужчину, что он наговорит, а то и натворит Бог знает что — и потом подолгу стыдится этого.

Жить, работать вместе с таким сангвиником — значит серьезно зависеть от его настроения, успокаивая себя тем, что и гнев, и авторитарность его насущно естественны, что хоть зла не таит, не мстителен, а если и мстителен, то обычно безобидно, по-детски. Вспоминается, как сердился один армянский сангвиник в фильме о поварах: «На тебя не кричи, на него не кричи — я же тогда лопну!»

По причине непредсказуемых прыжков настроения, рабской зависимости от них, на многих циклоидов решительно нельзя положиться — могут вдруг после обычного разговора, качнувшего их настроение, неожиданно убежать, оставив и даже прокляв ответственное дело, в которое сами же вкладывали столько искреннего душевного тепла, забывая и здоровье, и время. Наконец, милая, естественная в доброте своей сангвиническая одинокая женщина может подпустить в разговоре с подругой из зависти-ревности какую-нибудь шпильку-неделикатность. «Есть ли у вас дома эта чудесная книга? — например, спросит она и спохватится: — Впрочем, вряд ли ты знаешь, это мне у мужа твоего надо спросить, а тебе, небось, не до чтения, хозяйством замученной».

Сангвинические (циклоидные) расстройства настроения часто разнообразно-калейдоскопичны. Это — тоскливость, тревога за себя, за близких, страхи (в том числе страхи ужасных болезней). Порою тягостное настроение «переодевается» в навязчивость, раздражительность, неприятные телесные ощущения с ипохондрическими переживаниями, вегетативные дисфункции в виде головных болей, сердцебиений, рвот, перепадов артериального давления и т. д.), истерики-рыдания, истерические расстройства чувствительности (боли, жжения, онемения). Нередко все это перемешивается в пеструю тягостную настроенческую кашу, из которой вырастают острая подозрительность, ревность. Однако сквозь все это, в отличие от, например, шизофренических расстройств, мягко просвечивает синтонность.

Сангвиническому взволнованному человеку, конечно же, делается существенно спокойнее, если удастся подробно выговориться тому, кто сочувственно слушает. Если, например, муж такой женщины не желает слушать «перемалывание из пустого в порожнее» об отношениях с подругами или на службе, стремится уйти в другую комнату — может наступить бурная истерика со слезами, подозрениями в том, что он-де думает молча о «какой-то другой» и т. п.

Живущий прежде всего влечениями-ощущениями, сангвиник нередко трагически печалится в пожилые годы, когда плоть начинает потихоньку увядать. Часто ему так хочется до глубокой старости наслаждаться своей ослабевающей, но еще свежей чувственностью. Синтонная одинокая женщина, в отличие, например, от своей тревожно-сомневающейся подруги, и далеко после шестидесяти нередко трагически ощущает свою чувственную нерастраченность, досадную невостребованность. Другая, замужняя, отчаянно-детски рыдает, заметив возрастную поухлость в интимных переживаниях (часто по настроению, временную): «Неужели никогда больше не смогу почувствовать того пронзительного женского счастья, которым так пьянела?»

Но многие зрелые умом, творческие сангвиники с годами начинают ценить глубокую сложность и одновременно ясность своего сангвинического духа, и тогда это духовное переживание превращается в главнейшую их радость и смысл. Иные сангвиники-оптимисты радостно убеждены в том, что смерти нет, пока есть жизнь, а после «хоть трава не расти». Другие с одухотворенной грустью печалются о своем увядании, о неизбежной смерти и стремятся оставить себя в памятниках себе — нерукотворных и рукотворных (успокаиваясь известным пушкинским «нет, весь я не умру»). Проблема Фауста (и самого Гете) — проблема сложного, одаренного сангвиника, готового каждодневно бороться за земные радости «древа жизни», предпочитая их «сухой» науке, представляющего себе и загробный мир в плотски-реалистических формах, подобно древним грекам с характерной для них сангвинически-языческой реалистичностью-осязаемостью их богов... путает неопытных...

О характерах людей

Напряженно-авторитарный характер (эпилептоид)

Антрополог Яков Яковлевич Рогинский (1977) выводит из еще первобытной необходимости борьбы с «враждебными силами внешнего мира», наряду с другими «вековыми типами характера», волевой тип «охотника-воина», соответствующий нашему напряженно-авторитарному характеру.

Данный склад личности, по рисунку своему внешне напоминающий эпилептический, в его психопатической выраженности (эпилептоидный психопат, или эпилептоид) зримо, подробно-классически описан Франциской Минковской (1923, 1935) и Ганнушкиным (1933).

Существо напряженно-авторитарного (эпилептоидного) радикала — в реалистической авторитарности, сказывающейся прямолинейно-агрессивным, самолюбивым мышлением, чувствованием и поступками. Душевную напряженность такого человека по-настоящему смягчает лишь какая-то реализация, осуществление его изначальной авторитарности, — и хорошо бы, чтобы реализация эта происходила с пользой для общества.

Прямолинейность мышления, чувствования всегда более или менее агрессивна — и агрессивность всегда прямолинейна. Не агрессивен тревожно-сомневающийся. Он постоянно взволнованно сомневается, рассматривает со стороны свои мысли и чувства — так ли думает-чувствует, в соответствии с разными обстоятельствами жизни? Тревожные сомнения по закоулкам ищут истину, обнаруживают то драгоценное, мимо чего прошли по прямой дороге бестревожные, прямолинейные в своем мышлении. Однако сомневающийся плох в тех делах, где вредно раздумывать, философствовать: за рулем автомобиля, у сложного пульта, в группе захвата преступников или будучи тюремным надзирателем, руководителем сложного коллектива, полководцем, солдатом в боевом окопе и т. п.

Прямолинейный обычно уверен (даже сверхуверен) в своей правоте и победе, обстоятельно-солиден, тяжеловесно-четок, подавляя, убеждая несогласных своим авторитетом. Такой человек может быть иногда внешне даже как бы довольно живым своей мыслью, но, присмотревшись, заметим, что мыслит он (нередко при прекрасной памяти) все же в довольно

прямолинейных, хотя и сложных, подробных рамках. Без символичности и реалистической многозначности — как бы на стройно-однозначной латыни, на языке напряженно-авторитарного Древнего Рима. Или это приземленно-ядренный, саркастический, авторитарный язык Салтыкова-Щедрина, Лескова, Розанова. Тяжело, весомо, внушительно в свое время ложились в людей догматические слова эпилептоидного Сталина.

Вследствие прямолинейности-авторитарности такой человек часто и не спрашивает того, с кем заговорил (например, на улице), есть ли у него время для разговора, и сердито обижается, когда собеседник спешит. Даже те из напряженно-авторитарных, кто несколько не уверен в себе, часто сердятся, озлобляются, когда оказываются неправыми, на тех, кто обнаруживает их неправоту. Они стремятся к власти и только ею лечат свое переживание неполноценности.

Вообще сердитость-напряженность, прорываясь время от времени агрессивными взрывами, постоянно (сильнее или слабее) присутствует в душе напряженно-авторитарного человека (особенно эпилептоида). Ранимые, чувствительные люди нередко дурно чувствуют себя рядом с таким человеком: или возникает в душе боязнь, острая неуверенность в себе, или невольно хочется подчиняться такому человеку, чтобы его смягчить-умилостивить, или возникает протест-негодование, оттого что авторитарно давят на тебя.

Душевная постоянная напряженность эпилептоида, особенно пожилого, есть одновременно и пагубная напряженность-нагрузка на его кровеносные сосуды. Он непременно должен расслабляться каким-то удовлетворением своей авторитарности (только бы во имя Добра!) или хотя бы взрывами негодования на домашних (не влияющими серьезно на его карьеру) — чтобы лучше чувствовать себя и душевно, и телесно (например, чтобы не получить инсульт). В этом отношении жизнь с эпилептоидом для его близких есть испытание. А когда он пенсионер, потерявший власть и ослабевший уже телесно, когда остается ему в воспоминаниях ругать других и восхвалять себя (о чем бы ни говорил) — необходимо близким, если это возможно, потерпеть, послушать все это, дабы всем же не было хуже. Может быть, даже искренне посочувствовать ему (если

это возможно), когда он сердится, например, на пьяных или на влюбленных, долго целующихся в троллейбусах.

Страх лишиться хоть какой-нибудь власти нередко делает напряженно-авторитарного человека тяжело подозрительным. Эта прямолинейная подозрительность (ревность, мысли об угрожающей ему опасности и т. д.) есть психологически понятная убежденность в том, чего все-таки, как правило, нет на самом деле. В психопатических случаях эта подозрительность болезненна. Думается, именно эпилептоиды с их особой высокой склонностью к напряженной подозрительности, развитию сгущению сверхценных идей (в том числе изобретательства) составляют известную группу параноидальных психопатов (параноиков).

Прямолинейной душевной защитой объясняется тут и способность с убежденностью в своей правоте, в победе думать как бы «мимо» неприятного, травмирующего и смотреть «сквозь» своего противника или тоже «мимо» (будто не видя его), дабы не раниться этой встречей.

Некоторые напряженно-авторитарные по-своему доверчивы и склонны менять свое отношение к событиям, людям в зависимости от внешних обстоятельств и под влиянием мощных своих влечений. Чаще, однако, все эти обстоятельства, вызывающие здесь перемены, ублажают авторитарность.

Сердитость-агрессивность здесь обычно смягчает к старости (особенно слабея со склерозом и алкоголизмом, порождающими благодушие), но подозрительность и скупость к старости могут по-плюшкински усиливаться.

Как и сангвиник, напряженно-авторитарный чувствен, но нередко агрессивной чувственностью (иногда с моментами садистичности, мстительности). С угрюмой авторитарной солидностью ямщиков, пьющих чай на картине Кустодиева «Московский трактир», могут сидеть за столом одни из напряженно-авторитарных. Упоенно-слащаво дегустируют кушанья другие. По-своему благородно-деловито едят третьи. Но живой, заражающей нас аппетитом сангвинической естественности мы тут не встретим.

Сексуальное влечение здесь мощно и агрессивно напряжено. Одни напряженно-авторитарные люди могут быть охвачены страстью к сексуальному разнообразию и цинически-пря-

молинейно оправдывают это заботой о своем здоровье. Другие — природные однолюбы, подобно волкам. Такой человек порою настолько беспомощно зависит своим освобождением от острого, тяжелого сексуального напряжения от своей жены, что не может ее и пальцем тронуть, валяется у нее жалко в ногах, вымаливая близость, терпит все ее измены, разрешая, таким образом, вить из себя веревки. Если вдруг не убьет жену или не покалечит, измучившись.

Нередко отличаются эти люди могучей волей — до позеленения, посерения кожи. При этом некоторые эпилептоиды с «заячьей душой», при всей внешней агрессивности-напряженности, не могут не сдерживаться и потому органически не способны поднять на кого-то руку в обычной (не боевой) жизни.

Выполнение своего влечения к власти здесь — смысл жизни, главная радость. И в этом отношении напряженно-авторитарный (эпилептоид) сражается за власть в широком смысле, в какой бы профессии, должности это ни приходилось делать — власть в науке, в литературе, в искусстве, власть богатства (как у пушкинского Скупого рыцаря) и т. д.

Свойственная напряженно-авторитарным (эпилептоидам) борьба за справедливость может происходить и в должности бухгалтера, и в какой-нибудь избирательной комиссии, — но и тут, как обычно, с напряженностью воина. Если такой человек лечится от алкоголизма, то нередко становится он яростным борцом за трезвость, от которого плачут, например, его умеренно пьющие родственники. Но каким-то образом для своего благополучия, счастья такой человек должен чувствовать свою власть.

Сражаясь в бою или в мирной жизни, ограниченный своей прямолинейностью, охваченный агрессивностью, он просто не думает в это время об опасности, о смерти. Будучи авторитарно-прямолинейным реалистом, он способен прямолинейно подолгу не думать о том, что смерть имеет к нему какое-то отношение. Когда же ему напомнят о ней, скажет: «Зачем вспоминать плохое? Оно само придет». Или истово-прямолинейно, с той же свехубежденностью верует в Бога и вечный чувственный рай для себя после смерти.

«Голос крови» нередко проникнут здесь агрессивностью, мстительностью, склонностью к кровной мести. Напористый

воин, часто атлетического сложения, он по-настоящему уважает лишь сильного. Безнравственному эпилептоиду просто необходимо показать силу, как овчарке, чтобы стал тебя уважать и преданно тебе служить. Многие эпилептоидные женщины (нередко красивые напряженной гипнотизирующей красотой львиц, ведьм) терпеть не могут мягкотелых интеллигентных мужчин, которые не способны брать подобных женщин силой, как тем хотелось бы.

И Бога-защитника тоже многим напряженно-авторитарным хочется иметь мускулистого, властного, строгого, справедливого, чтобы рабски поклоняться ему, в свою очередь, чувствуя себя хозяином над своими рабами. Богом, философией и своим земным начальством способен безнравственный эпилептоид оправдать и свои преступления (например, так-де лучше для государства). Истинный воин, сбивая вражеский самолет, прямолинейно не размышляет о том, кто в нем, — враг, и все. И летчик-воин не думает прямолинейно о тех, на кого обрушится бомба, — надобно выполнить поставленную боевую задачу, и все тут.

Многим нравственным эпилептоидам свойственны высокая честность, добросовестность, исполнительность, «добрый» «боярский» консерватизм, «казацкая» преданность Добру.

Ради утоления своих мощных влечений многие безнравственные люди такого склада готовы служить любой власти, а нравственные делают истинными самоотверженными, не ложными борцами за справедливость. Ведь мы называем нравственными тех, кто искренне хочет другим людям того же добра, что и себе, то есть добра в своем понимании. Так, в трудное время человек приводит домой к обеду гостей. Жена из-за гостей осталась голодной, но сам бы он не хотел остаться без обеда. И не остался.

Прямолинейность мышления-чувствования может, конечно, вносить здесь немало сложности в вопрос о нравственности напряженно-авторитарного. Так, добрый «боярский» консерватизм не всегда добрый. Или, например, такой человек всею душой заботится о дочери покойного брата, не разрешая ей выходить замуж за человека, который ему не нравится. «Да, им хорошо сейчас вместе, — рассуждает он. — Но ненадолго это, я убежден. И я за нее в ответе перед братом». И он, пожа-

луй, сам искренне хотел бы, чтобы с ним так же поступили, если б он был на месте этой девушки.

Люди, не равнодушные к власти, часто тянутся к историческому чтению. Там — именно о том, кто и как взял и потерял власть, и часто это созвучные им по складу люди.

Напряженность влечением к власти, особый интерес к военным событиям видятся в картинах Сурикова, Верещагина. Нередко напряженно-авторитарный. художник — высокий мастер утонченной напряженной реалистичности-натуральности (как Шарден, Шилов, многие древнеримские художники).

Получающий высокое удовольствие от власти не способен обычно к подробно-одухотворенному исследованию, углублению в себя, в человеческие сложные отношения.

Безнравственные эпилептоиды (напряженно-авторитарные) часто обнаруживают себя благообразной маской из различных слащаво-уменьшительных словечек с лакейски-угодливым поведением, за которой прячут безнравственную свою природу. Это имеет прямое отношение к утонченному, так называемому восточному коварству. Но благородным нравственным эпилептоидам (напряженно-авторитарным) всячески следует помогать в их тяжелых подчас отношениях с людьми хотя бы скрывать, по возможности, яркую свою авторитарность, властность, хотя бы изображать, что прислушиваешься к другим людям, ценишь их мнение и т. д. — дабы выше подняться им в жизни, во имя добра.

Тревожно-сомневающийся характер (психастеник)

Подробно-клинические описания этого склада личности в его болезненной усиленности (психастеник, психастенический психопат — от *psychasthenia* (душевная слабость, с греч.), описания, замечательно дополняющие и углубляющие одно другое, сделаны Пьером Жане (1903, 1911), Сергеем Алексеевичем Сухановым (1905, 1912), П.Б. Ганнушкиным (1907, 1933), Иваном Петровичем Павловым (1935).

Существо тревожно-сомневающегося (психастенического) радикала — обусловленная природной, изначальной тре-

М.Е. Бурно

1. О характерах людей

возможность дефека-
 тья-блежательных
 компенса торным
 работы сомневая
 уверенность в свои
 ствах, особенно при
 нято, следует как-т
 малознакомым чел
 рестного события

Дефензивность
 содержанию проти
 Это — переживани
 в робости, застенчи
 ти, тревожной мни
 мнениям, неуверен
 нуту ранимым само
 дям иного склада
 многим замкнуто-ут
 (психастеников) он
 деперсонализацион
 их чувств, неуверен
 эту слабость попытк
 ного анализа происх
 Это тревожное за
 посредственным чув
 том, что такой чело
 людьми, с ощущение
 этому поводу, постоя
 вает свое эмоционал
 мочь себе чувствовать
 зах некоторую трево
 груженность в свои м
 людей). По этой при
 человеку письмо, неж
 Природный смысл
 в защите чувствитель

* Деперсонализация (личность) — пережива

возможностью-дефензивностью, вкупе с чувственной жухлостью-блеклостью, мягкой деперсонализационностью и гиперкомпенсаторным засильем реалистической аналитической работы сомневающейся мысли, тревожно-тягостная неуверенность в своих достаточно реалистически-земных чувствах, особенно при обстоятельствах, когда эти чувства принято, следует как-то естественно обнаруживать (в беседе с малознакомым человеком, в обстановке радостного или горестного события и т. п.).

Дефензивность (*defenso* — оборонять, лат.) — понятие, по содержанию противоположное понятию «агрессивность». Это — переживание своей неполноценности, сказывающееся в робости, застенчивости, стеснительности, нерешительности, тревожной мнительности, в малодушии, склонности к сомнениям, неуверенности в себе, — и наконец, все это проникнуто ранимым самолюбием. Дефензивность свойственна и людям иного склада (например, дефензивным сангвиникам, многим замкнуто-углубленным). У тревожно-сомневающихся (психастеников) она затуманена, напряжена изнутри еще и деперсонализационным³ переживанием неестественности своих чувств, неуверенности в своих чувствах с восполняющими эту слабость попытками более или менее подробного тревожного анализа происходящего.

Это тревожное засилье мысли (анализа) над чувством (непосредственным чувственным переживанием) сказывается в том, что такой человек в общении с не самыми близкими ему людьми, с ощущением своей неестественности и тревогой по этому поводу, постоянно неуверенно рассматривает, обдумывает свое эмоциональное к ним отношение, стараясь этим помочь себе чувствовать. Собеседник может заметить в его глазах некоторую тревожную растерянность или отсутствие (погруженность в свои мысли, рассеянность, смотрение «сквозь» людей). По этой причине психастенику часто легче написать человеку письмо, нежели встретиться с ним.

Природный смысл этой мягкой деперсонализационности — в защите чувствительной души от ранящих ее прикосновений

³ Деперсонализация (фр. *depersonnalisation*; де- + лат. *persona* — личность) — переживание измененности своего эмоционального «Я».

действительности. Во всяком случае, если случается какая-то беда (смерть близкого человека, угроза собственной жизни), Природа помогает исключением способности остро тревожиться-переживать в углубившейся деперсонализации. Но в легкой тревожной деперсонализации, общаясь с людьми, организуя, например, какие-то совещания, такой человек нередко по рассеянности что-то упустит или скажет не то, кого-то не поблагодарит — и потом жестоко мучается этими своими упущениями и старается готовиться к подобным испытаниям предварительными записями по пунктам.

А бывает, что, при всей своей нравственной щепетильности, тревожной добросовестности в соблюдении законов и инструкций, тревожно-сомневающийся (психастеник) вдруг по рассеянности переступит черту разрешенного или общепринятого. Иногда возможно это и не по рассеянности, а по причине душевной отваги, вспыхивающей в замученной совести.

Наедине с собою, с книгами, в творчестве в своей комнате или в общении с самыми близкими чувство собственной эмоциональной измененности (чаще это тревожное душевное онемение) ослабевает-отпускает, чтобы вскоре, по обстоятельствам, вновь появиться.

Тревожная сосредоточенность на мыслях об ускользающих непосредственных чувствах нередко объясняет и несобранность, житейскую рассеянность этих людей. Дефензивность, загруженная подробным аналитическим размышлением, сотканная из сомнений, обнаруживает себя сложными нравственно-этическими переживаниями с обычным здесь тягостным самообвинением.

Таким образом, тревожно-сомневающийся (психастеник) не есть просто бесчувственный человек. Он способен остро голодать чувством, но утоляет голод без острых, пьянящих гурманнистических или сексуально-эротических подробностей. Чувственность здесь недостаточно художественна, остра, чтобы человек мог сойти с ума в чувственной близости. Возможно для него часто даже исследовательски наблюдать в это время за вяловатыми проявлениями своей чувственности, в которых невозможно забыться. Но нередкая здесь чеховская нежность-лиричность одухотворенного тревожно-сомневающегося (пси-

хастеника) может сводить с ума самых чувственных, легко суживающихся сознанием женщин.

Одухотворенно-застенчивая, затаенная нежность-лиричность свойственна и многим психастеническим женщинам.

Тревожно-сомневающийся (психастеник) — человек не с непосредственно-чувственной, а с мыслительной (неяркой, реалистически-аналитической) эмоциональностью, дефензивностью, испытывающий по отношению к другому человеку именно на расстоянии (вспоминая прошлое или воображая будущее) гораздо более цельное чувство, нежели в непосредственном общении. Ему трудно без подлинного практического чутья, чувственной хватки интуитивно оценить другого человека — и потому он его тщательно обдумывает-анализирует, «раскладывая по полочкам».

Он может быть великим актером, режиссером, но и тогда «раскладывает по полочкам», как Станиславский, — на потеху непосредственным, чувственным, живущим прежде всего сердцем актерам. Другие знаменитые тревожно-сомневающиеся (психастенические) люди, являющие нам в творчестве свой склад (радикал), — это Баратынский, Белинский, Дарвин, Чехов, Павлов, Моне, богатые не чувственностью, но размышляющей одухотворенностью или побуждающие нас к углубленным благотворным переживаниям-раздумьям своими художественными импрессионистическими впечатлениями-намекami (вспомним картину Моне «Впечатление. Восход солнца»). Здесь нет чувственно-практической четкости, но есть тревожное впечатление, и в нем своя психологическая сила.

Не будучи достаточно практичным, такой человек должен воспитывать в себе готовность действовать, одолевая свою лень в сложной работе мечтаний. Бывает, тревожно-сомневающийся (психастеник) любит свою заболевшую собаку, а к ветеринару все не отведет ее (ленив на подъем). Неорганизованному по природе своей психастенику (тревожно-сомневающемуся) необходимо жить по расписанию, в режиме, радуясь и тому, что выполнил расписание хоть на две трети.

Непрактичность, обусловленная во многом инертностью-медлительностью, обнаруживает себя и в том, что тревожно-сомневающийся не предложит вовремя помочь знакомой жен-

щине с тяжелой сумкой, не спохватится сказать вовремя доброе слово нуждающемуся в нем — с последующим внутренним раскаянием. И тут ему также ничего не остается, как заранее дрессировать в себе готовность действовать, дабы не мучиться потом угрызениями совести.

Многие из таких людей, особенно в молодости, способны так сильно гиперкомпенсироваться (вольно или невольно являть в поведении свою свою противоположность), что их считают сверхуверенными, «неистовыми». Но это все есть «нахальство от застенчивости», готовое в любой момент, по обстоятельствам, рассыпаться в жалкое самообвинение.

Гиперкомпенсация неуверенности в себе здесь нередко выражается в излишней порою категоричности, учительском (менторском) тоне — при способности, однако, самокритически на все это посмотреть.

От чувственной бедности, деперсонализационности многие тревожно-сомневающиеся (психастеники), живущие в деперсонализационном тумане прежде всего своими тревожными сомнениями (сомнение — мыслительная работа, в отличие от тревожной мнительности, то есть склонности в основном чувством преувеличивать опасность), не запоминают в достаточных подробностях яркие события, которые происходят с ними в жизни. Не запоминается, например, лицо, облик человека, вкус пирога, который так нахваливал, потому что в самом деле было вкусно. Забывается ощущение влюбленности с воспаленной яркостью мира вокруг, будто прошло что-то больное, не настоящее. Видимо, необходима достаточно сильная повседневная чувственность, чтобы в подробностях вспоминать прежние особенно яркие чувственные переживания, когда «захлебывался» чувствами. Иначе же остается от жизни пронзительно-грустное ощущение чеховского восьмидесятилетнего Фирса: «Жизнь-то прошла, словно и не жил...» Дабы этого, по возможности, избежать, следует побольше записывать, фотографировать, рисовать свою жизнь, дни своей радости, чтобы творчески ярче отпечатывать их в душе и чтобы можно было, перечитывая дневник, рассматривая альбомы, оживлять в себе то эмоциональное, чувственное, что было, все-таки было.

Но житейские обиды, личностные оскорбления, чьи-то попытки нарушить духовную свободу, так легко забываемые (вы-

тесняемые из сознания) многими чувственными людьми, до самой смерти занозами сидят в уязвимой душе тревожно-сомневающегося (психастеника) и без всякого записывания. Мужчина с таким характером обычно ищет с людьми прежде всего духовного, идейного, личностного созвучия и не способен долго любить женщину одними лишь вяловатыми своими чувственными ощущениями. По этой причине он может гораздо сильнее любить духовно созвучного ему неродного человека или даже созвучную ему застенчивостью собаку, нежели несозвучного близкого родственника (слабый «голос крови», в отличие от, например, сангвиника).

Главное в переживаниях тревожно-сомневающегося (психастеника), если он достаточно сложен, — это тонкие нравственно-этические мотивы, служение (в том числе научное) Добру. Именно это его по-настоящему волнует, и это он в подробностях запоминает своей весьма средней (не чувственной, не механической) памятью. Она не удерживает в себе ни подробности семейных романов, ни детективные происшествия, но хранит многое из творчества названных выше созвучных тревожно-сомневающихся (психастенических) художников и ученых, а также — из творчества созвучных тревожно-сомневающемуся (психастенику) своей психастенической гранью психастеноподобных эпилептиков Достоевского и Толстого.

Непрактичность в широком смысле (происходящая прежде всего от слабой чувственности) выражается здесь и в том, что тревожно-сомневающийся (психастеник) не рассчитает время на дорогу, купит в магазинах больше, чем сможет унести, купит одежду не того размера, запланирует больше дел, нежели сможет выполнить, плохо ориентируется зрительно-географически. От рассеянности он слишком много времени теряет на поиски какой-то вещи или бумаги.

Тревожно-сомневающийся человек (психастеник) — реалист по своей природе, мало способный к религиозным переживаниям, обычно живет не чувственными радостями, не организаторскими делами, не борьбой, не сладостью власти. Он способен довольствоваться в жизни немногим, но хочет делать какое-то *свое*, посильное благородно-нравственное дело для людей. Или женщина готова помогать мужу это делать.

Важно, однако, знать, что выполняешь *свой* долг — как-то служишь Добру. На этом и держится здесь мироощущение. Если нет возможности это делать, то человек страдает. Охваченный изначально размышляющей тревогой, он и страшных болезней, смерти, сумасшествия боится потому, что ужасно для него не выполнить в каком-то более или менее завершенном виде свой жизненный долг Добра.

Вегетативная неустойчивость (сердцебиения, головные боли от сосудистых спазмов, пустая отрыжка и проч.), которая здесь врожденна, как и у других дефензивных людей, остеохондрозные ощущения, боли, геморрой и другие хронические, обычно неопасные, неприятности, к которым так предрасположены дефензивные люди, — все это составляет богатую, пышную почву для тревожно-ипохондрических переживаний (переживаний о страшных болезнях, которых на самом деле нет).

Размышляющая тревога и слабая, деперсонализационно-жухлая чувственность, отсутствие трезвого чувственного жизненного опыта мешают реалистически ощутить маловероятность беды и обуславливают здесь почти постоянные тревожные сомнения по поводу и самых крохотных сбоев в организме. Эти сбои (например мышечная боль, гнойничок, изжога) нередко со страхом-тревогой воспринимаются как нечто злокачественное, как возможное «начало конца». «Всю жизнь будто хожу по минному полю», — сказал о подобных своих ипохондрических переживаниях один психастеник. При этом известно, что такого рода душевно страдающие ипохондрики, каждый день рассматривающие свое тело (в том числе и с лупой), погружающиеся в медицинские справочники, надоедающие вопросами врачам, нередко доживают до глубокой старости (Грушевский Н.П., 1994).

Тревожно-сомневающийся (психастенический) человек не способен не думать о плохом, о том, о чем не хочется думать. Он всегда тревожно знает, что во всяком случае когда-нибудь тяжело заболеет и когда-нибудь (а может быть, скоро!) умрет. Его душевная защита, включающаяся в обстановку опасности для жизни, благополучия, — именно деперсонализационная: онемение души с неспособностью остро переживать и с ясным пониманием происходящего. Бес-

смертие для него — это реальная жизнь после смерти в памяти близких людей. Он хочет остаться в памяти своими делами, которые стремится более или менее завершить в своей жизни. Хочет остаться в памяти, разговорах именно таким, каким и жил, а не в виде «безликого привидения». Пусть это бессмертие будет не таким долгим, как у Шекспира или Гомера, он готов довольствоваться и малым: только бы не умереть сразу же, вместе со своим телом. Ахматова полагала, что нерелигиозный Чехов несовместим со стихами, видимо, потому, что всю поэзию, как известно, понимала-чувствовала как Божественное звучание, цитату из Господа.

Отмеченная выше вегетативная неустойчивость обычно спаяна с так называемой раздражительной слабостью (истощающейся раздражительностью), которая сказывается то в бессонницах, то в тягостном чувстве усталости, в лени, то в капризной нетерпеливости.

Размышляющая неуверенность в себе выражается и в «вяловато-неуверенных» формах тела при склонности к узкому (лептосомному — от *leptos* — узкий, греч.) сложению с некоторой нескладностью. Выражается она и мягкой неловкостью движений тела, частой здесь нелюбовью к физкультуре.

Тревожно-сомневающаяся (психастеническая) женщина не есть классическая (в принятом смысле) теплая, слабая, чувственная, мило кокетничающая женщина. Размышляющая и чувственно суховато-глуховатая (хотя по-своему задушевно застенчиво-милая, нежная), она нередко пожизненно переживает, что не чувствует себя ни заботливой женой, ни горячей любовницей, ни трудолюбивой матерью, ни хорошей хозяйкой (непрактично-медлительная «рассеянная неряха»), ни полезным работником в своей профессии, а просто, дескать, неудачное, «недоделанное» существо, ни то ни се, «ни рыба ни мясо». Не чувствует интуитивно по-женски, практически людей; ригидным мышлением своим не понимает, например, почему муж оказался другим, нежели папа (не помогает по хозяйству, не делает, как папа когда-то, с детьми зарядку и не сообщает, когда сегодня придет домой). Непрактичность, отсутствие чувственной хватки, высокая тревожность мешают ей выбирать

для себя что-то из одежды в магазине: всматривается тупо-напряженно в каждый шовчик, не может ясно уловить оттенки цвета и, к ужасу своей спешащей уже сангвинической подруги, помогающей ей покупать, просит еще поразмышлять с ней вместе, стоит ли брать это. И вообще: «Все только порчу, не создана я для этой жизни».

Лишь немногие из психастеников без помощи психотерапевта способны познать-прочувствовать свои духовные ценности, другие характеры, собраться как-то и благодаря всему этому, найти свое особенное место в жизни, среди близких, созвучных им людей, навсегда обретая свой, свойственный своей природе смысл.

Особенно для примитивных, несложных душой тревожно-сомневающих (психастенических) людей, без творческой смелости, без чувства юмора, благородного хулиганского полета в душе, жизнь превращается нередко в назойливо-строгое, механически-утомительное в своей тревоге выполнение какого-то свода правил (а то как бы чего не вышло!), навязчиво-скучное служение своему нравственному долгу, что может быть весьма тягостно для близких и даже, по сути дела, безнравственно. В этом смысле чеховский Беликов («Человек в футляре»), по-видимому, являет собою сгусток самого скверного психастенического.

Нередко и сложный ранимый психастеник (тревожно-сомневающийся) сухо отталкивает от себя людей, которые кажутся ему сразу же или с некоторых пор в чем-то лучше, значительнее его, а то и просто тот человек выше чином, ученой степенью. Или психастеник (тревожно-сомневающийся) избегает общения с этими людьми (хотя прежде, например до «повышения кого-то в чине», были друзьями). И все это — дабы не чувствовать себя рядом с таким «преуспевающим» человеком еще более неполноценным.

Или, например, иной психастенический профессор может быть весьма тяжелым своей раздражительной категоричностью, от которой несправедливо не видит в статье своего ученика что-то поистине хорошее из-за каких-то действительных недостатков. Однако он способен (во всяком случае, со временем) понять эту свою несправедливость и жестоко помучиться

1. О характерах людей
самообвинением. Само-
эгоизм психастеника. А
тически все, что не пом-
вымученному). — это
Может психастеник
ющейся, раздражитель-
росовестностью-ответс-
ленью на диване от нест-
гично.

Тем не менее и нрав-
мышления чеховского и
но связанные с его нес-
чески действовать, упор-
меня уважаешь?» ление
го мужика Емели есть во-
сийских деревьев, и муж-

Подобные поступки
ственны ни сангвинику,
отличие от сангвиников
теники крайне редко со-
так как испытывают неиз-
казанием и даже перед са-
собны этот страх забыть,
нет для этого ни пышно-ч-
молинейной сверхувере-
сладится без осложнений
большая совесть.

Старые психастеники
мо, по причине, прежде в-
ствительности, усугубив-
неспособности даже в ст-
жение о полной смерти
сангвиники, верующими
ность встречи с любимым
ное это чувство, однако
красками. Думается нере-
живания и т. п.
Вообще говоря, бо-
ему предрасполага-

самообвинением. Самообвинение, однако, самообвинением, а эгоизм психастеника, нередко отталкивающего от себя практически все, что не помогает служить делу (иногда ненужно-вымученному), — эгоизмом.

Может психастеник мучить близких своей, хоть и истощающейся, раздражительностью, мелочно-патологической добросовестностью-ответственностью, «великой» мечтательной ленью на диване от неспособности действовать активно-энергично.

Тем не менее и нравственно-психологические мечты-размышления чеховского интеллигента о светлом будущем (тесно связанные с его неспособностью живо и быстро практически действовать, упорно и добросовестно работать), и «ты меня уважаешь?» ленивого, непрактичного, пьяного русского мужика Емели есть все-таки составные части одного из российских деревьев, и мужик — корень этого дерева.

Подобные поступки и переживания-страдания не свойственны ни сангвинику, ни напряженно-авторитарному. Но в отличие от сангвиников и напряженно-авторитарных психастеники крайне редко совершают какие-либо преступления, так как испытывают неимоверный страх перед возможным наказанием и даже перед самой процедурой следствия и не способны этот страх забыть, вытеснить в бессознательное. У них нет для этого ни пышно-красочных занавесок-эмоций, ни прямолинейной сверхуверенности в том, что преступное дело сладится без осложнений для них, а главное — жалит-мучает больная совесть.

Старые психастеники (тревожно-сомневающиеся), видимо, по причине, прежде всего, возраста, склеротической чувствительности, усугубившейся тормозимости-инертности и неспособности даже в старости естественно принять положение о полной смерти человека — могут сделаться, как и сангвиники, верующими в вечную жизнь души, в возможность встречи с любимыми, ушедшими из жизни. Религиозное это чувство, однако, проникнуто реальными земными красками. Думается нередко о материальности мысли, переживания и т. п.

Вообще говоря, болезнь и старость каждого из нас по-своему предрасполагают к вере.

М.Е. Бурно

1. О характерах людей
Затенчиво-разрешив

Родственный президиум
(1933). Семенов

Asthenia — слабость.
В психиатрии, хар

астеническом характ
психастеника (тревож

В астенике (засте
над чувством неполно

вегетативной неусто
медицине «астеничес

неполноценности, ду
сложной мыслительн

ционностью, как у пс
ся). Тут больше исто

ных» красок, но боль
ти, неряшества —

капризнее, острее об
пример, саднит асте

детстве подруга укр
трепав, подбросила.

детство проиграла с

Здесь нет двигате
жухлой подкорки), н

ставания с чем-то, с к
лее, сильнее от ригидн

ческим размышлени
ми старых полонанн

с кошкой, с которой п

Напрягаясь острой
мыми, астеники (заст

способны сдерживать
ся. Дегерсонализация

не спасает их от эмоц
века обрушиваются по

можно было бы и не а
корблени, что, ка

Застенчиво-раздражительный характер (астеник)

Родственный предыдущему склад. Описан П.Б. Ганнушкиным (1933), Семеном Исидоровичем Консторумом (1935). *Asthenia* — слабость, с греч.

В психиатрии, характерологии нередко говорят широко об астеническом характерологическом складе, включая сюда и психастеника (тревожно-сомневающегося).

В астенике (застенчиво-раздражительном) преобладает над чувством неполноценности раздражительная слабость с вегетативной неустойчивостью (то, что принято называть в медицине «астеническим синдромом»). Переживание своей неполноценности, душевная ранимость не проникнуты здесь сложной мыслительностью-аналитичностью-деперсонализацией, как у психастеника (тревожно-сомневающегося). Тут больше истощающейся чувственности, «воспаленных» красок, но больше и истощающейся раздражительности, неряшества — от почти постоянной усталости, капризнее, острее обидчивость, ранимость. До старости, например, саднит астеническую женщину обида на то, что в детстве подруга украла у нее куклу, а потом, поиграв, потрепав, подбросила. При этом, гиперкомпенсируясь, она все детство проиграла с мальчишками в футбол.

Здесь нет двигательной психастенической неловкости (от жухлой подкорки), но горькое ощущение повседневного расставания с чем-то, с кем-то может быть, по-своему, еще тяжелее, сильнее от ригидности, не загруженной сложным аналитическим размышлением. Малыш не может расстаться с кусочками старых поломанных игрушек. Женщина плачет, расставаясь с кошкой, с которой познакомилась в санатории.

Напрягаясь острой застенчивостью с сослуживцами, знакомыми, астеники (застенчиво-раздражительные) часто уже не способны сдерживаться с домашними, которых и не стесняются. Деперсонализация (менее выраженная, менее стойкая здесь) не спасает их от эмоционального захлеста, и на близкого человека обрушиваются по пустяку (например, за вопрос, который можно было бы и не задавать — и так ясно) такие ужасные оскорбления, что, кажется, после этого и жить вместе уже никак

невозможно. Однако астеник (застенчиво-раздражительный), чуть остыв, сам уже нередко не чувствует в недавних своих словах, в своем поведении этой злости-оскорбительности. Ему кажется — ну, пошумел немножко, ничего страшного. Отдохнул — и снова милый, теплый и преданный.

Ничего не остается, как, в самом деле, научиться по возможности не принимать содержания ругательств в этих вспышках всерьез, терпеть вспышки как стихию, дождь. Терпеть и непонимание шуток в раздражении, и мелочную подозрительность в том, что близкие в чем-то ущемляют, унижают. Однако астеников надобно все же призывать сдерживаться в своей агрессивной раздражительности к близким — никто не имеет права незаслуженно обидеть человека, сорвав на нем раздражение. Лучше вылить из себя эту раздражительность в одиночестве, например, на какую-нибудь куклу.

Также следует мягко настаивать, чтобы астеник заставлял себя действовать, зная, что ему, чеховскому недотепе-мечтателю, трудновата живая практическая реакция, работа. Человек, мучающийся от того, что многого не успевает от своей несобранности, лени-усталости, должен собирать себя к делам с помощью планов, расписаний занятий, жить в строгом режиме, даже если не выполняешь его сполна. Содержание уродливого, больного, еще более несчастного животного, служение ему нередко тут серьезно смягчает переживание своей неполноценности.

Чем более здесь в телосложении мускулистости-жилистости, чем больше уверенности в движениях, моментов гурманства, тем обычно человек ближе к астеническому полюсу от психастенического. Наконец, для женщины астенического (в широком смысле) склада, как, впрочем, и для всех дефензивных, быть добротной и красиво одетой — значит быть более уверенной в себе.

Педантичный характер (ананкаст)

Описан Куртом Шнейдером (1923), Николаусом Петриловичем (1966).

Изначальная тревожность здесь, по причине педантичного характерологического склада, переживается иначе, нежели

О характерах людей

тревожно-сомневающимся (психастеническим) человеком. Тревожно-сомневающийся характерологический склад претворяет внутреннюю тревогу, наполняющуюся содержанием окружающей жизни, в болезненные сомнения, а педантичный — в символически-ритуальные навязчивости, ананказмы (от Ананке — имя древнегреческой богини неизбежности-судьбы).

Поскольку педант привержен внешнему порядку до мелочной точности, формалист, «профессионально-скрупулезный» коллекционер до мозга костей — постольку и содержание многих его тревог (как он и сам это обычно понимает) становится тоже, в сущности, бессодержательным в житейски-практическом смысле. Нередко при этом бессодержательность выступает уже в таком гротескном виде, что и самому остро-неприятно инороден такой карикатурный педантизм в виде каких-то «глупейших» навязчивостей. Если навязчивое стремление-боязнь ни в коем случае не наступить на какую-нибудь черту (чтобы не случилось плохого) или навязчивый страх, что вырвется в разговоре с какими-то людьми совсем не подходящее здесь нецензурное слово и опозорит, порушит карьеру, еще могут не выглядеть для педанта (ананкаста) такой уж ненормальностью, то навязчивое желание во что бы то ни стало (чтобы все было хорошо) узнать ненужную фамилию продавца какого-то овощного магазина, промелькнувшего вчера на экране телевизора, — это уже и для него самого «окончательный идиотизм».

Истинная, мучительная ананкастическая навязчивость всегда содержанием своим чувствуется страдающим ею человеком как нечто изначально неправильное, глубоко чуждое его отношению к конкретным событиям и людям. Но если это символически-ритуальное «судьбоносное» стремление-желание все же выполнить (чтобы все было хорошо), встревоженная душа смягчается-успокаивается до следующего ананказма.

Ананказмы выполняются обычно лишь тогда, когда возможно их выполнить (скажем, узнать какую-то фамилию) и лишь в пределах морально дозволенного (с точки зрения ананкаста). К примеру, навязчиво убить кого-то или поранить тут практически невозможно (по литературе и опыту моей психиатрической жизни). Но навязчиво убить себя возможно — ананкастически испытывая судьбу на краю пропасти или в попытках застрелиться (навязчивое желание испытать, будет ли осеч-

ка). Так, видимо, погиб Маяковский. Как ананкаст он довольно содержательно-отчетливо изображен в книге Ю.А. Карабчиевского (1990).

Педанты (ананкасты), будучи нередко страстными коллекционерами, случается, попросту навязчиво крадут важные для них предметы коллекций.

Таким образом, педант (ананкаст) есть человек, природой своей предрасположенный к разнообразным ананказмам, которые вместе с обострениями материнской своей основы — изначальной тревоги-тоскливости — то разрастаются, то увядают. Какая-то увлеченность жизнью, влюбленность или просто перемена места (путешествие), улучшая, оживляя настроение, нередко смягчают или выключают навязчивости.

Частые здесь ипохондрические переживания, тревожная мнительность, боязнь загрязниться, боязнь воров, негодяев, насекомых, сверхаккуратность, страх смерти, муки совести — все это у ананкаста также чаще всего насквозь навязчиво, то есть чуждо своим содержанием душе, жизненно нелепо. Например, не страх смерти от рака (как это случается у психастеника), а страх страха рака. Не страх обидеть человека, а страх страха кого-то обидеть. И так до бесконечности.

Ананкаст обычно не боится смерти, но боится жизни со всеми ее возможными неприятностями, даже самыми крохотными. Боится и собственного несовершенства, своих грехов. Но это, однако, не муки совести, а, к примеру, навязчивые переживания, что совершил что-то недозволенное. Так, Раскольникову ничуть не жалко загубленных им женщин, но навязчиво страшно, что «нарушил букву закона» и теперь накажут. Ведь и в каторге он не раскаялся и так и не открыл Евангелие, лежавшее у него под подушкой.

Один ананкаст, писатель, навязчиво-мучительно волнуется, как бы не случилось чего плохого с женой: по многу раз в день тревожно звонит ей на работу, но, случается, говорит по телефону очень тихо, потому что в соседней комнате в постели его ждет любовница.

Что же есть самое существо ананкастического строя души? Педантически-ананкастическая личностная почва, представляющая собою, по сути дела, ослабленные ананказмы жизни. К на-

М.Е. Бурно

Существо педантичного характерологического склада — в навязчивом соблюдении какой-то формы при многих жизненных обстоятельствах на основе чаще материалистического (реалистического) мироощущения. Но реалистичность здесь не синтонная, не напряженно-авторитарная, не тревожно-сомневающаяся, а тревожно-ананкастическая с навязчивым переживанием своей неполноценности, но и с обостренной чувственностью, мощными влечениями.

Среди педантов (ананкастов), как и в любом характере, встречаются и щепетильно-нравственные, и зловещие безнравственники с инфантильно-брюзгливой капризностью, морализаторской занудливостью. Но любой ананкаст — мученик. Вот он кому-то нагрубил, принес какое-то крохотное зло — и мучается навязчивым ужасом, что ему теперь отомстят. Изменил жене — и мучается навязчивым страхом венерического заболевания.

Многие ананкасты, дабы смягчить свою тревогу, претворяющуюся в мучительные навязчивые ритуалы бесконечного мытья одежды и тела, бесконечные притоптывания и постукивания (чтобы все было хорошо), отворачивания острых углов и другого острого (например, угол книжки, вилка) от близких людей, чтобы не принести им вреда, и т. д., и т. п. — сами устраивают себе (обычно стихийно) более интересную лечебно-навязчивую работу. Этой часто увлекательной ананкастической работой («плетение»-сочинение в голове детектива, сверхтрудолюбивый поиск метафор для каких-то своих писаний, бесконечное погружение в коллекционирование и т. п.) человек заменяет-вытесняет навязчивости мучительные. Так, Природа подсказывает пациентам и психотерапевтам прекрасный целебный прием.

Вообще характерологическую педантичность свою следует научиться применять в тех жизненных полезных делах, в ко-

1.0 навязчивая идея
 торых она именно треб
 лые навязчивости, спос
 Так, один жалкий, н
 та навязчи

уже) более года назад, дающей жене «детектив» он сам, как обещал, законником, но туда по каким Женя так тяжело пережил на похоронах и боялся выяснилось, что деньги, деньги, а капсула с прахом нилась все это время в приятель писателя, хрзыку. У этого ананаст многих лет усложняло ку сюжетов подобных, рые он с азартом расскфонных, разговорах сбудто он в чем-то им понадобно было поцелов

Ананкасту-писателю, обычно свойственные «вымучивание» метароений (как у Юрия С).

Многие педанты (а не только), важные для чести, добросовестные, трудолюбивые, атлетично-дисциплинированные. В России их не так много, как в Германии.

Замкнуто-углубленный (аутистический) характер

Описан наиболее по-
нушкиным (1933).
В своей патологии
зональный психопат)

торых она именно требуется, чтобы не вырастали из нее тяжелые навязчивости, способные серьезно вредить людям.

Так, один жалкий, но безнравственный ананкаст (покойный уже) более года навязчиво-каждодневно «плел» доверчивой страдающей жене «детективную» историю о том, что прах ее матери он сам, как обещал, захоронил под прекрасным богатым памятником, но туда по каким-то причинам никак нельзя еще поехать. Жена так тяжело переживала смерть матери, что не смогла быть на похоронах и боялась кладбища. Позднее, к ужасу жены, выяснилось, что деньги, предназначенные на похороны, истрачены, а капсула с прахом матери все еще не захоронена. Она хранилась все это время в каком-то шкафу в ресторане, где работал приятель писателя, хранилась под бравурную ресторанную музыку. У этого ананкаста-писателя в голове постоянно в течение многих лет усложнялось-развивалось одновременно по несколько сюжетов подобных четко-программных лжесплетений, которые он с азартом рассказывал в бесконечных, в том числе телефонных, разговорах со знакомыми, верившими ему поначалу, будто он в чем-то им поможет. При всем этом ему семь раз в день надобно было поцеловать жену, чтобы все было хорошо.

Ананкасту-писателю и ананкасту-ученому в их творчестве обычно свойственны не столько искания духа и мысли, сколько «вымучивание» метафор, сказочно-ярких элегантных построений (как у Юрия Олеши) формул и графиков.

Многие педанты (ананкасты) превосходно выполняют точные, важные для человечества работы, где необходима щепетильная добросовестность. Педанты (ананкасты) нередко крепкого атлетоидно-диспластического («мосластого») сложения. В России их не так много, но много в скандинавских странах и в Германии.

Замкнуто-углубленный (аутистический) характер (шизоид)

Описан наиболее полно, глубоко Э. Кречмером (1921) и Ганнушкиным (1933).

В своей патологической выраженности (шизоид, или шизоидный психопат) этот склад делает человека болезненно

1. О характерах людей

1. О характерах людей
 странным, внешними проявлениями и непреодолимых (шизофренического) предсказуемости своеобразной (своеобразной) характера.

Существо складывается из воли, движений. А (греч.) есть определенная зависимость «Я» от

Всякий реализм (с точки зрения действий, поступках откровенно, напряженно-автоматизирующийся — неуверенности под ногами для них и есть истинный шат, первооснова для своего проявления и ка. Они чувствуют себя мужчиной, а женой

Оттого и законы ального духа для диалектист-клинист в дивител ривает те же законы Оттого живой умом характера человека изучения характеров ваниях, поступках от таким, какой он есть теоретическое к нему вольно мало от полноты композициях Кандидата

Это особое аутистическое материя-действительный Дух, Предопределяют по-разному: Бо

странным, внешне несколько похожим нестандартными суждениями и непредсказуемыми поступками на душевнобольного (шизофреника). Однако эти «нестандартность», «непредсказуемость» делаются понятнее, если проникнуться своеобразной (с точки зрения реалистов) «логикой» такого характера.

Существо склада — в аутистическом стиле мыслей, чувств, воли, движений. Аутистичность (самособойность; *autos* — сам, греч.) есть определенная природная самостоятельность, независимость «Я» от внешних воздействий, событий.

Всякий реалист психологически понятно и содержательно (с точки зрения здравого смысла) в своих переживаниях, реакциях, поступках отражает реальность. Сангвиник — естественно, напряженно-авторитарный — агрессивно, тревожно-сомневающийся — неуверенно. Все они ясно чувствуют почву реальности под ногами, поскольку эта материальная реальность для них и есть истинная, подлинная реальность, которой дышат, первооснова духа, несущего в самом тонком и загадочном своем проявлении печать этого своего материального источника. Они чувствуют это так явственно, как мужчина чувствует себя мужчиной, а женщина — женщиной.

Оттого и законы движения-развития материи и нематериального духа для диалектического реалиста созвучны. Так, реалист-клинист в душевных, духовных расстройствах усматривает те же закономерности, что и в расстройствах телесных. Оттого живой умом реалист обычно ясно чувствует природу характера человека и неплохо разбирается в людях даже без изучения характерологии. Аутист же в своих мыслях, переживаниях, поступках отражает не столько реальный внешний мир таким, какой он есть, сколько собственное, концептуально-теоретическое к нему отношение, в котором уже остается довольно мало от полнокровной реальности — как, например, в композициях Кандинского или в обнаженных женщинах на картинах Модильяни.

Это особое аутистическое отношение к реальности объясняется тем, что аутист чувствует подлинной реальностью не материю-действительность, а вечный, бесконечный, изначальный Дух, Предопределение, правящее миром. Этот Дух называют по-разному: Бог, Истина, Смысл, Гармония, Красота,

Любовь, Абсолютный Принцип, Нерушимое, Вечный Разум, Добро, Цель, Творчество.

Порою аутист лишь чувствует это, не осознавая достаточно отчетливо, содержательно, но когда пытается искренне, творчески рисовать или писать, ему не хочется — во всяком случае, с годами — изображать жизнь реалистически. Реалистически (в принятом смысле) возможно изображать Материю, но Духовную реальность изображают либо откровенными символами (как Матисс, Кандинский), либо сновидно (как Боттичелли, Борисов-Мусатов, Крымов).

Аутистическое изображение философично, концептуально, напрягает мысль, требует разгадать это более или менее иероглифическое или прозрачно-фантастическое отношение автора к действительности, являющее собою (как нередко чувствует, понимает аутист) попытку рассмотреть какую-то частицу Всеобщего Духа.

Концептуальностью-теоретичностью проникается обычно и любовь замкнуто-углубленных. Это вовсе не значит, что аутистке, например, всегда достаточно жить в одиночестве одним духом влюбленности, мечтой о возлюбленном. Она часто стремится к нему и телесно, и тут может быть у нее высокая нежно-изощренная страстность. Однако зрелая замкнуто-углубленная женщина вряд ли рискнет сблизиться с любимым мужчиной, если есть опасность вообще потерять вследствие этого духовное общение с ним.

Склонность к символике, сказывающаяся, например, и в особом тяготении многих аутистов к «иероглифическим» пресмыкающимся, насекомым, кактусам, удивительно созвучна лептосомной (узкотелесной) символичности-геометричности, особой «прозрачности», красивой обескровленности их собственного тела, в котором нередко нет полнокровной телесности (Нефертити, знакомый многим образ молодой худой монахини с узким, символически острым, знаково-потаенным лицом и т. п.). Часто эта замысловато-символическая законченность, отточенность телосложения видится уже в грудном возрасте.

В манерности-геометричности движений замкнуто-углубленных людей сквозит прозрачная символика. Все это располагает диалектического реалиста, человека с естественнонаучным (не теоретически-аутистическим) мышлением, еще се-

рзнее думать о выразительной печати материального, телесного на наших духовных особенностях.

Даже кровоизлияние в мозг обыкновенно не разрушает, а лишь несколько упрощает аутистичность. И аутистичность ясно видится уже у замкнуто-углубленного малыша. Нет в нем обычной зависимости от взрослых и чувствуется удивительное присутствие потаенно-внутренней жизни.

Конечно же, аутист способен видеть людей, природу, так сказать, такими, какие они есть и на самом деле, но это ему обычно не интересно, это для него все не истинная, а «падшая» действительность (Бердяев, 1990, с. 35). Многие аутисты рассказывали мне, что высокая красота природы (например, осенних листьев) видится им как бы чуть отделенной от самих листьев, то есть видится Красота сама по себе, изначально-самостоятельная, «чистая», «символическая» Красота, с чувством, что «это мне посылается». Отсюда и предрасположенность к религиозности, к оккультизму. Реалист же видит-чувствует, как сама плоть дышит неотделимой от нее красотой. То есть для реалиста, чувствующего символы, сами вещи, сама плоть светятся этими символами. При этом и диалектическому реалисту созвучно положение Карла Юнга (1991): «Знак всегда меньше, нежели понятие, которое он представляет, в то время как символ всегда больше, чем его непосредственный очевидный смысл» (с. 51). То есть для аутиста символ — это знак, образ «оттуда».

Аутист-символист, таким образом, всегда, во всей своей повседневности теоретик — даже в бизнесе и в преступлениях. Теоретичность замкнуто-углубленного может обернуться в практических делах и делах зла невиданной увертливостью, цепкостью, ведущей к победам, и непредсказуемостью для реалистического соперника.

«Теорию», как и «гармонию», понимают обычно и широко, и узко. В широком смысле теория (в отличие от практики) — обобщение практики в научных положениях, учениях. В этом смысле можно говорить и о теоретических положениях, например, в экспериментальной физике, физиологии, клинической медицине, педагогике. Здесь обобщения возникают из экспериментов, клинического и педагогического опыта. Но в узком смысле теоретическое мышление — самособойное (из себя

самого), аутистическое, символическое развитие-усложнение мысли, как это происходит в теоретической физике, теоретической математике и т. п.

Так же и «гармония» в узком смысле (та гармония, о которой обычно говорят, что она Красота) есть именно аутистическая гармония, в сравнении с гармонией как соразмерностью вообще (например, в синтонно-сангвинической музыке Моцарта или Штрауса). Мысли, речь сложного замкнуто-углубленного человека проникнуты именно аутистической теоретичностью, аутистической гармонией, логикой, хотя, с точки зрения иного реалиста, все это может быть «мимо» реальности.

Замкнуто-углубленному трудно любить человека непосредственно — не через идею, концепцию, Красоту, не через Бога. В теоретичности главная сила аутистического ученого — математика, физика, астронома, конструктора. Поэзия аутистических художников обычно также напряжена мыслью, философичностью, часто религиозной (к примеру, Боттичелли, Вермеер, Тютчев, Лермонтов, Блок, Ахматова, Пастернак). Для аутистических юристов, правозащитников Право есть Бог — а иначе они не могли бы со всей душевной заботой защищать права и мерзавца-преступника.

Теоретичностью, символичностью, религиозностью души замкнуто-углубленных одухотворенных мыслителей (писателей, ученых) объясняется и их нередко красиво-суховатый, отрешенно-чувственный, нередко «готический» в своей сложной и нежной тонкости язык (язык Тютчева, Лермонтова, Фрейда, Короленко, Мережковского, Гессе, Швейцера, Ясперса, Леви-Стросса, Роджерса, А. Сахарова, Лихачева) — в сравнении с природно-реалистическим, одухотворенно-полнокровным языком мыслителей-реалистов (Гиппократ, Пушкина, Дарвина, Павлова, А. Чехова, Э. Кречмера, Ганнушкина).

В языке творческих аутистов больше мыслительно-духовного страдания-переживания, нежели душевно-реалистического наблюдения-раздумья, а значит, и меньше природно-этнографического, живой плоти бытия, характеров, больше универсально-человеческого. Национально-психологическая почва как бы осыпается здесь с отстраненно-теплых общечеловеческих символов, сплетающихся в Гармонию. Так, кстати, и в музыке Шаляпин противопоставлял аутистического фило-

софа Рахманинова напряженно-полнокровному Мусоргскому. Так, и кинорежиссер Тарковский на Западе на съемках, не зная английского, чувствовал Гармонию «мимо» языка. Нередко именно поэтому аутист склонен к единобожию и не склонен к язычеству, национализму (если, конечно, это не является содержанием его теории).

Если для Запада характерна мыслительная аутистичность, то для Дальнего Востока — аутистичность чувственно-образная (например, дзэн-буддийская), в которой атеоретичность становится прозрачной теорией. Между ними — неповоротливо-задушевно-реалистическая Россия, пронизанная контрастами, тревожно-сомневающаяся, в основе своей дефензивная, рассеянно-непрактичная, но с бездонно-психологическими нравственными исканиями в самых светлых своих умах.

Природная «теоретичность» замкнуто-углубленного скандинава проявляется и в его повседневной, бытовой жизни: в «теоретических» (с убежденностью) рассуждениях аутистической дамы о том, как «заполучить» мужа и как его удержать возле себя, как воспитывать ребенка, чем кормить и как печь роскошный пирог, как вообще питаться и жить, как лечить болезни (это совсем не ее профессия), строить дома (тоже не ее специальность). Или же замкнуто-углубленный, не будучи врачом, соблюдает долгие годы сложную «концептуальную» диету, измучивает ею близких и даже лечит этой диетой (необыкновенно трудоемкой приготовлением блюд) тяжело больных людей, отвлекая их от профессиональной медицинской помощи.

Николай Петрович Грушевский (1994) в своей хрестоматийной для врачей работе о том, как ведут себя на приеме у терапевта пациенты с разными характерами, пишет об аутистах: «Они обычно не излагают свои жалобы в порядке их появления, а «выдают» готовую схему болезни: набор симптомов и свои логические построения по поводу каждого из них. Причинно-следственные связи в этой схеме порой не выдерживают никакой критики» (с. 110).

В то же время разные теоретические гармонии (с разными системами взглядов) в двух аутистах могут жестоко ссориться друг с другом. Вообще, как «теоретики», многие аутисты без дефензивности (переживания своей неполноценности)

убеждены, что во всем сведущи, и нередко на этой почве возникают семейные и служебные конфликты.

Замкнуто-углубленный как истинный теоретик или истинно верующий все несогласное с его теорией, религией склонен считать неверным. Не отличаясь способностью к теплой земной благодарности, многие (особенно недефензивные) аутисты без реальных оснований убеждены, в соответствии со своей внутренней теоретической концепцией, что кто-то, способный к этому, должен о них заботиться, устраивать им благополучную жизнь. О таком человеке говорят обычно: «Будто все ему должны, а он — никому».

В аутистических «кружевах» замкнуто-углубленного может быть само собою, без внешних реальных поводов, записано такое, о чем трудно догадаться реалисту, на которого он сердит, считая его почему-то обязанным себе чем-то, подозревая его в чем-то ужасном по отношению к себе. Так, аутистической женщине бывает довольно своей собственной влюбленности в мужчину, чтобы с убежденностью полагать, что она имеет на него полное право.

Эта будничная «теоретичность» может быть весьма оригинальной у достаточно умных аутистов, вырождаясь в резонерство, «мудреж» у примитивных, подобно тому как у примитивного психастеника творческие сомнения вырождаются в занудство.

Аутистической гармонией-теоретичностью объясняется и врожденная аккуратность замкнуто-углубленного ребенка, расставляющего свои игрушки в строгом и красивом порядке, следящего за тем, чтобы и домашние предметы лежали строго-красиво на своих местах.

По причине своей теоретичности, мешающей практически живо чувствовать обстановку, отношение к себе людей, многие замкнуто-углубленные, но в то же время внешне разговорчивые гости все не уходят из какого-то дома, где они уже давно в тягость хозяевам. Или приходят туда, где их не хотят видеть, с убежденностью, что их там любят. Или, например, требуют денег за какую-то несложную хозяйственную помощь у близкого им человека, или торгуются с ним, покупая у него книгу (все это — для соблюдения своего теоретически-гармонического порядка).

1. О характерах людей
По этой же причине не
шизонд, не сумевший твор
тичность и не защищенны
жерей» или практичны
ление жалкого «мудритель
ни. Неспособный толком
делам-работам (они не вх
прозябает на воде и хлеб
гербариями, тетрадами с
насмешками соседей.

Или видим аутистичес
ливыми лицом и фигурой,
торая раздраженно-серд
столько лет одинока, поче
тым мужчиной: ведь она т

Заключенный душой в
человек нередко быстро и
этому кружеву конструкци
ного языка, но, будучи да
точности нравственного ч
бенно реалистов) своей б
ких и сослуживцев, не вед

Мышление сангвиниче
реалистов часто представл
приземленно-убогим, как
как размышления Дарвина
ны издеваться многие зам
монстративного (истериче
жать их аутистичности, си
ве, тут же едко-жестоко
«аутистичности».

Теоретичность (проник
ми на все случаи жизни с и
самостью от людского мн
ному не беспокоиться о сво
вой, с точки зрения реалис
нераществе, то в подчеркн
необычно-пикантной о
дать в сказочной

По этой же причине не так редко интеллигентный сложный шизоид, не сумевший творчески удачно применить свою аутистичность и не защищенный, например, профессорской «оранжереей» или практичной, любящей его женой, создает впечатление жалкого «мудрилы», беспомощно заблудившегося в жизни. Неспособный толком к простым для многих практическим делам-работам (они не входят в его гармонию), он буквально прозябает на воде и хлебе, одинокий, безбытный, со своими гербариями, тетрадками стихов, отвергаемый редакциями, под насмешками соседей.

Или видим аутистическую пожилую даму с обезьяно-уродливыми лицом и фигурой, в странных фиолетовых чулках, которая раздраженно-сердито недоумевает, почему она уже столько лет одинока, почему же не вместе с интересным богатым мужчиной: ведь она так привлекательна.

Заклученный душой в свое аутистическое кружево, такой человек нередко быстро и с интересом схватывает созвучные этому кружеву конструкции, внутренние концепции иностранного языка, но, будучи даже весьма утонченным, от недостаточности нравственного чутья (с точки зрения многих, особенно реалистов) своей бестактностью обижает-ранит близких и сослуживцев, не ведая, что это происходит.

Мышление сангвинического и тревожно-сомневающегося реалистов часто представляется аутисту примитивно-смешным, приземленно-убогим, как философия Фейербаха и Энгельса, как размышления Дарвина и Э. Кречмера. Но особенно склонны издеваться многие замкнуто-углубленные над людьми демонстративного (истерического) склада, пытающимися подражать их аутистичности, символичности, например, в искусстве, тут же едко-жестоко обнаруживая «показушность» их «аутистичности».

Теоретичность (проникнутость собственными концепциями на все случаи жизни с известной отгороженностью-независимостью от людского мнения) помогает замкнуто-углубленному не беспокоиться о своей внешности (иногда даже уродливой, с точки зрения реалистов), пребывая то в вяло-небритом неряшестве, то в подчеркнуто-утонченной изысканности, то в необычно-пикантной оголенности. Вот выходит человек погулять в сказочной для двора узкой шапке с длинным козырь-

ком, слушая из плеера через наушники музыку Баха, с отрешенным лицом, с длинной таксой на поводке, тоже готически замысловатой своим телом. Другой аутист любит свои или чужими патологическими кожными высыпаниями, как красивой тканью.

Именно потому, что у аутистического психотерапевта нет природно-реалистической способности непосредственно душевно-живо сопереживать своему пациенту, он нередко и учится этому теплоте сопереживанию (эмпатии) теоретически-технически.

Высокой аутистически-одухотворенной нравственностью, красотой наполнены иконы Рублева, картины Боттичелли, Вермеера, музыка Баха, Листа, стихи Тютчева, Гумилева, Пастернака, Ахматовой, Бродского, работы Канта, Швейцера, Ясперса, Бердяева, Флоренского. Но если философия многих реалистов (особенно тревожно-сомневающих) сама по себе, без доказательств, нравственна, то здесь, скорее, речь идет о философии (о теории) нравственности.

И все же два таких разных человека, как одухотворенный психастеник (тревожно-сомневающийся) и одухотворенный аутист (замкнуто-углубленный), способны тонко, глубинно проникнуться друг к другу, созвучные именно в высокой своей духовности. Хотя при этом для замкнуто-углубленного Духовность есть чувство Бога в себе, посылаемое ему. Охватившее его чувство Гармонии, сладкого растворения души в Космосе и есть для него доказательство Бога. А для другого, тревожно-сомневающегося, Духовность есть вдохновенное реалистическое размышление о самых высоких, но земных, природно-человеческих переживаниях — переживаниях Красоты, Гармонии, Смысла, Совести, Судьбы, Творчества, Ответственности — то есть того, с чего у аутиста начинается религиозное или экзистенциальное переживание. Но для этого начала необходимо аутистическое чувство, что и Гармония, и Смысл, и другие экзистенциалы существуют изначально и посылаются извне. Так же и произведения искусства, как всякое Творчество вообще, в соответствии с аутистическим мироощущением, есть послание Божественное, то есть то, что выше всего земного.

Аутистическая безнравственность происходит, в отличие от, например, психастенической, не от зловредно-тревожной перестраховочности, болезненного чувства ответственности, а от той же аутистической, порою одухотворенной, «теоретичности», оправдывающей своим кружевом умозаключений и кровавые революции, и фашизм. Сангвиническим революционным практикам — Дантону, Ленину — противостоят по своим иным (хотя и тоже кровавым) манерам аутистические («теоретические») практики революции — Робеспьер, Фуше, Бухарин. Таким образом, аутистическая безнравственность тоже витиевато-теоретична в большом и малом.

Мы можем говорить здесь о безнравственности, понятно, лишь с точки зрения реалиста. Со своей же аутистической точки зрения, замкнуто-углубленный, губящий за теоретическую идею жизни тысяч людей, и себе самому пожелает погибнуть за эту, нередко отстраненную от земного тепла-добра, концепцию, потому что она для него выше жизни. Благодаря этому видим, что понятие нравственности не есть понятие общехарактерологическое-общечеловеческое: оно личностное, сообразное складу души.

Мировое Добро держится прежде всего той одухотворенно-нравственной аутистичностью, которая ценит превыше всего человеческую жизнь, и реалистически-теплым, трезвым большинством, хотя и оно может по временам хмелеть-гипнотизироваться идеями Зла.

В «малом» безнравственном (с точки зрения реалистов) замкнуто-углубленная молодая «научная» женщина, также сообразно своей аутистической концепции, «для здоровья» сближается на час с «сексуальным террористом», «грязным пиратом», чтобы тут же, освободившись от чувственного голода, забыть о нем и не обращать на него при встрече внимания, платонически благоговей перед старцем-профессором, своим научным руководителем. Она же, при всей колкой застенчивости за легкими готическими очками, свободно-открыто говорит в компании интеллигентных людей о потаенных подробностях интимной жизни, потому что это включено в ее концептуальное кружево. И чувственно-жаркая телесная близость здесь (в противовес тревожно-сомневающемуся с его вяловатой, «трезвой» чувственностью, но и реалистически-лирической, обостренно-нравствен-

ной ответственностью за свои поступки) нередко слишком мало значит в сравнении с близостью духовной.

Как и толстовский Каренин, сегодняшний аутист обычно отбрасывает все, что не согласуется с его изначальной, внутренней аутистической системой-кружевом, и разрешает что угодно за занавесом соблюдения формальных правил-формул. Эта система-кружево есть для него частица Красоты, Гармонии, Бога в нем самом, и это — главное, это залог его духовного бессмертия и спокойствия.

Не смерти, не болезни обычно боится сложный, зрелый аутист, а своего духовного несовершенства перед смертью. В духовном росте-совершенствовании — главная потребность-задача его души, гнездящейся на время жизни в телесном «приемнике». Многие аутисты, особенно в старости, ясно чувствуют эту способность своей души уже понемногу как бы отделяться от слабеющего бренного тела, дабы вскоре уже торжественно-светло вступить в жизнь Вечную. При этом аутист может быть великим атеистом, как Фрейд, предложивший вместо религиозной «иллюзии» свою иллюзию пансексуализма, сексуальности, о которой говорил с волнением, как об особой «духовной силе», — как вспоминал об этом Юнг (1994, с. 157).

Из всех реалистов к замкнуто-углубленному (аутисту, шизоиду) ближе всего по духу, по-видимому, как отмечено уже выше, все-таки тревожно-сомневающийся (психастеник). Оба они, особенно же в интеллигентской своей глубинной усложненности, более всего ценят духовное, экзистенциальное движение в человеке и все то, в чем оно может обнаружиться: в письме, стихотворении, карандашном рисунке и т. п. Сангвиники, живущие в основном ощущениями, воспоминаниями ощущений, обычно, заботясь о чистоте квартиры, гораздо легче расстанутся со старыми бумагами, письмами ушедшего навсегда близкого человека.

Иным аутистам (шизоидам) люди почти и не нужны — Природа наполнена для них символами, помогающими радостно чувствовать себя собою. Иные же замкнуто-углубленные (шизоиды) жадно тянутся к людям и часто не находят в непосредственном общении с ними желанного глубокого созвучия, страдающая в пожизненных поисках такой встречи.

Парадоксальность, непредсказуемость мыслей, чувств, поступков замкнуто-углубленного, шизоида (парадоксальность, конечно же, — лишь с точки зрения реалиста) объясняется аутистичностью, как и кречмеровская «психестетическая пропорция». Существо этой пропорции психической чувствительности (*aesthesia* — чувство, греч.) — в переплетении в душе аутиста обостренной чувствительности с бесчувственностью-холодностью, что может, например, выразиться в кровавой жестокости, переплетенной с пламенной влюбленностью, в божественной нежности, в испепеляюще-неземной страсти Нефертити, в одухотворенно-безоглядной жертвенности, пожизненной волшебной-платонической влюбленности, но только не в реалистической деятельно-земной теплоте-добrote.

Для аутиста подчас крыло бабочки значит неизмеримо больше, нежели земные переживания его близких, именно потому, что волшебный, нежнейший рисунок на этом крыле сотворен для него предопределением Духа и созерцание крыла есть общение с Божественным. Вообще, если сангвиник и тревожно-сомневающийся умиляются в животных и растениях тем, что делает их похожими на человека, то замкнуто-углубленный нередко рассматривает в них звучание Космоса.

Верующий человек замкнуто-углубленного склада именно аутистичностью чувствует-знает Божий Промысел и, например, без сомнения объясняет им библейскую полынь, черноту, как предзнаменование сравнительно недавней Чернобыльской катастрофы. Подлинным доказательством Бога считается переживание (опыт) светлой встречи с Ним (и не только во время литургии), то есть то самое особое, светлое, аутистическое переживание вдохновения, с чувством известной самостоятельности, изначальности этого переживания, посылаемости его извне. Вдохновенный же психастеник ощущает свое вдохновение как свечение изначальности из себя, из своего тела, саморазвивающейся (по своим закономерностям) стихийной Материи-Природы, без Предопределения-Цели. Нередко аутист и считает свою природу более совершенной (нежели у реалистов) для улавливания Божественного, а реалист-атеист полагает все это «дурманом-сказкой о бессмертии», помогающей верующему человеку умереть без возможного трагического отчаяния.

Любовь замкнуто-углубленного может быть сложно-одухотворенным переживанием аутистически-идеального образа возлюбленной в душе, который также как бы посылается, несет Божественный свет в себе. Образ этот соприкасается то с одной, то с другой реальной женщиной, каким-то созвучием отвечающей этому образу, и нередко нет тут подлинного чувства вины за измену жене, потому что это любовное переживание происходит как бы свыше, посылается Великой Целью, оно священо, как переживание, чувство Александра к Марии в «Жертвоприношении» Тарковского, как чувство Юрия Живаго к Ларе в «Докторе Живаго» Пастернака. Или, случается, пожилой аутист изменяет своей бездетной жене, потому что считает своим жизненным долгом произвести на свет ребенка, пусть от другой женщины.

Одна замкнуто-углубленная женщина жестоко мстит своей сопернице, жене возлюбленного, вывешивая на бельевой веревке для сушки на своем балконе напротив ее балкона ползунки — будто у них уже есть свой ребенок. Другая готова, страдая от ревности, самоотверженно, с нежностью отдать любимого мужа сопернице, чтобы ему было с этой женщиной еще лучше, чем с нею. И все это записано-выткано в их сложно-аутистических душевных кружевах.

Ранимое колкое самолюбие, переживание своей неполноценности может порождать в замкнуто-углубленном панцирь-защиту в виде стеклянной неприступности, вежливой церемонности, или серой злости, или разнообразных улыбающихся клоунских масок.

Особым рисунком своего аутистического кружева замкнуто-углубленные часто трудно вписываются в обычный коллектив, хотя подчас и способны формально-живо общаться. Не могут они обычно безболезненно-мягко приспособливаться к людям (в том числе и к иным аутистам), разнообразным делам-работам, учебным занятиям, к домам, улицам, местам природы, не созвучным им, не помогающим чувствовать себя собою, не смягчающим этим душевную напряженность.

Однако ко всему, что созвучно, творчески целительно, аутист тянется и способен здесь, в какой-то своей нише, нередко на благородно-высокое, одухотворенное, глубинно-нежное, мудрое. И если понимать, в чем именно состоит требу-

1. О характерах людей
...ющее своего развития
ста и на что он не спосо
надо от него этого т
любить его.

Демонстративный ха

Клинически вырази
ей патологической (п
ческий психопат, или
ным (1909, 1933).

Существо демонс
ности увлеченным п
толюбие, тщеславие
здесь более или мене
теснительной защит
угодно своим желани
реальность, вытолкну
неприятное событие
стоянии критически
время сбоку.

Вообще сильная в
ключает глубинность
чит, серьезную спосо
Этой вытеснительно
чувств, существенно
воположные стороны
может быть и глуп, и

Так, ухаживая за бо
ным» занятием, истер
этого беспомощного ч
кую» судьбу сиделки,
чистым сердцем, бла
мужу, причитает-рыда
век терпеливо за ним
ной своей бестревожн
лезней: все могут им
только не она. С

ющее своего развития духовное богатство конкретного аутиста и на что он не способен по природе своей (а значит, не надо от него этого требовать), то возможно восхищаться им и любить его.

Демонстративный характер (истерик)

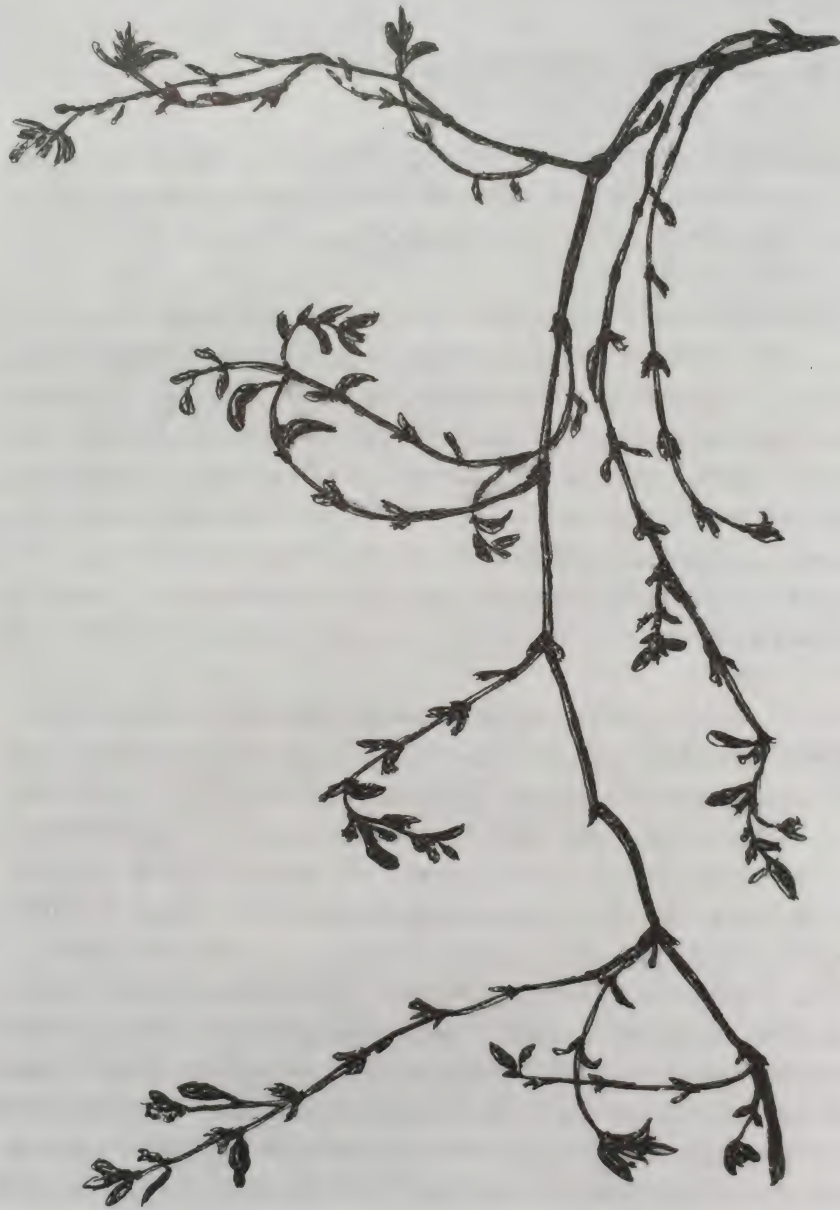
Клинически выразительно, в естественнонаучном духе, в своей патологической (психопатической) выраженности (истерический психопат, или истерик) этот склад описан Ганнушкиным (1909, 1933).

Существо демонстративного склада (радикала) — в склонности увлеченным позированием тешить свое уязвимое честолюбие, тщеславие. Такое получается благодаря обычной здесь более или менее красочной чувственности с богатой вытеснительной защитой. Красками воображения возможно, угодно своим желанием, невольно-бессознательно исказить реальность, вытолкнуть своей живейшей самовнушаемостью неприятное событие из сознания в бессознательное, не в состоянии критически, объективно посмотреть на себя в это время сбоку.

Вообще сильная вытеснительная защита практически исключает глубинность-сложность мысли, переживания и, значит, серьезную способность критически относиться к себе. Этой вытеснительной зависимостью мыслей, взглядов от чувств, существенно поправляющих, изменяющих в противоположные стороны мышление, демонстративный человек может быть и глуп, и тоже по-своему счастлив, защищен.

Так, ухаживая за больным мужем, недовольная таким «гнусным» занятием, истеричка поминутно упрекает, оскорбляет этого беспомощного человека, жалуясь вслух на свою «горькую» судьбу сиделки, а через несколько дней на его могиле, с чистым сердцем, благополучно вытеснив прежние упреки мужу, причитает-рыдает так, будто готова была бы еще целый век терпеливо за ним ухаживать. Сама же она от инфантиль-век терпеливо за ним ухаживать. Сама же она от инфантиль-ной своей бестревожности не боится никаких страшных болезней: все могут ими заболеть, но только не она; все умрут, но только не она. Сангвиничке, так же склонной к вытеснитель-

1. О характерах людей

1 О характерах людей

ной эмоционал
не дает так на
ное, травмиру
Позирован
ставляться, п
ми, порою даж
стративность)
телодвижения
себя) поведен
чересчур кор
как раз нужн
Позирован
но «приукра
серьезную. З
но, конечно,
ческое кокет
ки, утонченн
тов синтон
естественно
если порою и
стью) прони
да замкнуто
ной, истерич
цельности-гл
цин, таящей
и поза, драп
бокого, слож
ственности
ственного. И
а то и со «ст
чающего ка
ства. Сангви
хастеническ
тественност
истерическа
Холодно
напряжена б
ей особе, зав
сведущие лю

ной эмоциональной защите, изначальная тревожность все же не дает так надежно-искусно вытеснять из сознания неугодное, травмирующее.

Позирование (демонстративность) — суть стремление выставляться, привлекать к себе внимание неприкрыто-внешними, порою даже крикливыми средствами. Позирование (демонстративность) сказывается не только в особых, позирующих телодвижениях, но и в вызывающем (властно выставляющем себя) поведении, в слишком яркой одежде, или, например, в чересчур короткой юбке при очень толстых ногах, которые как раз нужно бы прятать.

Позирование сказывается и в стремлении демонстративно «приукрашивать», преувеличивать свою болезнь, даже серьезную. За истерическую позу (демонстрация) возможно, конечно, принять и приятное многим милое сангвиническое кокетство, синтонную яркость одежды и косметики, утонченно-мягкую живую демонстративность портретов синтонного Кипренского — но это все дышит естественностью, непосредственной радостью жизни, даже если порою и грубовато. Аутистичностью (концептуальностью) проникнута вычурно-экстравагантная «поза», одежда замкнуто-углубленного (шизоидного) человека. В истинной, истерической, позе нет синтонной или аутистической цельности-глубинности, психастенической гиперкомпенсации, таящей в себе изначальную неуверенность. На то она и поза, драпировка, что не имеет под собою достаточно глубокого, сложного переживания, естественной (теплой) чувственности или символически-духовного, сказочно-божественного. Истинная поза демонстративного холодновата, а то и со «стервозинкой», ниточкой колкого холодка, отличающего капризное жеманство от милого теплого кокетства. Сангвиническая типичная женщина-«крошка» и психастеническая женщина-«кисель» всегда теплее своей естественностью или неуверенностью, чем холодноватая истерическая «львица».

Холодноватость демонстративного человека может быть напряжена болью непризнанности от невнимания людей к своей особе, завистливостью, эгоистичностью. Очень многие несведущие люди верят в душевные сложные богатства демонст-

ративных (истериков), в глубину их восторгов не только тогда, когда эти демонстративные — актеры на сцене, но и в повседневной жизни, когда они, например, по известному выражению аутистически-язвительного к истерикам Карла Ясперса (1913; 1997, с. 538), невольно стремятся переживать больше, чем способны пережить. Это, конечно же, есть проявление душевной незрелости (инфантилизма — вечного детства), как и многое другое в таком человеке.

Душевный инфантилизм сказывается не только склонностью ко всяческому позированию, стремлением приукрасить свои переживания, показаться загадочно-необыкновенным, но и в неспособности достаточно глубоко и сложно думать-анализировать при бунинской красочной образности, в способности ярко-пряно, красочно-воспаленно чувствовать-ощущать. Наконец, высокая внушаемость ребенка или незрелого взрослого несет в себе стихийное несовершенное противоядие-защиту от себя самое в виде бессмысленного упрямства. Многие из демонстративных (истериков) способны и в детстве подробно-живо *подражать* серьезным людям. Этим они *кажутся* преждевременно взрослыми.

Демонстративные (истерики), случается, представляют и аутистические переживания, поведение. Замкнуто-углубленные, однако, как отмечено выше, обычно тут же, с язвительными улыбками, разоблачают эту демонстративную псевдо-аутистичность.

Некоторые демонстративные (истерики) так назойливо, с массой извинительных предисловий, демонстрируют свою «застенчивость», «совестливость», что неразбирающиеся в характерах люди принимают это за чистую монету болезненно-нравственного переживания. Даже большим горем (например смертью единственного ребенка) истеричка нередко «депрессивно»-демонстративно упивается или трагически-томно смакует его, как дорогое вино. Истеричка может искусно лукаво играть-лгать о мучительной для нее бедности, как теккереевская расчетливая лжица Ребекка Шарп («Ярмарка тщеславия»), или грубовато-жалобно притворяться безмерно несчастной, как чеховская «слабая, беззащитная» старуха Мерчуткина, которая «кофей сегодня пила и без всякого удовольствия» («Юбилей»).

Трудно говорить о мироощущении демонстративных, поскольку оно тоже здесь основано на самовнушении, способности верить в то, во что хочется верить, оно декоративно (от мистики до вульгарного материализма), в соответствии с возможностью восхитить, удивить или даже разозлить зрителей, читателей, которыми для такого человека становятся, в сущности, все окружающие его люди и даже он сам. Вообще о мироощущении здесь можно говорить так же условно, зависимо от обстоятельств, как и о мироощущении детей. Как и дети, демонстративные (истерики), за некоторыми исключениями, есть народные сказочники, язычники, неспособные к сложным духовно-абстрактным представлениям-переживаниям Бога, к сложному философскому идеализму.

Встречаются иногда демонстративные (истерики), создающие впечатление мудрых, утонченно-сложных, живущих внутренней потаенной жизнью, даже малоразговорчивых людей. Однако это только впечатление глубины, обнаруживающее их способность играть и сложные роли, прикрываясь при этом цитатами, наукообразными (в науке) или просто заимствованными словами, и даже малословием, которое тоже может быть позой. Чуть заговорит такой человек по-своему (не по роли) — и исчезает впечатление самобытности, духовной сложности, анализа. Ничего порою тогда не остается, кроме банальностей, «умных» очков и напыщенно-важной гримасы на лице.

Но многим демонстративным присущи красочная образность, поэтичность, юношеский лиризм. Тут могут быть по-своему лирически-томные эстрадные таланты (Вертинский), элегантно позирующие поэты (Северянин), живописцы, на великолепных картинах которых все и вся постоянно красиво позируют, даже погибая, как на брюлловском полотне «Последний день Помпеи».

Есть среди демонстративных (истериков) и немало людей чувственно-расчетливых, холодновато-капризных в своей загадочности. Они, например, жестковато прекращают отношения даже с близкими родственниками, если те уже не входят по каким-то причинам в круг их карьеристических интересов.

Все же, как и большинство детей, демонстративные (истерики) по природе своей есть чаще реалисты-чувственники.

Вспоминаю, как одна истерическая дама в группе творческого самовыражения, сравнивая «Спящую Венеру» Джорджоне с «Рождением Венеры» Боттичелли, выбрала как созвучную себе первую картину и сказала с убежденностью, что вот главное в жизни, то есть «хлеб», а остальное, всякие там поэтические тонкости — это уже потом. И в старости писатели истерического склада обычно продолжают писать так же чувственно-реалистически, как в юности, без одухотворенности-анализа. Даже если они гениальны своей юношеской чувственностью, как Бунин и Фет.

Безнравственные истерики (психопаты), дабы как-то звучать на сцене жизни, иметь зрителей, поклонников, клеветуют и вершат в разных размерах геростратово зло, плетут интриги, пишут анонимки, наказывая так (порою жестоко) за невнимание к ним или насмешки.

В молодости многие из демонстративных (истериков) удивляют, особенно сверстников, живостью мысли, чувства, богатой памятью, сообразительностью. В юноше трудно бывает усмотреть на всем этом налет истерической театральности, отсутствие подлинной, углубленной самобытности. От них многого ждут в зрелости, а продолжается все та же юношеская живость-театральность-капризность, соединенная обычно с довольно высоким, «пожизненным» «юношеским» сексуальным влечением, что побуждает к бурному сексуальному разнообразию с последующими житейскими неприятностями. Однако красочное вытеснение неуютного из сознания, способность уверить себя, что это все необходимо для творчества, здоровья и т. д., — освобождает демонстративного (истерика) от чувства вины перед тем, кто им оставлен и мучается. Чувство этих мужчин и женщин нередко внешне мягкое, нежное, теплое, красивое, но, если присмотреться, — детски несложное-неглубокое, навсегда незрелое, подернутое колко-капризным прозрачным холодком. Телосложение может быть детски миниатюрным, а может быть и весьма грузным, с ранней лысиной, но душа неумно-юношеская, любвеобильная — вплоть до insultов в дряхлости.

Любвеобильность у истерических женщин нередко бывает лишь внешне-театральной, флиртовой, без способности упоенно-чувственно соединиться с возлюбленным. Эту утонченную, тронутую красивым ледком эротическую игру холод-

ной (фригидной) истерички с замечательным проникновением изобразил Мопассан в романе «Наше сердце». Но ведь в этом и трагедия такой, в сущности, несчастной женщины.

Демонстративные (истерики) — всегда вечные дети (юноши) неустойчивостью, капризностью своих чувств (легкочувствием), сравнительным легкомыслием, пылкой образностью, стремлением «выставляться», быть в центре внимания, склонностью к бессмысленному упрямству от высокой внушаемости, к юношеской картинной пессимистичности. Потому и нетрудно (обычно!) расположить к себе такого человека, сердитого за что-то на нас, восхитившись им в том, в чем, действительно, возможно искренне сказать ему это доброе. И тогда многие из них смягчают, добреют, даже те, в ком ясно проглядывает чувственно-хищное.

Так часто клянут демонстративных, смеются-потешаются над ними. Но ведь многие из них приносят людям прекрасные (в том числе и целебностью своей) театральные, эстрадные, поэтические, живописные радости, освежают вечной детскостью, учат живым подробностям чувственной жизни, замечательным именно своей несерьезностью-незрелостью. А дефензивные демонстративные (истерические) женщины способны на сцене жизни на незаурядное самопожертвование ради повседневного спасения тяжелого алкоголика-мужа или душевнобольного родственника, если, конечно, знакомые, близкие постоянно восхищаются их небывалым подвигом, редким терпением и т. д.

Неустойчивый характер (неустойчивый психопат)

Характер, родственный демонстративному (истерическому) более или менее сложной, тонкой природной незрелостью, классически описан также Ганнушкиным (1933).

Существо неустойчивого склада — в той же «пожизненной» инфантильности (точнее, ювенильности — вечной «юношескости»), но с преобладанием душевной неустойчивости в переживаниях и поступках, порожденной детско-юношеской поверхностностью мышления, чувствования наряду с юношески обостренным сексуальным влечением. Здесь нет истерически-

М.Е. Бурно

1. О характерах людей
демонстра
задушевы
Незрел
некоторых
пример. в
интеллиген
чтобы прос
научный со
ной его зар
ет крутить
теперь мен
лом. Это ск
но духовно
грубой жи
Истинн
детской не
ства родно
и т. п. К пр
посмотрел
родился. К
вновь, да
ки-поэтич
воспомин
«Роман б
нински не
Это и поб
даже кра
мнительн
дение, пер
поскольк
туральна
тивных, к
Слаба
ния, руко
шеской о
таких лю
воровств
Побуж
дры по по

1. О характерах людей

65

демонстративной холодности, стервозинки — есть мягкость, задушевный лиризм.

Незрелость эту не следует путать с мнимой незрелостью некоторых аутистов или психастеников. Она проявляется, например, в том, что хрупкий телом, здоровьем аутистический интеллигент жалеет, что не догнал ограбивших его бандитов, чтобы просто посмотреть им в глаза. Или психастенический научный сотрудник жалуется начальству, что по причине скудной его зарплаты жена стала посылать его на рынок, заставляет крутить на кухне мясорубку, чистить картошку, и у него теперь меньше времени дома для работы за письменным столом. Это скорее беспомощность-непрактичность отрешенных, но духовно сложных людей, беспомощных перед реальной, грубой жизнью.

Истинная незрелость все же сказывается прежде всего в детской недоразвитости исконных человеческих чувств: чувства родного к своим детям, элементарной тревоги за близких и т. п. К примеру, когда взрослого человека трудно затащить посмотреть хоть раз на маленького ребенка, который от него родился. Или глянет, но нет отцовского желания увидеть сына вновь, даже детский страх этого при возможном романтически-поэтическом переживании по этому поводу (см. известные воспоминания в таком роде Анатолия Мариенгофа о Есенине «Роман без вранья»). При чем сердце, действительно, по-есенински не лжет, поскольку легко верится в собственную ложь. Это и побуждает неустойчивых искренне оправдывать, иногда даже красиво обосновывать всякое свое непристойное или сомнительное желание и тут же выполнять его. Подобное поведение, переживание нельзя назвать естественным (синтонным), поскольку естественность, даже примитивная, естественна (натуральна) в своих материнских, отцовских и других инстинктивных, исконно теплых человеческих чувствах.

Слабая способность неустойчивых сдерживать свои желания, руководить ими, при живой чувственности, вечно юношеской остроте влечений объясняет высокую податливость таких людей, особенно в молодости, к пьянству, наркотикам, воровству, бродяжничеству и т. п.

Побуждают к этому и расстройства настроения в виде хандры по поводу несбывшихся романтических надежд, по поводу

старения организма, которое так расстраивает уже в молодости: «Все прошло. Поредел мой волос» (Есенин). Когда у душевно достаточного сложного человека нет глубинной, духовной зрелости, единственной ценностью навсегда остается чувственно-романтическая молодость и главным переживанием — переживание ее увядания. Это переживание может быть и по-есенински прекрасным.

Романтичность как склонность-умение приукрашивать действительность, являть в ней некую свою позу может быть аутистической (поэт Жуковский), синтонной (Кипренский, З. Серебрякова), «эндокринной» (поэт Кузмин, художник К. Сомов), «демонстративной» (Энгр, Делакруа, Брюллов, Семирадский, Бунин) и лирически-неустойчивой (Есенин). Последняя всегда теплая, грустная, но в известной мере внешняя, «выставочная», без аутистической концептуальности и сангвинической естественности-цельности. Эта нестойкая мягкая театральность может пьянить своими чувствительными, юношески-лирическими красками. Она не содержит в себе истерической изошренно-картинной прохладной чувственности и действует детски-щемящей незащищенностью, трогательно-искренней языческой дружбой с Природой, дружбой, возможной лишь в беспомощном образном детстве.

(смешанные (мозаичные) характеры

Циклоид может быть психастеноподобным, истерик — шизоидным (аутистоподобным), аутист — сангвиноподобным. Вообще разновидности характера могут быть всякоподобными, но это подобие есть лишь «наслоение» на исконное характерологическое «ядро».

О смешанном (мозаичном) характере, думается, следует говорить, когда смешиваются кусками сами ядра, радикалы. Смешиваются же они, например, вследствие наследственно огрубленной природной закладки характера или вследствие какого-то органического повреждения (механического, инфекционного, интоксикационного, радиационного) этой закладки в утробе матери или в младенчестве, то есть еще до того, как в самых общих чертах сложился характер (к двум-трем годам

О характерах людей

жизни). Мозаика характера может причиняться шизофреническим (шизотипическим), эпилептическим процессами и в детстве, и в зрелые годы. Мозаика характера может быть и результатом тонкой врожденной эндокринной «переслойки» с необычной или обычной сексуальностью. Нередко во всех этих случаях какой-то характерологический радикал, не являясь единственным ядром личности, все же преобладает над теми радикалами, с которыми перемешивается.

В случае душевного здоровья мозаика характера (в отличие от тоже здоровой акцентуации характера), как правило, обусловлена смещением невыразительных (не заостренных) характерологических радикалов (нет отчетливого характерологического рисунка).

Далее — варианты мозаичной патологии или акцентуации.

Грубоватый характер (в патологии — органический психопат)

Природу его составляет врожденный или рано приобретенный органический изъян.

Отсюда органическая (анатомическая) огрубленность тела, мозга и, значит, души. Грубоватый — это и значит в широком смысле органический.

Сюда относятся, видимо, многие описанные Ганнушкиным (1933, 1964) «антисоциальные психопаты» и «конституционально-глупые». В XIX веке Бенедикт Морель называл этих людей дегенератами (вырождающимися) — см. об этом у Ю.В. Каннабиха (1929). Органических психопатов классически описала Груня Ефимовна Сухарева (1959).

Органическая огрубленность тела обнаруживается сравнительно мягкой телесной грубоватостью простолюдина или более или менее яркими телесными диспластическими (нарушенная, огрубленная закладка) признаками. Это необычно низкий (ниже 120 см) и необычно высокий (выше 195 см) рост (карлики и гиганты), асимметрия, разнообразные неправильные формы тела: так называемый башенный череп, ягодицеобразный череп, резкое преобладание мозгового черепа над ли-

цевым, так называемый седловидный нос, массивная нижняя челюсть, многоярусные зубы, «ухо фавна», ладьевидная грудь, добавочные рудиментарные молочные железы, врожденное ороговение кожи, чрезмерная волосатость, чрезмерная мускулистость и т. д. Подробно об этом у Х.-Б.Г. Ходоса (1984).

Отдельные, единичные подобные признаки могут быть рассеяны в телах разных характерами людей (особенно у психопатов). Здесь же присутствует типичный «букет» таких особенностей. Эти диспластические признаки, «признаки вырождения» (по-старому) у одних имеют зловещую, безнравственно-гангстерскую окраску, у других овеяны деревенской добротой.

Органическая душевная огрубленность в психопатических случаях сказывается в грубоватой возбудимости-взрывчатости, слабой способности сдерживать свои примитивные желания-порывы (бестормозность). Или это органическая инертность, при которой человек долго раскачивается, но, раскачавшись, нескоро успокоится.

В личностной картине здесь перемешиваются разнообразные радикалы, но все они огрублены; в мышлении, переживаниях нет тонкости, стройности, а есть простоватость или недисциплинированность, неряшливость, вязковатость. Эмоции нередко ходят тут ходуном, грубо вытесняя из сознания неприятное, выставляя таких людей, особенно в состоянии душевной взволнованности, нелепыми дураками, не критичными к своему глуповатому поведению, неприличным анекдотам в обществе. Злость, сердитая авторитарная напряженность, всегдашняя у напряженно-авторитарного (эпилептоида), подозрительность, обидчивость чередуются здесь с простодушием, глуповатой беспечностью, благодушием.

Нередко такой человек от преобладания в данный момент (по настроению) того или иного радикала представляется то глупым, то властно-жестоким, то тревожно-робким. Но патологической слабости обобщения, то есть клинического малумия (олигофрении) здесь нет. По временам он душевно собирается и производит впечатление человека весьма интеллигентного, чтобы вдруг, вспыхнув, опять удивить своей «слабоумной» выходкой, подтвердив то, что обычно говорят о нем: «умный, умный, а дурак». В голове порою каша («в огороде бузина, в Киве — дядька»), навязчиво-некритически пристаёт в поезде к

незнакомым пассажирам с нетактичными вопросами об их жизни, а наряду с этим не только дом топором построит, но и телевизор починит.

Грубоватые люди (органические психопаты) могут быть победоносно-безнравственными, в том числе, смазливymi, кукольными, ангельски-порочными с органически-огненными всплесками из глаз (или это «урка-клоун» без малейшей способности сочувствовать другому человеку). И могут быть нестигаемо-нравственными. Среди них немало и добрейших, грубовато-застенчивых, смекалисто-благородных, доверчивых Иванушек-дурачков. Одни из грубоватых — безнравственные бандиты, другие, нравственно-агрессивные благородные защитники потерпевших, рискуя жизнью, ловят этих бандитов.

Встречаются здесь не только преступники и полководцы, но и академики с прекрасной памятью, правители. Но нет, повторяю, душевной, духовной тонкости, чувства высокого, святого, сложно-углубленных философских, психологических исканий, серьезных размышлений о смерти и смысле жизни (все это может быть в своем духе и у напряженно-авторитарных, но не тут).

Тут — свой мир первобытно-огрубленной поэзии и прозы (иногда грубовато-задушевной, по-мужицки печальной), свой мир грубоватой сусальной живописи, неряшливо-научнообразных, краснобайски-резонерских диссертаций и т. п. Все это нередко проникнуто бушующей авторитарностью. Язык может быть и смачно-метким языком блатных, и сентиментально-тюремным «татуировочным» жаргоном («не забуду мать родную»). Достоевский по собственному каторжному опыту описывает в подробностях многое из этого в «Записках из Мертвого Дома».

Мироощущением своим грубоватые люди чаще воинствующие реалисты-атеисты, иногда безнравственно-смачно хохочущие над Богом, над религиозными чувствами, потому что им, с их завидной способностью жить сегодняшним днем, наплевать на то, что будет с ними после их смерти. Реже они религиозны, но религиозность эта обычно неряшливо-противоречива, с моментами первобытного язычества. Нередко здесь обнаруживается удивительное природное чутье, чувство природы, указывающее, где там в лесу прячутся грибы, ягоды.

Грубоватая неуравновешенность религиозного мироощущения обнаруживается, например, в том, что такой человек

одним, тормозимо-аутистическим, своим радикалом истово верует в Бога, он даже дьякон, но благодаря другим, неустойчивому, сангвиническому радикалам, вдруг напьется, запутается в женщинах и т. п. Жизненные советы их даже бывают дельны, толковы, пока они не входят в храм духовных тонкостей, где становятся пошловато-грубыми и смешными.

Подобная огрубленность души и тела, по-видимому, была, за некоторыми исключениями, всеобщей в первобытном человечестве и помогала выживать среди диких зверей и враждебных племен. Сегодня же алкоголь и другие пьянящие яды охотно подчиняют себе грубоватых и еще более огрубляют органическую личностную почву. Некоторым из этих людей (как сами они о себе полагают) и нечего особенно беречь-хранить от токсического разрушения в себе для одухотворенного творчества, незачем пренебрегать кайфом, который для них нередко — единственная отрада. На практическую смекалку и мастеровую ловкость рук, которыми многие из грубоватых богаты, алкоголь, в самом деле, не действует так разрушительно, как на одухотворенную индивидуальность, например, актерскую, стирая, огрубляя ее.

Грубоватые нравственные люди делают в жизни так много разнообразных дел умными, мастеровыми своими руками для жизни всего человечества, что утонченные интеллектуалы, интеллигенты, представители «белой кости» пропали бы без них. К сожалению, многие интеллектуалы не видят, не чувствуют в простолюдинах, грубоватых людях родного, своих природных корней. Мы ведь обязаны этим людям своим происхождением в самом широком смысле и своей возможностью одухотворенно-творчески работать, потому что не способны выполнять их работу так хорошо, как делают это они (вспомним крыловскую басню «Листы и корни»).

«Эндокринный» характер

(в патологии — «эндокринный» психопат)

Людей с настоящим характером (с разнообразными его вариантами) немало, но характер этот не описан в литературе так выразительно, внятно, подробно, как многие другие.

М.Е. Бурно

Вместе с тем —
вместе с тем —
переход с точки зрения
изменившихся условий
Но сами эти люди
себя не считают старыми
бой природы, старыми
малыми их людьми.

Отдельные вечно
делает мужчину внешне
как и телесные органы
рассыпаны в разных
зондах). И здесь тоже
пластики.

Творчество таких
ное, порою чарующее
ких радикалов с мя
типично женского, к
но, одухотворено. К
и многим настоящим
то же время это бож
не могло бы быть со
ящими женщинами.
чется, думается, им
сокой музыкальной
но-мужское или
например, в живописи
эзии Сафо и Цветаев
Уайльда, Пруста, М
Сен-Санса.

«Полифонический»

Это — своеобразная
ная шизотипический
рый уже отзвучал и
не бредом, не галлю
ном смысле, а в осн

В основе его — врожденная эндокринная «переслойка» и вследствие этого часто необычная сексуальность, которую нередко, с точки зрения здравого смысла, называют половой извращенностью (страдает продолжение рода).

Но сами эти люди нередко больными или неполноценными себя не считают, даже бывают довольны, счастливы своею особой природой, стараясь быть вместе с себе подобными, понимающими их людьми.

Отдельные эндокринные телесные особенности (то, что делает мужчину внешне похожим на женщину, и наоборот), как и телесные органические особенности, могут быть тоже рассыпаны в разных характерами людях (особенно — в шизоидах). И здесь тоже решает дело «букет» эндокринной диспластики.

Творчество таких людей, обнаруживающее тонкое, сложное, порою чарующе-волшебное смешение характерологических радикалов с мягким размыванием типично мужского и типично женского, нередко по-особенному изящно, прекрасно, одухотворено. Какими-то особыми гранями оно созвучно и многим настоящим мужчинам и настоящим женщинам. И в то же время это божественно-утонченное духовное богатство не могло бы быть создано настоящими мужчинами или настоящими женщинами. Тайна этой особенной утонченности прячется, думается, именно в том, что в этой пронзительно-высокой музыкальной ноте красоты уже не помещается природно-мужское или природно-женское. Это чувствуется, например, в живописи Леонардо да Винчи, Караваджо, в поэзии Сафо и Цветаевой, в произведениях Платона, Андерсена, Уайльда, Пруста, Мозама, в музыке Вивальди, Чайковского и Сен-Санса.

«Полифонический» характер

Это — своеобразная характерологическая мозаика, порожденная шизотипическим или шизофреническим процессом, который уже отзвучал или настолько мягок, что обнаруживает себя не бредом, не галлюцинациями, не другой психотикой в истинном смысле, а в основном характерологически.

М.Е. Бурно

Елена Александровна
 ет считать эту мозаику
 других характеров и
 ническая» мозаика
 гадочно-странное зву

радикалов.

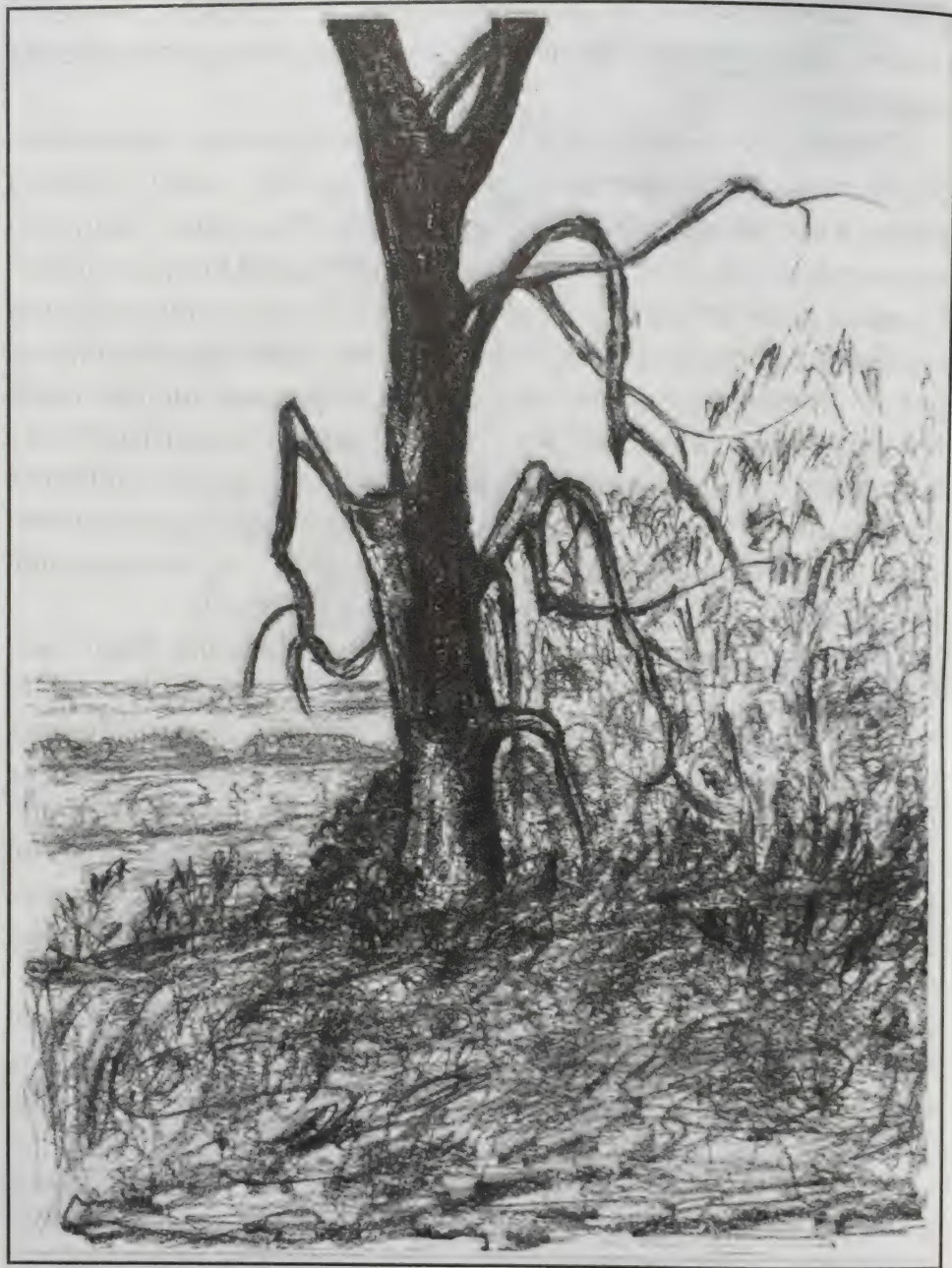
Поскольку наличие
 реалистических радикал
 видится все же матери
 ным», поскольку соедин
 В самом деле, здесь хар
 ются в гиперреалистиче
 без органической огуб
 И сюрреалистическа
 соединимость несоеди
 материалистического
 кого, гиперреалистиче
 дит впечатление стран

Это отчетливо вид
 Сведенборга, Шопен
 кассо, Малевича, Фи
 (особенно в повести
 Рильке, Кафки, Горьк
 ка уже купила подсо
 даже и разлила». Так
 видеть-обдумывать м
 противоположных т
 Страдающая многозн
 вет не в живом, полно
 стическом символе, а
 женно-застывше-гип
 твоватости гравюре, к
 в «Явлении Христа на
 называет полифонич
 ленная мысль») и по
 «выборку» с «передел
 кой, идеалистическо
 менно») только того,
 тоскливости-депресс

Елена Александровна Добролюбова (1996, 1997) предлагает считать эту мозаику самостоятельным характером в ряду других характеров и дала ему настоящее название. «Полифоническая» мозаика, по Добролюбовой, — одновременное загадочно-странное звучание нескольких характерологических радикалов.

Поскольку наличествует здесь, как правило, «несколько реалистических радикалов», мироощущение такого человека видится все же материалистическим, но «странным», «загадочным», поскольку соединяется несоединимое (Добролюбова). В самом деле, здесь характерологические радикалы соединяются в гиперреалистическую философическую таинственность без органической огрубленности и эндокринной диспластики. И сюрреалистическая или постимпрессионистическая соединимость несоединимого видится в загадочном единении материалистического (даже часто обыденно-материалистического, гиперреалистического) с идеалистическим, что производит впечатление странновато-неземного реализма.

Это отчетливо видится в сочинениях Паскаля, Ньютона, Сведенборга, Шопенгауэра, в картинах Босха, Ге, Дали, Пикассо, Малевича, Филонова, в гоголевских произведениях (особенно в повести «Вий»), в художественном творчестве Рильке, Кафки, Горького, в известном булгаковском «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила». Такое творчество открывает возможность видеть-обдумывать мир, людей, себя одновременно из самых противоположных точек, в самых невероятных разрезах. Страдающая многозначная космически-жизненная идея живет не в живом, полнокровном изображении и даже не в аутистическом символе, а именно в этой полифонической напряженно-застывше-гиперреалистической до материальной мертвоватости гравюре, картине — в дюреровской «Меланхолии», в «Явлении Христа народу» Иванова. Е.А. Добролюбова (2000) называет полифоническую картину «эмблемой» («овеществленная мысль») и понимает ее как самопсихотерапевтическую «выборку» с «переделкой» полифонистом из материалистической, идеалистической реальностей («или из обеих одновременно») только того, что помогает ему в его полифонической тоскливости-депрессивности.

1. О характерах людей

У каждого из нас в характере
есть своя структура, характер
ту невиданные творческие
куестве.

О «полифоническом»
говорить (как допустить
ле, поскольку истинный
жень. Этот же «характер»
ся болезненным процессом.
Когда вследствие даже
вый план выходит в
другой («сегодня я аутист»
от времени наплывает
чем, занавешивающ
рактре возможно го

Думается, в неко
о практически здоро
сти.

Заключение

«Разбираться в людях»
деть людей насквозь
ке возможно ждать
человеческих характ
но-научно, клиничес
тественно-научном о
телесных особеннос
реалистическая хара

Психологи, исследу
идеалистически-кон
дят к характерам ин
менее стойких харак
ворят о соединении
робку-сосуд-приемни
характерологически
понимая духовное
существующую

У циклоида в характере движется настроение, тут движется сама структура характера, но именно это дарит полифонисту невиданные творческие горизонты и пропасти в науке и искусстве.

О «полифоническом» характере как характере возможно говорить (как допускает и Добролюбова) лишь «в широком смысле», поскольку истинный характер всегда имеет устойчивый стержень. Этот же «характер» нередко заметно движется-изменяется болезненным процессом, если этот процесс не завершился. Когда вследствие даже очень мягкого течения процесса на первый план выходит в личностной картине то один радикал, то другой («сегодня я аутист, а завтра — сангвиник»), да еще время от времени наплывает тоскливость-напряженность с безразличием, занавешивающая-искажающая на время характер, о характере возможно говорить, понятно, лишь условно.

Думается, в некоторых случаях возможно говорить даже о практически здоровой характерологической полифоничности.

Заключение

«Разбираться в людях», понимать их внутреннюю жизнь, «видеть людей насквозь», угадывать, что от кого в какой обстановке возможно ждать, — это значит прежде всего разбираться в человеческих характерах, которые я и попытался естественно-научно, клинически, в самой своей сути, здесь описать. В естественно-научном описании особенности души неотделимы от телесных особенностей, светятся друг в друге. Это земная, реалистическая характерология.

Психологи, исследователи с аутистически-теоретическим, идеалистически-концептуальным мышлением обычно подходят к характерам иначе. Они или вовсе не признают более или менее стойких характерологических вариантов или, чаще, говорят о соединении характерологического с телесным в коробку-сосуд-приемник для духа, подчеркивая пропасть между характерологическим (душевым) и личностным (духовным), понимая духовное человека как изначально самостоятельно существующую частицу Вечного Духа, знающего о каждом из

нас. К. Юнг (1995), убежденный в «несоединимом разрыве между психическими и физическими явлениями» (с. 646), идет от «предпосылки о верховенстве психического» (с. 650), и для него «психологические типы» есть «структурные элементы психического», а не описания душевных особенностей определенного типа конституции, как у Э. Кречмера (с. 651). Свою «исключительно психологическую типологию» (с. 651) Юнг сравнивает с «кристаллографической системой осей» (с. 659).

Мне думается, однако, что естественно-научный и аутистически-психологический подходы в изучения характеров могут дополнять и развивать друг друга, дружески соединяться в горячей грани духовного и иного созвучия, оставаясь самими собою, как и вообще все равноправные разнообразно-нравственные способы изучения и переживания мира в Человечестве, в Культуре.

Из естественно-научного понимания-изучения характеров нетрудно вывести и естественно-научное понимание национально-психологических особенностей (надхарактерологических, но окрашивающих собою каждый радикал), характерологическое понимание религии, литературы, искусства, науки, политики. В этом смысле, как уже отметил выше, Запад более аутистически-мыслителен, Дальний Восток более чувственно-художественно-аутистичен, а между ними — Россия, в основе своей души дефензивная, тревожно-сомневающаяся, непрактичная, нерасчетливая, освобожденная сегодня от тоталитарного режима, но еще больная оставшимися в ней жестокими авторитарными безнравственниками среди начальников и откровенными бандитами. Россия, могучая нравственно-этическими переживаниями, глубинной добротой простых людей, более созвучна славянским своим большинством Православию. Но постигая, уважая характеры людей, более склонных к Католичеству, Исламу и другим религиям, мы уважаем и их религиозные мироощущения. Уважаем и искренний, но не воинствующий атеизм. И его основой является прежде всего определенная природа характера. В различных религиозных сектах увидим людей, также объединенных и известными характерологическими особенностями. Неразвитые народы, дети, первобытные люди — чаще ближе к язычеству, к народным сказкам. И это достойно серьезного уважения.

Можно пойти естественно-научным, «характерологическим» мышлением еще глубже эволюционно-исторически — в животное царство. Там мы угадаем напряженную авторитарность в оскалившемся волке, аутистическую независимость в манерно усевшейся на шкафу кошке. И, может быть, какой-нибудь специалист, изучающий психологию животных, уже пишет основательный труд о характерах животных через человеческую характерологию.

На Земле довольно много незрелых, душевно-безликих и агрессивных людей, для которых выше всего материальное благополучие, чувственные удовольствия, власть. При известных обстоятельствах они, не способные разумно-критически рассматривать себя со стороны, охватываются коротким, мощным эмоциональным мышлением и, веря в то, во что хочется верить, могут стать послушными толпами-стадами в руках безнравственных вождей. Пожалуй, только нравственное религиозное воспитание и строгое, тщательное исполнение государством законов с непременным-неизбежным наказанием преступника могут здесь как-то помочь предотвратить многие несчастия в тяжелое, весенне-грязноватое, переходное время нашего еще не развитого капитализма.

Конечно же, многое тут, в характерологии, сложно и туманно. И Боже упаси налево и направо вслух ставить характерологические «диагнозы». Но, опираясь на известные характерологические ориентиры, будем про себя, тихо чувствовать и размышлять о людях вокруг. Не разлюбим тех, кого полюбили, если узнаем подробнее их душевный склад, потому что любой не слабоумный, не разрушившийся личностно человек бездонен-неповторим, таинственно сложен своей душевной духовной особенностью под знаком какого-то характера.

Очерк этот считаю психотерапевтическим в широком смысле и потому, что, быть может, с облегчением увидим-почувствуем из него характерологическую природность каких-то наших слабостей, тягостных переживаний, проступков и т. д. Простим себе то, что возможно простить. Простим и другим их природные слабости. Разглядим у других людей важное, ценное и для нас переживание, умение, не доступное нам. Но никому не простим безнравственности.

М.Е. Бурно

1000000
Как важ
века, быть са
стве, делать
то есть в том
и лучше, че
Из своей п
ческой работ
ных дней жи
страны и в дру
книг и филь
ных, научных
терами, болез
дей из романо
рятов, древни
древних еврее
логически при
дах разных ст
ях, в сегодня
прежде всего
Самым ин
ниях (теперь
ловческих х
но-научном п
интересными
душевная, по
ным пережит
го одиночест
этого вышла
Убежден,
му психопату
творческим с
вотных и раст
им смыслом ж

* О здоровь
(Бурно М.Е., 1
бурно П.В. В
лей (Волков Д

Как важно, особенно для самобытного, талантливого человека, быть самим собою на своем жизненном пути в Человечестве, делать в жизни свое Добро, совершенствоваться в своем, то есть в том, что получается лучше, нежели у многих других, и лучше, чем другое у тебя самого.

Из своей повседневности, из многолетней психотерапевтической работы и преподавания врачам, из горестных и радостных дней жизни с самого детства, из путешествий в разные места страны и в другие страны, из рассказов путешественников, из их книг и фильмов, из книг, фильмов исторических, художественных, научных — вспоминаю множество людей с разными характерами, болезнями. Вспоминаю, начиная от первобытных людей из романов Рони-старшего, от древних русских славян, варягов, древних греков и древних римлян, древних египтян, древних евреев, древних германцев. Все это древнее, характерологически природное, видится-сквозит и сегодня в живых людях разных стран, в прежних и сегодняшних мировых событиях, в сегодняшней духовной культуре, которая для меня есть прежде всего культура характеров.

Самым интересным для меня в моих жизненных переживаниях (теперь уже с мягким светом осени) оказалась жизнь человеческих характеров, душевная жизнь вообще в ее естественно-научном понимании, среди Природы и Культуры. И особенно интересными были всегда сложно-дефензивные состояния и душевная, психотерапевтическая помощь этим людям с тягостным переживанием своей неполноценности, своего тоскливого одиночества, с их тревожно-нравственными исканиями. Из этого вышла и моя Терапия творческим самовыражением.

Убежден, что все это помогло мне самому как дефензивному психопату серьезно, стойко компенсироваться осознанным творческим самовыражением среди близких мне людей, животных и растений, на своей родной российской дороге, со своим смыслом жизни в душе⁴.

⁴ О здоровых и болезненных характерах см. также в моей книге (Бурно М.Е., 1990) и в книгах П.В. Волкова (2000, 2001). Вышла и брошюра П.В. Волкова о характерах — для старшеклассников и учителей (Волков П.В., 2001).

2. О некоторых душевных расстройствах на почве разных характеров

В этом разделе дается азбука душевных расстройств, душевных трудностей, с которыми психотерапевт постоянно встречается в своей практике. Здесь не говорится о галлюцинациях, расстройствах сознания, слабоумии и тому подобной патологии из «большой психиатрии», ибо это — заведомо дело психиатра. Но навязчивости, страхи, болезненные сомнения, тревожную мнительность, мешающую жить застенчивость, ипохондрические, депрессивные расстройства, конечно же, нужно изучить-прочувствовать, чтобы, по возможности, психотерапевтически-глубже помочь себе и другим людям, страдающим от всего этого, или же посоветовать кому-то из них обратиться к психиатру.

Указанные расстройства и трудности описаны «через лечение», то есть уточняются, отличаются друг от друга и тем, как именно действует (или вовсе не действует) на них то или иное психотерапевтическое вмешательство. Это *психотерапевтическая психопатология* (в сравнении, например, с *психофармакотерапевтической психопатологией*).

Застенчивость

Застенчивость (от старорусского «застѣнитися»: «заслониться чем-либо, скрыться за чем-либо»⁵; по-английски — *shyness*) — свойство характера, сказывающееся в том, что застенчивый всячески старается скрыться, спрятаться от людей (и за какой-то стеной, и в себе самом) — поскольку его легко обидеть, ранить душевно, и он очень этого боится. Прятаться

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М.: Наука, 1978. С. 304.

от других в себе самом — это значит молчать, отворачиваться от людей, не смотреть им в глаза, не знать, куда девать руки, и т. п.

Застенчивость часто связана с такими свойствами характера, как робость, совестливость, нерешительность, неловкость, медлительность, неуверенность в своих силах, тревожность, склонность к сомнениям, страхам, тоскливости, мнительности, стеснительности, переживание своей неестественности. Все это вместе составляет чувство, переживание, комплекс своей неполноценности (по-англ. — *inferiority complex*), по причине которого человек стремится оставаться подальше от ответственных занятий, делового, практического общения с людьми и одновременно мучается ранимым самолюбием — что так мало успевает в своей жизни, так незначителен в сравнении с людьми естественными, решительными.

Застенчивому труднее, чем естественному, смелому человеку, выступать перед слушателями (например, отвечать при всех у доски урок), труднее познакомиться с людьми, включиться вместе с ними в работу или в какую-то игру (например, в детстве). Трудно ему спросить незнакомых, как куда проехать, трудно вообще о чем-нибудь просить, кого-то в чем-то затруднять, трудно потребовать в магазине сдачу, даже если она значительна.

Нередко застенчивый, разговаривая с малознакомым человеком, навязчиво представляет себе в это время, как он сам при этом выглядит — как двигает ртом, выговаривая слова, как кивает головой, как неловко перебирает что-то руками; представляет, что собеседнику его все это может показаться странным, ненормальным. От этих цепких тревог сам еще более напрягается, краснеет, потеет, не знает, куда деваться — и еще более теперь пугается, что будут думать о нем Бог знает что. Только с близкими застенчивый способен по-настоящему смягчиться душевно и телесно и может даже обижать близких своей раздражительностью, командовать ими.

Особенно часто в отрочестве, юности застенчивый человек незрело бунтует (осознанно, а чаще бессознательно), ненавидя свою застенчивость, несмелость, рабскую готовность подчиняться тому, кто сильнее. Это выражается во всплесках отчаянной храбрости с зажмуренными глазами, даже агрессив-

ности и нахальства (так называемая сверхкомпенсация застенчивости, или «нахалы от застенчивости»). Подражая своим отважным, бесстрашным, нахальным, самоуверенным сверстникам, перед которыми нередко преклоняется, застенчивый, бывает, шумно «нахамит» преподавателю или даже девочке, девушке, которая ему нравится, и потом долго мучается этим своим поступком.

Застенчивый обыкновенно не раболепен в истинном смысле перед высшими, то есть не угодлив, не льстив рабски, — ради будущего своего господства над людьми, ради сладости власти, как это бывает с человеком другого склада. Власть над людьми ему не нужна: он бы и не знал, что с ней делать.

Он постоянно стыдится своей несмелости, желая от нее избавиться, мучается от сомнений, нерешительности и тоскует, что родился таким трусоватым. Однако когда наступает действительная опасность (бой, драка или хоть экзамен), у застенчивого, как правило, срабатывает душевная защита таким образом, что он, ясно понимая, что происходит вокруг, не способен в это время страшиться; его способность бояться как бы выключается душевным приятным одеревенением. И благодаря этому он в опасности нередко ведет себя продуманно-храбро. Об этом говорит ясно и опыт нашей медицины в Великой Отечественной войне: болезненно-застенчивые храбро защищали Родину.

Таким образом, повседневное переживание своей душевной неестественности, свойственное застенчивому человеку, выражается и описанным выше благодатным спокойствием-оменением с одновременной способностью живо соображать в обстановке опасности.

Склонный к острым нравственным, совестливым переживаниям, застенчивый способен в критической обстановке в горячей отваге сломать все заборы-преграды и даже нарушить приличия, дабы выпустить на свободу свою замученную им же самим совесть. И никто не ожидал, например от «робкого тихони», что он так ярко, запальчиво-благородно выскажет всю правду-матку перед всеми, как не сделает этого и самый смелый.

Переживания застенчивого человека — вообще не так редко высокое общественное богатство в том смысле, что, стремясь выбраться из этих переживаний, своей тягостной неестествен-

ности-неясности, стремясь найти себя настоящего, почувствовать себя собой, застенчивый, по сути дела, творит. Ведь истинное творчество и есть сложный поиск себя, своего подлинного отношения к событиям, людям, природе, высвечивание своей неповторимой духовной индивидуальности.

Именно неуверенность, тревожные сомнения постоянно толкают на поиски истины, а открывает новое тот, кто ищет там, где другие не ищут. По дороге к себе, в беспокойных поисках себя такой человек пишет рассказы, романы, стихи, рисует картины (пытаясь так укрепить и оживить свою душу, свои особенности — например яркими красками), изобретает машины, открывает законы, стремится познать себя в игре на сцене и т. д. Или, в стороне от искусства, науки, он постоянно, сквозь сковывающую его стеснительность, вынужден стремиться обнаруживать благородные особенности своей души в общении с людьми, в преподавании, в любой, даже механической работе.

Преподавать, объяснять что-то кому-то, помогать человеку застенчивый часто особенно любит, даже в детстве, в отрочестве, потому что, объясняя другому свое понимание чего-то, яснее при этом понимаешь себя, а помогая более слабому, чувствуешь себя сильнее. Ощутимо-тягостная застенчивость присуща была многим знаменитым творцам — например Лермонтову, Некрасову, Достоевскому, Толстому, А. Чехову, Чайковскому, Дарвину, Павлову, Станиславскому, Пастернаку... Можно было бы много еще назвать застенчивых известных людей, которые, как это бывает, нередко внешне и не казались застенчивыми.

В старину многих застенчивых называли «меланхоликами». Меланхолики склонны к меланхолии — тоскливости, а в тоскливости нередко живет и застенчивость.

Уже в античное время меланхолик Аристотель считал меланхолию свойством всех выдающихся людей, а меланхолик Платон называл меланхолию «божественной одержимостью» («*furor divinus*»).

Однако вплоть до эпохи Возрождения принято было сторониться меланхоликов: их тревожность, застенчивость, тоскливость пугали, портили настроение. Простые люди вообще в массе своей больше тянутся к естественной сангвинической

веселости и сами часто таковы, судя и по многим народным сказкам, обычаям.

Жестокое средневековое настороженно-подозрительно и вместе презрительно относилось к меланхолику, чувствуя в нем скрытую, непонятную внутреннюю жизнь, потаенную личностную самобытность, глубинное, духовное бесстрашие, то есть противоположное открытой банальности, всем понятному делячеству, склонности к верноподданническому служению властителю во имя материальных, чувственных благ.

В эпоху Возрождения, когда открылся интерес образованных людей мира к личности человека, итальянский гуманист Марсилио Фичино, основываясь на аристотелевском и платоновском отношении к меланхолику, провозгласил в своих научных трудах, что гению свойственна «меланхолическая одержимость» («*furor melancholicus*»). Впоследствии это перед всем миром глубоко художественно выразили Альбрехт Дюрер (немецкое Возрождение) в гравюре «Меланхолия» (1514 г.) и Уильям Шекспир (английское Возрождение) в меланхолически-нерешительном Гамлете (трагедия «Гамлет», 1601 г.). Подробнее об этом — в разделе 3.

Застенчивость (меланхоличность), проникнутая мечтой о лучшей жизни, в разнообразных формах, как известно, с давних пор свойственна многим русским людям и особенно — дореволюционной российской, чеховской интеллигенции, наполненной нравственно-совестливыми переживаниями-сомнениями. Известный во всем мире образ чеховского интеллигента — это, в сущности, образ застенчиво-меланхолического, непрактичного человека с богатой, хрупкой, внутренней духовной жизнью, стремлением светло служить своему народу.

Революция и наша прошлая сталинская, а потом большевистско-застойная жизнь, по сути дела, вытравливали застенчивость как нечто противоположное послушной пролетарской воинственной активности и как нечто подозрительное в духовных глубинах своих — то, на что трудно положиться социалистическому властителю.

Теперь же, кажется, все-таки рано или поздно наступит у нас пора Справедливости и Творчества, время, когда подни-

мется-возродится российская творческая благородная застенчивость.

Итак, застенчивость — неуверенность в себе с оборонительно «поджатым хвостом», тревожным переживанием своей неестественности — противоположна по духу своему агрессивности, сверхуверенности, авторитарности, практичности, естественности.

Поэтому часто застенчивость не ценится в мальчишеских кругах или в обществе, где все решает агрессивная сила. Здесь обычно полагают, что тот, кто не уверен в своих силах, и на самом деле слаб. Но если всмотреться в жизнь внимательнее, то увидим, что застенчивость, обычно соединенная с робостью, страхами, при всех неудобствах своих, может быть истинной силой даже в откровенной борьбе.

Так, оказалось, например, что застенчивость, робость, неуверенность в себе, страхи перед боем свойственны таким знаменитым боксерам, как Джек Дэмпси, Майк Тайсон, Мохаммед Али. Они способны победить авторитарных, сверхуверенных в себе боксеров-монстров именно потому, что застенчиво готовы в душе к поражению, к тому, что проиграют по-человечески достойно, но стремятся в подъеме вдохновенного мастерства сделать все возможное для победы. Их авторитарные противники не могли даже представить себе собственное поражение и, встретив неожиданную силу, ломались (Беленький А.Г., 2004).

Застенчивый, не уверенный в себе человек не ломается именно потому, что заранее настроен на все самое плохое, страшное, что может случиться с ним, и это дает ему насущные, необходимые силы подниматься к свету, довольствуясь немногим.

Конечно же, застенчивость может быть тягостной, болезненной. В таких случаях нередко люди, особенно молодые, приходят к психотерапевту лечиться от болезненной застенчивости. Многие отчаянно просят «выбить» из них эту застенчивость самыми сильными лекарствами, гипнозом и даже электрошоком. Однако ни патологическую, ни здоровую застенчивость механически, «хирургически», лекарственно изжить невозможно.

Застенчивость смягчается в своих острых углах, когда знаешь-понимаешь ее природу, смысл. Когда проникаешься трез-

вой убежденностью в том, что истинная, не деланная застенчивость есть неуверенность в своих силах, углубленная самокритичность, побуждающая к самосовершенствованию, — становишься увереннее в себе. Даже болезненная застенчивость благородна как противовес безнравственной агрессивности своим обостренно-нравственным переживанием: и «унижающий себя возвысится» (Евангелие от Луки, 18; 14).

Специальное лечение застенчивости заключается прежде всего в том, что страдающий от застенчивости в беседах с психотерапевтом и лечебной группе с другими пациентами постепенно, изучая специальные произведения о характерах, о застенчивости, в разнообразном целебном творческом самовыражении познает внутреннюю силу своей слабости, подлинную ценность своей застенчивости, и застенчивость от этого слабеет, во всяком случае, в своих внешних проявлениях. Смягченная же застенчивость пусть остается как нравственно-благородное, человеческое и пусть постоянно лечится (в высоком смысле) общественно-полезным творческим самовыражением.

М.Е. Бурно

Страх

Страх есть боязнь чего-то опасного, происходящего прямо сейчас, — в отличие от тревоги, которая есть боязнь чего-то плохого в будущем, даже недалеком. Тревожный человек еще имеет время взволнованно попричитать, пожаловаться кому-то и мечется, места себе не находит — в ожидании чего-то грядущего скверного для него.

Страх обычно острее тревоги. Он, бывает, так сильно напрягает организм, кровеносные сосуды, что у человека пожилого, телесно хрупкого может случиться телесная катастрофа в виде инфаркта или инсульта. Но молодой человек с подвижно-гибкими сосудами обычно легко выносит это напряжение-испытание страхом. И еще спасается им, поскольку наполняется в страхе бесценным организмическим «горючим», на котором помчится с такой скоростью и перепрыгнет такую пропасть, что без страха это было бы для него совершенно невозможно.

Наша природа разнообразно защищает нас от напряжения страхом. Один человек, в соответствии со своей приро-

20 ноября
дой, в опасн
происходящ
как бы отод
он способе
ровно заш
люк, тоже
пряженност
кий мышеч
секунды сло
но отбежат
(как это про
героями). Т
состояние в
ния необыч
ходимые дл
тесная из с
нет с опу
истерическ
тин детства
как бы увод
всем этим о
врагу. Пять
ленно метат
выброшенн
Природа
ся в свою пр
творечиво
мышлении. Л
собны попра
этого и важ
своей приро
душевной за
сдвигами в н
таточно глу
жизни и по к
лесные типы
В сущнос
ющая себя в
порою слож

дой, в опасности немеет душой при ясном течении мысли. Все происходящее вокруг него, например в драке с бандитами, как бы отодвигается за безопасную прозрачную занавеску, и он способен в этой природной душевной анестезии хладнокровно защищаться с расчетом и наносить удары. Другой человек, тоже природно защищенный от душераздирающей напряженности онемением души, впадает одновременно и в легкий мышечный ступор. Он может при этом жить какие-то секунды сложной духовной жизнью, но трудно ему спасительно отбежать от снаряда, который может вот-вот разорваться (как это происходит, например, с некоторыми толстовскими героями). Третий в обстоятельствах битвы, драки приходит в состояние вдохновенного азарта, обнаруживая в эти мгновения необычную для него сметку-смекалку и ловкость, необходимые для победы. У четвертого суживается сознание, вытесняя из себя страшное, угрожающее, и он может остолбенеть с опустошенной душой или охваченный яркими истерическими галлюцинациями (видения родного дома, картин детства, близких людей и всякого другого подобного), как бы уводящими его от опасности в покой-безопасность, — всем этим он нередко не спасается, а лишь помогает своему врагу. Пятый, тоже в суженном сознании, станет бессмысленно метаться-биться в «двигательной буре», подобно рыбе, выброшенной на берег, и т. д.

Природа — всегда стихия. Ее защита нередко превращается в свою противоположность. Все на свете диалектически противоречиво в нашем человеческом естественно-научном мышлении. Лишь мы сами сознанием-знанием-пониманием способны поправить и в себе самих несовершенство Природы. Для этого и важно знать закономерности своего, свойственного своей природе, переживания в опасности, особенности своей душевной защиты, неразрывно связанные с биологическими сдвигами в нашем организме. Эти особенности возможно достаточно глубоко-подробно понять-прочувствовать, изучая в жизни и по книгам характеры, известные в науке душевно-телесные типы людей.

В сущности, физиономия нашей жизненной защиты, являющая себя в побеге от врага (в широчайшем смысле — побеге порою сложно-психологическом, философском) или нападе-

нии на него (так же широко понимаемом), есть физиономия нашего типа, нашего (обычно врожденного в своей основе) сложного душевно-телесного способа существования.

Это все, конечно же, естественно-научный подход к страху, к жизни вообще. Другие известные подходы — психоаналитический, экзистенциальный, религиозный. И еще есть подходы. Каждый выбирает свое, созвучное своему характеру, и проникается своим пониманием Природы, Космоса, Человечества, себя самого в этой жизни, своей дорогой, своим смыслом существования во Вселенной и на Земле.

Поначалу, дабы лучше понимать себя в мире, важно хотя бы знать: страх мой (как природно-нутряной и душевный, общечеловеческий сигнал опасности) легче превращается во мне в ярость или в ужас? В ярости-гневе звучит агрессия, прибавляющая нападатьные силы. В ужасе звучит-кричит капитуляция, дефензивность (пассивная оборонительность), упадок сил, опускаются бессильно руки и слабеют колени перед грубой агрессией. Ярость, как известно, «работает» на ином биологическом «горючем», нежели страх и ужас (см. «Введение в психофизиологию» Дж. Хэссета / Пер. с англ. М.: Мир, 1981. С. 70).

Можно, конечно, пытаться воспитывать в себе посильное переплавление своего страха в ярость, но Природа всегда ограничивает наши желания-возможности нашим природно-наследственным складом. Ей нужны и несмелые — для разнообразных духовных, чувствительных, неагрессивных дел, отношений, сохраняющих в целости Человечество. Так, не способный к полноценной «волчьей» ярости-агрессивности «человек-олень», в отличие от «человека-волка», оказывается нередко способным к творчески одухотворенной красоте мысли и переживания, нравственно соединяющей людей в их чувствах для жизни вместе во имя добра.

Человеческая слабость-дефензивность имеет, таким образом, свою психологическую, философскую гармонию-силу, как и благородная агрессивность, защищающая эту слабость, земную справедливость от безнравственности.

Больной, патологический страх возникает и без обстановки опасности для человека (опасности — в самом широком смысле слова, включая сюда и страх потери чего-то важного

для себя, страх экзамена, спортивного и иного выступления перед людьми). Этот болезненный страх нередко поначалу беспредметный, «животный» — неизвестно перед чем. Но отличается он часто внезапностью, необыкновенной остротой-растерянностью с нередким переходом в ужас, чувством вселенской катастрофы или неминуемой смерти от какой-то зловещей поломки в организме, неслыханно гулками-сильными ударами сердца, высокими цифрами артериального давления, нехваткой воздуха, жуткой «трясучкой» тела и т. п.

Не только острый, но и хронический более или менее мягкий беспредметный страх, возникающий вне психологически понятной опасности, как и мучительный страх, причиненный событиями, — серьезный повод обратиться к психотерапевту. Есть сегодня немало лекарств и психотерапевтических приемов для существенной помощи страдающим страхами.

Привожу здесь из своей практики примеры именно таких, как правило, депрессивных страхов, с которыми необходимо обратиться за советом и помощью к психотерапевту. Это пациенты, которых лечил или только консультировал в разные годы.

И., 47 лет, женщина-юрист. То и дело усиливается, нарастает обычно беспредметная, беспричинная напряженность-угнетенность в душе. С нею нередко уживается безразличие-равнодушие. Порою охватывает острый страх перед будущим: словно что-то ужасное может случиться в семье или на службе. Мучает чувство острой неполноценности, неуверенности в себе, — при том, что понимает: нет для этого оснований. Одновременно боится толпы и испытывает сильный «страх перед ограниченностью помещений». Среди большого количества людей (в метро, на многолюдной площади и т. п.) делается остро страшно (до растерянности), что не выберется из этой толпы. Колотится и колет сердце, прошибает пот. Страх охватывает ее даже тогда, когда рядом кто-то из близких, на кого можно опереться. Нет понятной зависимости от обстановки, которая могла бы побуждать к страху. Так, нет страха, когда одна в своей маленькой комнате, но накатился ужас, когда, гуляя в парке, вдруг увидела забор («ограниченность»).

Эти страхи толпы и «ограниченности» появились впервые в 12 лет, когда попала в тесноту заполненного людьми вагона поезда. Охватил тогда «животный ужас» без конкретного со-

держания, и в течение тридцати лет эти страхи мягко, «терпимо» беспокоили время от времени. В последние годы состояние ухудшилось — сформировалась клиническая картина, описанная выше. Последние года два трудно справиться с мыслями, стала рассеянной-забывчивой; неприятная вялость без физической усталости. Сейчас монотонно-тревожна, с застывшим беспомощным взором, без живых вопросов о своем будущем (1975 год).

И., 30 лет, медсестра. Заболела на двадцать втором году жизни, когда студенткой во время экзаменов вынуждена была подрабатывать и сильно утомлялась. Возник тогда внезапно «дикий», «животный» страх, что случилось что-то жуткое, небывалое, она сходит с ума, умирает, перехватило дух — будто провалилась куда-то. Через час-другой эта острота сошла, но возникло чувство, будто ее переживания — это не ее переживания. Лишь головой понимала, что это не так. Ходила как в полусне, в «оцепенении». В голове «все вертелось», и одна мысль «накатывала» на другую, не могла сосредоточиться. Постоянная тревожная напряженность, раздражительность с дрожанием рук, сменяющиеся тягостным тоскливым безразличием. Среди всего этого уже девять лет время от времени возникают знакомые страхи с привкусом «дикого», «животного», с чувством, что внутри все «печет», горит, но страхи эти уже не такие острые. В последние месяцы появились навязчивые страхи высоты, при том что студенткой отважно занималась в парашютной секции. Боится сойти с ума и боится покончить с собой (для нее это просто сделать, потому что жить стало невозможно). С однотонным страданием рассказывает об этом (1990 год).

И., 31 год, программист. Заболела в возрасте двадцати двух лет — утром ни с того ни с сего сделалось дурно в метро, необычно гулко заколотилось сердце, стал душить ком в горле, не хватало воздуха, задыхалась, открылся острый беспредметный «дикий» страх, какого никогда прежде не было. Через час-другой стало легче, но в тот же день, к вечеру, на несколько часов снова сделалось очень плохо в том же духе: острый страх, и все не хватало воздуха, хотя и вдыхала в легкие воздух из сада, открыв окно, полной грудью. С тех пор эти расстройства в смягченном, притупленном виде возвращались и возвращались. Кое-как отвлекалась от них. В 23 года вышла замуж, через год забеременела. На седьмом месяце беременности возник знакомый, почти такой же сильный «приступ», с которого 2 года назад все нача-

лось. Все время
ременная
смягченные
стали ступи
не прохо
и вдруг ступ
метным. Зан
Уже полгода
«все боюсь. г
Принесла на
том, что все

В., 17 лет, ст
реди за огу
до затылок,
какой-то «же
острым страх
расстройство
понятных при
ти, замерло
катастрофал
нут сорок, и
тревожном о
каждодневно
лись» постеп
женность с н
зах — «туман
ная, тревожн

Во всех подо
человеку, как до
Я прежде вс
такую беду, сер
может и специа
хотерапевтическ
Сверх того мо
дит, а только пом
шение с близким
чество, альбомы
Советую почи
ражение эмоций
кого психолог

лось. Все вскоре опять улеглось. Но когда еще через 3 года забеременела вторым ребенком, уже в первый месяц беременности смягченные прежде болезненные расстройства обострились, стали сгущаться-углубляться. С тех пор уже эта обостренность не проходит: удушье, сердцебиения-перебои («сидишь-сидишь — и вдруг стукнет»). Все это проникнуто страхом, чаще беспредметным. Занята теперь только здоровьем, «забыла мужа, детей». Уже полгода нет близких отношений с мужем; «как полутруп», «все боюсь, где вдруг стукнет, где шарахнет, куда тогда бежать». Принесла на консультацию ворох заключений специалистов о том, что все эти ее расстройства — нервные (1991 год).

В., 17 лет, студентка техникума. Два года назад летом в очереди за огурцами возникла вдруг необычная слабость, заломило затылок, и как-то в глазах все стало сливаться, появился какой-то «желтый фон». Все это было проникнуто необычным острым страхом-ужасом какой-то катастрофы. Продолжалось расстройство минут двадцать и прошло. Через год, также без понятных причин, вдруг сильно заболел затылок, начало трясти, замерло и тут же заколотилось сердце, охватил знакомый катастрофальный страх-ужас. Приступ этот продолжался минут сорок, и после него уже здоровой себя не чувствовала в тревожном ожидании новых приступов. Приступы приходили каждодневно, в уже смягченном, «размытом» виде; «расплылись» постепенно в постоянную душевную тревожную напряженность с непонятным, тягостным ожиданием беды. В глазах — «туман». В транспорте — еще хуже. Застывше-однотонная, тревожно-напряженная страдальца (1993 год).

Во всех подобных случаях ничего не остается страдающему человеку, как довериться своему психиатру, психотерапевту.

Я прежде всего, конечно, желаю человеку, попавшему в такую беду, сердечного и знающего свое дело врача. Врач поможет и специальными лекарствами, и разнообразными психотерапевтическими приемами.

Сверх того могу посоветовать лишь то, что никогда не повредит, а только поможет: всяческое тихое оживление души — общение с близкими, любимыми людьми, интересные дела, творчество, альбомы художников, музыка, общение с природой.

Советую почитать о страхе в книгах Чарльза Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных» (1953) и американского психолога Кэррола Изарда «Эмоции человека» (1980).

Навязчивости

Навязчивости — это, согласно классическому определению германского психиатра Карла Вестфаля (1877), разнообразные душевные трудности (тягостные мысли, переживания, желания, действия, страхи), которые навязываются человеку в душу **против его воли** и при более или менее ясном понимании этим человеком их ненужности, безосновательности.

Говорю здесь о «более или менее ясном понимании» потому, что если испугается человек своих навязчивых мыслей, например о «страшной болезни», то в этой охваченности-захлестнутости испугом обычно трудно быть уверенным вообще в чем-то хорошем. Именно осознанным чувством-переживанием *чуждости* содержания своих навязчивостей (мыслей, желаний, страхов) — хотя и своих собственных по происхождению, из своей собственной души — навязчивости отличаются от душевных трудностей, расстройств иной природы: бреда, сверхценных идей, болезненных (тревожных) сомнений (о них расскажу позднее).

Во всяком случае, успокоившись, человек отчетливо понимает неуместность, нелепость, неправильность (а то и скажет — «идиотизм») содержания своих навязчивостей, их *чужеродность* собственному мироощущению, образу мыслей: то есть переживающий навязчивости критичен к их безосновательному содержанию. Так, в случае навязчивого страха заражения с бесконечным мытьем рук человек убежден, что страх его нелогичен. Да, глупо мыть руки почти в кипятке, «до дыр», много раз мылить яблоко и много раз после этого ошпаривать его кипятком, но все же человек совершает все это какое-то большое количество раз, достаточное, чтобы смягчить внутреннюю душевную напряженность, лежащую в основе навязчивостей.

Вот мы и дошли до этой «душевной напряженности» (тягостной или радостной), которая есть основа наших горестей и вдохновения, с которой начинаются любые, даже, кажется, сугубо мыслительные страдания и радости.

Есть люди, которых трудно чем-либо расстроить. И есть люди, несущие в себе (тоже от природы) готовность к мучительной душевной напряженности, в виде легко вспыхиваю-

щих страха, тревоги, гнева, тоскливости. Этим, склонным к тягостному настроению, людям от житейского пустяка, а то и вообще без понятных внешних причин, делается не по себе. Обостряется поначалу напряженность, аморфно-неопределенная содержанием своим, и затем она по-разному конкретизируется (обретает определенное жизненное содержание и форму), в зависимости от обстоятельств и личностных особенностей напряженных людей. Если напряженный человек авторитарно-прямолинеен, в нем обычно вспыхивают сверхценности: гневно-агрессивная убежденность в дурном отношении к нему людей, стремление кого-то за что-то наказать или неугасимое желание великим открытием завоевать, покорить своих сослуживцев, а то и весь мир. Если напряженный человек по природе размышляюще-сомневающийся, тревожный, его охватывают острая неуверенность в себе, тревожные сомнения в собственном нравственном или физическом благополучии, в своей состоятельности.

На какой же личностной почве вызревают навязчивости? Навязчивостей неистребимое множество-разнообразие, и у каждой формы навязчивости, конечно же, своя, предпочтительная личностная почва.

Самые частые в жизни из мучительных навязчивостей — это особые навязчивые страхи (фобии, от греч. *phobos* — страх) и навязчивые желания-влечения с чувством принуждения к выполнению: с чувством, происходящим как бы не извне (будто кто-то принуждает), а изнутри самого страдающего навязчивостью. Эти «принудительные» навязчивости в мировой психиатрии принято называть обсессивно-компульсивными расстройствами (обсессия — от лат. *obsessio* — обложение, осада, блокада; компульсия — от лат. *compulsio* — принуждение).

Фобии — навязчивые страхи конкретного содержания, как бы набрасывающиеся, наплывающие на человека, пассивно навязывающиеся, охватывающие его лишь в определенной («фобической») обстановке и обычно сопровождающиеся бурными вегетативными дисфункциями (сердцебиение, затруднение дыхания, обильный пот и т. п.).

При агорафобии (греч. *agoraphobia* — страх площадей) навязчивый страх, что случится нечто ужасное (инсульт, ин-

фаркт, вообще неизвестно что) и никто в эту же минуту не поможет, возникает у человека лишь там, где ему действительно трудно или некому помочь в ту же минуту (вдалеке от больницы, аптеки, врача, человека, который отнесет к врачу, и т. п.). Агорафобическое расстройство может случиться не только на безлюдной площади или в дикой степи, но и в пустой квартире, если там человеку с готовностью к страху не на кого опереться при мысли, что вдруг что-то страшное с ним произойдет.

При клаустрофобии (греч. *claustrophobia* — страх замкнутости-запертости) навязчивый страх не выбраться при первом желании из какого-то закрытого, стесняющего места на простор возникает лишь в замкнутом пространстве, из которого, действительно, невозможно сию минуту выбраться (самолет в небе, поезд метро в туннеле, застрявший между этажами лифт). В соответствии с «фобически-невротической логикой», клаустрофобику уже легче ехать в поезде со стоп-краном, еще легче — в автобусе и троллейбусе, где в принципе возможно слезно умолить водителя остановиться и «выпустить меня, несчастного». При этом в автобусе, троллейбусе клаустрофобику тем труднее, чем больше там в проходе пассажиров, загораживающих своими телами проход к спасительной двери, и чем труднее там дышать от того, что много дышащих (спертый воздух побуждает к вегетативным дисфункциям, включенным в единый фобический узел-букет). Совсем легко такому человеку, конечно же, в такси, поскольку шофер такси, по просьбе пассажира, тут же приблизится к тротуару, остановит машину и откроет дверь. Тут уже нет обычно у клаустрофобика крупных капель холодного пота на ладонях.

Многие «канцерофобии» («страхи рака»), «сифилофобии», «спидофобии» и т. п. не есть в строгом смысле фобии, особенно если не обнаруживается отчетливо критическое понимание беспочвенности, неразумности этих страхов. Чаще это иные навязчивости, болезненные сомнения (опасения), сверхценные идеи, а то и бред.

К фобиям обычно предрасположены люди с красочно-образным, эмоциональным мышлением и в то же время с известной душевной инертностью, неуверенностью в себе, тревожностью, врожденной бурно-вегетативной неустойчивостью. Именно у них душевная напряженность (врожденно психопатическая

или вызванная каким-то неразрешимым конфликтом, тягостным переживанием) содержательно конкретизируется как страх чего-то ярко-отчетливо представившегося ужасного. Например — «ах, лежу с остановившимся сердцем на площади и некому мне помочь, вызвать «скорую», проводить в больницу, умираю». Благодаря тревожной инертности эта красочная картина в воображении все повторяется-включается в конкретной фобической обстановке (открытые или замкнутые пространства и т. д.) вкупе с вегетативной бурей.

Если упомянутая выше «фобически-невротическая логика» болезненного расстройства размывается-распадается (например, при клаустрофобии пациенту страшно в поезде, но неожиданно легко-спокойно в самолете), речь, скорее, уже идет не о достаточно легкой, невротической, фобии, а о более тяжелой, депрессивной, фобии.

Обсессии-компульсии — спонтанные навязчивые переживания-действия, в отличие от фобий, не требующие для своего возникновения какой-то определенной обстановки. Хотя, конечно, и они зависят от того, что видится и слышится человеку вокруг в мире. Так, навязчивое желание порезать кого-то ножом обостряется при виде ножа или даже только при упоминании о бритве или другом режущем предмете (например, в телевизионной рекламе). Навязчивое бесконечное мытье рук в страхе мнимого загрязнения-заражения. Навязчивый страх буквы «о» («круг замкнулся, смерть») при чтении книги, с сильным желанием все время ручкой затушевывать эту букву, чтобы не случилось плохого. Навязчивое стремление возле своего дома прикоснуться безымянным пальцем левой руки к носку правого ботинка (чтобы тоже «все было хорошо») и т. д.

В психиатрии немецкого языка обсессии-компульсии часто называют «ананказмами» (греч. *anancasmus* — вынуждать, заставлять; Ананке — древнегреческая богиня судьбы-неизбежности). Однако обсессии-компульсии зловещего содержания (кому-то принести какой-то серьезный вред: например ударить, порезать, выбросить ребенка из окна и т. п.) с одновременными страхами, тягостными нравственно-этическими переживаниями всегда, по контрасту, говорят о высоких нравственных качествах этого навязчивого мученика. Они никог-

да не претворяются в жизнь, в отличие от, например, навязчивого желания выдергивать свои волосы.

К Obsessиям-компульсиям (ананказмам) предрасположены люди мыслительно-аналитического склада с тревожно-мыслительной инертностью, чувственной яркостью, сомневающейся неуверенностью в себе, острым самолюбием и склонностью к скрупулезности-педантичности. Там, где при ярких Obsessиях-компульсиях личностная почва совсем другая и Obsessии-компульсии перемешиваются с фобиями, там скорее речь идет не о характерологических (психопатических), а о более тяжелых, депрессивных, ананказмах.

Здоровых навязчивостей немало в здоровой внимательно-тревожной жизни — например, ритуал помахать в окно рукой близкому человеку на прощанье. С массой легких фобий и Obsessий-компульсий (ананказмов), затрудняющих жизнь, люди благополучно справляются, не обращаясь к психотерапевту. Они чувствуют, подмечают, что их навязчивости происходят из внутренней тягостной душевной напряженности и стараются всячески смягчать, развеивать эту напряженность, просветлять, перекрашивать ее в напряженность радостную — целебным творчеством, занятиями спортом, закаливанием, путешествиями, общением с близкими людьми и природой. Или каким-то образом стараются применить навязчивости в дело (например в каких-нибудь строительных, оформительских работах, где навязчивые действия могут быть полезны). Но постоянно измучиваться тяжелыми навязчивостями без помощи психотерапевта не стоит, особенно — если это тягостные навязчивые ощущения, навязчивости странно-непонятного, зловещего содержания, сопровождающиеся тоскливым страданием.

Сегодня есть от тяжелых навязчивостей довольно сильные лекарства (анафранил, паксил и другие), которые, однако, опасны без врачебного руководства лечением. Есть и основательные остроумные психотерапевтические приемы. Некоторые из них благодаря психотерапевту могут стать для фобика или ананкаста собственным надежным противонавязчивым оружием. Основные «механизмы» действия этих приемов — когнитивный (от *cognito* — познание, ознакомление, лат.; то есть лечебное познание своих расстройств), активирующий (вселя-

2. О некоторых душевных расстройствах...
 ющий действие) и ус-
 ное обучение). Это
 денческая терапия.
 ствах и различных п-
 необходимо профес-
 и как следует тут
 Психотерапия н-
 для профессионало-
 к сложно-символич-
 ко сновидения, твор-
 сии-компульсии мо-
 «иероглифического
 но-психоаналитиче-
 нания смысла своих
 навязчивостями», б-
 реть и мучительную
 бенной умелой помо-
 психотерапевта-учи-
 элементы клиники н-
 менты, что я намет-
 целительный процес-
 тельно в нем участие
 В заключение пр-
 вязчивых расстрой-
 кая, обратиться к п-

И., 23 года, то ва-
 «будто мозги восп-
 того, что не впит-
 живаниями, моно-
 Шесть лет назад,
 скольких месяцев
 страхом забереме-
 тимной близости,
 чу через пальто и т-
 ет и таким образом
 понимая отчетливо
 не покончила тогда
 ставляясь «почему
 он как-то непонят-
 менностью (1983 г.)

ющий действие) и условно-рефлекторный (условно-рефлекторное обучение). Это так называемая в мире когнитивно-поведенческая терапия. Не рассказываю здесь подробнее о лекарствах и различных психотерапевтических приемах, поскольку необходимо профессионально, по-врачебному, знать, где, что и как следует тут применить, а то легко можно повредить.

Психотерапия навязчивостей вообще довольно сложна и для профессионалов. Так, у фобиков и ананкастов, склонных к сложно-символическому мышлению-чувствованию, не только сновидения, творческие произведения, но и фобии, обсессии-компульсии могут быть философически-символического, «иероглифического» содержания. Это обычно требует сложно-психоаналитического вмешательства для целебного осознания смысла своих навязчивостей. Кроме того, за «обычными навязчивостями», бывает, нетрудно неспециалисту просмотреть и мучительную навязчивую депрессию, требующую особенной умелой помощи. Другое дело, когда под руководством психотерапевта-учителя пациент изучает не только основы, элементы клиники навязчивостей, депрессии (например, те элементы, что я наметил уже и в этой книге), но изучает и сам целительный процесс, дабы самопсихотерапевтически основательно в нем участвовать.

В заключение приведу из своей практики два примера навязчивых расстройств, с подобными которым надо, не мешкая, обратиться к психиатру, психотерапевту.

И., 23 года, товаровед. Жалуется на навязчивое ощущение, «будто мозги воспалены, обнажены в области лба и висков, от того, что не впитывают информацию». Охвачена этими переживаниями, монотонно-подавлена; напряженно-тусклый взор. Шесть лет назад, когда еще училась в школе, в течение нескольких месяцев, без понятных внешних причин, мучилась страхом забеременеть. Понимала, что это невозможно без интимной близости, лишь от прикосновения руки мужчины к плечу через пальто и т. п., но болезненно мучилась, что забеременеет и таким образом. Подозревала, что уже беременна, вроде бы понимая отчетливо, что это невозможно. От чувства позора чуть не покончила тогда с собою. В те месяцы ей навязчиво все представлялся «почему-то стул» с навязчивой мыслью и страхом, что он как-то непонятно связан с ее страхом беременности, беременностью (1983 год).

М., 36 лет, слесарь. Непонятное тягостное безразличие ко всему смешано с чувством неуверенности и тоже непонятным страхом, тревожным ожиданием чего-то дурного («кажется, с ума схожу» или «вдруг с сердцем плохо будет»). Одновременно мучает его страх высоты с навязчивым желанием выпрыгнуть в окно с высокого этажа, хотя сам он и не допускает, что может выпрыгнуть. Все это возникло без понятных внешних причин год назад. Прежде он был смел и уверен в себе, а за этот год сделался по характеру «робким трусом», вообще каким-то другим, «вторым». Вдруг «находит» беспредметная агрессивность, в которой может обругать кого-то или избить. «Фобически-невротическая логика» нарушена: навязчиво боится находится на высоком этаже, дрожит там от страха, обливается потом («вдруг разрушится неожиданно дом!») и в то же время спокойно летает на самолете, не думая, что он разрушится. Вяловато-гипомимичен, тускл взором и одновременно душевно напряжен (1983 год).

М.Е. Бурно

Болезненные сомнения и тревожная мнительность

Тревожные сомнения (в том числе болезненные), часто сплетающиеся в тягостный совестливый самоанализ с неуверенностью в своих силах, в своем здоровье, как известно есть исконное свойство-переживание многих русских, особенно так называемых чеховских интеллигентов. Именно русским писателям (особенно Достоевскому, Толстому, Чехову) удалось так правдиво-глубоко, непостижимо-точно для нас, для народов других стран и целебно для себя выразить сложные нравственно-мучительные сомнения-размышления прежде всего конечно же, свои собственные. В клиническом исследовании этих душевных трудностей-переживаний также сделано особенно много российскими врачами: такова наша традиция.

Пражский психиатр Арнольд Пик в статье «К вопросу психопатологии неврастения» (1902) описал 79-летнюю женщину, которая, подобно своему отцу, с детства до боли в сердце жалостливая к несчастным, содержательно-нравственно тревожилась по всяким таким поводам и о том, что люди заслуженно скажут о ней что-нибудь дурное. К примеру, думала

страдала от дурного
мой, что может быть
причем ее дух был
обычного, она при
он утонул. Бежала
Пик видит главную
живания от навязчив
дающему своим соде
Борисович Ганнушкин
статье «Психастениче
стройство просто сом
Другой российский
отец знаменитого ави
психология с физиог
кое положение о том
отмечает, что сомнени
ет свойства умственно
чительное сомнение»
ветствует встрече н
ствованию их, как
(«со-мнение»). И.А.
глубоких органически
умственно и в состо
тать, вывода челове
(с. 582).
Таким образом, с
есть мыслительное,
вотличие, например
сти просто тревожно
го «мниться» — каза
И болезненные со
быть наполнены со
ственно-этическим и
позорной болезни).
Болезненное сомне
ной совести. Однако
жно-мнительного
точки зрения котор
нятно (в отличие от

страдала по дороге в палату после беседы с А. Пиком: «Боже мой, что подумает профессор!» Или, скажем, «если муж — причем ее брак был несчастлив — задерживался дольше обычного, она приходила в сильнейшее волнение, думала, что он утонул, бежала в полицию с просьбой его разыскать».

Пик видит главное отличие этого душевного свойства-переживания от навязчивости в том, что оно отнюдь не чуждо страдающему своим содержанием, не противостоит сознанию. Петр Борисович Ганнушкин соглашается в этом с А. Пиком в своей статье «Психастенический характер» (1907), называя это расстройство просто сомнением.

Другой российский психиатр, Иван Алексеевич Сикорский, отец знаменитого авиаконструктора, в своей книге «Всеобщая психология с физиогномикой» (1912), вспоминая декартовское положение о том, что человек сомнением ищет истину, отмечает, что сомнение, в отличие от растерянности, «уже имеет свойства умственного анализа, осложненного чувством («мучительное сомнение», «тревожное сомнение» и проч.), и соответствует встрече нескольких мнений или совместному существованию их, как показывает самое название *сомнение* («со-мнение»)». И.А. Сикорский полагает сомнение «одним из глубоких органических процессов духа»: «у более развитых умственно и в состоянии сомнения мысль продолжает работать, выводя человека постепенно из “мрака сомнений”» (с. 582).

Таким образом, самое тревожное, мучительное сомнение есть мыслительное, напряженно-аналитическое переживание, в отличие, например, от тревожной мнительности — склонности просто тревожно преувеличивать опасность (от устарелого «мниться» — казаться).

И болезненные сомнения, и тревожная мнительность могут быть наполнены разнообразным содержанием, но чаще нравственно-этическим или ипохондрическим (боязнь тяжелой или позорной болезни). Очень часто сомневающийся совестлив. Болезненное сомнение в этом смысле обычно показатель больной совести. Однако и у болезненно-сомневающегося, и у тревожно-мнительного всегда есть какой-то реальный повод, факт, с точки зрения которого это переживание психологически понятно (в отличие от бредового).

Тревожная мнительность не рассудочна, не проникнута более или менее сложной аналитической работой мысли и чаще направлена, в отличие от подозрительности, не на поиски врагов, а на какую-то свою неполноценность. Тревожная мнительность свойственна павловским «художникам», а не «мыслителям» (имею в виду душевный склад).

Люди, склонные к тревожной мнительности, в силу своей живой чувственности-эмоциональности, не склонны к анализу (логическому, более-менее очищенному, свободному от эмоций, «эмоциональной логики», размышлению). Но они, так же как и сомневающиеся, тревожно-инертны и очень ранимы, почему и застревают, погрязают в своих (пусть не аналитических) тревогах, обидах. Тревожно-мнительное переживание обычно нетрудно психотерапевтически прогнать *внушением* врача, или просто человека, которому тревожно-мнительный доверяет, или же самовнушением.

Внушение есть «вталкивание» в душу каких-то положений, настроений, убеждений, минуя разъяснение, доказательство, — «на веру». У тревожно-мнительных тревога не пускает такие запутанно-кружевные глубинные мыслительные корни, как в случае истинных болезненных сомнений. Сложные мучительные сомнения лечебное внушение не берет, а только раздражает сомневающегося. Он, сообразно своему тревожному инертно-мыслительному складу, просит прекратить его сомнения-мучения (по поводу, например, злокачественной болезни) *доказательством, разъяснением, научной информацией*.

В отличие от «художника», «мыслитель» не способен, во всяком случае, легко поверить, то есть принять что-то важное для него без доказательств, на веру, не способен, отличаясь чувственной блеклостью, красочно-лихо вытеснить из сознания неуютное-неприятное. Большинство людей благодаря здоровому вытеснению, например, не видит, обедая, за говяжьими котлетами погубленную живую грустную корову, которую погладить бы душевно по теплой морде. А тревожно-сомневающийся «мыслитель», со свойственной ему блеклой чувственностью, случается, не способен отделаться от этой «микроскопической» (как считается с точки зрения здравого смысла) жизненной правды. В этом многие нередко усмат-

2. О некоторых душевных расстройствах...
 ривают его жизнь
 как раз эти много
 ной радостью с во
 корове.
 Здесь душевна
 «художников»,
 мыслительным к
 ни прорываться с
 кий студент Васи
 ятели привели в
 ся, проникнуть
 пламенем, не мож
 жаются его прият
 роля. Он хоть и го
 ки» и пытается б
 (к ее неудовольст
 что делает встав
 здесь и т. д. А по
 припадке: как сп
 шавских, лондон
 так: «мы, люди, у
 кусить нормальн
 ный грех — купи
 Итак, тревожн
 но легко различн
 собственными си
 шими поэтическ
 наизусть или нап
 мастерами и твер
 Вот примеры
 лезнь, она безопа
 гих людей: мне э
 болезни нет в мо
 нутье, как и мно
 Или:
 Все
 Ход
 Нет
 При

ривают его жизненную *нетрезвость*, непрактичность, хотя как раз эти многие и *опьянены* гастрономической чувственной радостью с возможностью не думать в это время о бедной корове.

Здесь душевная защита не вытеснительного порядка, как у «художников», а в виде душевного онемения с постоянным мыслительным контролем, которое способно время от времени прорываться острым тревожным страданием. Так, чеховский студент Васильев (из рассказа «Припадок»), которого приятели привели впервые в публичный дом, не может опьяниться, проникнуться их разгульно-мужским чувственным пламенем, не может и здесь жить «без философии» (как выражаются его приятели), освободить себя от собственного контроля. Он хоть и готов прожить хоть один вечер «по-человечески» и пытается быть пошлым, а все спрашивает «барышню» (к ее неудовольствию), когда она спать ложится, когда встает, что делает вставши, что обедает, сколько ей лет, скучно ли ей здесь и т. д. А потом, безгрешный, мучается в нравственном припадке: как спасти всех саратовских, нижегородских, варшавских, лондонских, гамбургских падших женщин? Как же так: «мы, люди, убиваем взаимно друг друга!» Что «может искусить нормального человека, побудить его совершить страшный грех — купить за рубль живого человека»?

Итак, тревожная мнительность, как правило, гасится довольно легко различными, специально составленными (в том числе и собственными силами) формулами самовнушения или подходящими поэтическими строчками. Все это хорошо бы выучить наизусть или написать на плотном куске бумаги цветными фломастерами и твердить, когда охватывают тревоги.

Вот примеры этих записей. «Моя родинка на шее не болезнь, она безопасна, как и подобные родинки у многих, многих людей: мне это доктор сказал». Или: «Никакой страшной болезни нет в моем позвоночнике, это такое же радикулитное нытье, как и много лет назад».

Или:

Все органы твои работают исправно:
Ход вечности отсчитывает сердце,
Нетленно тлеют легкие, желудок!
Причастье плоти превращает в дух

И лишние отбрасывает шлаки.
 Кишечник, печень, железы и почки —
 Сосредоточия и алтари
 Высоких иерархий — в музыкальном
 Согласии. Нет никаких тревожных
 Звонков и болей: руки не болят,
 Здоровы уши, рот не сохнет, нервы
 Выносливы, отчетливы и чутки...
 А если ты, упорствуя в работе,
 Физических превысишь меру сил, —
 Тебя удержит тотчас подсознание.

(Максимилиан Волошин.

Из стихотворения «Заклинание», 1929)

Болезненно-сомневающемуся от разъяснения-доказательства не уйти. Он и ищет разъяснений (например, в случае боязни какой-то болезни) в медицинских книгах: что нет оснований думать о том, что обрушилась на него эта страшная болезнь, за которую принял какую-нибудь безобидную атеромку на коже. Или, измучившись тревогой, находит разъяснение-успокоение у врача.

Здоровое сомнение обычно — благо. Болезненность патологического сомнения состоит в том, что оно, напряженное тревогой, не соответствует трезвой возможности-вероятности страшного. Все может быть — в любой день возможно заболеть тяжелой болезнью, независимо от нашего желания и даже осторожности; но здоровый человек чувствует маловероятность этой беды трезвым опытом жизни, не рассматривает эту маловероятность в микроскоп и живет себе, не тревожась о здоровье, пока что-то не заболит.

И тревожно-мнительному, и болезненно-сомневающемуся нелишне понять, что внутренним корнем их мнительности и сомнений является свойственная их душевному складу тревожность, которой жизнь дает конкретное содержание. У «художников» эта изначальная характерологическая тревожность, питаясь жизненным содержанием, конкретизируется в мнительность, у «мыслителей» — в сомнения. Таким образом, изначальная тревожность уменьшает сама себя, когда сомнение или «тревожное мнение» разрешаются даже неврачебным разъяснением или внушением. Смягчается тревож-

ность и многими лекарствами, но к ним может возникнуть пристрастие, как и к алкоголю, особенно опасному в этом отношении для тревожных людей. Однако болезненно-сомневающемуся особенно важно знать как можно больше о собственных явных и потаенных ценностях, дабы таким образом подтачивать переживание своей малоценности.

Истинное, высокое лечение тревожности состоит в том, чтобы надежно смягчить ее какой-нибудь жизненной содержательной увлеченностью, творчеством в широком смысле. Стойкий душевный подъем в процессе изучения себя самого и других (в том числе великих мучеников сомнений) в повседневном творческом самовыражении (творческое вдохновение) обесценивает тягостные мысли, проясняет смысл жизни, свое уникальное место в Человечестве.

Болезненные сомнения могут служить глубокому творчеству, и, по возможности, следует их туда направлять. Так, склонные к тяжелым сомнениям Дарвин и Павлов — реалисты, не отличавшиеся религиозностью, — успокаивались и светлели душой в научном творчестве. Мучившие их сомнения становились творческими, открывая новое в науке. Благодаря некоторому завязанию в творческих сомнениях удалось им так подробно-тщательно обосновать свои положения-открытия, заранее ответив почти на все вопросы-возражения будущих критиков, что многие, желавшие их серьезно покриковать, оказывались обезоруженными.

Особый психотерапевтический метод «Терапия творческим самовыражением», который сложился у меня уже много лет назад, помогает тревожно-мнительным и болезненно-сомневающимся обрести целебное хроническое творческое вдохновение, светлое мироощущение с осознанностью своей общественной пользы.

В заключение — два примера из моей практики: расстройства, с подобными которым все же следует обратиться к психотерапевту.

Р., 27 лет, слесарь. Жалуется на тревожную мнительность, ранимость (тревоги заболеть тяжелой болезнью; боязнь, что обидят, унижат и т. п.), стеснительность с ярким покраснением лица. По этим причинам нет друзей и женщины ему недоступны. Впрочем, был недавно женат (женили), но жена вско-

ре ушла от него, так как не могла терпеть его обид, робости, раздражительности, страхов заболеть («хуже бабы»). Живет теперь снова вместе с родителями и, как увидит свою маленькую дочь, долго плачет. Выучился на пчеловода, чтоб меньше раниться в общении с людьми. Уехал работать из города в деревню. Но пчелы могут ужалить, и в деревне скучно. Тоскует по городу, родителям. Тягостное, беспомощное переживание своей жизненной неустроенности. Принес тетрадку с подробно записанными жалобами. Тянется к какому-то делу, которое было бы ему по душе, чтоб не хандрить. Если бы кто сказал ему, в чем состоит это его спасительное дело, чем ему заниматься... (1984 год).

Л., 20 лет, студент. Хотел учиться истории, археологии, но замучился тревожными сомнениями, что не пройдет в университет по конкурсу и вообще прокормит ли его археология. К удивлению школьного учителя истории, не сомневавшегося, что его любимец поступит в университет, поступил в Энергетический институт (куда легче, надежнее), понимая, что специалист из него здесь будет никудышный. Теперь сокурсники смеются: «Будешь применять электропривод в археологии». Как считают его родители, Л. «сомнениями трагически портит себе всю жизнь». Единственная девушка, с которой он с детства дружил и в которую был влюблен, вышла замуж, так как он не решился на ней жениться («слабоват еще здоровьем»); теперь мучается, что она с другим. Остается жить только ради родителей, чтобы ухаживать за ними, когда состарятся и сделаются беспомощными. Впрочем, сомневается и в том, что доживет до старости родителей, не умрет от какой-то тяжелой болезни в скором времени (1983 год).

Сверхценные идеи

Сверхценные идеи понятнее в сравнении с бредом. Бред — признак психоза (сумасшествия). Не встречается у людей с просто болезненными характерами. «Бред» — русское слово (от «брести-бродить» в значении «блуждать»⁶), с давних пор обозначающее в психиатрии болезненную, непонятную логи-

⁶ Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. С.Г. Бархударовой. М.: Просвещение, 1971. С. 56.

чески и психологически убежденность человека в том, чего на самом деле нет. В английском, немецком, французском языках бред обозначается словами, происходящими от латинского «*delirus*» — «безумный», «помешанный».

Да, человек с бредом (в истинном смысле) серьезно болен. Подлинный смысл этого расстройства стал, однако, понятен психиатрам только в начале XX века — через сравнение с другими открытыми-описанными расстройствами, внешне похожими на бред. Это — навязчивости, болезненные сомнения, сверхценные идеи.

От навязчивости и болезненного сомнения бред отличается прежде всего своей болезненной *убежденностью*, а от сверхценной идеи — отсутствием *психологической понятности* содержания бреда по отношению к жизненной реальности. Например, больной с бредом ревности убежден, что жена ему изменяет, но убежден только потому, что она выбросила старые туфли («хочет быть ногами красивее» — непременно для «любовника»). Другой, пожилой, больной убежден в том, что у него сифилис, так как он начал потихоньку лысеть.

Как мы ни пытаемся психологически понять происхождение этой убежденности, происхождение связанных с нею переживаний бредового больного, исходя из обстоятельств его жизни, из особенностей его характера, ничего у нас не выходит. Не получается (по выражению Ясперса) «вчувствоваться» в бред, как принято говорить между психиатрами.

Нелогичность, нередко даже нелепость, бреда обнаруживается и в том, что, например, бредовой ревнивец (как заметил это еще в XIX веке германский психиатр Эмиль Крепелин) удивительно-уморительно равнодушен, невнимателен к действительным изменам жены, если таковые случаются: смотрит как бы сквозь действительного своего соперника, даже когда застаёт его со своею женой в постели, продолжает дружить с ним после этого как ни в чем не бывало, не включая его в свою бредовую систему и горько жалуясь ему на «развратную жену с ее погаными кобелями». Так же больной с тревожным бредом «страшных болезней» обычно спокойно относится к действительному серьезному заболеванию, обнаруженному у него.

По своему содержанию бред может быть бредом преследования (в том числе бредом ревности — «жена преследует меня со своими любовниками»), бредом величия, изобретательства, реформаторства («я — Эйнштейн», «я — Лев Толстой», «я — Иисус Христос»), ипохондрическим бредом (бред несуществующих болезней), бредом самоуничтожения.

Помню одухотворенного душевнобольного с бредом самоуничтожения — из своей юности, когда я в течение года работал в психиатрической больнице санитаром. Этот человек с раннего утра до позднего вечера, к радости санитарок-уборщиц, убирал, мыл палаты, холодный каменный туалет, бережно ухаживал за беспомощными лежащими больными (кататониками, оправляющимися под себя), часами чистил, полировал тряпкой железные кровати, без конца таскал с больничной кухни тяжелые баки с кашей, кислой капустой, а из отделения — ведра с помоями. Он был убежден, что настолько малоценен, груб, несостоятелен умом и чувствами, так мало принес пользы, в сравнении со всеми другими людьми, что не достоин и часа отдыха и полного больничного завтрака, обеда, ужина. Позволял себе съедать только малую часть бедного больничного кушанья (не дотрагиваясь до полухлебных котлет, бледного порошкового киселя) и спать не более четырех часов, дабы скорее вернуться к искупительной работе.

Я преклонялся тогда и сейчас преклоняюсь перед этим, ушедшим уже из жизни, школьным учителем физики за его такого содержания больную совесть. Впервые дал он мне тогда ясно почувствовать, что больное может быть, в каком-то серьезном смысле, прекраснее здорового, что можно и вот так брести-блуждать.

Конечно же, агрессивный бредовой больной может быть опасен и для себя, и для людей, с которыми общается и которых «вплетает» в свой бред. О таком социально опасном больном непременно как-то должен знать участковый психиатр из психоневрологического диспансера, дабы, по необходимости, не нарушая прав душевнобольного, предупреждать возможные здесь катастрофы.

Бред как частица клинической картины душевного заболевания, как результат качественно нарушающего личность болезненного процесса, то есть переслойки личности, не может

быть единственным расстройством у больного человека. Он обязательно, особенно со временем, «обрастает» и иной душевной патологией: галлюцинациями, эмоциональным опустошением, аффективными (от лат. *affectus* — душевное волнение) расстройствами (спады, подъемы) и т. д. Разубедить больного в его бредовых идеях практически невозможно еще и потому, что он не только думает, но и чувствует по-бредовому.

Поправляется, по-настоящему смягчается бред лишь специальными психиатрическими лекарствами. При этом нередко, особенно при медленном развитии, бред лишь дезактуализируется, то есть до поры до времени оседает, ослабев, на дно души и не обнаруживает себя в разговорах больного, в его отношениях с людьми. Критическое отношение (и то чаще неполное) возникает лишь к острому, спадающему вместе с аффективным напряжением, бреду. Этот «чувственный» бред (подогреваемый бурной аффективной, галлюцинаторной патологией) может довольно быстро слабеть, спадать, когда настроение светлеет и галлюцинации гаснут, как это случается, например, при белой горячке.

Следует помнить, что, каким бы ужасным, жестоким в своем содержании ни был бред, больной не виноват в этом. Бред не проистекает из доблезненной личности — это болезнь нарушает бредом личность больного и его поведение. Впрочем, без возникшего бреда часто было бы еще хуже от основы страдания — зловещей черно-тоскливой неопределенности, болезненной «каши» в душе. С бредом больному хотя бы ясно, кто «враг», кто «друг» и т. д. — от этой, пусть даже патологически-сказочной, определенности душевнобольной становится спокойнее, собраннее в своей душевной напряженности. Не нужно разубеждать его, что-то доказывать. Нужно просто тепло, сочувственно относиться к нему.

Сверхценные идеи (сверхценности) как отдельное душевное расстройство выделил германский психиатр Карл Вернике (1892). Он отличал их от навязчивостей, описанных ранее его учителем Карлом Вестфалем, тем, что сверхценности всегда окрашены сильным чувством (аффектом), и тем, что (как, впрочем, и болезненные сомнения) переживаются они как свое кровное, личностное (а значит, самооборона от них невозможна).

Болезненные сомнения, тревожная мнительность, даже некоторые виды бреда тоже помещаются в это широкое верниковское понимание сверхценностей. С тех пор как в начале XX века были отделены от навязчивостей болезненные сомнения, тревожная мнительность, — сверхценные идеи уже стали понимать лишь как болезненную убежденность в том, чего на самом деле нет. Однако, в отличие от бреда, эта убежденность имеет под собою реальный жизненный факт, который переоценивается, сверхценивается — то есть сверхценность психологически понятна.

Этой конкретной психологической понятностью Карл Ясперс в своей «Общей психопатологии» (первое издание — 1913) и отличил сверхценные идеи от бредовых. По Ясперсу (1994), сверхценности — это «убеждения, окрашенные очень интенсивным аффектом, понятным из личности больного и его судьбы, и вследствие этой интенсивной окрашенности аффектом и благодаря тому, что личность больного идентифицируется с идеей, ложное принимается за действительное» (с. 84).

Выше мы уже говорили о разнообразных личностных почвах, на которых охотно произрастают навязчивости, болезненные сомнения и т. д. Сверхценные идеи также могут вырасти в садах разных характеров, но и здесь определенные общие личностные особенности-свойства предрасполагают к сверхценностям. И это общее личностное, предрасполагающее к сверхценностям, есть душевная инертность вместе с ранним самолюбием, агрессивно-аффективной напряженностью. Там, где эта напряженность со временем уходит-спадает, появляется и живое критическое отношение к прежним сверхценностям, даже иногда с чувством вины. Там, где агрессивная напряженность не уходит, являясь составной частью основы, так сказать, ядра личности, — там и сверхценные идеи практически малообратимы.

Итак, сверхценная идея психологически понятна. Например, авторитарно-напряженный пожилой человек сверхценно-патологически убежден, что молодая жена изменяет ему с молодым соседом по лестничной площадке, поскольку тот, как он заметил, загадочно улыбается, здороваясь с ним. Здесь нет явной нелогичности, все может случиться в нашей жизни. Патология в том, что улыбки соседа этому подозрительному че-

ловеку, ревнивцу, достаточно для *убежденности* в неверности жены. И убежденность эта остро-аффективно заряжена, концентрирует вокруг себя всю душевную жизнь мучающегося ревнивца. Он обычно не является душевнобольным в истинном смысле термина и несет полную ответственность за свои поступки. Он может быть лишь житейски или психопатически (не от психоза) агрессивен, опасен и для жены, и для мнимых своих соперников.

Чаще всего встречаются в нашей жизни сверхценные идеи ревности. Но содержание сверхценностей может быть таким же разнообразным, как и содержание бреда.

Впрочем, сверхценные идеи вины, самоуничуждения, греховности редки. Объясняется это тем, что сверхценный самолюбив и агрессивен, сердит, раздражителен — хотя бы на время сверхценного состояния (например, на время сверхценной борьбы за справедливость, к которой часто расположен своей природой).

Особенности сверхценности обусловлены особенностями располагающего к ним характера, жизненными интересами, воспитанием. Эти особенности характера — не только напряженная авторитарность, но и склонность к инертным тревожным сомнениям, замкнутость-углубленность, тревожность-естественность.

Замкнуто-углубленный научный работник требует, чтобы сослуживец по лаборатории поставил его соавтором в свою статью, так как усмотрел в этой статье отголоски их давнишнего научного спора. Он даже убежден в том, что сослуживец в этой статье приписал себе его открытие. Хотя никакого открытия, говоря серьезно, тут нет, лишь некоторые уточнения известного положения, которые как бы сами собою разумеются, здесь честолюбиво сверхоцениваются, обретают особое значение открытия. Сослуживец теряется. Через некоторое время, однако, сверхценные переживания могут стихнуть и научный сотрудник может попросить у коллеги прощения, даже клянет себя за свои прежние «наполеоновские» настроения и как будто бы критичен к прежней своей сверхценной буре.

Или тревожный сангвиник заподозрил по (как ему показалось) «кислым» улыбкам в его сторону, что начальник дурно к

нему относится. Взвинтился аффект — и уже налицо убежденность в том, что да, именно дурно относится, уволить хочет; уже невозможно войти к начальнику по делу в кабинет, уже впору прощаться с сослуживцами перед «неминуемым увольнением». Или он охвачен желанием писать на начальника уничтожающую жалобу в министерство. Вдруг в это время начальник, открыв дверь своего кабинета, приветливо кивает ему, приглашает — и тут же наступает освобождение от напряжения, облегчение с приливом добрых чувств ко всем вокруг, сверхценности как не бывало.

Принято считать, что к сверхценным идеям склонны многие творческие люди, исследователи. Однако то, что в исследовании держится на сверхценностях, чаще есть самая слабая, уязвимая часть этого исследования, поскольку обычно агрессивные, авторитарные сверхценности не опираются ни на убедительное доказательство, ни на тонкое предвосхищение, интуицию. Сверхценность пригодна для солдата, исполнителя, но не для полководца, творца. Если же все исследование построено на одних сверхценностях, то перед нами обычно сверхценный бесплодный изобретатель, «реформатор», а то и кверулянт, анонимщик.

Как поступать с близкими, сослуживцами в случае их сверхценностей? В соответствии с их характером. Авторитарно-напряженному со сверхценностями — твердо, терпеливо повторять, что он не прав, ибо нет у него доказательств, оснований быть убежденным (в измене, в дурном к нему отношении, в серьезной болезни у себя или близких, в том, что, наконец, изобрел вечный двигатель и т. д.). Поскольку авторитарно-напряженный человек обычно прямолинеен в мыслях, формалист, его и успокоить можно, по обстоятельствам, скорее непонятными ему формулами, научными терминами (например, научно, наукообразно объясняя ему классические законы логики или его анализ мочи), нежели трезвыми житейски-понятными разъяснениями. Даже у авторитарно-напряженного сверхценность способна дать задний ход, хотя и с большим трудом. Замкнуто-углубленного и тревожно-сомневающегося часто довольно оставить с их сверхценностями в одиночестве, чтобы наедине с собою, в раздумье, в аналитических переживаниях сошел запал сердитой нелогичной убежденности. А тревожно-

го сангвиника надо согреть душевным теплом, рассмешить, чтобы тревожно-капризное его настроение, побуждающее видеть все важное для него искаженно-сверхценно, качнулось к солнцу, теплу.

Сверхценные сердиты в своих сверхценных переживаниях, но среди них немало порядочных, широких сердцем людей. Есть и безнравственные сутяги, анонимщики, ложные (ханжеские) борцы за справедливость. Но есть и честные, благородные воины, истинные борцы за правду, гонимые не раз за свою сверхчестность, сверхпринципиальность.

Ипохондрия

Ипохондрией (*hypochondrium* — подхрящье, греч., лат.) со времен древне-римского врача Клавдия Галена и до середины XIX века называли в медицине мягкие части тела под реберными хрящами (печень с желчным пузырем и селезенка), а также саму болезнь этих органов; но только не такие болезни печени, как «желтуху» и «неразделенную любовь». Нередко вместо «ипохондрия» говорили: «болезнь селезенки». Так, отечественный врач Марк Яковлевич Магазинер (1837) называет ипохондрию («болезнь селезенки») «истерикою мужчин», которая обнаруживается «нервическими» и «желудочными» «припадками». Он пишет: «Ипохондрик вечно занят собой, своею болезнью, делается пристрастным к медицине и ее книгам». В середине и в конце XIX века для психиатров-клиницистов мира (Вильгельм Гризингер, 1867; Сергей Сергеевич Корсаков, 1901) ипохондрия была уже просто душевным расстройством, как это считается и по сей день.

Итак, **ипохондрия** — это более или менее сложное, тягостное переживание по поводу какого-то своего конкретного заболевания (в том числе душевного) или просто смутное чувство в себе какого-то заболевания, которых на самом деле нет.

Если человек тревожно или сверхценно преувеличивает свое действительное заболевание, принято говорить об «ипохондрических наслоениях» на это действительное заболевание. Переживать, чувствовать болезнь, которой у тебя нет, думать

о ней, бояться ее, конечно, можно по-разному, и, в зависимости от этого, говорят о разных видах ипохондрии.

При *бредовой ипохондрии* в центре ипохондрического расстройства стоит бред ипохондрического содержания. Это, например, болезненно-нелепая убежденность в том, что организм разрушается от сифилиса, потому что уже вторую неделю не проходит простудный насморк. В таких случаях по-настоящему поможет только врач-психиатр, и, в основном, лекарственным лечением.

При *сверхценной ипохондрии*, к примеру, человек, страдающий язвенной болезнью желудка, без достаточных оснований патологически, сверхценно убежден (хотя и психологически понятно убежден — с точки зрения своего подозрительно-недоверчивого характера) в том, что язва «открылась», но врачами это еще не замечено. Полагает, что даже возможно кровотечение: он так чувствует! «врачи плохо разбираются!», «года два назад все тоже были уверены, а вышло...» Все это — несмотря на то, что гастроскопия, клиническое исследование ясно показывают, что нет оснований так думать. Здесь близкие пациента могут помочь ему, напоминая о надежности современной медицинской науки, техники, лаборатории.

При *навязчивой ипохондрии* человек мучается прежде всего навязчивой мыслью-страхом о не существующей у него болезни, понимая, хоть немного успокоившись, что, действительно, нет оснований полагать, что эта болезнь есть у него. Он обычно и не обследуется, не «ходит по врачам», а лишь спросит несколько раз в день товарища и еще жену, например, так: «Как думаешь, нет у меня гангрены вот здесь, на руке?» — спросит, чтобы смягчить свою душевную напряженность. В таком случае необходимо набраться терпения и не скупиться лишний раз, не раздражаясь, предварительно посоветовавшись с врачом, сказать с уверенностью: «Нет, нет, никакой гангрены тут нет».

При *тревожной или сомневающейся ипохондрии* в центре ипохондрического расстройства — тревожная мнительность или болезненные сомнения ипохондрического содержания. Ипохондрическое переживание такого рода также психологически понятно с точки зрения тревожно-мнительного или тревожно-сомневающегося человека. Тревножно-мнительное пере-

живание возможно снять-успокоить внушающими-ободряющими словами о том, что нет ничего страшного и, слава Богу, еще проживем, или чем-то отвлечь страдальца от ипохондрических мыслей, страхов, например, рассмешив его. С тревожно-сомневающимся (ипохондрически размышляющим), по причине его рассудочности, неспособности легко поверить в хорошее, приходится обращаться с помощью медицинского разъяснения-убеждения, трезвого, естественно-научного анализа тех неприятных ощущений, переживаний или каких-то безобидных крохотных расстройств, образований, например, на коже, слизистых, которые его душевно беспокоят и по поводу которых он болезненно сомневается, не есть ли это «смертельное» («начало конца»), «позорное» или «сумасшедшее». К примеру, сомневающийся мучается: не превращается ли его родинка в меланому? не есть ли лимфатический узелок, который он нащупал у себя на шее, признак белокровия? а может быть, его головная боль — от опухоли мозга? а может быть, его запор — от рака толстой кишки? И в самом деле с какой-то малой вероятностью все так может и быть. В любом случае, следует нести в душе настороженность в том, что и ипохондрики, хоть и доживают часто до глубокой старости, но, конечно, могут заболеть и той болезнью, которой боятся, — так сказать, в прибавку к своей ипохондрии.

Тревожная и сомневающаяся ипохондричность, понятно, бережет ипохондрика в том смысле, что он, постоянно прислушиваясь к работе своего тела, постоянно его осматривая, наблюдая кропотливо за своим душевным состоянием («не схожу ли с ума?»), гораздо раньше невнимательных к своему здоровью людей заподозрит у себя действительно серьезное заболевание, если оно у него вдруг возникнет: как говорится, чем черт не шутит.

Казалось бы, для сохранения здоровья, следуя здоровому образу жизни, неплохо лишний раз профилактически потренироваться, посомневаться: все ли у меня в порядке, не осмотреть ли себя, не обследоваться ли еще раз, вдруг именно сейчас что-то серьезно-патологическое у меня как раз начинается... Может быть, такого рода ипохондричность, происходящая из тревожно-сомневающегося душевного склада ипохондрика, есть благо и для него, и для общества?

Но поразмышляем над этим философски — с точки зрения целесообразности такой ипохондрии для человечества. Ведь если бы каждый вот так тревожно преувеличивал опасность своего нездоровья и в страхе хватался вниманием за каждый мелкий сбой в пищеварении, в работе сердца и т. д., то разразилась бы всеобщая ипохондрическая паника и не хватило бы врачей, медсестер, медицинской техники, лабораторий для исследования болезненно-ипохондрического человечества. Известным количеством более или менее запущенных тяжелых болезней (запущенных обычно людьми бестревожными, легкомысленными к своему здоровью, способными не думать о том, что могут вдруг серьезно заболеть, способными легко верить во все хорошее: «а плохое, дескать, само придет») человечество, таким образом, расплачивается за то, чтобы не быть ипохондрическим человечеством, которое просто не способно к существованию. Впрочем, всюду в мире, в Природе высокое совершенство (в нашем понимании) держится на вопиющем несовершенстве (также в нашем, здоровом, понимании).

Не-ипохондриков в человечестве, конечно же, большинство. Это большинство спасается, во-первых, тем, что тяжелые, исподволь развивающиеся болезни, пока не придет старость, в которой завершается наш путь, случаются все же относительно редко. Во-вторых, это большинство, в отличие от ипохондриков, наделено здоровым, трезвым чутьем маловероятности серьезной болезни в случае всяких микропатологических пустяков. А эти болезненные пустяки (прыщики, закупорки слюнных железок во рту, легкие невралгии и т. п.) более или менее быстро проходят сами.

Однако именно тревожно-сомневающиеся ипохондрики нередко оказываются талантливыми и гениальными людьми. Проявляя присущую им тревожно-сомневающуюся, углубленную въедливость и в других областях жизни, они совершают не только «ипохондрические открытия» в своем организме, но и подлинные открытия в человеческой культуре (Гоголь, Достоевский, Дарвин, Толстой, Чехов, Станиславский).

Теперь о так называемой *депрессивной ипохондрии*. Практически любое ипохондрическое расстройство внутри себя «дышит» тревогой, тоскливостью, которые наполняются из

2. О некоторых...
знаний пациента, из-
содержанием какого-то
не удается тревожн
что нет у него основ
мом заболевании, а
депрессивность, — и
болезни), поскольку
рессивный корень.
Однако есть рас
роком смысле и вне
ется с ипохондричн
рия. Например, деп
мой болезни, потом
одна из самых подхо
ния. Но гораздо ча
хондрически-депре
ких («соматических
сто спянных с депре
в организме. Эти деп
функции, как прав
таковых при истин
ния: «будто что-то т
ся», «будто в сердц
место величиною с
вают воздух, что их
все приходится сво
будет, когда засну?
Страдающим по
хотерапевты помога
нировками, всяким
певтическими спосо
новлять себя в таком
возможно, конечно
чом. Это, во всяком
творческое оживле
кой депрессивности
такой патологическ
ства не действуют, и
кой тишине, увиди

знаний пациента, из окружающей жизни определенной темой, содержанием какого-то тяжелого заболевания. Бывает так, что не удастся тревожному, сомневающемуся пациенту доказать, что нет у него оснований думать о злокачественном неизлечимом заболевании, а дашь ему лекарство, смягчающее тревогу-депрессивность, — и ушла ипохондрия (переживание мнимой болезни), поскольку ослаблен биологически ее тревожно-депрессивный корень.

Однако есть расстройства, в которых депрессивность в широком смысле и внешне, как бы на равных, ярко перемешивается с ипохондричностью, и это есть *депрессивная ипохондрия*. Например, депрессивные мысли о тяжелой, неизлечимой болезни, потому что тяжелая, неизлечимая болезнь — одна из самых подходящих тем для депрессивного размышления. Но гораздо чаще депрессивная ипохондрия — это ипохондрически-депрессивные переживания по поводу физических («соматических») депрессивных тягостных ощущений, часто спаянных с депрессивными вегетативными расстройствами в организме. Эти депрессивные ощущения и вегетативные дисфункции, как правило, вычурно-своеобычны, в отличие от таковых при истинно телесных болезнях. Например, ощущения: «будто что-то там в мозгу тихонько-нежно расплавляется», «будто в сердце слегка чешется какое-то сухое круглое место величиною с крупную монету», «будто легкие не усваивают воздух, что их наполняет» или «легкие не дышат сами, и все приходится своей волей вдыхать и выдыхать — а что же будет, когда засну?» и т. д.

Страдающим подобными расстройствами психиатры и психотерапевты помогают лекарствами, гипнозом, лечебными тренировками, всякими целебно оживляющими душу психотерапевтическими способами. Попробовать лечебно оживлять, вдохновлять себя в таком состоянии любимыми делами, творчеством возможно, конечно же, и самостоятельно, еще до встречи с врачом. Это, во всяком случае, не повредит, а случается, только творческое оживление и помогает в тягостной ипохондрической депрессивности (депрессивной ипохондричности). Придет такой патологически страдающий человек, на которого и лекарства не действуют, в лес, осмотрится вокруг себя в зеленой мягкой тишине, увидит мухомор под березами, крупные ягоды ма-

лины, старую крапиву с необыкновенными формой своей дырками в жестких листьях. Увидит тихую лесную лужу, над которой зависла стрекоза с перламутровой мордой, услышит писк синицы, как сойка трещит. Проникнется всей этой волшебной лесной картиной: по-своему, сообразно его личности, отразится эта лесная лужа в его сложной депрессивно-ипохондрической душе и сама начнет отражением своим психотерапевтически работать, помогая возвращаться к себе из душевной болезненной аморфности-неопределенности. И это воздействие бывает часто лечебно-глубже, проникновеннее влияния от картины на стене или от симфонической музыки из магнитофона.

Депрессия

Депрессия (от лат. *depressio* — понижение, углубление; по-старому «меланхолия»), в сегодняшнем понимании, есть чаще не просто тоска, а целый «букет» родственных по своему происхождению расстройств, в целом — тягостных, мучительных.

Конечно, чаще всего встречающееся самое тяжелое депрессивное расстройство — это тоскливость: серое, черное настроение с чувством надуманной непоправимости каких-то преувеличенных тоской житейских трудностей, с чувством безвыходности, неизбежности душевной боли. Тоскливость может сопровождаться дурными медленными мыслями и телесной малоподвижностью. Но может она соединяться, например, и с тоскливо-тревожной беготней по комнатам, и со смехом попеременно с рыданиями.

Однако довольно часто в наше время встречаются и депрессии без явной тоскливости. Здесь душевный упадок обнаруживает себя масками как бы других болезненных расстройств, масками, за которыми как бы прячется душевная боль, и тогда неспециалисту трудно разглядеть в такой депрессии депрессию. Эти маски есть уже известные нам из прежних разделов навязчивости, страхи, болезненные сомнения, тревожные опасения, острая застенчивость. Это и лень, вялость-апатия с тягостным желанием хоть чего-то желать, и напряженность-струна в душе, и пронзительная злость, и пе-

реживание эмоциональной измененности своего «Я» (деперсонализация), истерические, неврастенические расстройства и неприятные, в том числе очень сложные, странные телесные ощущения («раздувает изнутри сердце», «будто что-то неприятное насыпано под кожей и мешает» и т. п.), даже физические боли и вегетативные нарушения⁷.

За эти депрессивные маски такие депрессии и называют маскированными (скрытыми, вегетативными и т. д.). И все эти маски, в отдельности и в смешении, так или иначе, проникнуты, пронизаны тоскливостью (пусть малозаметной).

Обычно что-то здесь преобладает: например, физическая боль, тягостные ощущения, навязчивости, истерическая «трясучка». А то и вылезет откровенная тоскливость, душевная боль. Тоскливость может давать себя знать одновременно также и физической болью, тягостным телесным ощущением в груди (без какого-то соматического заболевания).

Впрочем, не только в депрессии, но и в обычных, будничных расстройствах настроения часто мелькают указанные маски, так сказать, в мягком, житейски-здоровом виде. Также можно говорить и о здоровой, в том числе уместной по обстоятельствам, тоскливости, с которой нередко перемешиваются эти маски в размере житейских расстройств настроения. Такие тоскливые и с разнообразными масками расстройства настроения нередко называют хандрой.

Стихотворение молодого Николая Огарева (40-х годов XIX столетия) так и называется «Хандра»:

Бывают дни, когда душа пуста:
Ни мыслей нет, ни чувств, молчат уста,
Равно печаль и радости постылы,
И в теле лень, и двигаться нет силы.

⁷ Вегетативные (от позднелат. *vegetativus* — произрастающий, растительный) расстройства — это расстройства вегетативных (растительных) органов, роднящих нас с растениями. То есть занятых обменом веществ (ростом, процветанием) и размножением, но не передвижением тела в пространстве (например, за добычей или от врага), присущим уже только животным. Вегетативные органы — это желудок, кишечник, сердце, сосуды, протоки желез, железистые мешочки и т. п. Они не подчиняются нашей воле, в отличие от, например, мускулатуры рук, шеи и т. д. Их типичные расстройства — рвоты, поносы, запоры, сердцебиения, повышение артериального давления, спазмы сосудов, протоков, потливость.

Напрасно ищешь, чем бы ум занять, —
Противно видеть, слышать, понимать,
И только бесконечно давит скука,
И кажется, что жить — такая мука!
Куда бежать? чем облегчить бы грудь?
Вот ночи ждешь — в постель! скорей заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сон нейдет, а тьма томит докучно!

В любом случае, это Природа защищает человека масками от острой, черной тоскливости, претворяя ее в навязчивость с «механизмом» самолечения, например, через выполнение каких-то навязчивых действий, в обезболивающую деперсонализацию-онемение души, в депрессивную истерику с возможностью отреветься-отшуметься и хоть немного этим успокоиться.

Вообще депрессия в истинном, психиатрическом, смысле, в отличие от просто расстройств настроения, даже болезненных, все-таки более или менее плотно занавешивает личность человека — занавешивает настолько, что он перестает на время депрессии быть собою. Лишь на время депрессии. Любая депрессия, рано или поздно, все равно проходит, отпускает.

По своему происхождению депрессия может быть психогенной (реактивной), то есть реакцией на душевные удары (смерть близкого человека, навалившаяся тяжелая телесная болезнь, служебная катастрофа и т. д.). Депрессия может быть органической или соматической (при каком-то повреждении мозга — травматическом, токсическом, инфекционном и т. д., при отягощенности соматическими болезнями, старостью). Может возникнуть депрессия у людей с особой предрасположенностью к ней — в возрасте увядания (с гормональной перестройкой организма). Наконец, депрессия может возникнуть врожденно-генетически (как бы изнутри себя, без понятных причин: «эндогенная депрессия»).

Депрессия, независимо от происхождения, всегда имеет для клинициста биологическую основу в виде какой-то депрессивной «отравленности» организма. Эти биологические «депрессивные вещества» выходят из потаенных внутренних хранилищ — либо сами собою, генетически-запрограммированно,

либо под влиянием разнообразных внешних воздействий, в том числе душевных травм.

Природа человека стихийно по-разному защищается от всех этих вредоносных воздействий, в том числе депрессивными масками-щитами. Навязчивость, как отмечено уже в разделе о навязчивостях, придает «черной» аморфной душевной напряженности содержание, указывающее, что нужно такое навязчивое сделать, чтобы она, эта напряженность (депрессивный корень навязчивости), ослабела. Тягостные телесные ощущения, физические боли, в которые «переплавляется» душевная напряженность-тоска, отвлекают от душевной муки.

Деперсонализация обезболивает. Это как внутренний самонаркоз, от выплеска в кровь внутренних наркотиков (эндорфинов). Наступает неспособность душевно переживать, тревожиться, мучиться — от эмоциональной измененности в виде онемения души. Бывает, депрессивный больной мучается и от этого душевного бесчувствия: ребенок серьезно заболел, а он, отец, не способен переживать; увольняют с работы, неизвестно, как кормить семью, а ему все равно. Но если бы он знал, что это природа защищает его бесчувствием от острой безысходной тоски, то, возможно, не клял бы себя так за эту свою деперсонализационную бесчувственность.

Кстати, при лечении гипнозом у людей, предрасположенных к деперсонализационной защите, этот защитный механизм оживляется в гипнотическом состоянии. Гипноз и есть целебное оживление гипнотизацией индивидуальной природной защиты организма — деперсонализационной, вытесненно-сомнамбулической и т. д.

Все это в уютной лечебной группе творческого самовыражения мы рассказываем пациентам, дабы они знали, что с ними происходит, и сделались хоть немного врачами для себя самих, помогая себе пережить страдание.

Дело врача, как полагал Гиппократ, помогать Природе защищаться совершеннее там, где врач на это способен с помощью лекарств, физиотерапии, хирургии или разнообразного психотерапевтического воздействия. Даже краткая психотерапевтическая беседа может так благотворно освежить-смягчить депрессивную душу, что «веществами радости» как бы разрушатся, нейтрализуются «депрессивные яды». Гипнотиза-

цией возможно, как уже отметил, не только усилить-укрепить спасающую от дущераздирающей тоски природную деперсонализацию у людей мыслительного склада, но и лечебно сомнамбулически сузить сознание у тех художественно-эмоциональных пациентов, которые к этому предрасположены. То есть возможно оживить иную, вытеснительную, индивидуально-природную защиту — способность невольно и выразительно вытеснять, выталкивать из сознания неуютное, травмирующее.

В клинической картине реактивной депрессии, как пояснил в свое время Карл Ясперс (1913), психологически понятно, «как в зеркале», по выражению Ясперса, видится содержание психической травмы: депрессивная женщина, например, постоянно тоскливо думает об умершем муже, не может примириться с тем, что его уже нет, мучает-винит себя в том, что плохо искала, не нашла еще какого-то из многочисленных лекарств, о котором говорила ей соседка. Открывает шкаф — и сердце тоскливо сжимается при виде настолько знакомого пиджака мужа, будто и сейчас как-то соединенного с ним.

Нередко такого депрессивного больного, больного может даже обидеть предложение врача приглушить лекарствами или гипнозом болезненное страдание, переживание об ушедшем любимом, близком человеке, которым сейчас переполнена душа. В таких случаях надобно помочь страдающему именно *пережить* всей душой эту содержательную реактивную депрессию (от душевной травмы, тяжелого конфликта). Психолог Федор Ефимович Василюк так и называет свой чудесный психотерапевтический очерк: «Пережить горе» (1991).

Личностное, даже горестное, переживание есть всегда творческая, оживляющая индивидуальность, душу, работа, которая одновременно суть вдохновение (творческое вдохновение), духовный свет, Смысл, обогащение Духовностью, Любовью (доброжелательным отношением к людям и природе с поиском добра, с готовностью встретить добро).

Духовность, Любовь, Творчество, как и пламя свечи, даже для нерелигиозного человека как-то тайно-светло соединены с темой вечности и потому способны примирить с тяжелой утратой.

В случае не-реактивной депрессии с выраженной тоскливостью нет строгой психологической понятности между содер-

жанием травмирующего события и содержанием страдания. В клинической картине такой депрессии тоскливость обычно густо перемешана с депрессивными масками. Вообще все тут в переживаниях перепутано-перемешано с точки зрения здоровой логики.

Обычно такой пациент не чувствует себя в аморфной черноте депрессии душевно самим собою от тягостной разлаженности, и тогда жизнь, как говорят многие в таком состоянии, теряет свой смысл и не хочется жить. Сплошь и рядом ни гипнотерапия, ни лечебные беседы не доходят до его сердца. Нередко и лекарства тут не могут, хотя бы грубо-механически, оживить душу или приглушить страдание. Часто не дает покоя больная убежденность в том, что ничего хорошего нет, никогда не было, никогда не будет, и единственный выход из этого отчаянного положения — прекратить все это самоубийством.

«В конце концов, — размышляет депрессивный человек, — я ведь волен распоряжаться своей жизнью. Разве я себе не хозяин?»

Да, хозяин, — должны мы согласиться с ним. — И имеете право распоряжаться своей жизнью, но не сейчас, не в депрессии, а когда депрессия отойдет от вас, ибо сейчас, в болезненном страдании, весь мир воспринимается искаженно-черно и сегодняшнее переживание не отражает правду жизни.

Конечно же, верующему христианину легче справиться с любой своей депрессией, чем неверующему человеку. Верующий, даже в самом отчаянном безысходном положении, изнуренный, например, раковыми болями, способен светло верить в то, что в нем вот так трагически повторяются муки распятого Христа. И ему порою тоже неизвестно, как и несчастному Иову, во имя чего он терпит эти ужасные, но священные страдания.

Религиозный философ Николай Александрович Бердяев (1990) отмечал по этому поводу, что «тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира». Тоска — это «тоска по трансцендентному» (лежащему за границами нашего земного познания. — М.Б.), по иному, чем этот мир, по переходящему за границы этого мира», «тоска может пробуждать богосознание, но она есть также переживание богооставленности» (с. 45).

Однако в любом случае депрессивного больного, даже глубоко верующего, должен лечить прежде всего врач: навсегда запомним, что депрессия с тоскливостью особенно чревата самоубийством. И самому тоскливо-депрессивному человеку трудно себя убедить в том, что депрессия пройдет, в том, что это — не трагически жестокие обстоятельства жизни, а именно депрессия представляет обычные трудности-обстоятельства такими трагически жестокими.

Наши депрессивные пациенты в процессе лечения учатся под руководством врача помогать себе и друг другу, конечно же, не только разумом, но и творческим целебным оживлением души, временным (по обстоятельствам) или с постепенным вхождением в целебно-творческий стиль жизни. Об этом подробнее расскажу в других разделах книги. Здесь же пока даю лишь важное в этом смысле место из давнего письма ко мне С., 46 лет, ныне психотерапевта.

«Я долго слушаю своего депрессивного товарища, а затем спрашиваю, не может ли он припомнить что-нибудь светлое. Оказывается, не просто не может, но, по его словам, и вспомнить нечего, поскольку светлого в его жизни просто не было. То же самое я могу сказать и о себе. И если мне напомнить бесспорно светлый эпизод, я отвечу, что это был лишь мираж, а по-настоящему светлого не было. <...> Светлого не было и нет и, тем более, уже не будет — вот характерный, повторяемый на разные лады депрессивный мотив. И дело тут не в более или менее мрачном взгляде на жизнь, а в том, что дискредитируются положительные жизненные идеи, включая идею противодействия болезни, что затрудняет, а то и вовсе останавливает положительное движение».

С. в тяжком настроении открывает прежнюю свою запись, с которой уже удавалось смягчиться:

«Вспоминаются высокие березы летним днем, а ты стоишь под ними, задрав голову... И сразу прекратилась нервотрепка и захотелось курить...»

Что это? Это человек почувствовал свое, близкое себе (летний день, березы) в своей записи, почувствовал себя от этого самым собою — и возникло целебное просветление-вдохновение.

Нередко довольно легко и быстро творческое целебное вдохновение, просветление наступает у романтического человека с

О характерах людей

не-депрессивными расстройствами настроения, скукой, хандрой, если он, хотя бы коротко, соприкоснется с чем-то созвучным его душе и, значит, оживляющим-просветляющим душу. Это может быть, например, акварельный пейзаж, лирическое стихотворение, записанный на пленку венский вальс и т. д.

Некоторым людям, страдающим расстройствами настроения и даже депрессией, склонным сказочно-творчески погружаться в прошлое своего народа, бывает, неплохо помогают старинные заговоры. Здесь важно язычески-одухотворенно проникнуться, например, в «Заговоре красной девицы от тоски» всей нарисованной там поэтической картиной; представить, как «на травушке со муравушкой» сидят «тоска со кручиной», подумывая, «как бы людей крушить, сердца щемить», и как возможно велеть им изгнать тоску «из ретива сердца красной девицы», а то и побить их ивовыми прутами, ежели не покорятся⁸.

⁸ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1885. С. 62.

3. О происхождении
слабых и помешанных

Этот раздел есть прежде
кого размышления о ха
застенчивых, нерешите
ных. Нередко называют
основой такого душевно
тип высшей нервной
пократовскому меланхо

Темперамент (тип
преимущественно биол
ристика душевной жи
Характер (добрый, зло
темперамент в уже «ск
новом эмоциональн
Условно говорят и о ха
бенностях высших жив
том» виде характер; он
ность человека, то ест
рактором особенност
понимания себя, своег
роды, в истории челове
ступно.

Есть термин, охват
мо от того, больны он
Это — **дефензивность**
живный человек — не
ный командовать, а на
хвость» в той обстанов
кой человек непракти
душевно инертен, тор
но-мнителен, малоду

3. О происхождении характеров, сила слабых и помощь при дефензивности

Этот раздел есть прежде всего попытка естественно-исторического размышления о характерах вообще и особенно о людях застенчивых, нерешительных, тревожных, совестливых, инертных. Нередко называют их *слабыми людьми*. Физиологической основой такого душевного склада является павловский **слабый тип высшей нервной деятельности**, соответствующий гипократовскому меланхолическому темпераменту.

Темперамент (тип высшей нервной деятельности) — это преимущественно биологическая (физиологическая) характеристика душевной жизни, поведения человека и животных. *Характер* (добрый, злой, стеснительный и т. д.) вбирает в себя темперамент в уже «снятом», усложненном виде, это — в основном эмоционально-волевая характеристика человека. Условно говорят и о характерах, о характерологических особенностях высших животных. *Личность* вмещает в себя в «снятом» виде характер; она являет собою уже духовную особенность человека, то есть связанную и с темпераментом, и с характером особенность его мироощущения — собственного понимания себя, своего места, своей цели в жизни людей и природы, в истории человеческого общества. Животным это недоступно.

Есть термин, охватывающий всех *слабых людей*, независимо от того, больны они в нервном отношении или здоровы. Это — **дефензивность** (от лат. *defensio* — защищать). Дефензивный человек — не авторитарный, не агрессивный, не склонный командовать, а наоборот, защищающийся, «поджимающий хвост» в той обстановке, где агрессивный «оскаливается». Такой человек непрактичен в широком смысле, нерасторопен, душевно инертен, тормозим, рассеян, неуверен в себе, тревожно-мнителен, малодушен, стеснителен, астеничен (немошен),

слабоволен, несообразителен, незащищен, робок, раним, склонен к сомнениям и самообвинению, обостренному чувству вины. Дефензивный печально-тревожен, углублен в себя. Самое существо его душевных переживаний — врожденная борьба чувства неполноценности с ранимым самолюбием. Эта борьба (конфликт) и сказывается конкретно вышеперечисленными душевными свойствами, проявлениями.

Ни в коем случае не следует считать, что человек авторитарный, агрессивный (тоже в широком смысле — не обязательно способный напасть на обидчика, но просто уверенный в себе, практичный, решительный и т. д.) лучше или хуже дефензивного. И тот и другой могут быть весьма благородными, нравственными людьми, но у каждого свое поле жизни, где он может себя наиболее общественно-полезно выразить, применить. Однако авторитарность — основа практичности (в том числе практического творчества), организаторских дел, воинственности, а дефензивность — основа нравственных переживаний, копаний, рефлексии, склонности сочувствовать, открывать благодаря сомнениям и инертной «несообразительности» свое, новое в науке и искусстве, преподавать (из-за потребности себе самому все разъяснять, «разжевывать»). Как может быть патологической авторитарность (агрессивность), так и дефензивный человек может быть утомительным, тревожным ипохондриком, «занудой»; случается, его сверхсовестливость тиранически осложняет его жизнь и жизнь его близких.

В широкое понятие «дефензивность» включаются астенические, психастенические (душевно немощные) психопаты⁹, дефензивные (психастеноподобные, астеноподобные) шизоиды, циклоиды, epileптоиды, органические психопаты и соответствующие своим характерологическим рисунком всем этим психопатам акцентуированные (здоровые, но с яркой особенностью) личности. Включаются сюда и похожие на психопатов, невротиков пациенты с мягкими формами душевных болезней. Отмеченный центральный конфликт (для всякого дефензивного человека) чувства неполноценности и ранимого самолюбия во всех этих различных по своей природе случаях имеет особен-

⁹ Психопатия — врожденная патология характера, болезненная заостренность, гипертрофия характерологических свойств, без малоумия, без каких либо разрушений характера, его оскудения, переслоения.

ности. Однако не станем здесь углубляться в эти специальные подробности. Это уже было раньше. Будем говорить широко о дефензивном человеке, которого издревле называли во всем мире *меланхоликом*.

Понятно, при таком широком толковании невольно возникает много неточностей. Это похоже на то, как если бы мы говорили вообще о душевных особенностях женщины и выходило бы, что все женщины эмоциональны, не отличаются склонностью к глубоким философским размышлениям и т. п.: тоже неточно, поскольку есть и другие женщины. Однако широкий подход к дефензивному (меланхолическому) человеку имеет здесь смысл потому, что размышляем сейчас об этом человеке прежде всего естественно-исторически (в надежде и таким образом психотерапевтически ему помочь); поэтому не стоит именно здесь, в этом разделе, входить в дифференциальные подробности, иначе запутаемся.

О происхождении характеров

Карл Маркс (1961) отмечал, что «человек по самой своей природе есть животное, если и не политическое, как думал Аристотель, то во всяком случае общественное» (с. 338). Без общества, без общественного воспитания, с воспитанием, например, волчьим в буквальном смысле, человек действительно не стал бы человеком, а пребывал бы в дикости. Воспитание способно усилить-развить, сгладить-приглушить, научить скрывать природные характерологические задатки. Порою человек благодаря воспитанию вживается в иную, не свойственную его природе, роль, и в этом смысле характер его как бы меняется.

Значение воспитания, образования особенно убедительно осознаешь, когда, например, представишь, что Пушкин и Лермонтов, Тургенев и Толстой могли бы родиться в тогдашних крестьянских семьях. Стали ли бы они в таком случае писателями, трудно поручиться, — и все-таки мы бы узнали их благодаря природным свойствам их характеров.

Однако воспитание не всесильно — оно серьезно зависит от сопротивляющихся ему особенностей биологического материала. И поэтому, особенно в случаях врожденной характе-

рологической патологии, реальнее говорить не о «переделке» характера воспитанием, а о приспособлении стойких «трудных» свойств характера к общественной пользе.

Человек в природных, биологических, своих основах несет в себе «животную половину» (И.П. Павлов). Биологические особенности (особенности телосложения, строения мозга, физиологических функций и т. д.) определяют многие стойкие, врожденные свойства характера — Павлов даже описал *общие* типы высшей нервной деятельности животных и человека.

Сходство нрава отдельных людей с нравом тех или иных животных отмечалось с древних времен. Есть основания полагать, что первобытные люди называли себя сыновьями животных, на которых похожи, — примерно так, как это описано в романе Рони Старшего о доисторических временах (сын Леопарда, сын Зубра, сын Сайги)¹⁰. Первобытные люди были убеждены в том, что каждый их род происходит от какого-то животного, растения и даже явления природы или неодушевленного предмета (тотемизм). «В Сибири, — пишет Э. Тейлор (1939), — якуты чтили медведей наряду с лесными божествами, кланялись, проходя мимо их любимых логовищ, и повторяли различные прибаутки в прозе и стихах в честь храбрости и великодушия “милого дедушки”» (с. 402).

Естественно, что люди чувствовали своим предком чаще то животное, на которое более были похожи нравом и сложением. Так и сегодняшние дети, даже взрослые чувствуют в себе общее с какими-то определенными, «своими» животными (например, из сказок). Эти животные им более по душе именно потому, что с ними больше характерологического созвучия, похожести (хотя это часто и не осознается).

Робкому мальчику обычно по душе злой волк только в том случае, когда он ненавидит свою робость и стремится быть противоположным себе. У одного человека есть глубинно-природное общее с веселым, естественным игруном-котенком, другой повадкой, нравом более похож на тревожно-застенчивую кошку или на лису, третий — на медведя или даже на крысу. Это не случайная, не поверхностная похожесть. Она слышится и в

¹⁰ Рони Старший. Борьба за огонь / Пер. с фр. М.: Детская литература, 1935. 204 с.

народных сказках, она вошла в нашу жизнь прозвищами, которыми люди дают друг другу во все времена («газель», «тюлень», «надутый индюк», «осел», «козочка» и т. п.), эпитетами («рыбы глаза», «птичий нос» и т. п.), аллегориями (хотя бы крыловские Попрыгунья-Стрекоза и Муравей).

Исследователи спорят о том, какие именно свойства характера, похожие на человеческие, присущи тем или иным животным. Но в том, что эта похожесть существует, почти никто не сомневается¹¹. Биолог, охотовед А.А. Калецкий (1980), описывая поведение некоторых животных, отмечает «некоторые неточности, бытующие в так называемой народной этологии». Так, по его мнению, заяц не труслив, а хитер и отважен, лисица не столь хитра, сколь осторожна, главное в «характере» волка выносливость, а не злоба и коварство, медведь не медлителен и не добродушен, а очень силен и смышлен, тюлень не «увалень», а очень чувствителен, гиена прежде всего непривередлива и терпелива, свинья чистоплотна, ворона не глупа, а смышлена и нахальна, кукушка не легкомысленна, а заботлива, воробей жизнелюбив...

Поскольку человек — вершина царства всех животных, он эволюционно таит в себе свойства не только обезьяноподобного существа, от которого произошел, но и более далеких (и разнообразных) наших предков. Приведу отрывок из Ч. Дарвина (1953):

«Наши предки были, без всякого сомнения, по своему образу жизни, древесными животными и населяли какую-нибудь теплую лесистую страну. Самцы имели большие клыки, которые служили им грозным оружием. <...> В еще более ранний период времени матка была двойная, испражнения выводились посредством клоаки, и глаза были защищены третьим веком, или мигательной перепонкой. Еще раньше предки Человека должны были быть по своему образу жизни водными животными, потому что морфология ясно показывает, что наши лег-

¹¹ Эти вопросы входят сегодня в круг науки этологии, изучающей сравнительным наблюдением в естественных условиях поведение и причины определенного поведения человека и животных в аспекте эволюционной истории. См., напр.: Самохвалов В.П. Этологический метод и психиатрия // Журн. невропатол. и психиатр. им. С.С. Корсакова. 1984. № 2. С. 288–293; Дольник В.Р., 1994.

кие состоят из видоизмененного плавательного пузыря, служившего некогда гидростатическим аппаратом. Щели на шее человеческого зародыша указывают на прежнее положение жабер. В месячных или недельных сроках наступления некоторых функций нашего тела мы, очевидно, сохраняем отголоски нашей первобытной родины — морского берега, омываемого приливами. Около этого же времени настоящие почки были представлены Вольфовыми телами. Сердце имело вид простого пульсирующего сосуда, и *chorda dorsalis* занимала место позвоночного столба. Эти древние предки человека, которых мы усматриваем в темной дали прошлых веков, должны были быть организованы так же просто, как ланцетник, или амфиокус, или даже еще проще» (с. 269–270, 274).

Если мы не стесняемся иметь своим предком обезьяноподобное существо, то почему должны нас смущать родственные отношения с другими животными, эволюционное «выбухание» свойств какого-либо из этих предков в каждом из нас? Дарвин отмечает, что «человек обязан своим существованием длинному ряду предков. Если бы не существовало какого-либо из звеньев этой цепи, человек не был бы точно таким, каков он есть».

Нет удивительного и в том, что некоторые из «дообезьянных» свойств выступают в нас весьма заметно, создают особенность. Сын Леопарда, уже будучи человеком, например, психопатом, несет в себе авторитарную склонность к агрессивности, нередко мыслит ограниченно-прямолинейно, негиблемо убежден в своей правоте. А генетически-эволюционно пассивно-оборонительные, робкие реакции сына Сайги разрабатываются-усложняются в человеческом обществе в психопатический тревожно-нравственный самоанализ с самообвинением.

Вернусь к симпатиям определенных людей к определенным животным, объясняющимся в том числе и некоторой похожестью, душевным созвучием их с этими животными. К. Лоренц (1971) пишет, что сходство между хозяином и собакой «усиливается благодаря выбору определенной породы или конкретной собаки, так как этот выбор обычно подсказывается симпатией и родственными чертами характера» (с. 70–71).

Как-то на собачьей площадке, где занимался со своей собакой, я удивлялся про себя очевидному несходству, глядя на

3. О происхождении характеров, сила слабых...
нежная, дружелюбная,
куластого боксера, а
не услышал. Ада
шание «Льбе, дру
Немало извест
хозяевами, умор
рактором.

Люди выбира
духу», не только
К примеру, сколь
вых цветах, так ли
ными, астеничес
бель гоголевског
еще раз окинул к
прочно, неуклю
странное сходст
стояло пузатое
совершенный м
тяжелого и бесп
каждый стул, к
и я тоже очень
ходить к этолог
грубо-биологи
прообраз эпил
ции в этом см
баки, и медвед
породы разны
ше добродуш
таки человек.
Различны
лет, общество
среди которо
но участвует

Гоголь Р.
М.: Изд-во АН
«В XX в
мил своим ла
Искусство ст
ние, 1986. С.

нежную, хрупкую на вид девушку — хозяйку коренастого мускулистого боксера, напряженного злостью. Удивлялся, пока не услышал, как она злобно сказала ему за какое-то непослушание «Убью, дрянь, швабра!» и вытянула его прутом.

Немало известно фотографических портретов собак с их хозяевами, уморительно похожих друг на друга осанкой и характером.

Люди выбирают для себя, зачастую бессознательно «по духу», не только животных, но и домашние растения, вещи. К примеру, сколько тихой сангвинической мягкости в полевых цветах, так любимых обычно сангвиническими, циклоидными, астеническими натурами. И не случайно похожа мебель гоголевского Собакевича на самого хозяина. «Чичиков еще раз окинул комнату и все, что в ней ни было, — все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома: в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь. Стол, кресло, стулья, все было самого тяжелого и беспокойного свойства, словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: и я тоже Собакевич! или: и я тоже очень похож на Собакевича!»¹² Нельзя, однако, подходить к этологическим сложностям прямолинейно-просто, грубо-биологично: вот-де пес породы «боксер» — животный прообраз эпилептоида, а олень — астеника. Общие тенденции в этом смысле, конечно же, существуют, но все же и собаки, и медведи, и другие животные отличаются внутри своей породы разными «животными» характерами: у одного больше добродушия, у другого злости и т. д. И человек — все-таки человек.

Различные трудовые занятия людей, воспитание с малых лет, общественный образ жизни, природа (неживая и живая), среди которой люди и их предки выросли¹³, — все это серьезно участвует в формировании характеров, в формировании об-

¹² Гоголь Н.В. Мертвые души // Собр. худож. произв.: В 5 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 136.

¹³ «В XX веке ученые пришли к выводу, что каждый древний народ жил своим ландшафтом и, меняя его, народ менял себя». (Гумилев Л.Н. Искусство стран Востока / Под ред. Р.С. Васильевского. М.: Просвещение, 1986. С. 13–14.)

щих характерологических свойств народов. В этом отношении необычно интересны исследования психиатра Александра Ивановича Ющенко.

В работе «К учению о конституциях с эволюционно-генетической точки зрения» (Совр. психоневрология. 1927. Т. 5. № 7–8. С. 4–19) Ющенко исходит из того, что «человечество, как и все живые существа, развиваясь в течение миллионов лет, филогенетически прошло несколько основных фаз своего развития, соответствующих важнейшим эпохам жизни на земле. Эти фазы повторяются человеком и теперь во внутритробном и детско-юношеском онтогенезе».

Автор описывает различные типы первобытных людей, живших в разные эпохи и в различных местах Земли, сравнивая их с определенными душевно-телесными типами современных людей. Он предлагает называть первобытных людей от питекантропа до неандертальца включительно (обнаруживающих конституциональное сходство) общим термином *зоантроп* (человек на заре развития, пещерный человек). «Особенности описанного типа конституции людей, долго живших на земле, ведущих бродячий, стайный образ жизни, питавшихся корнями, плодами и реже мясом погибших или убитых животных, знавших ловушки, ямы, но не знавших еще лука и стрел, особенности их конституции сильно закрепились в хромосомах и в большей или меньшей степени проявляются и у многих современных людей, не только в утробе матери и в младенчестве, но у некоторых преобладают и в течение всей жизни».

Ющенко отмечает, что зоантроп соответствует кречмеровскому атлету (атлетоиду). Сегодняшние люди, несущие в себе этот тип, неуклюжи, сутуловаты, нелюдимы, жестоки¹⁴. «В го-

¹⁴ Как уже отметил выше, описание душевных подробностей какого-либо типа людей без дифференцированного «погружения» в различные варианты, разновидности этого типа невольно ведет к частным неточностям, ошибкам. Широкий тип зоантропа Ющенко (включающий в себя разные варианты эпилептоидов, напряженно-авторитарных акцентуантов, органических психопатов и органических акцентуантов) многолик, отнюдь не все его представители неуклюжи, сутуловаты, нелюдимы, жестоки. Тут есть и по-своему весьма ловкие, разговорчивые натуры и советливые, тревожные, без тени жестокости. С подобными издержками недифференцированного толкования широкого типа мы еще не раз встретимся.

родах наиболее выражены описанные типы среди лиц тяжело-го физического труда, грузчиков, молотобойцев, на бойнях и т. д. В качестве достаточной примеси признаки данной конституции можно найти у некоторых работников административно-карательных органов, из медиков у хирургов чаще, чем у интернистов и психоневрологов. <...> Из поражений личности по преимуществу этой конституции свойственны эпилептоидные состояния, параноидальные, шизофренические и тяжелые алкогольные поражения личности, много атлетоидности наблюдаем при нервно-психическом травматизме».

Жившие позднее длинноногие кроманьонцы с долихоцефалическим, но еще достаточно выступавшим вперед своей лицевой частью черепом, охотники и рыболовы, строившие уже хижины из бревен, покрытые шкурами, с лбом «более свободным от волос, чем у людей пещерно-атлетоидной конституции», со «значительными умственными способностями», «общественной специализацией», религией, скульптурой, живописью, «кремневой и костяной индустрией» составляют, по Ющенко, переходную от эоантропа-атлетоида конституцию *палеоантропа* (древний человек, охотник, кочевник), соответствующую кречмеровской астенической (или лептосомной) конституции. Свойства этой конституции часто встречаются у современных психастеников, шизоидов и некоторых шизофреников. Здесь «инстинкты питания менее напряжены», «импульсивности здесь меньше». «Принадлежащие к этой конституции люди избирательно общительны, вдумчивы, сдержанны, мышление их более индуктивно, системно, аутопсихично. Они склонны к схемам, метафизике, абстракциям; наиболее выраженные типы со свойствами этой конституции, как известно, встречаются среди некоторых кочевников, семитов, северных германцев, достаточно у некоторых славян, немало и среди некоторых горцев Северного Кавказа и т. д. Нередки они среди искусных ремесленников, кустарей, всяких изобретателей, педагогов-методистов, формалистов-чиновников и судей, математиков. К этой группе, как всем известно, принадлежало и принадлежит много выдающихся ученых-математиков, физиков, юристов, философов и писателей с автобиографическим содержанием их творчества» (с. 16).

Наконец, самым поздним Ющенко считает тип, формированию которого способствовали проживание на берегах морей, рек, земледелие, ремесла, торговля с «обильным питанием по преимуществу растительной пищей, молоком и т. п.». Это люди с «крепким хорошо развитым черепом, особенно в лобной его части, крепким костяком и недлинной толстой шеей, крепкой широкой вместительной грудной клеткой, недлинными, но крепкими конечностями, хорошо развитой объемистой мускулатурой». Общественный труд, торговля совершенствовали речь, слияние интересов индивидуума и семьи с интересами общины. Этот тип конституции, сложившийся в неолитическую эпоху, Ющенко предлагает называть *неоантроп* (новый человек, земледelec, «общинник»). Современные люди с данной конституцией «общительны, говорливы, трудолюбивы, реальные практики, синтонны». «Эта конституция в значительной степени наблюдается среди многих французов, северных итальянцев, швейцарцев, южных германцев, украинцев, но ее достаточно и среди общинников некоторых великороссийских губерний».

«Наиболее часто признаки неоантропа можно найти в различных объединениях, артелях, среди различных посредников, комиссионеров, среди многих естествоиспытателей и особенно врачей. <...> Признаки этой конституции преобладают у многих выдающихся людей — естествоиспытателей, медиков, реальных политиков, коммерсантов. <...> Из болезней, свойственных этой конституции, часты — псориаз, болезни жирового и углеводного обмена, подагрический диатез, эмфизема, болезни сердца и сосудов, особенно сосудов головного мозга, камни желчных и мочевых путей и раки. Из поражений личности этой конституции свойственны циклотимии и циклофрении».

Таким образом, по Ющенко, современные люди начинались своими основными, конституциональными, телесными и душевными особенностями еще в первобытные времена. Например, первобытный предок эпилептоида (или акцентуанта с напряженно-авторитарным характером) — пещерный атлет эоантроп; предок психастеника, астеника, шизоида и соответствующих им акцентуантов — лептосомный или астенического сложения охотник, кочевник палеоантроп; предок пикнического циклоида (сангвиника) — земледelec, «общинник» неоантроп.

3. О происхождении характеров, сила слабых...
Ющенко не сомневается в том, что конституция (охотничья) есть конституция для А.И. Ющенко «общинник». На мой взгляд, в спорах о будущем конституции, что человек, что животное, что личность, что конституционализм, Ющенко предлагает обобщенные для последней теории антропологии, «вековых» ходимости для общественно дает в своей теории антропологии. Там сказано, что человек в мерности в господствующем было реальные того пропитанного типа». Далее Рогинский «вековых», т.е. жизнь неоантропа, все вечных психологические истинные законы общественной жизни, законы раз-

Ющенко не соглашается с мнением патофизиолога А.А. Богомольца о том, что именно лептосомно-астеническая конституция (охотник, кочевник палеоантроп — по Ющенко) есть конституция человека будущего. Человеком будущего для А.И. Ющенко, по всей видимости, является земледелец, «общинник», сангвиник, неантроп.

На мой взгляд, нет серьезного смысла в размышлениях, спорах о будущей, как бы единой конституции человека, потому что человечеству равно необходимы различные, «противоположные» конституции, составляющие его, — для различных, вечных человеческих дел, требующих особых конституциональных свойств-способностей. Исследование Ющенко представляется отважным, ценным естественно-научным обобщением — при всех понятных неясностях, оставленных для последователей, критиков.

Антрополог Я.Я. Рогинский (1977) обсуждает вопросы древних, «вековых», человеческих характеров именно в духе необходимости для человечества на все времена различных своими общественно важными особенностями конституций. Рогинский дает в своей книге главу «О типах характера и их значении в теории антропогенеза» (с. 218–256).

Там сказано о том, что «на завершающей стадии эволюции человека вместе с появлением неантропа социальные закономерности в отношениях людей между собой приобрели свое господствующее значение. Одним из проявлений этого господства было резкое затухание естественного отбора и прекращение того процесса морфологической эволюции, который шел от пропитекантропов до возникновения человека современного типа».

Далее Рогинский пытается осветить проблему «вечных», или «вековых», типов характера, «позволяющих лучше всего оценить определяющую роль общественных закономерностей в жизни неантропа даже в той области его поведения, где, казалось бы, всего важнее природные различия людей». Говоря о вечных психических типах, автор опирается на известное положение исторического материализма о том, что, наряду с особыми законами развития, свойственными только отдельным общественно-экономическим формациям, имеются и общие законы развития общества, присущие любой формации.

«Необходимость борьбы», «необходимость взаимного сотрудничества и солидарности», «необходимость производства средств существования и орудий труда» проходят «через историю каждого самостоятельного коллектива». Наиболее специфически человеческая из этих трех задач — производство. Оно-то и «переделало» и «борьбу», и «согласие», оно, производство, «непременно включает в себя в той или иной исторической форме взаимопомощь и сотрудничество». Рогинский считает, что основные традиционные типы характера (рассудочный, чувственный и волевой) связаны с упомянутыми тремя основными функциями общества: борьба — функция воли, производство — «функция рассудка, познающего природу, людей и их взаимоотношения», солидарность — функция чувства. «Если это рассуждение правильно, то естественно предположить, что самое выделение в качестве важнейших психических функций человека рассудка, чувства и воли, может быть, и произошло по крайней мере частично, вследствие их соответствия основным формам социальной деятельности». Поскольку «общество требует разрешения некоторых жизненно важных для него задач на всех этапах своего развития», то в процессе человеческой деятельности, выполняющей эти задачи, «характеры разного природного склада, во-первых, распределяются в соответствии с этими задачами и, во-вторых, формируются ими».

Таким образом, люди разными своими склонностями и соответствующими им формами поведения «в действительности лишь следуют вечным предписаниям общественной жизни». В свое время радостно было читать эти страницы в книге старейшего антрополога — радостно потому, что и сам писал в том же духе в работе «Психопатии» (1976) (см. следующий раздел настоящей книги — с. 282).

Рогинский, наконец, размышляет и «о других, не основных, но тоже вековых психологических типах». «Свою печать на внутренний мир людей накладывала на долгие тысячелетия их принадлежность к различным хозяйственно-культурным типам. Неодинаково формировались мировоззрения тропических охотников и собирателей, охотников и собирателей степей и полупустынь, охотников и рыболовов лесов умеренного пояса, оседлых рыболовов севера, арктических охотников на

3. О происхождении характеров, сила слабых...
морского зверя, так
земледельцев жарких
были также влияни
нографическим соде
но-культурные тип
ограниченными эво
никновения. То ж
Трудно не пойти
лениями Рогинского
смысл вековых пси
ние». Автор отмеча
ность может полнос
ной профессии» (та
мата», «рассеянно
данный человек пр
одну, какую-либо
участвует и в выпо
Выходит, что с
ловлено то, что «
тие воли и имеют
бе, другие — рас
сюда последстви
«существуют веко
характера, котор
биологических р
обретают свой с
обществом».
Итак, все ми
специальных дел
(специализирова
более или менее
вает эту необход
менно есть его л
Понятно, все
блеме выбора и
который дает м
смысл существ
ностям жизни,
и даже соматич

морского зверя, таежных охотников оленеводов, мотыжных земледельцев жаркого пояса и т. д. Чрезвычайно длительными были также влияния принадлежности к разным историко-этнографическим областям, которые так же, как и хозяйственно-культурные типы, являются историческими категориями, ограниченными эпохой и различными условиями своего возникновения. То же относится и к национальным характерам».

Трудно не пойти дальше вслед за более детальными размышлениями Рогинского, направленными к тому, чтобы «выяснить смысл вековых психических типов и понять их происхождение». Автор отмечает, что хотя «частная типическая особенность может полностью преградить путь к занятию в специальной профессии» (так, недопустима «вспыльчивость для дипломата», «рассеянность для летчика» и т. п.), — тем не менее данный человек при всей своей ограниченности, «выполняя одну, какую-либо основную, функцию в обществе, косвенно участвует и в выполнении других».

Выходит, что совершенно необходимо и исторически обусловлено то, что «одни типы имеют преимущественное развитие воли и имеют более непосредственные склонности к борьбе, другие — рассудка, третьи — эмоций с вытекающими отсюда последствиями для их общественной деятельности»; «существуют вековые и в этом смысле «надисторические» типы характера, которые тем не менее проистекают не только из биологических различий между людьми, но рождаются и приобретают свой смысл из вечных задач, разрешаемых любым обществом».

Итак, все мы стойко, природно *разные*, так как для разных специальных дел общество должно иметь разных специальных (специализированных) работников. Убежден, что каждый из нас более или менее ограничен своей личностью и нередко переживает эту необходимую свою ограниченность, которая одновременно есть его личная особенность и потому высшая ценность.

Понятно, все это имеет непосредственное отношение к проблеме выбора индивидуального жизненного творческого пути, который дает молодому человеку стойкий душевный подъем, смысл существования, укрепляет его сопротивляемость к трудностям жизни, предупреждает, насколько возможно, нервные и даже соматические расстройства.

Так называемых «слабых» (меланхолических) людей Рогинский именует чувствительными, поскольку их характеру отвечает не борьба с врагами (волевые), не производство, невозможное без «рассудка, познающего природу, людей и их взаимоотношения» (рассудочные), а солидарность, согласие людей, невозможное без чувства, способности к состраданию.

Чувствительные («слабые», меланхолические, дефензивные) в наше цивилизованное время нередко находят свое «слабое» дело, заданное им обществом, и это дело делает некоторых из них даже великими в нашем понимании людьми на все века. Это возможно благодаря тому, что «слабость», дефензивность (то есть физическая слабость, тревожность, неуверенность, непрактичность — как принадлежность меланхолических натур) вечна. Она живет уже в «астенических» животных (олень, корова Стеллера и т. д.), она дает себя изредка знать даже в «астенических» натурах хищников. Не исключено, что рождаются, например, «астенические» львы и медведи, которых быстро уносит из жизни естественный отбор в виде зубов более сильного, более «обычного» зверя или смертельного голода¹⁵.

Но «слабость», дефензивность рождается вновь и вновь, даже в самые суровые времена. Она генетически неистребима, как генетически неистребимы хвосты доберманов, несмотря на то, что эти хвосты уже столько поколений отрубаются у щенков при рождении. И вот эта «слабость» проявляется в «оранжерейных» условиях цивилизации в по-кошачьи тонко-чувствующих меланхолических котах, наполненных пассивно-оборонительными реакциями¹⁶, или в «слабых» людях — тонко-чувствующих, застенчивых, непрактичных, напряженных нравственно-этическими переживаниями.

Уже первобытные люди, сколько знаем, уважали физически некрепких, даже дряхлых старейшин за их ум, опыт, тревожную осторожность и нравственную справедливость, понимая уже, что нередко мудрость лишена крепких мускулов и воинственной сноровки.

¹⁵ Человеческая дефензивность сказывается, например, и в том, что человек, не способный в маленьком городе прокормить семью (нет работы), как это бывало, кончает с собою, тогда как его агрессивный сосед идет грабить.

¹⁶ Бурно М.Е. Кот-меланхолик (1976).

О характерах людей

Альбрехт Дюрер. «Меланхолия» (1514)

Отношение к «слабому»
(меланхолическому) характеру
в разные времена в западноевропейских странах

«Меланхолия» Дюрера

Историк искусства Цецилия Генриховна Нессельштраус в капитальном труде¹⁷ с краткой точностью излагает античное и средневековое учение о четырех темпераментах, высвечивая внимательно меланхолический темперамент и размышляя о нем, о различных взглядах на меланхолию, новом представлении о меланхоликах в эпоху Возрождения, отраженном так сильно в гравюре великого художника немецкого Возрождения Альбрехта Дюрера «Меланхолия» (1514).

В античное и средневековое время принято было считать, что меланхолик, порожденный Землей под знаком Сатурна, сух, холоден, воплощает вечер, осень и пожилой возраст, тогда как сангвиник, порожденный Воздухом под знаком Юпитера или Венеры, несет в себе влажность, теплоту воздуха, воплощает утро, весну, нежный ветер, юность; холерик, порожденный Огнем под знаком Марса, несет в себе сухость и жар, воплощая полдень, лето, зрелость, а флегматик, порожденный Водой, так зависящий от «холодной и связанной с морем Луны», влажен, холоден, родственник ночи, зимы, старости.

Средневековая медицина самым худшим и опасным темпераментом считала меланхолический¹⁸. «Людям этой категории, — пишет Ц.Г. Нессельштраус, — присущи неуклюжее сложение, худоба, смуглый цвет кожи, темные волосы и глаза, они угрюмы, печальны, инертны, ленивы, им свойственны скудость, жадность, коварство, они злобны и трусливы, избегают общества и ищут уединения». Эти «неприятные и несчастные люди», рожденные под знаком самой несчастливой из всех планет, более других подвержены душевной болезни. «Единствен-

¹⁷ Нессельштраус Ц. Альбрехт Дюрер. 1471–1528. Л.–М.: Искусство, 1961. С. 144–153.

¹⁸ См. об этом в оригинальном источнике: Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья. М.: Медицина, 1970. С. 35–36.

ное, что в какой-то мере может служить им утешением и иногда искупает или смягчает их недостатки, — проявляющаяся у некоторых из них склонность к наукам и размышлениям, которым они предаются в своем одиночестве».

Меланхолический темперамент в готическом искусстве «ассоциировался обычно с ленью — одним из качеств, приписываемых этой категории людей. Спящий возле плуга фермер, уснувший подле распятия бюргер, задремавшая у прялки женщина, а иногда и целое семейство спящих или бездельничающих лентяев — в таких и аналогичных образах предстает Меланхолия в ряде гравюр додюреровской поры»¹⁹.

Дюрер, как отмечает Нессельштраус, в своей работе над прославленной «Меланхолией» уже опирался на сложившееся во второй половине XV века в среде итальянских гуманистов новое толкование меланхолического темперамента, исходящее из положения Аристотеля о том, что особая возбудимость меланхоликов, будучи патологической, вызывает психические болезни, а будучи нормальной или незначительно болезненной, «стимулирует развитие разума и остроту чувств». «Подверженные то депрессии, то чрезмерной экспансивности меланхолики как бы балансируют все время между двумя пропастями, но зато путь их протекает выше уровня посредственности; своей одаренностью меланхолики превосходят всех прочих смертных. По словам Аристотеля, «все выдающиеся люди, отличившиеся в философии, в государственных делах, в поэзии или изобразительном искусстве, — меланхолики, некоторые даже до такой степени, что страдают от нездоровья, вызванного черной желчью». Основываясь на подобных же взглядах, Платон развил свою теорию «божественного безумия», которое он считал высшей, доступной лишь избранным, формой прозрения».

Нессельштраус замечает далее, что «взгляды Аристотеля и Платона были известны средневековым схоластам», но в ту пору, «когда вера ставилась выше разума и одаренности чело-

¹⁹ Лень действительно свойственна многим «слабым» (меланхолическим) людям. Часто, однако, это не флегматическая лень (лень от лени), а астеническая (лень от непрактичности, легкой уставаемости, истощаемости). Замечателен (и в этом смысле) рассказ А.П. Чехова о лени «Моя «она»».

века не придавали большого значения, они не могли повлиять на неблагоприятную оценку меланхолического темперамента. Лишь в эпоху Возрождения развитие интереса к личности, разуму и дарованиям человека создало почву для воскрешения теории Аристотеля и Платона. Теперь меланхолический темперамент, ранее вызывавший лишь страх и презрение, был окружен ореолом гениальности. То, что считалось несчастьем, стало хотя и опасным, но завидным даром. Не отрицая недостатков меланхолического темперамента, итальянские гуманисты вместе с тем утверждали, что именно его обладатели создали высшие ценности, порожденные человеческим разумом». Теперь уже многие стали подражать меланхоликам. Было установлено, что «греческий философ Плотин также высоко ставил бога Сатурна, как Аристотель меланхолический темперамент. По мнению Плотина, Сатурн, будучи старше всех богов, стоит ближе к первоначальному источнику жизни, чем рожденные от него Юпитер и прочие боги. Этот древний бог воплощает высший интеллект, ибо он создал все то, чем овладели и что только поняли другие. Естественно, что планета Сатурн стала желанным покровителем для тех, кто стремился проникнуть в тайны вселенной. Многие в те времена отдавались под покровительство этой планеты, одновременно стараясь обезопасить себя от ее вредного действия ношением специальных амулетов».

Продумаем и прочувствуем, как Ц.Г. Нессельштраус анализирует «Меланхолию» Дюрера, в замысле которой лежат эти новые, гуманистические представления.

«...перед нами морской берег, безграничная даль воды и сумеречное небо, прорезанное радугой и зловещими лучами кометы. На переднем плане, в окружении разбросанных в беспорядке столярных и строительных инструментов, сидит, подперев рукой голову, погруженная в глубокую задумчивость крылатая женщина. В руке у нее раскрытый циркуль, к поясу привязаны связка ключей и кошель. Неподалеку на земле лежит деревянный шар, дальше виднеется большой каменный многогранник, из-за которого выглядывает плавильный тигель. Позади женщины взобравшийся на жернов угрюмый мальчуган с трудом выводит что-то на дощечке. Рядом свернулась в клубок тощая собака. Справа в глубине возвышается каменное

здание, может быть, недостроенное, так как к нему прислонена деревянная лестница. На стенах здания висят песочные часы, весы и колокол и начертан магический квадрат. В небе, в лучах кометы, распростерла крылья огромная летучая мышь. На крыльях мыши надпись: "Меланхолия I". <...> Сразу же чувствуя, что крылатую женщину угнетают сомнения и неудовлетворенность, зритель, однако, становится в тупик перед множеством рассеянных здесь намеков. Почему Меланхолия изображена крылатой, что означает ее бездеятельность, что за мальчик изображен позади, в чем значение магического квадрата, для чего разбросаны вокруг инструменты, в чем смысл цифры "I"?»

Из прежних гравюр разных мастеров, изображавших Меланхолию насмешливо-неприязненно, Дюрер «сохраняет лишь традиционный жест, обычно сопутствующий мрачному раздумью, — подпирающую голову руку. Сохраняет он также и праздность как черту, присущую меланхолии, однако праздность крылатой женщины в гравюре Дюрера вызвана совсем не ленью. Не сон, но сомнения парализовали ее деятельность. Вместо лентяя или нерадивой хозяйки в гравюре Дюрера перед нами высшее существо, обладающее богатым интеллектом, окруженное инструментами творческого труда, но впавшее в мучительное раздумье». Магический квадрат (квадрат с цифрами, сумма которых во всех горизонтальных и вертикальных рядах одинакова), усиливающий, как считалось, воздействие на человека планеты Юпитер, вероятно, есть талисман, охраняющий от дурного влияния Сатурна. Сатурн считался покровителем сельскохозяйственных работ и «геометрии — науки, выросшей, как явствует из ее названия, из землемерных работ. Поэтому Дюрер считал возможным снабдить Меланхолию атрибутами, которыми обычно наделяли в то время персонификации геометрии. В сущности, он представил свою Меланхолию в виде Геометрии».

Меланхолия — «образ владеющего всеми достижениями человеческой науки и мысли гения, отважившегося проникнуть в тайны вселенной, но остановившегося перед внезапной преградой». Изображенная Дюрером в этой гравюре «неутолимая жажда знаний была созвучна его эпохе, когда великие, преобразовавшие мир открытия и изобретения породили твердую уверенность в безграничных возможностях человеческо-

го разума. <...> За внешней пассивностью крылатой женщины угадывается смелый полет человеческой мысли, готовой вступить в дерзкое соперничество с самим Богом».

Меланхолия Дюрера близка его собственному духовному миру жаждой знаний, сомнениями, неудовлетворенностью, разочарованиями, но и сильным желанием «по мере возможности приблизиться к истине и красоте». «В "Меланхолии" он (Дюрер. — М.Б.) воплотил лишь те хорошо знакомые ему самому сомнения, которые всегда стоят на пути творческого гения. Каждый успех открывает перед ним новые горизонты и вместе с тем заставляет все снова и снова убеждаться в неизмеримости неизведанного. Но если это и порождает в нем неудовлетворенность, то она же толкает его на новые дерзания».

Сам Дюрер свидетельствует, что «привязанные к поясу Меланхолии ключи являются символом власти, а кошель — богатства (это обычный атрибут меланхоликов, означающий также и скупость). Летучая мышь связана с Меланхолией потому, что ее стихия — вечерний сумрак и ей сопутствуют одиночество и уныние, собака же потому, что из всех животных она одарена наиболее высоким интеллектом и вместе с тем более других подвержена заболеванию бешенством, в чем усматривали родство со склонностью меланхоликов к психическим заболеваниям. Сидящий на жернове что-то усердно рисующий мальчуган, может быть, олицетворяет практическую деятельность, лишенную знания и мысли».

Но наиболее загадочным из всех намеков, содержащихся в этой гравюре, является цифра «1», начертанная на крыльях летучей мыши рядом с надписью «Меланхолия». Теперь полагают, что ключ к ее расшифровке следует искать в сочинении известного немецкого ученого и чернокнижника Корнелиуса Агриппы Неттесгеймского «Об оккультной философии». В этой книге развивается мысль о существовании трех ступеней человеческого гения. На первой из них находятся люди, обладающие богатым воображением и живущие в мире пространственных представлений — художники и ремесленники; на второй ступени стоят те, у кого преобладает рассудок, — ученые и государственные мужи; наконец, высшую, третью ступень занимают те, у кого преобладает интуиция, позволяющая им воз-

3. О происхождении...
выситься до постиж...
выходят теологи и п...
кой классификацией...
геометрии должна б...
искусств, — возни...
этой ступени».

Думается, вошл...
трета великого худ...
ком, психопрофила...
меланхоликам: обн...
лического сомнени...
кой физической сл...
широком смысле.

Все это до извес...
с дефензивностью...
живание своей неп...
езную неувереннос...
сти. Показывая сл...
рассказывал об это...
сивным, застенчив...
новке «психотерап...
лебных свечей и кр...
ем говорили об эт...
пояснял, что душе...
ну так, как называ...
расстройства назв...
ланхоликами».

«Гамлет» Шекспира

Другое произведе...
изобразившее вел...
лической) натуры...
Принц Гамлет п...
ненно-тревожным...
при ясном самоби...
кой» слабости, не...
жественными акт...

выситься до постижения божественных истин, из их среды выходят теологи и пророки. Поскольку, в соответствии с такой классификацией, «Меланхолия» Дюрера с ее атрибутами геометрии должна быть отнесена к первой ступени ремесел и искусств, — возможно, что цифра «I» является обозначением этой ступени».

Думается, волшебство гравюры (этого духовного автопортрета великого художника) таится и в ее психотерапевтическом, психопрофилактическом воздействии, направленном к меланхоликам: обнаруживается величие тоскливого меланхолического сомнения, духовная интеллектуальная сила нередкой физической слабости меланхоликов, непрактичности в широком смысле.

Все это до известных подробностей важно знать человеку с дефензивностью, дабы смягчить, развеять тягостное переживание своей неполноценности или хотя бы ощутить серьезную неуверенность в отношении мыслей о своей никчемности. Показывая слайды гравюр, иллюстрации в альбомах, я рассказывал об этом меланхолическим, тревожным, депрессивным, застенчивым пациентам в затемненно-уютной обстановке «психотерапевтической гостиной», и здесь, среди целебных свечей и красивых чашек с чаем, они сами с волнением говорили об этих важных для их состояния моментах, а я пояснял, что душевные их трудности не назывались в старину так, как называются теперь: тогда все эти переживания, расстройства называли «меланхолия», а людей таких — «меланхоликами».

О характерах людей

«Гамлет» Шекспира

Другое произведение мирового искусства эпохи Возрождения, изобразившее великую «силу слабости» дефензивной (меланхолической) натуры, — шекспировский «Гамлет» (1601).

Принц Гамлет проникнут щепетильно-нравственным, болезненно-тревожным анализом в ущерб решительным действиям при ясном самобичующем понимании этой своей «практической» слабости, несвободы. Сравнивая себя с чувственно-художественными актерами, завидуя им, Гамлет клянет себя за

жухлость чувственности под гнетом дряблой воли, неуверенности, нерешительности, аналитических сомнений-размышлений мирового порядка. Он даже (понимая умом свою «трусливую» нерешительность) пытается растравливать свое чувство позора, мести.

Но не способен этот нравственно-аналитический, робкий в делах насилия человек к быстрой, решительной мести убийством. Зато способен едко издеваться над собой за то, что не такой, как многие другие, и постигать не видимые этими многими другими (решительными) людьми скрытые сложности мира, чтоб открывать их людям. Вот он говорит, например, про церемонно-демонстративного Озрика: «Он, верно, и материнской груди не брал иначе, как с расшаркиванием. Таковы все они, нынешние. Они подхватили общий тон и преобладающую внешность, род бродильного начала, и оно выносит их на поверхность среди невообразимого водоворота вкусов. А легонько подуть на них — пузырей как не бывало»²⁰.

Нерешительность Гамлета в отношении кровной мести новому королю, дяде, за убийство отца во многом обусловлена «боязнью страны, откуда ни один не возвращался», то есть боязнью соприкоснуться с таинственной смертью, а может, и попросту боязнью погибнуть, мстя за отца. Размышления Гамлета о тайне смерти материалистически-остроумны, философически-искрометны. Вот, например, место из разговора Гамлета с Горацио на кладбище:

«Гамлет. До какого убожества можно опуститься, Горацио! Что мешает вообразить судьбу Александрова праха шаг за шагом, вплоть до последнего, когда он идет на затычку пивной бочки?

Горацио. Это значило бы рассматривать вещи слишком мелко.

Гамлет. Ничуть не бывало. Напротив, это значило бы послушно следовать за их развитием, подчиняясь вероятности. Примерно так: Александр умер, Александра похоронили, Александр стал прахом, прах — земля, из земли добывают глину. Почему глине, в которую он обратился, не оказаться в обмазке пивной бочки?

²⁰ Шекспир Вильям. Гамлет / Пер. с англ. Б. Пастернака. М.: Художественная литература, 1964.

Истлевшим Цезарем от стужи
Заделывают дом снаружи.
Пред кем весь мир лежал в пыли,
Торчит затычкой в щели.

И в то же время Гамлет все мучается нерешительностью, робостью, сомнениями и клеймит себя за эту «слабость», как сегодняшний человек с дефензивными душевными трудностями.

Ну и осел я, нечего сказать!
Я сын отца убитого. Мне небо
Сказало: встань и отомсти. А я,
Я изошряюсь в жалких восклицаньях
И сквернословьем душу отвожу,
Как судомойка!

Итак, подходим вплотную к главному для нас вопросу: почему Гамлет — такой робкий, нерешительный человек, затрудняющийся совершить по тем временам простое и благородное дело: убить убийцу отца²¹, — почему он находил и находит глубокий отклик, уважение, восхищение у многих сложных душой людей. У многих, но не у всех.

Тургенев, Толстой не одобряли Гамлета.

И.С. Тургенев в публичной речи «Гамлет и Дон Кихот» (1860) не может не отметить, что Гамлет образован, тонко размышляет, скептически анализирует, отличается «почти непогрешительным» вкусом²². Однако, по Тургеневу, «Гамлет при случае коварен и даже жесток» — «вспомните устроенную им гибель двух посланных в Англию от короля придворных, вспомните его речь об убитом им Полонии». Тургеневу больше по душе Дон Кихот, действующий, жертвуя собой ради Добра. Гамлет «не будет сражаться с ветряными мельницами, он не верит в великанов <...>, но он бы и не напал на них, если бы они точно существовали». «Гамлеты точно бесполезны массе;

²¹ Во всяком случае, Гамлет не способен это сделать без долгой проволочки: измучившись нерешительностью, он, как это случается с нерешительными людьми, в конце концов взорвался и даже переусердствовал.

²² Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М.: Госиздат. худож. лит., 1956. С. 168–187.

они ей ничего не дают, они ее никуда вести не могут, потому что сами никуда не идут. Да и как вести, когда не знаешь, есть ли земля под ногами?» «...Дон Кихот не занят собою и, уважая себя и других, не думает рисоваться; а Гамлет, при всей своей изящной обстановке, нам кажется, извините за французское выражение, *ayant des airs de parvenu*²³; он тревожен, иногда даже груб, позирует и глумится».

Тургенев тем не менее диалектически чувствует природную необходимость гамлетовской «косности», «консерватизма»: «...Гамлеты суть выражение коренной центростремительной силы природы, по которой все живущее считает себя центром творения и на все остальное взирает как на существующее только для него (так комар, севший на лоб Александра Македонского, с спокойной уверенностью в своем праве, питался его кровью, как следующей ему пищей; так точно и Гамлет, хотя и презирает себя, чего комар не делает, ибо он до этого не возвысился, так точно и Гамлет, говорим мы, постоянно все относит к самому себе). Без этой центростремительной силы (силы эгоизма) природа существовать бы не могла, точно так же как и без другой, центробежной силы, по закону которой все существующее существует только для другого (эту силу, этот принцип преданности и жертвы, освещенный, как мы уже сказали, комическим светом — чтобы гусей не раздражить, — этот принцип представляют собою Дон Кихоты). Эти две силы косности и движения, консерватизма и прогресса, суть основные силы всего существующего. Они объясняют нам растение цветка, и они же дают нам ключ к уразумению развития могущественнейших народов».

Таким образом, для Тургенева Гамлет — сугубо эгоистическая, консервативная сила.

Л.Н. Толстой в работе «О Шекспире и о драме (критический очерк)» не видит никакой ценности в образе Гамлета. Это — «характер человека, не имеющего характера»²⁴.

Толстовская неприязнь к Шекспиру объясняется, по моему, прежде всего тем, что для Толстого солнечно-мудрый Шек-

²³ Похож на выскочку (фр.).

²⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 15. М.: Художественная литература, 1964. С. 320.

спир был недостаточно серьезным, религиозным, педагогически-нравственным в художественном изображении важнейших человеческих поступков, событий. Педагогически-нравственного, религиозного напряжения не чувствовал Толстой и в чеховских пьесах, считая, что они еще хуже, чем у Шекспира²⁵.

В подобном духе возмущались Гамлетом также многие наши и заграничные врачи в конце позапрошлого века. Например, д-р В.М. Б-р (полную фамилию установить не удалось), очарованный «нравственной красотой» Гамлета, «не досчитывается» в его характере «многого из того, что есть, например, у Лассалля, Мюнцлера, Магомета и пр.»: принц «ограничивается только <...> колебаниями, не может подвести итог им, дабы уже действовать в твердой вере; потому это «неполный» характер, лишь «подтип»²⁶. Французский психиатр А. Кюллер полагает, что «истерический» Принц Датский отразил в характере своем тогдашнюю смутную, беспокойно-нерешительную эпоху²⁷. Но Кюллер хотя бы не имеет к Гамлету претензий.

Зловеще, по-своему, демонически-потусторонне понимал Гамлета Ф. Ницше (1872). «Учение Гамлета» для него не «дешевая мудрость Ганса-мечтателя», не способного действовать от «избытка рефлексии». «Истинное познание, прозрение страшной истины перевешивает всякий к поступку побуждающий мотив». Гамлету «противно» действовать, потому что его «поступки ничего не могут изменить в сущности вещей», в этой стихии бытия («всюду только ужасы и абсурды бытия»)²⁸.

Гете, Белинский, Гюго восхищались Гамлетом.

Гете-олимпиец не мог, понятно, считать нерешительного Гамлета героем, то есть воинственным, волевым практиком жизни. Но Гете явно ощущает иную, непрактическую, но прекрасную, «драгоценную» силу Гамлета, которой назначена иная участь. Гете не может ясно выразить, в чем она, эта сила, со-

²⁵ Бунин И.А. О Чехове // Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. С. 207.

²⁶ Б-р В.М. Гамлет Шекспира с врачебно-психологической точки зрения // Арх. психиатрии, неврологии и судеб. психопатологии. 1897. Т. XXX. № 2. С. 39–107.

²⁷ Кюллер А. Границы сумасшествия // Арх. психиатрии, неврологии и судеб. психопатологии. 1889. Т. XIV. № 3. С. 95–104.

²⁸ Ницше Ф. Происхождение трагедии / Пер. с нем. СПб.: Императ. Акад. Наук, 1903. С. 57–58.

стоит, однако восторгается ею. «Здесь дуб, — пишет Гете (1795), — посажен в драгоценный сосуд, которому назначено было лелеять в своем лоне только нежные цветы; корни растут и разрушают сосуд». И продолжает устами Вильгельма Мейстера: «Прекрасное, чистое, благородное, высоконравственное создание, лишенное силы чувств, без коей не бывает героев, гибнет под бременем, которое ни нести, ни сбросить ему не дано; всякий долг для него свят, а этот тяжел не в меру. От него требуют невозможного, не такого, что невозможно вообще, а только лишь для него. Как ни извивается, ни мечется он, идет вперед и отступает в испуге, выслушивает напоминания и постоянно вспоминает сам, под конец почти теряет из виду поставленную цель, но уже никогда больше не обретает радости»²⁹.

В.Г. Белинский (1837) соглашается с Гете в том, что идея «этого гигантского создания Шекспира» — «слабость воли при сознании долга». Гамлет «в порыве взволнованного чувства <...> клянется и небом и землею лететь на мщение как на свидание любви — и вслед за этим сознает свое бессилие выполнить и долг и клятву... отчего в нем это бессилие? — оттого ли, что он рожден любить людей и делать их счастливыми, а не карать и губить их, или в самом деле от недостатка этой силы духа, которая умеет соединить в себе любовь с ненавистью и из одних и тех же уст изрекать людям и слова милости и счастья, и слова гнева и кары; повторяем: как бы то ни было, но мы видим *слабость*».

Но отчего же тогда это «зрелище человеческой слабости и ничтожества» не возбуждает «чувство отчаяния, отвращения к жизни?» Оттого, что «от природы Гамлет человек сильный, его желчная ирония, его мгновенные вспышки, его страстные выходки в разговоре с матерью, гордое презрение и нескрываемая ненависть к дяде — все это свидетельствует об энергии и великости души. Он велик и силен в своей слабости, потому что сильный духом человек и в самом падении выше слабого человека, в самом его восстании»³⁰.

²⁹ Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Годы учения Вильгельма Мейстера / Пер. с нем. М.: Художественная литература, 1978. С. 199.

³⁰ Белинский В.Г. Гамлет, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета // Собр. соч.: В 3 т. Т. I. М.: Госиздат худож. лит., 1948. С. 338–339.

Замечательно видится здесь, как мучается мысль великого критика, духовно созвучного с дефензивным переживанием, поведением Гамлета. Совестьливая, нравственно-аналитическая натура, он не способен презирать гамлетовскую слабость, чувствует в ней большое, заключает, что эта слабость — есть «распадение», то есть свойство уже не младенчески-бессознательной гармонии, а свойство дисгармонии, предшествующей новой более зрелой, мужественно-сознательной гармонии. Явно пытается Белинский оправдать особым качеством гамлетовскую «слабость», страдает вместе с ним за его нерешительность и радуется, когда, наконец, принц действует оружием. При всем этом остается в стороне смысл этой особенной «слабости».

Смысл этот для меня как клинического психиатра-психотерапевта заключается в том, что решительно убивать в подобном положении — это не его, Гамлета, удел, в том, что по законам характерологии *без этой «слабости» не было бы философически-тонкого, нравственно-глубокого понимания мира с разъяснением его сложностей другим людям.*

Гамлет перешагнул свое время, поскольку его душевная организация — это уже сложность таких меланхоликов, «слабых», чудаков, как Белинский, Дарвин, Чехов, Павлов, а также сегодняшних истинных интеллигентов. Дарвин, Чехов вообще не умели от робости выступать перед аудиторией, но это им не помешало открыть «связь времен».

Таким образом, Гамлет есть нравственный мыслитель, первый классический образ истинного, дефензивного, интеллигента, способного своими глубинными обобщениями соединять времена, подвигать человечество вперед. А интеллигентность вот так, по-своему, слаба, непрактична, проникнута дефензивным конфликтом. Вот в чем, по-моему, эпохальность Гамлета. И если бы он и не отомстил в конце концов королю смертью, он не был бы ниже в наших глазах. Потому что, возвращаясь к прозорливому предположению Белинского, «он рожден любить людей и делать их счастливыми, а не карать и губить их».

«Чувствительному» (по Рогинскому) Гамлету, думаю, гораздо легче было бы решиться на необходимую по тем временам и обычаям месть, если бы он отчетливо понимал все это.

Гамлет во все времена нужен людям своими углубленными сомнениями и нравственными исканиями (речь идет не только о науке, искусстве, но и о его повседневном общении с людьми, раскрывающем людям то, что они без него не открыли бы вокруг себя). А действовать практически-решительно, делать то, что с легкостью сделают волевые, деятельные натуры, любой солдат Фортинбраса, — это не его удел, это то, в чем он слаб взамен своей чувствительной нравственной философичности. Но когда понимаешь это отчетливо, тогда легче заставить себя вершить то, к чему мало способен, но что необходимо делать, например, защищая Родину.

При всей своей нерешительности (раздражающей многих) Гамлет восхищает и этих многих во все времена тем, что будит совесть и раскрывает глаза на тайны жизни: они не могли бы этого без него так остроумно-явственно узнать, понять, но зато теперь, поняв это, они могут действовать, делать то, что ему гораздо труднее, чем им. Гамлет же в своем смятении хочет быть насквозь другим, подобно «дремучему» дефензивному юноше, который остро завидует своим агрессивно-стеничным приятелям и клянет себя, например, за то, что сробел, не ввязался в драку.

Убежден, что А.П. Чехов складом своей души ощущал созвучие с Гамлетом, улыбался его слабостям как своим, но чувствовал их силу и чудесно изображал современных ему гамлетов. Г.П. Бердников, отмечая особый интерес молодого Чехова к указанной выше публичной речи Тургенева, считает, что Платонов (из ранней пьесы без названия) и Иванов (пьеса «Иванов») созданы по «тургеневской схеме Гамлета», что Чехову «явно импонировал тургеневский Дон Кихот, и в то же время Чехов был холоден к его нетрезвой философии, выразив его честную, горячую прямолинейность в образе доктора Львова («Иванов»). Но, думается, сильнее всего говорит об отношении Чехова к Гамлету следующий момент: Чехова пугало, что Львова могут воспринять как положительного героя, а Иванова посчитают «подлецом»³¹.

Для Д.С. Лихачева Гамлет — да, интеллигент, но в интеллигенте нет никакой слабости и нерешительности. Лиха-

³¹ Бердников Г. Чехов. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 40, 204–205.

3. О происхождении характеров, сила слабых...

155

чев утверждает это, вспоминая созвучное ему стихотворение Давида Самойлова: «А Гамлет вовсе не слаб: он преисполнен чувства ответственности, он колеблется не по слабости, а потому что мыслит, потому что нравственно отвечает за свои поступки.

Брут про Гамлета, что он нерешителен.
Он решителен, груб и умен,
Но когда клинок занесен,
Гамлет медлит быть разрушителен
И глядит в перископ времен.
Не помедлив, стреляют злодеи
В сердце Лермонтова или Пушкина...

(Из стихотворения Д. Самойлова
«Оправдание Гамлета»)³²

Может быть, в самом деле, в аутистическом интеллигенте, каковым был и сам Лихачев, нет слабости? Скорее здесь человек, особенно христианин, не считает слабостью то, что принято ею считать.

Виктор Гюго (1864) сближает Гамлета с дюреровской «Меланхолией»: «Как и большую аллегорическую фигуру Альбрехта Дюрера, Гамлета можно было бы назвать «Меланхолия». У него над головой также мечется летучая мышь со вспоротым брюхом; у ног его — наука, глобус, циркуль, песочные часы, амур, а позади, на горизонте, огромное страшное солнце, от которого словно почернело все небо»³³.

Рассказываю пациентам, что для меня Гамлет — натура законченная, одухотворенная, занимающая при всей своей внешней слабости *свое*, необходимое и важнейшее место в природе, истории, жизни общества именно своими углубленными сомнениями, сложным самоанализом и нравственными исканиями, раскрывающими перед людьми жизненные сложности и свое сердце. Это тот необходимый вклад, та насущная дефензивная работа не только великих, но и простых «чувствительных» лю-

³² Лихачев Д.С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Советская Россия, 1984. С. 16.

³³ Гюго В. Вильям Шекспир // Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. М.: Художественная литература, 1956. С. 291.

дей — не только в науке, искусстве, но и в обыденной человеческой жизни, которую в таком просветленно-тонком и кропотливом виде нередко не способны совершать «волевые» и «рассудочные» натуры.

Вся эта «чувствительная» работа, необходимая для создания и укрепления нравственного согласия, солидарности людей, понятно, особенно важна в наш ядерный век. Не существует абсолютной гармонии, царствует принцип дополнительности Нильса Бора, для каждого свое. Достаточно вдуматься в значение жизни для человечества таких сомневающих, внешне не деятельных людей, как Руссо, Дарвин, Чехов, чтобы ощутить героизм в их инертности («косности», «консерватизме» — в смысле отсутствия активной внешней решительности-деятельности). В этом, думается, и заключена тайна того, что Гамлет, при всей своей бездеятельности, так восхищает, притягивает к себе людей всех времен. Он восхищает именно необходимым для понимания жизни и дальнейшего действия глубинным анализом сквозь сомнения, к которому не способны многие другие.

Впрочем, Гамлет, как это бывает с дефензивными людьми, в глубине своей неуверенности понимающих свою незаурядность, сам подчеркивает свою великую суть:

«...Порвалась дней связующая нить. / Как мне обрывки их соединить!»

(перевод Б. Пастернака, с. 61)

В переводе М. Лозинского эти строки звучат так:

«...Век расшатался — и скверней всего, / Что я рожден восстановить его!»³⁴

В переводе А. Кронеберга:

«Ни слова боле: пала связь времен! / Зачем же я связать ее рожден?»³⁵

³⁴ Шекспир В. Гамлет, Принц Датский. Король Лир. Минск: Народная Асвета, 1972. С. 41.

³⁵ Шекспир В. Т. III. СПб.: Изд-е Брокгауза-Ефрона, 1903. С. 93.

Отношение к «слабому» (меланхолическому) характеру в разные времена в нашей стране

Дефензивность в своих мягких формах издревле присуща многим русским людям. Писатель-историк В.Д. Иванов замечает по этому поводу: «Россиянина всегда жалит сомнение. Как бы ни занесся он наедине с собой, он знает: нет в тебе совершенства, нет, нет!»³⁶

Дефензивность в Древней Руси поощрялась. В «Повести временных лет» сын Мономаха Василий советует юношам стыдиться старших, с дурными женщинами не разговаривать, книзу глаза держать, а душу ввысь, избегать их»³⁷.

Д.С. Лихачев отмечает: «Великий русский историк С.М. Соловьев в начале седьмой книги своей «Истории России с древнейших времен» писал: «Неприятное восхваление своей национальности <...> не может увлечь русских...» Это совершенно верно. Восхвалением самих себя *по-настоящему русские* никогда не «хворали». Напротив, русские очень часто, а особенно в XIX и начале XX века, были склонны к самоуничижению — преувеличивали отсталость своей культуры». Далее Лихачев убедительно показывает это и на примерах из древнерусской жизни, и как «свойство русской литературы»³⁸.

Русский, чеховский, дефензивный интеллигент конца позапрошлого, начала прошлого века с его щепетильной нерешительностью и психологически-тонкой, сложной, но человечески понятной нравственной болью в душе — это совершенно необычная для Запада по своей интеллигентности личность, которой и сейчас поклоняются, испытывая некоторое созвучие, очень многие люди в мире. Притом сегодняшнее усиленное погружение равнодушных к будущему, переживающих людей в классическую русскую литературу и философию, в пьесы Чехова и Толстого весьма своевременное, потому что только высокая трезвая нравственность может спасти человечество от ядерной гибели.

³⁶ Иванов В. Русь изначальная. Кн. 2. М.: Советская Россия, 1970. С. 400.

³⁷ Подробнее об этом на с. 414–415.

³⁸ Лихачев Д.С. Заметки о русском. С. 39–40.

ли, и болезненно усиленная нравственность в этом отношении еще надежней.

Интеллигентность в своей глубинно-тонкой нравственно-дефензивной структуре особенно присуща русскому духу, русской культуре. Классическая русская литература дышит сложным состраданием к ближнему — и в этом ее особенная нравственная глубина на все времена и для всех народов. Для Ясперса Россия — это «созидательница феноменальной по своей глубине литературы» (Ясперс, 1969. С. 151).

Сергей Сергеевич Аверинцев в статье «Византия и Русь: два типа духовности» осторожно анализирует, обобщает сложный разноплановый исторический материал, пытаясь увидеть «русский склад души» в контрасте с «византийской рассудочностью». Сквозь тревожные сомнения, деликатное переживание неуверенности от высокого чувства ответственности перед правдой он все-таки с убежденностью выводит: «Всякий настоящий русский, если только он не насилует собственной природы, смертельно боится перехвалить свое — и правильно делает, потому что ему это не идет. Нам не дано самоутверждаться — ни индивидуально, ни национально — с той как бы невинностью, как бы чистой совестью, с тем отсутствием сомнений и проблем, как это удается порой другим». Незащищенность, совестливость, стыдливость, отсутствие трезвой (и потому хотя бы несколько жестковатой) практичности характеризуют русскую духовность³⁹. Эта душевность, духовность живет и сейчас, и в значительной части русской истинной интеллигенции, и в значительной части русских простых людей.

К сожалению, у нас пока почти нет опубликованной художественной прозы об истинной русской сегодняшней интеллигенции, но о душевности-жалостливости простых людей много сказано в произведениях В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина. Так понятны переживания астафьевского милиционера в «Печальном детективе»: «Может быть, объяснит он в конце концов хотя бы самому себе: отчего русские люди извечно жалостливы к арестантам и зачастую равнодушны к себе, к

³⁹ Аверинцев С.С. // Новый мир. 1988. № 7. С. 212.

соседу — инвалиду войны и труда? Готовы последний кусок отдать осужденному, костолому и кровопускателю, отобрать у милиции злостного, только что бушевавшего хулигана, коему заломили руки, и ненавидеть сокавартиранта за то, что он забывает выключить свет в туалете <...> Вольно, куражливо, удобно живется преступнику среди такого добросердечного народа, и давно ему так в России живется»⁴⁰.

Национальные психологические особенности в отчетливости своей свойственны не всем представителям данной национальности, но значительной их части. Оттого и создается исторически устоявшийся характерный национально-психологический тон, акцент, отличающий дух данной национальности в целом от духа другой национальности.

В каждом народе есть прекрасное и есть ужасное. И количественно это несоизмеримо. Нет плохих характеров, национальностей, нет плохих народов. В каждом народе, как и во всем человечестве, диалектически размешаны силы добра и зла. Возможно ли сказать, что преобладает?

Есть природно безнравственные люди, цинически понимающие свою безнравственность, с наслаждением ощущающие свое противопоставление добру, насмехающиеся над добром. Есть (также от природы) глубоко нравственные люди. И те и другие, как правило, генетически крепкие индивидуальности. Но очень многие люди, по моему жизненному, профессиональному опыту и как наглядно показало время сталинщины, застоя, способны довольствоваться сравнительно немногим, особенно в духовном, хотят жить спокойно, не склонны к серьезным, самостоятельным нравственным раздумьям, переживаниям, поступкам, искренне веруют в то, во что хочется и приходится. Они всецело зависят (в отношении своих взглядов и своего поведения в обществе, в отношении своего душевного развития) от полученного воспитания (злого или доброго) в широком, жизненном смысле, включая сюда и примеры общественного поведения известных людей, примеры домашних разговоров, «двойной морали» и тому подобных воспитывающих влияний. Так в каждом народе. Поэтому и русская незащищенная интеллигентность с давних пор по време-

⁴⁰ Астафьев В. Печальный детектив. М., 1987. С. 19.

нам (если не хоронилась в монастырях) угнеталась, ранилась, истреблялась русскими же силами злой, безнравственной авторитарности, алчности, с согласия внушаемой толпы.

Итак, характерологический мотив обостренной самобытно-русской дефензивности в жизни, истории человечества — это факт. Нелишне здесь же, дабы отчетливо противопоставить настоящие размышления размышлениям националистическим, подчеркнуть следующие три момента.

Во-первых, исследовательское углубление в свои национальные душевные особенности, внимание и любовь к ним порождают интерес, внимание, уважение, любовь к особенностям других народов. Эта отмеченная Лихачевым закономерность, благодаря которой «индивидуальные особенности народов связывают их друг с другом»⁴¹, объясняется тем, что *не свое* помогает ярче, отчетливее увидеть, осознать *свое* и утвердиться в своем, крепче чувствовать себя на своих ногах, на своей дороге. *Не свое*, иное национальное может быть для некоторых таким интересным и важным, что хочется и возможно в известной мере с пользой впитать его в *свое*, но для этого опять нужно видеть и понимать разницу.

Во-вторых, по-моему, русский человек — не обязательно человек биологически русской крови. Важно, что он с детства живет в России, что русский язык — язык его матери, что русская природа и русская жизнь (включающая в себя свою историю), «поработавшие» ради становления его личности, глубоко близки ему, родные ему. Владимир Даль, Левитан, Пастернак, подробно впитавшие в себя русскую культуру, чеховскую Россию, — даже обостренно-русские художники, потому что их биологически иная кровь подчеркивает, «воспалает» порожденное родиной, русское в них. Воспитание с помощью «феноменальной по своей глубине» русской классики (Ясперс), читаемой, а значит, и переживаемой по-русски, общение с русскими интеллигентами, думаю, сказывается звучанием русской тревожной дефензивности даже в творчестве известного всему миру Чингиза Айтматова, киргиза, тонко влюбленного в Киргизию и пишущего о киргизах на двух языках. Автор этой книги волею обстоятельств наполнен разнообразной кровью (славянской, прибалтийско-немецкой, еврей-

⁴¹ Лихачев Д.С. Заметки о русском. С. 41.

ской, австрийской, французской — от оставшегося в России наполеоновского солдата Франсуа Брюно, — у нас в ту пору крестьяне легче выговаривали «Бурно»), но чувствует и осознает себя совершенно русским и биологически, и по духу.

Интеллигентность (в истинном узком своем понимании) предполагает преломленность духовных, нравственных переживаний через серьезную мыслительную, интеллектуальную сложность. Это сказывается осознанным сложным чувством вины за неблагополучие в своей стране, своем народе, порою тягостным самоанализом (рефлексией) со склонностью к совестливому самообвинению, обостренной критичностью (с чувством собственной ответственности) к происходящему вокруг, способностью к продуманному самопожертвованию ради того, что тебе дорого, милосердием и терпимостью к тому, что тебе чуждо, но не является злом, безнравственностью (то есть не имеет безнравственного намерения). Чем меньше в дефензивности интеллигентности, тем больше простодушия, жалостливости, несложной тревожности, застенчивости, грубоватой раздражительности. Но Человечеству, совершающему свой уникальный путь в Космосе, необходимо и то, и это, и еще другие характеры, и другие национальности с другими свойствами, и еще многое другое, и в том числе счастье быть собой в своих переживаниях, в своем деле.

Смешно и невозможно обижаться человеку на себя за то, что нет у него простой, открытой души, или что нет в нем интеллигентной усложненности-тонкости, рефлексии, или что он не хозяйственник-практик, что он еврей или узбек. Смешно — так же, как смешно женщине обижаться, что она не мужского пола, мужчине — что он не ребенок и т. п. Безнравственно, противоестественно спорить, кто лучше, умнее, совершеннее — интеллигент или крестьянин, офицер или солдат, армянин или русский. Подобные сравнения сродни вопросу: руку отрубить, или ногу, или голову? Другое дело — что важнее в данной обстановке? без чего нельзя будет действовать вовсе? Каждому надобно стремиться быть собой для добра людям, творчески, с достоинством вершить по-своему свое дело на своей дороге, в своей ячейке Человечества, и самое скверное — пытаться идти чужим путем, представляться иным, нежели есть, надевать чужие одежды.

Тут же подчеркну, что дефензивный человек (усложненный или попроще) — это не значит всегда хороший человек. Он может быть досадным занудой, болезненно-ранимым моралистом, тревожным ипохондриком, измучивающим близких, страдающим эгоистом и т. д. Но, как и любая другая натура, он прекрасен в *своем* человеческом, созидательном, отвечающем его особенностям деле.

И в-третьих, не следует забывать разумное положение Лихачева о том, что народ, национальность (в отличие от данного конкретного человека) важно характеризовать лучшими, а не худшими свойствами. «Ведь когда пишется история искусств, в нее включаются только высшие достижения, лучшие произведения. По произведениям посредственным или плохим нельзя построить историю живописи или литературы»⁴². Типичные скверные свойства людей какой-либо национальности, конечно же, следует знать, дабы лучше ориентироваться в жизни, но они не есть душа народа, они есть конкретные скверные свойства конкретных людей. Так вот, одним из лучших, светлых национально-психологических свойств русского народа является его мягкая здоровая дефензивность.

Философ Ю.Н. Давыдов (1982) отмечает, что нравственно возрождающимся персонажам Толстого «родственны астафьевский Акимка, распутинская Дарья, айтматовский Едигей, также рожденные из духа нашей великой нравственной философии». «И если в этом мире и происходит нечто, не вмещаемое в их нравственный миропорядок (ситуация, в которой оказываются подчас и Дарья, и Едигей), то оно непременно становится не только предметом их строгого суда, но одновременно и поводом к сокрушению о самих себе, о своих собственных проступках и прегрешениях» (с. 273–274).

В конце позапрошлого — начале прошлого века влияние российской дефензивности нередко испытывали в России люди, которые в иную эпоху, возможно, были бы свободны от дефензивных мотивов. Например, молодые рассказы чувственно-истерического, стеничного Бунина явно обнаруживают чеховские мелодии. Общественное отношение к дефензивности сре-

⁴² Лихачев Д.С., Самвелян Н.Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М.: Советская Россия, 1988. С. 69–70.

ди русской интеллигенции и простых людей было весьма благосклонным, а если дефензивность выступала в патологических формах, то врачи бережно, внимательно старались психотерапевтически помочь таким людям. Например, психиатр И.А. Сикорский (1900) отмечал, что эти тонко стыдливые пациенты «способны вызвать в наблюдателе глубокую симпатию» к себе, ведь они «невольные жертвы» «органического нравственного процесса в человечестве», эти страдальцы являют собой «одну из ступеней идеальной эволюции человека». И это сообщалось психотерапевтически пациенту для возбуждения его «чувства достоинства и чести», для укрепления его веры в себя (с. 79, 99).

Однако понятно, что Октябрьскую революцию вершили в основном натуры решительные, стеничные, железные, нередко по-своему просветленные гуманистическими идеалами, убежденные в своей нравственной правоте, лишенные, мучительных сомнений, тягостной рефлексии, искренне желавшие *практически* помочь страдающему народу и презиравшие «интеллигентских хлюпиков».

В соответствии с этим и изменилось после победы революции в годы Гражданской войны и энергичного строительства новой жизни общественное отношение к дефензивным натурам. Чеховский интеллигент стал «гнилым» нарицательным посмешищем, что выразилось, например, и в романе Ильфа и Петрова (Васисуалий Лоханкин из «Золотого тельника»). Интересная, ценная и сейчас своим психотерапевтическим воздействием на дефензивных брошюра психиатра А.Л. Мендельсона, вышедшая четырьмя изданиями, называлась характерно: «Застенчивость и борьба с ней» (Л.: Ленинградская правда, 1928–1930). Тем не менее автор замечает в брошюре, что эта застенчивость присуща была многим великим людям, например Лермонтову.

С.И. Консторум, одухотворенный психиатр-психотерапевт, основоположник нашей клинической психотерапии, уже в эпоху сталинщины, в соответствии со своим энергично-сангвиническим, живым характером и революционной увлеченностью в те годы, пишет в кратком учебнике психиатрии: «Психастеник — это нытик-интеллигент, разъеденный рефлексиями и анализом, столь излюбленный дореволюционной нашей лите-

ратурой. Но не надо думать, что психастеничность — удел только интеллигента. К сожалению, этот тип очень добропорядочного, часто очень тонкого и чуткого, но недостаточно действенного человека, не-борца, нередко встречается и среди других общественных классов»⁴³. Из этого понимания психастеника (вообще дефензивной натуры) выходит и консторумская беспощадно-активирующая психотерапия психастенических состояний.

Характерный пример односторонне-беспощадного подхода врачей того времени к дефензивным пациентам содержится и в книге еще одного классика отечественной медицины — невролога Сергея Николаевича Давиденкова (1947). Давиденков противопоставляет биологически-полезной «подвижности» нервных процессов «инертность» нервной системы, означающую, как он убежден, «некоторый ее функциональный дефект» (с. 27). Ссылаясь на описания очевидцев, автор рассказывает, как был уничтожен к 1768 г. целый вид инертных животных — камчатские морские коровы Стеллера (*Rhytina borealis Stelleri*). Эти животные благополучно жили до встречи с человеком, а при встрече с человеком, полюбившим их мясо, тормозимые, меланхоличные, не смогли достаточно быстро научиться прятаться от него, в отличие, например, от морских бобров, живших на том же острове. Однако мы узнаем из цитируемых описаний очевидцев, что все же было у этих животных, как полагаю, взамен острых зубов и быстрых ног или лап — у них были проистекающие из инертности (как, впрочем, и у инертных людей. — М.Б.) ласковость, мягкость, привязчивость, способность к самопожертвованию по отношению друг к другу. Давиденков, впрочем, упоминает об этом, но только для того, чтобы показать, что морская корова все же не была «тупым животным». Однако в большой ласковости, привязчивости, спо-

⁴³ Консторум С.И. Учебник психиатрии. М.—Л.: Госиздат. биол. и мед. лит., 1935. С. 167. В поздней работе Консторума («Опыт практической психотерапии». М., 1962; книга закончена в целом к 1948 г.) видим уже другое — тоже строгое, но теплое, дружеское, уважительное отношение к психастенику с попытками развенчать его чувство неполноценности: например, «разъяснить, что неспособность к самокритике свидетельствует об интеллектуальной ограниченности, наоборот, гипертрофия ее есть удел более богатой и одаренной натуры» (с. 126).

способности к самопожертвованию⁴⁴ как раз ведь и заключается добро инертности, нравственный инстинкт, биологический прообраз человеческой нравственности, обостренной, нередко болезненной, у многих патологически-дефензивных натур.

Инертность психастенического (вообще меланхолического, дефензивного) мышления, сказывающаяся в неспособности быстро сосредоточиться, в тревожных сомнениях, в дотошности, невыгодна, конечно, в обстановке викторины или школьной контрольной, но зато весьма выгодна в неспешных научных занятиях, обеспечивая капитальный, щепетильно-критический подход к теме (пример дефензивного, психастенического Дарвина⁴⁵).

Осуждая инертность (недостаточную подвижность нервных процессов), эту благодатную почву неврозов, Давиденков приписывает ей и «речевой стереотип, уничтожающий индивидуальную красочность речи». Ему досадно и удивительно, что даже у таких выдающихся и гениальных людей, как Руссо, Золя, Кант, Павлов, «мы сплошь и рядом можем констатировать те или другие, большей частью, мелкие проявления недостаточной подвижности нервной системы» (с. 68). Как это они, эти люди, одновременно могли так ясно видеть новое?! Эпитет «мелкие» Давиденков употребил, думаю, несправедливо. Инертность здесь была основательной, но надо же как-то смягчить происходящую от инертности «неполноценность», «инвалидность» классиков.

На другой сам собой напрашивающийся вопрос: почему же все-таки существует сравнительно много людей и животных с невыгодной для них инертностью и почему вообще явление инертности так распространилось в человечестве? — Давиденков отвечает подробно и интересно. «Парадоксом нервно-психической эволюции» называет он тот факт, что человек, существо с исключительно развитым мозгом, одержавшее *«решиительный верх над своими конкурентами в межвидовой борьбе за существование»*, вопреки ожиданиям не выработал *«тип нервной*

⁴⁴ Самопожертвование проявлялось, в частности, в том, что самец следовал до берега за пойманной самкой и, «будучи бит», тщетно пытался ее освободить. См. также раздел 6.

⁴⁵ См. «Автобиографию» Ч. Дарвина (1959).

системы наиболее совершенный, то есть максимально сильный, уравновешенный и подвижный». Как могло произойти, что «наиболее совершенный орган» так легко срывается в своей работе при жизненных трудностях вопреки «логике эволюции»? Почему «элементы инертности» распространены в человечестве «чуть не поголовно»? Дело в том, полагает Давиденков, что человек, появившись, уничтожил естественный отбор для себя, а заодно и для своих домашних животных. В результате этого возникла «экспансия наименее приспособленных» и генотип человека «испорчен», «засорен» «массой неблагоприятных вариаций нормы», составляющих благоприятную почву для возникновения нервности (с. 149–189).

Право, здесь все гораздо диалектичнее. Существует ли вообще «парадокс нервно-психической эволюции»? Почему следует принять, что наибольшее человеческое совершенство — в максимальной силе, уравновешенности и подвижности? Почему наибольшее совершенство в тигре, а не в олене, в «плюсе», а не в «минусе»?

Физически слабым (в сравнении со многими сильными дикими животными) людям возможно существовать только общественным организмом, а для развития общественности, коллективности, в основе которых лежит нравственность, как раз нужна почва хрупкой слабости, инертности. Дарвин (1953) знал это, отмечая, что «животное, обладающее большим ростом, силой и свирепостью и способное, подобно горилле, защищаться от всех врагов, по всей вероятности, не сделалось бы общественным. А это всего более помешало бы развитию высших духовных способностей, как, например, симпатии и любви к собратьям» (с. 185).

Таким образом, выходит, что инертность «слабого» мозга, мозга меланхолика жизненно необходима Человечеству. Человек «платит» физической слабостью, неловкостью (в сравнении, например, с тигром) за ум «царя Природы». А наиболее инертные дефензивные люди, меланхолики, «платят» своей особой ранимостью, неловкостью, неуклюжестью, непрактичностью в житейских делах, ненаходчивостью, замедленностью мысли в острые моменты бытия — за гамлетовски-обостренную тревожную нравственность, рефлекссию, духовную аналитичность.

3. О происхождении характеров, сила слабых...
Представим себе
инически-ловких
ших признаков
зом, ловкой хват
легкостью переж
способностью по
ние, для чего не
красные люди с
замечательно-г
тических, дела
тная часть чел
Руссо, Кант, З
тельно более
тью» нервным
Из своей г
ды», весьма т
чает он, — от
создавая вок
продуктивно
ей профессий
жаться, то у
до той высот
бота; но осо
кую обстанов
рые с самых
спокойной
лями нервн
рессии и во
свойственн
дело идет
тельных бо
жизнь. Ес
цов либо
изолирует
остается
ше. Трудн
« Терм
пациентов

Представим себе «неиспорченное» человечество из сангвинически-ловких, жизнерадостно-подвижных натур без малейших признаков инертности, с острым чутьем, орлиным глазом, ловкой хваткой, способностью мгновенно соображать и с легкостью переключаться с одного на другое (и, значит, неспособностью подробно-глубоко уходить в сложное размышление, для чего необходима инертность). Разве эти нередко прекрасные люди с «сочной», «горящей» «животной половиной», замечательно-полезные в своих, в том числе благородно-практических, делах могли бы создать именно то, что создала инертная часть человечества (с такими ее представителями, как Руссо, Кант, Золя, Дарвин, Толстой, Чехов, Павлов), действительно более подверженная в связи с инертностью, «слабостью» нервным расстройствам?

Из своей гипотезы Давиденков делает «практические выводы», весьма тягостные для «невротиков»⁴⁶. «Невротик, — отмечает он, — отравляет жизнь не только себе, но и окружающим, создавая вокруг себя атмосферу крайне неблагоприятную для продуктивной жизни; он большею частью плохо работает в своей профессии, где если он еще в состоянии иногда кое-как удержаться, то уже во всяком случае почти никогда не поднимается до той высоты, с которой начинается настоящая творческая работа; но особенно плохо то, что он создает вредную психическую обстановку в своей семье и в воспитании своих детей, которые с самых ранних лет, вместо сдержанной, организованной и спокойной атмосферы родительского дома, делаются свидетелями нервных срывов, криков, сцен, вечного раздражения, депрессии и вообще всей той напряженной конъюнктуры, которая свойственна каждой семье, где завелся невротик... При этом здесь дело идет не о каком-либо преходящем заболевании, а о длительных болезненных состояниях, растягивающихся на целую жизнь. Если туберкулезный или раковый больной в конце концов либо излечивается, либо погибает, а психически больной изолируется в специальных больницах, то невротик, наоборот, остается в своем обычном быту, разлагая его все больше и больше. Трудно даже приблизительно исчислить тот громадный вред,

⁴⁶ Термин «невротик» в данном случае включает в себя и дефензивных пациентов в нашем понимании.

который терпит общество от того, что часть его членов является носителями дефектной нервной системы, — вред, который особенно резко сказывается, конечно, в особо трудные исторические эпохи, требующие экстренной мобилизации всех нервных сил населения» (с. 188).

В чем же выход? Поскольку активно повлиять на генотип будущих поколений невозможно, следует организовать профилактическое «воздействие на фенотип» — то есть подготовить специальных педагогов, борцов с инертностью, способных тренировать у инертных детей прежде всего «подвижность нервной системы» («борьба с типологическими отклонениями в области нервной системы»). Существо психотерапевтической работы, направленной уже к пациентам, состоит также в «переделке» нервных функций (с. 188).

Патофизиолог Анатолий Георгиевич Иванов-Смоленский и в ранних работах (1922, 1925), и в итоговой книге своей научной жизни (1974) убежден, что психастеническая инертность, психастеническая психика вообще с ее рассеянностью, совестливостью, застенчивостью (то есть в сущности, дефензивность в широком смысле) есть «регресс», творческая несостоятельность, и в этом непроходимая пропасть между психастеником и павловским «мыслительным типом».

Давиденков и Иванов-Смоленский — известные ученики Павлова, благодарные судьбе за близость к великому физиологу. В сущности, в проблеме «инвалидности» меланхолика они шли за своим учителем. Но, по-видимому, излишне прямо шли. Постараюсь это показать.

Итак, что же говорит сам Павлов об «инвалидности» меланхолика — дефензивного, психастенического, «слабого» человека?

В одной из последних работ «Общие типы высшей нервной деятельности животных и человека» (1935) Павлов подытоживает, обобщает свои представления и размышления, в частности, о тормозимых (меланхолических) собаках.

«С самых первых занятий с собаками по методу условных рефлексов, — отмечает Павлов (1949), — нам (как и всем) бросалась в глаза разница в поведении собак смелых и трусливых. Одни без сопротивления шли и оставались спокойными в новой для них экспериментальной обстановке, ставились в ста-

нок, расположенный на столе, оснащались некоторыми приборчиками, прикрепляемыми на их коже или даже во рту, и когда им при этом давали пищу при помощи автоматического прибора, они ее сейчас же ели, — смелые животные. А других днями и неделями, очень постепенно нужно было приучать ко всему этому, — трусливые животные. Дальше разница обнаруживалась и тогда, когда приступали к образованию у них условных рефлексов. У первых условные рефлексы образовывались быстро, после двух-трех сочетаний, скоро достигали большой величины и оставались постоянными, как бы ни была сложна система этих рефлексов. У вторых все наоборот: образовывались условные рефлексы очень нескоро, через десятки повторений, величина их медленно поднималась, и они никогда не делались устойчивыми, колеблясь в размере даже до нуля, как бы ни упрощалась их система. Естественно было думать, что у первых раздражительный процесс сильный, у вторых — слабый. У смелых биологически уместно и своевременно возникающий раздражительный процесс, как, например, при виде предлагаемой еды, постоянно противостоит второстепенным влияниям, оставаясь, так сказать, законно преобладающим; у трусливых его силы не хватает для преодоления менее важных в данном случае условий, действующих на основании так называемого у нас внешнего торможения; откуда и название, данное нами таким собакам, — тормозимые. У смелых собак даже физически чрезмерные внешние раздражители, раз они являются условно связанными с физиологически важными функциями, продолжают служить их цели, не доводя нервную клетку до патологического состояния, являясь таким образом точным показателем силы их раздражительного процесса, силы (то есть работоспособности) их нервных клеток».

Далее, считая сильный уравновешенный тип нервной деятельности (сангвинический темперамент) «совершеннейшим из всех типов», Павлов называет слабый тип «более или менее инвалидным жизненным типом». С чувством сожаления, без надежды он констатирует:

«Мы должны признать тип *слабых* животных, характеризующихся явной слабостью как раздражительного, так и тормозного процессов, никогда вполне не приспособляющихся к жизни и легко ломающихся, делающихся скоро и часто боль-

ными, невротиками, под влиянием трудных жизненных положений или, что то же, при наших трудных нервных задачах. А что всего важнее: этот тип, как правило, не может быть улучшен в очень значительной степени воспитанием, дисциплинированием и делается годным только при некоторых особенно благоприятных, нарочных условиях или, как мы обычно выражаемся, в оранжерейной обстановке».

Принимая «те же типы и в людской массе, что уже и сделано классической греческой мыслью», Павлов констатирует, что лишь сильные (флегматики, сангвиники) «делают историю человечества то систематическим более или менее мелким, но неизбежным трудом во всех областях жизни, то подвигами ума, высоких чувств и железной воли». Павлов даже признает правомерность «широко распространенной и горячо обсуждаемой темы: гений и помешательство», но это касается опять лишь сильных: «между циклотимиками (как сильными), естественно, немало великих людей, но они (как неуравновешенные), понятно, особенно нервно-ломки» (с. 173–189).

Несчастные слабые типы (меланхолики) остаются в инвалидной тени. Робкие, ранимые, они защитно прячутся от тягостной для них социальной среды в собственную отчужденность, замкнутость, в клиники, санатории, всякого рода «оранжереи». Павлов и не обсуждает вопрос о том, способны ли слабые типы хотя бы «в оранжерейной обстановке» делать великие дела. Великий меланхолик Павлов, немало сделавший для человечества (как и другой великий меланхолик — Дарвин), признает лишь отмеченный уже выше факт, что слабый (меланхолический) тип «делается годным только <...> в оранжерейной обстановке».

Когда на одной из клинических сред (6 июня 1934 года)⁴⁷ Павлов убедительно-остроумно рассказывает о себе, как о слабом (меланхолическом) типе, психастенике, происходит интересный разговор, из которого понятно, что Павлов все же высоко ценит психастеника-меланхолика, хотя тот и «годен» лишь в «оранжерейной обстановке».

«Б.Н. Бирман»⁴⁸. Психастения — это абсолютная непригодность во всех областях. Мы у вас этого никак не видим.

⁴⁷ Павловские клинические среды. Т. II. М.—Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. С. 189.

⁴⁸ Физиолог, невропатолог, психотерапевт — сотрудник Павлова.

3. О происхождении характеров, сила слабых...
И.П. Павлов
Я знаю лабораторию
расположении
что, напутая с
отношением к
так упростил
ник Н., он в зна
ем деле стоит, п
ко если случит
него глубже ид
ступить в клин
верно. Я на себе
Я не говорю
который никуда
в жизни.
Сместа. Вы
И.П. Павлов
образишь всякую
Но это маленькую
по мосту она, по
кнул в воду. Ну
То есть вых
чем-то меланхо
или в чем-то дру
откровенно рас
ся ее, видит в н
сяк еще что-то м
обстановкой, н
способный раба
ся уже иной, не
ретно-практиче
Уместно тут
го гения — Чарл
ностью мысли, н
тественный отб
какого бы то ни

⁴⁹ См. работу Д
тера (Автобиограф

И.П. Павлов. Хорошо, я мою жизнь до чертиков упростил. Я знаю лабораторию и квартиру, а представьте меня при таком расположении в жизненных обстоятельствах, то я, черт знает что, напутаю с таким пониманием действительности, с таким отношением к действительности. Это хорошо я свою жизнь так упростил <...>. Я себе место нашел. Что же, этот психастеник Н., он в значительной степени походит на меня. Он на своем деле стоит, преподает механику, как я физиологию. Но только если случится неприятность — это прерывает работу, а у него глубже идет, он должен профессию бросить, должен поступить в клинику. У меня такой надобности нет, это глубоко верно. Я на себе могу доказать.

Я не говорю, что я психастеник в полном смысле, как К., который никуда не годится. Я занимаю определенную позицию в жизни.

С места. Вы нормальный человек.

И.П. Павлов. Ну, не совсем. Какой нормальный, когда вообразишь всякую ерунду, потому что дочь опаздывает на час! Но это маленькая ненормальность. Сейчас вообразишь — идет по мосту она, потом мужик какой-нибудь сорвал одежду и толкнул в воду. Ну, что же, разве это нормально?»

То есть выходит, что при каких-то обстоятельствах или в чем-то меланхолик (психастеник) слаб, а при каких-то других или в чем-то другом — необычайно силен. И все-таки Павлов, откровенно рассказывая о своей психастеничности, стесняется ее, видит в ней только неудобство, дефект, с которым так-сяк еще что-то можно сделать, если повезло с «оранжерейной» обстановкой, не подозревая, видимо, что иной тип ученого, способный работать и не в оранжерейных условиях, отличается уже иной, не более слабой, но иной, например, более конкретно-практической, структурой творческой мысли.

Уместно тут вспомнить положение другого психастенического гения — Чарлза Дарвина (с не меньшей тревожностью, инертностью мысли, неуверенностью, застенчивостью)⁴⁹ о том, что «естественный отбор никогда не может привести к образованию у какого бы то ни было существа органа, который был бы для этого

⁴⁹ См. работу Дарвина «Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография)» (1959).

существа скорее вреден, чем полезен, потому что естественный отбор действует только на благо каждого существа и через посредство этого блага (с. 420)⁵⁰. Дарвин, однако, не размышляет в «Автобиографии» в этом духе о собственных дефензивных особенностях, трудностях. С печалью, подобной павловской, он удивляется, что, несмотря на «такие посредственные способности», «мог оказать довольно значительное влияние на убеждения людей науки по некоторым важным вопросам» (с. 242).

Думаю, что недоброжелательное отношение этих великих ученых к собственной дефензивности (при сердечном сочувствии к дефензивности других людей) обусловлено главным образом ввевшейся в них давней общественной привычкой считать характерологически слабым, недостаточным все, что противоположно быстроте, спокойствию, практичности. Привычка эта ввела в них, думается, еще и потому, что оба они все-таки были биологами, не клиницистами-психиатрами, не характерологами.

В эпоху сталинщины, как и в Средние века, не могло быть общественного уважения к духовной индивидуальности, а значит, и к дефензивности с ее сомнениями, неуверенностью. Это было даже опасно. Уважалась лишь агрессивная верноподданническая безликость (каждый — «как все», «как народ», а народ — как Сталин). Работник авиационной промышленности В. Селиванов, вспоминая то время, так и пишет: «Тезис К. Маркса “Все подвергай сомнению” стал опасен»⁵¹.

Эпоха послевоенной⁵² сталинской психиатрии и психотерапии увенчалась позорным псевдопавловским заседанием (1951)⁵³ — «сыном» псевдопавловской физиологической сессии (АН СССР и АМН СССР, 1950 г.)⁵⁴ и «внуком» преступной

⁵⁰ Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора (1939).

⁵¹ Селиванов В. О силе и авторитете партии // Правда, 1988. 2 мая.

⁵² Довоенная советская клиническая психиатрия, психотерапия, будучи еще за профессионально-медицинской стеной от идеологии, славится глубокими клиническими работами, например П.Б. Ганнушкина, С.Г. Жислина, С.И. Консторума, Г.Е. Сухаревой.

⁵³ Физиологическое учение академика И.П. Павлова в психиатрии и невропатологии: Материалы стенографического отчета объединенного заседания расширенного Президиума АМН СССР и пленума Правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров 11–15 октября 1951 года. М.: Медгиз, 1952. 476 с.

⁵⁴ Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова (28 июня–4 июля 1950 года): Вступительное слово. Доклады. Постановление. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 136 с.

по своим последствиям сессии ВАСХНИЛ (1948)⁵⁵. Теперь уже официально, государством, именем Сталина было постановлено, что дефензивность есть «инвалидность», слабость, инертность, и в этом нет ничего хорошего. С этих пор дефензивные пациенты описываются по Иванову-Смоленскому, строго, без всякой прежней ганнушкинской или позднеконсторумской врачебной симпатии, психиатрами считаются «немошными», «мелочно-педантичными», в сущности, бесполезными для общества. В основе лечения дефензивности — «павловская» «тренировка для укрепления слабых нервных процессов» (Попов Е.А., 1958, с. 314). Психиатрию и психотерапию все основательнее пронизывала, в сущности, не живая, диалектическая павловская физиология, а «биология» Лысенко и «физиология» Иванова-Смоленского, прямолинейность, догматизм которого обычно сердили Павлова⁵⁶.

Между тем на прагматическом Западе в ту пору явственно понимали, знали творческую силу дефензивности, особенно у дефензивных ученых, создавали им всяческие «оранжерейные» условия для работы (и не только при создании атомной бомбы).

Только в хрущевскую оттепель, когда у исследователей спал страх ареста за «неправильные» идеи и оживился интерес к индивидуальности, к особенностям личности, стала подтаивать прямолинейная казенщина публикуемых научных взглядов и в отношении дефензивности. Психолог Борис Михайлович Теплов⁵⁷ еще в 1956 г., анализируя детально работы павловской школы, ставит горячий вопрос: «Действительно ли понятия “слабость” и “инертность” не имеют никакого положительного содержания?» (с. 407). На основании собственных исследований и исследований своих сотрудников Теплов в 1960 г. приходит к выводу, что «испытываемые слабого типа» «могут работать продуктивнее» «сильных». «“Слабые” работают не хуже “сильных”, а по-другому, своими путями» (с. 531–532).

⁵⁵ О положении в биологической науке Стенографич. отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина 31 июля–7 августа 1948 года. М.: ОГИЗ–Сельхозгиз, 1948. 563 с.

⁵⁶ См. многие страницы «Павловских клинических сред». Т. 1–3. М.–Л., 1954–1957. Напр., т. 1 (1954). С. 614–616.

⁵⁷ Теплов Б.М. (1961).

В брежневское фарисейски-благодушное, коррупционное, серое, пьяное время застоя, когда, словами писателя С. Есина, «двойная мораль приобрела столь массовый характер, что уже сама цельность стала признаком социальной незрелости (подобно тому, как в эпоху ГУЛАГа таковым считалась склонность к сомнениям)»⁵⁸, также не было, во всяком случае прежнего, сильного страха ареста у интеллигенции за свои научные и художественные убеждения. Но еще более суровыми, строгими в отношении «правильности» творчества были цензоры в лице всевозможных увлеченных бюрократией редакторов и самих авторов.

Правда, А. Латынина считает, что уже не было и «самой интеллигенции в прежнем смысле слова». Убежден, что она все-таки была, но затаилась (чаще на самых скромных должностях), работала «в стол» с надеждой на свободу в будущем, а иногда чудом даже кое-что «проталкивалось» в печать. Латынина права, конечно, в том, что «весь комплекс идей, которыми мы сейчас живем (и тех, пора которых еще не настала), сформировался в «застойные семидесятые» под ленивым давлением требующего лишь внешней лояльности брежневского режима»⁵⁹. Ослабела прямолинейная напряженность научных, научно-популярных текстов, мысль стала живее, диалектичнее. Вот Юрий Алексеевич Гагарин и Владимир Иванович Лебедев из космической практики выводят, что «слабый» не хуже «сильного», просто для каждого свое, «люди со слабым типом нервной системы, то есть меланхолики, не могут быть космонавтами», но могут быть в космосе «научными сотрудниками и другими специалистами»⁶⁰.

Философ Альфред Полис «в принципе» соглашается с известной работой Владимира Павловича Эфроимсона «Родословная альтруизма» в том, что «нравственность, социальная по своему содержанию и происхождению, имеет свои предпосылки и в естественной истории человека»⁶¹.

⁵⁸ Есин С. Возрождение цельности // Аргументы и факты. 1988. № 17. С. 4.

⁵⁹ Латынина А. // Новый мир. 1988. № 8. С. 237.

⁶⁰ Гагарин Ю., Лебедев В. Психология и космос. М.: Молодая гвардия, 1971. С. 89.

⁶¹ Полис А.Ф. Единство социального и биологического в гармоническом развитии личности. Рига: Зинатне, 1981. 227 с.

3. О происхождении характеров, сила слабых...

Полис ут
генезе опред
мов», на суб
нравственн
о генетическ
посредствен
ного поведен
тами челове
психопатами
лезненно-на
нередкой эго
Психопатиче
логически ги
отчетливо от
Таким обр
живными, пси
хуже и не лу
ми — они об
ное дело, но
циальной сп
жесткого хар
ми его индив
Важно в
«В защиту ч
«...Сценар
проймет
не от мир
«по идее»
чукаками
приспособ
дент, г. Ле

Полис уточняет, что «речь должна идти скорее всего о фило-
генезе определенных психофизиологических «рабочих механиз-
мов», на субстратной основе которых становится возможной
нравственная активность человека». Далее автор отмечает, что
о генетической связи между свойствами характера, которые не-
посредственно сказываются «на структуре и качестве нравствен-
ного поведения», и «исходными биопсихическими детерминан-
тами человеческого онтогенеза» свидетельствует наблюдение над
психопатами и, в частности, сравнение психастеника с его бо-
лезненно-нравственными переживаниями и эпилептоида с его
нередкой эгоцентрической установкой и душевной черствостью.
Психопатические же характеры, как известно, есть лишь пато-
логически гипертрофированные здоровые характеры, также
отчетливо отличающиеся друг от друга (с. 170–171).

Таким образом (думается, читая Полиса), человек с дефен-
зивными, психастеническими (гамлетовскими) свойствами не
хуже и не лучше человека с эпитимными (боевыми) качества-
ми — они оба могут благородно вершить общественно-пользо-
ное дело, но по-разному. Автор пишет: «Отстоять идеалы со-
циальной справедливости может человек как мягкого, так и
жесткого характера, пользуясь средствами, соответствующи-
ми его индивидуальности» (с. 175).

Важно в этом отношении и стихотворение Юнны Мориц
«В защиту чудака» (Крокодил. 1979, № 4, с. 14).

«...Сценаристы и режиссеры свято верят, что больше всего нас
проймет, если герой фильма будет чудаком, рохлей, деятелем
не от мира сего. Перед его тонкими душевными порывами мы
«по идее» должны благоговеть, а ведь в жизни мы как раз над
чудаками и неумехами смеемся, издеваемся, ищем характеры,
приспособленные к борьбе, умеющие за себя постоять!» Сту-
дент, г. Ленинград (Лит. газета. № 40).

Блещет талантами юноша К.!
Он обхохочет в кино чудака,
Он, хохоча, укрепляет в себе
Чудный характер, способный к борьбе,
И презирает сильнее всего,
Если герой не от мира сего.

Нам не подходит такой примитив!
Дайте комедию и детектив!

Дайте героя, чтоб дух захватило,
 Чтобы мотало его и крутило,
 Он чтобы тоже крутил и мотал,
 И на пути к достиженью сметал!
 Хватит терзать задушевым и тонким —
 Это полезно отпетым подонкам,
 А молодцам просвещенным полезно,
 Если герой — пробивной и железный!
 Я бы всегда на такую киношку
 Шел в рукопашную, ставил подножку
 Всем чудакам до шестнадцати лет
 И отнимал бы у рохлей билет!
 Ох, чудаки, неудачники, рохли,
 Лучше б не мучились, в детстве подошли!
 Дайте киношку с героем на «ять»,
 Чтоб научил за себя постоять!
 Я презираю сильнее всего,
 Если герой не от мира сего.

Мой восхитительный юноша К.!
 Знаешь ли хоть одного чудака,
 Хоть одного не от мира сего?
 Нет, ты не знаешь из нас никого!
 А, между прочим, на прошлой неделе
 Славно тебя объегорил Емеля,
 Въехал на печке туда, где пока
 Что-то не слышно о юноше К.

С правой ли, с левой ли вдарить руки —
 Бойся, товарищ, сильны чудаки!
 С нами Кутузов, он страшный чудака —
 Кое-кому наподдал еще как!
 Скоро покажут в кино чудака,
 Тот из Калуги толкал в облака
 Флот межпланетный, где тоже пока
 Что-то не слышно о юноше К.

Ох, и живучие мы, чудаки!
 Лезем на звезды, в кино и в стихи!
 И обладаем талантом счастливым —
 Склонностью к тонким душевным порывам!
 В этой связи на планете пока
 Что-то не слышно о юноше К.

Иное от
 научно-поп
 (1983. № 3
 таша!» объ
 смущается:
 ярким, отва
 женщины, а

В эти год
 Валентина
 работы Васи
 прорывающ
 ственной ре

Даниил
 лась. Мор
 меньше, хал
 зависимых
 мейных уст
 зивность в т
 нравственн
 ние, иронич

Михаил
 де КПСС⁶³, д
 лицом, во в
 лизм — это
 человеком и
 дочным, тре
 Совесть
 ся о том, что

⁶² Гранин
⁶³ КПСС —
⁶⁴ Матери
 Союза. М.: Пол
 алистическая н
 ственность) дл
 во-несбыточное

Милая крошка! Лишь мелкая сошка
Может в наш век не любить чудака!

Иное отношение к дефензивности звучало уже тогда и в научно-популярной литературе. Так, в журнале «Здоровье» (1983, № 3) Д. Орлова в очерке «Оставайся застенчивой, Наташа!» объясняет девятикласснице, жалующейся на то, что смущается: застенчивый человек может быть притягательным, ярким, отважным, и в застенчивости, скромности «не слабость женщины, а ее сила».

В эти годы печатались напряженные душевной болью вещи Валентина Распутина и Чингиза Айтматова, педагогические работы Василия Александровича Сухомлинского. Все это было прорывающейся сквозь застой закономерной глубинно-нравственной реакцией общества на моральное разложение людских масс, сползание экономики к кризису.

Даниил Гранин пишет: «Почва народного доверия истощилась. Моральные показатели падали. Честности становилось меньше, халтуры больше. Убыль коснулась, казалось бы, не зависимых от политики черт: заботы о родителях и детях, семейных устоев. Прибавилось злости, жестокости»⁶². Дефензивность в такой атмосфере, понятно, вызывала у многих безнравственных или просто легкомысленных людей раздражение, ироническую улыбку.

Михаил Сергеевич Горбачев в своем докладе на XXVII съезде КПСС⁶³, продолжая еще верить в социализм с человеческим лицом, во всеобщую сознательность народа, сказал: «Социализм — это общество высокой нравственности. Нельзя быть человеком идейным, не будучи честным, совестливым, порядочным, требовательным к себе»⁶⁴.

Совестливый человек — тревожный человек, тревожащийся о том, что, быть может, делает что-то нехорошо, не по со-

⁶² Гранин Д. Дорога к здравому смыслу // Правда. 1988. 5 авг.

⁶³ КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза.

⁶⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 88. Сегодня, в 2008 году, понятие «социалистическая нравственность» (как, впрочем, и «капиталистическая нравственность») для многих и многих россиян звучит как нечто противоречиво-несбыточное.

вести, а по корысти. Не следует забывать о приспособительной, защитной сути тревоги. Юрий Львович Нуллер и Ирина Николаевна Михаленко (1988), петербургские психиатры, помогая тяжелым, психотическим больным, отмечали, что «тревога повышает внимание, настороженность, готовность к принятию решения». Только достаточно интенсивная тревога дезорганизует мышление, искажает отношение к окружающему. Цитируя Марка Аврелия, авторы поясняют, что со времен античности «совершенным представлялось холодное, безаффективное суждение, и только оно могло быть правильным». Но именно благодаря тревожности, эмоциональности «происходит подсознательная фильтрация информации» в мозге и мозг способен решать сложные жизненные задачи быстрее и эффективнее, чем гораздо более «быстрая» ЭВМ (с. 245).

Да, нравственная тревожность предупреждает зло. Все яснее видится ценность дефензивности.

М. Князева пишет под рубрикой «Психологический практикум»: «Однако одинокий мыслитель, пролагающий свой путь к достоинству, колеблющийся, сомневающийся, вызывает лично у меня больше симпатии, чем другой, очень распространенный сегодня типаж <...> Я часто вижу этого молодого человека. Бойкий парень не слезает с трибун. О себе говорит “мы” даже в частной беседе. Это “мы” — от лица молодежи, истории, оно наступательное, воинственное, этим “мы” он отсекает возможных оппонентов. Ребята из бригады говорят про такого иронически: “Герой!” А может быть, под бойкой маской — обыкновенный конъюнктурщик, усвоивший штурмовую эффектную лексику? Догадывается ли он сам об этом?»⁶⁵

Алексей Герман рассказывает об одаренном, одухотворенном учителе словесности П.Н. Куликове, не защищенном перед демагогическими атаками коллег. «Кто-то из родителей сказал: как же так, он такой образованный человек и совсем не умеет себя защитить?» Автор отвечает на этот вопрос: «Он и не должен защищаться, пусть он учит. Давайте защитим его мы»⁶⁶.

⁶⁵ Князева М. Понять себя // Комсомольская правда. 1988. 25 апр.

⁶⁶ Герман А. Как я стал «врагом» перестройки // Комсомольская правда. 1988. 20 мая.

Психотерапевтическая и психопрофилактическая помощь «слабым» (дефензивным) людям

Помощь дефензивным людям (независимо от того, болезненна эта дефензивность или в рамках здоровья) должна быть прежде всего общественной. Это значит, что мы должны понимать силу, ценность дефензивной слабости и сообразно этому вести себя с дефензивными людьми. Застенчивость, тревожность, склонность к сомнениям, нерешительность, неуверенность и «самоедство» несут в себе (довольно часто) необычные нравственные ценности, творческие мыслительные способности. Важно дружелюбно-уважительно относиться к проявлениям дефензивности, по возможности щадить обостренное самолюбие этих людей, понимая, что сложные практические, организационные дела, администрирование, всякого рода «пробивание», «выколачивание» чего-то — не их удел. Если человек сробел в обстановке, требующей решительности, не защитил умело девушку на улице, не ввязался в драку с наглостью, пошлостью, — это еще не значит, что он плох, безнравственен. Он может быть в то же время чрезвычайно сильным духом своим в нравственных, мыслительных «драках». Нужно помочь ему найти свое сильное место в общественной пользе. Только общественно-полезные успехи могут смягчить его дефензивное страдание и по-настоящему утвердят его в жизни.

Дефензивность (если, конечно, она выражена не остропсихотически, не до сумасшествия) требует главным образом не биологической (лекарственной, физиотерапевтической и т. д.), а душевной, психотерапевтической помощи. Психотерапия может быть общественной, что отметил выше, и конкретной, то есть исходящей от конкретного психотерапевта.

Уместно здесь рассказать немного о психотерапии вообще. Психотерапия — лечение средствами души. При этом, понятно, не только врач-клиницист может лечить средствами своей души. Это может делать и психолог, и психоаналитик, и писатель, и музыкант, и священник — любой человек, способный душевно-целебно подействовать на другого человека. Психотерапевтически помочь себе может и сам страдающий. Когда,

например, становится ему легче среди природы, то это значит, что он психотерапевтически для себя самого воспринимает, душевно преломляет пейзажи, травы, цветы, животных, пение птиц и т. д.

Клинической психотерапией⁶⁷ называется психотерапия, сообразующая свои воздействия с клиническими особенностями душевной патологии, с характерами, которые могут быть и больными, и просто «трудными». Клиническим психотерапевтом может быть человек, прочувствовавший природные душевные закономерности при разнообразных нервных расстройствах и трудностях, способный помогать своей душой, отправляясь от картины этих расстройств и трудностей, высматривая в этой картине попытки стихийной природы защищаться от внешних и внутренних вредоносных воздействий, помогая, по возможности, природе человека защищаться совершеннее.

Если психотерапевт-психолог в своих воздействиях отправляется прежде всего от тех или иных событий, отношений между людьми, толкуя их в соответствии с той или иной психологической концепцией, то клинический психотерапевт идет прежде всего — от природных душевных особенностей человека, так или иначе, по-своему, перерабатывающих эти события и отношения в особенное болезненное или в особенное здоровое. В клинической картине болезни, как и в здоровом характере, в строении здорового органа, написана языком самой Природы ее способность приспособливаться-защищаться. В соответствии с природными особенностями люди по-разному защищаются от вредоносных воздействий и, сообразно этому, по-разному следует им психотерапевтически помогать.

Наконец, клинический психотерапевт всегда чувствует-предполагает биологическую основу своего психотерапевтического воздействия. Самыми тонкими, сложными, философическими, художественными, музыкальными попытками вмешаться в болезненное душевное состояние он в конце концов отворяет двери «внутренних аптек» пациента. Таким образом,

⁶⁷ В отличие от психотерапии психологической (в широком смысле) — экзистенциально-гуманистической, психоаналитической и т. д.

психотерапевт-клиницист по-гиппократовски преклоняется перед бессознательной, стихийной защитно-приспособительной работой всей Природы, данного больного человека и *лишь помогает по возможности стихийной Природе в каждом конкретном индивидуальном случае совершеннее защищаться*. Клиническая психотерапия есть область клинической медицины, в отличие от психотерапии эклектически-психологической, психоаналитической, экзистенциальной, религиозной и т. д.

Психотерапия, конечно же, существует, как и вся медицина, с самого зарождения человечества. Известны даже первобытные стихийные формы психоанализа (Леви-Стросс К., 2001, с. 192–213). Только примерно с середины XIX века стихийные, религиозные, мистические, ремесленные, клинические психотерапевтические воздействия стали складываться в определенные психотерапевтические методы-направления, состоящие из многих конкретных методик и составляющие сегодня арсенал, в том числе клинического психотерапевта. Эти методы-направления несут в себе основные специфические (то есть не сводимые друг к другу) механизмы душевного воздействия человека на человека. Речь идет о воздействии внушением и гипнозом, разъяснением и убеждением, о воздействии тренировочном, групповом, поведенческом, активирующем, аналитическом, о воздействии духовной культурой и т. д. Подробнее о клинической психотерапии см.: Бурно М.Е. (20006, 20066).

Терапия внушением и гипнозом. Механизм внушения состоит в привнесении в пациента различных мыслей, настроений, даже неприязни отвращения (например, к алкоголю). Происходит это невольно, машинально со стороны пациента, он верует в то, что ему внушают, без критического сопротивления содержанию внушения. Психотерапевт заботится о том, чтобы по возможности ослабить, снять рассудочное сопротивление пациента лечебным внушениям (например, погружая его в гипноз). Впрочем, гипноз как особое состояние организма, в котором возможно проводить внушение, действует и сам по себе (независимо от целебного содержания внушения, «гипнотической песни»). Гипноз — произведенная гипнотизацией

включенность, раскрепощенность индивидуальной душевно-телесной защиты (адаптационных сил организма). Гипнотический сеанс (без лечебного внушения) — это не просто подремал, расслабился человек на кушетке. Это — особенный сон, глубинная, внутренняя целебная работа организма, осуществляемая в том числе и *собственными* нашими лекарствами, выпущенными гипнотизацией из организмических депо-аптек. Человек нередко необыкновенно свежеее после гипнотического сеанса, испытывает прилив энергии.

Терапия разъяснением и убеждением. Это логическое, рассудочное взаимодействие психотерапевта и пациента. Здесь требуется от пациента не вера, а критическое обдумывание того, что объясняет, доказывает ему психотерапевт. Доказанное, разъясненное уже имеет у пациента свои логические корни, он сам может теперь объяснять себе и другим, в чем болезненно ошибался.

Тренировочная психотерапия (психическая саморегуляция). Тренировочные методики — это элементарное самовнушение, аутогенная тренировка, медицинские методы йоги и т. д. В основе их — тренировка. Пациент тренируется под руководством психотерапевта. Эти занятия требуют от пациента прежде всего технической, «инструментальной» работы, сноровки (в отличие, например, от психотерапевтических занятий творчеством).

Групповая психотерапия. Ее специфический механизм состоит в том, что пациенты под руководством психотерапевта целебно воздействуют друг на друга.

Поведенческая психотерапия. Механизм ее заключается в том, что психотерапевтически гасятся патологические рефлексы, вырабатываются здоровые модели поведения. Например, пациента со страхом езды в транспорте постепенно приучают в психотерапевтической комнате спокойнее относиться к троллейбусу, поезду, метро, показывая ему все это на слайдах, включая магнитофон с записанным шумом транспорта. Потом он получает лечебные задания отъехать от больницы все дальше и дальше.

3. О происхождении характеров, сила слабых...

Активирование от психического, апатичного, терапевт настое...
кино, сделал с...
чистил утром з...
раздумывать, к...
этих поначалу...
современем те...

Аналитич
лиз. Психоана...
литической ор...
кой, фроммов...
ет симптомы,
так же, как э...
ной ориентац...
помогают бо...
содержание...
тью смягчит...
возможно ли...
ностям своег...
лагаемым ем...
его страдани...
проанализир...
нически, то...
хоаналитич...
его личност...
мироощуще...

Терапи
терапии —
кость», ме...

«Если в...
здесь может...
гой психолог...
но направляе...
«См. раз...

Активирующая психотерапия. Существо ее — в требовании от пациента (обычно вялого, нерешительного, тоскливого, апатичного) прежде всего активности, действия. Психотерапевт настоятельно требует, чтобы пациент отправился в кино, сделал снимки фотоаппаратом, убрал свою комнату, почистил утром зубы и т. д. Сначала сделать дело, а потом уже раздумывать, какой это имеет жизненный смысл. И нередко в этих поначалу механических, натужных действиях начинает со временем теплиться интерес.

Аналитическая психотерапия. Это не только психоанализ. Психоаналитик, исходя из своей определенной психоаналитической ориентации (фрейдовской, юнговской, адлеровской, фроммовской, лакановской и т. д.), символически толкует симптомы, переживания, сновидения пациента, в сущности так же, как это делает священник, исходя из своей религиозной ориентации. Таким образом, психоаналитик и священник помогают больному человеку осознать не осознанное прежде содержание его страданий и этим осознанием, определенностью смягчиться. Улучшение, выздоровление здесь, понятно, возможно лишь в том случае, если пациент, сообразно особенностям своего душевного склада, способен проникнуться предлагаемым ему (хотя бы в легком намеке) данным объяснением его страданий. Клинический психотерапевт помогает пациенту проанализировать, осознать свои смутные переживания клинически, то есть исходя не из замкнутой религиозной или психоаналитической ориентации, а из природных особенностей его личности и, стало быть, исходя из естественно-научного мироощущения⁶⁸.

Терапия духовной культурой. Основной механизм этой терапии — механизм креативный (креативность — «творчество»), механизм творческого целебного вдохновения⁶⁹.

⁶⁸ Если в соответствии с личностью пациента, картиной переживания здесь может серьезно помочь определенная ветвь психоанализа или другой психологической психотерапии, клинический психотерапевт обычно направляет пациента (клиента) к соответствующему специалисту.

⁶⁹ См. раздел 6.

Указанные выше психотерапевтические воздействия (есть и другие) переплетаются, перемешиваются между собой в живом психотерапевтическом деле, не теряя, однако, свои специфические узлы-механизмы, не сводимые друг к другу. Клинический психотерапевт обычно знает, чувствует эти узлы-механизмы, намеренно усиливая в своей психотерапевтической работе (в зависимости от клиники, характера человека, которому помогает) то механизм внушения, то разъяснения, то оживляет все это одухотворенно-творческими мотивами или вдобавок включает групповые психотерапевтические механизмы и т. д.

Если неклинические психотерапевты (психологи, психоаналитики, экзистенциалисты, религиозные терапевты), как уже отметил выше, воздействуют на своих пациентов, толкуя им их расстройства в плане той или иной своей аутистической ориентации, то клинический психотерапевт прежде всего держится клинической картины, дифференциальной диагностики. Для него не имеет смысла вопрос: что вообще лучше, сильнее психотерапевтически «работает» — внушение, разъяснение или групповые механизмы? Что окажется подходящим к данному клиническому состоянию, то он и пробует делать.

Как и чем конкретно помогает дефензивным людям клинический психотерапевт? В сущности, всеми указанными здесь психотерапевтическими воздействиями и еще другими, в зависимости от того, какой природы данное дефензивное расстройство. Это сложная, тонкая, профессиональная врачебная работа, нередко включающая в себя и лекарственное лечение. Далее расскажу подробнее лишь о тех психотерапевтических воздействиях, которые показаны всем дефензивным пациентам независимо от диагноза.

Это, во-первых, разъяснение, убеждение. Задача клинических разъяснительных бесед — помочь дефензивному человеку по возможности понять, прочувствовать жизненную, естественно-научную, правду о себе. Разъяснительные беседы — безбрежная, захватывающая, одухотворяющая и пациента и психотерапевта работа. Приходится, конечно, и снимать и смягчать разъяснением тревожные ипохондрические расстройства дефензивных пациентов, помогать им разбираться в их нередких семейных и служебных конфликтах, но главное — расска-

зывать им о внутренней силе, ценности их слабости. Застенчивость, робость, неуверенность, тревожность, сомнения одной тренировкой, «палкой» не прекратишь, не ослабишь. Только осознанное чувство своей полезности в обществе, ощущение своей силы, обретенные в процессе психотерапевтической помощи конкретные жизненные успехи, доказывающие полноценность, способны серьезно и стойко смягчить дефензивность. Разъяснительные беседы, по опыту автора, особенно проникновенно воздействуют на пациентов, когда проводятся как момент Терапии творческим самовыражением (о ней — в разделе 6).

Внушение в бодрствующем состоянии часто не действует на многих дефензивных пациентов и даже порой обижает их, раздражает (вследствие их природной склонности размышлять, анализировать). Но гипнотический сон с «гипнотической песней» целебного, философски-жизнеутверждающего содержания обычно вызывает просветление, подъем духа, физических сил.

Тренировочные психотерапевтические приемы (элементарное самовнушение, аутогенная тренировка) обычно помогают здесь научиться в сложных положениях, при углублении расстройств настроения смягчать душевную напряженность, заставить себя сделать то, что необходимо, хотя и не хочется.

Однако все это еще не есть глубинное воздействие на дефензивные переживания в целом, на личностное страдание, а лишь так называемая симптоматическая помощь, то есть помощь «по обстоятельствам», направленная на какой-то симптом (достаточно ограниченное расстройство). Только симптоматически здесь возможно помочь и лекарствами.

Лекарство (как и физиотерапевтическая процедура) никогда не сможет помочь человеку разобраться в себе, понять, увидеть свое место в жизни, внутренне, нравственно совершенствоваться. У лекарства тут своя задача: смягчить на время через воздействие на биологию душевную напряженность, притупить ранимость, искусственно взбудоражить, оживить, стимулировать уставшие силы. Лекарство (как и алкоголь, наркотик) может дать лишь иллюзию светлого, оптимистического мироощущения, потому что лекарство действует на биологическую основу человеческого духа, но не на сам дух. Дух, по

убеждению клинициста, есть, как говорят, продукт высокоорганизованной материи, биологической своей основы, он без нее не существует, но сам не есть материя (иначе вообще снимается всякое противопоставление материи и духа-сознания).

С тем, что дает иллюзию счастья, всегда надо быть осторожным. Даже к сравнительно слабым успокоителям (транквилизаторам) и возбудителям (стимуляторам) может незаметно наступить пристрастие (токсикомания). О лекарствах всегда надо советоваться с врачом. Химические препараты, влияющие на расстройства настроения, могут действовать весьма неожиданно — в зависимости от душевного состояния человека, частоты приема и других факторов (транквилизатор реланиум вдруг взбудоражит, а стимулятор сиднокарб усыпит). Или лекарство вовсе перестает действовать в прежней дозе. Поэтому препараты в дефензивных случаях следует принимать лишь понемногу и время от времени, а если возможно — не принимать вовсе. Гораздо безопаснее транквилизаторов и стимуляторов для дефензивного человека природные лекарства: валериана, пустырник, элеутерококк, золотой корень, чай, кофе.

Подлинное лечение дефензивности, убежден, заключается в том, чтобы умело, научно, одухотворенно помочь дефензивному человеку найти в жизни *свой* творческий путь, соответствующий своим особенностям, приобрести благодаря этому стойкое вдохновение, свет, смысл в душе, целебно включиться таким образом в общественно-полезную жизнь своими же ценными для определенных дел дефензивными свойствами.

Терапия творческим самовыражением (с осознанностью своей общественной пользы, с возникновением на этой основе стойкого светлого мироощущения) и есть сложный прием Терапии духовной культурой, разработанный автором книги, его последователями и включающий в себя вышесказанное.

Об этом подробнее в разделе 6.

Здесь расскажу лишь о психотерапевтических рассказах, с которыми в процессе Терапии творческим самовыражением психотерапевт может обращаться к своим пациентам. Он либо читает вслух эти рассказы в группе пациентов, либо дает их читать пациентам домой. Рассказы обсуждаются в группе, психотерапевт переписывается с пациентами по поводу этих

3. О происхождении характеров...
рассказов. Смысл
состоит в том, что
психотерапевт
обычным врачом
реживания психи
рассказами психи
сказы о своих пер
дет в них свои ду
путь, порою бесс
Этими рассказами
пациента, его то
Все это особенн
стями.

В чем различие
в клинической п
стическими) ра
психотерапевт
терологически
имеют ясную л
ственная лит
лений, наполн
циальными тип
тике (в отличи
звучит струна
вается конфли
нические псих
личаются от б
ническая пси
как такового.
Духовная
рапию, котор
ческой (гипно
использовани
туры выходит
дело жизни,
ресно жить (х

16 В отличи
основываются н

рассказов. Смысл данного психотерапевтического процесса состоит в том, что с помощью волнующих художественно-психотерапевтических образов порою гораздо легче, нежели обычным врачебным разъяснением, целебно проникнуть в переживания пациента, в чем-то важном его убедить. Своими рассказами психотерапевт побуждает пациентов писать рассказы о своих переживаниях, о своей жизни, дабы лучше увидеть в них *свои* душевные, духовные особенности, *свой* смысл, путь, порою бессознательно намечающийся в этих рассказах. Этими рассказами возможно подробнее, глубже познакомить пациента, его товарищей по лечебной группе с самими собой. Все это особенно важно для людей с дефензивными трудностями.

В чем разница между психотерапевтическими рассказами в клинической психотерапии и художественными (беллетристическими) рассказами писателей? В том, что клинические психотерапевтические рассказы идут от клинических, характерологических особенностей переживающего человека⁷⁰ и имеют ясную лечебную (профилактическую) цель, а художественная литература в основном идет от общественных явлений, наполнена не клинко-психотерапевтическими, а социальными типами, и даже в описаниях природы в беллетристике (в отличие от психотерапевтических описаний природы) звучит струна общественная, например, в шуме дождя сказывается конфликт личности с обществом. Таким образом, клинические психотерапевтические рассказы в основе своей отличаются от беллетристических тем же, чем отличается клиническая психотерапия как научное искусство от искусства как такового.

Духовная культура медленно и трудно входила в психотерапию, которая удивительно долго оставалась сугубо технической (гипнотической, тренировочной и т. д.). Считалось, что использование для насущного лечения опыта духовной культуры выходит за рамки медицины, не врачебное это дело, это дело жизни, можно тут пациенту просто посоветовать интересно жить (ходить в театр, писать стихи и т. д.).

⁷⁰ В отличие от, например, психоаналитических рассказов, которые основываются на определенной ориентации-ветви психоанализа.

Первым, насколько мне известно, серьезно и подробно заговорил о том, что духовная культура должна широко войти в психотерапевтический процесс в психиатрии, дабы специфически-человеческое, творчески-созидательное лечебно способствовало росту личности, был германский психиатр-психотерапевт Вольфганг Кречмер (1963). «Синтетическая психотерапия» В. Кречмера, не отрицая прежние, технические психотерапевтические приемы (гипноз, тренировочные методики и т. д.), пронизывает их светом духовной культуры человечества, прибавляя к ним уже сугубо свое специфическое (изобразительное творчество, поэзия, танец, общение с природой и т. д.).

Как примеры психотерапевтической прозы привожу далее три своих рассказа⁷¹. Вместе с рассказами моих пациентов читаю их на занятиях в психотерапевтических группах. Повторяю — речь идет не о художественном литературном творчестве в широком общепринятом смысле этого слова, а об одном из способов психотерапевтического воздействия на душевное состояние пациентов.

Примеры психотерапевтической прозы

Тревожные нагромождения доктора Сапогова

Сапогов, врач-терапевт сорока шести лет, отправился к двум часам на работу в свою поликлинику.

Он идет поначалу между угнетающе одинаковыми девятиэтажными белыми жилыми домами под синим небом. Среди этих высоких домов будто съежилась, поглядывая на них исподлобья окнами, трехэтажная школа, тоже белая, даже ослепительно белая от солнца и снега. В ней учился раньше его сын, сейчас студент-медик. Сапогов идет по дорожке к школе мимо нескольких берез и американских кленов на клочке земли, засыпанном снегом. Скрипучий февральский морозец. Тонкие кружевные

⁷¹ Еще семь моих психотерапевтических рассказов и повесть завершают книгу. Вышло также еще несколько книг моей психотерапевтической прозы (Бурно М.Е., 1994, 2000а, 2003).

ветки берез с прошлогодними сережками, тонкие ветки американских кленов с крылатыми семянками — все в нежно-голубоватом инее. На дивно-узорчатых березах тихо сидят четыре крупные вороны, распушив шубы, так близко от Сапогова, тихо и торжественно-умиротворенно, что хочется их погладить.

Вот и развалины маленькой швейной фабрики. Уже недели две лежат в мусорных грудах порушенные трактором куски стен, прогнившие бревна, доски забора. Только ржаво-металлические ворота почему-то стоят среди всего этого неповаленные. Под досками живут три брошенные дворняги, раньше сторожившие фабрику и вылезавшие с лаем из-под ворот на улицу. Дворняги теперь долго и злобно-обиженно лают на проходящих мимо с хозяевами домашних собак — доберманов, догов, пуделей, завидуя им. Сапогов (особенно если с утра один дома) не может теперь заниматься хозяйственными делами и читать свое врачебное, он тревожно раздумывает о брошенных собаках с тяжким чувством вины за людей и, значит, за себя. Носит им хлеб, картошку, кости. Смотрит, как дворняги все это съедают, ничего не оставляя, даже каменных костей, и ему тогда легче душевно.

Собаки вот уже бегут к нему радостно навстречу. Сапогов, стараясь, чтоб никто не видел, достает из портфеля целлофановый пакет и дает собакам куски старого хлеба, дешевой серой скользкой колбасы, разбрасывая в стороны, чтобы собаки не подрались.

Ему особенно жалко одну собаку — грязно-желтоватую с большой головой, большой шеей, с короткими лапами; будто вся она из головы, шеи и крупных коричневых, будто бы женских глаз. Две другие — визгливо-раздражительные куцые зверюги, а эта — как печальный человек. Сапогову почему-то представляется ее морда в красном платке в белый горошек, как Матрена. Матрена шелудива, одна ее молочная железа с черным соском увеличена: видимо, опухоль. Но Сапогов все равно именно эту собаку взял бы в свой дом, отмыл и пошел бы с ней в ветеринарную лечебницу на операцию, а потом сам подлечивал бы.

Однако понятно, ни теща, ни жена ему этого никогда не разрешат. Они только едко смеются над ним, обзывают «тютей» за жалостливость, робость, за то, что денег не так много получает,

не может в жизни устроиться «как все». Они надеются теперь на сына, что станет доцентом или профессором.

Жена — энергичная, практичная женщина, учительница английского языка в школе. Она и зарабатывает немало частными уроками в соседних домах. Характер у нее тещин, но теща позлее. Матрена вон как деликатно, кусочками ест, в отличие от этих куцых визгливых собачонок, хапающих все и рыча заглывающих.

У жены и тещи брезгливость к собакам и даже домашним цветам в горшках. А он, Сапогов, сам слабый, ранимый человек, любит еще более слабых, чем он, живых существ — животных и людей, хочется их защищать, помогать им, и тогда ему легче, чувствует себя более крепким в сравнении с ними.

Ему, конечно, не повезло с женой и тещей. И не повезло с этим его дурацким переживательным характером: такое чувство, будто сам, лично, виноват в том, что собаки брошены и мерзнут, голодают, будто виноват в том, что болеют его пациенты, что его медсестра Надежда Евстафьевна получает еще меньше, чем он, а у нее четверо детей, муж — пьяница и бьет ее.

Особенно тягостно ему, когда, вот как сегодня, работает во второй половине дня. Проводит утром жену и сына и начинает все это тревожно-совестливо жевать вместо того, чтобы читать книгу о гастритах или Чехова, Куприна, «Письма из Ламбарене» Швейцера. Приходится тогда сразу же варить суп или идти в магазин за молоком, овощами, все — отвлечение. Эта болезненная жалостливость, остро пронизывающая неприязнь к жестокости одолевают его с детства, и он вынужден кормить бездомных собак, кошек, птиц, чтоб не болела душа, то есть он всем этим, в сущности, лечится.

Он и в медицинский институт пошел, чтобы больше было возможностей, помогая людям, лечить свою жалостливость.

Среди здоровых самоуверенных людей Сапогов теряется, и с женой, тещей у него тягостные отношения именно потому, что они очень здоровые, правильные. И сын здоровый, в маму, желает быть доцентом, не меньше.

Но вот как же все-таки понимать эту жалостливость? Как больное или здоровое? Он ведь благодаря ей так неравнодушен к больным, неустанно, в заботах и тревогах, лечит их. Выхо-

дит, он работает, лечит, лучше многих его коллег — именно своим болезненным?!

Собаки быстро все съели, облизываются, и Сапогов идет дальше по утоптанной снеговой дорожке мимо школьной ограды из железобетонных столбиков.

Ребята столпились, что-то кричат, ругаются между собой. Присмотревшись сквозь очки в грубовато-черной оправе, Сапогов видит, что один мальчик, сев верхом на другого, избивает его, жестоко посапывая, кулаком по лицу.

Сапогов, не успев даже решиться на такой необычный для него поступок, хватает мальчишку-изверга за шиворот, отталкивает в сторону так, что у того конец шелкового пионерского галстука вылезает из-под свитера. Сапогов, конечно, «тютя», но телом крупный мужчина, хотя и неловкий, и с седыми большими усами. Мальчишка пугается силы и пытается объяснить:

— А вы вот посмотрите, как он мне на лыжи наступил, прямо на острия! Можно так?

— А так зверски бить можно? — спрашивает Сапогов и чувствует, как голос его внутренне-робко дрожит.

Вот он уже идет дальше со своим старым портфелем, попортившаяся ручка которого для укрепления обмотана изоляционной лентой. Ощущает легкую гордость за свой смелый поступок: защитил мальчика, которого, впрочем, и в лицо не разглядел. Да и «изверга» не помнит: только синий свитер и еще красный галстук вылез.

Сапогов знает, однако, что так просто это ему не пройдет: теперь замучается тревогами. О Матрене переживать перестал, но зато вот уже началось другое. «Изверг», видимо, живет где-то рядом, раз учится в этой школе. Неизвестно, кто его отец. Он, конечно, расскажет отцу, как чужой дядя схватил его за шиворот, может, даже порвал рубашку и галстук сквозь свитер. Отец еще пожелает встретиться с обидчиком сына и врезать ему или еще хуже — подаст на него в суд.

И вот уже Сапогову представляется, как он оправдывается в зале судебного заседания. «А что же делать? — спрашивает он суд. — Попустительствовать жестокости?»

Он смотрит сейчас на березку и клен, как склонились они нежно головами друг к другу; березка, конечно, женщина: такая тонкая вязь березовых веток в инее на фоне синего неба.

Его эта пара деревьев каждый день трогает чуть ли не до слез. Но сейчас он и эти два дерева не способен почувствовать, все заслонила тревога, колотится сердце, он еще в зале судебного заседания, его судят за жестокое обращение с мальчиком в шелковом пионерском галстуке. Он опять спрашивает суд: «Но ведь иначе, как за шиворот, я не мог оторвать этого мальчишку от другого, слабого, которого он так зверски избивал кулаком по лицу? Что же — попустительствовать жестокости?»

Вот уже и его четырехэтажная поликлиника рядом, слава Богу.

Сапогов поднимается на свой второй этаж. У кабинета ждут больные — люди, которые слабее, несчастнее его, хотя бы временно, из-за своей болезни, и которым он может помочь, которых может пожалеть, как Матрену, ощутит их душевную благодарность, что нужен им, и тогда ему станет легче. Глупо, но хотел бы держать дома хоть один какой-нибудь скромный цветок в горшке, чтобы и этому цветку — слабому, зависимому от него, быть нужным — хотя бы поливкой.

В кабинете ждет Сапогова медсестра Надежда Евстафьевна, у которой четверо детей, муж — пьяница и бьет ее. Она старше своего врача года на три и детей родила уже после тридцати, одного за другим, но худенькая, как девочка, и восторженно-влюбленно лучащимися зелеными глазами смотрит на доктора из-за своего белого стола. Они работают вместе двенадцать лет и минут десять почти каждый день идут после работы вдвоем домой — он такой крупный и неловкий, а она такая маленькая и воздушная. Идут и разговаривают, пока не расходятся в свои дома.

В кабинете о своем без спешки не поговоришь, больных уйма, а тут за эти минуты они рассказывают друг другу о домашних событиях и душевных трудностях. Главное и удивительное в том, что медсестра, похожая душевно на Сапогова, боготворит своего доктора именно за такой его переживательный, с нравственными муками, ранимостью характер, все сравнивая со своим жестоким, равнодушным мужем, с другими врачами в поликлинике. И Сапогов, и она тайно, каждый про себя, мечтают-воображают, как бы хорошо было им вместе. Они уже давно подолгу и тихо-светло думают друг о друге, им так легче среди их житейских трудностей. Он подарил Надежде Евста-

фьевне к Новому году открытки лекарственных трав, а она ему — ремешок для часов, но попросила отдать ей старый его ремешок. Удивился, отдал, а она тогда сказала: «Вы этого не понимаете».

— Как там Матрена? — спрашивает Надежда Евстафьевна. — Вы собак покормили сегодня? Как это прекрасно! Какой вы чудесный!

Они начинают принимать больных, вместе жалеют их, ободряют шутками, направляют на анализы, на рентген. Делают все, что можно сделать в поликлинике при такой уйме больных. Главное тут — сориентироваться, как на фронте: где не-серьезное, можно самим полечить, а кого проконсультировать с доцентом, кого сразу в больницу направить. Очень важно еще — не потерять в суете духовное, доброе отношение к больному человеку даже при двухминутном с ним общении, когда уж очень много народу. Сапогову в таких случаях вспоминается, как знаменитый доктор Швейцер в Африке лечил туземцев. У него тоже бывало много народу, а он все делал, даже краткое, пустяковое, без раздражения, с духовным теплом.

Сапогов внимательно слушает сердце тревожной полной женщины. И лицо ее, и грудь, и короткие крепкие руки — все в больших красных пятнах от климактерической игры сосудов, а в беспомощно-детских глазах тревога, что уже есть или вот-вот случится инфаркт. Женщина эта, учительница географии, осанкой своей, суетливостью напоминает Сапогову Матрену, он не выдерживает и тихо смеется. Тут же объясняет свой смех: вы-де трясетесь от страха, а никакого инфаркта нет в помине. Женщина успокаивается, благодарно-светло улыбается.

Надежда Евстафьевна посматривает на них, выписывает рецепты и думает про себя: «Какой он чудесный!» Сапогов же даже во время смеха, как бы в глубине своего смеха чувствует прежнюю, не отпускающую тревожную напряженность про Матрену, про суд из-за мальчишек. Потом он уходит с посещениями по участку часа на два, а Надежда Евстафьевна делает бумажные дела и ждет его. Время от времени она прикладывает к щеке его старый, изношенный ремешок от часов и восторженно, глубоко дышит.

Еще она попросила Сапогова принести его мальчишескую фотографию, уже месяц держит у себя и вот сейчас, спрятав

ремешок, смотрит на дорогого ей мальчика, постриженного наголо, в коротких послевоенных штанах из отцовской гимнастерки с лямками крест-накрест, побитыми коленками и воображает, как могла бы встретить его в своем детстве и уж тогда никому не отдала бы.

«Зачем вам эта фотография?» — несколько раз уже спрашивал Сапогов. Она отвечала из-за своего белого стола, глядя на доктора мягко-круглыми, нежно-лучающимися зелеными глазами: «Вы этого не понимаете». В самом деле, разве может он понять-поверить и разве может она рассказать ему, что, избиваемая до синяков пьяным мужем, она думает в эти секунды о своем враче, что завтра увидит его, и внутренне так ясно-тихо улыбается.

Но вот Сапогов возвратился с вызовов, и уже пора домой. По дороге, наконец, он рассказывает, как заступился за слабого мальчика и теперь вот боится неприятностей, суда. Надежда Евстафьевна восхищенно слушает, таким звонким, добрым, естественным смехом смеется над его страхами-нагромождениями о судебном заседании и все повторяет:

— Это же прекрасно! Какой вы чудесный!

Сапогов тут же успокаивается с ней в отношении суда и — как будто бы навсегда.

Но ночью, проснувшись, в разгоряченном воображении снова произносит на суде оправдывающую его речь: «Нельзя же проходить мимо жестокости!» и т. п. Он как бы видит себя в своем воображении в зале суда — свое крупное неловкое тело, очки в грубовато-черной оправе, седые усы. Внешне похож на мудрого профессора, а на самом деле всего лишь участковый врач.

Потом наконец засыпает, снится детство и как жалко старые игрушки, когда мама их выбрасывает, как отламывает, чтобы сохранить на память, кусочки от этих старых поломанных игрушек.

Проснувшись, думает уже о Матрене, о том, что бы отнести собакам поест, вспоминает о костях в целлофане, которые спрятал вчера от тещи и жены на балкон, о Надежде Евстафьевне — и на душе у него уже теплее, светлее, вот уже совсем мягко и просветленно, как в те минуты, когда идет со своей медсестрой домой.

3. О происхождении характеров...
«Что мне еще остав-
с теми, кто мне духов-
то давно умерший пи-
ническое дело с преж-
ваться от всего ран-
Пора вставать».

Вечер в поезде

Зоолог Назаров с то-
роге в поезд на Мос-

В купе его как бу-
лом старик-армянин
взглядом и носом. И
он измучился от од-
му интеллигентном
рой рубашке. Назар-
показал виду, что з-
ложил рюкзак и ф-
прошел мимо неск-
Поезд тронулся
вечер.

Для Назарова
один или ехал с ли-
то даже с такими
можно со спокойн-
ре, смотреть в ок-
только с самим со-
же душевно рас-
Как тяжело сидеть
и думать: вот есл-
вот тогда бы и у м-
хочется, а правд-
ме того, так тяго-
Действитель-
его нелепа, бес-
университет и с т-
младшим научн-

3. О происхождении характеров, сила слабых...

195

«Что мне еще остается в жизни? — думает он. — Общаться с теми, кто мне духовно созвучен (будь то живой человек, будь то давно умерший писатель), делать свое врачебное поликлиническое дело с прежней охотой-жалостливостью и отгораживаться от всего ранящего, чуждого, мешающего... Вот и все. Пора вставать».

1984

Вечер в поезде

Зоолог Назаров с тощим рюкзаком и фоторужьем сел в Таганроге в поезд на Москву из Еревана.

В купе его как будто бы уже ждал незнакомый крупный телом старик-армянин с седыми усами, бакенбардами, орлиным взглядом и носом. На его печально-добром лице виделось, что он измучился от одиночества и теперь рад худощавому молодому интеллигентному человеку в серых помятых брюках и в серой рубашке. Назарова это огорчило. Он поздоровался, но не показал виду, что заметил жадную приветливость старика, положил рюкзак и фоторужье на свою полку, вышел в коридор, прошел мимо нескольких купе и там встал у окна.

Поезд тронулся. Был южнорусский июльский солнечный вечер.

Для Назарова самое лучшее сейчас, если б оказался в купе один или ехал с людьми, не обращающими на него внимания, а то даже с такими людьми, которым он в тягость, — и тогда можно со спокойной душой стоять и сидеть в вагонном коридоре, смотреть в окно, записывать, то есть иметь счастье быть только с самим собой. А этот армянин, конечно, начнет сейчас же душевно расспрашивать, откуда, куда, зачем, женат ли... Как тяжело сидеть перед незнакомым человеком, конфузиться и думать: вот если бы не было людей, а только птицы и цветы, вот тогда бы и у меня не было никакой застенчивости. Врать не хочется, а правду не поймет, сочтет за сумасшедшего. И, кроме того, так тягостна всякая потеря времени!

Действительно, с точки зрения практичных людей, жизнь его нелепа, беспомощна. 12 лет назад закончил Московский университет и с тех пор (ему уже 34) работает по специальности младшим научным сотрудником без ученой степени. Добросо-

О характерах людей

вестно, однако без вдохновения выполняет с некоторой пользой для сельского хозяйства несложную лабораторную работу, пишет по положенной статье в год, получает скромную зарплату. Писать диссертацию и жениться не собирается, живет в квартире с соседями, а душа захвачена романтически-непрактичным делом, исследованиями, которые (в чем он убежден) никогда не напечатают.

Главный интерес его жизни, как выяснилось для него еще в студенчестве, в том, что хотел бы соединить свои научные познания о птицах и нежность к ним с изображением птиц русскими писателями. Как именно высвечивается, уточняется душевная особенность автора в его отношении даже к одной конкретной птице, то есть как видятся через птиц душевные портреты писателей?

Самое прекрасное для Назарова — это, почитав о птицах в русской прозе, притаиться в каком-нибудь месте, где вот так же мог бы слушать и смотреть птиц описавший их писатель, например Тургенев. Назаров смотрел на маленького нежно-серо-коричневого южного соловья из семейства дроздовых, принимал в душу и разбирал подробно его песню, чувствуя всем существом, что это же потомок того самого тургеневского соловья, ощущая духовную пьянящую его связь с Тургеневым через живую птицу. Он рисовал птиц карандашом, акварелью, фотографировал — именно так, как могли бы их видеть и любить его писатели. При всем этом замечал в сравнении и свое, индивидуальное отношение к данной птице, становился тогда понятнее самому себе — и смягчалась его тревожная напряженность от такого возвращения к себе самому через птицу, очищения от туманно-наносного, разлаженного.

В глубине Назаров считал, что эти его научно-поэтические занятия помогут отчетливее понять писателей через их отношение к дивной пернатой природе, зримо уяснить с помощью всего этого свое отношение к созданному писателями и увиденному в природе, а значит, быть более самим собою с продуманным чувством своей индивидуальности, по-своему, творчески, совершать свою каждодневную работу.

И вот неделю назад, уже в отпуске, Назаров в своей заставленной книгами и цветными фотографиями птиц комнате перечел чеховскую «Степь» и тут же бросился именно в эти, тоже

июльские таганрогские степные места, чтобы увидеть чеховских коршунов, услышать, как чибиры плачут и жалуются на судьбу, как птица, прозванная степняками сплюком, кому-то кричит: «Сплю! сплю! сплю!», — а сова хохочет или заливается истерическим плачем. Назаров провел в таганрогской степи четверо суток с блокнотом, эскизником, фоторужьем, сухарями, куском сухой колбасы; он и спал там, в душистых травах. А теперь едет назад к своим книгам, и хочется очень многое продумать, обсудить с самим собою и своим блокнотом с картинкой нивяника на обложке, который многие не образованные в растениях люди называют ромашкой.

За окном поезда богатейшее лилово-розовое, красно-синее разноцветье южнорусских трав, которых завтра уже не будет. Вон мальва какая прелестная! А тут этот старик-армянин. Вообще в вагоне одни армяне. Они его заговорят своим добросердечием. Полная армянка с дочкой уж дважды за эти четверть часа кофе в купе пили, все ходят по коридору с медной туркой и крохотными белыми чашечками, влажно-томно на него поглядывая, вот-вот начнут угощать.

Впрочем, это, конечно, прекрасно, вот она — бесценная, мягко-приветливая доброта общения, на которой мир держится, но что делать, если он не сангвиник, если, только поздоровавшись с соседом по купе, уже начал скучать по себе самому, для своей духовной работы. Но вот так стоять и сидеть здесь в коридоре тоже трудно, когда даже спиной знаешь, что добрый армянин ждет тебя.

Назаров вздохнул и пошел в купе. Там старик уже накрыл стол, от которого у зоолога, мало евшего четыре дня в степи, зрябило в глазах. Армянские газеты расстелены на нижней свободной лежанке под полкой Назарова, и на них громоздились куски баранины, завернутые в надорвавшийся лаваш, ярко-прозрачные помидоры, желтоватые малосольные огурцы, закусочные травы, вареные картофелины, крупные луковицы, какие-то жареные черные баклажаны в фольге, грязная крупная соль в солонке, которая оказалась чистой каменной солью, смешанной с перцем. Назаров вспомнил, что еще в Таганроге, подходя на станции к поезду, заметил вывешенные из вагона за окно вот эти опустошенные теперь две веревочные сумки, красную и синюю, набитые тогда свертками и зеленью.

Армянин усадил его рядом с собой, закрыл дверь купе, и стали пировать как друзья. Старик предложил выпить домашнего вина. Назаров отказался. Он вообще не пил вина с юности, заметив однажды на студенческой вечеринке, что, охмелевший, уже не является самим собою в том смысле, что его духовная индивидуальность как бы растворяется в чем-то, то есть свое время охмеления проживает как не он сам, Назаров, а как кто-то немного другой, не совсем понятный ему. «Зачем же терять часы своей индивидуальной духовной жизни?» — подумал он тогда и перестал пить спиртное вовсе. Старик не обиделся, выпил сам за здоровье спутника тонкостенный стаканчик золотого вина — единственного, которое, как сказал врач, можно ему пить при его диабете. Назаров помялся и все-таки заставил себя сказать:

— Извините, но как член клуба трезвости должен напомнить вам...

— Что глоток натурального вина принесет мне вред?

— Ну, даже если нет физического вреда, то как-то сдвигается, хоть чуть-чуть размывается духовная индивидуальность, а ведь это самое главное, чтоб душа человека была чиста.

— У меня чистая душа. Я честный человек и от вина не пьянею, а только обожаю его вкус и как оно ароматно кусает меня внутри.

— Для вкуса можно пить соки.

— Соки? Разве тот вкус? Разве в них столько солнца? Разве они кусают?

Назаров подумал, что достаточно сказал уже противоалкогольных слов как член клуба, что трудно и бесполезно говорить с этими гурманами.

— Я уважаю ваши мысли, — сказал старик-армянин. — Такие мысли и поступки за трезвость обязательно должны быть в нашей жизни.

Помолчали. «Сосед — хороший человек, — думал старик по-армянски. — Он, конечно, непрактичен, сразу видно, но добр, чист, и я уважаю его размышления о трезвости, потому что понимаю, что такое творческая индивидуальность. Только моя индивидуальность от вина расцветает».

Заметив, что молодой человек смотрит на ордена и медали, позванивающие на его пиджаке на деревянных плечиках у стен-

3. О происхождении
ки, старик рас
ком молодого
серый джемпе
И тогда так г
или мать, под
— Вы вля
ший кусок ба
мы «зелень»,
Опьянени
рым был мал
ния голода, и
тью, Назаров
правду про с
Старик на
ким чудачес
наук, но хот
такие «хобб
нагрузку и п
зался замест
низации в Ар
кам, ругался
ным делом, с
работу, кото
выходные д
детьми и вну
Когда по
вагонным ст
спросил, отк
— Вы в р
Назаров
в клубе трез
роду. Это —
неделю в те
людьми без
мысли о жи
— Я не п
сказал вам о
— Да я н
нарезанный

3. О происхождении характеров, сила слабых...

199

ки, старик рассказал, как в войну, в рукопашной заколол штыком молодого немца и вдруг увидел под порванным мундиром серый джемпер, совсем такой, какой ему самому подарила жена. И тогда так горько подумалось, что и у немца тоже есть жена или мать, подарившая ему этот джемпер.

— Вы вяло едите, — упрекал старик. — Вот какой хороший кусок баранины, а вот зелень. Вы называете это «трава», а мы «зелень», потому что это — для человека.

Опьяневший не от гастрономических ощущений, к которым был малоспособен, а просто от гостеприимства и утоления голода, испытывая потребность отблагодарить искренностью, Назаров рассказал старику в ответ на его расспросы всю правду про себя.

Старик назвал занятия Назарова «красивым романтическим чудачеством». Отметил, что все его дети — кандидаты наук, но хоть не смеялся. Отметил также, что бывают еще не такие «хобби», это ничего, лишь бы они снимали душевную нагрузку и помогали профессиональному делу. Он сам оказался заместителем начальника крупной строительной организации в Армении. С семи утра до семи вечера ездил по стройкам, ругался, показывал, как надо работать, хвалил, но главным делом, смыслом своей жизни считал изобретательскую работу, которой лет сорок уже предавался по вечерам и в выходные дни в своем большом доме, наполненном теперь детьми и внуками.

Когда после ужина и напившись чаю сидели они за чистым вагонным столиком друг против друга, старик торжественно спросил, откинув орлиную седую голову:

— Вы в ресторане давно были?

Назаров покраснел всем своим тонким узким лицом. Он вел в клубе трезвости биологический кружок с выездами на природу. Это — и его общественная работа, и возможность раз в неделю в течение нескольких часов на досуге пообщаться с людьми без вина, высказывая и тем уточняя, углубляя свои мысли о живой природе.

— Я не пью вовсе вина, я от души в клубе трезвости и уже сказал вам об этом, — проговорил он.

— Да я не об этом. Как вам в ресторане хлеб давали? Стоял нарезанный хлеб в вазе, да?

О характерах людей

— Ну?

— Так вот. Люди выпили вина, поели, ушли, а хлеба всегда несколько кусочков остается.

— Ну и что?

— А то, что этот хлеб работники ресторана обязаны выбросить в ведра для свиней. Я подсчитал, сколько таким образом пропадает хлеба ежедневно по всей стране в ресторанах, кафе, столовых. Это — уйма! И вот я изобрел приспособление для хлеба в ресторанах и столовых и еду сейчас с ним в Москву. Это такая хлебница, показать не могу, еще секрет. Но можно нажать на что-то — и выходит к тебе кусочек хлеба, который берешь, не притронувшись к другим кускам. И, значит, оставшийся хлеб не пойдет на выброс. И во всем мире пока никто больше об этом не додумался. Только немцы додумались давать гостю буханку и нож, чтоб отрезал себе кусочек, а потом другой, если понадобится. Я еще приспособил к этой хлебнице соль, перец и увлажнитель, чтоб хлеб не высыхал. Да, молодой человек, гениальное открытие часто очень просто. Немец Зингер придумал всего-навсего дырку в игле и стал известен на весь мир. А Эйнштейн всего три буквы придумал. Что скажете?

— Это, должно быть, очень полезно, то, что вы придумали, — закивал растерянно Назаров. — И про джемпер молодого немца — это так важно. Ужасная, обезличивающая вещь — война. Выходит, солдат Чехов мог бы проткнуть штыком солдата Золя, не зная, кто перед ним, Тимирязев — Дарвина...

— Да, война никому не нужна. Мой сын, врач, нарисовал картину: Христос со своего креста протестует против ядерной войны. Нужна жизнь, яркая, живая, веселая, с бараниной, зеленью. И мои хлебницы во всех ресторанах и кафе расставить.

Дверь в купе открыта. Догорает солнечный вечер. За окном ворочаются привязанные авоськи, красная и синяя, несколько отошавшие. Старик сказал, что завтра утром сделает себе укол от диабета и надо будет все это доест.

Завтра утром — Курск, Орел, уже, наверно, не будет таких ярких мальв, южных трав, а — северная темно-зеленая трава, массы лиловой лесной герани, желтая сурепка, красивые голо-

вы чертополохов, цветущая бело-розовыми цветками картошка, светлые крупные коровы, черная грязюка. Но эти же сороки будут летать вдоль поезда.

Поезд вовсю шел уже по украинской земле. Они стояли в коридоре вагона у окна. Старик рассказывал об африканских странах, о политических деятелях. Многого Назаров тут не знал, попадал в тупик; старик качал неодобрительно головой, но сам не знал, как называются цветы, травы за окном, не мог отличить сойку от голубя, интересовался только той природой, что годится для вкусного стола. Все ворчал:

— Вот почему тут по ходу поезда не посадить редиску, укроп, груши, яблоки? Что это тут все за бездомные цветочки! Кому они нужны?

— Так ведь это ж природа, дикая природа, которая мудрее нас. И есть ли что-нибудь выше ее на свете?

— Выше этих лютиков?

— Это не лютики, это козлобородник луговой.

— Да, но что он для человека?

— Он — его отец, мать, воздух, одежда, ум...

— Хорошо сказали! — вздохнул старик.

В Иловайске к ним в купе сел хмурый, напряженный пассажир с красным бугристым лицом, в старой соломенной шляпе. Старик хотел было и ему рассказать про свою хлебницу, но тот заспешил в ресторан. Глядя в окно, старик рассказывал:

— Вот здесь жила одна из моих любовниц, кандидат наук. Еще лет 8 назад я к ней приезжал. И муж у нее прекрасный, тоже математик. Он все спрашивал меня: расскажи, почему она любит тебя больше меня, что ты ей такое говоришь? А у вас есть любовницы?

Женский вопрос был очень труден для Назарова, он сконфузился. Но тут же вспомнил, как старик восхищался мужем своей любовницы, и засмеялся.

— Как у вас все просто, мило, — заговорил он. — Наверно, мужья ваших любовниц не могли на вас сердиться всерьез и ваша жена — тоже. Это как писатель Хемингуэй на свой день рожденья в своей семье собирал и всех своих прежних жен, и всем было весело. У него было четыре или пять жен? Не помните?

Старик не знал. Он не читал ни Хемингуэя, ни Астафьева, ни Айтматова, ни Распутина. Он снова рассказывал об Африке, где, оказывается, бывал как строитель, смеялся, что и там в ресторанах с хлебом такая же история.

Назаров кивал головой, соглашался:

— Да, это полезная вещь — ваша хлебница, столько будет экономии...

Впрочем, он это думал головой, а чувством полагал, что как-то все это с хлебницей вроде бы смешно, чудачество какое-то, но практическое чудачество, не романтическое, как у меня. Главное же, Назаров отметил про себя, что не жалко ему времени на такое общение, ему интересно. Не вышло, слава Тебе, Господи, того, чего боялся. Хоть и сконфузился несколько раз, а нет той застенчивой унижительной зажатости, как бывает в банальной обстановке, когда сидишь не в своей тарелке. Это потому, что здесь не банальность, а своеобразие, притом в основном, сквозь всех любовниц, направленное к добру.

— Да, — вздохнул старик, показывая какую-то бумагу, — запросил Францию, ФРГ, США. Нигде нет такой хлебницы.

— Мама с дочкой все пьют и пьют кофе из своих крохотных чашек.

— А, не обращайтесь внимание! Провинциалки в американских джинсах. Культурность всем показывают этим турецким кофеем, темнота. Ну ладно, поскольку мы с вами так замечательно сошлись в чувствах и мыслях, вот вам моя визитная карточка. Приезжайте в Армению в гости, птиц наших будете изучать. На озеро Севан повезу. У меня такая замечательная жена. Все дети — врачи. Внук в детский сад ходит — и уже делает дедушке укол от диабета.

Назаров поблагодарил душевно, но у него не было такой карточки, написал свой адрес на листке из блокнота с цветами нивяника.

Уже лежа в темноте на своей полке, Назаров думал: «Мы действительно близки друг другу нашими чудачествами. Только он именно практический, не стеснительный чудаков. Чудаков — значит одержимая, заостренная до смешноты индивидуальность. И вот, выходит, всякие, даже чудаковатые индивидуальности духовно тянутся друг к другу, а банальные умни-

ки — сами по себе. Это как породистые собаки разных пород, даже если одна собака во много раз меньше другой, но обе породистые, дружелюбно тянутся друг к другу, а на беспородных дворняг лают. Но очень важно, чтобы это наше чудачество в конце концов все же заканчивалось какой-то серьезной общественной практической пользой: чтобы пошла в дело его хлебница и напечатались мои странные статьи».

Назаров засыпал в темноте купе с уютно-теплым ощущением в душе, когда поехала вбок дверь, вошел, видимо, их сосед, вернувшийся из ресторана, и распространил тяжелый для Назарова запах крепкого спиртного.

— Ну что? — спросил внизу старик-армянин. — Ну, как вам там в ресторане подавали хлеб?

1985

Биологические прогулки

Шестнадцатилетняя Ольга, угловатая и длинноногая, постучалась рано утром к отцу. Отец, профессор биологии, впустил ее в кабинет, смутившись, не посмотрев ей в лицо, только заметил боковым зрением печальные, неловкие движения дочери. Еще не старый, пятидесяти трех лет, он, как обычно, работал уже за своим письменным столом.

Ольга присела на красный диван, на котором отец спал ночью между застекленными книжными стенами. Рядом на стуле лежала авторучка с лампочкой внутри, чтобы записать в темноте мысль. Ольга очень любила отца, а мать не любила: в матери что-то было колбасное, чуждое размышлению, духовности. Сварливая, не понимала она важности отцовского дела, подозревала в душе, что только жулик, хоть и под маской стеснительности, может получать так много денег за возню с жуками, бабочками, срисовывание их, наблюдение за ними лежа в траве. Она даже полагала, что эта странная и плохая черта мужа передалась сыну в виде душевной болезни, из-за которой сын почти половину жизни живет в психиатрической больнице. В то же время мать гордилась, что муж профессор, но как бы ей хотелось, чтобы он был профессор медицины.

Как-то они втроем, без брата, возвращались в поезде с берега Черного моря, где снимали комнату, и мать купалась, загорала, ела вареную кукурузу, помидоры, фрукты, грызла всюду семечки, а они с отцом изучали морских беспозвоночных. Билеты были лишь в плацкартный вагон, и мать полулежала, выставив в проход ноги с коричневыми толстыми растопыренными пальцами, которыми с удовольствием шевелила, ела помидоры с кристаллической серой солью и рассказывала женщинам, как готовить салаты, как в квартире расставила мебель, что ее муж много получает, он профессор, но такой робкий, что даже не мог пойти к начальнику вокзала за купейными билетами. Отец читал рядом английскую книгу о жуках, и его брезгливость к словам жены виднелась лишь в чувствительной коже уголков глаз.

Еще тогда, года два назад, Ольга внутренне удивлялась — как могли эти два человека пожениться. Отец тогда, за английской книгой, тоже об этом подумал и мог это объяснить только своей невнимательностью в бытовых вопросах, в том числе к женщинам, даже в молодости. Был он студент, а она говорливая, милая тогда лаборантка и крупные, сочные жарила котлеты. «Но неужто, — думала Ольга, — отец в молодости не рассказывал ей о таракане или бабочке так, чтобы увидела она в таракане мудрую, поэтическую сложность мира».

Сама Ольга лет с пяти влюблена в биологические прогулки с отцом, эти крохотные экспедиции, хоть к подорожнику, хоть к мухам, прогулки, которые стали интересней всяких игр в дочки-матери. Ей уже известно, что только этим она будет подробно заниматься всю жизнь. С растерянностью Ольга подумывала иногда, как было бы ужасно, если б отец не был биологом, не рассказал ей еще в детстве о животных и растениях.

Однако вчерашняя вечерняя ссора родителей перевернула в Ольге все.

Отец сдержанно молчал, переживая лишь кожей уголков глаз, а мать кричала, что он, затворник, искалечил ей жизнь, не желает ходить в гости даже к родственникам, и у них никто не бывает, кроме скучного ей «всякого профессора», что она волочит на себе весь груз хозяйства, а он не может повести ее в театр, она вдова при живом муже и т. д.

3. О поцхождении характеров, сила слабых...
И тут
лась за о
раза в те
может
Мать
страшно
родилас
бишь, а
тебя по
ватой и к
Отец
заснула
Она д
пил так
болен. С
стал сно
ной на п
этому о
когда О
могло б
час еще
— П
ты зака
спала во
— И
— М
— Д
жила.
Што
другой
вый лес
го солн
— Я
сор. —
дочно с
ялся, ч
такая чу
гой в ду
Во-втор

И тут Ольга впервые с отчетливым раздражением вступилась за отца. «Но мама! — сказала она. — Мы же были четыре раза в театре, и ты спала там! Что же ты скандалишь! Папа не может и не имеет права жить иначе. Оставь нас в покое!»

Мать, ошарашенная этим, замолкла, а потом сказала страшное: «Да знаешь ли ты, дура, что отец не хотел, чтоб ты родилась! Он требовал аборт, вот! Я знаю, ты меня не любишь, а его всегда защищаешь, но если б я не уговорила его, тебя по кусочкам вычистили бы из меня и бросили в таз с ватой и кровью».

Отец сильно побледнел, а Ольга ушла в свою комнату и не заснула всю ночь.

Она догадывалась, что если все это правда, то отец поступил так из-за старшего брата, который, наверно, уже тогда был болен. Сейчас брат снова лежал в больнице, потому что перестал снова вставать днем из кровати и чуть не удавился в ванной на простыне, которую привязал к трубе. Возможно, поэтому отец не хотел больше детей, и это вполне разумно. Но когда Ольга подумала, что ведь ее, если б мать не настояла, могло бы не быть, сделалось жутко, будто возможно ей и сейчас еще исчезнуть куда-то.

— Папа, — сказала Ольга, — прости, что я рано. Я знаю, ты заканчиваешь книгу и в восемь у тебя экзамены, но я не спала всю ночь.

— И у меня плохая была ночь, — вздохнул профессор.

— Мама вчера говорила правду? — спросила Ольга.

— Да. Но сейчас я тебя очень люблю и умер бы, чтобы ты жила.

Штора из тонких дощечек опущена, но сквозь нее виден другой белый девятиэтажный дом и за ним елово-березовый лес, голубой от свежих еще иголок и мягкого утреннего солнца.

— Я хочу тебе рассказать, Оля, — проговорил профессор. — Во-первых, Миша уже тогда был болен, и мы порядочно с ним измучились. Он по ночам кричал от страха. Я боялся, что второй ребенок будет такой же. Сейчас, когда ты такая чудесная, я вспоминаю с какой-то болезненной судорогой в душе, что ведь, верно, тебя по моей вине могло не быть. Во-вторых, у нас с мамой уже тогда были жуткие отношения,

никакого духовного контакта. Впрочем, это тоже не оправдание.

Отец растерялся. Кожа уголков глаз печально сжалась, а добрый мускул под левым глазом несколько раз дернулся. Ольге сделалось на секунду стыдно, что этот очень известный в науке человек с красивой полуседой бородой, в белой рубашке в дырочку, так мучается из-за нее.

— Я крепко виноват, — продолжал он, — хотя не знаю, можно ли назвать виноватым человека, который хотел только лучшего для всех. Впрочем, конечно, могло бы случиться жуткое. Ты, Оля, должна любить маму, потому что она спасла тебя от небытия. Я тебя всегда просил любить маму, когда ты обижала ее, но тогда говорил, что мама тебя родила и вскормила, делает сама всю хозяйственную работу, а мы занимаемся... А теперь еще вот это. Ко мне ты не сможешь, уже, конечно, относиться по-прежнему, потому что ты не забудешь... Я только хотел бы сохранить с тобой хорошие отношения, хотя бы дружеские.

Ольга заплакала от жалости к себе за прошлую свою эмбриональную беспомощность и от неприятного чувства к растерянному, даже несколько занудливому сейчас отцу и вышла из кабинета.

Мама не проснулась еще: не было и шести утра. В окно гостиной видно, как спит стройка больших белых домов, и то же самое в окне Ольгиной комнаты.

Ольга заперлась у себя. Ночью было ей тут трудно одной, а сейчас, напротив, хотелось побыть с собой, чтобы обдумать поступок отца, который казался жестоким, безнаказанным при всей житейской обыкновенности. Она знала хорошо, что аборт совершенно обычное дело, и даже, наверно, большинство женщин проходит через аборт, но то, что этого требовал по отношению к ней отец, ошеломяло ее.

«Все-таки аборт, по сути дела, убийство, — подумала она, не замечая, что думает оборотами слов, которыми говорит и пишет отец. — Настоящее страшное убийство, потому что зародыш, эмбрион, человека — это ведь, по сути дела, тот же будущий человек, что и новорожденный. Да, он быстро, за девять месяцев, проходит в утробе матери весь филогенетический путь развития живого от одноклеточного через рыбку с

жабрами, обезьянку с шерстью до голенького человечка, которым рождается, но эта рыбка и обезьянка не настоящие рыбка и обезьянка, а человеческие: просто человек, развиваясь, так вспоминает своим телом своих предков. Ведь и малыш своими гримасами и подражанием нередко напоминает обезьянку, однако убить малыша — жуткое судебное дело».

И как было б легко просто выскоблить ее, Ольгу, из матери и кинуть кусочки в таз! Оказывается, это так было возможно, — и она не могла бы сейчас даже переживать это, не сидела бы за своим письменным столом, делая выписки из Брема, Фабра, мечтая о такой жизни, как у отца, — с экспедициями в мир животных, с работой в библиотеке и за письменным столом дома. Чуть научившись писать, она вела дневник наблюдений за погодой, за своей синицей, за мухой в банке, анатомировала и срисовывала в альбом жуков, даже записывала после прогулок с отцом его, понятные ребенку, но, как знает сейчас, очень глубокие слова.

А сколько все-таки хорошего сделала ей мама при всем трудном мамином характере! Она кормит их вкусными вещами, держит в чистоте четырехкомнатную квартиру, покупает им одежду и, может быть, только для виду ругается, что они ловят бабочек, как маленькие.

Но еще мучило Ольгу, как мог отец всю ее жизнь вести себя так, будто ничего не случилось в самом начале ее жизни, еще до рождения! Как мог он столько рассказывать ей интересно, так безгрешно смеяться, делать такие прекрасные фотографии насекомых на воле с телеобъективом...

Она открыла Фабра, стала читать, но слышала в каждой строке голос отца. Открыла книгу отца с его рисунками и фотографиями, и его голос стал сильнее, вспомнилось, как фотографировал он этого жука в парке, и наполнило Ольгу родное чувство, не верилось никак, что написавший, нарисовавший, фотографировавший **это**, способен был на **то**. Тогда предположила, что, действительно, и она могла бы родиться сумасшедшей, и как было бы жутко сейчас уже пожилым родителям знать, что останутся от них и после них душевнобольные, беспомощные существа. На кого? Для психиатрического инвалидного дома? Но ведь она, кажется, не сумасшедшая, и даже будет теперь всю жизнь опекать брата.

Ольга никак не могла оправдать отца в его тогдашнем нежелании ее жизни и не знала, как теперь к нему относиться, как идти с ним сегодня в лес на биологическую прогулку, о которой договорились вчера днем. «Это гораздо больше, чем просто убийство ребенка или взрослого человека, — даже пришло ей в голову. — Это уничтожение неизвестных человеческих задатков, совершенно беспомощных рядом с грубой силой». Ольга чувствовала, что где-то не права, потому что ведь разрешены аборт, но через секунду уже казалось ей, что все же она права, а все, кто не согласен с нею, не правы.

Профессор поехал в университет и по дороге все думал об этом же.

Сперва пытался логически себе доказывать, что делал все правильно, потому что кому же нужен еще второй душевнобольной ребенок. Профессор, однако, был трезвый и честный мыслитель, ему невозможно было что-то внушить себе успокоительное. Это положение, как и все его научные положения, породило контрположения, которые могли бы предъявить противники.

Первое из них состояло в том, что как раз целесообразнее в таком случае иметь еще ребенка, потому что один душевнобольной ребенок в смысле забот и тревог за будущее не намного меньше, чем два, но возникает возможность рождения здорового ребенка, который после смерти родителей опекал бы больного. Во-вторых, даже душевнобольной не всегда просто несчастье, поскольку нередко талант, а то и гений совместимы с таким заболеванием.

Тогда он выставил другое положение: ведь в то время, по сути дела, Ольги не было, а был зародыш, из которого развиваться могло Бог знает что при неблагоприятной внешней среде, инфекционном заболевании матери, например. То есть в этом зародыше, по сути дела, не было человеческого, был, видимо, уровень рыбы с зачатками жаберных щелей. Потому это юридически не считается ни убийством, ни покушением на убийство.

Но и против этого положения возникло сразу другое, более убедительное и нравственно, и научно: все же в этом зародыше с зачатками жаберных щелей генетически уже записана была Ольга, и глупо, ссылаясь на возможные токсические, ра-

диационные и прочие удары внешней среды, не иметь детей. Пожалуй, если б он попытался толковать Ольге про то, что зародыш человека не человек, это была бы самая неудачная их биологическая прогулка.

Механически глядя из троллейбуса на улицу, профессор вдруг остро ужаснулся тому, что ведь, действительно, Ольга могла бы не родиться по его вине. Она не красивая в том смысле, что не очень женственная, а вроде большого серьезного птенца, но у нее настоящий, рано давший себя знать исследовательский талант, преждевременное духовное развитие. Как раз из таких редких неженственных, но тонко организованных женщин выходят значительные ученые.

«А все-таки два больных ребенка хуже, чем один, — спохватился он, чтобы хоть немного себя выгородить. — Вон как мучается Миша без всякого таланта с инвалидностью первой группы в двадцать лет».

Но выгородить себя не удалось никак, потому что опять подумал, что ведь тогда не было б Ольги, чудной его ученицы, такой же несовременной чудачки, как он сам. Без нее только мучился бы в своей семье без единой радости. Как он мог на шестнадцать лет забыть, почти забыть об этом! Не ужасаться **этому** так же остро, как сейчас!

Почему все-таки настаивал он на уничтожении Ольги больше шестнадцати лет назад? Не из легкомыслия, нет, а наоборот, из слишком глубоких сомнений. Потому настаивал, что не знает часто человек плохих последствий своих поступков, которые в данный момент представляются самыми благородными. А не грызла его про это совесть все эти годы потому, что в его совестливости и теплоте порядочно бессовестной холодности. Почти забыв об **этом**, воспитывал своими лекциями юношество, наблюдал зверюг, а зверюги вышли лучше, честней его — самоотверженной щедростью рождения себе подобных при любых обстоятельствах.

В университете профессор чувствовал себя так неловко и виновато, что нескольким студентам не мог поставить за плохие ответы меньше четверки, хотя вчера наверняка они получили бы у него двойки.

«Мало того, что я эгоист, подлец, я еще мокрая баба», — подумал он. Сказал доценту, что нездоров, и сразу ушел.

«Самое страшное, чего я боюсь, — размышлял профессор опять в троллейбусе, — это того, что чудный мой пленец будет меня теперь ненавидеть. И пойдет ли сегодня со мной смотреть лягушек?»

Жены дома не было, а Ольга спросила внешне спокойно:

— Ты так рано? Еще десяти нет. В лес пойдем?

— Ты хочешь? — спросил он.

— Хочу, — кивнула она.

Молча спустились в лифте и пошли в лес. Профессор был в соломенной шляпе и белом костюме, который недавно ему выбрала в магазине жена. Ольга — в светлом платье с соломенной сумкой, в которой стеклянные банки, маленький атлас бабочек, черепаха по имени Федора.

Лес был консервно-окурковый от субботних и воскресных приездов сюда людей.

Ольга выпустила черепаху в траву, и они остановились, но отец никак не мог начать рассказывать о лягушках. Ольга тогда сказала:

— Завтра надо поехать к Мише в больницу.

Она тоже не представляла, как он теперь будет говорить про лягушек.

— Я звонила сегодня врачу, — добавила она. — Миша уже ест сам, без резиновой трубки, но еще много лежит в кровати.

— Да, конечно, поедem, — кивнул отец.

От тяжелого молчания они незаметно разошлись в стороны, и каждый будто что-то сосредоточенно искал в траве.

Велово-березовом лесу лежали старые иглы, краснели в тени намокшие от росы, переспелые полуразрушенные земляничники. Под листьями ландыша, ромашками, дубками прыгали в солнечных пятнах мелкие лягушата. Летала бабочка-лимонница.

Черепаха ела листья одуванчиков, и Ольге вспомнилось, что отец подметил, что если смотреть на черепаху сзади, когда она ползет, то ее кривые задние ноги похожи на человечьи кривые коротышки в кожаных шароварах. Ольга подошла к отцу и сказала:

— Я, папа, повзрослею еще и, видимо, проще буду на это смотреть. А сейчас не могу.

В тоне ее голоса профессору слышалось, что она все же просит его рассказать о лягушках. Он заметил, что рядом с

ними, среди двух консервных банок, пивной бутылки и кусков старой газеты стоят ярко-желтые, чистые, как вся природа, маслята. Наблюдая, как просыпается в нем способность радоваться нетронутой природе и меньше ее стыдиться, подумал, что душевная его напряженность все же почему-то несколько спала от слов дочери. Он увидел большую лягушку, она прыгала тяжело, как обрюзгшая, пожилая женщина, и в голове уже возникал о ней рассказ для дочери.

1972

О характерах людей

Заключение

Застенчивый, меланхолический волк умер бы с голоду. Поэтому и многие люди-волки презирают застенчивость. Они не знают или не хотят знать, как много творческого в духовной культуре сделано именно застенчивыми, неуверенными в себе, непрактичными, рассеянными меланхолическими людьми. Дефензивность — образование тонкое, нежное, но удивительно стойкое, крепкое, серьезно сопротивляющееся любому вредному воздействию-покушению на характер человека. Она довольно стройно проглядывает даже сквозь травматическое, склеротическое, алкогольное снижение личности, размытаясь, исчезая только при глубоком личностном разрушении (при слабоумии). Дефензивные люди нередко отличаются хрупким, астеническим телосложением, но при этом так часто живут долго сквозь буйство вегетатики и все их невзгоды. Живут с тревожной одухотворенностью, интеллигентной деликатностью даже в глубокой старости. Сильный ветер с корнем вырывает дуб, а тростинка гнется под этим ветром, но не ломается (см. басню И.А. Крылова «Дуб и Трость»).

М.Е. Бурно

4. Психопатии⁷²

Работа написана в моей психиатрически-психотерапевтической молодости. Здесь еще нет сегодняшней моей четкости в понимании, видении характеров, психопатических расстройств. Зато есть немало свежего дыхания, живых примеров из художественной литературы, искусства. Всем этим «Психопатии», думаю, могут дополнять раздел 1 — «О характерах людей», в котором изложено существо каждого характера в сегодняшнем моем понимании. Ошибки молодости в «Психопатиях» поправил.

Вступление

Психопатии — это врожденные или приобретенные (при повреждении мозга до третьего года жизни) патологические (болезненные) характеры.

Психопат — человек с патологическим характером — несомненно, нездоровый человек, хотя и не душевнобольной в узком смысле слова. Практическая разница заключается здесь в том, что психопат, страдая от болезненных свойств характера, тем не менее способен, как правило, руководить своими поступками и в случае, например, преступления признается судебно-психиатрической экспертизой вменяемым. Психопата, за редким исключением, нельзя против его воли поместить в психиатрическую больницу, как это вынужден иногда делать психиатр с душевнобольным в остром состоянии, дабы, например, спасти его от самоубийства. В то же время некоторые психопаты страдают душевно даже сильнее, чем душевнобольные, поскольку

⁷² В Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) психопатии обозначаются как «расстройства зрелой личности».

психоз обычно содержит в себе защитную неспособность полно, цельно оценивать и переживать свое состояние.

Существуют разные типы психопатов.

Одни психопаты отличаются взрывами гнева, склонностью к болезненно-жестокému двуличию, интригам. Они затрудняют жизнь прежде всего людям, с которыми имеют дело, а затем уже страдают сами, например, вследствие служебного конфликта.

Другие психопаты мучаются прежде всего сами, например, из-за своей болезненной застенчивости, нерешительности, чрезмерной склонности к тревожно-нравственному «самокопанию». Уже вследствие этого страдают и их близкие.

Третьи в равной мере сами мучаются из-за своего характера и мучают других.

Важно, однако, что не всякая взрывчатость или застенчивость — психопатическая, болезненная. Слово «психопат» нередко приходится слышать, например, в людских ссорах, и чаще всего оно имеет здесь житейский, ругательный смысл, равняется слову «хулиган». Взрывчатость или застенчивость психопата пронизаны едким патологическим привкусом.

«Ну, так страдать или так гневаться по пустякам может лишь больной человек!» — услышим мы такое замечание даже от человека, не имеющего отношения к медицине. По большей части неспециалист не может определить, здоровая это, например, раздражительность или патологическая. Но в явных случаях болезненность поведения, переживания психопата видит и ребенок.

Болезненность лежит четкой печатью на всем жизненном пути психопата, проявляется почти в каждом его поступке.

Психопатии относятся к области пограничной (малой) психиатрии, к пограничным состояниям — на границе между душевной болезнью (в узком смысле) и здоровьем. Большая же психиатрия охватывает прежде всего психозы (душевные заболевания с галлюцинациями, бредом, острой тоской и т. п.) и слабоумие.

К пограничным состояниям (в широком смысле) относятся также хронический алкоголизм и наркомании; заболевания, вызванные психической травмой, — реактивные состояния (без острой психотики — галлюцинаций, бреда, глубокой тос-

ки); невроты и патологические развития; невротоподобные и психопатоподобные формы большой психиатрии (невротоподобная шизофрения, невротоподобные картины органического заболевания мозга и т. д.).

Реактивное состояние есть болезненное состояние, в картине которого отчетливо звучит содержание психической травмы. Больной в реактивном состоянии отвечает на травму болезненно, но как бы общечеловеческим, всем понятным образом: например, болезненной тоской — на смерть близкого человека, крах карьеры; патологическим боязливо-подозрительным состоянием — на угрозы и запугивания; ипохондрическим состоянием (опасливой сосредоточенностью на своем здоровье) — на тяжелую, смертельную болезнь другого человека или чтение медицинской книги, скажем, о раке... Конечно, люди разных характеров по-своему тоскуют о какой-то тяжелой потере. Ипохондрические состояния также несут на себе характерологическую печать. Но все же тоска любого человека есть тоска, а боязнь всякого человека есть боязнь.

В противоположность реактивному состоянию в картине *невроза* содержание психической травмы не звучит отчетливо, а видится определенное конституциональное реагирование. Так, три разных по характеру человека на одну и ту же травмирующую обстановку могут бессознательно болезненно ответить: один — стойкой раздражительной слабостью (неврастеническое реагирование), другой — навязчивым страхом за свое сердце (навязчивое невротическое реагирование), третий — истерическим параличом (истерия). Поэтому именно в клинике невротозов зародился и вырос психоанализ как попытка объяснить тайный смысл невротических симптомов какими-то неосознанными переживаниями.

Патологические развития — стойкие, малообратимые изменения в душевном состоянии человека, вызванные длительной психической травмой. Например, боязливо-угрюмый характер мальчика вследствие постоянной порки — за тройку и вообще малейшую провинность. Или хвастливость, высокомерие, чванство, убежденность в том, что он лучше всех и потому ему все можно, — в случае многолетней избалованности, воспитания, внушающего ребенку чувство собственного пре-

восходства над другими людьми. Но и здесь известное значение имеют врожденные характерологические задатки: один в обстановке пьяных отцовских пороков вырастает озлобленным зверьком, а другой — остро застенчивым тихоней.

Патологические развития в отличие от психопатий обусловлены главным образом дурным воспитанием. Здесь отмечается психологически понятная связь между содержанием патологических черт характера и условиями жизни, которые обусловили эти черты, и не только в детстве. Не будь этого дурного воспитания, этих тяжких жизненных обстоятельств, характер человека не сделался бы болезненным. Болезненный характер не выявляется здесь сам из себя, генетически, а психологически понятно «срублен» особенностями длительной душевной травматизации.

Психопат же психопатом рождается. Часто поэтому специалисту непонятно, откуда взялась в человеке в условиях доброго воспитания болезненная застенчивость или злость. Условия жизни, воспитание могут, конечно, усилить или сгладить болезненный характер; нередко они препятствуют выраженному проявлению, развитию психопатии.

Современники известных психопатов с давних пор оставляют нам описания характеров, жизни этих людей. По-видимому, психопатами были Нерон, Лермонтов, Дарвин, Сталин. И еще многие известные люди, прекрасные и ужасные.

Трудно, конечно, ставить рядом имена тех, кто болезненно мучаясь с собою, совершал гениальные открытия, и тех, кто врезался в память человечества своими зверствами, безнравственностью.

До середины позапрошлого века врачи либо относили психопатов к душевнобольным, либо считали их здоровыми, но трудными людьми. Развитие медицинской науки (в частности, судебно-психиатрической экспертизы) потребовало постановки диагноза «психопатия». Особенно много в клиническом исследовании психопатов, в клиническом описании различных психопатических типов и вариантов сделали классики мировой психиатрии Эрнст Кречмер и Петр Борисович Ганнушкин.

Психопаты, как и больные психозами, отличаются не только душевными расстройствами, но и болезненными нервно-

соматическими особенностями (например, бурность вегетатики в виде сердцебиений, кишечных спазмов, расстройства чувствительности и т. д.), по поводу которых многие из них обращаются к врачу гораздо чаще, чем по поводу своего душевного состояния.

Как и все люди, психопаты с годами душевно меняются. Однако внутренняя, стержневая структура психопатического склада сохраняется. Так и здоровому часто в старости по душе уже иное, нежели в молодости, а все же он остается собой.

Биологические переломы жизни — половое созревание и климакс — психопаты обычно переносят труднее, чем здоровые люди.

Существует *целая система психопатических типов*. Каждому психопатическому характеру соответствует здоровый с подобным душевным рисунком, но без болезненной выраженности (акцентуированный характер). Не всякий застенчивый, как и не всякий раздражительный человек есть психопат. Психопат прежде всего человек нездоровый, например, своей патологической застенчивостью, раздражительностью.

В клинических работах о психопатиях отечественные авторы в выразительных, наполненных клиническим раздумьем описаниях не имеют себе равных в мире, подобно тому как не имеют себе равных русские психологические писатели (Достоевский, Толстой, Чехов), кстати, прежде врачей художественно изобразившие некоторые типы психопатов.

Глубокая, подробная клиническая группировка психопатий предложена отечественным психиатром Груней Ефимовичей Сухаревой (1959).

Г.Е. Сухарева говорит о трех группах психопатов.

Первая группа: психопатии, в основе которых — *мягкая задержка развития*, проявляющаяся прежде всего психической незрелостью (инфантилизмом).

Психический инфантилизм (детскость) — это сохранение в зрелом возрасте душевных черт детства. Нередко вместе с «детским» характером сохраняются и какие-то телесные черты детства, например, моложавость, детская подвижность, ловкость, пластичность, «детская» свежесть и в пожилые годы. Термин «инфантилизм» весьма широко во-

шел не только в медицину, но и в искусствознание, литературоведение, означая живую, красочную, детски-непосредственную, наивно-нежную яркость творчества. Однако уместнее в этих случаях (но только не в детской психиатрии, психологии, не в исследованиях детского творчества) известный термин «ювенилизм» («юношескость» — от латинского слова), поскольку взрослые инфантильные личности — скорее, «вечные юноши», нежели «вечные дети», своею обычной тут неряшливой грубоватостью и усиленным сексуальным влечением.

К первой группе относятся, в частности, истерические и неустойчивые психопаты.

Вторая группа — психопатии, основа которых — *искаженное развитие*. Тут одни характерологические моменты задержаны в своем развитии, другие развиваются ускоренно, и психопатическая личность представляет собой часто весьма тонкую в своей болезненной выразительности структуру, основа которой наследственна. Это эпилептоидные, циклоидные, шизоидные, неврастенические, астенические, психастенические и ананкастические психопаты.

Третья группа — психопатии, обусловленные достаточно мягким *повреждением* мозга в утробе матери или в первые 2–3 года жизни.

Опираясь на эту классификацию, расскажу о различных психопатах.

Психопатии, обусловленные мягкой задержкой развития — инфантильные (ювенильные) психопаты

Психическая незрелость (инфантилизм, ювенилизм) проявляется свойствами, естественными для здорового ребенка и юноши.

Это прежде всего некоторое легкомыслие и «легкочувствие». Детству и юности свойственны известная неглубокость интересов и, значит, неустойчивость их, легкая переключаемость. Ребенок познает мир прежде всего живыми ощущениями и образами, не вникая в его сложность, без глубокомысленного, философского размышления. Пессимистические разду-

4. Психопатии
мья здоров
театрально
софски-глу
Ребенок
реживать
внешне яр
кие движе
глубокой,
Детские п
ную депре
Мозг р
стной неж
не способ
юноши не
от родите
дадут в по
в воскресе
И когда м
тишь туд
с самолет
тное легк
вожиться
катастро
ней вслу
Итак,
шиеся вн
здоровы д
Здоровы
здоровых
фантильн
чувствие
болезнен
своего «н
во с ним

73 Так
гостей, ка
сказали е
ился, заки

мья здоровой юности о смысле жизни также отличаются более театрально-художественным движением души, нежели философски-глубокой продуманностью.

Ребенок и юноша обычно не способны глубоко, зрело переживать, например, смерть близкого человека. Тут больше внешне яркого, двигательного переживания (плач, трагические движения), весьма быстро проходящего, нежели стойкой, глубокой, но внешне тихой и малоподвижной тоскливостью⁷³. Детские психиатры редко встречают такую же глубокую, цельную депрессию, как «взрослые» психиатры.

Мозг ребенка и юноши просто не способен по своей возрастной нежности, незрелости переживать горе по-взрослому, не способен серьезно тревожиться о завтрашнем дне. Дети и юноши нередко живут эмоцией настоящей минуты. Спрятав от родителей дневник с двойкой, соврав им, что дневники отдадут в понедельник, школьник легкомысленно думает: «Хоть в воскресенье повеселюсь, а в понедельник будь что будет!» И когда малыш, провожая отца или деда, говорит: «Прилетишь туда — позвони нам по телефону, а то еще вдруг авария с самолетом», — то это «отсутствие такта» есть лишь возрастное легкомыслие, неспособность по-взрослому, зрело тревожиться-переживать, почуять, осмыслить ужас возможной катастрофы, хотя бы и маловероятной, дабы не упоминать о ней вслух.

Итак, легкомыслие и легкочувствие, часто сопровождающиеся внешне громкой, шумной эмоциональной бурностью здоровы для ребенка, в менее выраженном виде — для юноши. Здоровы они как особенность в непатологической форме и для здоровых людей инфантильного (ювенильного) склада. У инфантильного (ювенильного) психопата легкомыслие и легкочувствие, как и другие инфантильные свойства, проникнуты болезненностью. Такой человек, например, впервые встретив своего «незаконнорожденного» пятилетнего сынишку, ласково с ним играет, смешит его, поет ему песенку и чуть не плачет,

⁷³ Так и ребенок бог знает как шумно страдает, что уходить надо из гостей, катается в реве по полу, и даже дома это продолжается. Но вот сказали ему: «Давай понарошку пирожки печь», — и тут же он успокоился, закивал, заулыбался.

расставаясь с ним, но быстро успокаивается чтением стихов в компании или, увлекшись, например, женщиной, не вспоминает сына месяцы, пока снова не встретит его, и тогда опять чуть не расплачется.

Другое яркое инфантильно-ювенильное свойство — красочность, образность мышления, склонность к ярким фантазиям с верой в истинность нафантазированного. В детстве почти все любят рисовать цветными карандашами и красками и удовольствие получают от яркости своих картинок. С годами, по мере созревания мозга мы все более «загружаемся» отвлеченным размышлением, блекнут краски наших рисунков, пропадает и желание рисовать. Тускнеет у многих людей и юношески-романтическая тяга к лирической поэзии, песням, походам, кострам и т. п.

Лишь у здоровых людей ювенильно-художественного склада и ювенильных психопатов остается на всю жизнь чувственно-образная манера познания мира. Подобно ребенку, искренне доказывающему, что он действительно видел, гуляя в сквере, медвежонка или бегемотика в луже, ювенильный психопат может слепо верить в собственную ложь, корыстную и бескорыстную. У ребенка, однако, это норма, показатель возрастной склонности к фантазированию, у психопата же — патология, болезненно-инфантильная черта.

Еще одно инфантильно-ювенильное свойство — стремление находиться в центре внимания, стремление казаться значительным, дабы занимались тобой, восхищались или негодовали, но только не относились равнодушно. Здоровый ребенок нередко требует, чтобы смотрели, как он играет, любит выступать на сцене со стихами и танцами, негодует, если не удастся «показать» себя. Настроение ювенильного психопата полностью зависит от того, восхищаются им или нет. Пусть хоть возмущаются, но только чтоб не оставляли его без внимания.

Наконец, еще одна ювенильная черта — упрямое стремление поступать вопреки советам и просьбам старших, начальников и т. д. Маленький ребенок часто стремится как будто нарочно делать все наоборот, вопреки просьбам взрослых: вытаскивает ящик письменного стола, когда не велят делать этого; не надевает калош, когда просят надеть, и надевает, когда про-

сят не надевать. Бывает, приходится говорить ребенку, чтобы он что-то не делал, для того чтобы он именно это сделал.

Этот здоровый (конечно, в мягких, нетрудных формах) детский негативизм, известный почти всем родителям, со временем превращается в возрастное юношеское петушество, «протест», когда молодой человек, бессознательно чувствуя еще свою душевную слабость, незрелость, пытается изо всех сил представиться взрослым, расправляет плечи и выпячивает грудь. Но за этой внешней «железностью» наблюдательный человек всегда ощущает слабость.

Шумно протестует юноша против малейших замечаний родителей, например, по поводу его костюма: родители-де ничего не понимают, они «люди старого века». И родители, памятуя собственную юность, должны научиться по возможности прощать эту возрастную упрямую склонность к протесту даже по пустякам, напоминающую грозно-срывающийся крик молодого петушка, который пытается прокукарекать, как взрослый петух, и так же пялит грудь, но от незрелости сбивается на писк.

Если это свойство остается и в зрелом возрасте и имеет привкус болезненности, то это психопатически-ювенильное свойство.

В детстве и юности у здоровых людей разных характеров все эти инфантильно-ювенильные свойства проступают по-разному — в зависимости от основного душевного рисунка. Нередко они являют собой возрастное наслоение на характер, но в случае инфантильного (ювенильного) характера (психопатического или в рамках здоровья) эти свойства и есть основные черты характерологического рисунка, его ядро.

Внушаемость ювенильных личностей, их склонность подражать всему «оригинальному», совершенствуясь, шлифуясь, могут быть выражены в весьма тонких и красивых формах. Так, четырехлетняя инфантильная крошка кокетливо говорит взрослому мужчине: «Я вас давно не видела, и вы так изменились, так хорошо выглядите!»

Явление акселерации (ускоренного созревания) связано с ювенилизацией в том смысле, что именно ювенильные личности ускоренно созревают физически и своими формальными умственными способностями (память, объем знаний, способ-

ность элементарно обобщать, считать и т. п.). Обширные знания, особенно у подростка, создают для неопытного человека видимость ума. Однако сила ума прежде всего заключается в способности творчески мыслить. Как раз этого не хватает вместе с глубоким, серьезным чувствованием многим ювенильно-инфантильным натурам.

Они и физически складываются довольно быстро, после 16–17 лет мало изменяясь телесно, в то время как человек иного склада в эти годы еще неуклюж и угловат, как андерсеновский гадкий утенок.

Так называемая феминизация (оженствление) мужчин также тесно связана с ювенилизацией, поскольку «женственный» мужчина (понятно, без каких-либо эндокринных особенностей, расстройств) чаще всего ювенил.

Среди здоровых ювенильных людей (людей художественного типа, как называл их И.П. Павлов), видимо, гораздо больше женщин. В этом смысле и говорят, что женщины поэтичнее, романтичнее, эмоциональнее мужчин, красивее одеваются, так как любят нравиться. Стремлением нравиться проникнуто и милое женское кокетство. Многие женщины вообще в целом ближе к детству и юности, нежели мужчины. Само понятие «женственность» включает в себя эмоциональную живость, мягкость, лиричность, непосредственность, здоровое стремление обратить на себя внимание костюмом и т. п.

Ювенильные (художественные) люди особенностями своего склада больше склонны к живописи, театральному и поэтическому искусству и здесь, бывает, делаются незаурядными творцами. В случаях здорового художественного характера не следует говорить в медицинском смысле о незрелости, хотя эти люди душевным своим реагированием гораздо ближе к детству, юности, нежели люди мыслительного склада.

Инфантильная (ювенильная) психопатия обусловлена, как уже сказано, *мягкой задержкой мозгового развития*. Чаще всего это задержанное развитие наследственного порядка. Родственники ювенильных психопатов часто также отличаются инфантилизмом (ювенилизмом). Но бывает, что эту мягкую, без выраженных эндокринных расстройств задержку развития

вызывают нарушения питания, какая-либо продолжительная отравленность (например, алкоголем) в утробе матери или в раннем детстве.

Существует несколько разновидностей ювенильных психопатов. Две главные среди них — неустойчивые и истерические психопаты.

Неустойчивые психопаты. Здесь на первый план выступает душевная неустойчивость.

Такой человек, подобно мягкой глине, не имея твердой конструкции собственных принципов, чрезвычайно податлив чужим влияниям, плохим и хорошим. Воспитание в духе безнадзорности, несомненно, способствует здесь утяжелению картины: без заботливого и строгого глаза, без «ежовой рукавицы» такой человек, как отмечал еще П.Б. Ганнушкин, быстро и легко спивается, ввязывается в воровскую компанию, запутывается в сексуальном разнообразии и т. п.

При всем этом он симпатичен, мягок, нежен, лиричен, нередко наделен есенинской любовью к животным. Искренне раскаявшись в своих проступках, горячо попросив прощения с крупными чистыми слезами, он через час после этого, встретившись с приятелями, загорается лихим желанием забыться, повеселиться, мчится с ними на электричке на дачу, где никто не будет этому мешать, и, забыв все свои обещания, пьянствует, заражается гонореей и т. д.

Такой человек способен и сам себе внушить, что просто необходимо ему сделать в данный момент именно то, что ему хочется. Он врет — и в этот момент искренне верует, что не врет, а говорит сущую правду.

Он часто склонен к мистике, к вере в потустороннее, но и эта зачарованность у него не стойкая, как увлекательная детская игра. Он может искренне играть то в баптизм, то в православие, то в магометанство, то с не менее искренним жаром читать атеистические лекции.

Когда же «находят» на него свойственные ему «юношеские» приступы романтической печали с томлением о несбывшихся надеждах (стихи не печатают, в театральное училище не принимают и т. д.), тут ничто не может уберечь его от возлияний или побега-путешествия, — забыв про все, дабы развеяться, в

кинотеатр, на ипподром, за тридевять земель на рыболовецкое судно...

Брак двух неустойчивых психопатов нередко являет собой картину, одновременно и детски-смешную, и печально-трагическую. Супруги то дерутся, таская друг друга за волосы, прибавляя новые синяки, то буквально через десять минут безудержно ласкаются, целуются, не способны удерживать себя в сексе, теряются в страсти и затем умоляют врача еще об одном, «ну самом последнем» аборте. Поссорившись с женой, неустойчивый психопат горстями глотает валериановые таблетки, грозит застрелиться, повеситься, пишет избитой им жене из другой комнаты на тридцати страницах изобличающее ее объяснение, а ему уже давно за сорок.

Неустойчивые психопаты, как правило, неряшливы и даже любят этот свой «художественный беспорядок» (разбросанная одежда, окурки в углах и т. п.). Они по пустяку плачут или возбуждаются, как дети, и так же быстро, легко, «конфеткой» можно их успокоить. Они возбудимы без ранимости и злопамятности, искренне способны все простить обидчику, если он только похвалил их.

Застенчивость и мнительность неустойчивого психопата минутны; его упрямство есть, по сути дела, несовершенная, внешне бурная защита от собственного безволия. Он капризен, но без внутренней тонкой брезгливости: поворчит и все же без отвращения выпьет у бочки кружку квасу, запачканную чьей-то губной помадой. В то же время в кухне есть не хочет, а непременно в комнате и при изящной сервировке; неважно, что рядом незастеленная кровать.

Многие из неустойчивых психопатов отличаются довольно яркими художественными способностями на уровне подражания истинным мастерам. Будучи душевно аморфными без твердых литературно-художественных вкусов, обусловленных собственным духовным своеобразием, они всеядно восторгаются всякой картиной в галерее, сентиментально плачут над каждым стихотворением. Восторженность и сентиментальность есть, кстати, истинно юношеские свойства, в которых отсутствие духовной глубины заслоняется внешне шумным переживанием. Однако изредка встречаются сре-

ди неустойчивых психопатов и настоящие самобытные таланты пронзительно-лирической силы и чувственно-мудрой простоты.

Большинство же неустойчивых психопатов романтически «шатается» по жизни без стойких интересов и глубоких привязанностей, часто меняя места работы, попадая в скверные компании, спиваясь, наркотизируясь и т. п.

Следует относиться с осторожностью к искренним обещаниям, деловым предложениям, информативным сообщениям таких людей. На них чаще всего при всей их детски-нежной симпатичности положиться нельзя, но не по причине их безнравственности, коварства, цинизма, а вследствие их бесконечной мягкости и податливости, искренней беспринципности. Они шумно убеждены то в одном, то — поговорив, например, с приятелем — в противоположном.

Родственникам неустойчивого психопата хорошо бы позаботиться, чтобы он наблюдался и лечился амбулаторно у психотерапевта. Случается, что психотерапевт находит «ключ» к такому психопату, помогает перестроить жизнь, чтобы найти выход его художественным способностям, любви к животным, делается его любимым и строгим проводником по жизни — непременно работая в содружестве с родственниками психопата.

Пожалуй, более всего опасны для неустойчивого психопата наркотики и злоупотребление алкоголем, так как у него очень легко и быстро развиваются наркомания и хронический алкоголизм, протекая злокачественно, с малыми надеждами на лечебный успех.

Преступления, совершаемые внутри какой-то шайки добрым и мягким неустойчивым психопатом, как правило, связаны с опьянением. С опьянением, подернутым романтической печалью, разочарованностью, связано обычно и нечастое, правда, самоубийство неустойчивого психопата. Уместно здесь вспомнить самоубийство горьковского Актера («На дне»).

Истерические психопаты. У них на первый план среди прочих инфантильно-ювенильных свойств выступает не душевная неустойчивость, соединенная с мягкостью, а болезненно-

яркое стремление находиться в центре внимания, жадно впитывать в себя зрителей, эгоцентризм («Я в центре»).

Эгоцентризм сочетается с душевной холодностью ко всему, что не заинтересовано психопатом, с потребностью лицемерить, плести интригу, дабы заставить события, благородные либо жестокие, вращаться вокруг себя.

Истерическому психопату важно прежде всего, чтобы о нем говорили, чтобы с ним возились, и он готов всеми средствами, в том числе и дурными, обратить на себя внимание. То он желает нравиться крикливо-яркой одеждой, то, наоборот, заставляет людей толковать и спорить о старом заплатанном своем пиджаке, об окруженной старой проволокой ручке портфеля, о побритой вдруг наголо голове. Или, например, истерическая психопатка одевается нарочито бедно и лжет о том, как мало она получает, как тяжело больна, как трудно ей жить; такая она «бедненькая», что вот только «маленькую-маленькую коробочку конфет» может подарить на день рождения кому-то... И все это, чтобы вызвать к себе людскую жалость, то есть в конечном счете опять заставить заниматься ею — жалеть ее.

Нельзя сказать, что истерический психопат делает все это сознательно-продуманно — многого в своем поведении он инфантильно не осознает, вытесняет из сознания.

Манера его духовного существования заключается в том, чтобы всячески «играть на зрителя», мало заботясь о внутреннем своем совершенстве. Он может даже весьма тонко, остроумно мыслить и живо подмечать хорошее, но непременно в луче своего доброго отношения к человеку. А если этим человеком недоволен, например, за его невнимание к нему, то с такой же тонкостью, остроумием видит лишь плохое, унижающе-смешное в этом человеке, совершенно не замечая в нем ярких достоинств и заслуг — бессознательно вытесняет это из сознания, не отдает себе отчета в том, что видит (а неосознанно видит наверняка) в человеке, его поступках благородное, достойное.

Истерический психопат не может существовать без «вольтовой дуги» общения с людьми, которые его «впитывают». Если он актер, литератор, то подобно чеховской Аркадиной (пьеса «Чайка») любит не столько искусство, сколько себя в искуст-

ве. Всячески себя выставлять, экспонировать — вот главная потребность такого психопата. Когда люди говорят между собой о крикливо одетой моднице «вся из себя», в этом и есть, в частности, элементарное выражение истерического экспонирования.

Нередко интеллигентный истерический психопат, понимая, что в обществе принято осуждать хвастовство, самовыпячивание, стремится порой полубессознательно рядиться в одежды застенчивости, скромности, болезненного самоанализа с самообвинением. Но это все опять же драпировка, истерическое стремление нравиться, обращать на себя внимание общественно-симпатичными, декоративными для него свойствами.

Так, он мучается-сомневается вслух в разговоре с приятелем, не тягостно ли с ним девушке, с которой подружился, поскольку намного ее старше и женат, но тут же выдает себя фразой: «А вдруг она в меня влюбится, ведь я же интереснейший человек!» Он рисуется самоанализом, жалуется на острое чувство неполноценности, большую совесть, застенчивость, но в то же время не стесняется отнимать у людей время, засиживается в гостях, не замечая, что все уже хотят спать и ищут деликатного повода его выпроводить.

Он способен, как и всякий ювенильный человек, искренне убедить себя в том, в чем хочется себя убедить. Например, в том, что какой-то его поступок в высшей степени благороден, тогда как на самом деле это далеко не так.

В отличие от психопата неустойчивого в психопате истерическом нет внутренней мягкости, сердечности, но есть нередко деловитость, аккуратность в делах, четкость. Интеллигентный истерический психопат может быть даже немногословным и создавать внешнее впечатление твердых принципов. Однако в глубине души он также по-ювенильному «всеяден» во всех отношениях (в частности, в своих интересах к произведениям искусства), как и неустойчивый психопат. Они оба могут в хорошем настроении восторгаться каждой картиной на выставке и плакать над сентиментальной книжкой.

Истерический психопат часто считает свою «всеядность» редкой способностью гармонично развиваться. Именно «гармоничностью» и блестящей памятью радуется он в школе и ин-

ституте своих родителей, сея в них надежды, что пойдет очень далеко. И нередко сверстника, который не знает того, что знает он, например, какого-то нового узкого направления в живописи, истерический психопат готов обругать невеждой, унижить вопросом с выразительно-уничтожающей жестикуляцией: «Как? Ты этого не знаешь?!» Одноклассники и однокурсники нередко ему завидуют, наивно полагая, что, чем больше человек знает, чем разнообразнее его познания, тем он умней.

Истерический психопат нередко ненавидит людей за невнимание к себе, негодует, что не восхищаются им, не говорят о нем. Но помириться с ним нетрудно: довольно похвалить его за что-то, и он часто готов забыть все обиды.

Понятно, что истерические психопаты, сообразно своему душевному складу, тянутся на посты начальников, и истинная помеха делу, когда безнравственный истерик становится начальником и заботится тогда об аплодисментах ему со стороны собственных подчиненных, отдает показушно-необычные приказы, исподтишка пытается «натравливать» друг на друга тех, кого не любит, плетет интригу и меньше всего заботится о порученном ему деле.

Если истерический психопат заболевает даже нетяжелой физической болезнью (простуда, гастрит), он, конечно, особенно много требует к себе внимания — красуется даже в своей болезни: например, встречая дома навестивших его сослуживцев, лежит в постели в экстравагантном халате с задумчивым лицом и роскошным томиком английского поэта в оригинале, хотя по-английски читать не может.

Истерический психопат, как и неустойчивый, нередко находит себя в каком-либо художественном деле — поэтическом, живописном, актерском, прикладном искусстве, и тогда может быть на своем месте и даже может талантливо служить обществу своим ярко-чувственным творчеством.

Итак, неустойчивыми или истерическими психопатами следует называть только таких ювенильных людей, душевный склад которых с преобладанием либо неустойчивости, либо эгоцентричности несет в себе настоящий привкус болезненности, сказывающийся в том, что эти люди резко выделяются

4. Психопатии
своими патологиче-
скими. Если же ювени-
льная (нормы), то п-
гической особеннос-
ти людей.

Вообще, как уж
характерам соответ
сунка без патологи
но сказать, что ист
ровые эгоцентриче
тойчивым — здоро

Здоровые ювенильные
смысле дело или в
живость, яркость,
писатели, художники,
хорошие исследователи

Психологичес
проявляется бесс
то травмирующ
ет», что жена бол
ему очень хочет

На различные
отвечают истери
рые могут сцепля
ние иногда множ
невроз есть, по с
мирующей ситу
кими сре

Существо истинно бою и ярко выражено это реагирование не только притворно в универсальной буре» и в «

Ниже пойдём в отличиях — в которых раций, о начале этого мом

своими патологическими личностными реакциями, поступками. Если же ювенильный характер не выступает за рамки здоровья (нормы), то говорят об ювенилизме как о характерологической особенности — говорят о здоровых ювенильных людях.

Вообще, как уже отмечалось, различным психопатическим характерам соответствуют здоровые характеры подобного рисунка без патологической выраженности. В этом смысле можно сказать, что истерическим психопатам соответствуют здоровые эгоцентрические ювенильные люди (ювенилы), а неустойчивым — здоровые неустойчивые ювенилы.

Здоровые ювенилы делают свое художественное в широком смысле дело или вносят в другую работу юношескую свежесть, живость, яркость. Они нередко хорошие поэты, лирические писатели, художники, актеры, рабочие, инженеры, но редко хорошие исследователи, философы.

Психологическая защита ювенильных личностей обычно проявляется бессознательным вытеснением из сознания каких-то травмирующих моментов. Например, он искренне «забывает», что жена больна и надо пораньше приехать домой, когда ему очень хочется поехать в компанию друзей.

На различные душевные травмы ювенильные люди обычно отвечают истерическими невротическими реакциями⁷⁴, которые могут сцепляться в истерический невроз (стойкое сцепление иногда множества невротических реакций). Эти реакции и невроз есть, по сути дела, также вытеснение из сознания травмирующей ситуации с помощью «ухода в болезнь» истерическими средствами.

Существо истерического невротического реагирования глубоко и ярко выразили Э. Кречмер и И.П. Павлов. Прежде всего это реагирование — не притворство или, во всяком случае, не только притворство. Корни истерического реагирования — в универсальных защитных реакциях животных: в «двигательной буре» и в «мнимой смерти». «Двигательная буря» — ин-

⁷⁴ Ниже пойдет речь именно о невротических истерических реакциях — в отличие от тоже истерических, но характерологических реакций, о которых рассказывал выше. О существе невротического см. в самом начале этого раздела.

стинктивное защитное перепроизводство различных движений, которое случается, например, у рыбы, выброшенной удочкой на берег, у бабочки, накрытой сачком. Действительно, благодаря этой буре животному иногда удается спастись (например, «беснующаяся» муха выскакивает между пальцами кулака, рыба сваливается в воду). Другая такая же частая защитная инстинктивная реакция — «мнимая смерть». Так, жучок, взятый в руку, поджимает лапки, будто мертв, зверек обездвиживается в лапах хищника и даже будто бы для доказательства своей мертвости покрывается холодным, «мертвецким» потом, часто действительно этим спасаясь, поскольку многие хищники брезгают мертвечиной.

Все инстинктивное, однако, рядом с глубокой природной мудростью отличается и несовершенством (прыгающая по берегу в «двигательной буре» рыба может угодить и в костер, а остолбеневшие во время пожара коровы могут погибнуть в горящем сарае). Реакции, подобные «двигательной буре» и «мнимой смерти» животных, свойственны и людям в чрезвычайной обстановке, когда внезапно и сильно «запахнет смертью». Сильным раздражителем парализуется рассудочное, чисто человеческое реагирование, человек как бы эволюционно спускается на уровень реагирования наших предков. Это лишний раз доказывает единство живой природы, происхождение человека от животных.

Человеческая «двигательная буря» или «мнимая смерть» (остолбенение), по существу, есть в широком смысле слова истерическое «подкорковое» реагирование. Они сродни истерическому припадку и истерическому ступору. Но у больных истерическим неврозом истерические реакции — ступор, припадки и т. д. — возникают в ответ не только на чрезвычайный, угрожающий жизни раздражитель, но и в ответ на обыкновенные, будничные неприятности (неудача по работе, кухонная ссора и т. д.). В наше время истерическое реагирование довольно редко выражается припадком и ступором; но часто встречаются врачу больные истерией с элементами, «частицами» припадка (истерические подергивания, трясучка, истерический кашель, смех, рыдания, икота и т. д.) или ступора (истерические параличи, потеря чувствительности, истерическая слепота, немота, глухота и т. д.).

Отмечу чаще всего встречающиеся истерические невротические реакции, которые могут фиксироваться и «сцепиться» в невроз.

Первая группа — «неврологические» истерические реакции (симптомы), по внешнему виду напоминающие симптомы эпилепсии или органического повреждения нервной системы. Это прежде всего истерические припадки, похожие на эпилептические или органические, но отличающиеся, как правило, большой разбросанностью, хаотичностью движений, изгибанием тела в истерическую дугу, криками, хрюканьем и в то же время освободившейся из-под «гнета» сознания автоматически-инстинктивной точностью, пластичностью движений наших предков, спасающей от ударов, например, головой о стенку, хотя голова может при этом почти прикасаться к стене. Это та природная быстрота и точность, с которой заяц, стрелой мчась по лесу, не расшибает голову о стволы деревьев. Всегда возможно, осторожно удерживая больного в припадке и держа в руке фонарь, обнаружить двигательную реакцию его зрачков на свет, отсутствующую при эпилептическом припадке. Другие «неврологические» истерические реакции — ступор, параличи, потеря чувствительности, слепота, немота, глухота, насильственные движения, истерические головные боли (обычно ощущаются как горячий гвоздь в голове или тысячи иголок).

Вторая группа — «соматические» («телесные») симптомы. Это звучный, «лающий» истерический кашель, истерические поносы с обилием слизи, зловонием, рвота, истерическая лихорадка и т. д. Все истерические симптомы отчетливо зависят от неприятных пациенту событий, усиливаясь или ослабевая, даже пропадая с переменой обстановки. Однако врач, подозревающий истерию, должен всегда тщательно исключить соматическое или неврологическое страдание, которое может существовать само по себе, рядом с истерией. Итак, истеро-невротический «уход в болезнь» — уход в болезнь древними способами наших предков.

Существо истерической реакции заключается в ее «подкорковости», «животности» в том смысле, что подобным примитивным образом реагируют на опасность и трудности жизни наши животные предки, хотя, конечно, человеческая истери-

ческая реакция имеет специфическую окраску, отличаясь сложностью, выразительностью, нередко сопровождаясь обрамляясь притворством. Однако сама истерическая невротическая реакция в своей сути никак не есть просто притворство, хотя люди, склонные к истерическому реагированию, часто неискренни, театральны.

Так, например, больная истерией не желает, чтобы муж поехал в командировку, плачет, предупреждает, что у нее в таком случае опять случится паралич ноги. И паралич тут же случается, причем это действительный функциональный паралич: женщина в самом деле не в состоянии при всем желании двинуть ногой, ногу можно без боли проколоть насквозь иглой. То есть эта женщина с помощью самовнушения (чаще бессознательного), что называется, «упустила» подкорку, включила истерическое реагирование. Такое может «устроить» далеко не каждый, а только тот, кто предрасположен к истерическому реагированию.

Чем примитивнее человек, тем ближе его истерические реакции к защитным реакциям животных. Чем тоньше, развитее человек, тем тоньше, «запутаннее» его истерическая реакция, тем искуснее одевается она в одежды соматической болезни, тем труднее распознать ее как истерическую — «прокалывающие горячим» истерические боли в сердце, контрактуры (судорожные, длительные сокращения мышц, например, голени, так, что стопа «смотрит внутрь»). Здесь же следует, кстати, отметить, что у медиков, а также просто медицински «начитанных» людей истерические реакции отличаются особенной «скрытностью», «соматической» или «органической» тонкой завуалированностью.

В принципе истерическая реакция может возникнуть у каждого человека, так как у каждого есть «подкорка», «животная половина» (термин И.П. Павлова). Потому неврастения и невроз навязчивости, как и душевные болезни, могут содержать в себе истерические «вкрапления»: истерический ком в горле, истерическую потерю чувствительности и т. д. Но сила и форма душевной травмы, способной вызвать у разных людей истерические реакции, различные.

Особенно предрасположены к истерическим реакциям люди, легко «упускающие подкорку», то есть ювенильные лич-

ности (особенно психопатические), живущие больше эмоцией, нежели разумом. И, конечно, предрасположены к истерическим реакциям дети, даже здоровые. Грудной ребенок вообще представляет собой прекрасную «модель» истерии, когда он «закатывается в плаче», выгибаясь дугой в руках матери. Малыш выражает неудовольствие трясением ручек, ложится на пол и бьет ножками, причем в плаче у него суживается сознание, как у истерика в припадке. Это тоже в широком смысле истерическое реагирование, но, как правило, не патологическое, а «возрастная норма», хотя, безусловно, малышей следует всячески отучать от подобных «истерик» (не награждать за «истеричку» исполнением желания, не обращать на «истеричку» внимания), дабы это не выросло в истерию-болезнь.

Предрасположены к истерическому реагированию также подростки и юноши. Помнится случай, как тринадцатилетняя девочка истерически потеряла речь, когда пьяный отец стащил с нее нижнее белье и избил ремнем за тройку — в то время как у нее были первые месячные. Удалось тогда внушением быстро вернуть ей речь, и в течение многих лет у девочки со здоровьем все было благополучно. Вот пример простой истерической реакции, не превратившейся в невроз.

Истерические реакции излечимы, но успех зависит от двух важных обстоятельств: во-первых, от возможности разрешить психотравмирующую обстановку; во-вторых, от способности пациента осознать примитивность, «животность» собственного реагирования.

В случаях трудно разрешимых конфликтных положений (постоянные ссоры с соседкой, пьянствующий, не желающий лечиться от алкоголизма муж и т. п.) приходится ограничиваться приглушающим эмоцию действием успокоительного лекарства или психотерапевтическим «временным ремонтом». Например, обычно легко удается снять внушением наяву или в гипнозе истерические симптомы в кабинете врача, но дома они с такой же легкостью возникают вновь, например, при встрече с ненавистой соседкой.

В случаях выраженной духовной ограниченности и установки больного на какую-либо выгоду от болезни стойкого успеха добиться еще труднее. Зато когда врач имеет дело с

умной, тонкой личностью, способной понять и возненавидеть свои истерические реакции, лечение нередко успешно: пациент напрягается в своей ненависти к истерическим симптомам и, таким образом, затрудняет их выход на сцену. Так, у одного моего пациента-биолога прекратились истерические поносы, когда я объяснил ему, что его болезнь есть по существу «медвежья болезнь», то есть сродни состоянию, в котором пребывает медведь, когда на пасеке застает его сторож. С медведем случается тогда инстинктивно-защитный зловонный понос, отпугивающий врага.

В заключение подчеркну, что ювенильные психопаты, а также их близкие должны знать, что психопат в любой обстановке практически способен сдерживать свои, хотя и болезненные, стремления, а значит, отвечать за них полной мерой наказания. Психопату, лечущемуся у психотерапевта, сдерживать свои болезненные стремления и истерические реакции, несомненно, легче.

М.Е. Бурно

Психопатии, обусловленные искаженным развитием

Эпилептоидные психопаты (эпилептоиды) названы так потому, что характером несколько напоминают эпилептиков.

Мышление эпилептоида обычно отличается большей или меньшей прямолинейностью. Прямолинейность эта противоположна раздумью, сомнениям.

Многие грубоватые эпилептоиды живут по формуле старинного сверхдобросовестного швейцара: «не велено пущать!»

Мышление эпилептоида вязковато, обстоятельно, трудно переключается с одного предмета на другой, не склонно к разумным компромиссам. Эпилептоид нередко не чувствует двусмысленности и, значит, не понимает тонких шуток.

Все это вместе с вязковатой эмоцией, духовной и нравственной ограниченностью порождает порой держимордовское и унтерпришибеевское поведение. Так, например, эпилептоидный милиционер не подпускает к человеку, сбитому машиной, истекающему кровью, врача скорой помощи, поскольку «положено сперва произвести измерения». Или эпилептоидный шофер автобуса впускает через переднюю площадку мать с

4. Психопатии
ребенком
идный ст
ся пропу
ница уж
Прям
что ем
могут б
молча и
любит п
ным, из
убежде
глаза п
ную тар
не люб
но. Эпи
отноше
вредны
даже о
приним
руя пр
мыслит
Мы
Сверхи
как и н
(во вся
ния на
бредом
прави
все бо
ывае
линей
ной на
измен
лась н
ний д
жива
ми. Э
высле
дени

ребенком, но захлопывает двери перед отцом. Или эпилептоидный сторож без распоряжения своего начальства не решает-ся пропустить пожарников на территорию больницы, хотя больница уже горит.

Прямолинейность эпилептоида сказывается также в том, что ему трудно понять, что люди, думающие иначе, чем он, могут быть тоже по-своему правы. К примеру, он любит есть молча и требует, чтобы все за обедом сидели, как рыбы; он не любит помидоры и убежден, что любят их только люди с дурным, извращенным вкусом. Эпилептоидная мать, например, убеждена, что сыну-школьнику много читать вредно («только глаза портить»), главное — здоровье, главное — съесть полную тарелку супа с головками вареного лука («как это можно не любить?») и все три котлеты. И переубедить ее невозможно. Эпилептоид редко сомневается в своей правоте, всякое иное отношение к событию, предмету считает неправильным, а то и вредным. Убеждать его в противном — только время тратить и даже озлоблять его; он удивительно не способен понимать, воспринимать доводы, противоречащие его суждениям: игнорируя противоречия, замечает лишь то, что подтверждает его мыслительную линию.

Мышление эпилептоида склонно к сверхценным идеям. Сверхценная идея не соответствует истине, как и бредовая, как и навязчивая. Но если пациент с навязчивостями понимает (во всяком случае успокоившись) всю абсурдность содержания навязчивости, то пациент, охваченный сверхценностями, бредом, убежден в своей правоте. Бред не имеет под собой, как правило, понятного реального факта и, разрастаясь, делается все более нелепым, фантастическим. Сверхценность же основывается на реальном факте, преувеличивая его злой, прямолинейной подозрительностью, сильной инертной эмоциональной насыщенностью. Больной, например, убежден, что жена изменяет ему с человеком, с которым приветливо поздоровалась на улице. Он не может понять, что достаточных оснований даже подозревать измену нет, и изматывает жену выслеживанием, упреками, осматриванием платья, нередко побоями. Эпилептоидный ревнивец выслеживает жертву и в этом выслеживании нередко даже получает какое-то гадкое наслаждение, подобно некоторым героям Достоевского.

Сверхценность эпилептоида нередко выражает его убежденность в том, что какие-то люди скверно к нему относятся, хотя на самом деле это совсем не так. Если по стечению обстоятельств вдруг выясняется в высшей степени наглядно, казалось бы, и для самого эпилептоида, что он не прав (например, человек, в недоброжелательстве которого он был убежден, рискует ради него жизнью), то и тут он обычно не раскаивается в своей ошибке, а просто отодвигает сверхценную убежденность в глубину души, так сказать, дезактуализирует ее, не прощая, однако, того, кого подозревал. Как и Иван Грозный.

Во всем этом звучит бо́льшая или меньшая ограниченность, свойственная даже самым интеллектуальным эпилептоидным психопатам.

Будучи эмоционально-вязким, инертным, эпилептоид не способен быстро, бурно отреагировать на какие-то неприятности, обиды и тем очиститься от душевного напряжения, посвежить, подобно сангвиническим натурам. Эпилептоид накапливает в себе обиды, усиливается его напряженность до злой душевной духоты, и достаточно одной пустячной капли, чтоб наступил взрыв гнева. Порой могучими волевыми усилиями эпилептоид сдерживает этот взрыв, например, на службе в кабинете начальника, но разряжается с подчиненными или спешит домой, и, если вдруг дом пуст, то достанется хотя бы кошке. Указанная душевная закономерность есть аффективно-аккумулятивная пропорция Ф. Минковской.

Близкие эпилептоида хорошо знают, что время от времени он «не в себе», к нему сейчас, как говорится, не подъедешь на серой козе, его нельзя сейчас трогать, не то взорвется.

Случается это и утром (не с той ноги встал). Бывает, в приступе гнева и ярости эпилептоид за пустяк ломает руку сыну, наказывая его, или выпорот ремнем взрослую уже дочь.

Он всюду здесь фактически способен удержаться от этого, но не заставляет себя, а отпускает тормоза и дает волю агрессивному разряду, чтобы смягчить душевную напряженность. «Отходит» эпилептоид медленно, хмуро; взрыв не освежает его, как гроза лесную поляну.

Эмоционально-мыслительной вязковатостью во многом объясняется «занудливость» эпилептоидов, их склонность к

порядку ради порядка, слепая преданность традициям без духовных привязанностей.

Многие эпилептоиды любят власть так, что способны получать от нее тиранически-садистическое удовольствие. Быть может, с этим связан и нередкий их интерес к истории, историческим книгам («кто как когда взял власть и как властвовал»).

Эпилептоид часто рвется к власти и, получив любой начальнический пост, держит подчиненных в страхе и напряжении, довольный тем, что теперь всякого подчиненного может, «как левая нога пожелает», поощрить или наказать. Возражений не терпит, требует покорности. Часто мстителен и жесток.

Если не удастся властвовать на службе, эпилептоид пытается успокоиться властью над своими домашними. С нахмуренной строгостью проверяет школьные дневники своих детей, выстроив их перед собой навтыжку в тревожном ожидании гневного подозрения. Или ищет по комнатам пыль, помятости на кроватях, наказывая домашних за это. Или неприязненно-кропотливо подсчитывает, сколько денег истратила жена на продукты, то ли купила, по той ли цене. И всегда найдет, что чего-то не надо было покупать, упрекает жену, что транжирит деньги, не умеет вести хозяйство.

Эпилептоидный психопат часто большой чувственник в еде и в сексе. Измучивает близких, требуя особых, изысканных блюд. Сам процесс еды для него слишком серьезное дело — и упаси Бог ему тут помешать. Нередко влечет его к сладостям и к спиртным напиткам, смягчающим душевную злость. Многие эпилептоиды в сексуальном отношении сластолюбцы, «сладострастники» в духе известных героев Достоевского, стремятся к сексуальному разнообразию и нередко портят свою репутацию начальника именно на этом поприще. Не так редко встречаются у эпилептоидных психопатов половые извращения, в особенности — склонность к растлению малолетних.

При всем этом эпилептоидный психопат нередко с успехом, по обстоятельствам, скрывает свои асоциальные личностные качества за маской благообразия.

В одних случаях эта маска отличается ханжески-коварной утонченностью, пропитана лестью, хитростью, сахаром, угодливостью, с многими уменьшительно-ласкательными словеч-

ками, как у Иудушки Головлева или самого Иуды с его поцелуем и сребрениками.

В других случаях, грубых, не тонких, эпилептоидная маска выражается в нотациях, которые эпилептоид читает своим подчиненным или домашним, восхваляя себя самого. Например, занудливо упрекает сына, что тот получил тройку при такой обеспеченной жизни, которую создал ему отец: «Я в детстве своим жмых ел вместо хлеба, щи из травы и учился на отлично, а ты такие большие котлеты уплетаешь, а получаешь тройки!» Упрекая других, такой эпилептоид при этом порой весьма нечист в своей личной жизни: и пьянствует, и развратничает.

О большинстве эпилептоидов можно сказать: насколько они угодливы и трусливы перед начальством, настолько же беспощадны к подчиненным и домашним. Не прощают даже пустяжных обид многие годы. Мстительность влечет их к сплетням, анонимкам, доносам под видом борьбы за справедливость.

Безнравственность эпилептоида сказывается не только в его способности к преступлению, но и в «деликатных» формах — когда, например, он с удовольствием ест на глазах у голодного человека, не поделившись с ним, или стрижет ногти при всех за обедом, перед чужими тарелками.

Однако нельзя сказать, что все эпилептоидные психопаты отличаются безнравственностью, малонравственностью. Встречаются, и не так редко, истинные эпилептоиды с прямолинейностью, вязкостью, гневными разрядами, мелочно аккуратные, но с достаточной внутренней честностью, порядочностью. Некоторые из них способны бороться за подлинную справедливость с упорством и постоянством, не отступая ни перед какими авторитетами. Бывает, в вагоне электрички один эпилептоид лущит вокруг себя семечки, бросает окурки, а другой обрушивается на него с болезненным гневом: «Вагон в свинарник превратил!»

Более всего заметны в жизни два варианта безнравственных эпилептоидных психопатов: асоциальный (грубый, агрессивный) и гиперсоциальный («деловитые иуды»).

Асоциальные эпилептоиды отличаются грубостью психики, интеллектуальной ограниченностью, слепой мощью яростных разрядов. Эпилептоидная маска представлена здесь глав-

ным образом нотациями и занудливо-грубыми наставлениями. Эти epileptoиды, держимордовско-пришибеевского типа, особенно опасны в опьянении, которое обнажает и усиливает их подозрительность, злость, садизм.

Прекрасную иллюстрацию асоциального epileptoида является собой чеховский Пришибеев. Односельчане жалуются на него, что «как пришел со службы, так с той поры хоть из села беги», «все порядки вводит». «Намеднись по избам ходил, приказывал, чтоб песней не пели и чтоб огней не жгли. Закона, говорит, такого нет, чтоб песни петь». Интересный момент: если б был закон петь песни, Пришибеев, вероятно, сам кулаками проводил бы его в жизнь.

Он с гордостью рассказывает о своей склонности к доносам: «когда в швейцарах был в мужской классической прогимназии, то как заслышу какие неподходящие слова, то гляжу на улицу, не видать ли жандарма: «Поди, говорю, сюда, кавалер», — и все ему докладываю».

Переусердствовав, в силу мешающей приспособиться грубо-вязкой своей прямолинейности, Пришибеев побил урядника и попал под суд. И никак не поймет он в суде, в чем же виноват: «Люди безобразят и не мое дело!..» «Да что хорошего в песнях-то? Вместо того чтоб делом каким заниматься, они песни... А еще тоже моду взяли вечера с огнем сидеть. Нужно спать ложиться, а у них разговоры да смехи. У меня записано-с!»

«Что у вас записано?» — спрашивает судья.

«Кто с огнем сидит».

Даже получив уже «месяц под арест», Пришибеев, под конвоем, на улице не может переключиться в положение арестованного и не наводит порядков. Кричит хрипло, сердито мужикам: «Народ, расходись! Не толпись! По домам!»

Гиперсоциальные epileptoиды — epileptoиды с утонченной маской благообразия: лицемерные, с высокой добросовестностью и исполнительностью, особенно по части распоряжений начальства. Их верноподданничество видится и в их выразительных движениях, порою, кажется, только не хватает лакейского полотенца на руке. Этой ханжеской маской завуалирована изменчивость жизненных интересов, стремление самому выбиться в начальники. С подчиненными же своими они, как

правило, на редкость жестоки и занудливо-несправедливы. Мелочно-мстительны, похотливы, елейны. Гладкословные обольстители в духе Тартюфа.

Занимая высокий пост в общественной жизни, такой человек нередко отличается прежде всего суховатой осторожностью, склонностью к перестраховке из опасения потерять место и благополучие. Смелость, живость мысли подчиненного, всякое отклонение от общепринятого смущают его. Обычно он глушит новое, исходя из трусливого правила: «За серость еще никто не пострадал».

Эти нередко по-своему сметливые психопаты способны уловить, какие свойства характера ценятся людьми, с которыми имеют дело, и ловко маскируют свои эгоистически-эгоцентрические мотивы необычайной гладкостью, закругленностью речи, умильно-уменьшительными словечками, доброжелательно-сахарными улыбками, застенчиво-озабоченными просьбами поведать им, что у нас на душе. Многие неопытные люди попадают на удочку этого внешнего благожелательства, картинной добросовестности и порядочности и потом страдают.

Подробно рассмотреть гиперсоциального эпилептоида можно в Порфирии Головлеве («Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина). Мать Порфирия, читая его письма, догадывалась, что «он-то и есть самый злодей». «Ишь ведь как пишет! ишь как языком-то вертит! — восклицала она. — Недаром Степка-балбес Иудушкой его прозвал! Ни одного-то ведь слова верного нет! все-то он лжет! и «милый дружок маменька», и про тягости-то мои, и про крест-то мой... ничего он этого не чувствует!»

Лживая, проникнутая жестокостью сладость весьма чувствуется в следующих характерных деталях.

«А ведь вы, маменька, гневаетесь! — наконец произнес он таким умильным голосом, словно собирался у маменьки брюшко пощекотать».

«Арина Петровна вдруг словно споткнулась и подняла голову. В глаза ее бросилось осклабляющееся, слюнявое лицо Иудушки, все словно маслом подернутое, все проникнутое каким-то плотоядным внутренним сиянием».

Даже радость Иудушки расцветает ярче на фоне возможного чужого несчастья.

«— Метель-то, видно, взаправду взялась, — замечает Арина Петровна, — визжит да повизгивает!

— Ну и пущай повизгивает. Она повизгивает, а мы здесь чаек попиваем — так-то, друг мой маменька! — отзывается Порфирий Владимирович.

— Ах, нехорошо теперь в поле, коли кого этакая милость Божья застанет!

— Кому нехорошо, а нам горюшка мало. Кому темненько да холодненько, а нам и светлехонько, и теплехонько. Сидим да чаек попиваем. И с сахарцем, и со сливочками, и с лимонцем. А захотим с ромцом, — и с ромцом будем пить».

Следует быть весьма осторожным к слишком сладкому, слишком доброжелательному в характере человека. Надо научиться улавливать эту защитно-благообразную налакированность, смазливость.

Гиперсоциальные эпилептоиды более гибки, гораздо приспособленнее, нежели грубоватые асоциальные эпилептоиды. Такой урядника не побьет, подобно Пришибееву, но в каком-то жизненном поражении он непременно обнаружит свое прямолинейно-агрессивное ядро. Стоит, например, гиперсоциальному эпилептоиду не справиться с каким-то важным рабочим заданием (что может угрожать его положению), как пропадает вся эта маска, сплетенная из искусственной предупредительности, любезности, лисьей мягкости и «самокритичности» до самоуничтожения на людях. Сбросив эти одежды, разрастается внутренняя злая агрессивность, с которой психопат обвиняет в своей неудаче кого угодно, но не себя (на самом деле виноват сам).

Эпилептоидный психопат чаще склонен жить не столько духовной жизнью, сколько так или иначе жизнью влечений — удовольствием пищевым, сексуальным, сладостью власти. Коллекционирование марок у него часто основывается не только на склонности все аккуратно разложить по полочкам, но и на желании иметь такие марки, каких ни у кого больше нет, чтоб завидовали.

Эпилептоид, заболевший физической болезнью, нередко особенно труден своим близким или врачам, медицинскому персоналу своей злобной напряженностью. Он подозревает, что к нему, больному, дурно относятся, хотят его смерти; гневает-

ся, например, на то, что стул с лекарствами чуть дальше стоит от его постели, чем ему хотелось бы. Он даже склонен преувеличивать болезнь, чтобы ему еще больше прислуживали.

Из этих описаний может возникнуть впечатление, что эпилептоидный психопат, хотя и нездоровый человек, но тем не менее чрезвычайно вреден для общества и достоин только осуждения. Однако все зависит здесь от того, к какому делу приложил себя психопат. Вспоминается, например, тяжелый эпилептоид-тиран, непереносимо тяжелый в семье агрессивными взрывами, пьянством, «наведением порядков», «занудливыми» нотациями о справедливости и т. д. Но он же на общественных началах работал в оперативной группе, не побоявшись ножа, спас от бандита женщину, имел грамоты за бесстрашную борьбу с бандитами.

Тяжелые нравственные эпилептоидные психопаты нередко хорошо справляются со своим полезным жизненным делом на посту швейцара, бухгалтера, сторожа, лаборанта, медсестры, курьера, инженера, секретаря, неукоснительно и добросовестно выполняя порученное им. Существо психотерапевтической работы с эпилептоидом и заключается в том, чтобы, вникнув в его характер и в обстоятельства его жизни, помочь ему приспособиться к жизни — приложить себя к такому делу, взять на себя в семье такие обязанности, чтобы удовлетворенность собственного самлюбия сочеталась с пользой обществу и близким.

Эпилептоидный психопат может и должен держать себя в рамках сносного поведения. Потому жалостливое отношение к эпилептоиду как к больному, не способному владеть собой, общественно вредно, точно так же, как и в случаях хронического алкоголизма. Лечение у психотерапевта может принести пользу именно в том смысле, что помогает психопату быть собой во имя Добра.

Циклоидные психопаты (циклоиды). Циклоиды необычны в сравнении с другими психопатами своей уютной, солнечной или грустно-дождливой, характерологической гармоничностью. Патология проявляется здесь возникающими без понятных причин циклами — спадами или подъемами чувства, которые могут быть и ежечасными, ежеминутными, превращая сам характер в зыбкое настроение.

Опишу вначале душевный рисунок этих психопатов или соответствующих им здоровых людей, которых называют сангвиниками. Мышление их не отличается ни эмоциональной детскостью, ни тугоподвижностью. Оно естественно, живо, реалистично, легко переключается с одного на другое и практически, крепко держится за факты.

Если сангвиник делается ученым, то его научные работы насыщены практической пользой (в духе работ Ломоносова, Джоуля, Роберта Майера), не содержат обычно в себе отвлеченно-теоретических построений, быть может, и гениальных, но непонятных пока в смысле практической применимости.

Писатели-сангвиники славятся не столько самоуглубленным психологическим анализом, сколько солнечной гармоничностью в описании событий, человеческих поступков, переживаний, тяготением к ярко-чувственной стороне жизни, практической заботой о всяком бедном человеке, трезвой ненавистью ко злу. Одни из них отличаются прежде всего сочным бытописанием, умением создавать выпуклые социальные типы в шумно-оптимистическом, остро критическом или приглушенно-сердечном тоне (Рабле, Дюма-отец, А.Н. Островский, Гончаров, Бальзак, Куприн, Гашек, Шолом-Алейхем, Хемингуэй). Другие славятся утонченно-реалистической светлой мудростью (Пушкин, Фейхтвангер, Моруа).

Сангвиники склонны к разумным компромиссам, им присущ юмор, который обычно не изменяет им даже в трагической обстановке, как в том старинном анекдоте, когда приговоренный к смертной казни в понедельник ворчит при наступлении этого дня: «Ничего себе неделька начинается!»

Нередко они отличаются богатой памятью, острой сообразительностью. Естественность пронизывает всю их личность: что на душе, то и на лице. Приятно и легко общаться с такими людьми. Они заразительно, весело хохочут, когда им смешно, плачут в горе, бурной вспышкой отвечают обидчику. Все это их хорошенько очищает от душевного напряжения, дает «послегрозовую свежесть». Начальник с таким характером за дело крепко выругает, но зла помнить не будет.

Они просты, доступны, какой бы высокий пост ни занимали. Склонны принимать живое участие в любом деле, подвижны, как ртуть.

Циклоиду, сангвинику вообще трудно держать в себе радость, обиду. Он должен разрядиться, но не агрессивным эпиплептоидным взрывом, а вылить свое напряжение в бурные движения (например, потискать кого-то от радости, отругаться, отплакаться). Так, мушкетер в романе Дюма, дабы освободиться от душевной угнетенности, дерется без всякого намерения убийства на шпагах с подвернувшимися ему в переулке ворами.

Трудно им держать в себе и необыкновенную тайну-новость. Хочется облегчить себя подобно тому, как сделал это в сказке цирюльник, узнавший, что у царя Мидаса ослиные уши, — «откричать» в безлюдные заросли тростника или в выкопанную в поле яму «У царя Мидаса ослиные уши!» столько раз, сколько понадобится, чтобы успокоиться.

Самый тревожный циклоид способен «растворить» в выразительных движениях свою тревогу, «раскидать» ее естественными (не театральными!) жестами.

Циклоиды и сангвиники обычно не склонны в подробностях анализировать свое душевное состояние, «копаться в душе», погружаться в самообвинение. Такой человек нередко любит организаторскую работу и отдает ей всего себя, заботясь прежде всего об интересах дела и меньше всего о собственных душевных ущемлениях. Он растворяется в общении с людьми, ему, с его бурным темпераментом, нередко невыносимо трудно в одиночестве. В естественной общительности сангвиника звучат сердечность, доброжелательность — даже независимо от того, как близок ему по службе или родственной линии человек, которому он помогает. Сангвиник часто доброжелателен ко всем пассажирам автобуса, и если он, например, врач, то может рассердиться на незнакомого пожилого полного пассажира без шапки («Ведь, наверно, гипертоник! Как же можно лысую голову под солнце!») с такой искренней заботой, будто это его родственник.

В любое дело вносят эти люди шутку, живость, мягкость, добросердечие. Не любят и не понимают утонченного самобичевания, а тем более мистики, абстрактной символики во всех проявлениях. Практики по натуре, они нередко замечательные организаторы, администраторы, заваленные планами, проспектами, деловыми встречами, телефонными звонками,

просьбами. Они не только не тяготятся всем этим, но с удовольствием, живо переключаясь с одного на другое дело, растворяясь в этих делах, бесконечное число раз бескорыстно помогая живому конкретному человеку, лишь делают свежее от всего этого.

Сангвиническая сердечная заботливость к человеку нередко не вмещает в себя какой бы то ни было «брезгливости». Мы с благодарностью наблюдаем это порой в добродушной расторопной работе сангвинического мусорщика, мягко-улыбчивой санитарки, которая в больнице с лицом ласковым или хмурым, но без всякой гримасы брезгливости, ничуть не морщась, ловкими движениями ухаживает за беспомощными больными, смягчая или устраняя душевную неловкость, напряженность больного своей земной естественностью, добродушной шуткой.

Как правило, сангвинические и циклоидные натуры отличаются равнодушием или горячей любовью к природе, животным и вообще к «мясистым радостям» жизни (по выражению Кола Брюньона). Они нередко тонкие ценители вин, изобретатели изысканно-вкуснейших кушаний. Недаром собрания сочинений Дюма и Гашека заканчиваются томами созданных самими писателями кулинарных рецептов. Для многих истинное удовольствие наблюдать гурманистически-заразительный аппетит циклоида или сангвиника, видеть, как повязывает он себе салфетку, как умопомрачительно жмурится при вкусном глотке («ох, язык проглотил!»), в то время как на еду чванливо-злобного эпилептоида бывает смотреть неприятно.

Сангвиник, циклоид — обычно тамада в застолье, пишет смешными историями и анекдотами, охотник организовывать различные увеселительные поездки на природу с винами и закусками.

Многие циклоиды и сангвиники способны получать художественное, вкусовое наслаждение и при тяжелых обстоятельствах жизни, даже на пороге неминуемой смерти. Видимо, на людей такого склада рассчитан был роскошный ужин, который в старину в некоторых странах приносили заключенному в камеру накануне смертной казни.

Нередко высокой темпераментностью отличается сангвиник, циклоид и в сексуальном отношении, но и эта темперамен-

тность проникнута такой живостью и жизнелюбивой естественностью, что порой жены не могут не прощать им грехи. Такие бурно темпераментные циклоиды, как писал Ганнушкин, «просто проглядывают границу между дозволенным и запретным». Например, человек с доброй улыбкой, милый, беспорядочный, в духе толстовского Стивы Облонского, не видит дурного в том, что проводит время и с любимой женой, и с любимой женщиной, которую приглашает в свою семью, не стыдясь ни жены, ни взрослых детей. Сообщает близким, когда куда-то уезжает с ней «отдыхать», просит любить ее, доволен этой жизнью втроем, искренне огорчен и удивлен, узнав, что жена подает на развод («Зачем? За что? Ведь я так всех вас люблю!»).

Сангвиник, живущий на душевном подъеме, растворяясь в свежих, сегодняшних делах и радостях жизни, не думает о смерти, относится к ней с трезвым спокойствием или даже просто не верит, что умрет.

Американская писательница Карсон Маккаллерс в романе «Часы без стрелок» точно передает настроение такого рода у восьмидесятилетнего сангвинического старика: «У него не укладывалось в сознании, что он умрет. Он доживет до ста лет, если будет соблюдать диету и держать себя в руках. Какая жалость, что он съел лишний гренок! Ему не хотелось ограничивать срок своей жизни всего ста годами, — писали же в газетах о каком-то индейце из Южной Америки, который дожил до ста пятидесяти лет... А хватит ли ему ста пятидесяти? Нет. Он жаждал бессмертия».

Сангвиники и циклоиды нередко пикнического телосложения — отличаются избирательным отложением жира (особенно в пожилые годы) на лице и на животе. При этом ноги, руки могут быть худыми. Однако даже очень полный сангвиник с круглым лицом и большим животом тем не менее сохраняет удивительную для большого своего веса живость, точность, изящную легкость движений, и лицо его, как бы оно ни было жирно и заспанно, светится тонкой выразительностью. Реакция отличается живостью, быстротой и точностью.

Личностная сангвиническая структура выразительно звучит в образе роллановского Кола Брюньона: «...Для кого я пишу? Разумеется, не для славы; я, слава Богу, не дурак, я знаю себе цену... Для внуков? Что останется через десять лет

4. Психопатии
от всех моих бу
палит все, что ни
себя. Для собств
если бы не писа
заснуть без тог
сколько кружен
рить; и мне мал
излиться, как т
сознаюсь, что с
танный грешок
лю кутнуть. Я н
ший стол, хоро
гословен день
круглой штуке
дающих вкус!
ни обедался,
болен; у меня
стол земли и с

Существо
лоидных психо
ществом больш
отличаясь нер
тересов, бесп
закусить, пош
благодаря так
Другие отлича
склонностью
в себе эпикуре
вой самокрити
рядка.

Какими бы
по временам и
стоят или трево
светится мягк
трагической п
тественно пр
улыбка чувств
рости: пока я
будет.

от всех моих бумаг? Моя старуха меня к ним ревнует, она палит все, что ни найдет... Так для кого же? — Да для самого себя. Для собственного нашего удовольствия. Я бы лопнул, если бы не писал. Недаром же я внук своего деда, который заснуть без того не мог, чтобы не записать на сон грядущий, сколько кружек он выпил и изрыгнул. Мне нужно поговорить; и мне мало словесных боев у нас в Кламси. Я должен излиться, как тот, что брил царя Мидаса». «...Я, грешный, сознаюсь, что семи тощим добродетелям предпочитаю упитанный грешок». «Жена меня попрекает, что я слишком люблю кутнуть. Я не брезгую ничем. Я люблю все хорошее: хороший стол, хорошее вино, славные, мясистые радости...» «Благословен день, когда я явился на свет! Сколько на этой круглой штуке великолепных вещей, веселящих глаз, услаждающих вкус! Господи Боже, до чего жизнь хороша! Как бы я ни объедался, я вечно голоден, меня мутит: я, должно быть, болен; у меня так и текут слюнки, чуть я увижу накрытый стол земли и солнца...»

Существуют разные варианты сангвиников (норма) и циклоидных психопатов (патология). Одни из них всем своим существом больше направлены к «мясистым радостям» жизни, отличаясь нередко некоторой ограниченностью духовных интересов, беспечностью, благодушием. Эти любители выпить, закусить, пошутить, пошуметь, кстати, нередко спиваются благодаря такому винно-гастрономическому образу жизни. Другие отличаются духовно-практической направленностью, склонностью и умением к организаторским делам, соединяют в себе эпикурейство, гостеприимство и хлебосольство с трезвой самокритичностью и твердым чувством внутреннего порядка.

Какими бы оптимистичными ни были сангвиник, циклоид, по временам или внутри своей веселости они хоть немного грустят или тревожатся. Сангвинический (циклоидный) оптимизм светится мягкой грустью, а в сангвинической (циклоидной) трагической печали живет уютная улыбка от способности естественно примириться с любым поворотом судьбы. Такая улыбка чувствуется, например, в известной эпикурейской мудрости: пока я жив, смерти нет, а когда она придет, меня уже не будет.

Беспричинные спады настроения, продолжающиеся и по несколько часов, дней, чередуются с подъемами.

Грустно-тяжелокровные сангвиники, циклоиды нередко вялы, ленивы. Называют их порою «флегматиками», но неожиданно в них обнаруживаются мгновенная реакция, живой юмор, практичность, удивительно тонкое понимание людей. Здесь под угрюмой сумрачностью кроется теплая человечность (Кутузов, Крылов, характерные роли француза Жана Габена). Иные пессимистические сангвиники, циклоиды ворчат, сыпят вереницами проклятия, даже слыvät «людоедами». Но вдруг удивляют окружающих, выказывая сквозь ворчливые ругательства естественное тепло, заботу о людях и животных. О таком ломовом извозчике Пеппе — рассказ Бласко Ибаньеса «Людоед».

Циклоид, сангвиник на подъеме склонны ярко, цветасто одеваться — не от истерической позы, а от свежей, красочной остроты ощущений.

Спады циклоидов есть состояния патологические. Болезненная замедленность мышления соединяется здесь с малоподвижностью, душевной телесной опущенностью. Тоскливость придает всем восприятиям и переживаниям темный тон, порождает сомнения, неуверенность, самообвинение, хотя и без аналитической утонченности, свойственной шизоидам и психастеникам, о которых речь впереди. Обыкновенные житейские мелочи превращаются в трагические трудности.

Циклоид на спаде обычно не накладывает на себя руки, как случается это с душевнобольным в депрессивном состоянии, когда смерть представляется единственно действующим лекарством. Но и здесь, как и в депрессии, часто не верится, что эта душевная пасмурная погода когда-нибудь кончится, и подкрадываются даже мысли о том, что если бы попал сейчас, например, в автомобильную катастрофу, это не было бы так уж плохо. Бывает, в таком состоянии циклоид как бы ищет смерти, упрасывая послать его в чрезвычайно опасную экспедицию, или, как случалось в старину, ссорится, чтоб драться на дуэли.

Врачу обычно удается помочь тоскливому циклоиду оживляющими его теплыми подробными беседами, сеансами гипнотического сна, «рассасывающими» на время тоскливость, лекарствами, травами.

4. Психопатии
Спад настроения м...
строением, когда цикл...
На подъеме цикл...
стремлением к деяте...
вые поступки: сра...
за него замуж, ввяз...
приятие и т. д., не ч...
но, не обращаясь. Н...
спаде, ярко вырази...
нечные) в художес...

Сангвиники и ци...
возможностью, стойк...
склонны к ипохонд...
им здоровьем, пере...
них нет. Тут как ра...
оптимистической...
ненного состояни...
тельским отношен...

Слова кавказс...
друг, положи мен...
бурдюке мне буде...
чески-циклоидны...
шению к смерти...
бенно распростра...
раиле.

Пожилой санг...
гипертонической...
да (пикники, как...
годы именно к с...
работает, когда н...
или пытается их...
ми его артериаль...
умру и умру; все...

Сангвинику, ...
предписаний вр...
жет внезапно сл...
жет ни работать...
как-то способно...
или циклоида бе...

Спад настроения может смениться подъемом или ровным настроением, когда циклоида можно считать временно здоровым.

На подъеме циклоид, движимый патологически-веселым стремлением к деятельности, нередко совершает опрометчивые поступки: сразу несколькими девушкам предлагает пойти за него замуж, ввязывается в какое-нибудь аферистское предприятие и т. д., не чувствуя себя нездоровым и к врачу, конечно, не обращаясь. Но нередко способен он в это время, как и на спаде, ярко выразить свои переживания (пасмурные или солнечные) в художественном творчестве.

Сангвиники и циклоиды, не отличающиеся выраженной тревожностью, стойким пессимизмом и долгими спадами, мало склонны к ипохондричности — повышенной озабоченности своим здоровьем, переживаниями по поводу болезней, которых у них нет. Тут как раз, наоборот, часто приходится встречаться с оптимистической недооценкой своего действительного болезненного состояния, спокойно-трезвым и даже порой наплевательским отношением к возможной смертельной опасности.

Слова кавказской песни с просьбой: «А когда умру, мой друг, положи меня в бурдюк — брызжет пена через край, в бурдюке мне будет рай» весьма точно поясняют этот сангвинически-циклоидный трезво-оптимистический настрой по отношению к смерти. Бурно-сангвинический склад личности особенно распространен в Грузии, во Франции, в Испании, в Израиле.

Пожилой сангвиник или циклоид, страдающий, например, гипертонической болезнью или перенесший инфаркт миокарда (пикники, как известно, весьма расположены в пожилые годы именно к сердечно-сосудистым заболеваниям), ходит, работает, когда нужно ему лежать в постели, избегает врачей или пытается их успокоить, когда врачи встревожены цифрами его артериального давления. Смертью его не запугать. «Ну, умру и умру; все умрем», — отвечает он.

Сангвинику, не выполняющему во вред своему здоровью предписаний врача, особенно важно подчеркнуть, что он может внезапно слечь с параличом или инфарктом и тогда не сможет ни работать, ни помогать близким. Только это, пожалуй, как-то способно заставить соматически больного сангвиника или циклоида беречь себя.

Пессимистические сангвиники и циклоиды порядочно тревожно-мнительны и ипохондричны, но и здесь обычно нет упорной сосредоточенности на своем состоянии. С движением настроения к свету все проходит.

Особенность душевной (психологической) защиты сангвиника и циклоида сказывается, очевидно, в их склонности по настроению либо немедленной живой, естественной реакцией выплескивать из себя свои переживания, либо не спеша растворять эти переживания в печальном самоуглублении, рассказывать о них сочувствующему.

Шизоидные психопаты (шизоиды). Шизоидный — значит подобный шизофреническому, но, подчеркиваю, лишь подобный, несколько похожий. Сейчас уже совершенно ясно, что истинный шизоидный психопат не являет собой какую-то предрасположенность к шизофрении или медленный переход (превращение) в шизофрению, как ошибочно полагал Э. Кречмер. Шизоид так же мало предрасположен к шизофрении, как и другой какой-либо психопат или здоровый человек.

Как циклоидным психопатам соответствуют по личностному рисунку (однако без патологической выраженности) здоровые люди-сангвиники, так и шизоидным психопатам соответствуют *шизотимические, аутистические* здоровые люди. Шизоидный (шизотимический) душевный склад в противоположность циклоиду пронизан некоторой «выкрутасной» неестественностью, чужаковатостью, «неслаженностью». Трудно бывает предугадать людям здравого смысла поступки шизоидов, реакцию их на те или иные события.

Вообще обычно по выражению лица и осанке шизоида трудно догадаться о его мыслях и переживаниях. Здесь наблюдается как бы противоположность тому живому циклоидному (сангвиническому) согласию между настроением, содержанием переживания и выразительными движениями.

Переживая какую-то неприятность или радость, шизоид не «растворяет» ее в выразительных движениях (радостных или печальных). Он как бы прячет мучительное переживание в гармонию души, и там красотой аутистичности смягчаются конфликты, без живой склонности выговориться, выплакаться. Сангвиническая женщина, бывает, долгое время не может понять

своего шизоидного мужа, когда из-за каких-то неприятностей, наполненный переживаниями, он закрывается в своей комнате без потребности исповедоваться ей.

Шизоид малообщителен по существу, не любит открывать людям в подробностях душу, хотя внешне бывает весьма разговорчив, остроумен и любезен. Он, как уже отмечено, весьма раним. Раны от неприятностей и обид медленно затягиваются в нем, порождают все новые внутренние душевные конфликты, которые не выплеснуть из души ни агрессивно-эпилептоидным взрывом, ни освежающим циклоидным разрядом выразительных слов и движений. Психологическая защита шизоида отчасти состоит в том, что он, дабы не раниться лишней раз, сторонится искреннего общения с людьми, умело прикрываясь внешней легкой общительностью. И стремится смягчать напряженность общением с Красотой.

Ранимость шизоида обычно не сочетается с острой тревожностью по поводу своего благополучия, как это бывает у астеников и психастеников. В острой опасности психологическая защита здесь нередко дает себя знать страхом, проникнутым энергией азарта, интуитивно-глубокой и четкой работой мысли, верой в судьбу, как это звучит в лермонтовском офицере («Фаталист») и как рассказывают об этом шизотимические летчики-испытатели, водолазы, солдаты.

Иногда шизоид кажется психологически покрытым какой-то невидимой стеклянной пленкой, настолько ощущается его душевная неприступность, желание находиться на дистанции вытянутой руки от людей. Это внешне гордые, застегнутые на все пуговицы люди, отличающиеся внутренней ранимостью и неуверенностью.

Известная эмоциональная бесчувственность сочетается в шизоиде с изюминами острой чувствительности. Даже холодный шизоидный фашист-преступник, уничтожив спокойно несколько сотен ни в чем не повинных детей и женщин в газовой камере, вскоре после этого искренне-трогательно может плакать над стихотворением Шиллера или слушая из приемника музыку Бетховена и рассматривая фотографию жены и детей. Или нежный, жалостливый, мягкий, поэтически источающий внутреннее свое духовное благородство шизоид вдруг выказывает стеклянный холодок к умирающей матери, отказыва-

ясь помириться и попрощаться с ней, поскольку она когда-то обидела его своим равнодушием к его возлюбленной. И здесь парадоксальность сказывается в том, что полярные движения души сосуществуют друг с другом, будучи друг от друга изолированы.

Причудливость и капризность сказываются и в пищевом влечении шизоида, и в сексе. Шизоид может быть равнодушен к еде в целом, но остро-гурманистически относиться к какому-то блюду, например к маслинам или куску кровавого обжаренного мяса. Какая-нибудь пустячная для ювенила или циклоида деталь в костюме женщины или сказанное ею слово могут вмиг погасить влечение шизоида к этой женщине и даже вызвать отвращение.

Своеобразная неестественность, «выкрутасность», парадоксальность отчетливо проглядывают и в мышлении шизоида. Он склонен к отвлеченному мышлению, лишённому принятых трафаретов, банальностей. Логически, последовательно умозаключая, он склонен, не придерживаясь моды, сопоставлять на первый взгляд (по устоявшимся мнениям) несопоставимое. И в этом оригинальность (порой талантливость и даже гениальность) его мысли.

Мышление шизоида нередко не отличается практичностью, как мышление циклоида, оно абстрактно-отрешенное и некрепко держится за факты жизни. Наряду с яркими творческими способностями к математике и физике шизоид часто удивляет несведущих людей склонностью к мистике, религиозности. Шизоид мыслит логическими схемами, не опирающимися строго на факты, не нуждается в постоянной проверке своих мыслей практикой, глубоко верит в свои аутистические схемы.

Казалось бы, два противоположных, взаимно исключающих момента уживаются в духовной жизни шизоида — склонность к логике и вера, поэтическое, нелогическое принятие какой-либо схемы, не выдерживающей проверки практикой, фактами. Герман Гессе в романе «Игра в бисер» точно определяет духовную склонность таких людей: математика и музыка. Математика — это склонность к абстрактно-логическим построениям в широком смысле. Музыка — казалось бы, противоположность математике, алогическое искусство. Математической своей направленностью шизоид строит абстрактно-логические схемы, от-

решенные от предметов действительности, но внутренне гармонически-законченные, а музыкальной — верует в эти схемы, поскольку музыка незримо дышит логикой.

Творчество такого рода совершало крупные теоретические открытия в физико-математических науках; но в практической медицине, в материалистической философии, где истина крепко держится за факты, будучи проверяема ими, шизоидам редко удавалось сделать большое. Гессе недаром называет мышление таких людей «игрой в бисер»: мышление как бы перебирает драгоценные камни понятий, не соприкасаясь тесно с действительностью.

Шизоиды нередко тянутся одновременно и к математике, к теоретической физике, и к поэзии, к музыке.

Нередко шизоид отличается богатой памятью и большой способностью к изучению языков. Но отвлеченность шизоидного мышления в случае невысокого интеллекта может звучать просто витиеватым резонерством, беспредметным глуповатым рассуждательством.

Итак, среди шизоидов и здоровых шизотимических людей встречаем мы и равнодушно-безнравственных, и глубоко духовных людей с великим благородством, мужеством, самоотверженностью, жгучим и умным интересом к опасности ради блага людей. Встречаем гениев (Гегель, Эйнштейн) и пустых резонеров. Одни шизоиды патологически застенчивы и нерешительны, другие — холодно-надменны, третьи за самоуверенной улыбкой прячут растерянность и ранимость. Одни отличаются неловкими движениями, угловатостью «гадкого утенка», другие — пружинной ловкостью, манерной подтянутостью. Одни равнодушны к природе, другие любят ее больше, чем человека, одухотворяют природу, находят наслаждение в том, чтобы слиться с ней, в траве или дремучем лесу. Такой человек часто любит природу, родную землю, выражаясь словами Паустовского, «до последней прожилки на лимонном листке осины».

Всем шизоидам свойственна стройная внутренняя гармоничность, камерная архитектурность, мало сообразующаяся с реальностью. И это порождает впечатление стройной шизоидной причудливости, парадоксальности, в основе которых чувство изначальной гармонии духа. Пусть только не служит эта парадоксальность во зло человеку.

Шизоидная «парадоксальность», возможно, есть стройная аутистически-мироощущенческая закономерность (см. раздел 1, с. 43–57).

Нередко шизоиды и шизотимические люди узкого, высокого телосложения и, несмотря на это, крепкого физического здоровья, доживают до глубокой старости, сохраняя телесную юношескую стройность, душевную свежесть, даже красиво влюбляются в старости, подобно Матиасу Клаузену из пьесы Гауптмана «Перед заходом солнца».

Неврастенические психопаты. Вместе с астениками и психастениками они, по Ганнушкину, составляют группу *астеников* в широком смысле. («Астения» в переводе с греческого — слабость, «неврастения» — нервная слабость.)

Объединяет всех астеников *астеническое состояние*, в котором одни из них находятся постоянно, а другие отличаются значительной к нему склонностью.

Астеническое состояние — коротко говоря, раздражительная слабость, проникнутая вегетативными расстройствами; единство двух противоположностей: раздражительности и слабости. Если тугая эпилептоидная раздражительность не содержит истощаемости, а стремится вылиться, закончиться в каком-либо гневно-агрессивном акте, если циклоидная раздражительность растворяется без остатка в освежающих циклоида выразительных движениях, то астеническая раздражительность всегда одновременно есть в какой-то мере истощаемость (слабость) и, наоборот, астеническая истощаемость содержит в себе больше или меньше раздражительности.

Если в раздражительной слабости преобладает раздражительность, то это сказывается в несдержанности, слезах, капризной чувствительности к обычным звукам, свету. Иногда астеническая раздражительность усиливается до гнева с нервной дрожью, «рукоприкладством», оскорблениями, но, быстро истощившись, такой человек горько жалеет о том, что произошло, впадает в самообвинение, рыдает и т. д. Тем не менее оскорбление может быть жестоким, подобно, например, тому, как Иванов в одноименной драме Чехова кричит жене: «Так знай же, что ты... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты

скоро умрешь...» И тут же, хватая себя за голову: «Как я виноват! Боже, как я виноват! (Рыдает)».

Неврастенический психопат болен, прежде всего раздражительной слабостью. Раздражительность проявляется и в бессоннице, в блестящем, напряженном взгляде, нервных суетливых движениях. Неврастенический психопат с преобладанием раздражительности обычно гораздо менее симпатичен людям, чем неврастенический психопат с преобладанием слабости (истощаемости). Последний вял, сонлив, испытывает постоянную усталость, кажется, с трудом волочит свое тело, говорит слабым голосом, часто замолкает, потому что устает говорить, не справляется от истощаемости с обычной работой.

И тем и другим неврастеническим психопатам свойственны вегетативные расстройства — нарушения того отдела нервной системы, который руководит произвольными (не зависящими прямо от нашей воли) движениями в организме — движениями сосудов, сердца, желудочно-кишечного тракта и т. д. Весьма часты здесь головные боли (обыкновенно это боль в виде ощущения надетой на голову шапки), сердцебиения, поносы, запоры, половая слабость, легкая укачиваемость в транспорте до рвоты и т. д. Так называемые «невроз сердца» и «невроз желудка» — обычная здесь вещь.

В остальном личность таких больных не отличается болезненной сложностью: сквозь раздражительную слабость нередко явственно проглядывают общительность, практичность, ригидность, здравый смысл без широких взглядов, психологической тонкости и нравственных исканий. Нередко они отличаются налетом инфантилизма, но редко застенчивостью и стеснительностью.

Здоровые люди с подобным характерологическим рисунком в тягостной для них продолжительной конфликтной обстановке могут заболеть неврастенией — неврозом, основу клинической картины которого составляет астеническое состояние. И в случае неврастении, и в случае декомпенсации неврастенической психопатии существо душевной (психологической) защиты сказывается уходом от трудностей в раздражительную слабость с вегетативными дисфункциями: либо от нападения человек бессознательно «отбивается» больше истощающейся раздражительностью, либо больше уходом в

слабость-беспомощность с раздражительной напряженностью, либо все вперемешку.

Телосложение чаще астеническое: с узкой грудной клеткой, узкими плечами, высоким или средним ростом без заметных скоплений жира.

Неврастенический психопат особенно тяжел людям своей раздражительностью. Если среди малознакомых или среди людей, которым неврастенический психопат вынужден подчиняться, он еще сдерживается, то домашним (особенно в усталости после рабочего дня) достается обычно крепко.

Например, неврастеническая женщина может бросить на пол сумку продуктами (без всякой истерической демонстративности), ударить тортом в авоське об стену и т. д. С истощающейся злостью в голосе она обвинит мужа в том, что он ей совершенно не помогает (на самом деле это вовсе не так), что у нее нет ни приличных туфель, ни одного приличного платья (это тоже неправда), что муж никогда не сказал ей ни одного доброго, ласкового слова, а только оскорблял и унижал (это уж клевета совершенная). Но через каких-нибудь десять минут все уже схлынуло с нее, и теперь ей и стыдно, и неприятно, что наговорила такое.

Астеническая (неврастеническая) раздражительность своим последующим раскаянием и самообвинением, понятно, гораздо симпатичнее раздражительности истерической или эпилептоидной, где обычно нет ни признания своей неправоты, ни искреннего самоосуждения. Потому и простить неврастеническому психопату его раздражительность проще, легче: надо только проникнуться убеждением, что сказанное этим человеком в раздражении не есть сказанное всерьез, как бы сильно это ни было сказано.

Неврастеническому психопату не стоит лечиться самостоятельно, особенно лекарственными препаратами. Если настоя корня валерианы и травы пустырника еще сравнительно безопасны, то различные психотропные таблетки, принимаемые без назначения врача, не так уж редко делают неврастенического психопата еще и токсикоманом. Лечебная гимнастика, купания, всяческие закаливающие процедуры, как и сеансы гипноза, без сомнения приносят пользу. Но особенно важно помочь

неврастеническому психопату так устроиться в жизни, чтобы дела его, служебные и домашние, были по возможности интересны ему, увлекали его.

Астенические психопаты (астеники). Неврастенические психопаты Ганнушкина встречаются редко. Обычно болезненная склонность к астеническому состоянию сочетается с постоянным болезненным астеническим характерологическим конфликтом — конфликтом между ранимым, чувствительным самолюбием и преувеличенным ощущением собственной малоценности, неполноценности. Это повышенное чувство своей недостаточности и ранимость существуют друг в друге как слабость и раздражительность и являются, по существу, психологически усложненными слабостью и раздражительностью. Если астенический душевный конфликт не преломлен через мыслительность-аналитичность, то это не психастеник, а астеник (астенический психопат).

Астеники порою даже больше страдают от этого характерологического душевного конфликта, нежели от раздражительной слабости с вегетативными расстройствами. Они душевно богаче, сложнее, тоньше неврастенических психопатов. Чувство недостаточности тянет их в спокойный угол жизни, но спрятанная в этом чувстве обидчивость, уязвленное самолюбие дают о себе знать, и ощущение собственной несостоятельности тогда еще острее.

Чувство несостоятельности, неполноценности выражается застенчивостью, нерешительностью, тревожной мнительностью, робостью, стеснительностью, трусоватостью. Ранимость астеников сказывается и в высокой, яркой их впечатлительности: они нередко падают в обморок при виде крови, гибели животного под электричкой и т. п., со страхом и выразительной отчетливостью вспоминая потом эти картины.

В то же время астеники не отличаются склонностью к глубокому размышлению, анализу, подробным сомнениям. В них больше поэтической мечтательности (наивной или практичной), нежели рассудочности и духовности. В произведениях астенических писателей нередко звучит нежно-юношеская задушевность, романтически-инертная тяга к старине, к своему «гнезду», в котором вырос, тонкая душевная жалостливость, потребность выговориться без всяких недомолвок. Но, в отличие от есенин-

кой натуры, все это проникнуто стойкой застенчивостью и ранимостью.

Характерологическая астеничность не уживается ни с шизотимической отстраненностью от земного, ни с ювенильной неустойчивостью, ни с фальшью.

Как и неврастеники, астеники отличаются нередко тонкими гастрономическими переживаниями и острой сексуальной чувственностью. Нередко они удовлетворяются небольшими радостями жизни, так, чтобы жить тихо, мирно, ласково, ничем не выделяться. Обычно любят животных. Не могут пройти спокойно мимо бездомной кошки, собаки с пораненной лапой. Жалостливые, они сравнивают себя, неполноценного, с несчастным или больным животными — оттого жалеют, любят животное еще сильнее.

Остро впечатлительные, они совершенно теряются при маломальской опасности. Так, женщина, увидевшая кровь у своего упавшего во время игры малыша, в ужасе закрывает лицо руками и беспомощно садится.

Астеник нередко в случае неприятностей, даже мелких, приходит домой с душевной напряженностью, не может больше ни о чем думать, бесконечное число раз «проигрывает» в своем воображении случившийся конфликт. Ночью в бессоннице все это пронизано особой яркостью и остротой. Иногда астеник, попробовав выпить спиртного, отмечает, что ему сразу же делается легче на душе, и встает на опасный путь смягчения напряженности алкоголем.

Астеники довольно легко, быстро делаются алкоголиками даже от необильных, но частых (несколько раз в неделю) выпивок. Об этом должны знать и они, и их близкие.

Иногда робкий астеник, особенно в юности, например, в отношениях с женщинами «петушится», не вполне осознанно играя свою противоположность («нахал от застенчивости»), но астеническое жало довольно быстро дает себя знать острой застенчивостью и дрожью внутри напускной «наглости».

Бывает, что астеник даже сплетничает от чувства неполноценности, чтобы удивить кого-то новостью, показать, что и он может сказать нечто интересное, то есть пытается и таким образом хоть как-то утвердиться. Но встречаются и угрюмо-неразговорчивые астеники, крайне осторожные на слова.

Всякая житейская неприятность удручает астеника, он «раскисает». А если заболевает какой-то болезнью, даже пустяковой, то уже тревожится, что умрет или возникнет «страшное» осложнение.

Для астеника трудна вообще какая-либо перемена в его жизни, что-то новое. Ему трудно вато знакомиться с людьми, ему неприятно, когда вдруг меняется план дня, который сложился уже в его голове, даже если распорядок жизни нарушается чем-то радостным (приехал, например, неожиданно человек, которого он любит, и т. д.). Особенно мучительно астенику, если он подозревает, что кого-то стесняет своим присутствием, кому-то в тягость.

Астеник вообще чрезвычайно подозрителен, но его подозрительность, в отличие от эпилептоидной, легко вспыхивает и быстро гаснет, если жизнь, люди показывают ему, что нет оснований для этой подозрительности. Тогда астеник тут же раскисается в своей подозрительности, ругает себя за это. Эпилептоид же, как уже сказано раньше, даже если жизнь наглядно ему доказывает, что он неправ в своих подозрениях, все-таки не прощает человеку, если подозревал его в чем-то, не раскисается в напрасных подозрениях, а прячет их глубоко в душу до поры до времени.

Астеник, как и неврастеник, конечно, должен сдерживать свою болезненную раздражительность в домашней и служебной жизни. Немало разводов, семейных драм обусловлено тем, что человек не мог примириться с капризно-злой раздражительностью близкого ему астеника, хотя вся эта раздражительность через час выветривалась и оставались лишь астенически-характерологическая нежность и мягкость.

Надобно знать, что астеническому и неврастеническому человеку следует отдыхать гораздо больше, чем здоровым людям.

Болезненная застенчивость и ранимость астеника особенно тягостны в юношеском возрасте. Созревающая сексуальность и юношеская романтичность обостряют ранимость, застенчивость, возникает обычно в это время астеническая боязнь покраснеть, оказаться в смешном положении и т. д. Астенические юноши и девушки нередко и курить начинают, чтобы хоть за сигарету держаться в обществе (а то куда же

девать руки?), чтобы делать вид, что заняты чем-то, и не привлекать внимания своей неловкостью и растерянностью, чтобы защитно окутывать себя пеленой сигаретного дыма.

В зрелые годы неудобная характерологическая астеничность несколько смягчается, но в годы пожилые и даже старческие тревожность острее, еще более затруднено приспособление к каким-то переменам. Например, астеническая бабушка тревожно ворчит, когда вообще кто-нибудь куда-нибудь уходит из дома хоть на час, всех бы «держала на привязи», никуда бы не выпускала. Не проходит и получаса, а она уже начинает ждать, с тревогой высматривая внука или сына из окна или у калитки.

При всем этом астенические психопаты многим людям глубоко симпатичны своей нередкой здесь обостренной нравственностью, тревогой за близких, мягкостью и добротой. Их собственные глубокие, болезненные переживания, думается, несравнимы с теми чаще несерьезными неприятностями, которые они приносят близким. Несерьезными — если понимать их природу.

Психастенические психопаты (психастеники), как и астеники, склонны к астеническим состояниям.

Как и астеник, психастеник наполнен постоянным конфликтом ранимого самолюбия с чувством неполноценности. Вообще психастеник своей нередкой здесь добросовестностью, мягкостью, обостренным недовольством собою, застенчивостью, вегетативной неустойчивостью напоминает многих астеников. Однако все это: и застенчивость, стеснительность, робость, и нерешительность психастеника проникнуты болезненным размышлением, самоанализом. Постоянные тревожные размышления психастеника о нравственности-безнравственности своих поступков, о страшных для него болезнях и смысле жизни сотканы из болезненных сомнений.

Более или менее здоровое сомнение, свойственное, например, и сангвинику, — превосходное и полезное человеку душевное свойство, помогающее в одном случае уберечься от опасности, в другом — не согласиться с общепринятым мнением и внести свою, живую мысль в дело. Но болезненное психастеническое сомнение, хотя во многих случаях и несет в себе

творческую силу, работает и тогда, когда нет достаточных оснований сомневаться, как показывает жизнь.

Например, человек сомневается, не является ли легкое неприятное ощущение в спине признаком какой-либо тяжелой болезни. Размышляя над этим, ощупывая свою спину, разглядывая ее в зеркало, человек тратит на это массу времени совершенно напрасно, так как ничем серьезным не болен.

Конечно, может случиться, что психастеник обратит внимание на действительный ранний, едва заметный признак серьезной болезни, подобно тому, как эпилептоидный ревнивец окажется реально прав в своих сверхценных подозрениях. Однако случаев таких — капля в море по сравнению с громадными болезненными затратами энергии и времени.

Медицинские учреждения разрушились бы от обилия пациентов, не хватило бы врачей, если бы все люди вот так серьезно прислушивались к каждому своему ощущению. Только потому, что подавляющее большинство людей живет в соответствии с ощущаемой опытом жизни трезвой маловероятностью беды, этого не происходит.

Болезненное сомнение психастеника лишь внешне похоже на астеническую мнительность. Мнительность (от слова «мнить» — казаться) — есть склонность преувеличивать опасность. Ипохондрическая реакция, основанная на мнительности, — образование преимущественно тревожного характера и потому — нестойкое. Оно как росток без корней, довольно легко изгоняется ободрением, внушением. Болезненное же сомнение — образование преимущественно тревожно-мыслительное, то есть проникнутое вопросительным размышлением, имеющее содержательно-логический корень, и, значит, исчезает оно также благодаря лишь логическому, информативному разъяснению, разубеждению в его необоснованности. В этом смысле и психастеническая боязнь покраснеть есть не мнительность, а боязнь с вегетативным выражением (расширение сосудов лица), основанная на тревожном размышлении — например, о том, что могут-де подумать: покрасневший равнодушно относится к тому, перед кем покраснел, и т. п.

Болезненные тревожные сомнения ипохондрического содержания особенно часто возникают у психастеников, имеющих дело с медициной, читающих медицинскую литературу.

Чем разнообразнее и поверхностнее медицинские знания психастенического человека, тем, естественно, больше у него ипохондрических сомнений, тем они сложнее.

Особенно тягостны ипохондрические реакции у психастенических студентов-медиков. Например, остается такой студент на весь день дома готовиться к экзаменам или сделать какую-то другую важную работу и не может никак приняться за дело, так как возникают опасения: не увеличались ли у него лимфатические узлы (вдруг белокровие?), нет ли в полости рта какой язвочки (вдруг рак?), не увеличилась ли печень и т. д. Он бесконечно себя осматривает и ощупывает — и, конечно, находит что-нибудь для себя неясное, а значит, подозрительное в смысле «страшной болезни», бросается искать в медицинских книгах, чтобы таким образом разрушить свои ипохондрические сомнения.

Стоит психастенику заболеть какой-нибудь даже самой пустячной физической болезнью, как он не находит себе места, тревожно подозревая самое страшное, совершенно измучивая себя и своих близких. Помочь ему возможно убедительным разъяснением, что нет никаких оснований думать о страшном, то есть надо разрушить его ипохондрические тревожные сомнения. Лучше, если это сделает врач, построив разъяснение на внимательном осмотре и анализах. Болезней же заведомо не опасных для жизни, не «позорных» (когда он убежден в этом) психастеник, как правило, не боится и даже может их порядком запустить.

Психастенические тревожные сомнения, лежащие в основе психастенических переживаний, сцепляющиеся в глубокий, едкий самоанализ, имеют своим содержанием обычно или нравственно-этические моменты, или благополучие, здоровье близких и себя самого, или философские вопросы смысла жизни, основывающиеся обычно на боязни смерти.

Лев Толстой с глубокими психологическими подробностями изображает тоскливое психастеническое (психастеноподобное) переживание Пьера Безухова, сравнивая это переживание с винтом, который свернулся и вертится, ничего не захватывая:

«О чем бы он (Пьер. — М.Б.) ни начинал думать, он возвращался к одним и тем же вопросам, которых он не мог разре-

шить и не мог перестать задавать себе. Как будто в голове его свернулся тот главный винт, на котором держалась вся его жизнь. Винт не входил дальше, не выходил вон, а вертелся, ничего не захватывая, все на том же нарезе, и нельзя было перестать вертеть его.

Вошел смотритель и униженно стал просить его сиятельство подождать только два часика, после которых он для его сиятельства (что будет, то будет) даст курьерских. Смотритель, очевидно, врал и хотел только получить с проезжего лишние деньги. «Дурно ли это было или хорошо? — спрашивал себя Пьер. — Для меня хорошо, для другого проезжающего дурно, а для него самого неизбежно, потому что ему есть нечего: он говорил, что его прибил за это офицер. А офицер прибил за то, что ему ехать надо было скорее. А я стрелял в Долохова за то, что я считал себя оскорбленным. А Людовика XVI казнили за то, что его считали преступником, а через год убили тех, кто его казнил, тоже за что-то. “Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?” — спрашивал он себя. И не было ответа ни на один из этих вопросов, кроме одного, не логического ответа, вовсе не на эти вопросы. Ответ этот был: “Умрешь — все кончится. Умрешь и все узнаешь — или перестанешь спрашивать”. Но и умереть было страшно».

Психастенику, во всяком случае взрослому, менее всего свойственно легкомыслие (тут нельзя путать с легкомыслием психастеническую рассеянность). Мысль его (как и у Пьера) винтом, штопором внедряется в различные вопросы жизни, интересующие его, делая порой лишние, «пустые» обороты, но если это глубокая, сильная мысль, то от «пустых» оборотов, как бы они ни были тягостны, делается она еще более четкой, сложной и проникновенной.

Однако не всякое сомнение умно, не всякое глубокомыслие творчески плодотворно. Как есть посредственные шизоиды, аутистичность (независимость от земных фактов) мышления которых сказывается в резонерстве, в пустом рассуждательстве, так есть и посредственные психастеники, которых банальные сомнения, не интересные другим людям, превращают в «зануд», вызывающих у многих людей презрение. Это прежде всего «зануды» ипохондрические, которые «носятся» с каждым не по-

нятным им ощущением или пятнышком на теле, требуя у врачей исследований — доказательств того, что это не опасно, измучивая близких частыми многолетними ипохондрическими страхами и приготовлениями к возможной смерти.

Не имея в себе сангвинически-трезвого спокойствия перед неизбежной будущей смертью, наивно-инфантильной способности не думать о смерти, пока живешь, психастеник, занятый тревогами вчерашнего и завтрашнего дня гораздо сильнее, чем днем сегодняшним, постоянно думает о смерти и готовится к ней. Нет в нем (даже в здоровом психастеническом человеке) непосредственной радости жизни, все тревожится он по поводу возможных бед, о том, не обидел ли кого из близких людей, и, главное, раздумывает о смерти, которая должна прийти ныне или завтра — все равно через мгновение, в сравнении с вечностью.

Если в детстве психастеник еще способен по возрастной инфантильности сказать себе, махнув рукой: «А, накатаюсь в воскресенье на лыжах, а уж в понедельник скажу родителям про двойку», то в юности и зрелости он превратит себе такое воскресенье в муку постоянным обдумыванием будущего наказания.

В отличие, например, от истерического психопата психастеник боится не настоящей опасной минуты, а будущей, воображая ее, или прошлой, вспоминая ее. Например, боится лететь на самолете (вдруг что-нибудь испортится!). В самолете же во время болтанки или в иной напряженной обстановке он внешне спокоен и внутренне ощущает защитное душевное онемение, — в то время как истерического психопата обычно не пугает предстоящий полет, зато при всякой «яме» он страшно пугается и кричит «спасите!» (впрочем, быстро успокаиваясь, когда «яма» миновала).

Итак, важно, что все переживания психастеника пронизаны работой тревожно-сомневающейся мысли. Одни психастеники более загружены ипохондрическими переживаниями, другие — нравственно-этическими, третьи — поисками смысла жизни, в четвертых все это присутствует одновременно, с равной силой.

Мышление психастеника не отличается живостью, легкостью, оно даже несколько тугоподвижно. Психастеник обычно

«задним умом крепок», не способен быстро соображать, схватывать общепринятые «истины», рассеян, но, при всей своей мыслительной неуклюжести, проникнутый миллионом сомнений, именно благодаря всему этому может быть глубоко оригинален.

Американский исследователь Уильям Ирвин в книге о психастеническом Дарвине и сангвиническом Гексли (1973) замечает, что в мозгу, подобном дарвиновскому, «мысль созревает до того медленно, что поначалу чудится, будто ее почти и нет, а потом начинает казаться, что она была там всегда». «Дарвин — это спокойный, медлительный замысел; Гексли — блистательное свершение. Дарвин творил историю; Гексли двигал ее вперед».

Мышление психастеника нередко способно к глубокому обобщению, реалистически-обобщающему полету, не связано постоянной сангвинической практически-земной насыщенностью, но в то же время в отличие от шизотимного мышления лишено подлинной символичности, причудливой парадоксальности, оно по-земному глубоко естественно в своих сомнениях, предположениях и умозаклчениях.

Механической памятью психастеник обычно не блещет и отсюда его весьма средние способности к изучению иностранных языков. Ярче всего творческие способности психастеников сказываются в педагогике, биологии, медицине и художественном творчестве. Благодаря своему стремлению до всего доходить без механического схватывания, упорной работой ума (будто сам заново открывает уже открытое и напечатанное в книгах), психастеник, усвоив, наконец, глубоко и подробно изучаемое, может затем объяснить это другим так живо и понятно, что нередко пользуется большим успехом на поприще преподавателя самых различных дисциплин.

Рассеянность и аналитическая мечтательность психастеника, а также острое самолюбие, честолюбие при нежелании обращать на себя внимание людей изображены Л. Толстым («Детство, отрочество, юность»)⁷⁵.

⁷⁵ Страдавший одной из форм эпилепсии Лев Толстой нес в своем мозаичном (многогранном) характере сложный психастенический радикал. См. о болезни Толстого книгу Евлахова (1995).

«Склонность моя к отвлеченным размышлениям до такой степени неестественно развила во мне сознание, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадал в безвыходный круг анализа своих мыслей, я не думал уже о вопросе, занимавшем меня, а думал о том, о чем я думал. Спрашивая себя: о чем я думаю? я отвечал: я думаю, о чем я думаю. А теперь о чем я думаю? Я думаю, что я думаю, о чем я думаю, и так далее. Ум за разум заходил...

Однако философские открытия, которые я делал, чрезвычайно льстили моему самолюбию: я часто воображал себя великим человеком, открывающим для блага всего человечества новые истины, и с гордым сознанием своего достоинства смотрел на остальных смертных: но, странно, приходя в столкновение с этими смертными, я робел перед каждым, и чем выше ставил себя в собственном мнении, тем менее был способен с другими не только выказывать сознание собственного достоинства, но не мог даже привыкнуть не стыдиться за каждое свое самое простое слово и движение».

И.П. Павлов называл психастеника человеком мыслительным, отметив слабую его чувственность, слабый «эмоциональный фонд». Из этого, однако, не следует, что зрелый психастеник рассудочный, деревянный, сухарь, он глубоко эмоционален, но по-своему, мыслительной эмоциональностью. Это не чувственность, не яркая образность, а внешне скромная, но нередко глубокая и добрая эмоция, подробно многое понимающая, то есть это — одухотворенность. Великий психастеник может быть мудр именно в метерлинковском смысле: «В разуме нет доброты, а в мудрости ее много».

Произведения психастенических писателей отличаются аналитической психологичностью, но и теплой естественностью, участливым отношением к земным человеческим заботам и переживаниям. Психастенический писатель постоянно сбоку рассматривает свое душевное состояние с подробным анализированием и самообвинением, и мы не найдем у него пряных бунинских запахов и красок, эстетизированных образов, но почувствуем лирическую духовность, детальное изображение душевных движений, внешне скромную психологическую силу.

Психастенический ученый, как уже отмечено, чаще проявляет себя в биологии, медицине. Его труды отличаются боль-

шой осторожностью в выводах, капитально широким и глубоким охватом научной темы, массой тонких и убедительных доказательств.

«Нормальным психастеником» считал себя И.П. Павлов.

Видимо, психастеническим психопатом с выраженной ипохондричностью был Чарльз Дарвин. «Автобиография» (Дарвин, 1959) и воспоминания современников рассказывают о его болезненной застенчивости, нерешительности, тревожности и большой доброте, склонности к сомнениям.

Эти душевные качества вместе с добросовестностью, скрупулезностью и аккуратностью много способствовали его великому творчеству. Например, благодаря скрупулезным сомнениям Дарвин, работая над своими книгами, сумел предвидеть очень многие возражения оппонентов и предупредить их тщательным доказательством.

Но, несомненно, эти психастенические свойства и затрудняли его жизнь. Уильям Ирвин замечает, например, относительно застенчивости великого натуралиста, что слагались легенды об особенностях мистера Дарвина: «многозначительно отсутствовать в минуту решающих событий, к которым он сам непосредственным образом причастен». Основательно помучили Дарвина, например, тревожные сомнения по поводу того, жениться или нет. С карандашом и бумагой (так легче решить вопрос нерешительному человеку) двадцативосьмилетний исследователь обстоятельно взвешивал все «за» и «против». В этих сохранившихся карандашных заметках за женитьбу — дети («друг в старости»), «кто-то, заботящийся о доме», «милая, нежная жена на диване, огонь в камине». Но против — «буду вынужден делать визиты и принимать родственников», «ужасная потеря времени», «мало денег на книги», «не смогу читать по вечерам», «заботы и ответственность», «как я смогу управляться со всеми моими делами, если я буду вынужден ежедневно гулять с женой?».

Ипохондрические опасения, переживания, состояния тревожной тоскливости, указания на частые астенические расстройства постоянно встречаются в записных книжках Дарвина. Ученый замечает, что перед путешествием на «Бигле» (ему тогда было 22 года), «при мысли о предстоящей <...> столь длительной разлуке со всеми родными и друзьями» он «падал духом,

а погода навевала <...> невыразимую тоску». «Помимо того меня беспокоили сердцебиение и боль в области сердца, и, как это часто бывает с молодыми несведущими людьми, особенно с теми, которые обладают поверхностными медицинскими знаниями, я был убежден, что страдаю сердечной болезнью». В анкете уже 64-летний Дарвин в графе «Здоровье» написал: «В молодости — хорошее, в течение последних 35 лет — плохое».

В 35 лет, закончив краткий очерк «Теории видов», не прожив еще и половины своей жизни, Ч. Дарвин пишет жене тревожное «письмо-завещание» («на случай моей внезапной смерти»), в котором «выражает желание, чтобы <...> очерк был передан какому-либо компетентному лицу, которое согласилось бы за указанную сумму денег взять на себя заботу об улучшении и расширении очерка».

Френсис Дарвин, сын Чарлза Дарвина, подчеркивает, что у отца «на протяжении почти сорока лет <...> не было ни одного дня того нормального состояния здоровья, которое свойственно большинству людей, и вся его жизнь была наполнена непрерывной борьбой с усталостью и напряжением сил, вызванными болезнью».

Английские врачи кропотливо пытались установить сущность сорокалетней болезни Ч. Дарвина. Из обзора таких попыток следует, что ни один из диагнозов не содержит указания на наличие какого-либо органического расстройства, и современные врачи все более склоняются к тому, что тошноты, головокружения, бессонница и упадок сил, от которых ученый страдал — явления ипохондрического, нервно-психического порядка. (См. Дарвин, 1959.)

Отсутствие острой, яркой чувственности психастеника сказывается и в особенностях его пищевого и сексуального влечения. И нельзя сказать, что у психастеника «деревянные» вкусовые и сексуальные ощущения. Просто нет и здесь той подробной острой чувственности, с которой, например, герои Бунина видят «малиновых червей», «перламутровые щеки селедки» и т. п.

Психастеник способен испытывать сильный сексуальный голод, как и пищевой, но он не гурман своею блеклой чувственностью. В любви его много нежности-лиричности и мало сумасшествия-страсти. Для каждого свое.

Тревога, которой постоянно наполнен психастеник, также проникнута подробным размышлением. Психастеник тревожится главным образом за близких и себя самого. Он может быть охвачен сильным чувством жалости к любому человеку, животному, попавшему в беду, но все же тревожность, вообще эмоциональность психастеника, не отличается сангвинической всепроникающей естественностью, она сильна, тепла избирательно, в важных для него местах; другие же события жизни психастеник может вовсе не переживать, испытывая защитное душевное онемение, иногда самокритически возмущаясь им. В то же время здесь нет по-шизоидному неестественных сверхчувствительных и бесчувственных моментов с их причудливой изолированностью (хотя и психологически понятной).

Итак, как уже отметил, эмоция психастеника по-своему естественна, тепла, порою даже горяча, но довольно аккуратно распределена между заботами и тревогами о себе, о своих близких, о касающихся его нравственно-этических проблемах. Душевность психастеника достаточно глубока, чтобы не вместить в себя переживания по поводу всех бед, как нередко способна это сделать сангвиническая естественная, мягкая сердечность, не отличающаяся такой глубиной, но зато обволакивающая всех и вся.

В этом и одна из особенностей психологической защиты психастеника, астеника. Другая, тоже общая, особенность — душевное онемение-окаменение при ясности мысли в обстановке опасности.

Слабость в психастенике тех доставшихся нам в наследство от животных предков мозговых структур, которые участвуют в образовании острой чувственности, от которых зависит яркость в человеке всего, что роднит его с животным («животная половина»), отражается и в двигательной неловкости, неточности, некоторой неестественности, угловатости движений.

У психастеника нет острого глазомера, интуитивного, «собачьего» чутья на людей, он нередко попадает впросак по своей доверчивости. Толстовский Николенька Иртеньев («Детство, отрочество, юность») говорит о «привычке к постоянно моральному анализу, уничтожившей свежесть чувства и ясность рассудка». Но именно психастеническая слабость чув-

ственной интуиции понуждает психастеника стихийно развивать-усложнять свое аналитическое размышление обдумыванием поступков людей, чтением психологической литературы, дабы восполнить слабое «животное чутье» и лучше приспособиться в жизни среди людей.

В этом еще одна грань психастенической защиты, которая показывает, что психастенику (особенно остро страдающему чувством неполноценности, завидующему другим «смелым», «сильным» людям, теряющемуся в трудностях жизни) прежде всего надобно изучать типы человеческих характеров, дабы научиться предполагать, что от какого человека при определенных обстоятельствах можно ожидать, и вникнуть в свою собственную сложную личностную структуру, чтобы осознать, прочувствовать свои сильные благородные свойства: склонность к нравственно-этическим переживаниям, оригинальность углубленного мышления внутри его тугоподвижности.

Врачу приходится порою подолгу доказывать ипохондрическому психастенику, что у него нет оснований бояться той или иной болезни. Разрушая ипохондрические сомнения-тревоги, врач обычно обращает внимание пациента на то, что ипохондричность эта связана с личностными особенностями, с постоянной склонностью к тревожным сомнениям и надо научиться делать на это «скидку». При всякой новой ипохондрической тревоге, уметь сказать себе: «Погоди бояться! Ведь я сколько раз уже боялся «страшной» болезни совершенно зря, потому что склонен к этим тревожным сомнениям, и сейчас это скорее всего опять ложная тревога». Такое саморазъяснение помогает далеко не сразу, так как здесь все же остается какая-то неопределенность, а для психастеника малейшая неопределенность по поводу «страшной» болезни крайне тягостна, и он с нетерпением и страхом добивается врачебных консультаций и исследований.

Однако с годами, благодаря в том числе и приведенному психотерапевтическому объяснению, психастеник становится опытнее, спокойнее в своей ипохондрии, реже ходит к врачам разрушать сомнения. Конечно, при всем этом врачу следует учить психастеника обращать внимание на действительно тревожные симптомы, дабы не просмотреть в борьбе с ипохондричностью настоящего, серьезного заболевания.

Наконец, психастеники, у которых острее всего переживание неизбежной в будущем смерти, поиска смысла жизни, должны понять, вчитываясь в произведения великих психастеников, что единственное спасение от этого тревожно-мыслительного «винта» — устроить свою жизнь так, чтобы сделаться мастером любого своего полезного дела, чтобы сказать себе со всей искренностью: «Я делаю для людей все, что могу. Честно выполняю свой душевный долг. Совесть моя чиста. Остальное от меня не зависит. И, как говорили древние, зачем же бояться того, что от меня не зависит?»

Психастенические свойства обнаруживаются уже даже в раннем детстве, например, тревогами малыша о том, где он там в гостях будет сидеть на горшке, если понадобится. Или тревогами, страхами: языком во рту нащупал что-то такое, где-то что-то так «болнуло», что испугался — не болезнь ли страшная, не отвезут ли в больницу. Однако в сложной своей законченности психастенический характер складывается в юности, когда психастеник мучается своей внешностью (особенно если действительно есть тут какой-то хоть крохотный недостаток) или его одолевают вопросы смысла жизни при необходимости смерти, тревожные размышления о бесконечности черного холодного Космоса и т. п.

Юному психастенику свойственно обычно гиперкомпенсаторное стремление играть свою противоположность, стыдясь своей застенчивости, скромности, «слабости». «Я старался казаться страстным, — рассказывает толстовский Николенька Иртеньев, — восторгался, ахал, делал страстные жесты, когда что-нибудь мне будто бы очень нравилось, вместе с тем старался казаться равнодушным ко всякому необыкновенному случаю, который видел или про который мне рассказывали; старался казаться злым насмешником, не имеющим ничего святого, и вместе с тем тонким наблюдателем; старался казаться логическим во всех своих поступках, точным и аккуратным в жизни, и вместе с тем презиравшим все материальное. Могу смело сказать, что я был гораздо лучше в действительности, чем то странное существо, которое я пытался представлять из себя...» Свойственно юному психастенику и болезненное переживание неискренности, дурного поведения близких ему взрослых людей (как это происходит, например, в чеховском рассказе «Володя»).

С возрастом, особенно годам к сорока пяти, психастеник обычно душевно успокаивается. Смягчается и его вегетативная подвижность-неустойчивость. Если же еще ему удастся нащупать в жизни свою «жилу» и раствориться в осмысленной, полезной работе, то он подходит к старости с известным душевным спокойствием и уверенностью.

Френсис Дарвин пишет о своем отце, умершем в 74 года: «В течение последних десяти лет его жизни состояние его здоровья внушало всем нам успокоение и надежду. Во многих отношениях его здоровье обнаруживало признаки улучшения. Недомогания и всякого рода расстройства стали значительно реже, и он мог работать более равномерно» (Дарвин, 1959).

В течение всей жизни для психастеника очень важны глубокое сочувствие и понимание со стороны близких, сослуживцев, без чего он нередко проводит в остром напряжении дни и ночи, не принося той подчас основательной общественной ценности, которую способен принести.

Ананкастические психопаты (ананкасты). Ананкаст загружен ананказмами⁷⁶. Ананказмы не навязываются, подобно фобиям, какой-то определенной обстановкой, они как бы звучат изнутри личности, вырастая на особой ананкастической личностной почве. Например, человек боится числа «13» или буквы «о» (замкнутый круг, конец жизни!) и старается всюду эту букву затушевывать, чтоб на душе стало легче. Или опасается обходить предметы с левой стороны, наступить на черту (а то вдруг плохое случится!).

Человек этот прекрасно понимает, что если плохое и случится, то не из-за этого, но не может себя побороть и, по возможности, сообразно обстоятельствам, стараясь не обращать на себя внимание людей странными поступками, делает все в угоду навязчивости (в силу ананкастической необходимости), чтобы снять, смягчить свое душевное напряжение. С этой целью он выполняет сложные цепи навязчивых действий (ритуалы). Например, семь раз притронется одной своей ногой к другой, через каждые десять шагов делает шаг назад (чтоб ничего плохого не случилось) и т. д.

⁷⁶ Об ананказмах и других навязчивостях, о болезненных сомнениях см. в разделе 2.

В отличие от психастеника с его сомнениями человек с ананказмами обычно убежден, что делает напрасно всю эту сложную навязчивую работу, но не может ее не делать. Например, если у него навязчивое мытье рук, то он убежден, что зря бесконечно, до шелушения моет руки. Психастеник с частым мытьем рук все же полагает: это нелишне, чтоб уж наверняка не осталось на руках заразы.

Ананкаст с боязнью бешенства часто идет к врачу, после того как его через одежду просто коснулась боком пробежавшая собака, и тревожно показывает свою ногу, спрашивая, нет ли укуса. При этом он знает заранее, что укуса нет. Подтверждение врача обычно его успокаивает. В данном случае ананказм обнаруживает себя навязчивым сомнением. Пациент ясно понимает, что сомневается зря (в отличие от психастеника с болезненным тревожным сомнением).

Психастеник со страхом бешенства, изучавший, как и ананкаст, медицинский справочник, покажет врачу ногу лишь тогда, когда собака прикоснулась мордой к его голый ноге или слюна ее могла бы просочиться через штанину (и без укуса).

И психастенику, и ананкасту бывает трудно уйти из квартиры, если в ней больше никого не остается. И тот и другой боятся оставить открытым газ или включенным свет. Но психастеник действительно не уверен по причине своей блеклой чувственности, что хорошо закрыл газовый кран, знает, что по рассеянности может его и в самом деле оставить открытым. Посмотрев на закрытый кран, он через минуту-другую опять не уверен — хорошо ли закрыл: нет четкого ярко-чувственного запомненного впечатления, что закрыл. На всякий случай приоткроет в кухне окно, куда в случае чего выйдет газ. Тогда и успокоится. Ананкаст же, отличаясь четкой чувственностью, уже до первой проверки (всего этих проверок может быть несколько десятков) убежден, что газовый кран закрыт и электричество выключено.

Итак, если психастеник боится действительного серьезного заболевания, газового взрыва и т. д., то у ананкаста это обычно не страх реального опасного события, а страх страха этого события. Потому ананказмы отличаются от тревожных болезненных сомнений еще нередко и явной нелепостью содержания: например, женщина боится заразиться раком от полотенец.

М.Е. Бурно

4. Психопатия. Характерологическая травма и другие нарушения и т. д. «выпорхнут» в венерической. Страхи эти не казаста, от его мнренести инфаргрибкового забся сифилисом. даже если естбудучи по натует жену навязняешь?» Советостро беспокоитчто пойдет дожили нет, посжет весь деньхов («вдруг чясно, что нично, к сожален

И робость и подозрительных у ас таковых, то естем личности

Нередко не хуже дру жизни навя доемкую, не

Ананкасцев и подч кой педант но в домаш ред ним по тельность Своеоб сквозь сух

Рассудочность его строится не на болезненных сомнениях, а на мыслительном педантизме. Педантизм (мелочная придирчивость в соблюдении формальных требований) пронизывает всю его натуру, высушивает ее. Это не защитное психастеническое стремление к аккуратности и точности в борьбе с собственной внутренней суетливостью, рассеянностью и неряшливостью от истощаемости, а формалистическая точность ради точности, буквоедство ради буквоедства, «занудливость» не ради стремления высказаться как можно более понятно (как у психастеника), а «занудливость ради занудливости». Педантизм ананкаста всегда отличается навязчивой окраской.

Нередко ананкаст добр в душе, но скуп ради скупости, и скупость его с навязчивым оттенком под девизом «порядок прежде всего» часто создает впечатление малонравственности. Крепчая с годами, педантизм иногда создает стену отчужденности между ананкастом и близкими ему людьми. Так, старый профессор Исаак Борг из фильма Бергмана «Земляничная поляна», чувствуя себя мертвым, отчужденным от людей, «для порядка» требует, чтобы его тридцативосьмилетний сын вернул ему деньги, затраченные на его обучение, хотя деньги эти ему, Боргу, не нужны. В то же время с духовным теплом призрачивается он к земляничной поляне своего детства, трепетно вспоминая живое родство душ своих юных братьев и сестер, существовавшее в его детстве на этой поляне, когда не было еще такой отчужденности.

⁷⁷ Шизотимный и ананкастический склад-рисунок личности в рамках здоровья особенно распространены в западных, северо-западных странах; психастенический склад чаще встречается в России.

Характерологические ростки педантизма при психических травмах и других ослабляющих моментах (недосыпание, отравление и т. д.) могут расцвести ананказмами различного содержания. Или это навязчивый страх того, что «вырвется», «выпорхнет» вдруг неприличное слово, или навязчивый страх венерической болезни и т. д.

Страхи эти как бы изолированы от жизненной позиции ананкаста, от его мирозерцания. Ананкаст может молодецки перенести инфаркт миокарда и в то же время навязчиво бояться грибкового заболевания стоп; или навязчиво боится заразиться сифилисом, но совершенно не боится смерти, не боится рака, даже если есть основания сомневаться по этому поводу. Не будучи по натуре своей ревнивым человеком, он часто допекает жену навязчивыми вопросами типа «ты правда мне не изменяешь?» Совершенно не дорожа каким-нибудь письмом, он остро беспокоится, что оно не дойдет до адресата. Он боится, что пойдет дождь, хотя ему, в сущности, все равно, пойдет дождь или нет, поскольку он никуда сегодня не собирается. Он может весь день изнемогать от подобных ананкастических страхов («вдруг что-нибудь случится!»). К вечеру, когда вроде бы ясно, что ничего страшного не произошло, страхи стихают, но, к сожалению, и день потерян в бездействии.

И робость, и неуверенность, и тревожная ипохондричность, и подозрительность ананкаста — все это здесь в отличие от таковых у астеника, психастеника в основном истинно навязчиво, то есть не согласуется психологически понятно со строением личности, с мироощущением пациента.

Нередко ананкаст справляется со своей сложной работой не хуже других, но рядом с нею совершает в течение всей своей жизни навязчивую работу, нередко еще более сложную, трудоемкую, нежели его профессиональное дело.

Ананкаст может быть чрезвычайно тяжел для сослуживцев и подчиненных своей скрупулезной дотошностью, вязкой педантичностью, мелочностью, сухостью, формализмом; но в домашней обстановке он иногда удивляет дрожащих перед ним подчиненных душевной теплотой, радушием, внимательностью.

Своеобразный налет милой инфантильности, заметный сквозь сухость, отличает ананкастов от эпилептоидов, а отсут-

ствие парадоксальности, причудливости в мышлении и переживаниях — от шизоидов.

Ананкаст обычно добросовестен и отличается мягкостью, сильной привязанностью к своим близким. Близким же этого человека возможно научиться терпеливо и с шуткой переносить его причуды, ритуалы.

Психопаты, обусловленные повреждением мозга

В данном случае в мозге имеется органический изъян, некоторое анатомическое огрубление наследственного происхождения или вызванное токсическим, инфекционным, механическим повреждением мозга в утробе матери либо в первые 2–3 года жизни.

Изъян, огрубление мозга дают себя знать в поведении органического психопата так называемой «органичностью»: известной грубоватостью, сказывающейся и в благодушно-грубоватой доброте, и в злом, грубом раздражении с обычно быстрой, во всяком случае внешне, отходчивостью.

Органические психопаты обнаруживают большую или меньшую душевную вязкость, неуравновешенность. Они несут в себе целую мозаику характерологических свойств, похожих на истерические, неустойчивые, эпилептоидные, астенические и т. д. Какие-то из этих свойств могут преобладать над остальными, но вся личность органического психопата проникнута грубоватостью. Здесь может быть душевность, но нет изящной живости, умственной тонкости и глубины, подлинной духовности.

Органическим психопатам чрезвычайно вреден алкоголь: они обычно легко спиваются и в опьянении часто зловеще агрессивны или быстро засыпают.

Заключение

Врачебное лечение многих психопатов, просящих о помощи, при соответствующем умении нередко серьезно им помогает. Но оно настолько сложно, что здесь лучше более подробно о лечении не говорить, дабы не извратить краткостью истинное о нем представление. Автор надеется, однако, что и сказанное уже поможет людям увидеть в жизни различных психопатов

(с пониманием того, что это все-таки нездоровые люди, а не просто «мямли» или «негодяи»), что тут возможна квалифицированная помощь. Психопатическое нездоровье, однако, не должно смягчать вину безнравственного психопата перед обществом, поскольку он способен себя сдерживать.

Но даже заподозрить, что некто является психопатом, нездоровым человеком, возможно лишь с большой осторожностью. Не следует забывать, что существуют здоровые застенчивость, раздражительность, гневливость, склонность находиться в центре внимания, выступающие просто как душевные особенности человека. Только тогда, когда личностный рисунок человека проникнут болезненностью, когда, например, застенчивость или взрывчатость ненормальны, только тогда возможно подозревать психопатию и доброжелательно, дружелюбно советовать человеку обратиться к врачу-психотерапевту.

К сожалению, во многих случаях (особенно это касается эпилептоидной и истерической психопатии) психопат больным себя ни в коей мере не считает, оскорбляется предложением посоветоваться с врачом и встречается с врачом обычно либо в случае тяжелой личной катастрофы, катастрофы, чаще по причине своей психопатичности (крах карьеры, болезненный для него развод с женой и т. п.), либо в случае правонарушения (в обстановке судебно-психиатрической экспертизы).

Условия жизни, питания, физические болезни, людское окружение, обстановка в семье, где воспитывается ребенок, общение с природой, домашними животными — от всего этого во многом зависит, как быстро и сильно проявится у человека психопатия. Она может и не проявиться, и тогда человек всю жизнь будет практически здоровым — компенсированным, скрытым психопатом.

Случается и такое, что психастеническая психопатия является при самых благоприятных для психастеника условиях жизни и психастеник похож при этом характером не на смелых родителей, с которыми вместе живет, а на психастеническую свою бабушку, которая умерла еще до его рождения.

Наблюдая болезненное поведение психопата в семье или на службе, следует также знать, что для неопытного глаза под «психопатией» может скрываться более серьезное душевное заболевание с психопатоподобным поведением, которое не

следует ни в коем случае запускать, а надобно лечить как можно раньше. Даже опытному врачу иногда трудно отличить психопата одной группы от психопата другой группы или от пациента с психопатоподобным состоянием.

Каждый психопат имеет свое личностное, характерологическое ядро, но нередко на это ядро напластовываются как будто бы инородные налеты. Например, epileптоидный психопат с искусственной деликатностью, предупредительностью, застенчивостью внешне походит на психастеника, а истерический психопат с живым (хотя и не совсем естественным) смехом, внешней добротой и расстройствами настроения бывает похож на циклоида. В таких случаях говорят о психастеноподобном epileптоиде и истерическом психопате с циклоидоподобностью.

Обычно в таких вначале не совсем ясных случаях психопатическое ядро отчетливо дает себя знать в острых, переломных ситуациях. Например, психастеноподобный epileптоид, не пройдя по конкурсу в институт или провалившись на защите диссертации (вообще показав какую-то свою несостоятельность), нередко дает отнюдь не пассивно-оборонительную реакцию психастеника (стремление робко удалиться из ситуации поражения), а реакцию агрессивную, с блестяще-злыми глазами, с обвинением в случившемся кого угодно, только не себя. Или психастеноподобные циклоиды (особенно в климактерическое время) делаются чрезвычайно ранимыми, нерешительными, обидчивыми, весьма похожими на психастеников, обычно не теряя, впрочем, глубокой естественности, любви к шумным компаниям, к застолям с гурманством, склонности к организаторской работе (все это не свойственно психастенику). Или шизоидный психопат внешне похож на психастеника своей «печоринской» рассудочностью, самоуглублением, острыми внутренними диалогами, но со временем обнаруживается, что существо, ядро его личности — сосуществование сверхчувствительных и бесчувственных мотивов, склонность к радостному риску и некоторой отчужденности. И вместе с этим склонность к идеалистическому мироощущению.

При постановке диагноза определенной психопатии важно уловить главный, ядерный душевный рисунок, глубинный патологический склад личности.

Автор надеется, что этот очерк поможет лучше понять и здоровых людей, поскольку различным психопатическим характерам, как уже подчеркивалось, соответствуют характеры здоровые (подобного характерологического рисунка, но без патологической выраженности). Вокруг нас живут здоровые психастеники, эпитимы, шизотимы, ювенилы и т. д.

Зная хотя бы в общих чертах их характерологические закономерности, мы можем предполагать, как в какой обстановке какой человек себя поведет, что ему может понравиться, а что он отвергнет. Сквозь душевные психопатические рисунки, болезненно-гротескные усиления здоровых характеров легче разглядеть в жизни различные характеры здоровых людей, подобно тому, как шарж, карикатура на какого-то человека, гипертрофируя, заостряя некоторые существенные особенности, помогают их затем усмотреть в этом человеке в смягченном виде.

Знать научно характеры весьма надо бы человеку, чтобы легче было понять другого человека.

Тут всегда, впрочем, можно только предполагать. Убежденным быть трудно по причине бездонной сложности жизни. Но даже уметь предположить, насторожиться бывает весьма важно. А со временем, с проверками жизнью, предположение нередко все больше делается убеждением.

Важно сто и еще тысячу раз понимать, что все мы — разные характеры с разными отношениями к одному и тому же предмету. И если мне не нравится то, что нравится другому, то это еще не значит, что прав только я.

Учение о характерах, психопатах может помочь и писателю не сделать некоторых ошибок в описании человеческих переживаний и поступков. Печальной будет, конечно, картина, если писатель станет изображать своего героя, исходя из шизотимической, психастенической или какой-либо другой характерологической схемы. В процессе художественного творчества характерологию нужно «забыть», как и стилистику. Пусть и то, и другое работает подсознательно внутри творческого дыхания, препятствуя ошибкам.

Возможно, и актерам, режиссерам поможет очерк, вся эта книга, исходя из характерологических закономерностей, глубже, ближе подобраться к роли. Так, вряд ли, по-моему, стоит психастенику или шизотиму брать за роль сангвинического

жизнелюба Фальстафа, а теплому актеру-сангвинику — за роль шизоидного с истероидностью Треплева.

Вопросы так называемой психологической совместимости и несовместимости упираются основательно в характерологию. Известно, что сплошь и рядом особенно не уживаются, например, в браке эпилептоидные и психастенические натуры, психастеники и истерики. В то же время сангвиники и шизоиды нередко могут ладить с людьми самых тяжелых характеров лучше, чем другие.

Почему человеческое общество состоит из людей самых разных характеров? Дело, конечно, тут не только и не столько в разном воспитании. В наше время, когда дети нередко с пеленок большую часть дня воспитываются в сходных условиях (ясли, детсад, школа), это особенно понятно.

Если поразмышлять об этом издавна, то разными характерами (темпераментами), как известно, отличаются и животные одной породы. Четыре издревле известных человеческих темперамента (сангвиник, холерик, флегматик и меланхолик)⁷⁸ существуют и у животных, например, у собак и кошек, как это убедительно показал Павлов. Мы прекрасно знаем скучных флегматичных котов, живых сангвинических котиков-игрунов, легко привыкающих к любому новому человеку, угрюмо-злых холерических котят и котов робких, тревожных, меланхолических.

Почему же существуют разные типы животных одной породы и чем оправдано существование «слабого», меланхолического темперамента?

Во-первых, разнообразие типов (темпераментов) внутри одной породы необходимо для жизнестойкости этой породы. Так же среди людей: чем резче отличаются друг от друга родители, чем меньше степень родства, тем, обыкновенно, крепче потомство.

Во-вторых, каждый темперамент отличается своей, особенной приспособительной способностью, которая сказывается, в частности, и в механизмах психологической защиты. Живот-

⁷⁸ Темпераментами в древности называли, в сущности, характеры в соединении с телесными особенностями. Например, меланхолику соответствуют астеник, психастеник и другие, подобные им по особенностям души и тела люди. См. раздел 3, с. 127.

ные реагируют на опасность не только кровавой схваткой с врагом, но и побегом, умелым избеганием этой схватки. Целые виды травоядных животных отличаются преобладанием меланхолических свойств, не способны драться с хищниками. Слова «чуткость», «робость», «застенчивость» весьма подходят к белке, косуле, но не подходят к волку, льву. Кстати, когда говорят, что какой-то человек похож на какое-то животное, то имеют в виду некоторую похожесть именно определенных душевных качеств, сказывающихся, например, в повадках злого волка или пугливо-добродушного оленя.

Наконец, в-третьих, у животных, основательно общающихся между собой, живущих вместе (бобры, дикие козы), разнообразие взаимно нужных «дел» (например, «дело» вожака) основывается на разнообразии нравов.

Несравненно ярко видится это, конечно, в человеческом обществе. Так, человек сангвинического склада часто способен сделаться хорошим слесарем или космонавтом, поскольку отличается быстрой, трезвой реакцией на неожиданности, точностью движений рук. Даже во врачебной среде некто при всем старании не может сделаться хорошим хирургом с тонко послушными руками, но становится известным психиатром, способным тонко выяснить и понять душевную сложность. Точно так же один биолог в силу своего душевного склада больше интересуется насекомыми, а другой — ботаникой.

На этом полезном сотрудничестве людей с разными врожденными способностями и стоит человеческое общество.

Люди с меланхолическим (психастеническим) душевным рисунком рядом с робостью, тревожностью, нерешительностью отличаются нередко аналитически-сомневающимся умом, способны иногда к крупным открытиям в науке и в искусстве, как это сказалось на примере Дарвина, Чехова, Павлова.

Неуверенность со склонностью к аналитическому сомнению, творящая нередко открытие, духовная глубина тревожно-сомнеющихся людей есть такие же личностные свойства, как их робость, застенчивость, некоторая инертность мышления.

В кропотливом сомневающемся размышлении, в чуткой беспощадной к себе совести состоит сила благородного великого психастенического (меланхолического) человека, обычно в то же время мало способного к спортивным состязаниям и точной,

сложной работе руками из-за некоторой врожденной двигательной неловкости (слабая «животная половина»). Меланхолические, «слабые» животные, жестоко страдающие от хищника, ущемляемые «сильными» своей же породы, есть прообразы меланхолических людей, весьма уважаемых за их стеснительность, совестьливость, деликатность, а порою и за незаурядное духовное творчество.

Еще один важный вопрос: почему в разных странах и в разное время преобладают, становятся характерными для данного времени и страны определенные личностные типы людей, в том числе и психопатические?

Конечно, прав Монтескье, полагавший, что национальные душевные особенности обусловлены климатом, размером жизненной территории. «В южных странах, — писал он в «Персидских письмах» (1956), — организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая непрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана со множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне и вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямодушия».

Но правда — и в исторических, экономических законах развития общества. В силу исторической необходимости возникает потребность в преобладании в данное время, в данном месте людей определенного душевного склада, в том числе и психопатического. Что же касается неумолимой, не зависящей от наших желаний, доступной лишь нашему исследованию исторической объективной необходимости, то это особая сложнейшая философская тема. Это уже не моя область.

Чем серьезнее, глубже всматриваешься в человеческие характеры, тем больше убеждаешься в том, что все они нужны и каждый более других способен на свои какие-то дела. И прекрасно, что каждый из нас нужен преимущественно в каком-то своем деле.

Все необходимо единому организму человечества, человеческому обществу — и аутистическое мышление шизотимно-

го математика, и практическая смекалка сангвинического мастера с его точными и тонкими движениями рук, и пунктуальность эпитимного бухгалтера, и сомневающаяся аналитическая въедливость психастенического естествоиспытателя.

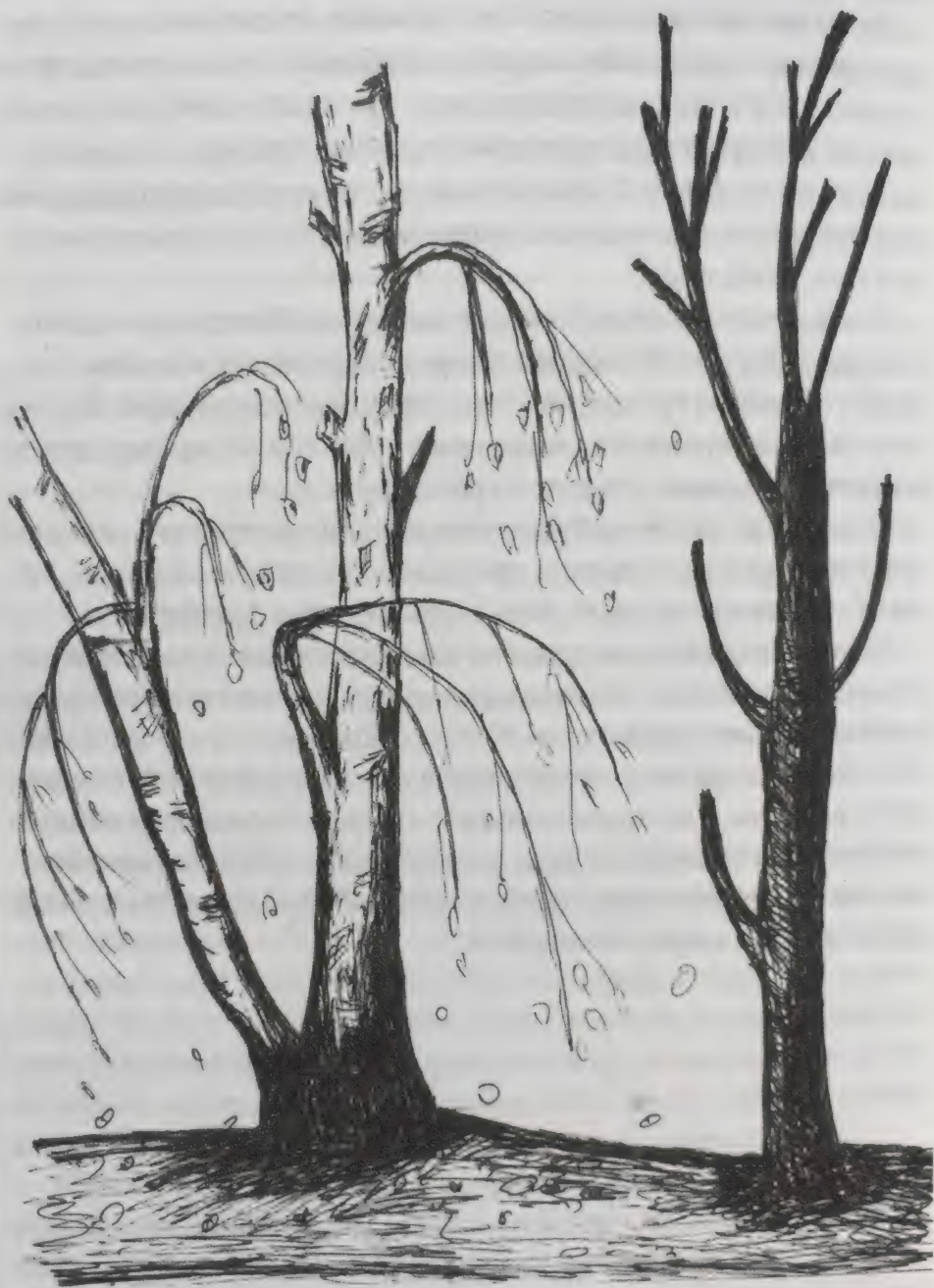
Было бы неточно сказать и о разных психопатах, и об акцентуантах — здоровых людях с подобными психопатическим характерологическими рисунками, что одни люди предрасположены к искусствам, другие — к наукам, третьи — к практическому мастерству. Тут все сложнее: внутри каждого душевного рисунка есть свои разновидности с разными склонностями и способностями.

Мы знаем, например, психастенических писателей, поэтов, ученых, рабочих. Но любое творчество психастеников проникнуто земным тревожно-сомневающимся анализом. К примеру, психастеническая поэзия не эстетски-отстраненная, а реалистически-земная, часто гражданская.

Возможно, когда-нибудь работа какой-то страны или всего человечества будет научно организована так, что каждый человек станет делать дело, к которому особенно способен.

Итак, психопат, подчеркну в заключение, есть нездоровый человек, и, пожалуй, главная помощь ему — помочь найти творческую, любимую работу сообразно характеру, в которой возможно себя выразить с пользой для людей. Важно найти такое место в жизни, в котором твои творческие способности пойдут в общее дело человечества, и одновременно этим оживлением, расцветом творческих способностей в общественно-полезном деле психопат серьезно лечится.

М.Е. Бурно

Шизофрени
 расщепляю
 ющаяся прех
 наруживает
 мах: от срав
 даже с возм
 зифрения, о
 шая, или ма
 большого ра
 ры предпола
 лезней.

Еще Ган
 что сама жи
 ка», может
 стливое для
 чит его. Нап
 верженной
 (работая та
 болезненнь
 но для себя
 способы по
 терапия, те
 пациенту в
 ный творче
 собствен
 особенност
 В Межд
 смотра (19
 шизофрени
 ями: «шизо
 (бодерлино

5. Шизофрения

Шизофрения (схизофрения, от греч. *schizo* — раскалываю, расщепляю и *phren* — ум, мысль, душа) — болезнь, проявляющаяся прежде всего в особой душевной разлаженности. Обнаруживает себя, как и многие болезни, в разнообразных формах: от сравнительно редких токсически-злокачественных, даже с возможным смертельным исходом (фебрильная шизофрения, от лат. *febris* — лихорадка), до мягких (вялотекущая, или малопрогредиентная, мягкая шизофрения). Из-за большого разнообразия форм с давних пор некоторые авторы предполагают, что шизофрения — это группа разных болезней.

Еще Ганнушкин (1933) и Э. Кречмер (1934) отметили, что сама жизнь, сложившаяся вокруг «мягкого шизофреника», может выявлять или не выявлять его расстройства. Счастливые для больного жизненные поприща, в сущности, лечат его. Например, в живописном творчестве или в самоотверженной и одухотворенной заботе о животных зоопарка (работая там с утра до ночи) такой человек именно своими болезненными особенностями с пользой для людей и целено для себя утверждает себя в обществе. Поэтому некоторые способы психотерапии шизофрении (например, трудовая терапия, терапия творчеством) основываются на том, что пациенту в процессе лечения помогают войти в определенный творческий или достаточно «механический», но тоже общественно-полезный образ жизни, соответствующий его особенностям.

В Международной классификации болезней 10-го пересмотра (1992) диагноз малопрогредиентной (вялотекущей) шизофрении заменен другими диагностическими обозначениями: «шизотипическое расстройство», отчасти «пограничный (бодерлиновый) тип расстройства зрелой личности» и др.

История клинического изучения шизофрении

В 1911 году швейцарский психиатр Эуген Блейлер в книге «Раннее слабоумие, или Группа шизофрений» классически подробно описал основное психопатологическое расстройство, которое наличествует у всякого больного шизофренией независимо от формы и давности болезни. Это расстройство — схизис (греч. *schisis* — раскалывание, расщепление) — есть сосуществование у больного противоположных, взаимоисключающих, с точки зрения здравого смысла, душевных движений (мыслительных, эмоциональных, волевых, психомоторных); при этом человек не в состоянии ясно понять несовместимость своих противоречий, особенно мыслительных. Схизис и создает у психиатра клиническое впечатление душевной разлаженности-беспомощности пациента.

Слово «схизис» (его произносят и как «шизис») Блейлер использовал для названия этой болезни, которую еще называют «болезнью Блейлера». Все остальное, кроме схизиса, в шизофрении (схизофрении), по Блейлеру, вторично, например, возможные в зависимости от формы болезни галлюцинаторные, бредовые, депрессивные, маниакальные, кататонические, неврозоподобные, психопатоподобные расстройства, нарушения сознания и др. Впрочем, все эти расстройства также проникнуты схизисом. Так, вялость-усталость может соединяться с напряженностью-страхом, тягостная тоскливость — с подъемом в душе, многоговoreнием.

Немецкий психиатр феноменологического направления Курт Шнейдер (1931) полагал, что уверенная диагностика шизофрении возможна лишь тогда, когда имеются все описанные им симптомы шизофрении первого ранга и нет признаков органического поражения мозга. Симптомы первого ранга — это звучание собственных мыслей, слуховые галлюцинации противоположного своим мыслям содержания, телесные галлюцинации, комментирующие голоса, переживания воздействия извне на мысли, чувства, поступки, переживания открытости мыслей и обрывы мыслей, бредовые восприятия (когда больной по-бредовому воспринимает реальное, то, что есть на самом деле). Таким образом, Шнейдер суживает диаг-

ноз шизофрении до картины душевного (психического) автоматизма.

Тонкие описания личностных шизофренических расстройств были сделаны немецким психиатром Гансом Груле и австрийским психиатром Йозефом Берце. Утвердившаяся в России классификация форм шизофрении в зависимости от ее течения разработана российским психиатром Андреем Владимировичем Снежневским и его школой.

Клинические картины и типы течения шизофрении

Многими авторами описано немало смешивающихся друг с другом клинических картин шизофрении: гебефреническая, ипохондрическая, кататоническая, аффективная, параноидная и т. д.

По А.В. Снежневскому, шизофрения может быть непрерывно прогрессивной (прогрессирующей), приступообразной, приступообразно-прогрессивной (шубообразной, от нем. *Schub* — сдвиг).

Однако при самой неблагоприятно протекающей шизофрении у больного нет полной душевной опустошенности, как в случае органического слабоумия. Даже при так называемом шизофреническом слабоумии в душевной пустоте обычно обнаруживают духовные тонкости, несмотря на то, что больной внешне может выглядеть тупым и безучастным. Конечно, при злокачественно текущей, опустошающей душу шизофрении творческая (в широком смысле) жизнь духовно сложных больных затрудняется, но не исключается совсем, как у слабоумных «органиков», а приобретает иные, порою по-своему глубокие, таинственные формы, как, например, у Гельдерлина, Батюшкова, Гоголя.

Многие больные со сложной душевной жизнью предрасположены к уникальному научному и художественному творчеству, в котором расщепленность (схизис) выступает как некая творческая способность, раскалывающая мир на перемешивающиеся между собой части, открывая их со всех сторон и удивляя сложной, волшебной глубиной жизни по ту сторону здравого смысла (Витгенштейн, Дали, Чюрленис, Пи-

кассо, Филонов, Хлебников). Это не означает, что все больные шизофренией — одаренные люди. Но и те из них, кто утверждает себя в жизни лишь изготовлением конвертов и коробочек, нередко несут в себе удивительные своей необычностью и тайным благородством размышления и переживания.

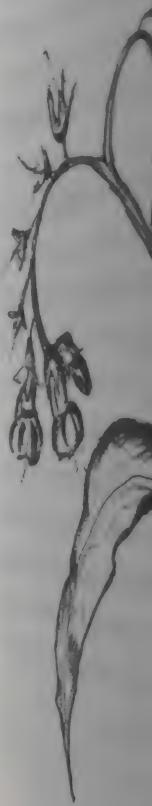
Распространенность шизофрении и ее природа

Больных шизофренией в мире — около 1% населения (Тиганов, 1999, с. 411).

Шизофрения — конституционально-генетически обусловленная болезнь. Тип ее наследования до сих пор не выяснен, видимо, прежде всего по причине широкой клинической и генетической неоднородности форм шизофрении. Будучи патологическим процессом, более или менее качественно изменяющим, переслаивающим личность, шизофрения тем не менее не имеет патологической анатомии в принятом смысле. Не удастся обнаружить вообще каких-либо специфических биологических расстройств, то есть расстройств, имеющих место только при шизофрении.

Факты удивительных предсмертных ремиссий у пожилых слабоумно-шизофренических больных ярко подтверждают функциональность (обратимость) шизофренического процесса и вдохновляют врачей на поиски новых лекарств и на углубление психотерапевтической работы с этими пациентами в надежде и средствами души врача воздействовать на их биологию. Этой загадочной функциональностью объясняется и возникновение не только клинических (естественно-научных), но и психологических (в широком смысле) концепций происхождения шизофрении. Так, создатель психоанализа Зигмунд Фрейд (1917) полагал, что при шизофрении половое влечение нарциссически обращается лишь на собственное «Я», чем объясняется бред величия и то, что шизофреник не нуждается в общении с людьми.

Один из основоположников феноменологической психиатрии Карл Ясперс, потрясенный таинственной продуктивностью шизофренической жизни, полагая, что не способен по-

О характерах людей

нять ее «целостность», рассматривал шизофрению как особую форму существования личности. Основатель антипсихиатрии шотландский психиатр Рональд Лэнг (1995) считал, что для больного шизофренией транквилизаторы — те же «засовы Бедлама», но перенесенные «уже вовнутрь самого пациента».

Лечение

Зависит от формы и течения болезни. Там, где наличествуют достаточно острые психотические расстройства (бред, галлюцинации, тяжелая депрессия и т. д.), невозможно сегодня, с точки зрения клинического психиатра, обойтись без серьезной терапии психотропными средствами.

В особо тяжелых случаях — лечение инсулиновыми шоками, электросудорожная терапия.

Если у больного нет острых психотических расстройств и есть тягостное переживание своей неполноценности, на первый план выходит клинико-психотерапевтическое вмешательство: особый, целебный личностно-эмоциональный контакт с врачом, активирующая терапия, гипнотерапия, когнитивно-поведенческие приемы, Терапия творческим самовыражением с поиском своего целебно-вдохновенного творческого пути.

В последние годы в России применяются и для лечения шизофрении разработанные на Западе методы психоанализа и экзистенциально-гуманистической психотерапии.

6. Дефензивные люди и Терапия творческим самовыражением

Терапия творческим самовыражением (ТТС) — психотерапевтический (психопрофилактический) метод, способный серьезно помочь прежде всего дефензивным людям (людям с тягостным переживанием своей неполноценности). Этим методом могут овладеть, как показала жизнь, не только врачи-психотерапевты, но и психотерапевты с не-врачебным образованием — овладеть по-своему, то есть со своими особенностями. Однако это возможно лишь тогда, когда психотерапевт, во-первых, способен искренне сочувствовать людям, переживающим свою неполноценность; во-вторых, испытывает живой интерес к духовной культуре, и в-третьих, стремится помочь человеку выразить себя целебно-творчески сообразно его природе.

В этом разделе изложены самые начала, элементы метода — даже, точнее, его аромат, который необходимо уловить для последующего более углубленного изучения ТТС по другим работам, к примеру, указанным в тексте, а также на специальных лекциях, семинарах и в психотерапевтической мастерской.

О существе Терапии творческим самовыражением (ТТС)

Расскажу прежде всего о том, как могут помочь себе сами люди с разнообразными дефензивными душевными трудностями, описанными в других местах книги. Эти трудности есть расстройства настроения с нерешительностью, ранимостью, стеснительностью, тревожностью, страхами, навязчивостями

ми, болезненными сомнениями, мнительностью, сверхценностями, ипохондриями и т. п. Часто все это не есть патология и, значит, нет необходимости лечиться у врача. Но необходимость эта может возникнуть, если внутренние болезнетворные причины или пагубные обстоятельства жизни продолжают свою работу и если душевной самопомощью не предупреждается становление патологического расстройства, болезни.

Нередко дефензивно-напряженные люди смягчают себя курением, вином, наркотиками, самовольно-беспорядочно принимают успокоительные или возбуждающие лекарства. Все это, приглушая напряженность, «поджигая» вялость, немало вредит организму.

Здесь речь пойдет о безопасных психотерапевтических приемах борьбы с расстройствами настроения, к которым возможно прибегнуть и не обращаясь к врачу. Это самопомощь культурными, духовными ценностями, творческим самовыражением.

Приемы традиционного элементарного самовнушения (которыми уже овладели с психопрофилактической пользой многие люди) давно вышли в жизнь, за стены медицинских учреждений, из специального психотерапевтического направления «Методы психотерапевтической тренировки (психической саморегуляции)». Так и приемы, о которых будет рассказано здесь, вышли из психотерапевтического направления «Терапия духовной культурой». Существо психотерапевтического механизма, лежащего в основе этого направления, есть творческое вдохновение, целебно просветляющее душу, смягчающее напряженность ощущением-осознанием своих духовных особенностей, богатств, постижением смысла своей жизни. Психотерапевтическое воздействие такого рода психиатр-психотерапевт Владимир Евгеньевич Рожнов (1985) называет «эмоционально-стрессовым» в широком смысле, в смысле «возвышающей» человека благотворной душевной взволнованности.

В выражении «эмоционально-стрессовое психотерапевтическое воздействие» может смутить слово «стресс». Его не стоит бояться. Это только в житейских разговорах устоялось однокоренное представление, будто стресс — всегда вредоносный

6. Дефензивные
удар по челове
Селье в свое
на эту однобо
человек «испы
ный стресс, и
го температу
ра, то есть жа
мое свойство
защитно-прис
ный эмоциона
вредоносным

Селье сове
шевный подде
жил в этом со
хотворенные
тения садовни

Эмоциона
ствие биологи
работе эмоци
в зависимость
расстройств,
жение жизни
данно найденн
вызывать.

Термин «ст
го дела биоло
эмоционально
гическая ось (С
ников) с выхо
«эликсира жи
вмешательств
рый влюблен
смерть больни
онально-стрес
солдатом, хра
лот без всяки

⁷⁹ Жаль, что
такое целебное

удар по человеку. Автор классического учения о стрессе Ганс Селье в своей книге «Стресс без дистресса» (М., 1979) сетует на эту однобокость: «В обиходной речи, когда говорят, что человек «испытывает стресс», обычно имеют в виду чрезмерный стресс, или *дистресс*, подобно тому, как выражение «у него температура» означает, что у него повышенная температура, то есть жар. Обычная же теплопродукция — неотъемлемое свойство жизни». Также и эмоциональный стресс — защитно-приспособительный подъем жизненных сил, вызванный эмоциональными воздействиями, — может быть острым, вредоносным и целебно-мягким.

Селье советует всякому человеку приобрести стойкий душевный подъем, насладительный стресс жизни. Он и сам прожил в этом состоянии долгую жизнь. Так нередко живут одухотворенные художники, артисты, ученые, влюбленные в растения садовники.

Эмоционально-стрессовое психотерапевтическое воздействие биологически основывается на благотворной лечебной работе эмоционального стресса. У разных людей по-разному, в зависимости от душевного и телесного склада и характера расстройств, формируется это целительное волнение-напряжение жизненных сил, и, стало быть, разными, иногда неожиданно найденными, тонко-поэтическими, способами удается его вызывать.

Термин «стресс» вносит в понимание психотерапевтического дела биологический «подтекст», подчеркивает воздействие эмоционального напряжения на весь организм: работает биологическая ось Селье (гипоталамус — гипофиз — кора надпочечников) с выходом в кровь «лекарств организма», внутреннего «эликсира жизни». Без специального психотерапевтического вмешательства это происходит, например, с человеком, который влюбленностью исцеляется от недуга; с обреченным на смерть больным, который не умирает, пока в состоянии эмоционально-стрессовой⁷⁹ увлеченности не допишет свою книгу; с солдатом, храбро защищающим Родину в сырости и холоде болот без всяких простуд мирной жизни.

⁷⁹ Жаль, что все же не приживается в мире, в общественном сознании, такое целебное (не разрушительное) понимание слова «стресс».

Терапевт Александр Иванович Яроцкий еще до того, как сложилось классическое учение о стрессе (50-е годы XX века) писал, в сущности, об этом же в книге «Идеализм как физиологический фактор» (Юрьев, 1908). Он понимал тут под «идеализмом» не философское направление, а охваченность идеалами, душевную приподнятость, мощно усиливающую сопротивляемость организма в отношении физических болезней.

С давних пор целители применяли различные лечебные приемы, поднимающие душу и, значит, тонус жизни (например, лечение музыкой, театральными представлениями в античные времена).

В 1887 г. в Казани, в заседании Общества врачей выступил акушер-гинеколог Иван Моисеевич Львов с речью: «Душевные волнения как причина болезней и как терапевтическое средство». Он говорил, что заболевший серьезной внутренней болезнью человек должен быть захвачен какими-то интересными, веселыми делами, занятиями, хорошо бы ему иметь «хорошенький домик», где он был бы окружен заботливым теплом близких, — и тогда он скорее поправится.

О терапии творческой взволнованностью немало сказано и в художественной литературе, и в письмах писателей. Так, Чехов писал Суворину (18 августа 1893 года), что отдал Черткову «Палату № 6», «потому что перед весной и весной <...> находился в таком настроении, что <...> было все равно». И дальше: «Если бы он стал просить все мои произведения, то я отдал бы, и если бы он пригласил меня на виселицу, то я пошел бы. Этакое безличное и безвольное состояние держит меня иногда по целым месяцам. Этим отчасти и объясняется весь строй моей жизни». От расстройств настроения Чехов спасался прежде всего творчеством, творя, высвечивая в рассказах, повестях, пьесах свою индивидуальность и отодвигая, устраняя таким образом «безличное и безвольное состояние». Жалуясь Суворину на множество непрошенных гостей в Мелихове (8 декабря 1893 года), Чехов тревожился: «А мне надо писать, писать и спешить на почтовых, так как для меня не писать значит жить в долг и хандрить».

Терапия творческим самовыражением (с осознанностью своей общественной пользы, с возникновением на

этой основе стойкого светлого мироощущения) есть разработанный мною и моими последователями специальный метод из области «Терапия духовной культурой». Существо метода — в лечебном доступном преподавании дефензивным людям элементов клинической психиатрии, характерологии, психотерапии, естествознания в процессе разнообразного творчества. Цель — обрести *свое* целительное творческое вдохновение, сообразное своей природе, *свой* смысл.

Уясняя свои душевные, характерологические особенности в общении с творчеством больше или меньше созвучных ему по складу души, переживаниям известных творцов, товарищей по психотерапевтической группе, в общении с собственными творческими произведениями, в творческом общении с природой, при проникновенно-творческом погружении в прошлое, страдающий человек, постигая эти свои особенности (характерологические, депрессивные, невротические и т. д.), старается обрести свое, сообразное этим своим особенностям, творческое самовыражение-вдохновение, свой путь, свою цель — под руководством психотерапевта. Здесь важен опыт талантливых, гениальных творцов (обычно страдающих и стихийно, каждый по-своему, помогающих себе творчеством).

Когда человек совершает что-то *творчески*, то есть по-своему и во имя добра (ибо творчество есть созидание — в противовес разрушению), то оживляется его душевная-духовная особенность-индивидуальность, отступает тягостная тревожно-депрессивная каша-неопределенность в душе, и это неизменно сопровождается светлым подъемом (творческим вдохновением), в котором живут Любовь (в самом широком смысле, в том числе — мягкое, доброжелательное отношение к людям с поиском хорошего, доброго вокруг), и Смысл (зачем я? куда иду? откуда? во имя чего живу?). Биологическая основа такого подъема есть эмоциональный стресс в понимании Селье (защитно-приспособительный выплеск в кровь собственных благотворных, поэтически, философски «пьянящих» лекарств).

Психотерапевтическая помощь такого рода может быть временной, эпизодической, но **идеал** Терапии творческим самовыражением — воспитать в себе целебно-творческий стиль жизни и проникнуться им, то есть испытывать *постоянно*

(обычно это возможно после нескольких лет лечебных занятий) более или менее выраженное творческое вдохновение.

ТТС может помогать и своими «крохами» даже тяжелым больным, получающим лекарственное лечение, выживать с обретенным «солнышком» в душе, но, конечно, помощь несравненно значительнее в случае лечения не самостоятельного, а у психотерапевта.

Составные части ТТС (при лечении у специалиста) — изучение работ о ТТС для пациентов, индивидуальные творческие беседы с психотерапевтом, творческие домашние задания, группы творческого самовыражения в уютной психотерапевтической гостиной (с чаем, музыкой, свечами, слайдами и т. п.), психотерапевтический театр как особая группа творческого самовыражения исполнительским творчеством. Благодаря всему этому пациенты в течение 2–5 лет⁸⁰ учатся выражать себя творчески (в том числе и в своем профессиональном деле), сообразно своим особенностям, утверждаясь в «силе своей слабости».

I этап лечения:

1) *самопознание* («познай самого себя» — «*nosce te ipsum*», лат.) — изучение собственных болезненных расстройств, своего характера; 2) *познание других человеческих характеров, нарушений настроения* («каждому свое» — «*sui et sui que*», лат.) — занятия по типологии характеров; изучение душевных расстройств.

II этап лечения:

продолжение познания себя и других в творческом самовыражении («обретает силы в движении» — «*vires que acquiriteundo*», лат.), с осознанностью своей общественной

⁸⁰ В настоящее время автором и его сотрудниками разработаны и краткие, концентрированные варианты ТТС (до нескольких недель, месяцев). Не вхожу здесь в профессиональные, методические подробности дела. Эти подробности см. прежде всего в работах: Бурно М.Е. (1989, 1990, 1999, 2000а, б), Е.А. Добролюбовой (1997), Н.Л. Зуйковой (1998), Т.Е. Гоголевич (1998), С.В. Некрасовой (1999), Л.В. Махновской (2000), Е.С. Журовой (2000), О.В. Спиридонова (2000), В.В. Васильева (2001), Е.С. Манюковой (2003). См. также: «Практическое руководство по терапии творческим самовыражением» (2003). О внелечебном применении ТТС см. и в разделе 6 (в работе «Душа России» и профилактика душевного здоровья»).

пользы, с возникновением на этой основе стойкого светлого мироощущения — при помощи конкретных методик. Эти конкретные методики таковы: 1) терапия созданием творческих произведений; 2) творческим общением с природой; 3) творческим общением с литературой, искусством, наукой; 4) творческим коллекционированием; 5) проникновенно-творческим погружением в прошлое; 6) ведением дневников и записных книжек; 7) перепиской с психотерапевтом; 8) творческими путешествиями; 9) творческим поиском одухотворенности в повседневном; 10) исполнительским творчеством.

Описал здесь кратко существо ТТС и для того, чтобы, особенно в легких случаях, возможно было применять для самопомощи какие-то элементы этого метода.

Итак, существо творчества в *своем*, индивидуальном, а значит, всегда новом, свежем взгляде на вещи, в самобытном отношении ко всему в жизни.

Художественное отношение к жизни, в отличие от научного, обнаруживает не только особенность мышления-суждения, но и свое личностное, индивидуальное *переживание* по поводу каких-то событий, отношений с людьми, с природой. В этом смысле не только стихотворение или акварельный пейзаж, но и всякий творческий фотографический снимок или слайд есть автопортрет автора. Пришвин писал: «Пейзажем называется совокупность животных, растений, камней и всяких других составных частей природы, отнесенных к личности человека» (Пришвин М. Незабудки. М.: Художественная литература, 1969. С. 84).

То есть выразить себя творчески — это выразить *свое отношение*, например, к природе, к строительству дома, выразить себя в работе учителя и ветеринара, плотника и коммерсанта; в письме знакомому, в очерке, в беседе с человеком, в записной книжке, в чтении чеховского рассказа. Творчество проясняет, очерчивает, строит и утверждает личность автора. Человек с расстройствами настроения, как уже отмечено, в процессе творчества обретает себя, свою определенность, выбираясь из душевной разлаженности, болезненной растерянности, тревоги-неопределенности.

Как полагает в своей книге «Мозг, психика, здоровье» (М., 1972) автор концепции вероятностного прогнозирования

Иосиф Моисеевич Фейгенберг, эмоциональная напряженность, тревога обусловлены не столько самой ситуацией опасности, сколько «неопределенностью дальнейшего развития событий», при которой человек, готовый к разнообразным действиям, не знает еще, какие именно действия понадобятся⁸¹. Творчество вносит в смятенную, аморфную душу известную определенность (в том числе, если не прежде всего, определенность прогноза), практически выражающуюся хотя бы в осознании того, кто есть я, чего стою, что умею, что должен делать в жизни и в какой обстановке, что, вероятнее всего, буду чувствовать и как буду поступать.

Человек творящий невольно и постоянно ищет для своего творчества, для преломления в своей самобытности, материал всюду вокруг себя и в своих переживаниях тоже, даже в горе. И потому он, с помощью записной книжки, фотоаппарата и т. д., защищен надежнее, нежели человек страдающий, но *нетворческий*.

В уютной лечебной группе с чаем, музыкой, свечами пациент узнает о своих болезненных расстройствах и о том, как их возможно смягчать, узнает о разных человеческих характерах, общаясь с другими пациентами группы, вглядываясь в иные болезненные расстройства и характерологические структуры, в иные, так сказать, «стили жизни», изучая их вместе с психотерапевтом. Пациент в процессе серьезной (при всей ее внешней праздничности) работы учится понимать, чувствовать в этой камерной лаборатории жизни, кто чем силен и слаб, в чем «сила слабости» и *защита* даже тягостных симптомов, что есть для него истинные ценности, как с кем вести себя для обоюдного блага, как щадить ранимость людей, как рассмотреть в людях хорошее, как даже скверные желания, преобразив, направить к добру.

Познавая людей в живом общении и через предметы их творчества (слайды, рассказы и т. д.), узнаешь глубже себя самого со своими способностями, особенностями, недостатками, дабы ярче себя применить для общественной пользы, проникнуться светлым мироощущением.

⁸¹ Тревожный человек почти постоянно испытывает это чувство «неопределенности дальнейшего развития событий» (с уклоном в ожидание беды).

Целебное оживление творческих способностей, сил человека, думается, есть самое жизненное и, порою единственно серьезное, помогающее страдающему, психотерапевтическое вмешательство, хотя для несведущего человека это вроде бы совсем и не медицина.

Психотерапевт, врачующий в подобном духе, по необходимости есть «научный художник». Холодными и горячими внушениями, самовнушениями, разъяснениями, наставлениями во многих случаях невозможно помочь пациенту понять и почувствовать, как и что ему делать для смягчения тягостной напряженности. В процессе Терапии творческим самовыражением психотерапевт вынужден побуждать к творчеству пациентов, людей с душевными трудностями, в том числе и собственным творческим переживанием. Этим объясняется необычная для других медицинских работ, но насущная здесь научная художественность психотерапевтического воздействия, изложения, в том числе в психотерапевтических рассказах, пьесах.

Противопоказанием к ТТС с группой творческого самовыражения в праздничной обстановке является прежде всего острая депрессия со стремлением к самоубийству. В психотерапевтической гостининой такой тяжелый больной может почувствовать себя еще более несчастным и негодным для жизни.

ТТС — иное, нежели такие известные из области «Терапия духовной культурой» методы, направления, как «Арт-терапия», «Терапия увлеченностью», «Терапия творчеством», «Музыкотерапия», «Библиотерапия» (терапия книгой), «Ландшафтотерапия» и т. д. Многие психотерапевты заняты терапией духовной культурой, творчеством⁸², но лишь немногие работают в

⁸² Выходят художественные альбомы, книги с целебным творчеством психотерапевтов и пациентов. Отмечу здесь и некоторые издания такого рода, выпущенные Издательством Российского общества медиков-литераторов, из нашей кафедральной психотерапевтической амбулатории. Это: Соколов А.С. Крюковское озеро (Вместо лекарств). М.: РОМЛ, 1993. 28 с.; *Неспокойный Е.* Записи поэта к шедеврам живописцев прошлого. М.: РОМЛ, 1993. 20 с.; *Болящий дух* врачует песнопенье / Сост. М.Е. Бурно, А.С. Соколов. М.: РОМЛ, 1993. 40 с.; *Целебное творчество (Стихи и рассказы)* / Сост. М.Е. Бурно, А.С. Соколов. М.: РОМЛ, 1994. 44 с.; *Цикорий (Стихи, рассказы, сказки, очерки для детей)* / Сост. М.Е. Бурно, Л.В. Демьянчик, А.С. Соколов. М.: РОМЛ, 1995. 46 с. Из

духе нашей отечественной клинической традиции, то есть достаточно подробно, проникновенно отправляясь от клинической картины душевного страдания, личностного своеобразия пациентов, дабы лечебно-направленно способствовать самозащитным природным силам пациента, содержательно начертанным картине болезни.

Психотерапевт помогает себе и своим пациентам проникнуться убежденностью в том, что каждый человек (здоровый или больной) ограничен и одновременно силен своими особенностями, что для каждого — *свое*, лишь бы преобладало доброе, нравственное начало.

Мы не должны никому никогда прощать аморальность, цинизм, откровенное хамство, но должны быть сдержанно-снисходительны, по-доброму внимательны к человеческим слабостям, юношеской неопытности, неразвитым вкусам. Важно понимать, что и в большом, и в малом, особенно в наше время насыщенности мира смертоносным оружием, высшая ценность — это ценность нравственная. Она и должна быть точкой отсчета.

Духовно-радостно бывает познать, прочувствовать, что человек, не согласный с тобой, не похожий на тебя, по-своему прав, и эта его правда может добром служить людям.

Итак, Терапия творческим самовыражением серьезно соотносится с особенностями клинической картины и характера страдающего человека.

Не входя здесь в характерологические подробности (см. раздел 1), напомним две полярные характерологические структуры — *авторитарную* (авторитарно-агрессивную) и *дефензивную* (пассивно-оборонительную), свойственную так назы-

группы творческого самовыражения моей московской ученицы Е.А. Добролюбовой вышла книжка «Но я живу, и на земли мое кому-нибудь любезно бытие...» / Сост. А. Добролюбова. М.: РОМЛ, 1993. 72 с. Последние сборники целебного творчества пациентов и психотерапевтов: Кипрей (Стихи, рассказы, очерки) / Сост. М.Е. Бурно, А.С. Соколов. М.: РОМЛ, 2000. 72 с.; Поздняя купавка (Стихи, рассказы, очерки) / Сост. М.Е. Бурно, А.С. Соколов. М.: РОМЛ, 2001. 45 с.; Оттепель (Стихи, рассказы, очерки) / Сост. М.Е. Бурно, А.С. Соколов. М.: РОМЛ, 2004. 48 с.; Времена года (Стихи, рассказы, очерки) / Сост. М.Е. Бурно, А.С. Соколов. М.: РОМЛ, 2007. 52 с.; А в душе моей падает снег... (Стихи, рассказы, очерки) / Сост. А.А. Бурно, И.В. Гронзова. М.: РОМЛ, 2008. 40 с.

ваемым «слабым» людям (с переживанием своей неполноценности). В этой «слабости» есть своя сила.

Об этом важно поговорить и здесь, поскольку Терапия творческим самовыражением в своем врачебно-квалифицированном виде (для больных людей) и в упрощенно-домашних, профилактических, формах (для здоровых с душевными трудностями), как отмечено выше, особенно помогает дефензивным («слабым»).

Еще о силе слабых

Любовь к детям, родителям, к близким людям, к своему делу и другие формы истинной, духовной, любви имеют общее неотъемлемое свойство-способность — принести себя в жертву ради этой любви.

Это свойство имеет свой прообраз и в жизни животных. И в животном царстве, как известно, мать нередко не жалеет жизни, защищая, спасая своих детей. Но особенно нежной, ласковой, жертвенной заботой друг о друге отличаются животные меланхолического темперамента («слабого типа высшей нервной деятельности» — в павловской физиологической терминологии).

Например, меланхолические кошки и собаки к хозяевам своим привязываются крепче и теплее, нежели животные других темпераментов. Пугливый ласков, привязчив, и в этой незащищенности — своя попытка защиты.

Основная поведенческая реакция меланхолических («слабых») животных в опасности — это пассивно-оборонительная реакция, то есть стремление, поджав хвост, удалиться из неприятной обстановки, тогда как «сильные» животные ведут себя в опасности преимущественно агрессивно — нападают, оскандалившись.

У «слабых» животных обычно плохо, медленно вырабатываются рефлексy, помогающие выжить. «Сильному» животному (холерическому, сангвиническому, даже флегматическому) достаточно бывает один раз увидеть со стороны, как хищник или человек поймал, убил животное того же вида, чтобы в другой раз, завидев врага, спастись или нападать (так называемый «рефлекс зрителей»). Этот «рефлекс зрителей» вяло вы-

рабатывается у меланхоликов, и они гибнут, вымирают иногда целыми видами.

Так погибли в XVIII веке морские коровы Стеллера. Эти крупные морские млекопитающие, длиною до шести метров, громадными стадами мирно паслись под водой у берегов, питаясь морской травой, не выходя на сушу, не уходя далеко от берега. К ним можно было подплывать на лодке, когда они паслись на мелком месте, втыкать в спину между ребрами крюк, привязанный к канату, и вытаскивать животное на берег. При этом, как заметили очевидцы, морские коровы были чрезвычайно друг к другу привязаны. Например, самец следовал за пойманной самкой к берегу, когда ее тянули канатом; старался с нежной беспомощностью освободить ее, хотя его при этом били с лодки; иногда на другой и на третий день сидел над ее мертвым телом.

Исчезли от своего несовершенства морские коровы и многие другие меланхолические животные. Но в процессе эволюции перешел и к человеку «спрятанный» в пассивно-оборонительном реагировании зачаток, прообраз самоотверженной привязанности, любви к ближнему. Особенно глубокой совестливостью и связанной с ней духовной, нравственно-размышляющей углубленностью, звучащей в обыденной жизни, в научном или художественном творчестве, отличаются люди именно меланхолического темперамента (например Дарвин, Павлов, Чехов). Потому и сохраняется в мире пассивно-оборонительная «слабость»: за этой маской врожденной физической неуклюжести и непрактичности кроются тесно с нею связанные задатки весьма уважаемых людьми качеств, которые развиваются, расцветают в общественной жизни — обостренная нравственность, совестливость, деликатность, способность к тонкому анализу, одухотворенному творчеству.

«Слабый» Гамлет слаб в практической (в широком смысле) жизни, не способен, например, к решительной мести убийством (обычной для его современников и соотечественников), потому что это не его удел. Его врожденные способности в другом — в остроумно-ясном, философически-нравственном объяснении людям сложных тайн жизни и смерти. Глубинное, нравственно-аналитическое, ответственное отношение ко всему живому, к таинственно-восхитительному естественному

круговороту жизни и смерти мешает ему просто и сразу убить убийцу своего отца. Очень важно, кстати, «слабому» человеку видеть, понимать в себе тень Гамлета — именно для того, чтобы, зная свою *силу*, по необходимости, быть решительнее, благородно «практичнее» и в своей *слабости* в опасности, защищая добро от зла: невиновного от несправедливости, Родину от врага⁸³.

О некоторых приемах самопомощи⁸⁴ творческим самовыражением

Давно известно, что от расстройств настроения надо попытаться отвлечься работой, увлечениями. Но, по существу, чаще слово «отвлечься» тут не подходит. Терапия творческим самовыражением (в том числе в своих внелечебных профилактических формах) — это не какой-то своеобразный «народный университет», в котором просто следует усвоить определенную сумму знаний. Главное здесь — изучая свой характер среди других характеров, в разнообразных творческих попытках найти созвучное себе, природе своего характера, выразить свое личностное отношение к миру: в общении с искусством, природой, в коллекционировании, в создании предметов творчества и т. д.

Делается это для того, чтобы осознанно строить себя, свою личность, в борьбе с расстройствами настроения. Творчески самовыражаясь во имя общественной пользы, человек проникается светлым мироощущением.

Приемы самопомощи творческим самовыражением возможно попробовать применить к себе человеку с дефензивными трудностями. Если они и не подействуют существенно без лечебного общения с психотерапевтом, без специальной групповой работы в уютной обстановке (в целебном общении, в сравнении себя с другими нервными людьми легче най-

⁸³ См. подробнее о силе слабости в разделе 3.

⁸⁴ Поскольку здесь прежде всего речь идет о душевно здоровых людях с душевными трудностями, вместо термина «терапия» («лечение») пользуюсь более широким — «помощь» («самопомощь»).

ти свои способы самовыражения), то, во всяком случае, — если нет острого душевного заболевания, психоза — они не повредят.

Эти приемы не заглушают, не нивелируют личностное переживание, в противовес некоторым лекарствам и психотерапевтическим методикам в духе «искусства быть другим», а напротив, проясняют индивидуальность творчеством, дабы человек мог опереться на свою духовную особенность, выразить творчески свое переживание и тем смягчить тягостную напряженность-неопределенность.

Описываемые ниже приемы самопомощи творческим самовыражением, переплетаясь между собой, взаимно проникая друг в друга, «привязывают» нервного, вялого человека крепче к живой жизни, одухотворяют его.

1. Самопомощь созданием собственных творческих произведений

Создание собственных творческих произведений способствует высвечиванию личностного склада автора, оживлению индивидуальности. А это, как уже отмечено выше, порождает в душе светлое вдохновение, вытесняя, ослабляя заволакивающие личность расстройства настроения.

Творческое произведение нередко не есть произведение искусства, науки, техники. Истинное произведение искусства, науки, техники служит, в конце концов, человечеству для нравственного, технического, биологического совершенствования. В этом смысле написанная непрофессионалом акварель, снятый фотолюбителем пейзаж, созданное для семейного торжества стихотворение, концерт художественной самодеятельности чаще всего не являются подлинным искусством — но все это может быть подлинным *творчеством*, если несет в себе духовную особенность автора или исполнителей и если эта особенность находит отклик в душах читателей и зрителей (пусть немногих), отзвук во имя человечности, добра.

Создание творческих произведений — это не только писание стихов, рассказов, рисование картин, сочинение музыки. Это вообще все занятия, в процессе которых человек *создает*

что-либо более или менее законченное с ясным отпечатком своей индивидуальности.

Можно по-своему, творчески приготовить кушанье, сшить одежду, связать варежки. Предметом творчества, искусства может быть камень, найденный в горах; понятно, его поэтические формы и переливы цветов сотворены самой Природой, но человек, проходивший мимо него вслед за многими другими людьми, ощутил своей духовной индивидуальностью созвучие с этим камнем, выбрал этот камень из многих других и показал через него *себя* людям. Человек заметил и подобрал в лесу сухой корень, похожий на неуклюжего медвежонка, и тем показал другим людям *свое* отношение к этому корню: как, по-своему, он видит кусок природы. И другие люди испытали чувства, переживания, подобные тем, что испытывал он, глядя на этот корень, выделив его среди всего остального на лесной дорожке.

Нас также должно вдохновлять и то, что целебное создание произведений творчества может в некоторых случаях сделаться созданием истинных произведений искусства.

Если человек с расстройствами настроения не испытывает пока тяги к созданию каких-либо творческих произведений, следует попробовать как бы механически начать с фотографирования в надежде, что проснется стремление делать это *по-своему*.

Как художник отправляется на этюды со своим этюдником, так отправляюсь куда-нибудь с фотоаппаратом. Мой фотоаппарат — любимый мой механизм. Он для меня как живой. Берегу его от ударов, протираю от пыли мягкой фланелью, забочусь, чтобы удобно было ему лежать в фотографической сумке вместе с экспонометром, штативом и другими фотографическими предметами.

Что, в сущности, делаю, когда фотографирую? Стараюсь оставить себе на память то интересное, что видел? — Не это здесь главное для меня. Этак можно, например, путешествуя по каким-то местам, закупить открыток этих мест. Если иногда так делаю, то это другая совсем область моей душевной жизни — область просто знания, памяти. Тут дело вот в чем. Фотоаппаратом ищу всюду *себя* — то, что по-настоящему созвучно *мне, моей* душе. Потому снимаю лишь то, что мне близко.

Я этого не осознавал, конечно, когда в детстве ходил в овраг фотографировать коров. Но теперь смотрю на эти фотографии с коровьими мордами — и вижу в них свое тогдашнее детское послевоенное настроение.

Фотографическое творчество начинается там, где выражаешь *себя*, свое отношение к людям, вещам, природе. Такое выяснение, оживление своей индивидуальности в творчестве дает душевную опору, целебное вдохновение даже в тяжелых болезненных случаях. Право, на что еще можно опереться, когда душевно расстроен, рас-строен, то есть не ощущаешь себя цельного, когда распалась, взбаламутилась душа, превратилась запутанными переживаниями, страхами, навязчивостями, сомнениями в аморфное месиво? На что еще можно в это время так благодатно опереться, как не на свою духовную особенность, выраженную, например, в твоём снимке или слайде?

Смягчение душевной напряженности, успокоение светлым возвращением к себе самому приходит нередко уже во время съемки, когда ищешь с фотоаппаратом созвучное себе и, например, заранее придумываешь и записываешь в книжку название будущего снимка. Например: «В лесу. Собачья петрушка среди недотроги после дождя». Или даже тут же записываешь в книжку маленький очерк к снимку. Успокоение, просветление наступает и при рассматривании своих слайдов или снимков в альбоме.

С., 46 лет, пишет мне⁸⁵, что вот он испытывает «беспредметное возбуждение и волнение, какое бывало перед экзаменами, но в таких размерах, что пахнет психиатрической больницей». И дальше: «Хорошо видно, что отвлечение не помогает. Что ни делаешь — получается просто сложение нагрузок (работа плюс болезнь). Немного печатал снимки — то же самое, но позже по крайней мере один из них (я его посылаю Вам) дал и дает лечебный эффект».

На обратной стороне этого выразительного снимка С. объяснил его содержание: «В эту осень жила у нас под домом кошка с двумя котятами. Прошел уже месяц и она знает, что мое появ-

⁸⁵ Привожу здесь и далее примеры целебного творчества моих пациентов, места из лечебной переписки с пациентами (с их разрешения).

ление означает вкусную еду и ничем ей не грозит, но близко не подходит, вообще не подходит. И вот я спрашиваю, в чем причина, а она отвечает, что таков характер...»

Творческая фотография — это вдохновенное творчество выбора (без пера, без кисти). Не расскажет, не объяснит творец толково, почему именно вот так повернул фотоаппарат, почему захватил в кадр то, а не это, откуда взялась мягкость, нежность в листьях. Он только может сказать, что не был равнодушен к тому, что снимал. А у нас впечатление, будто он, художник-светописец, какой-то своей особой душевной «энергией» осветил, одухотворил пленку и снимок.

Итак, когда снимаешь с лечебной целью, при всей необходимости элементарной фотографической грамоты, важно прежде всего предаться своему вдохновению от созвучия с тем, что снимаешь, и «писать» это вдохновение на пленке, как поэт пишет стихотворение, а композитор музыку.

Есть еще у фотографии особенное свойство, которого нет у других видов творчества. Смотришь на старую фотографию и понимаешь: Боже мой, ведь все это, действительно, так точно и было! И эта трава с этими цветками росли в прошлом веке. И такие платья носили женщины. В такие игрушки играли дети.

Фотоаппарат не способен выдумывать, в отличие от карандаша и кисти. Он только выбирает, высвечивает.

Вовсе не думаю, что я фотографический художник, что достоин, например, участвовать в настоящих, не любительских выставках художественной фотографии. Да и технически мои снимки несовершенны. Но тут дело в другом. Для меня важно, что у меня есть некая душевная особенность и я выразил, целебно укрепил ее в себе — в том числе и фотографией, которой предаюсь с детства, с тех пор, как родители купили мне фотоаппарат.

Подобно многим, ощущаю по временам в напряженной суете жизни тягостное ускользание своей индивидуальности, отчужденность от себя самого, ходульность-стандартность своего мышления и чувствования. Неприятно терять себя даже в усталости. И тогда возвращаюсь к себе, к свойственным мне живым радостям, переживаниям, очерчивая-подчеркивая соб-

ственную душевную особенность, например, съемкой или обещением с моими, по-своему сделанными, снимками в альбомах. В моих занятиях фотографией с меня довольно того, что могу снять *по-своему* и что это важно, дорого созвучным мне духовно людям. А кому мои снимки-переживания не интересны — Бог с ним, я ищу и буду, пока живу, искать близких мне переживаниями людей.

Самое высокое в человеке — его творчество, то есть выражение себя в своем деле, не бездуховно-трафаретная работа, а работа *по-своему*, с душой.

Качество творческой профессиональной работы тем выше, чем сильнее выражена в ней личностная особенность работника. Но если даже не повезло человеку в том смысле, что не лежит душа к «приевшемуся» профессиональному делу, в котором трудно и не хочется себя выражать, а поменять дело уж и поздно, и страшно, словом, делается это дело механически (хотя и от этого есть кому-то польза), — то остается стремиться к творческому самовыражению на досуге. Иначе как жить в возникшей аморфной душевной напряженности или суе-матее? Не глушить же туманно-тягостную безликость вином, обжорством, возбуждающими фантазии ядами, поиском отвлекающих от дурного настроения дорогих вещей?!

Скромный фотоаппарат многим доступен сейчас, и возможно самой дешевой, старой, «комиссионной» камерой выбирать свое, созвучное себе, проясняя, укрепляя, просветляя душу, индивидуальность, как возможно писать и рисовать *по-своему* даже огрызком старого, никому не нужного карандаша.

Кстати, когда человек больше чувствует себя собою, яснее сознает, что близко ему и что чуждо, когда в душе живет какая-то увлеченность, то и нелюбимая работа спорится лучше.

Как попробовать себя в литературном творчестве? Чаще всего первыми очерками, рассказами моих пациентов были воспоминания о детских переживаниях. Чудесно-сказочное тепло детства обитает в памяти всякого человека. Описать эти ощущения для многих людей — дело радостное.

Из рассказа М., 19 лет.

«Гуляли мы с бабушкой возле нового здания университета. Глазел я по сторонам, ошеломленный с позиций своих пяти лет

размерами и красотой его. Бегал туда-сюда и радовался всему. И вдруг остановился как вкопанный перед огромной плоской чашей для цветов. Там таких много стоит.

— Бабушка, это что же такое? — говорю.

— Да это такая ваза для цветов.

Долго смотрю, не понимая.

— Это ваза?

— Ну да, такая большая ваза.

— Бабушка, да ты ничего не понимаешь. Знаешь, что это? Это же памятник Великой Миске.

Дружный хохот проходящих студентов был мне ответом».

Февраль 1984

Если почему-либо не хочется вспоминать детство, писать о детстве, можно писать о другом, но тоже непременно как-то о себе, о своих переживаниях, чтобы оживить свое, самобытное, сделаться хоть немного понятнее себе.

Поначалу можно даже не рассказ или очерк писать, а просто делать записи в дневник, в записную книжку. Например, записывать яркие краски жизни вокруг, чтобы чувственно оживиться.

Вот я увидел, как в снежный день вышла женщина с сумкой из магазина и из сумки вылезали целым пластом розовые свежемороженые морские окуни, а с них свешивался большой пучок зеленого лука, — и так все и записал.

Или запись в книжку в сибирской командировке: «2 октября 1981 г., Красноярск. Утром снег скрипит под ногами. Солнце и осенне-разноцветные листья деревьев. Сфотографировал старинную часовню на снежной горе».

Записывание в книжку, в дневник приводит душу в порядок, становишься себе яснее. «Я постоянно как бы опираюсь в жизни на свою записную книжку и ручку к ней», — сказал мне один пациент. Тревожно-мнительные, сомневающиеся люди нередко записывают на бумаге свои сомнения, доводы «за» и «против», прежде чем решиться на какое-то важное для них действие. Это позволяет охватить вниманием как можно боль-

ше своих переживаний, записанное становится отчетливее в душе. Неясное переживание, раздумье, отданное бумаге, делается потому зримее, что как-то все же отделилось от тебя и можешь теперь внимательнее, трезвее рассмотреть его «сбоку», обрести определенность и, значит, душевно смягчиться.

Многолетний опыт помощи пациентам, страдающим чувством неполноценности, позволяет мне написать здесь, что часто в этих людях заложена самой природой, как противоудие страданию, способность к интересному целительному творчеству. Тут надобно осторожно нащупать характер этой затаенной творческой способности и неназойливыми пожеланиями, ободрениями способствовать творческой работе.

Нередко тоскливые, тревожные, не уверенные в себе люди стесняются писать, рисовать, втайне мечтая об этом («Куда уж мне!»). Важно подчеркнуть им, что как раз удрученность, печаль способствуют творческому самовыражению, помогая сосредоточиться, погрузиться в свои душевные кладовые, подвалы, тогда как солнечная радость несколько приподнимает-распыляет творческие переживания-раздумья. Вспоминая толстовское «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», отмечу: постоянно веселые, самоуверенные люди нередко похожи друг на друга, тревожно-грустные переживают каждый по-своему и нередко способны по-своему, творчески, изображать свои переживания, целебно смягчаясь в поисках душевной определенности.

Ю., 57 лет, основательно поднявшая себя к жизни из тягостной тоскливости целебным творчеством (живописным и литературным), пишет мне важное для понимания этого обретенного творчески-светлого состояния: «С творчеством приходит радость бытия, открываются просторы для обновления чувств, фантазии и познания красоты. И чем больше углубляешься в творчество, тем многообразней открывается лицо мира. Мир творчества многолик. Об одном только желтеньком, таком знакомом цветке лютика можно написать целую книгу поэзии и посвятить ему целый альбом с изображением его портретов. Источник творчества неиссякаем. Творчество может быть и в очень малом, и в большом. Оно и в приготовлении обеда, пирога, то есть домашнего, кухонного творчества, и в написании книги, и в полотне художника. Можно нести творчество свое людям и можно творчески созерцать природу в большом и малом ее про-

явлении. Но мне кажется, что в природе все велико и даже трудно сказать про нее в малом. Созерцая природу, ее творчество, творит и обогащается твоя собственная душа. Я думаю, что творчество должно заключать в себе два чувства — любовь и бескорыстие. Творчество холодное никого не обрадует, душевно не согреет, а злое — может принести несчастье. По поводу бескорыстия в творчестве расскажу из собственного примера. Как-то я захотела нарисовать одному человеку картинку. Тема рисунка, о котором он просил, была мне не совсем созвучна. Но мне захотелось сделать приятное этому человеку. Мое творчество не было одухотворено. Оно было подчинено корысти-угождению и не принесло мне радости. Даже сомневаюсь, понравилась ли моя картинка тому человеку, которому была посвящена. Но вот другой пример с маленькой картинкой «Я их люблю (фиалочки)». Я рисовала их с любовью, не думая о том, чтобы кому-то угодить, сделать «шедевр». Я радовалась им, удивлялась, восхищалась. Я как бы впервые с ними встретила в жизни.

Когда пациенты в начале лечения творчеством вздыхают о том, что писатели, художники из них все равно не получатся, а потому зачем «вся эта детская игра», я прошу их читать воспоминания, написанные не писателями, смотреть в музеях найденные не-профессиональные картинки (например на изразцах) или первобытную живопись, чтобы прочувствовать: есть нечто выше мастерства — самобытность (даже неотшлифованная!), переносающая нас в душу древнего или сегодняшнего человека.

Важно научиться ощущать в себе постоянную готовность претворять всякое душевное переживание (в том числе тягостное) в произведения творчества, чтобы думалось, чувствовалось про всякий почти предмет, событие: как я *по-своему* это напишу, слеплю, нарисую. Тогда человек с душевными трудностями защищен почти постоянным вдохновенным знанием, чувством своей личности — от многих возможных огорчений, тягостных конфликтов.

2. Самопомощь творческим общением с литературой, искусством и наукой

Творческое общение с литературой, искусством и наукой — это значит прежде всего читать такие книги, такие смотреть спектакли, картины в альбомах и на выставках, слушать такую

музыку, погружаться в такие науки, чтобы все это помогало уяснить себе себя, свои душевные особенности и трудности, подсказывало, как жить.

Тут важно помнить, что ты вовсе не плох, не неуч, если тебе, например, чужды, не помогают те художественные произведения, от которых без ума другие люди. Значит, ты человек иного склада, у тебя больше созвучия с другими авторами, потому что больше у вас похожего в душе, в характере. У одного больше целебного созвучия с нравственно-психологической прозой Чехова, у другого — с поэтически-философскими вещами Лермонтова, у третьего — с благородной солнечной печалью Пушкина. Книга писателя, поэта (как и всякое произведение науки, искусства) лечит прежде всего созвучием.

С., 23 лет, недовольная своим характером, «себя прочла в стихах А. Ахматовой и стала себе понятней, ясней», ощутила свою духовную особенность, приняла теперь себя такую, какая есть, научилась уважать себя, похожую на Ахматову. Благодаря строчкам поэтессы «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, как желтый одуванчик у забора, как лопухи и лебеда» С. глубже поняла наши разговоры в группе о том, что не стоит так уж ругать себя за невольные скверные мысли, за постыдные чувства. Мы нравственно отвечаем, в конце концов, не за то, что в нас само по себе думается и чувствуется, а за свои сказанные людям слова и совершенные поступки.

Следовательно, для того чтобы книга (как и любое произведение науки и искусства) существенно помогла в поисках своего дела, смысла жизни, помогла разобраться в сложном душевном конфликте, вдохновила на добрые дела, необходимо духовное созвучие автора с читателем.

Отечественный книговед Н.А. Рубакин считал, что суть действия книги на читателя выражается положением французского ученого Эмиля Геннекена, которое следует назвать «законом Геннекена»: «На читателя оказывает наибольшее впечатление та книга, психические качества автора которой аналогичны психическим качествам данного читателя» (Рубакин Н.А. Избранное: В 2 т. Т. 1. М.: Книга, 1975. С. 191).

Нередко, однако, люди целебно тянутся и к чтению писателей противоположного склада. Так, человек с душевными трудностями в виде тягостной неуверенности, застенчивости, тре-

возможности, чувственной вялости тянется не только к чтению Чехова, но и к чтению чувственного самоуверенного Бунина с пронзительными пряными красками в описаниях любви и природы. Это его чувственно тормозит, целебно «поджигает», но в то же время подчеркивает близость чеховского.

Многим людям с расстройствами настроения помогает повеселеть, ожить веселая, чувственно-сангвиническая, мягко-эпикурейская жизнелюбивая сила, выступающая так выпукло-сочно, зримо во фламандской живописи, в картинах Кустодиева, в романе Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», в «Кола Брюньоне» Роллана, в вещах Дюма-отца, Гашека, Ильфа и Петрова, Думбадзе, в музыке Россини, Штрауса, Кальмана.

Важно найти созвучное тебе в искусстве и постараться окружить этим себя дома, где набираешься сил, укрепляешься личностно. На стенах не должно быть случайных картин, фотографий. Пусть все (до формы табуретки на кухне), по возможности, будет по душе живущим здесь людям⁸⁶.

Познакомившись со многими произведениями искусства и науки, нужно выбрать созвучное себе (часто его так немного!) и приобрести некоторый опыт в целебном, личностном общении с этими созвучными тебе ценностями культуры: установить, какое именно музыкальное произведение, стихотворение, картина, изучение какого именно насекомого или цветка и т. д. помогают освободиться от конкретного расстройства настроения или хотя бы смягчить его.

3. Самопомощь творческим общением с природой

Когда вглядываешься не спеша в облака и деревья, бабочек и ворон, кормишь собаку или кошку, размышляя в это время над тем, что тут происходит, размышляя об отношениях человека с *природой*, из которой мы все вышли, да еще записываешь эти свои размышления-переживания, — происходит как бы «собрание», высвечивание, подчеркивание духовной индивидуальности записывающего.

⁸⁶ См. об этом, например: Киселева Е. Дом Павла Корина. М.: Московский рабочий, 1975. С. 6.

И опять: когда человек осознанно, ясно чувствует *свое* отношение к цветку, грибу, гусенице, звездам в небе, свою единую сложную душевную особенность-индивидуальность — уже нет тягостного расстройства настроения: *рас-строеное*, рассыпанное, растерянное, медузно-аморфное, тягостно-неопределенное собралось, кристаллизовалось в душевную особенность, которой этот человек интересен другим людям и которую им несет. Своим осознанно самобытным восприятием и действием человек крепче, вдохновеннее «привязывается» к жизни.

Если кажется, что, общаясь с природой, ничего своего, существенного, не можешь о ней записать, сфотографировать, нарисовать, то поначалу советую попробовать записывать то интересное о природе, что удалось услышать от людей, но записывать *по-своему*, выказывая (может быть, скрыто) *свое* отношение к тому, что записываешь. А потом уже легче будет писать, что сам видел и переживал. Приведу здесь свои записи, побудившие многих пациентов к подобному целебному творчеству и рассказывающие (скрыто или явно) о некоторых механизмах целебного общения с живой природой.

Без ошейника

У нашей Тины, крупной короткошерстной собаки (доберман-пинчер), истрепался ошейник. Сняли с нее ошейник — и такое странное впечатление: будто собака голая ходит по квартире.

Москва, январь 1982

Когда страшно

Тине шестой год. Это собачья зрелость, середина жизни. Но по-прежнему, бывает, Тина по-детски не слушается. Увидит какую-нибудь собаку и без разрешения идет к ней, сосредоточенно вытянувшись, покачивая черными блестящими бедрами. Зову: «Ко мне!» Слышит (потому что ухо в мою сторону поворачивается), но не идет ко мне. Или вот взбудоражена радостью общения с природой, вынюхивает что-то в цветах и травах, а я говорю ей: «Сидеть!» Нередко при этом не садится сразу, а медлит, хотя прекрасно понимает команду: при слове моем «сидеть» всегда чуть одернется вниз ее изящно-смешная задняя

часть. А то тянет себе поводок так, что чуть не бегу за ней, хотя при этом все время трусливо поджимается, боясь, что шлепну. Но вечером на темном пустыре, когда всякие страшные звуки, движения вокруг, и ветки американских кленов торчат, как черные враги, — вот тут нет собаки послушней. Далеко от меня не уходит, позову — тут же подбежит, сразу, и сядет рядом, поводок не тянет, голову преданно-дружески прижимает к моей ноге и только чуть дрожит-ворчит при всяком шорохе.

Москва, октябрь 1983

Собачья ревность

Вот вижу на пустыре у дома лютики, ярко-желтые, влажно-блестящие внутренней поверхностью своих лепестков, вижу шмеля-медвежонка на красном клевере и наклоняюсь над этой прекрасной природой, чтоб рассмотреть поподробнее и снять фотоаппаратом на цветной слайд. Но Тина не даст мне этого сделать. Увидев, что наклонился над чем-то, отдаю свое внимание не только ей, но и еще чему-то природному, живому, она тревожно несется ко мне, оставив все свои дела, и сердито растаптывает лапищами нежные лютики, готова проглотить шмеля, хлопая зубастой пастью, как чемоданом. А если скажу доброе слово какой-нибудь собаке, гуляющей рядом, даже щеночку, — о, Тина готова разорвать этого «третьего лишнего». Это инстинктивная собачья ревность. Природный смысл ее — не пропасть. Без хозяйина пропаду, как те бездомные голодные псы. Я же не кошка, которая может жить сама по себе, ловя птиц и мышей, а домой приходит только попить молока и поспать. Мне нужно общаться с близкими людьми, класть голову им на колени, смотреть им в глаза, прося пирога, защищать их от недругов. Если хозяин полюбит лютик, шмеля или какого-нибудь пуделька, возьмет его к себе вместо меня или будет меньше интересоваться мною — мне будет плохо. Понятно, собака сама так не думает, но именно этим смыслом самосохранения проникнута инстинктивная собачья ревность, которая есть одновременно собачья любовь. Ибо ревнуешь того, кого боишься потерять, с кем хорошо тебе, без кого не можешь жить, то есть кого любишь.

Москва, июнь 1984

Семья-тело

Тина зализывает своей целебной слюной не только свои ранки на лапах, но и наши, если вдруг усмотрит. Кажется, она по-

своему чувствует себя и нас как бы единым организмом, органы которого то распадаются в разные места (в магазин, на работу, в театр), то соединяются наконец в нашей квартире. Тина каждый вечер ждет этого полного соединения (когда все, наконец, придут) — и тогда только успокаивается. Она, конечно, и себя чувствует органом этого большого семейного тела и не хочет без него существовать отдельно.

Москва, март 1982

Ветер свалил дерево

(посвящается В. Фомичевой)

Гулял с собакой в лесу после ветреной ночи с дождем. Все мокро — и лесная морковь, и недотрога, и по-июльски затвердевшие листья ландыша, и прыгающие среди растений лягушата величиною с мух. Увидел сломанное ночным ветром небольшое дерево. Под самый корень. Подошел. На изломе кремовая трухлявость, но ветки такие живые, листья крупные, широкие, темно-зеленые, а снизу светло-войлочные. Кора — как свежая хлебная горбушка и под изломом сердцевины не попорчена. Что это за дерево? Не ясень, не осина. Дома в старинном Ботаническом атласе русской флоры Монтеверде (1906) нашел, что это Ива козья, или бредина. И листья по краям «волнисто-городчатые», как написано и нарисовано. То есть это верба. Прошло две недели, а Ива козья (верба) все лежала в лесу живая, зеленая, потому что влага шла в нее из земли по неповрежденным сосудам под изломом. Такое живое дерево — и уже никогда не поднимется. Уж лучше бы от болезни или старости умерли некоторые ветки, лучше бы просто подрыхлело дерево, но стояло бы на ногах. Как хорошо, когда ты в любом возрасте, с любой болезнью, на ногах.

Востряково, июль 1983

Чтобы научиться целебно-творчески, *по-своему*, воспринимать Природу, недостаточно просто смотреть на растения, животных, камни и т. д. Важно основательнее знакомиться со всем этим, изучать природу с помощью книг (хотя бы школьных учебников по естествознанию). Важно вникать в особенности сегодняшнего ответственного отношения людей к поврежденной нами природе.

Наконец, для углубления в целебные отношения с Природой следует попытаться представить себе, сколько возможно,

6. Дефензивные люди и Терапия творческим самовыражением

317

механизмы психотерапевтического воздействия природы на человека.

Из моего письма к Е., 45 лет

«Вы так подробно, жизненно описали мне свою душевную тревожную напряженность, «раздерганность», суетливость, раздражительность, неуверенность, застенчивость, склонность к самокопанию и совестливому самообвинению, что, пожалуй, попытаюсь Вам помочь письмом в Ваш далекий город.

Уже многим пациентам и просто нервным людям приходилось советовать, по возможности, разными способами для душевного смягчения и радостного просветления внимательно приблизиться к Природе.

Дабы полнее ощутить целительное психотерапевтическое действие природы, важно знать, как, каким образом природа нам помогает. Конечно, здесь все индивидуально: одному душевно хорошо с собакой, другому — с яблоней, третьему — в поединке с диким зверем на охоте, а четвертому — в общении с вечностью камня, неба.

Почему плохо человеку без живой природы? Почему так хочется в выходной день за город, где лес, рыбалка, грачи, скворец поет, желтые одуванчики в зеленой траве? Почему люди, живущие в многоэтажных домах, выращивают в горшках цветы, заводят пса или кошку? Прежде всего потому, что человек вышел из Природы и внутренне (чаще неосознанно) испытывает чувство ностальгического родства с ней. Ведь прожилки в листьях лопуха, крапивы или в красном осеннем кленовом листе — это сосуды растения, подобные нашим кровеносным сосудам. Они тоже разносят, ветвясь, свою растительную «кровь»-питание в каждую живую клетку, в самые кончики листьев. Лягушка на лопухе дышит, как и мы, и тоже у нее ноздри и рот, хотя по-своему устроенные, тоже кожа и пальцы на лапке. У людей маленькие дети — и у растений свои маленькие дети. Я пью воду — и одуванчик пьет из земли воду. У человека глаза — и у синицы, особенно устроенные, но тоже глаза. Мы видим себя в живой природе, и живая природа живет в нас. Потому рядом с живой природой нам хорошо, как хорошо с родными людьми. Будущий человек в утробе матери за девять стремительных месяцев, пока не родится на свет, кратко повторяет великий и долгий путь усложнения живого от одноклеточного к человеку. Поначалу у него, например, есть зачатки жаберных щелей, в сущности, жабры как у рыбы,

О характерах людей

6. Дефензивные люди и Терапия творческим самовыражением

а позднее он покрыт, как обезьянка, шерстью (пухом), выпадающей до его рождения. Кстати, так же и лягушка, прежде чем стать лягушкой, живет некоторое время головастиком, то есть подобием той рыбы, которая когда-то выползла из воды на берег, превращаясь в лягушку. Но дышащий жабрами головастик, вылупившийся из икринки, живет не в животе матери-лягушки, потому что нет такой необходимости: в пруду или в луже, где плавает лягушачья икра, вон сколько «околоплодной» жидкости!

Много вокруг доказательств единства, родства нашего с Природой. Но вот еще одно, малоизвестное. Во время Великой Отечественной войны раненым, потерявшим много крови, вливали в сосуды, наряду с другими кровезаменяющими жидкостями, препарат морской воды под названием «раствор АМ-4 Бабского». Дело в том, что морская вода очень похожа на жидкую часть крови (плазму) млекопитающих и человека содержанием солей натрия, калия, кальция. Животные, выбираясь в процессе эволюции из моря на сушу, вынесли с собой в своих тканях, сосудах, сохранили в себе морскую воду, нужную им для жизни. Мы вышли вместе с наземными животными из моря, и в наших жилах течет соленая морская вода.

Наш организм не способен усваивать для своего постоянного самостроительства что-то искусственное, синтетическое, потому что мы не роботы, а живая часть живой природы, которую нам остается только крепче беречь.

Понятно, для каждого свое. Напряженность некоторых людей смягчается, например, не столько общением с природой, сколько быстрой ездой на автомобиле. Но ведь Вы сообщаете в письме, что успокаиваетесь среди природы.

Будучи частью живой природы, мы не можем не мучиться (физически и душевно), когда живое вокруг заменяется все больше железом и пластмассой. «И думал я, — пишет Виктор Астафьев в рассказе «Древнее, вечное», — глядя на этот маленький, по недосмотру заготовителей, точнее, любовью конюха сохраненный и все еще работающий табунок деревенских лошадей, что сколько бы машин ни перевидал, сколько бы чудес ни изведal, вот эта древняя картина: лошадь среди спящего села, недвижные леса вокруг, мокро поникшие на лугах цветы бледной купавы, потаенной череды, мохнатого и ядовитого гравилятника, кусты, травы, доцветающие рябины, отбелевшие черемухи, отяжеленные мокром, — все-все это древнее, вечное для меня и во мне — нетленно» (Древнее, вечное. М.: Советская Россия, 1980).

Бывало, поначалу слышал от некоторых своих пациентов, что природа не интересует их и не поможет им. Но вот посидят они в группе творческого самовыражения вместе с другими пациентами, которым общение с природой ощутимо помогает, посмотрят в уютной обстановке психотерапевтического кабинета, с чаем и свечами, цветные слайды других пациентов, на которых сняты близко Иван-чай, Пижма, Купальница, Иван-да-Марья, узнают, как называются эти цветы — и нередко, через некоторое время, испытывают уже более серьезное и теплое чувство к природе.

Мы часто не обращаем внимания на то, чего не знаем, не понимаем, но все больше любим то, что больше узнаем (если, конечно, внутренне расположены это любить). Поэтому ботанический атлас, определитель насекомых, чтение книг о природе весьма помогают увлечься природой. Лучшие поэтически-познавательные книги о природе — известные книги Дарвина, Фабра, Тимирязева, Сабанеева, Ферсмана, Лункевича, Дм. Зуева, Плавильщикова, Стрижева.

Разным по своему складу людям с душевными трудностями помогают сблизиться с природой, душевно проникнуться ею разные художники природы. Одним созвучнее Кольцов, Аксаков, Солоухин, Астафьев, из живописцев — Левитан, Саврасов; другим — Тютчев, Торо, Серая Сова, Швейцер, а из живописцев — Сарьян, Крымов, Нестеров.

То есть надобно искать, общаясь и с произведениями искусства о природе, свое, личностное, восприятие природы. Одни мои пациенты вглядываются в трогательную для них лесную земляничину, спрятавшуюся под зеленым листом, рассматривают мухомор, вокруг которого комары, «опьяненные лесным алкоголем, жужжат, кружатся <...>, смешно задирают ножки, поют ему свой хвалебный комариный гимн» (Ю., 57 лет). Других восхищает прежде всего пейзаж — в естественных или символически-отрешенных, «космических» формах. Третьи с такого малого расстояния смотрят, например, на кору сосны или фотографируют ее, чтоб увидеть ее глазами ползущего по ней муравья. Четвертые воспринимают целебно природу единым потоком запахов, красок и не склонны всматриваться в отдельный кленовый лист.

Всего важнее учиться воспринимать природу *по-своему*, то есть творчески. Например, собрать не просто гербарий, а гербарий близких себе растений и показать-открыть людям

себя через него. Когда же сила лечебного действия природы помножается на целебно-творческое художественное фотографирование или описывание в записной книжке, то это, понятно, еще глубже психотерапевтически действует.

Иногда такого рода произведения приобретают высокую общественную пользу, то есть выходят в печатных изданиях и духовно служат людям, читающим их. Но и в тех случаях, когда художественное творчество о природе не поднимается так высоко, оно все равно должно нести в себе момент общественно-полезной работы: можно подарить близким, друзьям свой рассказ о природе, гербарий, фотографический пейзаж в рамке, живописную картину леса и т. д.

Возможно и целительное творчески-научное увлечение любителя общением с природой с чувством общественной полезности. Это прежде всего помощь профессионалам-биологам, работающим в сельском хозяйстве. Многие насекомые, жизнь которых связана тесно с сельскохозяйственными культурами, в нашей громадной стране не изучены — никогда не хватит для этой работы штатных специалистов, ведь нужно часами наблюдать за жизнью насекомого в природных условиях: чем питается, сколько кладет яиц, что опыляет и т. д. Поэтому специалисты и обращаются с такими просьбами к школьникам, например, и в журнале «Юный натуралист». Но не только школьники могут стать помощниками специалистов в этом деле — государственно-важном, интересном. Главное здесь — страсть к наблюдению Природы, чтению биологических книг. И совсем не обязательно иметь специальное биологическое образование для того, чтобы в наше время, в нашей громадной стране, помогая профессионалам, что-то важное открыть в наблюдении за дикими животными и растениями.

Немного о домашних животных — и в особенности о собаках. Собака, конечно, ближе к человеку, нежели кошка, хомячок, попугай. Собака дает богатый отклик на наше добро к ней, многое научается понимать, когда долго живет рядом с людьми, волнуется за близкого ей человека, то есть ей передается волнение, например, ожидающих людей, и она в тревоге бежит к калитке смотреть: не идет ли. Живя вместе с собакой, мы видим, чувствуем в ней то, что перешло от животных к человеку и общественно-человечески усложнилось-измени-

лось, а в человеке видим яснее то, что роднит нас с животными, с природой вообще. Собака как домашнее животное как бы стоит между нами и остальной природой не только в том смысле, что, вынужденные гулять с собакой, мы больше обращаем внимания на травы, деревья, среди которых она бежит, на движение времен года, но, главное, благодаря собаке ощущаем острее, глубже связь свою со всей природой.

Острее ощутить эту связь помогает, конечно, и упомянутое выше изучение природы чтением о ней, творческим наблюдением за насекомыми, цветами, почками деревьев, — с помощью пера, кисти, фотоаппарата.

Если человек с расстройствами настроения, несмотря на разнообразные попытки, не чувствует помощи от общения с природой, надо искать другую целебную творческую увлеченность⁸⁷.

4. Самопомощь

творческим коллекционированием

Творческое коллекционирование — это значит собирать только созвучное душе коллекционера. Такое собрание каких-либо предметов составляет портрет собирателя.

Случается, прошу пациента даже в тяжелых патологических случаях принести на лечебное занятие хотя бы три-четыре марки или открытки (пусть самые разные по содержанию, но непременно созвучные ему), дабы показать, уяснить через эти марки (открытки) товарищам в группе, мне и себе самому особенность своего душевного состояния.

С., 46 лет, с тяжким депрессивным чувством ускользания своей индивидуальности, ощущением «роботности» (как будто бы он — не он), в процессе лечения пришел к тому, что приобретает созвучные ему марки, подчеркивающие его индивидуаль-

⁸⁷ Естественно, что не все даже весьма образованные люди, больные и здоровые, способны основательно, творчески увлечься природой, искусством; иных подобные советы и попытки только раздражают. Но зато они могут быть равнодушны к иному творчеству (например, техническому). По этому поводу уже велись дискуссии в свое время в «Литературной газете» («ЛГ» №№ 17, 24, 36 за 1982 год) — обсуждение письма В. Каткова «Эпидемия самогипноза, или Инфантилизм души?»

ность. В его альбоме перемешаны на одной странице самые разные по содержанию марки из разных стран. Как будто бы нет никакой системы. Но это не так. Система такой, целебно-творческой, коллекции — в созвучии марки душевным особенностям коллекционера. Это созвучие для него настолько важно, что он часто жалеет у киоска, что нельзя купить лишь одну марку из всего набора. И вот, при усилении тяжкого ощущения «роботности», смотрит альбом, — и всегда на какой-то странице какая-то марка «зацепит» своим особым (даже в этом тягостном состоянии) созвучием с ней, целебно подчеркнет душевную особенность, и наступает возвращение к себе самому, душевное смягчение в этом возвращении.

Конечно, отнюдь не все коллекционеры (даже из страдающих расстройствами настроения) проникнуты подобным собирательством.

Иного охватывает, например, также целебное таинственное чувство, что ведь эта монета — действительная, настоящая монета, ходившая по базарам и лавкам двести лет назад в такой-то стране. Или гордость берет за то, что эта марка есть лишь у немногих, у нескольких человек в стране или в мире, — и в том числе у меня.

Бывает, человек собирает в альбом марки только от тех писем, которые ему писали. Открывая такой альбом, вспоминает, кто наклеил на свой почтовый конверт к нему какую марку. Марки эти напоминают общение с близкими и знакомыми людьми иногда в течение многих лет.

Так же как значки городов напоминают, в каких городах когда был. Это способствует целебному вдохновенно-строительному ощущению прожитых лет, пережитого в эти годы.

5. Самопомощь

проникновенно-творческим погружением в прошлое

Творчески погружаться в прошлое — это значит глубже, яснее видеть себя теперешнего в своих детских переживаниях, в фотографиях, письмах дедов и прадедов, в прошлом своей деревни, своего родного города, страны, человечества, в народных сказках своей родины и т. п., — оживляясь всем этим.

Уточняя, благодаря такому погружению в прошлое, свою духовную индивидуальность (например, созвучие с прадедом,

выясненное в чтении его писем; и мои глаза, взор так похожи на дедовские на фотографии), человек в то же время осознает-ощущает и свою «неслучайность», глубинные связи с ушедшими близкими, историей своей страны (например, военными событиями в своем городе) и Человечества, Вселенной. То есть речь идет о вдохновенно-осознанном личностном общении с предметами прошлого (например, памятниками старины), о приготовлении старинных кушаний, об этнографических занятиях, о проникновенно-философическом отношении в этом духе даже к таракану, который, как оказывается, жил во времена динозавров (вместе со сверчками и кузнечиками), дабы зримо ощутить через этого таракана свою связь с прошлым Земли.

Когда размышляешь об этом в записной книжке или пишешь рассказ, целебное действие творческого погружения в прошлое усиливается. Чтение таких произведений, как «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, «Кладбище в Скулянах» В.П. Катаева, побуждает к составлению родословных, к путешествиям к могилам своих предков и т. д. Духовно бесценны для этих занятий «Заметки о русском» (М., 1984) Д.С. Лихачева.

Из рассказа Ф., 40 лет

«Вспоминается вечер под Новый год. Мне было тогда лет пять. Я смотрю на огромную темно-зеленую елку; она стоит на полу, и крестовина прибита прямо к полу большими гвоздями. Чтобы увидеть тонкую верхушку, упирающуюся в потолок, мне надо запрокидывать голову. Светятся цветы и бабочки, нарисованные тонкими фосфорными линиями на стеклянных шарах, а внизу мандарины на ниточках, и если снять корку, ее острый запах смешивается с ароматом хвои и есть мандарин еще вкуснее».

Январь 1984

Из «наброска» С., 46 лет («Из детства. Эвакуация»)

«В Кемерово помню булыжную мостовую, каменные перила нашего балкона, Томь, которая казалась мне очень широкой, тайгу вдаль на другом берегу, голубой пароходик с волшебным названием «Химия», очень толстый лед в проруби зимой, мороженое молоко на рынке (я теперь храню пакеты молока в моро-

зильнике), речку Искитимку, множество окровавленных бинтов на откосе возле госпиталя».

Январь 1984

Я читал этот «набросок» в группе пациентов в отсутствие автора (простуженный, он был дома) и потом написал С. в письме (4 февраля 1984 года): «Набросок» так всех пронял своей правдивостью, тонкой простотой, что был целый шум <...>. Это всколыхнуло во всех нас детские слои души, и наступило целебное оживление, каждому из нас послышались запахи и краски своего детства».

Весьма помогает многим душевно напряженным людям — время от времени видеть и трогать вещи своего детства (игрушки, книги детства, заржавленное перышко, которым писал в первом классе, и т. д.) и вещи, связывающие с умершими родными.

6. Самопомощь творческими путешествиями

Творческое путешествие — это путешествие ради серьезного познания себя, своего отношения к новым местам и людям (то есть путешествие прежде всего в себя самого). Хорошо уехать далеко, где совсем другая природа, где никогда не был, но возможно получить помощь и от творческого путешествия в соседний городок на электричке или даже на соседнюю улицу пешком. Важно только подготовиться ко всякому такому путешествию чтением, записыванием в книжку из справочников, энциклопедий, географических книг и т. д. о местах, куда едешь или идешь, чтобы выказать и к главному, и к некоторым подробностям свое отношение со знанием дела, записать это свое отношение-переживание в ту же книжку, выразить в фотоснимках, рисунках. Чтение книг В.К. Арсеньева, Н.К. Рериха, В.М. Пескова поучительно располагает к этому.

7. Самопомощь творческим

поиском одухотворенности в повседневном

Обычное выглядит необычным, оживляет-одухотворяет, когда воспринимаешь его личностно, по-своему, как, например, чудесно

это видится в книгах Платонова и Пришвина. Целебная сила этой самопомощи влюбленностью в жизнь (поиском необычного в обычном) нередко тем выше, чем больше в ней одновременно непосредственной общественной пользы. Потому одухотворенность в повседневном следует искать не только в домашней жизни, в общении с природой, но прежде всего в своей профессиональной работе.

Так, платоновский Назар Фомин (рассказ «Афродита»), воодушевившись «огнестойким строительством в районе», «смотрел страстными глазами на впервые изготовленное в кустарной мастерской черепичное изделие» — «он погладил тогда первую черепичную плитку, понюхал ее и унес к себе в комнату, где жил, чтобы вечером и наутро еще раз рассмотреть ее — действительно ли она вполне хороша и прочна, чтобы на долгие годы лечь вместо соломы в кровлю сельских хат и тем обереечь крестьянские жилища от пожаров»⁸⁸.

Духовная осознанность своей общественной пользы (быть может, в будущем) благотворно-целебно «работает» во всех приемах самопомощи творческим самовыражением, о которых рассказано выше, и является, в сущности, источником светлого мироощущения.

О чувстве общественной полезности и светлом мироощущении, духовности

Различные приемы самопомощи творческим самовыражением, естественно и глубинно переплетающиеся между собой, — не просто отвлечение от тягостных расстройств настроения, а целебная духовная увлеченность своими, близкими душе, общественно-полезными делами, просветляющими возвращением из аморфной напряженности к себе самому.

Творчески самовыражаясь в любом деле во имя добра, человек испытывает чувство общественной полезности и проникается светлым мироощущением, целебным в самом высоком смысле. Светлое мироощущение, творческое вдохновение есть, по сути дела, духовность.

⁸⁸ Платонов А.П. Избранное. М.: Московский рабочий, 1966. С. 504–505.

Духовность, духовное понимается здесь широко — не только религиозно, шире. Ведь духовность несут в себе и такие нерелигиозные люди, как Дарвин, Чехов, Павлов, Платонов и еще многие другие знаменитые и неизвестные труженики прошлых времен и нашей теперешней жизни. Важно попытаться рассмотреть-осмыслить сейчас светлое мироощущение, духовность — именно в *простом человеке*, которого не станут изучать историки, искусствоведы, литературоведы, другие ученые.

Что есть духовность в широком смысле? Способность к нравственному, диалектически доброму познанию мира, отношению к миру с размышлениями-переживаниями о смысле своей жизни, о своем пути в Человечестве, о добре и зле, о своей ответственности перед близкими, вообще людьми. Духовность, если она есть в человеке, зреет-сгущается с годами, особенно к старости. Усиливается она и серьезными хроническими болезнями. Высокая духовность всегда печально-светла и лишена страха смерти.

Может быть, яснее расскажет-покажет это мой психотерапевтический очерк прежних лет «Духовность» (1978).

Духовность

Почти каждую осень приезжаем с женой к ее родителям в южнорусский городишко. Зинаида Аркадьевна, учительница жены в младших классах, приходит к нам обычно один раз за весь месяц нашей жизни в городишке. Пьем чай с печеньями, едим арбуз, а потом провожаем старушку домой, на другую улицу, за полкилометра от нашей.

Зинаиде Аркадьевне восемьдесят семь лет, уже лет десять она на пенсии. Она похожа на позднюю южнорусскую осень своим солнечно-сухим теплом. Засохшие желтые листья остались лишь на верхушках пирамидальных тополей, но голые стволы и ветки — сухие, теплые. В высохшей легкой траве нет уже соков, но нет рядом и луж, грязюки — как у нас на севере. Редкие волосы учительницы мне тоже видятся высохшими, даже пластмассовая гребенка в пучке волос кажется живее этих волос. А шерстяная ее зеленая кофта, старая, заштопанная, но опрятная, как будто бы понимает всем своим

устало-добродушным видом, что она последняя кофта в жизни учительницы, новую хозяйка уже не купит.

Зинаида Аркадьевна — из тех, внешне грузных, грустноватых сангвинических женщин, которые очень легки, бесшумны в движениях, до глубокой старости сохраняют ясную голову и мягкий юмор. Мы с женой осторожно ведем ее, легкую, под руки, мимо белых домов с синими ставнями, по крупным ровным булыжникам старинной улицы, уютно посыпанным подсолнуховой шелухой. Руки учительницы еще мягкие, с круглыми вдавленными ногтями, но, кажется, уже тоже подсыхают снаружи, ноги все в венозных узлах и наверняка болят, но дух легкий и крепкий, как пряные запахи осеннего привяленного винограда и яблок.

— Не беру с собой нитроглицерин, — говорит Зинаида Аркадьевна своей добродушно-ворчливой скороговоркой. — Чтоб не привыкать.

Идем по бывшему кварталу учителей. Здесь местным школьным учителям полвека назад дали дома, но с тех пор многие из этих учителей умерли, а оставшиеся в живых стары и больны, никто из них уже в школе не работает.

Висит, дрябло-пряно чернеет над деревянным забором, среди редких уже виноградных листьев, последняя кисточка «изабеллы», теплая от солнца.

Часто останавливаемся, чтоб Зинаида Аркадьевна передохнула. Она живет одна. Летом приезжает внучка с правнуками. Правнуки уже в Краснодаре в школе учатся.

— Вот мне теперь уже и некуда ходить, — вздыхает учительница. — К Яновской все ходила, бывшей нашей школьной директрисе... Яновская умерла.

Почти все люди, что встречаются нам, здороваются с Зинаидой Аркадьевной. А те, кто обгоняют нас, оборачиваются и тоже здороваются. Это все ее бывшие ученики.

— Я тут шестьдесят лет отучительствовала, — говорит Зинаида Аркадьевна.

Лет пятнадцать назад были мы в школе на выставке всяких предметов, сделанных ребятами: игрушечные автомобили из дерева и металла, планеры, яблоки из воска, чучела птиц и т. п. Тут же, среди родителей и учителей, вертелись ребята, сделавшие все это. Про нескольких ребят Зинаида Аркадьевна сказа-

ла тогда: «Шалопай жуткий, учится из рук вон плохо, но руки золотые».

Смотрю на руки самой Зинаиды Аркадьевны — с коричневыми пятнами старости, подсохшие снаружи, кожа, как пергаментная, тонко морщинится. В этих, еще мягких, руках светится духовная сила завидной отработанности организма, когда, в сущности, все свое отдал в мир и тело сделалось легкое, как пух, но за все это добро накопилась за всю жизнь духовность, мудрая трезвая ясность оптимистической печали, которая уже, мне думается, не может высохнуть, пропасть, а только переходит при общении в других людей и, вот, в меня тоже.

Мне интересно было, чувствует ли она сама свою духовность, но не знал, как об этом спросить. Вспоминал навязчиво, как в студенчестве профессор-терапевт говорил в лекции, что гипертоник идет к смерти по одной из трех дорожек — мозговой, сердечной или почечной. Врачебностью своей понимал, что Зинаида Аркадьевна идет, видимо, по сердечной дорожке, но в то же время отчетливо чувствовал, что главное ее, существо ее, никакого отношения к этой патологической анатомии не имеет. Существо ее, то есть духовность, выше физической смерти, она вечна, поскольку светится или хоть чуть теплится в тысячах учеников, а значит, как-то отдается и в их детях, внуках. Ведь научить человека читать, писать, делать всякие предметы, рассматривать внимательно природу и людей — это значит научить делать что-то свое, человеческое, независимо от того, в какую он пойдет профессию.

Встретили старого учителя. Он сидел на скамейке возле своего дома, читал книгу о лекарственных травах, рядом лежала «Медицинская газета», которую выписывал. Учитель сразу же стал рассказывать, что был вчера у врача, сделали электрокардиограмму, инфаркта, слава Богу, нет, но вот давление все-таки высоковато. Он спросил Зинаиду Аркадьевну, не знает ли она какого-нибудь нового лекарства от давления.

— Нет, не знаю, — с сожалением ответила она, но в то же время я почувствовал, что ее не интересует этот мир больного тела и мнительно-ипохондрических переживаний, она выше его в своей духовности.

Духовность, в сущности, есть печально-светлая мудрость, видящая главное сквозь мелочные тревоги.

6 Дефензивные люди и Терапия творческим самовыражением

Вспомните, как и хотел. Оди мерить и у нег свое давлении. тать и подпрыг Это, однако, ющая влюбленн добрая душевна ховность внешн осозанным, но бесконечных ди манием себя са Природы, но пес ной. Потому че возможной в м шенное давлени

Природа ни ные формы сущ сится к своей б точно спокойнс роды.

— Ну как, З спросил старик

— Поживе да отошли пода

— Бедняга, тает да осматри

Я не выдержи

— Зинаида

— Вспомин читать учила, зйству немно подбадриваю. I ваться или мои Весело живу. I работалась. Ш Ей не нужн дях, которых у

Вспомнился к сему знаменитый жизнерадостный артист оперетты. Он умер глубоким, но бодрым стариком, на сцене, как и хотел. Однажды его возмутили упрашивания врачей измерить и у него тоже кровяное давление. «Я не желаю знать свое давление!» — сказал он раздраженно и принялся хохотать и подпрыгивать, разучивая новую роль.

Это, однако, по-моему, не истинная духовность, а опьяняющая влюбленность в чувственные краски жизни, быть может, добрая душевная сердечность, но не духовность. Истинная духовность внешне спокойна, проникнута не всегда отчетливо-осознанным, но всегда глубинно-интуитивным пониманием бесконечных диалектических связей всего и вся в мире. Пониманием себя самого как крошки, песчинки самодвижущейся Природы, но песчинки необходимой и в известном смысле вечной. Потому человека с высокой истинной духовностью, невозможной в молодости, не может сильно испугать его повышенное давление и т. п.

Природа никогда не исчезнет, она только принимает разные формы существования. Истинно духовный человек относится к своей будущей, даже возможно скорой, смерти достаточно спокойно — как к падению осеннего листа с дерева Природы.

— Ну как, Зинаида Аркадьевна, думаешь, поживу еще? — спросил старик с книгой о лекарственных травах.

— Поживешь, конечно, — успокоила его она. Потом, когда отошли подальше, сказала:

— Бедняга, такой мнительный, все только медицинское читает да осматривает себя и к врачам ходит. Химию преподавал.

Я не выдержал, спросил:

— Зинаида Аркадьевна, а вот вы чем сейчас живете?

— Воспоминаниями живу. Все вспоминаю, как кого писать, читать учила, у кого какой был характер. Читаю тоже. По хозяйству немного вожусь. Вот сверстников хожу сюда утешаю, подбадриваю. Приходят изредка нынешние учителя посоветоваться или мои ученики... Летом — правнуки. Еще телевизор. Весело живу. Но, конечно, пора мне уже, пора помирать. Отработалась. Шестьдесят лет отучительствовала.

Ей не нужна слава. Она, Зинаида Аркадьевна, живет в людях, которых учила, и невольно — в их детях, внуках, посколь-

ку ее учительский труд сказался и скажется в том родительском воспитании, которое получили и еще получают дети. Она сознает, что останется в людях после своей смерти, и не страшно умирать, светло на душе. Понимая, что, конечно, «для каждого свое», подбадривает неловких своих сверстников.

Духовность — это умная доброта, одновременная многогранность понимания вещей без эмоционально-субъективной суженности взгляда. Духовность обычно печальна всепониманием, но и светла, поскольку выходит из убежденности в том, что, при всей случайности появления на свет, ты необходим миру во все времена, прошлые и будущие. Как нельзя представить себе развитие природы и человека в будущем без дел Аристотеля и Толстого, так нельзя представить себе, если вдуматься как следует во все сцепления, связи, мир будущего без одного-единственного дела давно умершей в толстовские времена школьной учительницы или крестьянки.

Подходим к дому Зинаиды Аркадьевны. Деревянные ставни покрашены голубой краской. Это она сама красила. И сама еще помидоры во дворе сажала.

У калитки водопроводная колонка, к которой учительница ходит с детским ведрком, чтоб легче нести воду.

Как глубинно все же единство осени природной и человеческой! Сколько общего в мягком увядании, в коричневых листьях — и коричневых пятнах старости на коже, в почти мертвой высушенности трав — и человеческих волос, в духовной умудренности вечера, осени, старости... Вот она — истинная цельность Природы, с диалектическими кругами, спиралями. Вода из этой колонки, если только задуматься, как подробно и крепко связывает между собой все — в человеке и в помидорном кусте, человека и помидор — с их бесконечным природным будущим и прошлым.

Когда возвращались в поезде в Москву, с нами в купе ехали две милые, живые дамы, правда, накрашенные так толсто, что за почти двое суток в поезде ни разу не умылись, а только подкрашивались. И вот одна из них во время завтрака с соленым красным помидором, капавшим на кусок черного хлеба, спросила нас:

— Вот объясните нам, пожалуйста! Вы — врачи, умные люди... Почему это так? У нас в отделе есть жалкая, и по долж-

ности своей, женщина — кривоногая, лысая, извиняюсь, а друг у нее, видите ли, часто за границей бывает, шмотки ей потрясающие оттуда присылает. Недавно вот голубую дубленку привез. Почему так?

— Может быть, в ней духовность есть, — пошутила жена.

— Что? — спросила другая дама.

— Духовность, — повторил я.

— А-а! Да, да, — закивала она понимающе головой. И подруга ее тоже. — Где б купить семьсот пятьдесят граммов этой духовности!

Недавно Зинаида Аркадьевна прислала нам поздравительную открытку к Новому году. Дрожащей слабой рукой написаны дрожащие слова, увядающие с каждой буквой. Еле разобрали, только с догадкой. Но адрес был написан другой, крепкой, рукой, чтоб открытка не заблудилась.

Богу или маммоне

Отмечу здесь, что считаю себя человеком, все-таки склонным к духовным переживаниям, духовности, что, быть может, заметно и в моих текстах. В то же время не могу себя назвать верующим, религиозным. По природе своей, никогда не удавалось мне почувствовать известную самостоятельность, изначальность своего духа по отношению к телу, то есть возможность непосредственной жизни моей души (моего духа) после смерти тела. Для меня дух, которым как бы светится тело (источник духа), не существует сам по себе, без тела, умирает вместе с ним, оставаясь лишь в произведениях творчества, воспоминаниях современников умершего. При этом, например, книга или картина есть такие же материальные основания духа, которым светятся, — как и тело человека-творца при его жизни.

Как произошел нематериальный дух из материи, я не знаю и глубинно чувствую, что это не узнается никогда. Это, может быть, та вечная Тайна саморазвивающейся Природы, Тайна, которая издревле делит людей на материалистов и идеалистов, своими мироощущениями дополняющих друг друга для познания более полной Истины в человечестве.

Боль совести, нравственно-этические переживания, мучительные поиски своего смысла в жизни десятки лет наблюдаю, воочию вижу у своих, так же нередко неверующих, дефензивных пациентов (людей с тягостным переживанием своей неполноценности), как и у себя самого.

Для меня, как врача, дефензивность обусловлена прежде всего обычно генетически предопределенной природой, биологией тела дефензивного человека. По всему по этому разговор о духовности для меня возможен и вне религии, при моем глубоком всегдашнем уважении к чувствам верующих и сложных радостных духовных созвучиях со многими верующими людьми.

Как психотерапевт я не конкурент священнику. Обнаружив склонность пациента к светлому религиозному переживанию, советую ему поговорить со священником. Но если в дефензивном одухотворенном пациенте не обнаруживается способности к вере, помогаю ему сам, по-своему, в его духовных (например, совестливых, нравственно-этических) трудностях-переживаниях. При этом нередко в наших психотерапевтических беседах сквозит благотворное созвучие с некоторыми религиозными положениями.

Вот вспоминаем с пациентом, как Христос говорит ученикам Своим:

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Матф., VI, 24).

Маммона — «сирийское слово, значущее богатство или земные блага» (Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание архимандрита Никифорова. М., 1891. С. 449).

Богатство, земные блага — это область чувственности (в том числе художественно-утонченной), происходящей из сильных, ярких природных влечений человека (пищевого, полового, влечения к власти). В соответствии с разной природой людей, одни живут преимущественно чувственной жизнью, жизнью власти, а другие — более или менее выраженной в них духовностью. С годами все отчетливее проявляется врожденная predisposition человека к тому или другому.

Люди с тягостным, размышляющим переживанием своей неполноценности в основном предрасположены к духовным переживаниям. Радость власти, чувственная гурманистичность обычно не увлекают их. К изысканной неге, изощренной эротике они (при всей своей, нередкой здесь, душевной теплоте, глубокой любовной привязанности) также глуховаты природой своей. Они нередко такие же прекрасные люди, как и люди ярко-чувственные, но они прекрасны по-своему, — для каждого свое. Им обычно довольно лишь сбросить в любовной нежности голод влечения, без сложной сексуальной изобретательности. Они здесь, можно сказать, обделены, но зато особенно предрасположены к сложной духовной жизни, и здесь скорее найдут защиту, свое богатство и свой смысл.

В наше время грязного еще капитализма они, служа Духовности, обычно способны довольствоваться немногими земными благами: лишь бы быть сытым и чисто одетым, лишь бы на нужную ему книгу хватило, на бумагу и ручку, на фотопленку... Их мир, их ценности — в этом. Развивающаяся, крепнущая с годами духовность спасает их от навязчивостей, ипохондрий, депрессий.

Все тут, конечно, не так просто. Существуют и исключения, когда люди мощных влечений, с тягой к подробным чувственным наслаждениям, по причине сложных мозаичных смешений в их природе, одновременно ищут защиту в глубоких духовных переживаниях, часто религиозных (как, например, Достоевский, Толстой). Но эти исключения из правила, как говорится, подчеркивают правило для большинства. Правило это, конечно же, важно знать, особенно в молодости, потому что можно потерять время, заехав не туда, не по природе своей.

«В зимний морозный день...»

Надо всю жизнь свою, до мелочей, устроить так, чтобы как можно чаще чувствовать в себе свет творческого самовыражения. Вот письменно поздравить кого-то собрался с праздником. Если не на машинке напечатаю поздравление, а напишу понятно своей рукой, то через почерк уже себя подробнее выражу. Напишу

свои, нестандартные слова — еще более высвечивается моя особенность. Самовыражение углубляется, если напишу это не на покупной открытке, а на фотоснимке, который сам сделал, в котором себя выразил; если приклею на конверт марку, созвучную мне своими красками и содержанием; если картинка на конверте тоже мне по душе. Вот так можно послать другому человеку, в сущности, духовный кусочек себя.

Однако целебный свет самовыражения сделается высоким и стойким, если проникнется стремлением к посильной общественной пользе, духовностью. Этому способствуют неторопливые раздумья о виденном и прочитанном, о себе самом среди людей и природы, о других людях и их делах, о тех делах, которые каждый день совершаешь сам и мог бы делать лучше.

Если расстройства настроения заметно не смягчаются, не уходят от применения обычных «домашних» приемов (в том числе описанных здесь) — значит, надо к врачу.

Просто необходимо отправиться как можно скорее к врачу, если в расстройствах настроения гнездятся мотивы расстаться с жизнью и особенно — замыслы про это, то есть как конкретно это сделать. В таких глубоких расстройствах настроения собственная жизнь нередко болезненно представляется никому ненужной, безысходной и трагической, человек так сильно убежден, что все это не кажется, а так и есть на самом деле и будет так беспросветно всегда, — что ему легко покончить с собой. На самом же деле с расстройством настроения рано или поздно уйдет и убежденность в трагичности своего положения, засветится в душе солнце и захочется жить.

Врач психотерапевтически и лекарствами может смягчить, снять глубокое расстройство настроения или помочь хотя бы «тупее», без острой душевной боли, перенести «черные» дни. Но, главное, врач квалифицированно поможет со временем выработать приемы, с помощью которых его пациент сам станет управляться с расстройствами настроения, подолгу пребывая в целебно-творческом, одухотворенном состоянии.

Такое состояние, например, видится в «наброске» С., 46 лет (1985), которым заканчиваю этот очерк.

«В зимний морозный день вы готовите на кухне обед и изредка смотрите в окно. Вы видите яркое голубое небо, у горизонта

оно светлее, будто сквозь голубое просвечивает белое. Вы видите освещенный солнцем белый снег и дома, и очень белые фабричные дымы. И ясно, что на улице сейчас мороз и ветер. А музыка (Гленна Миллера) рисует небо, летнее небо, снова и снова, и в зимнем городском пейзаже за окном вы видите вдруг лесную поляну в конце лета, оставшуюся после выруб-ки и поросшую бузиной и малиной. Почерневшая от времени и нагретая солнцем (брошенная) поленица дров (по которой вы ходите босиком), замершие в тишине, освещенные вечер-ним солнцем деревья. Красные гроздья бузины и кусты мали-ны, усыпанные крупными ягодами. Поросшая (молоденькой) свежей травкой просека и островок лесных незабудок в не-просохшей колее. Ящерица на отставшей коре поленицы, стре-козы. В зимнем пейзаже за окном вы видите эту поляну, и все то мучительное и еще минуту назад казавшееся неразре-шимым представляется теперь несущественным, и так оно и есть...»

Поднимает душу из печали

Мы привыкли знать, что тесно связаны с Природой, вышли из Природы, не можем без нее жить, но сейчас попробуем почув-ствовать душой, что все это значит. Это значит, что прежде всего молекулы, атомы, из которых мы построены, есть во-круг нас в Природе, живой и неживой. То есть у нас есть мате-риально общее и с камнем, и с огнем. Общение, например, с мрамором или пламенем свечи нередко вызывает в душе осо-бое торжественное чувство, потому что это общение с вечнос-тью, которая есть в крупцах в нашем теле тоже. Но, кроме того, мы — настоящие родственники растениям и животным, потому что мы тоже живые. Сами мы не знаем и не узнаем до конца, как много общего, родственного в нашем с растениями и животными телесном устройстве. Посмотрите — и воробей дышит, и у него тоже глаза и рот. В нем тоже бьется сердце, он тоже что-то ест и чего-то испугался. У человека кожа, а у бе-резы — кора. У березы осенью желтые «проседи» среди зеле-ных еще листьев, а у человека в годы человеческой осени тоже седые волосы среди еще не седых. У человеческой матери ма-лыш — и под кленом крохотный клен, а у кошки котят. Фран-

цузский философ Жюльен Офре де Ламетри в XVIII веке так же радостно открывал для себя это родство с Природой: «Разве сердце бьется не у всех животных? Разве оно не наполняет их жилы потоками крови, разносящими по всему механизму чувство и жизнь?» И еще: «Легкие — это наши листья, которые заменяют растениям эти внутренние органы, подобно тому как последние замещают собой отсутствующие у нас листья»; соки движутся в стволах деревьев, «подобно нам покрывающихся испариной».

Мы отличаемся от самых сложных, самых близких к нам животных тем, что способны осознать себя в мире среди людей и Природы, способны обрести, понять в жизни свой смысл, путь. Животное не может думать в человеческом смысле, не способно размышлять о том, почему поступает так, не иначе. Но в жизни чувств животное может быть необыкновенно тонким, и здесь у нас так много общего, родственного, а особенно — у животного и маленького ребенка, который тоже живет еще преимущественно чувством. Когда же взрослые люди общаются с животными и растениями, то они как бы заражаются от них этой глубинной безмыслительной жизнью, свободной от тревог завтрашнего дня, в них просыпается ребенок, просыпается все царство живых существ, из которого мы вышли в процессе дарвиновской эволюции и которое в сгущенно-кратком виде пребывает и в строении нашего тела, мозга, и в нашей жизни. Потому взрослые душевно молодеют, например, с котенком, щенком, как и с детьми, внуками. И родство наше с животными, растениями сказывается так же в том, что ребенок вместе с собакой, кошкой взрослеет, а взрослый старится вместе с пожилым питомцем. Неосознанное или осознанное ощущение этого глубинного родства с Природой и объясняет великое действие Природы на человека при его душевном общении с ней. Притом это относится и к религиозным людям, не верящим в то, что человек произошел от животных и растений в процессе саморазвития Природы. Религиозный человек также видит общее, родственное у человека с животными и растениями, но объясняет это по-своему — как следствие работы единой руки Бога-Творца.

О душевном, в том числе целебном (в широком смысле), общении человека с Природой много интересного написано в

мире. Например, замечательны, по-моему, такие описания-исследования в отношении пейзажей, сделанные географом В.П. Семеновым-Тян-Шанским, сыном знаменитого П.П. Семенова-Тян-Шанского («Район и страна». М.—Л., 1928. 312 с.). А статья американского врача из Сакраменто Фейс Фицджеральд, напечатанная в «Западном медицинском журнале» (январь, 1986 г.), называется «Лечебная ценность домашних питомцев». Существует специальный раздел психотерапии — психотерапия общением с Природой.

Для того чтобы общение с Природой как можно надежнее поднимало душу из печали, целительнее действовало на расстройства настроения, нужно постараться выполнить два связанных между собой условия. Во-первых, все-таки кое-что конкретное следует знать о Природе и, во-вторых, научиться воспринимать, переживать, обдумывать Природу, например, конкретные живые существа, не как принято, а *по-своему*, то есть в соответствии со своими душевными, характерологическими особенностями.

Растения, насекомых, животных (например породы собак) начинаешь по-настоящему заинтересованно замечать вокруг, когда знаешь, **как они называются** и хоть немного — о том, **как живут**, как взаимодействуют с миром вокруг. Особенно важно здесь знать тех, кого часто встречаем, например, по дороге на работу. Вот это Мятлик, а то Ежа, это Звездчатка, это Крапивница, это Мать-и-мачеха, а это сережка Осины. Вот Чистяк, вот Лисий хвост, вот Иволга, вот Чесночница, вот Доберман-пинчер, это Ястребинка, вон Калужница, а это Поползень, это Бражник, а это Прудовик. Это Колли, а это Лазоревка, это Пихта, а это Свиристель, это Иван-да-Марья, а это Адмирал. И так далее. Ботанический атлас, определители насекомых, животных — вот книги, в которые надо посматривать, дабы знать, что живет вокруг. Истинный врач всю жизнь, что называется, «читает по больным». То есть попадаете ему какой-нибудь непонятный больной — вот он и ищет дома в книгах, что же тут случилось, что за болезнь? Так же и человек, стремящийся глубже, подробнее знать живое, постоянно испытывать целебное действие Природы, все смотрит-читает в книгах, как же называется это существо, чем живет. И тогда, например, растения не видятся ему уже, как прежде, просто

зеленым ковром, просто травой, просто цветами или деревьями, а смотрят на него знакомыми лицами, как знакомые люди из толпы других, незнакомых. Теперь, читая художественные книги, например, Гоголя, уже представляешь себе ясно, как это в повести «Вий» «ритор Тиберий Горобец сбивал палкою головки с будяков, росших по краям дороги». Познакомившись с каким-то растением, насекомым, поневоле обращаем на него внимание. Вот зацвела Лесная герань, а Пижма зацветет позднее. Это Сойка трещит в деревьях парка, а это где-то в кустах звонко свистит Синица. И даже небогатая городская природа вокруг тебя становится понятнее, роднее, содержательно-прекраснее.

Одновременно следует сознательно усилить **творческое отношение** к тем растениям и животным, с которыми познакомился. Творческое отношение — это отношение свое, индивидуальное, то есть как бы «примеривание» каждого живого существа к своей индивидуальности, к особенностям своей души: например, насколько мне близок, созвучен этот цветок. Конечно, и бессознательно мы испытываем к конкретному цветку в траве какое-то свое отношение (нравится — не нравится). Но тут нужно именно спросить себя тихо-внутренне, хорошо мне душевно с этим цветком или мне он неприятен, или безразличен. Чувство душевного созвучия с кем-то, чем-то (будь то цветок, бабочка или рассказ писателя, музыкальное произведение, конкретный живой человек и т. д.) — и есть уже частица моего «Я», особенность моей души. В творческом общении с Природой человек в этом смысле обретает себя, то есть становится более и более самим собой. А когда человек из душевной серой туманности (плохое настроение — всегда туман, неопределенность, несобранность) возвращается к себе, к своей индивидуальной определенности (вот — я: вот это мне близко, а это чуждо), то душа поднимается, возникает творческое вдохновение как радость встречи с самим собой благодаря другому человеку или растению, животному, а это и есть Любовь в широком смысле и, в частности, любовь к Природе. Любовью-вдохновением внутри себя творчество как созидание, нравственное выполнение какого-либо дела по-своему, в соответствии со своими особенностями, и отличается от разрушительного, безнравственного самовыражения.

6. Дефензивные
Итак, люди
рактерами. по-
роде им дорож
радостное пер
но проникнут
существом. По
ют Природу па
помочь им леч
здоровый чело
серьезно помо
дой, если осоз
ней. Например
это конкретны
Шмель на клу
му, что напо
гладить всех з
им, как нужда
в соответствии
столько конк
них Гармония
которой он то
нередко близ
тинной Гарм
фически-сим
ного, земного
ные рыбки, б
Помогае
вым существ
ние, описыва
все это побу
рисую скром
ную стройно
приглядетьс
ешь загадоч
риваться» ду
мне или я к н
ривать в это
ближе к Сав
Не свойстве

Итак, люди, в соответствии со своими особенностями, характерами, по-разному воспринимают Природу, и разное в Природе им дорого. Чтобы возникло глубинное, стойкое, целебно-радостное переживание живой Природы, необходимо осознанно проникнуться именно этим *своим* отношением к живым существам. Психотерапевты изучают, как по-своему переживают Природу пациенты в зависимости от их особенностей, дабы помочь им лечиться творческим общением с Природой. Но и здоровый человек с какими-то душевными трудностями может серьезно помочь себе целебно-творческим общением с Природой, если осознает, прочувствует свои особенные отношения с ней. Например, для одного человека любимая живая Природа — это конкретные живые существа: например, Бегония в горшке, Шмель на клумбе, Щенок-дворняга. Все это близко душе потому, что напоминает каких-то близких людей, хочется тепло погладить всех этих «младших братьев», хочется как-то помогать им, как нуждающимся в помощи людям. А для другого человека, в соответствии с иным душевным складом, живая Природа — не столько конкретные живые существа, сколько затаившаяся в них Гармония, абстрактная великая Соразмерность-красота, которой он торжественно проникается и вдохновляется. И ему нередко близки растения, животные, в которых больше истинной Гармонии, математически-геометрической, иероглифически-символической прелести, нежели теплого жизненного, земного полнокровия, а именно — кактусы, декоративные рыбки, бабочки, змеи, пауки.

Помогает выяснить свое, индивидуальное отношение к живым существам их срисовывание, творческое фотографирование, описывание их в записной книжке, дневнике, поскольку все это побуждает хотя бы рассматривать живое. Например, рисуя скромный Выюнок полевой, вдруг открываешь волшебную стройность каждого маленького цветка, если внимательно приглядеться. Описываешь Крапиву двудомную — и замечаешь загадочные дыры в ее листьях. И тогда еще легче «приме-риваться» душой к природному существу — мое это, близкое мне или я к нему все же равнодушен? Еще помогает — рассматривать в этом смысле картины художников: вижу Природу ближе к Саврасову, Левитану или ближе к Рериху, Сарьяну? Не свойственное нам видение Природы каким-то художником

часто мягко подталкивает к *своему* собственному видению, более близкому к видению других художников.

Но, понятно, по-настоящему серьезно поможет выяснить *свое* отношение к разнообразному в Природе изучение характеров, характерологических радикалов (раздел 1), подробное изучение своего характерологического отношения к различным растениям, животным, минералам, облакам, звездному небу.

Психотерапевт Лес

Лес благотворно воздействует на нас физиотерапевтически-целебным воздухом, успокаивающим зеленым цветом листьев, хвои, своей тишиной, в которой вдруг раздается, например, звонкий свист Синицы или голос Сойки, грубовато-смешно подражающей голосам других птиц. Но вот уже здесь видим, как трудно отделить физическое воздействие леса от душевного: ведь невозможно же не отвечать душевно Синице или клейко-зеленому листику Березы с прилипшей к нему паутинкой. А если отвечаем душевно лесному растению, животному или голубому небу среди верхушек деревьев и при этом нам становится легче, светлее и хочется жить и жить и делать свои дела, и быть с близкими тебе людьми, — то это уже поистине душевное воздействие Леса на нас. Даже если растения присыпаны уже ноябрьским снегом. Если от этого душевного воздействия у нас существенно улучшается расстроенное прежде настроение, уходят неуверенность, тревога, тоскливость, — то это воздействие Леса вполне можно назвать психотерапевтическим.

Психотерапия — лечение (в самом широком и высоком смысле) средствами души. Средствами своей души может помогать человеку врач, психолог, писатель, священник, то есть какой-то другой человек. Но каждый из нас может средствами своей души помогать себе и сам. Для этого следует душевное состояние свое как-то целебно преломить, наполнить общением с Искусством, Наукой или Природой. Если в случае общения с Искусством, Наукой мы все-таки как бы общаемся с другими людьми — художниками, писателями, композиторами, учеными — через их произведения, то уж душевное, психотерапевтическое общение с Природой и, в частности, с Лесом —

это есть общение с самим собою через Природу, с помощью Леса.

Лес прежде всего поднимает, успокаивает, просветляет душу, потому что погружение в него есть погружение в Природу, из которой мы вышли и которую несем в себе, хотя нередко и не чувствуем этого в суете жизни. Когда с Природой вот так тесно общаемся, входим в ее заросли с головой, как возможно это в лесу, в нас как бы пробуждается, невольно созвучно оживает наше собственное природное (то, что роднит нас с растениями и животными), а оживление природное, телесное побуждает к оживлению душевному, и наоборот. Телом и душой ощущая, например, в лесных зарослях среди никуда не спешащих, бестревожных мхов, веток, коряг это свое родство с Природой, с голубым Колокольчиком, который сегодня такой же, как много веков назад, ощущая несомненную включенность свою в Природу наряду с Лягушонком в траве (у которого тоже глаза и тоже дышит), Лесной геранью, в сосудах которой течет питательный сок, как в наших сосудах наша кровь, — мы бестревожно и светло чувствуем-понимаем, что всегда, даже через тысячу лет будем в Природе (потому что сами Природа), например, рассыпавшись молекулами в лесных цветах, в березах и соснах, в лягушках, в насекомых далекого будущего.

Но человек общается с самим собой с помощью Леса еще и в том смысле, что разглядывая лесные пейзажи, деревья, травы, слушая птиц, он, во всяком случае, невольно как бы «примеривает» себя ко всему этому, находит или не находит свое душевное созвучие с конкретным растением, птицей, насекомым. В зависимости от особенностей своего характера люди по-разному видят, слышат лес — Ель, Землянику, Боровик, стрекозу, застывшую над тихой лесной лужей. Каждый творческий человек воспринимает все это глубинно по-своему. Например, одному Стрекоза напоминает модницу-кокетку в перламутрово-искрящемся узком платье, другому — металлическую покрашенную конструкцию-механизм, третьему — священный голубой иероглиф. Высматривать в лесу себя, свою особенность, свои «этюды» весьма помогают фотография и рисование. И вот когда человек научился (или всегда умел) воспринимать лес по-своему, то есть творчески, например, видит Сыроежку не по-пришвински (как тарелку с дождевой

водой), а как-то по-своему, сообразно своим душевным особенностям, то он в это время чувствует себя особенно ясно самим собой, а это всегда открывает в душе вдохновение. Нравится нам обычно то, что чувствуем своим, близким себе. Можно сказать, что лесное вдохновение и есть радостная, содержательная встреча с самим собой с помощью Леса. Любое расстройство настроения несет в себе ощущение душевной разлаженности, аморфности, неопределенности. Когда же человек в творчестве, в творческом общении с Природой ощущает себя более, чем прежде, самим собой, понимает, чувствует, хотя и смутно, особенности своего характера — прежнее переживание неопределенности-разлаженности, это дурное настроение ослабевает или уходит в творческом вдохновении. Нередко при этом человек становится добрее, нравственнее, потому что творческое вдохновение всегда есть доброжелательное отношение к людям, светлое желание искать в людях хорошее, любить их. Конечно, этот целебный радостный подъем-вдохновение имеет под собой биологическую основу, биологический сдвиг — отворение внутренних, природных аптек с выходом из них собственных наших лекарств, с которыми связано радостное просветление, способность ярко видеть и чувствовать мир, людей и серьезное улучшение в болезни или выздоровление.

Многие размышляющие, рассудочные люди тем лучше, одухотвореннее чувствуют себя в Лесу, чем подробнее (даже научнее) знают о том, что именно рассматривают вокруг себя, к чему прикасаются. Знание лесных растений, насекомых, понимание того, что, например, предки папоротников и стрекоз жили еще в каменноугольный период и т. д., — помогает еще глубже выяснить, продумать-прочувствовать свое отношение к тому, из чего состоит Лес, к лесным пейзажам, еще яснее увидеть через все это свою собственную общественно-полезную жизненную дорогу.

О тоскливом переживании смерти близкого человека

Это то, что было или будет у многих из нас, что затрагивает всякую чувствующую душу.

б Д...
Тоска-тоскливость —
нашей жизни. —
жить, достойно про-
а не исчез. Ведь
(нередко больш...
мым существом с...
Многие ушедшие
помогают нам жи-
нас. Наконец, ск...
дены в будущей
Горе углубляе-
рьезнее, подроб-
шего. Потому, п...
боли с нежелан-
ча, не надо вык...
более вином. Ж...
страдание, кот...
законам самор...
ет-понимает).
Другое дел...
лее целно и, з...
цельности. По...
лее целно, це...
нее чувствуем...
ушедшему че...
горе через эт...
ствовать себ...
светлением. З...
ства, всегда ц...
светлением.
Что же ну...
пережить сво...
ки? Точнее, в...
природе, кот...
или по воле...
ветов, исход...
кого опыта.
Во-первы...
бы по душе у

Тоска-тоскливость по близкому человеку, ушедшему из нашей жизни, — чаще не болезнь, а горе, которое надо пережить, достойно пронести в себе. Ушедший от нас именно ушел, а не исчез. Ведь он и сейчас в нашей душе, мы говорим о нем (нередко больше, чем о ком-то живом), а значит, он есть, самым существом своим, душой своей присутствует среди нас. Многие ушедшие той памятью, которую оставили после себя, помогают нам жить гораздо больше, чем многие живые среди нас. Наконец, сколько людей религиозной верой своей убеждены в будущей встрече с ушедшим...

Горе углубляет наше душевное переживание, помогает серьезнее, подробнее, правдивее понять и почувствовать ушедшего. Потому, по возможности, если нет отчаянной душевной боли с нежеланием жить, то есть нет болезни, требующей врача, не надо выключать свое переживание лекарствами и тем более вином. Лучше полностью, незамутненно пережить то страдание, которое ниспослано нам Богом или происходит по законам саморазвивающейся Природы (это уж кто как чувствует-понимает).

Другое дело — можно помочь себе пережить это горе более цельно и, значит, более смягченно-просветленно в своей цельности. Поясню это. Переживание по ушедшему тем более цельно, целостно, целокупно, чем яснее глубже-подробнее чувствуем в этом переживании именно *свое* отношение к ушедшему человеку и к смерти, бессмертию вообще. Когда в горе через это *свое отношение* начинаешь отчетливее чувствовать себя собою, душа смягчается торжественным просветлением. Это есть извечный природный механизм творчества, всегда целебного своим неизбежным вдохновением-просветлением.

Что же нужно, понимая все это, конкретно делать, чтобы пережить свое горе более цельно, естественно, по-человечески? Точнее, как тут надобно помогать, способствовать нашей природе, которая уже и без того, защищает нас — сама собой или по воле Бога. Попытаюсь дать несколько самых общих советов, исходящих из моего многолетнего психотерапевтического опыта.

Во-первых, надо стараться делать все то возможное, что было бы по душе ушедшему, как будто бы он жив и смотрит на нас. От

малого до побольше. Вот поставлю на стол ромашки, которые он так любил. Пришью пуговицу к его пиджаку. Подарю его племяннику транзистор: ушедший об этом мечтал. Напечатаю на машинке, попрошу взять в журнал его стихи. И так далее. И если это просится из души, надо говорить с ушедшим (и вслух, и про себя) — и дома, и на кладбище. Рассказать, как все сейчас дома, как там у него на работе, — как будто он нас слышит. Во всяком случае, нас слышит наша память о нем. Ведь даже неверующий человек, но добрый и сложный душой, свято склоняет голову перед памятью дорогого ему ушедшего.

Во-вторых, надо стараться быть в своем горе с теми близкими людьми, которые сами переживают тягостно эту утрату или способны искренне посочувствовать, разделить горе. И тогда делаешься еще понятнее себе в своем переживании.

В-третьих, в горе легче среди Природы. Неживая природа (голые скалы, морская галька, песок, звездное небо) оживляет примиряющее с горем ощущение вечности, философское отношение к жизни людей на Земле. Живая природа поначалу нередко исподволь-неосознанно убаюкивает-просветляет тем, что наглядно напоминает: постоянно-естественно одно умирает, другое рождается. Засохший упавший лист как-то остался (какой-то памятью, каким-то следом) в живом материнском дереве, как ушедший человек — в Человечестве. Упавший лист превратится в землю, а совсем из Природы не сможет выпасть, как и бабочка-однодневка. И проникаешься этим природным, волшебным спокойствием. Через это свое, личностное отношение к Природе в связи с горестной утратой близкого человека чувствуешь себя еще более собою, еще личностнее, а значит, светлее становится переживание. И если уж пытаться смягчить страдание лекарством, то пусть лучше это будет тоже Природа: Валериана, Пустырник, успокоительные чаи.

В-четвертых, советую дать волю воспоминаниям об ушедшем, и, может быть, писать эти воспоминания, как бы оживляя этим ушедшего. В писании таком часто начинает светиться тихое творческое вдохновение.

В-пятых, советую попытаться почувствовать все же торжественность того, что произошло. На это способен всякий одухотворенный человек (религиозный и не религиозный). Ведь

ушедший ушел туда, где мы все были вечно, до нашего рождения, и куда все снова уйдем, тоже навечно, — после нашей жизни.

Лучший же лекарь горя, конечно, Время. Обычно горестная тоска-тоскливость отступает-смягчается неделя за неделей, месяц за месяцем, — и тогда нет надобности обращаться к врачу.

Итак, тоскливое переживание по ушедшему близкому человеку (во всяком случае, без острой душевной боли с желанием покончить с собой) — не есть болезнь в истинном смысле. Это свойство неравнодушной души, это живая человечность.

О национальных характерах⁸⁹

В наших занятиях разнообразным целебным творчеством в духе Терапии творческим самовыражением пациенты с тревожными и депрессивными расстройствами изучают характеры, тягостные расстройства настроения, чтобы яснее понять свои особенности, в том числе национальные, сравнивая себя с другими людьми, и сообразно этим природным особенностям обрести собственный самобытный путь-смысл в жизни, одухотворенно-целебный в широком и высоком смысле. Разные у людей от природы характеры: напряженно-авторитарный, сангвинический, замкнуто-углубленный, тревожно-сомневающийся, застенчиво-раздражительный, демонстративный, неустойчивый и еще другие. Но каждый общечеловеческий характер, как и телесная особенность, имеет свою более или менее выразительную национальную окраску. Нашим пациентам разных национальностей, с их душевной ранимостью-уязвимостью, переживанием своей неполноценности помогаем понять-прочувствовать, что на свете нет просто плохих характеров, как нет и плохих национальностей. Даже неприятные многим определенные национально окрашенные черты характера не есть дурное само по себе, а дурное — лишь у данного, конкретного дурного, например, своей безнравственностью человека. Так, может вызы-

⁸⁹ Литературная Адыгея. 1996. № 1-2. С. 210-212.

вать неприятное чувство нередкая у русских людей лень-непрактичность, надежда на «авось», склонность к охмелению со всяким там «ты меня уважаешь?». Однако все это имеет единый корень и с русской добротой, широтой натуры, и с особенно свойственным русским интеллигентам тоже «неделовым» стремлением погружаться с чувством вины в подробные нравственно-этические размышления, как это замечательно психологически изображено в произведениях Достоевского, Толстого, Чехова. Известная, неприятная многим русским практичность некоторых евреев (расчетливое умение не упустить то, что можно не упустить и т. п.) свойственна отнюдь не всем евреям и генетически глубинно связана не только с полезными обществу высокими коммерческими, экономическими способностями, но и с блестящим практическим умением многих врачей-евреев легко и точно произвести сложнейшую хирургическую операцию, быстро-трезво разобраться в сложной диагностике и т. п. В этом же духе можно рассуждать о любом народе. Дореволюционная «Большая энциклопедия» (т. 20, с. 36, 1909) «типичными чертами характера» черкесов называет «гостеприимство и кровную месть, отчаянную храбрость, подчинение старшим, с другой стороны — коварство, лживость, склонность к воровству и открытому грабежу». И здесь, убежден, вспоминая Адыгею своей молодости, что коварство, вороватость и другое дурное имеет отношение лишь к некоторым черкесам, хотя и может здесь быть национально заострено, усилено. Но сколько я видел, чувствовал черкесского благородства без всякой лживости-фальши, притом выраженного настолько ярко, красиво, что это тоже можно назвать национальной чертой. Дурное, безнравственное возможно лишь у конкретных людей, но не у всего народа. Любой народ в целом, если только сознание его не загипнотизировано временно какой-то душевной эпидемией (массовым агрессивным националистическим порывом, завоевательной войной, революцией и т. д.), благороден, нравственен, дабы выжить, и, в доказательство этого, прекрасен народным своим творчеством, своей национальной классической литературой и искусством.

Итак, есть конкретные скверные люди, несущие в себе врожденную склонность ко злу, и это существенно не поправишь ни добрым воспитанием, ни жизненными радостями, достатком.

б. Дарвинизм от природы
Есть бланкетизм от природы
своим волевым усилием
между этими людьми
человек существует
теперь жизни людей
ми» по обстоятельству
страшных, обезличиваю
Вообще всякое, враждеб
ту, в представлении мести
онально-психическое
лежит свойственная мно
родная защита от внима
врагу, мешающего в бит
детства — доисторическ
огонь». Так, и все неме
кой Отечественной вой
дурных «фрицев», котор
Это так художественно
рассказе «Неодушевлен
дом своем рассказе о Ка
ряться с таким военно-
людей. Иные сложные, с
в пекле сражения сужи
размышляющей ненави
своего врага как чело
кое. «Боже мой, если б
молодой солдат с роли
зная его, был бы моим
нимающим меня и сп
моих душевных трудн
Не способен при
личностью людей
теи и Кабардино-Ба
исторические печ
ской войне («Два п

Есть благородные от природы дети, которые и при безнравственном воспитании вырастают порядочными людьми. Но между этими полюсами (так уж устроено в Природе, Человечестве) существует масса эмоционально зависимых от обстоятельств жизни людей, которые будут «плохими» или «хорошими» по обстоятельствам, событиям жизни. Одним из самых страшных, обезличивающих событий жизни является война. Вообще всякое, враждебное противостояние народов друг другу, в представлении многих, особенно дурно окрашивает национально-психологические свойства инородцев. В основе этого лежит свойственная многим людям с первобытных времен природная защита от внимательно-человеческого отношения к врагу, мешающего в битве. Помню это еще из любимой книги детства — доисторического романа Рони Старшего «Борьба за огонь». Так, и все немецкие солдаты и офицеры во время Великой Отечественной войны превратились для нас в бездушно-дурных «фрицев», которых надлежит убить или взять в плен. Это так художественно-горько выразил Андрей Платонов в рассказе «Неодушевленный враг». А Лев Толстой уже в молодом своем рассказе о Кавказской войне «Набег» не мог примириться с таким военно-суженным, агрессивным настроением людей. Иные сложные, одухотворенные люди не способны даже в пекле сражения суживаться сознанием в прямолинейной неразмышляющей ненависти. Они и сегодня в бою разглядывают своего врага как человека и спрашивают у себя примерно такое: «Боже мой, если б не проклятая война, может быть, этот молодой солдат с родинкой на щеке, которого сейчас убью, не зная его, был бы моим лучшим другом, лучше всех других понимающим меня и способным искренне сочувствовать мне в моих душевных трудностях?»

Не способен примириться с военной агрессивной обезличенностью людей и современный народный писатель Адыгей и Кабардино-Балкарии Исхак Машбаш. Об этом — его исторические печально-романтические повести о Кавказской войне («Два пленника»)⁹⁰. Старый солдат Федор, по-

⁹⁰ Машбаш И.Ш. Два пленника: Исторические повести / Авторизованный пер. с адыг. Е. Карпова. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1995. 472 с. Очерк опубликован в журнале «Литературная Адыгея». 1996. № 1-2. С. 210-212.

бывавший в плену у черкесов, выучивший язык горцев, полюбивший многих из них, и юная пленная черкешенка Афипса, ставшая дочерью Сорок четвертого драгунского Нижегородского полка, подружившись, по-человечески нежно прониклись друг к другу, сделались как родные, как, может быть, случилось бы это и в мирной жизни. Но часто именно одухотворенный человек может, при всей доброжелательности-любви своей к инородцам, здорово жить только среди своих по крови людей, среди родной природы и культуры. Он должен быть личностно свободен, то есть ни у кого не должен быть в плену (физическом и духовном) в самом широком смысле. Иначе он страдает, вянет-гибнет душою и телом, как аристократическая своей тонкой духовной хрупкостью Афипса. Вот что говорит о Федоре в связи с этим писатель: «Простой солдат понял, что девочке нужна свобода, и только свобода, родная земля, родные по духу и крови люди. Не зная лучшего, он пошел на нарушение присяги, на преступление, сбегав с Афипсой из крепости. И погиб» (с. 465). Да, есть черкесы, которые хотят жить среди русских в русских городах, и им хорошо там. Но многие черкесы плохо себя чувствуют не в своем ауле, потому что «вишня» по-черкесски «чэрэз», а не «алубали», как по-грузински, потому что черкесы не носят умирающие цветы на могилы — «дома вечности» (с. 318).

Книги Исхака Машбаша по-горски поэтически-красочно и грустно говорят нам следующее. Не нужно плена, не нужно войны и ненависти; будем проникаться друг к другу теплом душевным, духовным — в согласии с нравственным духом Православия и Ислама. Необходимо нам, чтобы понять друг друга и помириться, разглядеть в «противнике», с уважением к его национально-психологическим особенностям, человека, а не безликого врага. Это удастся некоторым героям дилогии — черкесам, русским, грузинам. Если бы это удалось сегодня тем русским и чеченцам, которые способны более других остановить трагедию на Северном Кавказе, то было бы легче договориться между собою в наших национальных желаниях, по-человечески, без ран, смертей и горя, цивилизованно. А то горе, слезы, перестрелки, бои, террористические акты, куда-то

б. Дефензивные люди
идущие от своих
происходит уже
Всущности, не
для обсуждения
ми, сложными
ких группах творче
баша уже вошли в
амбулатории, ока
писателю.

Тема «Религиозные
в Терапии творче

В Терапии творче
пациенты и здор
ценности изуча
жении природн
инные характер
тологию или не
кой выражено
того, чтобы в об
ком самовыраж
неуютя к целеб
ваниям и, если
бы обрести бол
душевной жизн

В этом псих
нов характеров
ленному миро
нальными особ
рологической
чувствам, пер
нуться. Понят

Успехи те
научных исследо
ного образовани
С. 141-142.

идушие от своих разрушенных домов беженцы, — все это происходит уже не только в Чечне, но и вокруг нее.

В сущности, написанное выше есть одновременно материал для обсуждений, лечебной работы с тревожно-депрессивными, сложными душой пациентами в наших психотерапевтических группах творческого самовыражения. Книжки Исхака Машбаша уже вошли в библиотеку нашей психотерапевтической амбулатории, оказавшись ценными и для лечения. Спасибо писателю.

Тема «Религиозные чувства и характеры»⁹¹ в Терапии творческим самовыражением

В Терапии творческим самовыражением (ТТС) дефензивные пациенты и здоровые люди с переживанием своей неполноценности изучают в разнообразном творческом самовыражении природные особенности своего душевного склада, иные характеры, свою и не свою хроническую душевную патологию или неизбывные (хотя и в здоровой, субклинической выраженности) расстройства настроения. Все это для того, чтобы в обретенном сообразно своей природе творческом самовыражении подняться из патологии или душевного неуют к целебно-вдохновенным, содержательным переживаниям и, если не поправиться этим существенно, то хотя бы обрести более или менее стойкое посветление качества душевной жизни в своей хронической патологии.

В этом психотерапевтическом изучении природных основ характеров, природной предрасположенности к определенному мироощущению неизбежно встречаемся с национальными особенностями (окраской) характеров и характерологической склонностью к различным религиозным чувствам, переживаниям или неспособностью ими проникнуться. Понятно, мы не входим в нашей психотерапевтичес-

⁹¹ Успехи теоретической и клинической медицины // Материалы научных исследований Российской медицинской академии последипломного образования / Ред. Л.К. Мошетова. Вып. 4. М.: РМАПО, 2001. С. 141–142.

кой работе в национально-психологические, философские, социологические, религиоведческие подробности, как и не погружаемся в детали литературоведческие, искусствоведческие, естественнонаучные и т. д. ТТС в большинстве случаев содержательно ограничивается элементами знаний, сосредоточенных в энциклопедических словарях, энциклопедиях, школьных учебниках и, конечно, в религиозных книгах, в альбомах, слайдах, в специальной психотерапевтической литературе по ТТС. Однако постижение этих элементов должно быть поистине клинико-психотерапевтическим, проникновенно-творческим, щепетильно-нравственным, совестливо-деликатным — всегда и особенно в нынешнее, тяжелое террористическими актами, время.

Попытаюсь кратко показать, как забочусь об этом в процессе занятий в группе творческого самовыражения о монотеистических религиях и характерах.

Сквозь все наши занятия вообще проходит одно из основных положений ТТС: нет нравственных и безнравственных характеров, душевных болезней, нет нравственных и безнравственных национальностей, религий; все это не несет в характерологической структуре своей того, что нуждается в моральной оценке; может быть нравственным или безнравственным только конкретный человек с определенным характером, определенной болезнью, национальностью. Человек с любым характером может быть по-своему нравственным или безнравственным. Это еще не так ясно выступает в прежних, в том числе классических, характерологических книгах. Даже принято считать, например, в психиатрической среде, эпилептоида «плохим» (безнравственным), а психастеника «хорошим» (нравственным). Убежден, что (независимо от того, психопатия это (расстройство зрелой личности — по МКБ 10) или акцентуация) авторитарно-напряженный эпилептоид (эпилептоидный акцентуант) может быть глубоко нравственным, как, например, полководец, защищающий свой народ от врага, а тревожно-сомневающийся психастеник (психастенический акцентуант) может своими тревожными сомнениями безнравственно затруднять жизнь близким и сослуживцам, как чеховский «человек в футляре». То же самое убеждение могу высказать о национальных характерах и религиях, поскольку

ку к религиозным мироощущениям существует известная природная (прежде всего национально-характерологическая) предрасположенность.

В настоящих занятиях с пациентами, здоровыми людьми с душевными трудностями обычно приходим к тому, что в характерологической структуре Иудаизма (самой древней монотеистической религии) обнаруживается тревожно-ананкастическая аутистическая, по-своему чувственно-полнокровная (синтоноподобная) авторитарность: богоизбранность еврейского народа, тревожное поклонение закону, ритуалам, большое внимание к земной, теплой семейной жизни, к матери, родственникам и т. д. Много из этого убедительно выступает и в картинах Шагала. Конечно, можно сетовать на «богоизбранность», но убежденность в превосходстве своей религии над остальными свойственна в большей или меньшей мере всем монотеистическим религиям, как убежденность в единственной своей правоте свойственна аутистичности вообще. В характерологической структуре Буддизма видится некоторая аутистическая пассивно-оборонительная, сенситивная склонность к просветленному покою-нирване: уход от ранящего или чувственного земного, непрактичность, непротивление злу с неучастием во зле и т. д. В характерологической структуре Христианства ясно звучит аутистическая мягкая дефензивность (психастеноподобность): сострадание, принести себя в жертву, принять страдание за людей от любви к ним через Бога, как к несущим в себе Божественное, таинства, исцеления, иконы, священники. В характерологической структуре Ислама обнаруживается авторитарная напряженность, надежность, опора: покорившись Аллаху, единому и всемогущему Богу всех людей, быть справедливым, серьезно-аккуратным, строгим в совершении молитв, в еде, напитках и т. д. Мусульманская напряженность без иудаистской синтоноподобности объясняет, видимо, эту особую известную строгость в служении Аллаху. Но, повторяю, в характерологической структуре Ислама безнравственность терроризма отнюдь не заложена, отсутствует, как отсутствует она и в полководце, о котором уже говорил.

Таким образом, религии несут в себе определенные характерологические особенности, структуры, способные выступать в конкретных верующих людях во имя добра и во

имя зла. Благодаря своей характерологической структуре та или иная религия особенно созвучна людям определенного склада. Все здесь непросто. Множество сложных нюансов, а потому и религий, граней созвучия одного человека с разными религиями и т. д. Многие синтонные люди тянутся душой к Иудаизму благодаря его синтоноподобному семейно-земному полнокровию. Нередки одухотворенные авторитарные аутисты среди мусульман и т. д. Главное на таких занятиях в группах творческого самовыражения в нашей многонациональной и многорелигиозной стране — высветить указанные освобожденные от «хорошего», «плохого», нравственного, безнравственного религиозные характерологические структуры, помочь почувствовать-понять, что в каждой религии близко, созвучно каждому участнику занятия. Этому способствуют слайды, альбомы, тексты (религиозные книги, искусство, литература религиозного содержания). Важнее всего проникнуться уважением к «характеру» каждой религии, стремлением направить свое религиозное переживание (если оно сформировалось) к Добру. Религиозные тексты многозначны, и важно воплощать их в Добро. Так же как люди с разными характерами, национальностями успешно учатся в ТТС понимать и принимать душевные, духовные ценности друг друга, так и люди разной веры, изучая себя и друг друга в разнообразном творческом самовыражении, оставаясь религиозными самими собой, способны проникнуться друг к другу глубоким, мирным уважением. Для каждого свое по природе его, а в то же время мы вместе и нужны друг другу. И это убеждение-переживание также целебно в высоком смысле.

«Душа России» и профилактика душевного здоровья⁹²

Национально-психологическая особенность народа — это не то, что в отчетливости своей присуще всем людям, составляющим данный народ, и даже подавляющему большинству этих людей. Это — природная особенность души, которая в выра-

⁹² Экология человека. 2001. № 4. С. 19–21.

зительном, типичном виде присутствует у многих в этом народе, оставляя хотя бы свою тень у большинства людей, составляющих этот народ, и достаточно ярко, проникновенно обнаруживает себя в истории и культуре народа. Это, например, подмеченные еще Гоголем чувственно-полнокровная, естественная радость жизни древних греков, напряженность-авторитарность древних римлян, символическая углубленность в себя древних египтян⁹³. В таком духе можно говорить и о довольно стойких особенностях разных народов последних веков жизни Человечества.

«Душа России», как полагает Николай Бердяев, это — святая, покорная, застенчивая, сомневающаяся, религиозно-материалистическая женственная боязнь власти, нерешительность, неуверенность в своих силах, мечта об абсолютной свободе, мечта об абсолютной любви, готовность в реальности довольствоваться небольшим, «мириться с грязью и низостью». «Поэтому святая Русь имела всегда обратной своей стороной Русь звериную» (Бердяев Н.А., 1998). Соглашаясь, в основном, со всем этим у Бердяева и многих других исследователей «загадочной русской души», отмечу, что такая национально-психологическая особенность, противоположная агрессивности, есть дефензивность: природное непрактичное, инертное, тревожное переживание своей неполноценности с устремленностью к добру, общественной пользе. Таких людей, страдающих от своего характера по-большому или по-здоровому, в явном или скрытом виде, прикрывшись защитной накидкой сверхмужественности или не прикрывшись, в самом деле, много в России, даже не только среди русских, но и вообще среди россиян. Убежден в этом, как пожилой уже психотерапевт. Эти люди живут и в произведениях наших самых художественно-глубоких, самых национальных писателей XX века (например, в прозе Платонова, Пастернака, Гроссмана, Воробьева, Распутина, Астафьева, Айтматова), и несомненно характерологически-дефензивная, родственная связь этих писателей с тоже дефензивными Достоевским, Толстым, Чеховым. Мотив дефензивности отчетливо звучал и звучит в душах российских интеллигентов.

⁹³ См. работу Е.К. Краснушкина (1960).

Не удивительно, что этот российский, дефензивный характер (другие его обозначения — «астенический», «психастенический», «психастеноподобный», «тормозимый», «застенчиво-раздражительный», «тревожно-сомневающийся» и т. д.; не будем здесь входить в детальную дифференциальную диагностику) особенно подробно, психологически-тонко был описан в начале XX века и именно в России психиатрами С.А. Сухановым (1905) и П.Б. Ганнушкиным (1907). Однако Н.А. Добролюбов, получивший высшее педагогическое образование, еще в 1858 г. публикует в «Журнале для Воспитания», по-видимому, во многом автобиографическую, малоизвестную статью «Ученики с медленным пониманием (Из заметок учителя)». Публикует без подписи автора, как это делал не раз тоже застенчивый В.Г. Белинский. Долгие годы уже восхищенно удивляюсь этой классической психологически-педагогической работе, написанной 22-летним литератором о часто высоких творческих способностях легко путающихся, «непонятливых» дефензивных школьников, которых многие учителя считают «глупыми», «бестолковыми», «бездарными». Уже в то время Добролюбов призывает учителя обратить особое внимание на этих часто одаренных ребят: помогать такому школьнику «медленнейшим и простейшим ходом учения» и выяснить, в каком направлении его «нужно особенно упражнять», «одобрять», и «что можно оставлять без внимания», ибо эти ученики, в отличие от посредственностей, «как бы ищут себе убежища в одной определенной области духовной жизни и в ней-то обнаруживают столько же производительности, как и оригинальности». Посредственным же не нужно «особых дидактических приемов»: они благополучно сдадут экзамены и смогут «говорить даже о предметах, которых они совершенно не понимают» (Добролюбов Н.А., 1935). Через четверть века (1884) знаменитый российский врач, педагог Петр Францевич Лесгафт назовет этих стесняющихся школьников «угнетенный тип» и подчеркнет их душевную мягкость и способность глубоко сочувствовать «страждущим и оскорбленным»: «готов просиживать около них целые дни и ночи, не жалея себя и забывая о собственных своих нуждах и лишениях» (Лесгафт П.Ф., 1884).

Известно, что дефензивность — благодатная почва для произрастания тягостных психогенных расстройств. Когда, хотя

бы немного, усиливается в России агрессивность (звериный дух), особенно страдает, обостряется в глубине своей дефензивность и особенно нуждается в душевной помощи. Это происходит и сегодня.

Уже более 30-ти лет стараемся помочь дефензивным людям специальным сложным отечественным психотерапевтическим методом — «Терапия творческим самовыражением (с осознанностью своей общественной пользы, с возникновением на этой основе стойкого светлого мироощущения)» (Бурно М.Е., 1989, 1999, 2000, 2006). Существо метода — в изучении вместе с дефензивными людьми их дефензивной природы, их душевных, духовных ценностей, силы их слабости, в изучении характеров вообще с поиском себя среди людей, своего жизненного пути, творческого вдохновения, в котором всегда живут Смысл и Любовь. Творчески раскрыть, реализовать заложенное в тебе природой — значит, как известно, вызвать подъем жизненных сил организма, целебно, профилактически укрепить тело и дух по отношению к разнообразным, внешним и внутренним (врожденным) вредоносным воздействиям. Живущий в творческом вдохновении нередко счастлив и своим долголетием.

Метод, созданный поначалу для лечения разнообразных дефензивных тревожных и депрессивных расстройств, давно уже благодаря психологам и педагогам работает и вне медицины — в школах, интернатах, детских садах, домах творчества. Метод и здесь продолжает называться по-прежнему, поскольку точный перевод слова психотерапия — не только *лечение* души душой, а шире — «чуткая забота» о душе (Макаров В.В., 2001; Притц А., Тойфельхарт Х., 1999). В последние годы, однако, предлагаю для помощи душевно здоровым дефензивным людям термин «характерологическая креатология» (Бурно М.Е., 2007).

Терапия творческим самовыражением (ТТС) — в сущности, психотерапевтическая система, исходящая из естественно-научного отношения к душе человека, помогающая больному или здоровому, по возможности, жить сообразно своей природе. Это значит: продумать-прочувствовать, кто ты со своими душевными и телесными особенностями по природе своей, в чем твоя слабость и в чем сила (конституционально-тесно свя-

занные между собою в твоей природе), в чем природная особенность твоего мироощущения, образа жизни, любви, как и чему следует тебе учиться, дабы жить по-своему (то есть творчески), чтобы делать в жизни то, что получится у тебя лучше, чем другое и лучше, чем у многих других. Как воспитывать своих детей, похожих и не похожих на тебя. Наконец, как по-своему болеть, если пришла тяжелая болезнь, и как по-своему умереть, оставаясь собою до конца в любом безвыходном положении. Каждый из нас силен и одновременно ограничен этой своей природной особенностью, и все мы нужны друг другу своими особенностями, составляя развивающееся, хоть и стареющее уже, Человечество. А поистине «идеальных», «гармоничных» людей нет, это старая иллюзия.

Метод (ТТС) включен в российскую Унифицированную программу последипломного обучения врачей и психологов психотерапии и медицинской психологии, преподается и в некоторых институтах на кафедрах психологии студентам. В Профессиональной психотерапевтической лиге (ППЛ) работает Центр Терапии творческим самовыражением с региональными отделениями в разных городах России и в зарубежье.

Метод применяют специалисты в следующих областях психогигиены, профилактики душевного здоровья (лишь некоторые работы).

1. Школьные психологи и педагоги в школах (Бурчо Л.И., 2001; Конрад-Вологина Т.Е., Бурчо Л.И., Лупол А.В., 1999; Конрад-Вологина Т.Е., Поклитар Е.А., 1997; Лупол А.В., 2000; Поклитар Е.А., Орловская Л.В., Штеренгерц А.Е., 1996)⁹⁴. Манюкова Е.С., 2003; «Применение метода терапии творческим самовыражением в работе психолога: учебно-методическое пособие» (2006). Возвращаясь к всегда современному Добро-

⁹⁴ Это все специалисты одесской школы ТТС (школа — свое направление, защищенные диссертации). Одесса стала второй родиной Терапии творческим самовыражением (после Москвы). В Одессе благодаря прежде всего научно-организаторским усилиям академиков А.Е. Штеренгерца и Е.А. Поклитара ТТС расцвела в своем южно-красочном полнокровии и в соматической медицине (О.Н. Нерсисян, А.А. Носач, А.Р. Терлецкий), и в здоровой жизни. Одесситы вывели ТТС в дальнее зарубежье (Т.Е. Конрад-Вологина, А.Р. Терлецкий, И.Е. Ройз, Е.А. Штеренгерц, Я.Н. Воробейчик). Вышли в свет «Избранные труды Одесской школы Терапии творческим самовыражением» (2007).

любому, мудрому в своей молодости защитнику дефензивных ребят: «В наше время более чем когда-либо нужно внимательно следить за ними, потому что только весьма немногие из них успевают пробиться сквозь школьный лабиринт, состоящий из 10–13 предметов обучения, а большая часть из них еще в низших классах отделяется как негодный балласт и оставляется в стороне, как совершенно незаслуживающий забот учителя» (Добролюбов Н.А., 1935).

2. Профилактика алкоголизма и наркоманий (Рожнов В.Е., Бурно М.Е., Овчинская А.С., Островская О.А., 1991, Раю Н.А., 2000; Грушко Н.В., 2002).
3. Преподавание ТТС студентам в вузах (Поклитар Е.А., Орловская Л.В., Штеренгерц А.Е., 1996; Ян В.И., 1990).
4. Психогигиенические школы (Поклитар Е.А., 1990, 2000). В том числе клубы пожилых людей («За активное долголетие» и т. п.).
5. Семинары христианской психогигиены (Поклитар Е.А., 2000, 2001; Поклитар Е.А., Раскина М.А., 2005). ТТС может помочь человеку, предрасположенному к религиозной вере, найти свой путь к Богу.
6. Профилактика ностальгического синдрома («эмиграционного стресса») (Штеренгерц Е.А., Конрад-Вологина Т.Е., Воробейчик Я.Н., 2001; Раскина М.А., 2005). Американские и канадские работы, выполненные эмигрантами из Одессы, лишней раз убеждают в том, что ТТС — несомненно отечественный, самобытный российский психотерапевтический метод, проникнутый, наполненный российской культурой, целебным творческим общением с российской природой и т. д. Настолько отечественный, родной, что увозится с собою в другие страны и помогает там дефензивным эмигрантам выживать-приспосабливаться.

Из теоретических работ о ТТС отмечу прежде всего с благодарностью работу философа Вадима Петровича Руднева (2001).

Здесь же следует сказать, что помогая человеку стать как можно более вдохновенно-творческим самим собою соответственно своей природе, ТТС помогает почувствовать, понять людей с другими характерами, людей другой национальности, расы,

вероисповедания, помогает принять их всей душой и, может быть, кого-то из них полюбить за то, что мы разные и благотворно дополняем друг друга своими общественно-полезными переживаниями, делами. Непоколебимое положение ТТС состоит в том, что прощаем людям слабости, понимая, почему это именно слабости, и не прощаем откровенной или прикрытой благообразией безнравственности.

М.Е. Бурно

Из многих действий
эти обобщенные
помочь людям с д
реть в этих письм
здесь может сер
или же самому п
но, в том духе, к

Первые девять
носимо») были с
ем «Письма пси
щество «Знани
хиатру Латвии
написаны в пер
боты. Читал эти
молодости, бы
тельной катего
тогда и был.

Постепенн
тод — Терапи
ется помочь л
ноценности т
смысл моей л
письмах, кот
противовес т
уже переста
потому, что
ведь если ср
терапевтиче
вости навсе
что это воз

7. Письма пациентам

Из многих действительных писем к своим пациентам составил эти обобщенные письма — таким образом и для того, чтобы помочь людям с душевными трудностями, быть может, усмотреть в этих письмах переживания, подобные своим, узнать, что здесь может серьезно помочь, обратиться к психотерапевту или же самому попробовать помочь себе, хотя бы элементарно, в том духе, как тут рассказано.

Первые девять писем (вплоть до «Жить в тени для Вас невыносимо») были опубликованы тиражом в 950 экз. под названием «Письма психотерапевта к пациентам» в 1978 г. в Риге (общество «Знание» Латвийской ССР), благодаря главному психиатру Латвии в ту пору Зузанне Григорьевне Сочневой. Они написаны в первые 15 лет врачебно-психотерапевтической работы. Читал эти письма и улыбался над многими словами своей молодости, быть может, излишней лиричностью и нравоучительной категоричностью, но мало поправил, так как таким я тогда и был.

Постепенно сложился у меня психотерапевтический метод — Терапия творческим самовыражением, которым удастся помочь людям с тягостным переживанием своей неполноценности так, как не удавалось прежде. Этот метод — дело, смысл моей жизни, и я не мог не написать о нем в тех пяти письмах, которые в 1994 году прибавил к прежним. Еще я, в противовес тому, что пишу в прежнем, первом, письме, давно уже перестал вовсе пить вино. Это произошло прежде всего потому, что, став старше, серьезнее, спохватился наконец: ведь если среди моих пациентов есть и алкоголики и я психотерапевтически требую от них для их спасения полной трезвости навсегда — так нужно же показать им своим примером, что это возможно.

Вы уже никогда не сможете пить понемногу

Письмо Ваше получил. Рад, что пребываете в совершенной трезвости, купаетесь в море, пишете стихи и фотографируете. Но сам бы сейчас в Крыму скучал по окуням, грибам, березам.

Потому живу как обычно в калужской деревне, в избе. Ловим с сыном рыбу в речушке, впадающей в Оку. Жена жарит наших окуньков и голавлей с зелеными еще помидорами. Варим уху, пьем парное молоко. Овцы, гуси, куры. Много грибов, особенно маслят, от них потом руки, черт знает, какие черные.

Итак, читаю, пишу статьи и вот письма.

Фотографию снегиря на елке мне успели до отпуска застеклить в переплетной, она теперь висит в Москве, у нас дома, в моем кабинете, и очень хороша, спасибо!

Я все теперь размышляю, вспоминая эту Вашу работу, что фотография, конечно же, может быть настоящим искусством, как живопись, поэзия, музыка, то есть фотография тоже может быть отпечатком личности творца. Но если понятно, что, например, Левитан кистью изображал свои переживания в осенних листьях, последнем снеге, берегах реки, то как человек оставляет свое «Я» в художественной фотографии? Видимо, фотограф-художник схватывает аппаратом именно то в окружающем мире, что тонко соответствует, отвечает его собственным переживаниям, и тогда выходит, что он дает себя, свое мироощущение, через, например, этого бодрого, веселого снегиря на еловой ветке, через утренние морозные снежинки, которые блестят на зеленых иголках под солнцем. Мне ужасно теперь хочется, чтобы у сына, который фотографирует здесь лягушек, ворон, коров, тоже получалось что-то большее, нежели просто лягушки, вороны, коровы. Понимаете, чтобы не просто «хризантемы, сломанные бурей», а как у Басё:

Есть особая прелесть
В этих, бурей измятых,
Сломанных хризантемах⁹⁵.

⁹⁵ Хокку. Японские трехстишия / Пер. с яп. В. Марковой. М.: Художественная литература, 1973. С. 133.

Впрочем, сами знаете, что Вы человек одаренный и в фотографическом искусстве, и в поэзии, хотя стихи Ваши редко печатают.

Вы, конечно, со мной согласны, что художественное творчество глубоко лично. В предмете искусства отражаются душевные, личностные особенности автора. И если личность, ее мозговую основу, нарушить, огрубить, например, ядом, то огрубеет и творчество.

Поймите меня правильно: я сам иногда с удовольствием понемногу пью вино, но для Вас даже рюмка сухого вина, даже глоток пива сделались жутким ядом. Дело в том, что Вы по-настоящему больны алкогольной болезнью (хроническим алкоголизмом) — следствие упорного пьянства в прошлом. Теперь, когда благодаря собственному желанию и моему врачеванию бросили пить, Вы уже никогда не сможете пить понемногу, «как все». Если попробуете это делать, то непременно сорветесь, болезнь углубится, личность разрушится, разрушится вместе с ней творческая способность. В снимках сохранится, быть может, как это бывает, профессионализм, но не одухотворенность; стихи сделаются сухими, неинтересными, без изюминки, если вообще не забросите творчество. В конце концов не сможете работать и фотокорреспондентом.

Не сердитесь на меня за эту мораль. Поверьте врачебному опыту: я наблюдал подобное много раз. Выход один: не пить спиртного вовсе, ни капли, никогда. Тогда будет практическое здоровье и радость творчества. Болезнь не зашла еще непоправимо глубоко. Не забывайте, наконец, что у Вас есть маленький сын, который стремится подражать папе. По всему по этому прекратите спрашивать меня: «Когда же пройдет тошнота и можно будет попробовать немного слабого вина?» — Несмотря на Ваш талант, я не смогу Вас уважать, если не согласитесь оставить спиртное совсем.

Сейчас на юге есть случай себя испытать. Не огорчайтесь, что Вас тошнит, когда смотрите на вино. Совсем не плохо, что Вас в ресторане вырвало, когда рядом пили водку. Это действуют гипнотические сеансы. В рестораны, однако, лучше не ходить, и вообще подальше от банкетов. Если же случается

такая необходимость, «пьянейте» в застолье от воды или сока, веселитесь как ни в чем не бывало.

После отпуска нам необходимо постоянно встречаться. А пока с сыном собирайте коллекцию жуков, ходите в музеи, в горы. Ваша жена столько лет почти не видела Вас трезвым. Надеюсь, Вы благодарны ей, что привела Вас за руку ко мне?

Поскольку практически невозможно пока вылечиться от алкоголизма так, чтобы пить умеренно, самое сложное для Вас сейчас — обрести готовность и научиться жить трезвым среди выпивающих, не какой-нибудь месяц, пока свежа еще в памяти трагедия дрожащего, тягостного похмелья, а, подчеркиваю, всю жизнь.

Если возникнет вдруг старое болезненное влечение к спиртному, мы его всегда погасим, только, не откладывая, нужно сразу приехать ко мне. Вам останется лишь отказывать соблазнительям. Советую благородно обманывать их, чтобы не было лишних вопросов, советов и разговоров. То есть, если не помогает объяснение «совсем не пью», говорите, что у Вас хроническое воспаление поджелудочной железы (панкреатит), при этом тоже нельзя ни капли спиртного.

В Москве Вас познакомлю с двумя художниками, они в таком же положении, и, быть может, подружитесь, как говорится, семьями, чтобы вместе встретить, например, Новый год без вина, но душевно и весело.

Меня смутило одно Ваше замечание в письме. Это о том, что похмелье обостряет «творческий дух», что Саврасов писал своих «грачей», стуча зубами о стакан с водкой, а Есенин, Верлен не написали бы многих прекрасных стихов, не сделавшись алкоголиками.

Я, конечно, согласен, что и больной алкоголизмом художник, пока не наступило глубокое разрушение организма, способен создавать прекрасное. А вот чем Вы докажете, что Саврасов, Есенин, Верлен, Глазунов не создали бы в своей жизни еще больше вечных шедевров искусства, если бы не опустились в алкоголизм?

Н.А. Римский-Корсаков пишет о Глазунове в периоды его болезненного пьянства: «Вино не веселило его, он не кутил, а

7. Письма пациентам
 писал один у себя
 иногда до збу
 Или вот что
 искусство
 ваться про
 ные холсты
 может быть
 чательно сло
 сал. Художн
 его родной пр
 Ощущая
 ослабляющу
 маете, что с
 отношение
 Да, оказ
 юношей зам
 по поводу
 ность, грус
 ли. Органи
 алкоголь в
 голод, подо
 «поправля
 Дрожали р
 ность, раз
 бы все это
 лья возник
 сти. То е
 спиртном
 Главн
 что много
 слепо вер
 быть бол
 ся, переч
 своего ма
 96 Рим
 1955. С. 2
 97 Нов
 ство, 196
 98 Там

пил один у себя дома, находясь в состоянии невменяемости иногда до двух недель подряд. Он ничего не сочинял»⁹⁶.

Или вот что говорит о поздних саврасовских работах не врач, искусствовед: «Среди них много не заслуживающих права называться произведениями искусства. Это — откровенно рыночные холсты, написанные в не вполне здоровом рассудке, часто, может быть, чтобы расплатиться в трактире»⁹⁷. «Болезнь окончательно сломила Саврасова, силы иссякли, творческий дух угасал. Художник, открывший для своего народа высокую красоту его родной природы, уходил из жизни»⁹⁸.

Ощущая выработанную тошнотную реакцию на спиртное, ослабляющую желание выпить, Вы уже яснее, надеюсь, понимаете, что с Вами произошло, что должно теперь обрести иное отношение ко всему, связанному со спиртным.

Да, оказались предрасположенным к алкоголизму. Еще юношей заметили, что вино хорошо «смягчает» переживания по поводу несбывшихся надежд, и малейшую разочарованность, грусть стали заглушать вином, а радость вином усиливали. Организм, испытывая частое воздействие вина, включил алкоголь в обмен веществ, и Вы почувствовали алкогольный голод, подобный пищевому голоду или жажде. Вы стали тогда «поправляться» спиртным, ощущая себя без него больным. Дрожали руки, мучили кошмарные сновидения, подозрительность, раздражительность, постоянное желание выпить, чтобы все это уменьшилось. И раз уж механизм больного похмелья возник, то не исчезнет теперь и через двадцать лет трезвости. То есть даже если через 20–30 лет прикоснетесь к спиртному, проснется мучительное похмелье, вернутся запои.

Главная трудность лечения этой болезни в том и состоит, что многие больные через неделю-месяц трезвости начинают слепо верить в то, что теперь смогут пить «как все», чтоб не быть больше «белыми воронами». Но если подобное подумается, перечитайте это письмо, вспомните, как пропили шубку своего малыша, как отнимали у жены деньги и дома тогда был

⁹⁶ Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1955. С. 281.

⁹⁷ Новоуспенский Н. Алексей Кондратьевич Саврасов. Л.—М.: Искусство, 1967. С. 92.

⁹⁸ Там же. С. 97.

только хлеб с луковицами. Теперь, когда практически здоровы, Вы просто не имеете права зачеркнуть достигнутое самим собой, женой Вашей, мною.

Век наш, конечно, сложен высоким душевным напряжением, но талантливому человеку должно быть легче смягчать это напряжение творчеством, а не вином. Кроме того, быть может, хорошо бы завести хорошего умного пса, посадить дома в горшках цветы, ведь Вы любите «общение с природой». Об этом подробнее, когда встретимся. Сын зовет копать червей.

Вам необходимо возненавидеть свои истерические расстройства

Рад, что Ваша нога отлично действует. Раз нам не удалось встретиться в этом месяце, постараюсь написать то, что сказал бы Вам у себя в кабинете.

Вы медсестра, так сказать, коллега, потому называю вещи своими именами: то, что случилось с Вашей ногой, называется истерическим параличом. Никаких органических изменений в ноге нет; перестаньте ходить к хирургам, невропатологам, делать рентгеновские снимки.

Вы, медик, должны понимать: неопровержимое доказательство того, что этот паралич функциональный (то есть неорганический), есть полное исчезновение его всякий раз, когда муж предлагает Вам пойти в гости или в театр.

Конечно, я ни в коем случае не склонен думать, что Вы притворяетесь. Это не сознательное притворство, а истерический механизм, и для пользы дела Вы должны понимать его существо. Механизм этот классически описан немецким врачом Эрнстом Кречмером и Иваном Петровичем Павловым⁹⁹.

Представьте, что накрыли рукой бабочку, она под рукой бьется, хлопает крыльями, ломая их. Это ее инстинктивная приспособительная реакция в виде «двигательной бури». То же самое

⁹⁹ Кречмер Э. Об истерии / Пер. с нем. М.—Л.: Госиздат, 1928. 160 с.; Павлов И.П. Проба физиологического понимания симптоматики истерии. Л.: Изд-во Академии наук, 1932. 20 с.

происходит с воробьем, влетевшим в открытую форточку в комнату, с рыбой, которую удочкой вытаскивают на берег. Приспособительный смысл «двигательной бури» в том, что с помощью обилия беспорядочных движений, действительно, бывает, удается выскочить из опасности. Потому естественным отбором эта реакция и закрепилась наследственно в развивающемся животном мире. Однако инстинктивная приспособительность одновременно и глубоко ограничена, относительна: бабочка может напрасно поломать крылья, а воробей разбиться о стены и стекло.

Другая, свойственная животным, такая же универсальная приспособительная реакция, но по форме как будто противоположная «двигательной буре», — это «рефлекс мнимой смерти», или приспособительный ступор. Так, зверек обездвиживается в лапах хищника, инстинктивно мертвеет, даже холодеет, покрывается холодным потом. И верно, хищник, брезгающий падалью, нередко отходит в сторону. Но подчас, наоборот, по причине ступора (остолбенения) ему легче зверька поймать. Переверните жука на спину — и он подожмет лапки, будто мертв.

Эти инстинктивные защитные механизмы («двигательная буря» и «рефлекс мнимой смерти») остались и в человеке. Но у человека эти механизмы обычно действуют лишь при чрезвычайной, угрожающей жизни опасности, когда страшным раздражителем (событием) парализовано, выключено человеческое, мыслительное, «корковое» реагирование и человеком управляет «подкорковая», «животная половина». Так, при землетрясении, кораблекрушении, взрыве бомбы некоторые люди как бы эволюционно спускаются на уровень реагирования своих предков и мечутся в «двигательной буре» или остолбеневают в «рефлексе мнимой смерти». Но иные люди, крепкие своей человеческой «прибавкой» (И.П. Павлов), разумно действуют в этих опасных ситуациях, помогая пострадавшим.

У людей, предрасположенных к истерическим состояниям, «двигательная буря» или «рефлекс мнимой смерти» возникают и вне чрезвычайной ситуации, под влиянием обыкновенных житейских неприятностей, обиды и т. п. в виде истерического припадка или истерического ступора.

Однако чаще всего истерические состояния в наше время возникают как частицы припадка и ступора. Так, элементы (частицы) истерического припадка — это, например, истерический плач, смех, кашель, «трясучка», а элементы истерического ступора — истерическая немота, глухота, слепота, потеря болевой чувствительности, наконец, паралич ног, как у Вас. Впрочем, у Вас бывали и истерические припадки, и истерический кашель с металлическим, лающим звуком, и истерическая бесчувственность, например, щек, которую обнаруживали, умываясь, и тогда с досадой били себя по щекам, чтоб боль почувствовать, потому что неприятно, когда ничего не чувствуешь.

Важно, что все эти истерические состояния возникают у Вас в связи с каким-либо Вашим неудовольствием и тут же исчезают, если Вам это желаемое удовольствие предлагают, или при врачебном внушении в гипнотическом сне, как у меня в кабинете.

Ваш муж, чрезвычайно занятой и полезный обществу человек, должен много работать также и дома, за письменным столом, и просто не может ходить с Вами в театр или в гости так часто, как Вам хочется. Вы же воспринимаете его отказ как обиду и реагируете на это истерическим механизмом, весьма напоминающим инстинктивную реакцию бабочки или жука.

Поняв существо истерических расстройств, Вы должны возненавидеть их как примитивное, «животное», недостойное умного человека реагирование. И когда Вы будете эти расстройства презирать, как презирают их люди, понимающие всю незрелость, детскость, «животность» истерического, когда будете искренне бояться, что они возникнут, тогда благодаря этой мыслительной, чисто человеческой узде, истерическим расстройствам труднее станет «выбраться из подкорки».

Не разрешайте отключаться мыслительной корой, дабы не «упустить подкорку». Вы, медик, должны понимать, что если это будет продолжаться, то рано или поздно коллеги в поликлинике узнают, что все это истерическое, и тогда Вам будет плохо от общественного медицинского мнения Ваших коллег, я Вас уверяю. Вы же знаете медицинское отношение к истерическому. Достаточно будет потом на кого-то рассердиться,

даже по делу, сразу скажут: ну, конечно, она ведь истеричка, у нее даже бывает истерический паралич.

Все это Вам необходимо как следует продумать до нашей встречи. Прежде всего решить для себя, как сделать жизнь интересной и без частого хождения в театр и в гости. Может быть, как-то технически помогать мужу в его делах или начать готовиться в институт, может быть, родить ребенка, может быть, завести собаку.

Я, конечно, ни в коем случае не предлагаю Вам все это делать, но просто ставлю перед Вами обыкновенные жизненные вопросы, решать которые — Ваше сугубо личное дело. Вы будете приходить ко мне в клинику, в кабинет, если, конечно, доверяете мне и хотите, чтобы я Вам помог, и мы подробно поговорим о Вашей жизни с самого детства, чтобы стало яснее, когда как надо было бы поступить, чтоб не возникли болезненные истерические явления. Постараюсь обучить Вас простым приемам самовнушения, которые помогут не допустить надвигающихся истерических состояний или снимать их в самом начале.

Я смогу глубоко Вас уважать, если душевно перестроитесь, собственным презрением подавите в себе истерическое, незрелое реагирование.

У Вас навязчивые страхи

Хочу описать Вам Ваши приступы, чтобы Вы сами себе отчетливей их представляли, чтобы поверили, что понял Вас правильно, что Ваше состояние хорошо известно врачам.

Итак, приступ начинается чаще всего с неприятных ощущений в сердце, от которых делается не по себе, страх подкрадывается. С тревогой следите Вы за этими ощущениями, и тогда сердце начинает колотиться, а страх соответственно усиливается и сердце колотится еще сильнее, кажется, вот разорвется, ведь так ужасно стучит, так напряглось! То есть получается «порочный круг». В панике мчитесь искать такси, и уже в такси, по дороге в поликлинику, делается легче, а когда опытный, на Ваш взгляд, врач Вас осмотрит и скажет, что «ничего нет страшного, просто невротическое», сердце успокаивается, и Вы уже как бы

совсем здоровы. Приступы примерно похожи друг на друга, возникают в поезде, в метро, за городом, дома, особенно если поссоритесь с женой, — словом, чаще при таких обстоятельствах, когда врач далеко, а в человеке, который рядом с Вами, не уверены в том смысле, что он активно бросится в случае необходимости Вас спасать. Потому и мечтаете жить на одной лестничной площадке с врачом. Наконец, сколько уже раз приступ проходил в такси, по дороге к врачу, и Вы поворачивали обратно. Или даже почти проходил — только показывался в темноте улицы зеленый огонек такси. Хотя это уже не всегда так.

Приступ не возникает, если Вы отвлечены каким-то иным, сильным душевным напряжением, например, во время сильной ссоры, или если выпили вина или, помните, когда боялись, что заразились гонореей. Однако стоит немного расслабиться — и готово, приступ.

Ругаете жену за то, что она невнимательна к Вашим страхам, сердцебиениям. И в то же время боитесь ее потерять. Я познакомился с Вашей женой и советую Вам держаться за нее крепче.

Конечно, Вы не притворщик, как подозревала Ваша жена (надеюсь, после нашего с ней разговора она уже так не думает). У Вас мягко-депрессивный страх за сердце (кардиофобия). Ваши вегетативные органы, то есть органы, работа и движения которых мало зависят от нашей воли, всегда были довольно подвижны. Например, сердце по пустякам колотилось и раньше. И настроение портилось само собою. Но болезнь обнаружилась явно, когда страх по причине неприятной обстановки сильно взбудоражил сердце. Вы же тогда, уже будучи женатым, соблазнили в деревне девушку, и ее брат догонял Вас на мотоцикле и чуть не избил. Так Вы подтолкнули свою прежде затаившуюся неврозоподобную депрессию. С тех пор и стали по временам испытывать неприятные ощущения в сердце, пугались, сердце зловеще колотилось, то есть оно нервно расшаталось, начались вот эти приступы.

Прежде всего успокойтесь: Вам не грозит инфаркт. Я видел немало пациентов, подобных Вам, но инфарктом тут дело обычно не кончается, даже в старости, быть может, по причине нервной натренированности сердца. Подробные исследования терапевтов, как знаете, не обнаружили отклонений от физи-

ческой нормы. Да и так ясно, что настоящий «сердечник», когда у него приступ, лежит, а кардиофобик, то есть Вы, бежит к врачу через три ступеньки.

Навязчивость Ваших страхов-приступов состоит в том, что они как бы «навязываются» Вам такой обстановкой, при которой скорая помощь врача не гарантирована. Лечиться обязательно нужно, поскольку приступы сами по себе мучительны и, кроме того, трудно ехать куда-то не в сторону медицинского учреждения, в лес же и вовсе пока невозможно. А ведь Вы журналист.

Советую лечь в нашу клинику, как только мы все соберемся после летних отпусков. Думаю, удастся Вам помочь, как помогли многим другим подобным пациентам.

Придется принимать наши лекарства (транквилизаторы, антидепрессанты). Будет и гипнотическое лечение. Может быть, обучитесь аутогенной тренировке, смысл которой, как и лечебной йоги; — научить человека, насколько это возможно, управлять своими произвольными движениями — физическими (вегетативными), например, сердцебиением, и душевными, например, навязчивым страхом. Ведь йог — это, по сути дела, человек, виртуозно управляющий своей вегетатикой и душой вплоть до того, что сосуды кожи расширяются настолько, что весь красный, горячий, как бы в физиологической шубе, способен выпастись в снегу в Тибете или совершенно очищает свою голову от мыслей. К подобным вещам, понятно, не каждый способен, йоги — люди особой закваски и учатся йоге по многу часов в день с детства, но кое-что из йоги вошло в аутогенную тренировку. Аутогенная тренировка, несомненно, вместе с функциональными тренировками (то есть пробными выездами из клиники все дальше) и поможет Вам. С психоаналитической терапией я бы повременил. Из наших долгих бесед, клинического исследования предполагаю, что Ваше расстройство — все же неврозоподобная субдепрессия, а не невроз. Душевный конфликт довольно размыт. Держитесь крепче за жену. Она любит Вас. Без нее совсем худо Вам будет.

Сегодня хороший был клев, поймали с сыном дюжину крупных окуней. Учил его различать деревья. Встретили на речке ужа и внимательно рассмотрели, чтобы уметь отличать ужа от гадюки.

Ваши переживания естественны для Вашего психастенического характера

Мы встретились, к сожалению, перед самым моим отпуском, могли поговорить только полчаса, кроме того, нам мешали, и потому Вы наверняка испытываете некоторую неудовлетворенность нашим разговором. Потому решил в письме кое-что уточнить и договорить, чтобы, так сказать, уже запущенный психотерапевтический процесс совершался в Вас основательнее, шел быстрее.

Итак, Ваша болезнь есть, по существу, болезненно трудный характер, трудный прежде всего для себя самого нерешительностью, постоянной склонностью скрупулезно анализировать все, что имеет отношение к Вашим поступкам и здоровью. Это анализирование, обдумывание сопровождалось самоедством, тревожными опасениями и привело, в частности, к тому, что к сорока годам Вы не смогли жениться по причине различных тревожных сомнений и сейчас в очередной раз переживаете эту душевную сумятицу: все думается, а вдруг эта женщина только притворяется такой заботливой? вдруг она так хорошо ко мне относится из-за моей высокой должности? вдруг семейная жизнь как-то помешает научным занятиям? и т. д. В то же время страшно остаться в будущем одиноким стариком, не оставить после себя детей.

В связи со всем этим Вы неприятны себе самому, считаете порой себя человеком никчемным, даже вредным, которому случайно повезло и с кандидатской диссертацией, и с докторской, а на самом деле места своего не заслуживаете: вот раскусят еще и придется уходить с должности. Находите себя скверным преподавателем и вообще жалким ничтожным человеком, который даже не может создать семью.

На все это скажу Вам, что среди великих людей весьма нередко встречаются вот такие застенчивые самобичеватели. Скрупулезный анализ, сомнение, так мучающие в обыденной жизни, в научном и художественном творчестве оказываются мощным двигателем. Вот лишь некоторые из гениев с подобным психастеническим душевным складом: А.П. Чехов, Ч. Дарвин, И.П. Павлов.

Кстати, советую прочитать заметки Дарвина. Этот Ваш собрат по профессии и характеру в 28 лет, разделив лист бума-

ги на две колонки, настолько похоже завязает в сомнениях «жениться — не жениться», что Вам сразу станет легко и смешно, когда прочтете, от такого сродства. «Буду вынужден делать визиты и принимать родственников, — значит в одной колонке. — Но ужасная потеря времени». В другой колонке: «Не буду вынужден посещать родственников и подчиняться всяким мелочам, буду свободен от бремени расходов и забот о детях — быть может, и от ссор». И снова: «Ни детей (ни повторения себя в потомстве), никого, кто позаботился бы о тебе в старости». Но опять: «Затем, как я смогу управлять со всеми моими делами, если я буду вынужден ежедневно гулять с женой?» Не удержусь, чтобы не выписать концовку: «Пустяки, мой мальчик! Не унывай! Невозможно вести жизнь в одиночестве, с болезненной старостью впереди, без друзей, без участия, без детей, смотрящих тебе прямо в лицо, на котором уже появляются морщины. Не унывай, уповай на случай — пристально посмотри вокруг себя — есть много счастливых рабов...»¹⁰⁰ После этих карандашных замечок Дарвин счастливо женился.

Советую Вам тоже вот так набросать для себя «за» и «против»: для психастеника «проблема» всегда становится много яснее, если изложить ее на бумаге. Но главное, прислушайтесь к своему чувству. Любите ли Вы эту женщину? Чувствуете ли в ней родное? Сможете ли с ней подолгу говорить о самых интересных для Вас вещах? Хочется ли с ней, как говорят, вместе состариться?

Теперь о повседневной психастенической тревожности по пустякам. Об этом на собственном примере рассказал И.П. Павлов на одной из клинических сред: «У меня есть семья, я люблю моих детей, они уже взрослые теперь, меньше 40 лет нет. И тем не менее, когда они уходят из дому и не приходят в свое время, я страшно начинаю беспокоиться, я не могу работать: может быть, дочь попала под трамвай (дикая вещь!), может быть, она должна пройти через мост, схватит ее какой-нибудь мошенник и сбросит. Вот какая штука! Я не могу ничего с этим сделать, потому что у меня нет жизненных впечатлений, которые должны всякого человека поставить в норму. Ведь это так

¹⁰⁰ Дарвин Ч. Соч. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 87.

редко, с этим считаться нечего. А у меня их нет, и я целиком предаюсь работе мысли, потому что все же возможны такие случаи, и для меня эта возможность не ограничена жизненными впечатлениями. И знаете, какой я выработал прием благодаря второй сигнальной системе? Какой я совершенно правильный метод борьбы выработал? Я рассуждаю: «Если ты отец, то у детей есть мать, которая их больше тебя любит, и она спокойно легла спать, укладывается, значит, очевидно, ты не дело делаешь». Правильно выдумал, а все-таки этот прием не помогает, все-таки не дождусь, когда раздастся звонок, и тогда все страхи отпадут»¹⁰¹.

Итак, Ваши переживания естественны для Вашего психастенического характера. Ни о каком психическом заболевании, «помешательстве» думать не приходится. Потому прежде всего уясните себе, что ничего исключительного, неведомого в Вашем состоянии нет, это типичные переживания психастеника. Вы, конечно, и сами догадывались, что такое происходит не только с Вами, обнаруживая глубоко свое, например, в толстовских Левине или Нехлюдове.

Психастенический душевный склад основательно изучен, и известно, как Вам помочь. Главное тут — внимательно и подробно разобраться вместе с Вами в Ваших характерологических особенностях, чтобы знали себя отчетливо и в сильном, и в слабом, чтобы представляли, в какой обстановке от себя что следует ждать. Понятное, известное уже не так страшно: ведь психастеник более всего страдает от болезненных тревожных сомнений, неуверенности, неопределенности в понимании себя и своего здоровья.

Подробнее познав самого себя, убедившись в том, что Вы не последний человек и Вам не просто везет, научитесь достаточно хорошо собой управлять, станете увереннее чувствовать себя в жизни. Ведь сущность психастенического душевного конфликта заключается в том, что в человеке враждуют две противоположности — болезненное, ранимое самолюбие и чувство неполноценности, то есть стремление думать о себе хуже, чем есть на самом деле. Чувство неполноценности ска-

¹⁰¹ Павловские клинические среды. Т. 2. М.—Л.: Изд-во АМН СССР, 1955. С. 188.

зывается в тревожной мнительности, въедливых совестливых самообвинениях, нерешительности, робости и т. д. С одной стороны, хотелось бы уйти от всяческой ответственности в укромный уголок, с другой — страдает самолюбие. Помните, как это было, когда Вы отказались от аспирантуры, боясь не оправдать доверия, а потом защитили диссертацию без аспирантуры.

Итак, изучив себя, сделавшись вроде как тоже врачом для собственного характера, Вы легче пойдете дальше по жизни. Так, например, не будете уже так горько сетовать на свою рассеянность как на какую-то жуткую недостаточность ума, понимая, что обратная сторона Вашей рассеянности — сосредоточенность на своем, творческом.

Кстати, Ваша тревожная склонность все проверять есть некоторая компенсация рассеянности, а значит, нет оснований механически бороться с этими постоянными проверками себя (закрыв ли дверь? выключил ли газ?), надобно просто осознать их защитный смысл, успокоиться этим знанием, и тогда, наверняка, проверок станет меньше.

Наконец, повторяйте про себя ту истину, что не сомневается ни в чем и всегда доволен собой лишь ограниченный человек. Именно потому, что Ч. Дарвин подробно и глубоко сомневался в себе, во всякой «мелочи» в своей работе, ему удалось учесть почти все возможные будущие возражения оппонентов и так подробно, практически неуязвимо обосновать, доказать свои открытия. Не искать в каждой своей душевной трудности лишь плохое, уважать в себе психастеническое — вот прежде всего чему следует Вам научиться, и тогда гораздо легче будет побеждать действительные свои слабости.

Из нашего беглого, «на иголках» разговора подозреваю, что, не находя понятных причин, способных развить такой трудный характер в Вашей домашней обстановке с самого детства, Вы готовы тревожно предположить (если уже не предполагаете), что виной всему Ваш онанизм в юности. Чепуха. Онанизм — суррогат половой близости. Старые книги весьма преувеличивают вред онанизма. Эта привычка считается патологической, если она на всю жизнь заменяет половую близость или большой частотой своей (несколько раз в день), как и частая ин-

тимная близость, истощает организм. Во всяком случае реконструировать характер онанизм не способен. Другое дело, что Вы много лет стыдились его и до сих пор, видимо, чувствуете себя по сей причине глубоко виноватым. Однако теперь надо выкинуть все это из головы, как не заслуживающее долгих разговоров.

И, конечно, я не согласен с тем врачом, который объяснил Вашу робость и вообще психастеническое как возникшее в детстве из того, что, испытывая бессознательное вожделение к матери, Вы боялись отцовского наказания («страх кастрации»). Мне эта психоаналитическая концепция по отношению к Вам представляется дикой и, главное, несправедливо оскверняющей Вашу память об отце. Объяснить дело так — значит, по-моему, сделать много хуже, нежели просто бросить: возьмите себя в руки.

Я, конечно, за подробнейшее внедрение в душевное состояние, за работу с бессознательным, за анализ, но сообразно характеру человека, его переживаниям.

Неврастения вернулась

Я не удивлен, что Вам снова плохо, так как видел Вашего мужа и говорил с ним, когда он приходил навестить Вас в клинику. Он и тогда был навеселе. Он, конечно, больной алкоголизмом.

В клинике здоровье Ваше основательно улучшилось прежде всего потому, что выключились из домашней обстановки. За детей не беспокоились, так как отвезли их к матери. Муж продолжал, конечно, без Вас пьянствовать, но уже не мог гоняться за Вами по ночам с ножом, не будил детей, крича и защищаясь от чертей и других болезненных видений. Кроме того, в клинике Вы освободились от его пьяной ревности, потому что ревновал он Вас главным образом к Вашим клиентам, которые приносили в прачечную белье. Наконец, муж не мог в клинике Вас бить, отнимать у Вас деньги, и дети были сыты у бабушки.

Вы получили курс сеансов гипнотического сна с внушением душевной свежести, бодрости. Слабость, раздражительность, головные боли, сердцебиения, бессонница постепенно ушли от Вас. Вы гуляли по парку, ухаживали за рыбками в

аквариуме, научились у нас вязать, впервые прочли «Анну Каренину», после чего захотелось читать всю жизнь, каждый вечер. Муж обещал начать лечиться от водки, как только вернется домой, даже плакал однажды на свидании с Вами, говорил, что соскучился. У Вас разгладились морщины, засветились глаза, Вы совершенно перестали плакать, спали полную ночь, выписались почти здоровой.

Но муж в первый же Ваш вечер дома при детях напился, избил Вас, отобрал деньги, полученные по больничному листу, всю ночь ругался, не давал спать и наутро о лечении от алкоголизма не хотел слушать. В результате Ваша неврастения вернулась — снова весь день плачете, раздражаетесь на детей и нет сна.

Одни невротически реагируют на тяжелые жизненные неприятности истерическим параличом или рвотой, другие — навязчивыми страхами, а Вы — раздражительной слабостью и головными болями. И пока твердо не осознаете, что бессознательно залезаете в клетку невроза, пока не возьметесь размышлять, рассудочно решать, как преодолеть семейные трудности и жить дальше, будете время от времени попадать в больницу. Попробуем еще раз, вместе, разумно, аналитически разобраться в случившемся, чтобы клетка невроза (в виде Вашей раздражительности, головных болей и т. п.) открылась и выпустила Вас.

И вот возникло трудное положение. Лечиться амбулаторно Ваш муж не желает, да и в таком запущенном случае вряд ли что амбулаторно получится. В больницу он тоже не хочет, потому что больничный лист с этой болезнью не оплачивают. Но давайте положим его в отделение для алкоголиков, которое организовано на заводе. Он будет лечиться и одновременно работать на этом заводе, получать зарплату. Если же не согласится лечь и в это отделение, то есть еще и принудительное лечение алкоголиков.

Алкоголизм мужа, родственника — жуткая беда, и я глубоко Вам сочувствую. Ваш муж, насколько я его успел понять, человек покладистый, добрый, но слабый, совершенно неспособный противостоять своим желаниям, в том числе, конечно, и теперешнему болезненному влечению к спиртному. Пьянствовать он, видимо, стал потому, что не был ни к

чему серьезно привязан в жизни. Кроме того, работая грузчиком в мебельном магазине, встретился с подобными слабыми, духовно бедными людьми, которые бывали пьяны даже во время работы.

Не думайте, что лечение Вашего мужа закончится в больнице. Самое трудное будет — помочь ему после больницы жить трезвым среди прежних собутыльников. То есть надо будет подружиться с другой подобной семьей или двумя семьями, чтоб встречаться по воскресеньям, в праздники, интересно проводить время без вина. Например, летом ездить всем вместе на рыбалку или за грибами, зимой — на лыжах и т. д. Кроме того, наверно, ему необходимо будет перейти из мебельного магазина на работу в другое место, где уж никак нельзя быть пьяным во время работы. Хорошо бы посоветовать ему какое-то интересное дело дома после работы, но об этом уж после.

М.Е. Бурно

Болезнь студента-медика третьего курса

Вы снова с тревогой спрашиваете в письме, убежден ли я, что Ваши неприятные ощущения в животе — не рак.

Совершенно убежден, поскольку это те самые ощущения, что были дней десять назад, когда подробно Вас осматривал. Постараюсь еще раз обосновать, что нет оснований подозревать у Вас рак, вообще органическое заболевание. Письменное обоснование, пожалуй, даже сильнее, потому что Вы сможете углубиться в него несколько раз и вообще носить его в кармане.

С Вами приключилась известная, нередкая болезнь студента-медика третьего курса. Конечно, такое случается не только с медиками. Многие люди, склонные к тревожным сомнениям по поводу своего здоровья, встретившись с раковым больным или даже только узнав, что кто-то умер от рака или раком заболел, зная, что, например, рак желудка начинается обычно не с острых болей, а с малозаметных больному ощущений некоторого неудобства в животе, потери аппетита, слабости, начинают все это в себе тревожно искать и, конечно, находят. Вам же пришлось по долгу медика расспрашивать раковых боль-

ных в клинике. Что же удивительного в том, что у Вас, сомневающегося, тревожного человека, возникла эта ипохондрия, то есть мысли и переживания о том, что Вы больны серьезной болезнью, тогда как на самом деле ее нет.

Знаю, Вы не убеждены в том, что у Вас рак, но подозреваете это, и неопределенность крайне мучительна: на все смотрите сквозь возможность близкой своей смерти, то есть зачем учиться, наверное, скоро умру, зачем покупать книги, если не успею их прочесть, и т. д. Друзья не могут рассеять Ваши печальные сомнения, а бессонной ночью совсем плохо от тревог за себя, за возможное одиночество матери, у которой никого, кроме сына. Порой совсем теряетесь, хочется бежать в хирургическую клинику, просить сделать операцию — вдруг еще не поздно излечиться от возможного рака.

Трудность, коллега, в том, что Вы читали о раке книги, слушали лекции, и потому надо говорить подробнее. Но в то же время, как врач, Вы поймете меня легче и лучше. Конечно, если бы Вы были опытным терапевтом, такого бы не стряслось. Для человека с психастеническим складом характера, тревожно-сомневающегося, хуже нет обширных, но книжных, нечетких, не проникнутых врачебным опытом знаний, поскольку он вообще склонен во всем непонятном ему искать самое скверное. Будь Вы опытный врач, знали бы, что, когда ни рентген, ни лаборатория, ни объективное клиническое исследование ничего ракового, вообще органического не показывают, оснований думать о раке нет. Больше того, если бы Вы были психиатром-психотерапевтом, как я, и встречались с множеством таких больных, как Вы, то хорошо знали бы, что ощущения, «разгуливающие» по животу, никак не связанные с приемом пищи, пропадающие, если от них отвлечься, усиливающиеся, если на них сосредоточиться, есть типичные функциональные (то есть не связанные с органическим повреждением органа) ощущения.

Всякий человек наполнен различными безопасными ощущениями, но в человеке с психастеническим характером их больше по причине, в частности, большой подвижности внутренних органов, и, кроме того, он к этим ощущениям прислушивается, усиливая и задерживая их своим вниманием. Помните, я нарочно сдавливал тогда кожу у Вас на животе, чтоб по-

казать, как она болезненна в некоторых местах. Это нервная болезненность. То же самое и в глубине живота. Подумайте сами, какое же органическое заболевание желудочно-кишечного тракта не даст себя знать, если человек наелся кислой капусты с жареным мясом! Примите, однако, этот факт как логическое, научное доказательство, не вздумайте себе внушить теперь эту связь ощущений с родом пищи, а то будет просто смешно.

Делаю для Вас выписку об этих нервных расстройствах желудка из старого, но замечательного учебника Э.М. Гельштейна и В.Ф. Зеленина: «распознавание делается на основании ясной связи клинической картины с психическими влияниями и причудливости, «капризности» этой картины, часто развивающейся в противоречии с рациональной диетой»¹⁰².

Итак, нет никаких оснований думать об органической болезни желудочно-кишечного тракта, тем более о необходимости какого-то оперативного вмешательства, и есть все основания думать об ипохондрии у студента-медика с психастеническим складом характера. Хочу, чтобы Вы прониклись этой, по-моему, ясной, трезвой логикой настолько, чтоб и сами себе смогли то же самое, с такой же искренней убежденностью, доказать. Ведь Ваши ипохондрические сомнения основывались на недостаточном знании существенных медицинских подробностей.

В заключение хочу дать Вам несколько советов на будущее.

К здоровью своему, понятно, надо быть внимательным, однако Вам все время следует помнить о своей склонности к ипохондрическим сомнениям, о склонности прислушиваться к телесным ощущениям — и делать постоянно на это поправку, скидку.

Далее, Вы так молоды, что бояться в Ваши годы рака смешно. Вот у парня-колхозника, видимо Вашего ровесника, который лихо скачет верхом на лошади мимо моего окна, такая же мизерная вероятность раковой болезни. Я убежден, ему эти опасения и в голову не приходят. Почему? Потому что он в отличие от Вас не тревожен характером и не учится медицине. Должно это четко понять и успокоиться. Я тоже сомневаю-

¹⁰² Гельштейн Э.М., Зеленин В.Ф. Учебник частной патологии и терапии внутренних болезней. М.: Медгиз, 1947. С. 441.

щийся человек и уже не так молод, но и я достаточно спокоен, потому что даже в моем возрасте это бывает настолько редко, что нет смысла тратить время на тревоги.

Непременно поезжайте куда-нибудь путешествовать со студентами после Вашей практики. Чем крепче будете чувствовать себя физически, чем интереснее будете жить, тем меньше будет тревожных сомнений.

Наконец, главное. Я тоже в юности боялся умереть от возможной страшной болезни, тоже возникали мысли, что, хотя такие болезни и редки, но вдруг мне-то как раз «повезет», тоже представлялись картины собственного ракового истощения, как мои близкие ждут, когда же, наконец, я, такой желтый и несчастный, отмучаюсь. И знаете, чем спастись от этих тревог? Я подумал и записал в книжку, чтобы крепче в меня вошло, следующее: «Ну что толку бояться рака, лейкокровия или другой подобной редкой болезни, возникновение которой от меня почти не зависит в том смысле, что, если не считать отказа от курения, гигиены тут в полной мере не убережешься. Надо работать, работать, служить радостно людям, приносить ежедневно какую-то пользу».

Подобно тому, как строители утверждают, оставляют себя в построенном доме, так я оставлял себя в больных, которым удавалось помочь, в статьях, брошюрах, в докторам, которым преподавал, то есть старался как можно более щедро рассыпать себя вокруг себя, если вдруг суждено самому скоро умереть. А если при всем этом, думал я, грянет болезнь, то ведь я не сибаритствовал, а работал, жил честно и что успел, то успел, остальное от меня не зависит.

Вот и Вам советую опереться на эти простые, трезвые человеческие соображения. Говорят, если так прожить до старости и порядочно сделать, то умирать совсем не страшно. Знаете, Чарлз Дарвин был очень тревожный, ипохондрический человек. В 35 лет он составил уже завещание, полагая, что болен тяжелым сердечным заболеванием, и отвлекался от ипохондрии главным образом работой. В старости он написал: «Что касается меня самого, то я думаю, что поступил правильно, неуклонно занимаясь наукой и посвятив ей всю свою жизнь. Я не совершил какого-нибудь серьезного греха и не испытываю поэтому никаких угрызений совести, но я очень и очень

часто сожалел о том, что не оказал больше непосредственного добра моим близким¹⁰³. И вот перед смертью он сказал: «Я ни в малейшей степени не боюсь умереть»¹⁰⁴.

Навязчивости по-прежнему с Вами...

Когда виделись мы в последний раз, у Вас были просто ужасные руки — в какой-то красно-белой чешуе от чересчур частого мытья. Вы сейчас тоже в отпуске, на даче, ухаживаете за огородом и садом, но я подумал, что навязчивости, видимо, по-прежнему с Вами. Потому пишу в надежде немного Вас поддержать.

Прошлой осенью в клинике Вы мыли горячей водой с мылом виноград, срезали с хлеба все корки, множество раз мыли руки (чтоб не заразиться туберкулезом, сифилисом и др.), старались обходить все предметы с левой стороны, не наступать на черту на полу, зачеркивать в письмах букву «о» (а то, если не делать всего этого, вдруг случится плохое: например, буква «о» — замкнутый круг, конец, обреченность и т. п.).

Тогда перед выпиской из клиники навязчивости смягчились, настроение улучшилось, но сейчас, видно, опять Вы чувствуете себя плохо. Большинство Ваших опасений, страхов истинно навязчивы, поскольку Вы отчетливо понимаете их бессмысленность, называете это даже «идиотизмом», но если идете против них, то есть удерживаете себя от мытья рук, прикоснувшись к чему-то, не зачеркиваете букву «о» и т. д., то возникает мучительное душевное напряжение, острый дискомфорт и Вы стремитесь скорее совершить все эти якобы оберегающие Вас действия, чтобы стало легче.

Эти истинные навязчивости, абсурдность содержания которых Вы ясно понимаете, труднее всего и лечатся. С другими страхами легче. Помните, еще года два назад Вы не могли победать на заводе, не могли даже выпить газированной воды, боясь заразиться венерической болезнью. Но когда я объяснил Вам, что сифилитический микроб (бледная спирохета)

¹⁰³ Дарвин Ф. Последние годы жизни и смерть Ч. Дарвина // Дарвин. Соч. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 352.

¹⁰⁴ Там же.

живет на стакане или на ложке, во всяком случае, не более 30 секунд, Вы смогли обедать и пить воду, выжидая, когда истекут эти 30 секунд, как бы замешкавшись, чтобы не заметили товарищи.

Но таких страхов, основанных на незнании чего-то, у Вас немного, в основном же мучаетесь истинными навязчивостями. С обоснованными страхами не сражаетесь внутренне, а с абсурдными боретесь постоянно уже более 30 лет, измучились, жена ушла от Вас, новую семью не позволили себе завести.

Навязчивости Вас превратили в незаурядного труженика. Другой мастер в соседнем цехе делает только свою работу мастера, Вы же, работая не хуже его, одновременно выполняете громадную работу по борьбе с навязчивостями, сопротивляясь многим из них, обходя станки слева, остерегаясь наступить на черту и т. п. Как ни странно, на первый взгляд, но если бы все это было тяжелой душевной болезнью, то Вы страдали бы гораздо меньше, так как в этом случае отношение к навязчивости более вялое, двойственное, без постоянной болезненной нервной остроты.

Прошу Вас опять лечь осенью в клинику. Попробуем некоторые другие психотерапевтические приемы и новое лекарство.

Пока же старайтесь себе помочь аутогенной тренировкой, а также используйте старый способ, то есть пытайтесь превратить в своем воображении навязчивость в желаемое, не чуждое Вам. Например, старайтесь себя уговаривать, будто предметы действительно следует обходить только слева, что Вам это хочется делать, и попробуйте делать это с охотой. Истинные навязчивости таковы, что ослабевают, смягчаются, когда не борешься с ними, а наоборот, приветствуешь в душе их содержание.

Есть, конечно, и другие технические приемы борьбы с такими навязчивостями.

Теперь главное. Навязчивость дает защитное содержание изначальной аморфно-неопределенной тревоге, которая есть черный корень навязчивости. Например, возникает навязчивый страх загрязниться, и это уже помощь: вымой руки сколько-то раз — и станет легче. Чтобы подточить сам тревожный корень (тогда навязчивость ослабевает), необходимо радостно

взволноваться, отвлечься чем-то. Чем занимаетесь сейчас, кроме огорода и сада?

Посылаю Вам книгу Ярослава Гашека, которая, быть может, развеселит Вас. В книге найдете также несколько марок с изображением овощей. Может, попробовать собирать марки с изображением овощей, фруктов, что близко Вашим дачным занятиям? Зимним вечером с настольной лампой станете эти марки разглядывать, размышляя, что и как посадить весной.

Психоаналитическая терапия здесь, по-моему, не поможет.

Дрессировать себя!

Молодец, что выполнили заданное. В борьбе с душевной вялостью просто необходимо в помощь лекарственному лечению и даже без него заставлять себя делать дела, дрессировать себя, притворяться достаточно бодрой, живой перед людьми и даже перед собой. Это необходимо делать, это единственный выход из положения.

Пожалуйста, продолжайте совершать пусть механические, на первых порах, действия, а потом в механическом, с натугой чтении, просмотрении кинокартин засветится, разогреется интерес, от которого «похудеют», а быть может, исчезнут совсем «пласты равнодушия», как Вы это называете. Но для этого программу нашу к моему приезду надо будет выполнить полностью.

Кстати, не забывайте в свои 22 года должным образом следить за своей внешностью. Старательно трудитесь над прической, и чтоб не было под глазами кругов, тем более — Боже упаси! — неумытости. Одна моя пациентка (сейчас ей уже много лучше) в подобном состоянии болезненной лени, апатии, громадными усилиями приводя себя по утрам в порядок, твердила себе: «Надо выглядеть хорошо, непременно надо сделать глаза (так она называла свою косметическую работу с ресницами и т. п.), непременно красиво одеться, а то что же тогда вообще от меня останется?».

Итак, до моего возвращения Вы продолжаете пока работать дворником, но непременно занимаясь по нашему плану. Вернусь — будете переходить куда-нибудь в редакцию журна-

7. Письма пациентам
 ла курьером, что
 в университет.
 Думаю, уда
 исключительн
 чувствуете улу
 чем месячной
 ным сооруже
 Понимаю, ч
 расставшись с
 писать, кое-ка
 ли в постели в
 стену. Теперь
 таете, конспек
 атр, несколько
 пусть это пока
 рес к жизни.
 Итак, ежедн
 меньше часа. П
 ше интересно,
 пусть на время
 нуться к Толст
 ственной жизн
 ше поможет Ва
 «судорожной
 Две кинока
 одним театрал
 Затем, не м
 нике свои раз
 таклях, о том,
 сывать все, что
 лось застави
 усиливаются в
 Продолжа
 намечено и что
 тала», «писала
 Далее, пол
 ся, сколько за
 Не забыва
 хозяйству, хо

ла курьером, что ли, а потом будем думать, как вернуться Вам в университет, к математике.

Думаю, удастся Вам помочь. В Вашей болезни ничего нет исключительного, катастрофически непоправимого. Да Вы уже чувствуете улучшение, если называете результат нашей менее чем месячной работы «нечеловеческими усилиями возведенным сооружением».

Понимаю, что это написано не для «красоты слога»: ведь, расставшись с университетом, Вы более года не могли читать и писать, кое-как подметали утром двор и затем весь день лежали в постели в апатической тоскливости, уткнувшись лбом в стену. Теперь дни проходят иначе: после работы дворника читаете, конспектируете, пишете дневник, ходите в кино и в театр, несколько раз в день делаете физическую зарядку. Пусть, пусть это пока с натугой, но ведь уже мерцает, светится интерес к жизни.

Итак, ежедневно Вам хорошо бы читать художественное не меньше часа. Понятно, читать надо прежде всего то, что больше интересно, но, пожалуйста, все-таки постарайтесь сейчас, пусть на время, от Гофмана, Гамсуна, Достоевского передвинуться к Толстому и Чехову: в их произведениях больше естественной жизни, духовного тепла, все это, думается мне, больше поможет Вам снова начать общаться с людьми без страха и «судорожной неприязни».

Две кинокартины в неделю, уступая Вам, согласен заменить одним театральным спектаклем.

Затем, не менее часа в день писать письма, описывать в дневнике свои размышления о прочитанном, о театральном спектакле, о том, с кем и о чем удалось поговорить, то есть записывать все, что захотелось сделать, что понравилось и что удалось заставить себя сделать. Повторяю, аппетит будет усиливаться во время еды.

Продолжайте присылать мне подробные отчеты о том, что намечено и что выполнено. Неплохо придумали рубрики: «читала», «писала», «думала», «надеялась».

Далее, полчаса-час в день — газета. Математикой заниматься, сколько захочется.

Не забывайте, конечно, хоть немного помогать сестре по хозяйству, хозяйство у вас на двоих небольшое. Телевизор —

по желанию. Спать не более 9–10 часов и ни в коем случае не лежать больше часа днем, это запрещаю строго-настрого.

Теперь о Вашей «болезни живота». Все сердитесь на других психиатров, даже профессоров, у которых бывали до меня, что они, не выслушивая подробности, пытались разом — уколами, инсулиновыми шоками, грудой таблеток — одолеть и «болезнь живота», и апатию, «отбросить болезненный комок, как шелуху, вместо того, чтобы пытаться растворить его, разложив предварительно подробными беседами на элементы».

Думаю, врачи в диагнозе не ошибались. Случай, как у нас говорят, диагностически ясен, потому и говорили с Вами коротко, потому попросили о себе рассказать на лекции студентам-медикам. Вот сейчас за окном в деревне пасмурно, краплет дождь, огурцы в каплях. Вижу между палками забора голову какой-то чужой кошки. Я не сомневаюсь, что это кошка, хотя лап, хвоста еще не видел, да и ждать не буду, пока все остальное вылезет.

Подобное случается и при диагностике достаточно ясных случаев. Другое дело, что прежде психиатры говорили с Вами меньше, чем я, меньше слушали, но это потому, что лечили в основном лекарствами. Я же глубоко убежден, что в подобных случаях надобно сочетать лекарства с массивным психотерапевтическим вмешательством, которое, попросту говоря, выражается в том, чтобы научить Вас бороться и сосуществовать с теми болезненными проявлениями, которые не удастся сгладить лекарствами, научить спокойнее к ним относиться, то есть постараюсь сделаться в некотором роде Вашим проводником по жизни, а потому мне нужно знать о Вас, о Вашем домашнем и рабочем окружении все, во всех подробностях.

Итак, Ваша «болезнь живота» не органическая, а чисто нервная. Я говорил с врачами, исследовавшими Вас в терапевтической клинике, видел рентгеновские снимки, анализы, сам подробно осмотрел Вас. Нет никаких оснований думать, что у Вас имеется какое-либо органическое заболевание желудочно-кишечного тракта. Это нервное страдание, нервные болезненные ощущения в животе. Неприятный запах изо рта при превосходном аппетите, при ежедневном стуле, без болей в желудке, я говорил Вам уже, может быть, только кажущийся и вскоре должен пройти, если аккуратно принимать лекарства.

7. Письма пациентам
Рядом с «кажущимся»
ощущения обыч
Вы напряжены
ляете, неправил
де всего ощущ
рашать вниман
не прислушива
прислушиватс
это глупо. Что
своим нормаль
Заставляйт
то хорошее. Ес
ним общаться.
еще посоветов
математику и ф
ним отношени
пример с колле
ками.

Чудесно оп
липпо. Я согла
текстом Эдуар
метили. Разны
возной добро
Я вложил в
которые прош
слать в письме

Жить в тени

Два раза Вы б
театральных
терами и сво
что Вас не по
тавили» из те
чувствовал, с
внимательно
легчали душ
свое обособно

Рядом с «кажущимися» ощущениями у Вас в животе есть ощущения обычные, физиологические, человеческие, которые Вы напряженным прислушиванием к ним усиливаете, усугубляете, неправильно истолковываете. Я имею здесь в виду прежде всего ощущения от газов в кишечнике. Попробуйте не обращать внимания, как это делает большинство людей в мире, не прислушивайтесь к животу. К ощущениям только начать прислушиваться — и они усилятся, заполнят внимание, а ведь это глупо. Что было бы, если б все люди прислушивались к своим нормальным ощущениям и ходили с этим к врачам?

Заставляйте, наконец, себя уже сейчас делать людям что-то хорошее. Если сделаешь человеку хорошее, потом легче с ним общаться. Подарите своей сестре, например, цветы. Хочу еще посоветовать: попробуйте собирать марки. Ведь любите математику и физику, так вот и собирайте марки, имеющие к ним отношение, что тоже поможет общаться с людьми, например с коллекционерами, с которыми будете меняться марками.

Чудесно описали мне спектакль по пьесе Эдуардо де Филиппо. Я согласен, что своей мягкой психологичностью, подтекстом Эдуардо де Филиппо — «южный Чехов». Тонко подметили. Разные, конечно, характеры, но похожие нежной, тревожной добротой. Посмотрю теперь этот спектакль.

Я вложил в письмо деньги и список рыболовных крючков, которые прошу Вас мне купить в охотничьем магазине и прислать в письме. Ну, выше нос!

Жить в тени для Вас невыносимо

Два раза Вы были у меня в кабинете и все рассказывали о своих театральных успехах, вдохновенно, красиво. Зато другими актерами и своими близкими лишь возмущались, подчеркивая, что Вас не понимают, недооценивают и вот «из зависти» «выставили» из театра. Я слушал Вас почти молча и очень хорошо чувствовал, что, расхваливая себя и поругивая других перед внимательным слушающим человеком, Вы успокаивались, облегчали душу. В третью встречу я рассчитывал сказать Вам свое обоснованное слово, но Вы прийти не смогли, так как

заболели ангиной, и потому я пишу Вам. Хочу этим письмом подготовить почву для следующей нашей встречи, если, конечно, захотите ко мне прийти.

Прежде всего Ваша беда — это Ваш болезненно трудный характер, от которого страдают не только окружающие, но и Вы сами. Вот сейчас, например, Вы в слезах и не у дел. Однако Вы, интеллигентный человек, способны, я в этом убежден, перестроить себя. Не в том, конечно, смысле, чтобы переделывать свой характер, а в том, чтобы, зная собственные неприятные черты, скрывать их и, сколько можно, строго наблюдая за собой сбоку, вести себя так, чтобы людям с Вами и самому тоже не было тяжело.

Сильное и неприятное свойство Вашего характера — представляться лучше, чем есть на самом деле. Понимаете, именно не быть лучше благодаря работе над собой, а представляться всеми средствами. Ведь Вы не живете, а только играете в жизнь, играете в плохом смысле слова. Вы неустойчивы в чувствах и невдумчивы, как ребенок. Подобно тому, как многие дети желают, чтоб смотрели, как они играют, обедают и т. п., Вы постоянно желаете обращать на себя внимание и просто чуть не плачете, когда Вами не восхищаются или не возмущаются. Подобно чеховской Ариадне, Вы просыпаетесь с желанием нравиться. Когда же чувствуете, что ни остроумием, ни игрой не способны заставить говорить о себе, выкидываете какую-нибудь штуку, например неожиданно являетесь в театр с бритой головой, чтоб толковали о Вас хотя бы в связи с этим.

Жить в тени для Вас невыносимо. Не получив в пьесе главной роли, реагируете на это истерическим хохотом, оскорбляете главного режиссера, товарищей и вот — не у дел, потому что товарищи работать с Вами, естественно, теперь не хотят, а в другой город из столицы Вам ехать не хочется.

Теперь жалуется, что люди думают только о себе. Вот, подумаешь, погорячился, а они не могут простить. А Вы простили первую свою жену, когда она, измученная учительской работой и домашним хозяйством, вздремнула в то время, когда Вы дома рассказывали ей об искусстве? Нет, Вы тут же с ней расстались. Со второй женой, актрисой, развелись, потому что она пользовалась большим театральным успехом, нежели Вы сами.

Всюду, в каждом кусочке Вашей жизни, сверкает эгоцентризм, холодновато-злое отношение ко всякому, кто не восхищается Вами, не обращает на Вас внимания, кто лучше Вас. Если же Вы чувствуете, что кто-то относится к Вам с равнодушием, то этот человек вообще для Вас враг, и Вы плетете против него истерическую интригу, как королева Елизавета в шиллеровской «Марии Стюарт», как герцогиня Мальборо в «Стакане воды» Э. Скриба.

Наш психиатр П.Б. Ганнушкин писал об истерических людях: «Будучи неистощимы и неразборчивы в средствах, они лучше всего чувствуют себя в атмосфере скандалов, сплетен и дразг. В общем, они ищут легкой, привольной жизни, и если иногда проявляют упорство, то только для того, чтобы обратить на себя внимание»¹⁰⁵. Если Вы думаете приблизительно так: «все это не про меня, доктор глубоко заблуждается, он меня не понял», — то в этом сказывается лишь еще одно Ваше истерическое свойство: наполнившись соответствующей эмоцией, искренне лгать самому себе, по-детски веровать в собственную ложь, видеть лишь то, что хочется видеть.

Итак, если хотите, чтобы я Вам помог в жизни, то покорно примите все это, и я помогу Вам научиться, на первых порах хотя бы искусственно, механически, жить не по своему характеру, а так, чтобы людям было с Вами не так трудно, а значит, и Вам с ними. Это возможно, иначе я бы не писал всего предыдущего. Возможно, потому что Вы умны, ведь так остро видите всякую соломинку в глазу у другого. Как едко обнаруживаете эгоцентризм, хвастовство некоторых своих коллег! Теперь только нужно согласиться, что и у Вас все это есть в изрядном количестве, и научиться, по возможности, видеть это в себе взглядом сбоку и предупреждать.

Помню, в юности у меня тоже были моменты этой склонности представляться лучше, чем есть на самом деле, прихватывать при случае и т. д. Правда, я тут же или немного погодя стыдился этого, переживал это. Мне тогда, знаете, очень помогло одно место в толстовском «Отце Сергии». Там, помните, князь, преуспевающий офицер, разочаровавшись в светс-

¹⁰⁵ Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий // Избр. труды. М.: Медицина, 1964. С. 160.

кой жизни, в ее внешнем блеске, становится кротким монахом, и его вместе с двумя старушками и с солдатом встречаются где-то чужие ему люди — барин, барыня и француз-путешественник. Барин демонстрирует французу странников, и они говорят между собой по-французски про этого князя, принимая его за сына священника, думая, что он их не понимает. И он смиренно берет у них 20 копеек и отдает их потом товарищу, слепому нищему.

Что тут меня взволновало? То, что князю радостна была эта встреча потому именно, что он «презрел людское мнение». То есть он сумел получить душевное удовлетворение не от того, что представился незнакомым людям больше, чем есть на самом деле, а наоборот, — меньше, даже не открылся, что понимает по-французски.

Думается, что и Вам надо стремиться к этому, конечно, не к монашеству, а научиться получать удовольствие от своего внутреннего усовершенствования, от скромности, не заботясь о внешнем блеске, о «мнениях».

Когда человек что-то делает,
переживает по-своему, он больше чувствует себя собой

Ваше страдание — болезненная деперсонализация. Буквально, с латыни, это — утрата персоны, личности, «Я», но на самом деле деперсонализация в нашем, медицинском смысле есть лишь переживание собственной эмоциональной измененности при ясном понимании, что я есть я, а не кто-нибудь другой. Я есть я, мать маленького ребенка, инженер, но как-то чувствую, переживаю не по-своему, не так, как мне свойственно переживать. Например, не чувствую, что люблю свою маму, что она для меня с детства самый дорогой человек. Вот только умом это понимаю. Не чувствую тепла к крошечной дочке и (страшно подумать, а тем более сказать) мучаюсь навязчивым желанием выбросить ее в окно с девятого этажа.

Ясно понимаете, когда чувствуете себя лучше, что никогда этого не сделаете, но, взволнованная, охваченная навязчивостью, совсем не уверены в этом.

Не бойтесь, ничего в истинном смысле дурного Вы не делаете под навязчивостями. Я лечил и консультировал на своем веку сотни таких навязчивых страдальцев — и никто из них не принес вреда другому человеку от навязчивости.

В сущности, Ваши навязчивости — это та же деперсонализация, переживание не свойственных Вам настроений, желаний. А деперсонализация — это внутренняя защита от депрессии-тоскливости. Когда душа немеет, не способна чувствовать, переживать по-своему, то она и не так остро мучается при этом тоской. Это — природная анестезия.

Но стихийная природа — мудрая дуреха, являя наряду с великим своим приспособительным совершенством и наивное несовершенство. Человек, благодаря деперсонализации, перестает страдать от душераздирающей тоски-тревоги, но мучается теперь от деперсонализационных навязчивостей или душевного бесчувствия к близким своим, к книге любимого писателя, к дорогой для него березе за окном. Он живет как бы в тумане наркоза-анестезии, в легком, но не веселящем опьянении.

Деперсонализационные тягостные расстройства ярко доказывают, как важно человеку чувствовать себя самим собою: если этого чувства нет, если это не ты, а манекен — «уходит смысл жить», как сами сказали мне. Словом, это уже патологическая деперсонализация, а не просто личностная особенность, как, например, у психастеников.

Вы лечились лекарствами у многих врачей — и сделалось от этого лишь хуже. Почему? Потому что почти все наши сегодняшние психофармакологические препараты сами больше или меньше деперсонализируют-анестезируют. Это неплохо, когда — тревога-напряженность, острая тоска, бессонница. Но у Вас это только усугубляет главное страдание, поскольку еще труднее чувствовать себя собой. Может быть, и будут еще лекарства, надежно смягчающие деперсонализацию, но пока не знаю таких.

Как же сегодня помочь человеку, страдающему от того, что не ощущает себя собой, почувствовать хоть немного отчетливее, яснее себя собою?

Знаю лишь один здесь способ. Это целебное творчество, поскольку основной инструмент творчества — духовная ин-

дивидуальность. Действовать, переживать творчески — это значит действовать, переживать по-своему, в соответствии со своими особенностями (создавать какие-то творческие произведения, творчески общаться с природой, искусством, творчески погружаться в прошлое и т. д.).

Когда человек что-то делает, переживает по-своему, он больше чувствует себя собой, и смягчается, отступает деперсонализационная депрессия, неопределенность, депрессивное чувство личностной аморфности, душевной каши, чувство отсутствия своего индивидуального костяка (это, *по-моему*, хорошо, это плохо и т. д.) и потому беспомощной зависимости от кого-то извне. Когда же человек все более чувствует себя собой, он понемногу наполняется творческим вдохновением, которое и есть радостная, содержательная встреча с самим собой для других, для какой-то своей пользы другим людям.

Но все это — лишь теория. Практика — в конкретной Терапии творческим самовыражением, которой занимаемся у нас в амбулатории. Чтобы почувствовать явственное улучшение, необходимо месяцы работать в группе творческого самовыражения, где Вы уже были два раза.

Знаю, что не хочется туда приходить, что тяжело себя в этой группе чувствуете, но это обязательно, если хотите настоящей помощи. Ведь мама соглашается посидеть с ребенком ради Вашего лечения.

Когда так неловко-трудно сидеть в группе, испытывая напряженность и даже усиление навязчивостей, надо терпеть, принимать группу как горькое лекарство — и привыкнете, спадет напряжение. И вдруг, однажды захочется в этой творческой обстановке, где люди рассказывают друг другу о себе своими слайдами, рассказами и т. д., — захочется тоже открыть себя товарищам через свои творческие слайды, рассказы, рисунки. Тогда, наконец, испытаете радость целебного творчества — просветленной встречи с самою собой.

Это еще не все. Надо будет постепенно войти в одухотворенно-творческий стиль, режим жизни. Человек, живущий творчеством и хоть немного осознающий при этом, что с ним происходит, почти постоянно ощущает свою высвеченную творчеством духовную индивидуальность, эмоциональную самосо-

бойность, и это есть вдохновение. Оно несовместимо с деперсонализационным мучительным переживанием своей эмоциональной измененности.

Вы недостаточно ясно пока понимаете ценность своего душевного склада

Вспоминаю, как рассказывали о себе. Напишу сейчас, как понял Вас, и, если что не так, поправьте меня.

С детства тянулись к конструированию машин, но особенно увлекались моделями самолетов, поскольку за окном дома все время садились и взлетали самолеты. Чувствуя, так сказать, интуитивно изначальность духа по отношению к материи, с давних пор убеждены, что любое ценное техническое сооружение есть одновременно произведение искусства, поскольку несет в себе духовно-человеческое, соединяющее металл в определенном гармоническом порядке. В любой машине нет «однозначных узлов», человек именно интуицией своей выбирает то или иное решение. А в состоянии интуиции и происходит общение с Высшим Разумом, в нем уже живет идея, которую ловишь.

Для Вас, студента-авиаконструктора, ничуть не удивительно, что прославленный Сикорский, конструируя самолеты духом-интуицией, шагая из неизвестного, пришел, ощущая в себе эту силу творящего духа, — в религию, к Богу. Конструкции, движение духа, одетое в металл, для Вас — смысл жизни, и потому, тревожно-мнительный, напряженный страхом болезней, смерти и одиночества, не боитесь летать высоко в небе, хотя и знаете, что в самолете есть чему ломаться.

Главная Ваша трудность — общение с людьми, «боль быть непонятым людьми». Все технические вопросы, дескать, решу сам (не сегодня-завтра), а тут бессилён и пребываю в тягостном переживании своей неполноценности среди людей. Люди не понимают моего отношения к жизни, я другой, нежели они, они как-то все вместе, понимают друг друга, а я один. Меня может глубоко задеть то, что они, мои сверстники, считают мелочью, и наоборот. Для моих товарищей-студентов сам не сданный зачет есть катастрофа, для меня же катастрофа — то, что преподаватель мною недоволен (независимо от того, сдал я

или не сдал зачет). Не могу душевно, духовно пробиться к людям, даже к родителям. Девушка, в которую влюблен, вышла замуж. Замкнуто-отчужденно, съжившись, сижу и в студенческой группе, и дома.

Думаю, прежде всего дело тут в том, что Вы недостаточно ясно пока понимаете ценность своего душевного склада и свое место среди людей.

У нас в России, например, в сравнении с северо-западными народами, очень много людей материалистически-реалистических, естественных, с природным ощущением первичности материи по отношению к духу. Они как бы растворяются в окружающей реальности, в людях вокруг себя, обращены душой своей кнаружи (Карл Юнг назвал их экстравертами), то есть для них важнее всего объект — то, что существует вне их. Потому они видят мир таким, какой он есть с точки зрения здравого смысла, в его естественной реальности.

Вы же, по Юнгу, интраверт (обращенный вовнутрь себя), для Вас дороже всего внутреннее, субъективное переживание, а оно развивается-движется по своим собственным внутренним, символическим дорогам-тропинкам — в противовес естественному, реалистическому переживанию-мышлению. Естественный, реальный мир, например такой, каким изображают его Тропинин, Левитан, Ренуар, Репин, Кустодиев, для Вас — не настоящий, не реальный, Вы чувствуете за всем этим истинную реальность — Вечный, Абсолютный Разум, Дух, Бога. И Дух, Абсолютный Разум, в котором уже есть, например, все конструкторские идеи, пробивается к Вам и людям, подобным Вам по душевному складу, в виде философических символов, иероглифов, математических формул, несущих в себе потаенный смысл, как у Рублева, Модильяни, Кандинского, Рериха. Во всем этом для Вас, как и для них, и есть истинная реальность.

Вспомните, как объяснили, почему Вам хорошо с реалистическими картинами Тропинина, Саврасова, фламандских мастеров. Потому что с ними Вы отдыхаете от своего философически-символического мышления-чувствования, созвучного с тем, что ясно видится у Рублева, Рериха и других символически-философических художников и «тут же заводит голову работать».

7 Письма пациентам
Загляните в «Самое
мало рожденного св
кое мироощущение (г
ходящее из себя само
ности) — в против
мироощущению. Пос
лось так много вокр
свою одиночество, не
них, душевно, духов
У меня есть два с
Во-первых, важн
идеалистическую ду
ны ни живущие сим
ка, ни конструиров
кие формы религио
нельзя сказать, чт
ства — реалистич
или аутистически
разных человеческ
тического математ
ческого детского в
Конечно, все т
ли. Например, хир
но встречаются с
специалисты, дел
открытия. Для ни
знают доскональн
излучающая дух,
сложная коробка
чинят-поправляют
Таким образом
реалистами аути
одновременно вы
стам в частности
подозревают. К с
ванные в знании х
вильным и полез
ношение к дейст
характерный обр

Загляните в «Самопознание» Бердяева — и найдете там немало родственного своему мироощущению. Это аутистическое мироощущение (то есть с латыни — самособойное, происходящее из себя самого, а не из естественного видения реальности) — в противовес естественному, реалистическому, мироощущению. Поскольку реалистов-материалистов оказалось так много вокруг Вас, Вы, аутист-идеалист, чувствуете свою одинокость, непонимание, неспособность «вписаться» в них, душевно, духовно с ними соединиться.

У меня есть два совета.

Во-первых, важно сознавать свою высокую аутистически-идеалистическую духовную ценность, без которой невозможны ни живущие символами теоретическая физика, математика, ни конструирование, ни аутистическое искусство, ни тонкие формы религиозного мироощущения, ни еще многое. Тут нельзя сказать, что более важно для жизни, для человечества — реалистически-материалистическое мироощущение или аутистически-идеалистическое. Все это необходимо для разных человеческих дел. Как нельзя Человечеству без аутистического математика, так нельзя без душевно-материалистического детского врача.

Конечно, все тут очень сложно, если будем уходить в детали. Например, хирурги часто материалистичны-сангвиничны, но встречаются среди них глубоко религиозные прекрасные специалисты, делающие в практической хирургии серьезные открытия. Для них оперируемое человеческое тело, которое знают досконально, есть не высокоорганизованная природа, излучающая дух, а временное материальное пристанище, дом, сложная коробка для Духа, которую они хирургически умело чинят-поправляют.

Таким образом, не забывайте, что трудными для общения с реалистами аутистическими особенностями своего склада Вы одновременно высоко полезны людям вообще и тем же реалистам в частности, хотя, может быть, многие из них этого не подозревают. К сожалению, люди зачастую так мало образованны в знании характеров, что считают сплошь и рядом правильным и полезным лишь свое видение мира, только свое отношение к действительности, стараются напаять себя, свой характерный образ мысли на всех вокруг, хотя, может быть, и

чувствуют иногда, что здесь что-то не так. То аутистическое, что делает Вас, видимо, очень способным в своем конструкторском деле (имею в виду Ваши уже открытия-статьи), одновременно и затрудняет общение, взаимопонимание с людьми другого склада. Если осознаете-прочувствуете это, уже не будет такой напряженности в душе от непонятности происходящего. Трудность живого, естественного, глубокого (не внешнего) общения с людьми, склонность раниться обыденной жизнью, незащищенность перед тягостными прикосновениями житейски-полнокровной реальности — удел практически всех глубинно-интравертированных людей.

Во-вторых, убежден, что это только внешне все люди представляются Вам естественными, сангвиниками. Если, теперь уже со знанием элементов учения о характерах, попытаете глубже разобраться в тех людях, с которыми чаще всего приходится общаться, наверняка найдете среди них подобных себе аутистических людей. С некоторыми из них у Вас, возможно, будет подробное, духовное созвучие. Это и будет Ваш узкий круг. А с реалистами-сангвиниками, понимая их, оценивая по справедливости их высокую подчас практически-реалистическую (в том числе, научно-практическую) пользу, их нередкую естественную сердечность, отзывчивость, деловую доброту, будете общаться, как, например, с картинами Тропинина и Кустодиева. То есть научитесь ощущать в общении с ними твердую, жизненную почву под ногами, прелесть естественной, живой, трезвой реалистичности, успокаивающе отвлекающей от аутистической напряженности. Так, сонет Шекспира, сказка Пушкина, кусок прекрасного мягкого пирога отвлекают от космически-символических математических формул.

Но советами тут, конечно, много не поможешь. Для того чтобы человеку со все-таки (никуда не денешься) болезненными трудностями характера по-настоящему прочувствовать себя среди людей как полноценную общественно-полезную творческую личность, зримо увидеть собственную свою дорогу и уверенно шагать по ней без серьезных трудностей общения с людьми, то есть делать свое творческое жизненное дело, чувствуя себя совершенно здоровым, — для этого надобно года на два-три войти в нашу амбулаторную Терапию

творческим самовыражением. Изучать под руководством психотерапевта характеры людей, с которыми приходится общаться в жизни, изучать (тоже с помощью специальных книг) также и себя самого. Непременно заниматься, хотя бы два вечера в месяц, в группе творческого самовыражения среди людей, подобных себе, и других, не похожих на Вас, — дабы видеть по себе и товарищам, как во всевозможном творчестве глубже, отчетливее, обогащенное раскрывается духовная индивидуальность, особенная, своя полезность каждого для людей. Постепенно с ясностью увидите тогда духовные ценности в людях, на Вас не похожих, сможете понять их, почувствовать к ним симпатию, тепло, быть может, полюбите кого-то из них, — и, во всяком случае, легче от всего этого будет Вам с ними вместе.

Я останусь жить, пока живет Человечество

Мучаетесь извечным, «проклятым» вопросом: «зачем жить? зачем человеческая жизнь? в чем ее смысл? ведь все равно умру и ничего от меня не останется! в Бога, в вечную жизнь души поверить не получается... жить для людей, хотя бы для самых близких, чтобы делать им хорошее, может быть, и хотел бы, но ведь и их не будет, все умрем, а значит — зачем жить? для чего все это — есть, спать, ходить на лекции, читать книги?»

Вам за двадцать, а мне за пятьдесят, и я тоже с юных лет все об этом думаю, но нет уже давно во мне той юной Вашей растерянности, паники, потому что, кажется, пришел к себе, и Вы непременно тоже придете.

Мне кажется, если б я в Вашем возрасте знал-чувствовал то, что знаю-чувствую сейчас, во мне не было бы той долгой тревожной паники, больше сделал бы в жизни своего, творческого. Вот и хочется рассказать, как все это понимаю, как отвечаю себе на «проклятый» вопрос. Вдруг Вам пригодится. Даже не в том смысле, что проникнитесь чем-то из моего мироощущения, а в том, что оттолкнетесь от него, как, быть может, чуждого себе, — к своему. В конце концов, чем же еще может помочь в таком случае один человек другому? Только тем, что расскажет ему, как сам про это думает.

Тоже не мог с юности проникнуться религиозным мироощущением и лишь завидовал верующим. Верующие убеждены в том, что их душа, их духовное переживание — есть частица Бога, Божественного духа, существующего изначально и вечно. После смерти тело уйдет в кладбищенскую землю, а душа будет жить всегда в потустороннем мире, в Боге, общаться с душами других умерших и т. д.

Один старый прекрасный верующий человек, художник, мудрый грустный жизнелюб, мне говорил когда-то за обедом, что там, в загробном мире, все будет почти так же, как здесь, будем тоже есть с удовольствием горячий красный борщ и поджаристые картофелины с малосольными огурцами, но все это будет как-то чуть сдвинуто не по-земному, будет другой длины волны. Я старался тогда это почувствовать, поверить в это и не мог почувствовать свою духовную индивидуальность, свойственное мне переживание, отношение к миру — без моей телесности, ушедшей в кладбищенскую землю.

Дело в том, что независимо от воспитания и образования, по природе своей, по причине наследственных особенностей своего тела, в том числе мозга, я ощущаю материальное, телесное изначально, первичным по отношению к духу. Тело, мозг излучают этот индивидуальный, мой, дух, перерабатывая, отражая по-своему, сообразно своим природным особенностям, духовную, общественную жизнь вокруг меня.

Я еще не был студентом-медиком, но уже чувствовал-знал, что телесным, мозговым особенностям человека соответствуют душевные, духовные. А мой школьный товарищ по причине своей иной телесной природы знал-чувствовал, что изначально, первично не материальное, а духовное, а материальное есть лишь временное пристанище, жилище для духа. То есть он — человек идеалистического склада. Сравните Венеру одухотворенно-идеалистического Боттичелли с Венерой его современника — одухотворенно-материалистического Джорджоне — и почувствуете эту природную противоположность их мироощущений. Сравните рублевского Христа с поленовским («Христос и грешница»), пейзаж Кента с пейзажем Саврасова, женщину, изображенную Ренуаром, с женщиной, изображенной Матиссом. И так бесконечно.

7 Письма пациентам
Еще недавно в
стическое мироощущение
неверным, ощущаю
что-то не так. Я
все же не мог его
живого человека
что некоторые из
досифы (то есть ид
что идеалистическ
тью в изначально
го идеализма, рели
в физике, математ
То есть, матери
ных по сути своей
разными природны
друга в духе един
дополнительности
вывел свой прин
объекты в атомно
наблюдающих их
образом дополня
изучение челове
наблюдая за соб
«отличить сами я
и здесь «сущест
тому, какое сущ
полученными пр
Исследуемы
сит от исследу
полученные раз
полняют друг др
для «Афинская
своих учеников
Идеалист Плат
на, а Аристотел
стического, по
ствуется в этой
Бор Н. И.

Еще недавно в нашей стране полагалось считать материалистическое мироощущение правильным, а идеалистическое — неверным, ошибочным. Ленин, кстати, чувствовал, что здесь что-то не так, отмечал, что идеализм не просто «чепуха», но все же не мог его обозначить иначе, как «пустоцвет» на дереве живого человеческого познания. Удивляясь махистам, тому, что некоторые из них незаурядные физики, хотя и плохие философы (то есть идеалисты), Ленин, видимо, не догадывался, что идеалистическое мироощущение (с чувством-убежденностью в изначальности духа) есть основа не только философского идеализма, религии, но и основа теоретического мышления в физике, математике, астрономии и т. д.

То есть, материализм и идеализм — это два противоположных по сути своей мироощущения, обусловленных прежде всего разными природными свойствами людей и дополняющих друг друга в духе единства противоположностей, в духе принципа дополнительности Нильса Бора. Вы знаете, конечно, что Бор вывел свой принцип дополнительности из того события, что объекты в атомной физике оказались весьма зависимыми от наблюдающих их приборов и данные разных приборов таким образом дополняли друг друга. Бор, видимо, не углублялся в изучение человеческих характеров, но отметил, например, наблюдая за собою, что и в психологии так же невозможно «отличить сами явления от их сознательного восприятия», что и здесь «существует дополнительное соотношение подобно тому, какое существует между данными о поведении атомов, полученными при разных условиях опыта»¹⁰⁶.

Исследуемый мир, таким образом, думается, весьма зависит от исследующих его типов людей-«приборов», и данные, полученные разными людьми-«приборами», закономерно дополняют друг друга, и так будет всегда. Помните фреску Рафаэля «Афинская школа»? Там по мраморным ступеням среди своих учеников спускаются два великих учителя-философа. Идеалист Платон поднял руку вверх, показывая, что там истина, а Аристотель, в философии которого так много материалистического, показывает рукой вниз. Но главное — как чувствуется в этой фреске, что необходимо и то и другое, что два

¹⁰⁶ Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М.: Наука, 1971. С. 284.

великих противоположных друг другу мироощущения составляют Единство.

Самое высокое в жизни — это, конечно, общечеловеческие, нравственные ценности, а сотканы они из идеалистических или материалистических нитей — это уже зависит от природных особенностей творцов, гуманистов. Все нравственное, гуманистическое необходимо и бесценно. Нельзя зачеркнуть Венеру Боттичелли, идеалистическую философию, религию, психоанализ хотя бы потому, что громадная часть человечества своими особенностями созвучно отвечает этому идеалистическому подходу к миру, так же как многим людям созвучен материалистический подход, склад души, потому что они сами такие. Запретить что-то нравственное в общечеловеческом смысле — значит нарушить, сдвинуть, изуродовать духовную экологию, культуру.

Никогда, убежден, материалисты и идеалисты не докажут друг другу, что кто-то из них прав, а кто-то не прав, — потому что они от природы разные люди, разные «приборы». Потому что независимо от того, что чувствовать-считать изначально — дух или тело или вообще отвергать какую-либо изначальность в принципе, — независимо от этого, само соединение духа и тела в одно, как это происходит, где и в чем тут граница между телом и духом — все это есть великая, вечная тайна.

Простите, что так расплылся, но по-другому трудно мне объяснить себя, боюсь быть непонятым и потому вот «жую подробности» по старой преподавательской привычке.

Так вот, будучи по природе своей материалистом, я не мог представить, ощутить свою духовную индивидуальность, то есть основу творчества, свою суть — без своего тела, особенностям которого в самом широком смысле (включая сюда и цвет глаз, и форму рук, и особенности внутренних органов) отвечают мои душевные особенности (об этом подробно — в книге Эрнста Кречмера, о которой уже говорил Вам). Если нет моего настоящего тела, настоящего, с моей, здешней длиной волны, то моя вечная аморфная душа — не моя и неинтересна мне.

Стало быть, религия, философский идеализм, обещающий вечность моего духа в Вечном Разуме, не могли мне, как и Вам сейчас, помочь успокоиться в тревожной панике от «про-

7. Письма пациентам

клятого» вопроса. Нравственно-материалистическое чувство, нравственные удовольствия, нравственная работа, жизнь, наслаждаюсь жизнью, меня не будет, и она не будет. Дело в том, что собственными радостями троих забывал, в остальных, например, где-то в гостях. Эти и через годы в подвале вкусовые ощущения — где помидоры, мясо, какими ломтиками, часто, кстати, душистыми, делающие какую-то посредственно — ких хирургов, зуботаторов... Но и там всего богатством своим мышлением.

Я жил другим. певческая (в широкую свою душу, и гипнотическим самовыражением).

Я, конечно, м... есть для меня при ясном знании духом, и ограниченности убежден в том, что полностью или неволею, духовно му мне.

клятого» вопроса. Не мог, как и Вы, проникнуться и эпикурейски-материалистическим мироощущением, трезвым, полнокровно-чувственным пониманием того, что жизнь — это чувственные удовольствия, пряные ощущения, радости интересной работы, живого общения с людьми, и, пока я жив, наслаждаюсь жизнью, смерти нет, а когда смерть придет, уже меня не будет, и она останется в дураках.

Дело в том, что никогда, как и Вы, не жил яркими чувственными радостями, не тратил на них много времени и быстро их забывал, в отличие от многих чувственных людей, для которых, например, очень важно, какое блюдо они отведали где-то в гостях. Эти переживания, ощущения живут в их душе, и через годы в подробностях такой человек расскажет свои вкусовые ощущения, как там все на тарелке было разложено — где помидоры, где укроп, как красиво дышало парное мясо, какими ломтиками была нарезана картошка и т. д. Это часто, кстати, душевные, заботливые люди, прекрасно, легко делающие какую-то сложную, в основном практическую, непосредственно — для людей работу, во имя добра. Я знаю таких хирургов, зубных врачей, актеров, физиков-экспериментаторов... Но и там, в своей профессии, они работают прежде всего богатством своих ощущений, реалистическим, практичным мышлением.

Я жил другим. Меня более всего захватывала психотерапевтическая (в широком смысле) работа, то есть помощь кому-то своей душой, и это могло выражаться целебной беседой, гипнотическим сеансом, лечебной помощью пациентам творческим самовыражением, психотерапевтическими рассказами и письмами.

Я, конечно, материалист, но духовный материалист. То есть для меня превыше всего духовное движение в человеке при ясном знании-чувствовании того, что именно тело светится духом, и он невозможен без тела. При этом убежден в ограниченности такого, материалистического подхода к делу, убежден в том, что материализм и идеализм органически дополняют друг друга. Все, что ни делал в жизни, все как-то, вольно или невольно, сводилось уже в юности к тому, чтобы душевно, духовно помочь какому-то человеку, симпатичному мне.

Вы рассказывали, как жалеете старого деда за то, что его уже никто дома не слушает, и все так выходит, что он мешает кому-то пройти из коридора в кухню и т. п. А ему все хочется рассказывать о том, как в молодости работал зоотехником в Средней Азии с овцами — и Вы один его слушаете, хотя это не так интересно и для Вас. Но слушаете, чтобы ему лучше было от того, что рассказывает свое.

Или вот Вы, студент-биолог, с соседской девочкой бесплатно занимаетесь химией не столько из интереса к химии, сколько из-за того, что чувствуете, что у нее настроение делается лучше, когда что-то трудное для нее прежде вдруг, благодаря Вам, понимает, и верится ей тогда, что в институт поступит.

Вам, выходит, лучше оттого, что ей лучше становится. Мне это все по своей молодости знакомо. Понимаете, мы, в конце концов, для себя делаем людям хорошее, чтоб самим от этого лучше себя чувствовать. Это у нас такая особенная душевная защита, а не потому, что мы как-то благородно заставляем себя служить людям. Так и хирургу настоящему запретить оперировать, он все отдаст, чтобы опять человеку хирургически помочь.

Вот и стал думать: может быть, в этом и есть смысл моей жизни, которым надо проникнуться, чтоб не бояться смерти, чтоб ушел этот «проклятый» вопрос: зачем?

Стал читать философов, психологов, психотерапевтов. Ведь конкретное психологическое, философское направление — это, в сущности, та же психотерапия для его творца и его последователей, поскольку направление это, концепция высвечивает в жизненном тумане свой собственный, целебный путь. Особенно подробно изучал дзэн-буддизм и западные учения — психоанализ Эриха Фромма, недирективную психологию, «группы встреч» Карла Роджерса, гуманистическую психологию Абраама Маслоу, логотерапию (терапию смыслом) Виктора Франкла.

Всюду здесь усмотрел, выяснил вдохновенно-тонкое, гуманистически-нравственное идеалистическое мышление-чувствование. По сути дела, и дзэн-буддисты, и все названные сейчас психотерапевты идут от изначально-божественной чистоты души во всяком человеке и стараются освободить душу человека от всяких скверных общественных условностей, наростов, пагубных общепринятостей, роботности, стараются вер-

нуть человеку не замутненную общественным рабством свободу его духа.

Басё это делал еще в средние века, например, с помощью своих чудесных дзэн-буддийских трехстиший (хокку).

Германский, а потом американский психоаналитик Фромм, в созвучии с дзэн, уже в наше время помогал понять человеку, что тот пагубно для себя бежит, увлеченный механически-социальными переживаниями, от свободы своего духа.

Американский психолог Роджерс в своих «группах встреч» помогал людям душевно-непосредственно расковываться таким образом, чтобы ощущать свободу-радость, яркое нравственное переживание, в котором человек лично растет. Я дважды слушал Карла Роджерса в его прекрасно одухотворенной старости в Москве и в Тбилиси, незадолго до его смерти, осенью 1986 года, когда он приезжал к нам. Он сравнивал себя с садовником, который старается выращивать розы в душе всякого человека. Когда ему сказал кто-то из слушателей в аудитории, что ведь вырастают у самого лучшего садовника не только розы, но и сорняки, — он произнес: «И все-таки я всякий раз верю, что вырастут розы».

Американский психолог Маслоу говорил о самоактуализации, в сущности, тоже в духе полного, вдохновенного раскрепощения заложенного в тебе истинно человеческого, нравственного, то есть божественного начала.

Австрийский психотерапевт-экзистенциалист Франкл помогает найти страдающему смысл своего страдания, поверить в то, что это и есть подлинный смысл страдания, и тогда страдание смягчается, потому что не так страшно и уже не так мучительно то, что имеет смысл. И этот смысл, в который важно поверить, есть Бог. Одна из книг Франкла так и называется — «Не осознанный в нас Бог».

Все эти психотерапевтические учения меня притягивают и притягивают своим нежным гуманизмом. Но я не могу проникнуться ими, потому что в них нет материальной, телесной основы, нет опоры на определенные душевно-телесные типы людей, они надхарактерологичны, как все идеалистическое, религиозное.

У меня сложилась моя собственная психотерапевтическая философия, мое, соответствующее моей природе мироощуще-

ние, которое и помогает мне жить. Благодаря книгам, особенно книгам Э. Кречмера и П. Ганнушкина, своей профессии, я понял, объяснил, прочувствовал себя и других людей как определенные личностные, душевно-телесные типы, складывающиеся — психастенический (тревожно-сомневающийся), замкнуто-углубленный (аутистический), напряженно-авторитарный, сангвинический, ювенильно-эгоцентрический и т. д.

Каждый душевно-телесный тип человека предрасположен к своему типичному мироощущению, по-своему видит мир, чувствует, размышляет. Конечно же, каждый человек уникален, неповторим, как нет двух березовых листьев, совершенно повторяющих друг друга. Но определенный тип собирает в себе общие, типичные черты людей этого типа, как березовый лист собирает в себе общие признаки березовых листьев — в отличие от, например, осиновых. Могу твердо сказать, что, к примеру, для аутистического человека (с его аутистическим — самособойным, символически-философическим видением мира, с ощущением изначальности духовного) типично идеалистическое, нередко религиозное мироощущение, а для напряженно-авторитарного — материалистическое без диалектической живости, формально-логическое. Если здесь формируется религиозное мироощущение, то даже оно обычно обретает авторитарно-материальные формы.

Вот Вы — психастенический человек. От аутистического типа психастеник отличается тем, что нет в нем склонности к аутистическому мышлению и чувствованию, есть ощущение изначальности материи-тела по отношению к духу. От напряженно-авторитарного — тем, что в психастенической реалистичности-материалистичности нет напряженно-сердитой прямолинейности-авторитарности, а от тоже реалистического сангвинического — тем, что нет в психастенической материалистичности поглощающей сангвиника солнечной естественности, чувственного жизненного полнокровия.

Лишенный способности непосредственно-естественно, подробно-чувственно переживать жизнь, психастеник в этом своем душевном деперсонализационном онемении испытывает более или менее выраженную неуверенность в своих чувствах. Ему свойственно мучиться вследствие этого чувством вины, например, перед близкими, чувством неполноценности с само-

7 Письма пациентам
быванием. Порою
яркими красками.
импрессионистиче
Психастенику
том помогает не
своему — прежде
ной заботой, к чем
Я представляю
биологии в школе
шественником, до
тенических Дарви
лем в духе Чехова
Если б я сказа
наверно, рассерди
духовную свободу
гим, нежели сего
здно, в психотера
генетическую «ос
могучей свободой
нического склада
При этом вооб
в себе нравствен
жащий к опреде
безнравственным
ственности пост
безнравственных
ся к ним братски
Таким типоло
пониманием того
то своего общест
ложен своей при
соединяемся в е
пониманием-мир
нический челов
жизни.
Таким образо
ческим самовыр
чески, нравстве
быть самим собо

бичеванием. Порою он воспаляет, оживляет себя для жизни яркими красками, как это делал, например, в своих картинах импрессионистический художник Клод Моне.

Психастенику часто легче, когда он кому-то помогает. При этом помогает не как угодно, например, не мытьем полов, а по-своему — прежде всего душевным своим переживанием, духовной заботой, к чему предрасположен своей природой.

Я представляю себе Вас одухотворенным преподавателем биологии в школе или институте либо исследователем-путешественником, добросовестным наблюдателем в духе психастенических Дарвина, Павлова, или психастеническим писателем в духе Чехова.

Если б я сказал все это человеку аутистическому, он бы, наверно, рассердился на меня за то, что как бы отнимаю у него духовную свободу, что он может быть завтра совершенно другим, нежели сегодня. Но психастеник обычно, рано или поздно, в психотерапевтической работе принимает свой тип как генетическую «осознанную необходимость», довольствуясь той могучей свободой, которая помещается в рамки его психастенического склада.

При этом вообще какой-либо душевный склад, тип не несет в себе нравственной оценки. Конкретный человек, принадлежащий к определенному типу, может быть нравственным и безнравственным. И при всей непримиримости ко злу безнравственности постараемся понять-принять всех остальных, не безнравственных, но разных характерами людей и проникнуться к ним братским уважением.

Таким типологическим пониманием человеческой жизни, пониманием того, что каждый тип нужен особенно для какого-то своего общественно-полезного дела, к которому предрасположен своей природой, что все мы, служа добром друг другу, соединяемся в единый организм — Человечество, — таким пониманием-мироощущением нередко проникается психастенический человек, и оно поддерживает его, сообщает смысл жизни.

Таким образом, смысл моего мироощущения, Терапии творческим самовыражением, состоит в том, чтобы научиться творчески, нравственно выражать себя, самоактуализироваться, быть самим собою, личностно расти, но не вообще, не в аутистическом

тическом, религиозном понимании (как, например, у Роджерса, Маслоу), а сообразно особенностям своего душевно-телесного типа, то есть самоактуализироваться, личностно, нравственно расти, быть самим собою — именно как человеку определенного склада: психастенического, аутистического, сангвинического и т. д.

Я отдаю себе отчет в типологически-материалистической приземленности моего мироощущения, Терапии творческим самовыражением. Да, в ней нет того высокого религиозного, идеалистического вдохновения, в котором человек чувствует себя вместе с Богом, частицей Вечного Разума, Красоты. Здесь человек чувствует себя конкретным личностным (характерологическим) типом и старается держаться, при всем множестве занятий, в любом из них, характерного для своего склада пути, дабы, не теряя лишних сил и времени на не свое, на то, к чему не предрасположен, быть может, попробовав всякое, скорее вернуться к своему и как можно больше сделать в жизни своего, того, что только ты так хорошо и можешь сделать. Но это свое, типологическое, бесконечно разнообразно внутри себя и захватывающе вдохновенно. Наши занятия, индивидуальные, домашние и в группе творческого самовыражения, как почувствовали уже, наполнены непосредственными попытками создавать творческие произведения, творчески общаться с искусством, природой, попытками проникновенно-творчески погружаться в прошлое и т. д. — то есть попытками высветить свою, неповторимую, но типологическую особенность.

Все это нужно для того, чтобы яснее увиделся именно свой путь. Научившись все делать по-своему, сообразно своим особенностям, войдя в творческий стиль жизни, в стойком творческом вдохновении пойдете по этому пути, обретая смысл жизни. Не вообще смысл — Бога, как у Франкла, а свой психастенический смысл жизни в Природе и Человечестве.

Терапия творческим самовыражением, таким образом, есть материалистическая система, но она, понятно, способна вывести человека, в соответствии с его особенностями, и на религиозный, философско-идеалистический, экзистенциальный путь.

Каков же Ваш путь? По моему опыту он, как сказал уже, может быть созвучен психастеническому пути таких гениев,

7. Письма пациентам
как Дарвин. Чем
несете ли Вы в себе
типы душевного ск
бинно-тонкие. Ко
ны Рембрандта,
себе, а склад его л
но-теплый сангви
искусстве и жизни
ему людей.
Как решает о
юношеских трев
Вашим, этот «пр
чем смысл всего
этот вопрос те ве
многие психасте
Живу для то
кому тянущь душ
ты, пациенты, д
рых пишу худо
ствую себя увер
Но не совсем у
учил, останутс
не останется о
детей, не постр
с которыми бы
лучше, благода
своим детям, в
ловечество, п
изменила Чел
незримо оста
лет, хотя имя
А когда прекр
материальн
то из умерш
страшит. Бу
когда уже н
поработать
ством, свое

как Дарвин, Чехов, Павлов, Клод Моне, независимо от того, несете ли Вы в себе гениальность. У гениев, в сущности, те же типы душевного склада, но, может быть, более сложные, глубинно-тонкие. Когда в группе смотрим на экране слайд картины Рембрандта, нас интересует не гениальность его сама по себе, а склад его личности — одухотворенно-грустный солнечнотеплый сангвинический склад, в котором видится его путь в искусстве и жизни и пути сегодняшних личностно созвучных ему людей.

Как решает обычно, в конце концов, психастеник после юношеских тревожно-панических переживаний, подобных Вашим, этот «проклятый» вопрос: зачем все? зачем жить? в чем смысл всего, что происходит со мной в мире? Как решали этот вопрос те великие психастеники, которых назвал выше, и многие психастеники, которых знал, знаю?

Живу для того, чтобы нести добро людям, особенно тем, кому тянусь душой: будь то близкие, ученики в школе, студенты, пациенты, люди, ради которых исследую природу, для которых пишу художественное или рисую. Неся свое добро, чувствую себя увереннее, лучше, нужнее. Конечно, умру, как все. Но не совсем умру: останусь в душах тех, кому помогал, кого учил, останутся мои статьи, быть может, книги и т. п. Даже если не останется от человека ничего в библиотеках, не останется детей, не построит дом, — он все равно бессмертен, так как люди, с которыми был вместе, как-то изменились, возможно, стали лучше, благодаря мне, и как-то передали это, связанное со мной, своим детям, внукам, друзьям. Я останусь жить, пока живет Человечество, потому что моя жизнь непременно, хоть чуть-чуть, изменила Человечество, я не способен просто выпасть из него, я незримо останусь в людях, которые будут жить через тысячи лет, хотя имя мое погаснет и они не будут обо мне ничего знать. А когда прекратится Человечество, я все равно останусь своими материальными частицами, рассыпанными в мире, потому что материя не исчезает. Никак невозможно пропасть совсем, никто из умерших совсем не исчез. Потому бездна меня теперь не страшит. Буду в мире своими частицами и через миллиарды лет, когда уже не будет живого. Но сейчас еще хочу как следует поработать творчески, чтобы сильнее пожить своим творчеством, своей личностью после смерти, в жизни Человечества,

как живут нынче не хуже живых многие давно ушедшие. Мы благодарно носим в душе их живой образ, говорим о них, спорим — еще больше, чем о живых. Ради всего этого, по-моему, стоит жить, не спрашивая: зачем? Нести долг своего посильного добра людям. Как бы ни сложна была жизнь, нести этот свой светлый крест — и есть смысл моей жизни. В то же время понимаю: многие другие люди думают и живут по-другому, а добра приносят побольше, чем я. Но другим быть не могу.

Уже отметил, что если не сможете целебно (в высоком смысле) проникнуться подобным мироощущением, то, может быть, хоть оттолкнетесь от него, ощущая его чуждость себе, в иное, свое понимание себя среди людей и природы.

«Здесь нужны короли и поэты»

Ну и что? Девушка-студентка подсмотрела в больнице в своей истории болезни диагноз «неврозоподобная шизофрения»?

Ну и что? Я ведь Вам говорил в ответ на тревожные Ваши вопросы, что, конечно, у Вас серьезная болезнь. Ведь уже шесть раз просто от тоски-безысходности пытались по-настоящему, без игры, отравиться большим количеством таблеток. Если б не была бригада скорой помощи, Института Склифосовского — Вас бы уже не было.

Это, понятно, серьезное, не пустяковый невроз, а депрессия, если человек так мучается своей никчемностью, тем, что ему хочется хотеть, что не может легко, как другие студенты, понимать и запоминать лекции и учебники, считает себя зря родившимся обломком человека. Вы сами говорили, что пропастью отделяетесь от невротиков, психастеников, познакомившись с ними в психотерапевтической группе.

Конечно же, депрессивные страдания с невротическими, психастеническими не сравнить. Потому и называют многие психиатры это Ваше расстройство «неврозоподобной шизофренией». Я тоже так в глубине души называю. Но это не сумасшествие: человек, страдающий такой болезнью, обычно все сознает-понимает, способен управлять собой и в жизни может стоять так высоко, что толпы здоровых ему завидуют. Он внешне весьма похож на невротика, психастеника, и неспециалист не отличит. Посему эту болезнь вскоре и в нашей стране пере-

станут официально называть «шизофренией»¹⁰⁷. Но в то же время, сами знаете, человек этот нередко мучается без помощи психиатра-психотерапевта.

Когда студентка от возникающей по временам остро-тоскливой безысходности с чувством неполноценности, ненужности никому готова биться головой о стену своей комнаты — это не невроз душевно незрелой истерички, не способной рассудочно-трезво справиться с каким-то житейским конфликтом и бессознательно прячущейся от трудностей жизни в спасительную истеро-невротическую клетку.

Невротика, психопату (человеку с патологически трудным характером) мы нередко устраиваем «психотерапевтическую порку», развенчиваем в его глазах его симптомы, «страдания»... Не делаю же я этого с Вами! Я бы потерял у Вас всякое доверие, если б сказал: «Пустяки, все завтра пройдет, возьмите себя в руки». Или: «Сейчас же перестаньте капризничать-истеричничать! Все Ваши переживания выеденного яйца не стоят» и т. п.

Ох, нехорошо такое говорить, но с годами все меньше у меня сочувствия к этим большим детям — невротикам и все больше живой, щемящей сердечности к страдающим так, как Вы страдаете. Это и побуждает помогать Вам всей душой, как могу.

Если встречаемся в психотерапевтическом кабинете не так часто, как хотелось бы, если ворчу порой, когда чаще раза в неделю звоните мне домой по телефону, то это оттого, что так надо, чтоб лучше помочь Вам, и уж, пожалуйста, доверяйте мне, положитесь на меня. В течение трех лет перед каждой сессией Вы были убеждены, что провалите экзамены и прощай институт. Я гнал Вас на экзамены под свою ответственность — и получались почти одни пятерки.

Впереди жизнь, трудная, сквозь переживания, но интересная, важная своим творчеством. Судя по Вашим очеркам, Вы уже, думаю, необычный, одухотворенный искусствовед. Способности станут развиваться, расцветать теперь бесконечно, и болезнь этому не помешает, напротив, придаст Вашим произведениям философски-поэтическую самобытность.

¹⁰⁷ См. раздел 5. В современной Международной классификации болезней (МКБ-10, 1992) «неврозоподобная шизофрения» обозначается как «шизотипическое расстройство».

Конечно, депрессивные переживания еще Вас помучают, но ничто так не смягчает их, как творчество, которому необходимо предаться в полную силу, получив диплом. Да ведь и я буду, как смогу, помогать.

Понимаете, благодаря своим страданиям, Вы тоньше, правдивее многих здоровых искусствоведов, литературоведов чувствуете-понимаете родственные Вам души художников и пишете о них так проникновенно, как не могут писать здоровяки. Убедился в этом, слушая, как Вы говорили в группе творческого самовыражения о Дюрере, Стриндберге, Гельдерлине, Жан-Жаке Руссо, Паскале, Шумане, Новалисе, Гофмане, Батюшкове, Гоголе, Врубеле, Шопенгауэре, Рильке, Чюрлёнисе, Хлебникове, Зощенко. Могу еще называть и называть имена знаменитых писателей, поэтов, живописцев, музыкантов, а также философов и других ученых, которых Вы наверняка поймете-почувствуете глубже, нежели душевно здоровые исследователи, — по причине родственности Ваших болезненных страданий-переживаний. Кстати, из перечисленных выше творцов многие страдали болезнью этой в очень тяжелой, отнюдь не неврозоподобной форме. Почитайте о гениальных больных людях в книгах Эрнста Кречмера¹⁰⁸.

Болезнь Вашу по-разному называют у нас и за границей. Одни (я уж говорил) считают, что это неврозоподобная, мягкая шизофрения, другие полагают, что это не шизофрения, а такой сложный невроз, психопатия. Я сам обычно не ставлю в документы диагноз «шизофрения», только уж в таких случаях, если он серьезно поможет пациенту жить — бесплатными лекарствами, отдельной квартирой и т. п.; но о шизофрении здесь, да, думаю, потому что психотерапевтически помогать надобно иначе, нежели просто при нервности.

Три важных замечания. Эта мягкая, неврозоподобная шизофрения, во-первых, отличается от тяжелой шизофрении, шизофрении в обычном, даже житейском смысле тем, что ни-

¹⁰⁸ Кречмер Э. Строение тела и характер / Пер. с 7-8 испр. и расшир. немецкого изд.-я. М.-Л.: Госиздат, 1930. 304 с. Кстати, Э. Кречмер отмечает там: «Цветы шизофренической внутренней жизни нельзя изучать на крестьянах — здесь нужны короли и поэты» (с. 170). Еще одна важная здесь книга: Кречмер Э. Гениальные люди / Пер. с нем. СПб.: Академический Проект, 1999. 303 с., илл.

когда не приводит к душевному распаду. Во-вторых, она в тяжелую, с сумасшествием шизофрению никогда уже не превратится. И в-третьих, если жизнь складывается так, что человек, заболевший неврозоподобной шизофренией (и обычно страдающий при этом переживанием своей несостоятельности, неполноценности), способен творчески выражать в жизни свои душевные особенности, свои переживания, то он, во всяком случае по временам, поднимается душой, входит в состояние целебного, творческого вдохновения — и болезни тогда почти не чувствует, и никто не замечает, что он болен.

Убежден в том, что вообще всякий человек, страдающий от тягостного чувства неполноценности, несет в себе творческие способности, как собственное, внутреннее лекарство от этого страдания, слабеющего в творчестве. Наконец, истинное произведение творчества, именно творение (а не разрушение, не агрессия) не несет в себе патологии, каким бы тяжелым душевно болезненным человеком ни был его автор. Но для истинного творчества человек все же должен быть хотя бы немного больным, так как само творчество — лечение в высоком смысле. В Вашей жизни, конечно, будет немало важного, человеческого (друзья, работа, может быть, семья), но пусть все это дышит, живет творчеством — одухотворенно-индивидуальным, личностным отношением к людям и делам.

Шизофрения выплывает из нашего генеалогического дерева, никто часто не знает из каких ветвей, корней, нет смысла кого-то тут винить, это Природа, Судьба.

Шизофрения — болезнь без патологической анатомии в обычном смысле. Это такая особенная болезнь, что нередко вроде бы и не болезнь, потому что, как уже отметил, при иных обстоятельствах жизни, в жизни творческой — ее будто бы и нет. А выбился человек из творчества — и мучается, как тяжело больной.

Потому, прошу Вас, продолжайте приходить еще годы в нашу группу творческого самовыражения, глубже работайте в ней, это поможет и Вашему искусствоведческому творчеству.

Стало быть, будем жить, а смерть когда-нибудь сама придет. И тогда станет нам «никак», как уже было нам Бог знает сколько лет до нашего рождения. Так уж лучше пусть будет подольше как-то по-другому — ведь «никак» все равно когда-

то наступит, «никак» никого не забудет. Но благодаря нашему творчеству мир изменится, он будет нести в себе песчинки нашего творчества, то есть мы будем в мире вечно.

Не стоит так сердито-отчаянно ругать, отталкивать судьбу, когда бывают судьбы похуже, поужаснее. Не надо жаждать быть здоровой, «как все». У каждого свой путь. Я сам порядочно тревожно-мнителен, ипохондрик, но, не раздумывая, согласился бы лучше страдать шизофренией и лечиться творчеством, как Дюрер, чем чувствовать себя здоровым, благополучным мещанином, дельцом-приспособленцем, как... Впрочем, мы и имен их не знаем: они переплавились в веках, как пуговицы у ибсеновского Пуговичника.

Есть и грани созвучия

Вчера в группе творческого самовыражения Вы совсем растерялись, тихо заблестев очками.

«Кто же я такая, — спрашивали Вы, — если мне в мои двадцать пять лет близки, созвучны самые разные художники — Буше и Сезанн, Ренуар и Матисс, Тропинин и Модильяни, Саврасов и Кент, Моне и Гоген? И писатели тоже — Хемингуэй и Фолкнер, Пушкин и Лермонтов, Чехов и Булгаков?»

В ответ на это поясню: нельзя понимать Терапию творческим самовыражением так, что каждому из нас целебно созвучен лишь тот художник, на которого мы особенно похожи душой, с которым, так сказать, одного характера.

Да, есть как бы полное созвучие, как с самим собою, например, у многих естественных, сангвинических людей (в том числе тоскливых, с перепадами настроения) — с Тропининым, Пушкиным, Ренуаром, у многих аутистов — с Модильяни, Кентом, Лермонтовым, у многих психастеников — с Моне, Чеховым и т. д. Но есть и грани созвучия: то есть человек лишь какой-то гранью своей души может быть созвучен с каким-то одним художником, а другой гранью — с другим, третьей — с третьим...

Вот это и обнаружилось у Вас вчера, и это говорит о духовной Вашей сложности, многогранности. Так случается с подобными Вам натурами в начале нашей работы, но, когда

человек сам начинает рисовать (пусть неумело), вот тут и видится ясно, кто он. Вспомните свои нежные аутистически-философические рисунки, сколько там внутреннего, символического, сколько геометрии, знаков, волнующих, напрягающих мысль, побуждающих к философическому раздумью.

Человек сложно-аутистический нередко тянется к противоположному себе, например, тревожно-полнокровно-естественному, это его освежает, смягчает уютным чувством. Тянется и к деперсонализационно-реалистической психастенической тревоге. Лишь бы была грань созвучия, например, в виде тревожности, нравственной доброты. Да и по-настоящему, думается мне, возможно духовно поклоняться человеку, созвучному тебе, но в то же время иному. Ведь поклоняться очень похожему на тебя — это близко к тому, чтобы поклоняться себе самому.

Вы лучше и лучше разбираетесь в людях, с которыми работаете, живете вместе. Уже чувствуете-понимаете, в чем и с кем есть общее, созвучие, взаимопонимание, а где — диссонанс, и стараетесь общаться, опираясь на то, что сближает, роднит.

Пусть все понятней становится Вам Ваш собственный личностный склад и заложенные в нем способности, предрасположенности к различным делам (даже в рамках своей профессии учительницы литературы), о которых прежде не знали. Ведь уже не так страшно жить, а? Все отчетливее высматривается в житейских нагромождениях своя, свойственная своему складу дорога жизни. Пусть яснее видится, что, как буду делать: писать ли рассказы, учиться ли в студии живописи, поступать ли в аспирантуру, выходить ли замуж, за кого?

М.Е. Бурно

8. Очерки
отечественной
психиатрии

К истории фрейдизма
психологи, э

В «Повести в
зывающей о т
ются интере
этнические ме

Так, Фео
тию «воздер
пития безме

Сын Мон
стую и непо
тью быть бе
молчать, му
себе и млад
беседуя, а п
осуждать р
дурными же
а душу ввы

100 Вопрос
ний. М.: ГУЗ
[ныне А.А. Б
110 Здесь

8. Очерки по истории отечественной характерологии, психиатрии, психотерапии

К истории древнерусской психиатрии, психологии, этики (по «Повести временных лет»)¹⁰⁹

В «Повести временных лет», древнерусской летописи, рассказывающей о том, «откуда есть, пошла русская земля», встречаются интересные психиатрические, характерологические, этические места.

Так, Феодосий, игумен Печерский, наставляет свою братию «воздерживаться от обильной пищи, ибо от переедания и питья безмерного рождаются помыслы лукавые» (с. 323)¹¹⁰.

Сын Мономаха Василий советует юношам «иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую». «Еде и питью быть без шума великого, — поучает он, — при старших молчать, мудрых слушать, старшим повиноваться, с равными себе и младшими в любви пребывать, без лукавого умысла беседуя, а побольше вдумываться; не неистовать словом, не осуждать речью, не много смеяться, стыдиться старших, с дурными женщинами не разговаривать, книзу глаза держать, а душу ввысь, избегать их, не уклоняться учить падких на

¹⁰⁹ Вопросы клиники и современной терапии психических заболеваний. М.: ГУЗМ, 1970. С. 242–243 (в соавторстве с А.А. Журавлевой [ныне А.А. Бурно]).

¹¹⁰ Здесь и далее цитируется «Повесть временных лет». М.—Л., 1950.

власть, не во что ставить всеобщее почитание» (с. 355–356). Как и Феодосий, Василий предостерегает от пьянства. О возрастной несдержанности отроков повествует так: «Куда бы вы не шли походом по своим землям, не давайте отрокам, ни своим, ни чужим, причинять вреда ни жилищам, ни посевам...» (с. 359).

Довольно ясно очерченных позже Сухановым, Ганнушкиным и другими психиатрами асоциальных эпилептоидных субъектов Летописец рисует как злых, лживых «безумцев», которые «хуже бесов». Они «приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя» (с. 252), «злой человек ни бога не боится, ни людей не стыдится». Летописец подмечает, что «посылаемые на злое — скоры в исполнении» (с. 291).

Психотические (по-видимому, чаще всего истерические) явления и просто сновидения считает Летописец происками бесов, так как пишет, что бесы приказывают некоторым людям «рассказывать видения, являющиеся им, не твердым в вере, одним во сне, а другим в забытии». Отмечено, что женщины «волхвуют по внушению бесов» чаще, чем мужчины («особливо же через женщин бесовские волхвования бывают») (с. 320).

Касается, между прочим, Летописец и вопроса наследственности («От греховного же корня зол плод бывает») (с. 253).

«Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его», — замечает Летописец по поводу безграничной жадности князя Игоря, собиравшего с древлян дань (с. 237).

О М.Я. Магазинере

(к истокам отечественной психотерапии алкоголизма)¹¹¹

Как полагает В.Е. Рожнов (1956), Марк Магазинер, вместе с другим российским врачом — Христианом Виттом, стоит у истоков отечественной психотерапии алкоголизма. Магази-

¹¹¹ Вопросы клиники и психотерапии алкоголизма и неврозов / Под ред. В.Е. Рожнова. М.: ЦОЛИУВ, 1974. С. 3–5.

нер писал в книге «Лечение болезни, происходящей от пьянства, и о способе отучить от него» (СПб., 1854¹¹²): «По нашему убеждению, нет вернейшего и истинно-специфического средства, как только твердая воля отречься от неумеренного употребления спиртных напитков. Опыты показали, что твердая воля, руководимая здравым рассудком, имеет такую силу над душой и телом, что она не только предохраняет человека от болезней, но даже лечит их. Поэтому судят слишком односторонне те, которые решительно отрицают возможность отучить от пьянства <...>; пьяницу должно у б е д и т ь (разрядка наша. — В.Р.), что одно малодушие причиной всех бедствий его, что он сделается вновь благонравным, разумным человеком, добрым семьянином и т. д., когда с твердою волею отречется от мнимого для него удовольствия быть пьяным. Ему должно примерами из общежительного быта доказывать, что воля человека могущественна» (цит. по В.Е. Рожнову, с. 229). Особенно важными в этой книге представляются нам также еще три момента, не имеющие прямого отношения к психотерапии алкоголизма. Во-первых, весьма любопытна отмеченная уже (Сегал Б.М., 1967, с. 33) попытка Магазинера описать «возбудитель пьянства» (то, что сейчас называют патологическим влечением к алкоголю): «заманивающее (в трезвом состоянии. — М.Б.) к питью чувство, обнаруживающееся тошнотой, дурнотой и ощущением особого рода щемления и слабости в желудке» (с. 58¹¹³). Во-вторых, современные замечания автора о «причинах», предрасполагающих к «болезни от пьянства». Сюда, в частности, относятся «живое и чрезвычайно пылкое воображение» (с. 23), работа на жаре или возле огня (повара, кузнецы и т. п.) «даже при не слишком большом, но постоянном употреблении спиртовых напитков» (с. 24), «болезни мозга» (с. 25). В-третьих, довольно современно также указание, что «виноградное вино, хотя и содержит в себе алкоголь, но не располагает, как водка, к болезни от пьянства, — вероятно потому, что оно производит непродолжительное опьянение» (с. 26).

¹¹² Первое издание этой книги — «О надежнейшем врачебном средстве отучать людей от пьянства и запоя и лечить его». СПб., 1837.

¹¹³ Цитируется издание 1854 г.

Учитывая серьезное место Магазинера в истории отечественной психотерапии и наркологии, хотелось бы собрать тут некоторые, весьма скудные, сведения о нем, рассыпанные в старых, редких томах¹¹⁴.

Марк Яковлевич Магазинер (1789–1858) — доктор медицины, действительный член Русского Императорского медицинского общества, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, действительный статский советник, кавалер разных орденов. Медицинское образование получил в Лемберге¹¹⁵ (в Галиции). 20-ти лет, в Турецкую войну, принят в русскую службу лекарем при штабе армии. Через 3 года участвует в сражении с французами при Бородине, доходит с русской армией до Парижа (1814 г.), возвращается в Россию и женится. Служит смотрителем аптекарских материалов и красок в Бердичевской складочной таможне, городовым врачом в Киеве, чиновником по особым поручениям при главном инспекторе медицинской части по армии, главным доктором Варшавского военного госпиталя, медицинским чиновником особых поручений VI класса при Медицинском департаменте военного министерства. Другие книги М. Магазинера: «Токсикологическая карта, или новейшее обозрение отрав» (Киев, 1831), «О домашней посуде в отношении к здоровью» (СПб., 1841), «Памятная судебно-медицинская книжка» (2-е изд., СПб., 1852). В «Невском альманахе» за 1826 г. (с. 134) напечатаны его переводы с еврейского («Восточные картины»).

¹¹⁴ Венгров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. IV. Пг., 1917. С. 73; Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. Т. 2. Берлин, 1880. С. 270; Энциклопедический словарь. Т. XVIII, СПб., 1896. С. 292; Месяцеслов на 1860, високосный год. СПб. С. 349; Еврейская энциклопедия. Т. 10. СПб., 1911. С. 479; Протоколы заседаний Общества русских врачей, СПб., 1858–1859. С. 87.

¹¹⁵ Сегодняшний г. Львов.

8. Очерки по истории
Некоторые про
русскими писате
Самые крупные
психической ж
(1968, с. 28), ос
териалистическ
бенность научн
единенная с то
Запада, более с
конструкциям,
ма по-своему п
фрейдовскому т
ния и бессознате
(1923, с. 77) пр
не осознаются,
называть это не
тентные мысли»
это мысли, «кот
ны они не были
шифрованного»
го симптома ил
«обманув» ценз
ем сновидения,
лишь психоанал
«мужским сексу
еся и рыбы. Са
трудно понять,
символическое
лейшему сомне
жит ни малейш
паем тут в обла
хоанализ есть
сложной, высок
веры.

¹¹⁶ Клинически
хиатрии. Калуга, 1

Некоторые примеры изображения бессознательного русскими писателями конца XVIII — начала XIX века¹¹⁶

Самые крупные в дореволюционной России исследователи психической жизни человека, как отметил уже Ф.В. Бассин (1968, с. 28), осмыслили бессознательное одухотворенно-материалистически. Сказалась, видимо, в этом известная особенность научного русского ума — земная практичность, соединенная с тонким сомнением. Некоторые крупные ученые Запада, более склонные к идеалистическим мыслительным конструкциям, вместе с представителями русского идеализма по-своему подходили еще до рождения психоанализа к фрейдовскому тезису о «непримиримом антагонизме сознания и бессознательного в психике» (Рожнов, 1972, с. 7). Фрейд (1923, с. 77) признает душевные движения, которые сейчас не осознаются, но могут быть осознаны, однако предлагает называть это не бессознательным, а «предсознательным» («латентные мысли»). Истинное бессознательное, по Фрейду, — это мысли, «которые не проникают в сознание, как бы сильны они не были». Переодевшись в «приличное» платье «зашифрованного», символического сновидения, невротического симптома или оговорки, они могут «вплыть» в сознание, «обманув» цензора, но и тут понять, что стоит за содержанием сновидения, невротического симптома, оговорки, может лишь психоаналитик. Например, психоаналитик знает, что к «мужским сексуальным символам» относятся пресмыкающиеся и рыбы. Сам Фрейд (1923, с. 162) замечает, что «очень трудно понять, почему шляпа и пальто приобрели такое же символическое значение, но последнее не подлежит ни малейшему сомнению». На каком, однако, основании «не подлежит ни малейшему сомнению»? Ответа нет, потому что вступаем тут в область аутистической веры, и в этом смысле психоанализ есть разновидность научного идеализма как сложной, высокоинтеллектуальной (не языческой, например) веры.

¹¹⁶ Клинические и организационные вопросы судебной и общей психиатрии. Калуга, 1975. С. 165–168.

Клиническое психиатрически-материалистическое исследование бессознательного — насущного явления жизни людей — сейчас лишь начинается. Писатели-классики, как известно, нередко изображали важные моменты действительности весьма близкими клинической психиатрии, психологии и философии средствами еще до того, как появлялись первые научные работы по данному вопросу. Например, Л.Н. Толстой и А.П. Чехов в тонких подробностях изобразили психастенических людей до С.А. Суханова, П. Жане и П.Б. Ганнушкина. В этом смысле, думается, интересны и некоторые примеры изображения бессознательного тремя русскими писателями — Н.М. Карамзиным, А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем.

Н.М. Карамзин в повести «Наталья, боярская дочь»¹¹⁷ (1792) рассказывает, как в «семнадцатую весну жизни» возникла в девушке «потребность любить». Сказалось это в том, что «Наталья подгорюнилась — чувствовала некоторую грусть, некоторую томность в душе своей; все казалось ей не так, все неловко»; «стала не так жива, не так резва — иногда задумывалась, — и хотя по-прежнему гуляла в саду и в поле, хотя по-прежнему проводила вечера с подругами, но не находила ни в чем прежнего удовольствия». Автор замечает, что девушка «не умела самой себе дать отчета в своих новых, смешанных, темных чувствах»¹¹⁸, но «часто казалось ей (не только во сне, но даже и наяву), что перед нею, в мерцании отдаленной зари, носится какой-то образ, прелестный, милый призрак, который манит ее к себе ангельскою улыбкою и потом исчезает в воздухе». Писатель еще раз подчеркивает неосознанность переживаний девушки: «Она не понимала сердечных своих движений, не знала, как толковать сны свои, не разумела, чего желала, но живо чувствовала какой-то недостаток в душе своей и томилась». Облегчение наступает с прозрением. «Не нарочно» заметила она вдруг в церкви «прекрасного молодого человека, в голубом кафтане с золотыми пуговицами»; он «как царь среди всех прочих людей», «блестящий проницательный взор его встретился с ее взором», и она «в одну секунду вся покраснелась, и сердце

¹¹⁷ Карамзин Н.М. Избранные произведения. М., 1966. С. 62–66.

¹¹⁸ Интересно, что позднее И.М. Сеченов неосознаваемые ощущения называл «темными», «смутными».

8. Очерки по истории отечественной характерологии...

ее, затрепетав,
пробудилась.
еще не пришед-
ных¹¹⁹ сновиде-
жет быть, и
видел меня.
его в душе мо-
Тут, конеч-
кинской Тать-
кой, алкало п-
ей младую гру-
крылись очи;
Онегине» (18
ния (превраще-
лось много, м-
гин в смутно-
романа я скви-
Для Кара-
цают друг в д-
ясь в символ
тельное прои-
рами, напр-
свесенней «
Иначе из-
«Страшная м-
замужней до-
ла его по-ж-
зарезал мат-
кликает ее
душа ее». Да-
окно замка,
рит, что раз-
Данило
муж? — сп-

¹¹⁹ Замеш-
¹²⁰ Темно
¹²¹ Пушки-
¹²² Гоголь
С. 216. 224-

ее, затрепетав сильно, сказала ей: Вот он!..» Она как будто бы пробудилась, — дорисовывает автор картину осознания, — но еще не пришла в себя «после многих несвязных и замешанных¹¹⁹ сновидений, волновавших ее в течение долгой ночи» («может быть, и он, подобно мне, грустил, вздыхал, думал, думал и видел меня, — хотя темно¹²⁰, однако ж видел так, как я видела его в душе моей»).

Тут, конечно, вспоминаются подобные переживания пушкинской Татьяны: «Давно ее воображение, сгорая негой и тоской, алкало пищи роковой, давно сердечное томление теснило ей младую грудь; душа ждала... кого-нибудь, и дождалась... Открылись очи; она сказала: это он!» Кстати, там же, в «Евгении Онегине» (1830), Пушкин описывает собственный опыт осознания (превращения бессознательного в осознанное): «Промчалось много, много дней с тех пор, как юная Татьяна и с ней Онегин в смутном сне явились впервые мне — и даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще не ясно различал»¹²¹.

Для Карамзина и Пушкина сознание и бессознательное мерцают друг в друге, живут единой душевной жизнью, не нуждаясь в символах, понятных только психоаналитикам. Бессознательное проглядывает «в смутном сне» весьма понятными образами, например, «прелестным милым призраком» у девушки с весенней «потребностью любить».

Иначе изображает бессознательное Гоголь. В повести «Страшная месть»¹²² старик-колдун вызывает в свой замок душу замужней дочери Катерины и требует, чтоб Катерина полюбила его по-женски. Душа Катерины упрекает отца за то, что зарезал мать, убил многих людей. «Бедная Катерина! — восклицает ее душа. — Она многого не знает из того, что знает душа ее». Данило, муж Катерины, подсмотревший это ночью в окно замка, спешит домой, будит Катерину, и та его благодарит, что разбудил от страшного сна.

Данило рассказывает жене ее сон. «Ты как это узнал, мой муж? — спросила, изумившись, Катерина. — Но нет, многое

¹¹⁹ Замешанных — неясных, запутанных.

¹²⁰ Темно — смутно, неясно.

¹²¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1949. С. 466, 508.

¹²² Гоголь Н.В. Собр. художеств, произведений: В 5 т. Т. 1. М., 1959. С. 216, 224–228, 241.

мне не известно из того, что ты рассказываешь. Нет, мне не снилось, чтобы отец убил мать мою; ни мертвецов, ничего не виделось мне. Нет, Данило, ты не так рассказываешь. Ах, как страшен отец мой!» Тут сознание (Катерина) и бессознательное (душа Катерины) отчетливо отделены друг от друга: Катерина даже навсегда «многого не знает из того, что знает душа ее». Вспоминает Катерина из сновидения лишь то, что подспудно тлеет в ней и без сна. Так, мирила однажды отца с мужем, и отец сказал, что прощает зятя только для нее, «поцеловав ее и блеснув странно очами» («чуден показался ей и поцелуй и странный блеск очей»). Потом вспоминает Катерина отцовские слова из сновидения: «Я зарублю твое дитя, Катерина! — кричал он, — если не выйдешь за меня замуж...» Другие же моменты (отец убил мать, умертвил множество людей) не осознаются Катериной до самой смерти. В сновидении проникают они в сознание (даже не в символическом виде), но, как скажет позже Фрейд, «вытесняются» из сновидения в бессознательное. И лишь «ради несчастной матери» выпускает Катерина отца из подвала, где тот заперт «за сговоры с врагами православной русской земли продать католикам украинский народ и выжечь христианские церкви». Посему бессознательное, изображенное тут Гоголем, весьма похоже на фрейдовское «действенное бессознательное, остающееся бессознательным, как бы отрезанным от сознания» (Фрейд, 1923, с. 79). Освобожденный колдун, продолжая добиваться женской любви дочери, убивает Данило, внука и обезумевшую Катерину. Кстати, Фрейд (1922, с. 15) упоминает «Страшную месть», усмотрев там эдипов «мотив борьбы сына с отцом из-за матери». Данило, понятно, не сын колдуна, а зять, и колдун убил не его мать, но Фрейд оговаривается, что «нередко отца заменяет у девочки брат, мать заменяет сестра», и потому зять, думается, вполне может заменить сына, а Катерина собственную мать.

Вещи, подобные «Страшной мести», мало характерны для русского искусства. В.Г. Белинский¹²³ считал эту повесть «уродливым произведением, за исключением нескольких превосходных частных, касающихся до проникнутого юмором изображения действительности».

¹²³ Белинский В.Г. Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» // Собр. соч.: В 3 т. Т. II. М., 1948. С. 336.

Как видно, даже в художественной русской литературе дофрейдовского времени уже существовало два противоположных подхода к бессознательному — одухотворенно-материалистический и менее характерный для России — мистико-идеалистический, основанный на вере¹²⁴.

К истории адыгейской психиатрии и психотерапии (донаучный период)¹²⁵

Предисловие

В молодости часто бывал в прекрасной Адыгее с горными речками и гостеприимными аулами — у родных жены, русской, но выросшей в Адыгее. Там родился наш сын. Естественно, что я, психиатр-психотерапевт, интересовался тогда адыгейской психиатрией, психотерапией и ходил в Румянцевскую библиотеку к старым редким книгам. Там, в 1972 г. написал эту статью, посвятив ее ныне здравствующему майкопскому психиатру. Ни Корсаковский журнал, ни научные сборники не печатали статью. «Зачем она?» — спрашивали меня редакторы. Я объяснял: «Хочется, чтобы врачи, психологи узнали особенности адыгейской донаучной психиатрии, психотерапии. Убежден, что всегда добрая в целом особенность даже крохотного народа как основа Творчества есть самое дорогое на свете». «Это очень узкая тема, — отвечали мне. — Статья не имеет научной ценности и не может серьезно интересовать врачей страны».

Сегодня, когда на Кавказе война, когда не на шутку воспламенились национальные чувства горцев, мне снова хочется попытаться напечатать эту мою посильную благодарность Адыгее.

Еще одно замечание. Некоторые из тех редких книг, что читал для статьи в библиотеке, перестали быть редкими с тех

¹²⁴ Кроме как верой нельзя, например, «доказать», что есть бессознательные переживания, мысли, навечно «отрезанные от сознания».

¹²⁵ Независимый психиатрический журнал. 1993. № 1–2. С. 91–94.

пор, как в 1986 году в Краснодаре вышел сборник «Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения».

Октябрь 1992

*Первому адыгейскому психиатру —
Аскербию Куваеву*

Адыгейская автономная область, часть старинной страны горских племен Черкессии, это — город Майкоп с аулами и станицами между южнорусскими степями и Кавказским хребтом. В 1966 году впервые открылся в Майкопе Адыгейский областной психоневрологический диспансер, а в 1972 году — Адыгейская областная психиатрическая больница¹²⁵.

Настоящей работой — попыткой выбрать психиатрическое и психотерапевтическое из адыгейских сказаний, песен, поговорок, произведений адыгейских писателей, этнографической литературы — приветствую рождение адыгейской врачебной психиатрии.

В этнографических очерках Султана Хан-Гирея¹²⁶ встречаются весьма интересные психиатру места. Черкесский дворянин Биярках (очерк «Князь Пшьской Аходягоко»¹²⁷), как многие его родственники, отличался «свирепым характером». По причине «необыкновенной раздражительности», он совершил немало преступлений, например, за «ничтожное противуречие» застрелил жену. Брат его, Ногозий, «отличался еще более странным характером: какая-то непостижимая жажда сделать-ся чем-нибудь известным не давала ему покоя». Этот, видимо, истерический психопат, помогая с усердием завязшим в болоте путникам, делая торговым людям «неожиданные подарки», требует, чтобы они рассказывали о нем всем, кого ни встретят («больше мне ничего не нужно»). Ради этого готов он броситься на помощь застрявшему обозу в холодную, с льдинами уже,

¹²⁵ Раньше душевнобольные Адыгеи стационарировались в Краснодарскую краевую психиатрическую больницу.

¹²⁶ Первый адыгейский историк, этнограф и писатель (1808–1842). См. о нем у Т.Х. Кумыкова («Хан-Гирей». Нальчик, 1968).

¹²⁷ В книге: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. С. 3, 120.

реку. Для грубого дерзкого беспечного черкеса Кзийбеча (очерк «Бесльный Абат»¹²⁸) «величайшее наслаждение» — если поют при нем про него сложенную песню с «пышными сравнениями», с частым упоминанием «обнаженной сабли» героя («хотя это не одобряется скромностью черкесских нравов»). В повести Султана Хан-Гирея «Черкесские предания»¹²⁹ изображен князь Канлы¹³⁰, видимо, безнравственный эпилептоидный психопат с утонченным ханжеством (из «гиперсоциальных эпилептоидов» Мауца). Завистливый лицемер с «лютостью тигра», иуда, он «пресмыкается, как ядовитая змея, с улыбкой друга встречает того, кому скрытно готовит гибель, водит гнусную толпу наемных убийц», «способен только на подлости». Коварно подговаривает он ночью в гробнице юношу Теймбулата убить князя, которому завидует. Когда юноша горячо отказывается, из гробов встают его «родители», требуют от сына убийства (Канлы, для которого нет святого, «ядовитой хитростью змеиной» заставил живых представлять мертвых).

Еще больше психиатрического материала в творчестве черкесского писателя Каламбия¹³¹. В очерке «На холме»¹³² изображает он, видимо, крайне нерешительного черкеса Сольмана. Когда надобно «что-либо утверждать или отрицать», он «спотыкается на каждом звуке, мямлит нестерпимо и в отчаянии ломает себе руки». Аульчане за эту странность специально посылают его на переговоры, «где нужно говорить, не высказывая ничего» (например переговоры о платеже долга). В очерке «Ученик джиннов»¹³³ описан случай душевной болезни, видимо, шизофрении. Пятнадцатилетний мальчик Хаджимет, отличаясь блестящими способностями, за два года выучил в школе на память коран. Аульный мулла хотел приготовить его на свое место, но Хаджимет заболел внезапно «горячкой» и два года пролежал в постели, пока горячка не «обратилась в чер-

¹²⁸ Кавказ. 1847. № 46. С. 184.

¹²⁹ Русский вестник. СПб., 1841. Т. 2. С. 38, 41.

¹³⁰ Кровавый (адыг.).

¹³¹ Настоящее имя Адиль-Гирей Кешев (1840–1872). См. о нем у Л.Г. Голубевой (Ученые записки Адыг. НИИ языка, литературы и истории. Т. IV. Краснодар, 1965. С. 252).

¹³² Русский вестник. М., 1861. Т. 36. С. 313.

¹³³ Библиотека для чтения. СПб., 1860, июнь. С. 40, 79.

тову болезнь». «Хаджимет бесился, рвался из рук и кричал до тех пор, пока не показывалась пена изо рта, тогда он падал на землю без памяти». Ушел бродить из аула в аул, питался милостыней, одевался в лохмотья. Ночью не раз видели, как, сидя на берегу Кубани в белом платье с ногами в воде, он читал громко, точно женским голосом, какую-то книгу. Интересно, что «через несколько лет Хаджимет поправился совершенно, женился, завел хозяйство», стал даже с успехом лечить людей от «горячки» и прочих болезней. Вылечил, например, женщину, которая два года, как полагали аульчане, «была одержима нечистыми силами». Но, «несмотря на просьбы и увещевания бывшего своего учителя, никогда не ходил в мечеть и дома не молился». Подобное изменение шизофренической личности «с приближением ее к нормальному состоянию» В. Майер-Гросс называл «вторичным надломом»¹³⁴. В очерке «Чучело» молодую девушку Назику отец выдал за старого князя Айтека, который «с совестью <...> никогда не церемонился». Айтек, человек, видимо, безнравственно-эпилептоидного склада, был сластолюбив, но физически дряхл. «Беспредметная ревность» заставила его отказаться от «военных предприятий», сидеть дома, не сводя глаз с жены; «ревнивец образовал из домашней прислуги род полиции с строгим предписанием следить каждый шаг Назики». На пятом году такой жизни Назика влюбляется в старшего сына Айтека, становится любовницей этого первого своего мужчины. Айтек, застав их, убил сына, а жене, по черкесским обычаям, за измену отрезал кончик носа. Потом, «не зная меры злобе и мщению», привязал труп сына к спине голой Назики и так продержал ее трое суток в сакле, забив наглухо двери и окна. Назика «не вынесла жестокого удара и сошла с ума», но «в этом печальном состоянии сохранила она воспоминание о минутном счастье»: беспокойную, «дико, безнадежно» рыдавшую, «добрые люди аула» могли ее успокоить, лишь дав ей чучело человека («деревянный обрубок, тщательно закутанный в разноцветное тряпье»). Она целовала, обнимала чучело, взваливала на спину, «придерживала обеи-

¹³⁴ В кн.: Схизофрения. Сокр. пер. с нем. IX т. Руководства по психиатрии О. Бумке. М., 1933, с. 59.

8 Очерки по истории отечественной характерологии...
ми руками, как бы от
драгоценность». И
мы», однако, истор
хотеранию. Приве
моста. «со всего
лась чувств. В араб
Сины», по котор
широко водолече
поминает также эт
хиков» (начало XI
последствие стра
ных внезапно в х
ударом разорвать
сто для новых, б
набих)¹³⁷.

Интересно из
адыгейской посл
словица — про
бязью (мнитель

О патологич
быль «Князь-зло
коня своего я не
велел принести
го пшителя, «об
Наколов на нож
Айтечко похва
ствительно мо
Описание и
встречается не
и «толпа ревет

«Хаким —
циклопедический
нат», Т. 45. Ч. 2.
«Ибн-Сина
С. 138.

«Каннабн
Сборник
Тифлис, 1899. В
«Адыгейск
«Крепостн

ми руками, как бы опасаясь, чтоб люди не отняли опять эту драгоценность», и «пароксизмы болезни пропадали». Хакимы¹³⁵, однако, игнорировали эту прекрасную народную психотерапию: привязав больную к веревке, они опускали ее с моста, «со всего размаха», в реку и окунали, пока не лишалась чувств. В арабских медицинских книгах и в книгах Ибн-Сины¹³⁶, по которым обычно лечили хакимы, рекомендуется широко водолечение при душевных болезнях. Но весьма напоминает также это лечение Назики способы германских «психиков» (начало XIX века), понимавших душевную болезнь как последствие страстей, греха. Они погружали душевнобольных внезапно в холодную воду, дабы «мощным психическим ударом разорвать извращенные представления и очистить место для новых, быть может, здоровых мыслей» (Ю.В. Каннабих)¹³⁷.

Интересно изображается болезненная подозрительность в адыгейской пословице: «В яйце ищет шерсти»¹³⁸. Другая пословица — про ипохондрика: «Здоровую голову обвязывает бязью (мнительный человек)».

О патологической безнравственности князя Айтечко — была «Князь-злодей»¹³⁹. «Хоть голову мою съешь, Айтечко, но коня своего я не дам!» — отказал князю пшитль¹⁴⁰. Тогда князь велел принести ему на столике для еды вареную голову дерзкого пшитля, «обсыпанную мелко растертым перцем и солью». Накол на ножичек отрезанное ухо и приблизив к своему рту, Айтечко похваляется князьям: «Теперь вы видите, что я действительно могу его съесть, если захочу...».

Описание истерических реакций в адыгейской литературе встречается нередко. Умирает на глазах у толпы старый князь, и «толпа ревет, толпа рвет на себе волосы» («Черкесский рас-

¹³⁵ Хаким — «мудрец» (араб.), обычный титул врача на Востоке (Энциклопедический словарь русского bibliографического института «Гранат». Т. 45. Ч. 2. М., 1935. С. 90).

¹³⁶ Ибн-Сина. Канон врачебной науки. Кн. III. Т. 1. Ташкент, 1958. С. 138.

¹³⁷ Каннабих Ю.В. История психиатрии. Л., 1928. С. 247.

¹³⁸ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1899. Вып. 26. С. 7, 24.

¹³⁹ Адыгейские сказания и сказки. Майкоп, 1963. С. 14.

¹⁴⁰ Крепостной крестьянин (адыг.).

сказ о князе Омаре»¹⁴¹). Погиб в песне молодой князь — и «обе княгини, мощные своим телом, теперь бьются головою об стену сакли»¹⁴². В другой песне «засела свинцовая пуля» в голове храбреца, и молодая красавица плачет по нему «кровавыми слезами».

В интересной статье «Народная медицина и лечебная магия у черкесов»¹⁴³ Н. Жардецкая¹⁴⁴ описывает лечебное колдовство¹⁴⁵ адыгов¹⁴⁶. Так, например, кузнец¹⁴⁷ дает «трудной» роженице пить воду, в которой стояла его «волшебная шашка», и женщина сразу после этого рождает. Тоже внушением лечат больных «священные рощи»¹⁴⁸. Черкесы отрывали от одежды больного тряпку, вешали в «священной роще» на дерево, чтоб болезнь перешла в дерево. Кусочек такого дерева часто зашивали в лоскуток и вешали больному на шею. Л.Я. Люлье¹⁴⁹, чиновник Министерства иностранных дел, проживший в XIX веке несколько лет в Черкессии, говорит о большом дереве, пораненном громом, которому приписывали исцеление лихорадок. Как сообщает Н. Жардецкая, «слово» считалось «наиболее сильно действующим средством для изгнания шайтана, вселившегося в больного». «Муллу спрашивал больного: «Как зовут черта, который тебя мучает?»

¹⁴¹ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 105.

¹⁴² Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 25. С. 55, 86.

¹⁴³ В кн.: Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940. С. 58; 62–64.

¹⁴⁴ Студентка в то время, член студенческой этнографической экспедиции к черкесам в 1939 году под руководством С.А. Токарева.

¹⁴⁵ Магия, понятно, сильна суггестией. Еще Э. Кречмер называл колдовство «самой примитивной первичной формой психотерапии» (Медицинская психология / Пер. с нем. М., 1927. С. 305). Подробно см. об этом у М.А. Рожновой и В.Е. Рожнова (Гипноз и чудесные исцеления. М., 1965).

¹⁴⁶ Адыге — так издревле называли себя черкесы.

¹⁴⁷ Болезни в Черкессии лечили чаще мулла и кузнец, реже — ученые медики (хакиды).

¹⁴⁸ У черкесов среди магометанства и крупниц христианства сохранилось языческое почитание деревьев, вернее, тех духов, которые общались с деревьями (вроде русских леших). Поклонение духам деревьев, по Э. Тейлору (Первобытная культура / Пер. с англ. М., 1939. С. 398), свойственно было многим народам, особенно охотничьим племенам.

¹⁴⁹ Люлье Л.Я. Черкессия. Краснодар, 1927. С. 31.

Затем он записывал имя, названное больным, на бумажку и бросал ее в огонь, крича; «Теперь ты будешь здоров. Я вижу, как шайтан горит». Душевнобольных лечили еще и «особые люди, в которых вселялись джинны или шайтаны. Эти люди писали неразборчиво и непонятно записки, которые вешались больному на шею, и давали ему различные лекарства». Видимо, таким врачом и был описанный выше душевнобольной юноша Хаджимет.

Жан де Люк¹⁵⁰, путешествующий монах доминиканского ордена, в начале XVII века заметил еще, что «черкесы не сильно предаются пьянству». Он упоминает «обыкновенный напиток у этого народа» — «бузу», охмеляющую «так же сильно, как и вино» («воду, вскипяченную с медом и небольшим количеством проса», 10 дней не трогают и снова кипятят). Генерал С.Б. Броневский¹⁵¹ и преподаватель Ставропольской гимназии, литератор, исследователь Кавказа Ф.В. Юхотников¹⁵² также отмечают, что пьянство редко встречается у черкесов. И тут дело не в религии: «черкес плохой магометанин»¹⁵³. Л.Я. Люлье, описывая пиршество адыгов, тоже подчеркивает: «Не случилось мне видеть при этом отвратительные зрелища пьяных, хотя напитки их — мед и буза — хмельны и могут, при неумеренном употреблении, произвести опьянение». Весьма казуистический случай пьянства черкеса приводит Ф.В. Юхотников. Один горец нанимался постоянно в соседнюю станицу убирать хлеб. Работал усердно, но, получив деньги, пьянствовал день и ночь, возвращался в аул на месяц и более позже товарищей и с пустыми руками. «Общество после долгих совещаний в таком редком и почти небывалом случае постановило: по смерти лишить его погребения». Узнав, что труп его «бросят на съедение собакам», горец заявил с беспечностью алкоголика: «Только-то... А я думал, что-нибудь другое! Пусть мертвого ест кто хочет, мне все равно!..»

¹⁵⁰ Жан де Люк. В сб.: Записки императорского одесского общества истории и древностей. Т. XI. Одесса, 1879. С. 491.

¹⁵¹ Броневский С.Б. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 138.

¹⁵² Юхотников Ф.В. Русское слово. 1861. № 4. С. 12.

¹⁵³ Люлье Л.Я. Черкессия. Краснодар, 1927. С. 33.

О Константине Сотонине и его мыслях¹⁵⁴

Навсегда благодарен своему коллеге и товарищу, психотерапевту Дмитрию Александровичу Мельникову за то, что принес несколько лет назад почитать редкую брошюру К. Сотонина с удивительным, но и близким мне названием: «Идея философской клиники» (К. Сотонин, 1922)¹⁵⁵. В ней, как и в других работах этого автора, оказалось много созвучного моим собственным психотерапевтическим размышлениям (Бурно М.Е., 1989).

Настоящим кратким очерком хотел бы отметить (хотя и с опозданием) столетие со дня рождения Константина Ивановича Сотонина (1893—?) и, может быть, побудить молодого исследователя, который тоже заинтересуется Сотониным, погрузиться в библиотечные, архивные поиски, попытаться разыскать людей, знающих хоть что-нибудь об этом интересном ученом, чтобы составить его биографию. Нашел в Российской государственной библиотеке самобытные сотонинские брошюры и статьи, напечатанные в Казани с 1913 года и до зловещного приговора в 1929 году¹⁵⁶. Приговор этот — статья бывшего¹⁵⁷ директора Казанского института научной организации труда инженера И.М. Бурдянского «Чуждая, вредная философия К. Сотонина». Статья появилась сперва в этом же году в «Красной Татарии», а потом уже в «Вестнике» Института (Бурдянский, 1929), где Сотонин работал тогда заведующим Психотехнической лабораторией. В статье сказано, что этот «субъективный идеалист», не менее опасный, нежели «кулак в деревне» или «вредитель в промышленности», «ориентируется не на вехи пролетариата, расчищающего смрадные остатки старого мира», а «на болотные огни отживающего, классово-враждебного социалистическому строительству мещанского индивидуализма». Бурдянский утаил в своей статье в «Вестнике» полную должность, звание подчиненного, принесшего ему столько сердитых волнений.

¹⁵⁴ Независимый психиатрический журнал. 1995. № 1. С. 62–64.

¹⁵⁵ См. список литературы к этому очерку.

¹⁵⁶ Список работ К. Сотонина см. на задней обложке, видимо, последней его брошюры (Сотонин, 1928).

¹⁵⁷ В хронике «Вестника» Института (1929. № 10. С. 40) отмечено, что Бурдянский И.М. переезжает в Москву «к месту новой работы».

Можно только догадываться об этом по его тревожным словам о том, что «научные работники в роде Сотонина» дезорганизуют нашу молодежь, разоружают ее «в воле к борьбе», разлагают ее «упадническими настроениями» (с. 5), что борьбу кулака, бюрократа, вредителя в промышленности и торговле «поддерживает своими методами и реакционный профессор в вузе» (с. 1). Всем работникам ИНОТа поручено «принять активное участие в устном и печатном разоблачении вредных философских установок К. Сотонина». Указано, что Сотонин уже исключен из Института, а вместе с ним — его последователь, младший лаборант В. Авилов (с. 5).

Что случилось с ними в это страшное уже время? Сотонину было тогда всего 36 лет. Не удалось найти имя его ни в энциклопедиях, ни в словарях. Впрочем, ничего не удалось найти и о трусливо-яром (как чувствуется из его статьи) марксисте-ленинце И.М. Бурдянском. Но отдаю себе отчет в том, что, конечно же, еще нужно искать и искать.

Существо «философии» Сотонина, как он и сам считает (Сотонин, 1924), достаточно цельно выражено в его трех, продолжающихся друг в друге брошюрах — «Темпераменты» (Сотонин, 1921), «Идея философской клиники» (Сотонин, 1922) и «НОТ как философия трудящихся масс» (Сотонин, 1924).

В «Темпераментах», по-моему, весьма ценно сотонинское представление о том, что «воспринимающий художественное произведение почти всегда подходит к нему с точки зрения своего темперамента и чувство симпатии есть главное, что лежит в основе как эстетического восприятия, так и эстетической оценки». И «произведения, в которые вложены переживания, наиболее родственные нашим, будут для нас вместе с тем и наиболее приятными». Поэтому «на основании эстетических вкусов данного лица легко определить его темперамент». Сотонин не вспоминает здесь работы Эмиля Геннекена (Геннекен, 1892). Возможно, что он и не читал Геннекена, а пришел к этим мыслям собственной дорогой. Далее с большой наблюдательностью отмечается (этого я не встречал у Геннекена), что по причине родственного, симпатического переживания «наибольшей популярностью и общепризнанностью в большинстве случаев пользуются не первоклассные ху-

дожественные произведения, принадлежащие новаторам в искусстве, а такие произведения, которые часто не заслуживают даже мимолетного внимания специалиста: в них больше родственного толпе, большинству; новатор в творчестве стоит в своих переживаниях больше особняком и, к тому же, выражается менее общепринятым художественным языком». Пишет здесь Сотонин и о том, что «порой все мы влечемся к своей противоположности, как бы желая отдохнуть от себя; поэтому и в искусстве нам нравятся вещи не только родственного, но и противоположного темперамента». Не могу согласиться лишь с тем, что «наиболее низко мы склонны оценивать произведения темперамента, промежуточного между нашим и противоположным: они не обладают большой способностью вызывать симпатические переживания и остаются малопонятными нам» (с. 54–55). По-моему, как раз именно здесь, в этой промежуточности лежит горячая область граней созвучия: созвучному тебе, но все же глубинно иному, порой поистине поклоняешься, как не способен поклоняться полностью глубинно созвучному, т. е. как бы самому себе. Близко мне и суждение Сотонина о том, что именно меланхолики (дефензивные, как нередко говорим сейчас) «развивают почти исключительно духовную культуру». Происходит это от «неудовлетворенности настоящим или вообще земным». Поэтому «религия и идеалистические системы философии — первые культурные приобретения меланхоликов» (с. 90).

В «Идее философской клиники» автор размышляет о лечении и профилактике философией. Попытки психотерапевтически применять, направлять философские концепции, конечно, были и в старину (напр., «Утешение философией» позднеримского философа Боэция (кстати, написано в тюрьме), «Руководство сомневающимся» средневекового философа-врача Маймонида). Сотонин понимает истинно научную философию XX века как «учение о недовольствах». Недовольство понижает «общую продуктивность труда» так сильно, как ни один другой фактор. «Философская профилактика», «философская терапия» вносят радость в тяжелый труд человека, облегчают его жизнь, поднимают продуктивность труда. Все неудачи прежней философии, как считает Сотонин, объясняются тем, что она по конструкции своей не стала подобной медицине — не

8. Очерки по истории
изучала причины
дупреждения. Нед
нужен особый вра
философ», получи
карства, внушени
терапию», но гла
певтически-педа
нике» миросозер
жизни. Так, «одно
гого стоиком, тре
кетом, пятого кр
нет философской
нее всякой друго
ности данной си
ким образом, для
человека, хотя а
кой классифика
флегматик), не о
времени учение
ты С.А. Суханов
видимо, возмож
ленных типов л
«Таблицами по
Сотониным (С
цизм-плюрализ
дению по-свое
А.Б. Залкинда
психотерапевт
быть коммуни
«Философ
способна помо
мании, т. е. ра
к философии,
трудом. Дума
Это дает
врач, а может б
«Врачи-филосо
См. об А
(Юдин. 1951).

изучала причины и формы недовольств для их лечения и предупреждения. Недовольство болезненно. Для его устранения нужен особый врач — не психиатр, не невропатолог, а «врач-философ», получивший соответствующую подготовку¹⁵⁸. Лекарства, внушение, гипноз — все это входит в «философскую терапию», но главное — «философская помощь»: психотерапевтически-педагогически перестроить в «философской клинике» мирозерцание недовольного так, чтобы он радовался жизни. Так, «одного недовольного мы делаем эпикурейцем, другого стоиком, третьего скептиком, четвертого идеалистом-аскетом, пятого крайним материалистом; для врача-философа нет философской системы, которая была бы истиннее или ложнее всякой другой системы; вопрос не в истинности, а в пригодности данной системы для данного индивидуума» (с. 36). Таким образом, для Сотонина дело тут — в темпераменте, в типе человека, хотя автор не отступает от краткой гиппократовской классификации типов (сангвиник, меланхолик, холерик, флегматик), не опирается на весьма разработанное уже к тому времени учение о характерах (напр., на известные тогда работы С.А. Суханова, А.Ф. Лазурского, П.Б. Ганнушкина). Здесь, видимо, возможно было бы применить, подобрать для определенных типов людей определенные «философии», пользуясь «Таблицами по истории философии», составленными еще юным Сотониным (Сотонин, 1914). Психотерапевтический клинизм-плюрализм Сотонина, кстати, ясно противостоит убеждению по-своему тоже несчастного педогога-психотерапевта А.Б. Залкинда: «Быть настоящим коммунистом — значит быть психотерапевтом. Быть психотерапевтом в СССР — значит быть коммунистом» (с. 157–158) (Залкинд, 1927)¹⁵⁹.

«Философская клиника», однако, думается, менее всего способна помочь «трудящимся массам» в тогдашнем их понимании, т. е. рабочим и крестьянам, в основном, не тяготеющим к философии, напряженным повседневным, часто отупляющим трудом. Думается, именно поэтому Сотонин в брошюре «НОТ

¹⁵⁸ Это дает основание предположить, что Сотонин по образованию врач, а может быть, одновременно — и философ. Но в книге С.Я. Чикина «Врачи-философы» (М.: Медицина, 1990) нет информации о Сотонине.

¹⁵⁹ См. об А.Б. Залкинде, например, в книге Т.И. Юдина (с. 381–385) (Юдин, 1951).

как философия трудящихся масс» отмечает, что поскольку труд создает «вещи и условия, дающие радость» (а радость — главное в человеческой жизни), необходимо с помощью научной организации труда стремиться к «максимуму продуктивности на минимуме затраты энергии и времени». Тогда у каждого человека будет больше «вещей и условий, дающих радость», и больше времени для этой своей радости (в том числе и философской). Поэтому «НОТ станет единственной философией трудящихся масс». И Сотонин, ради того, чтобы научно организовать труд трудящихся, очень много работает экспериментально, публикуя в «Вестнике» Института в 1928–1929 гг. статью за статьей: о своей методике исследования внимания, о своей системе нотной записи рабочих движений, о методике исследования остроты слуха и количества шума в помещении, об эргологическом анализе и т. д. Проф. И.Н. Шпильрейн, председатель Президиума Всероссийского психотехнического общества, председатель «Комиссии по обследованию влияния упаднической, антимарксистской философии К.И. Сотонина на направление работ Психотехнической лаборатории Казанского ИНОТа», отметил в своей справке (от 10.03.1930), что «почти все работы являются чисто экспериментальными», что «некоторые из них разрабатывают политически актуальные темы», «некоторые работы содержат методические указания и дают некоторые новые методы» («Вестник» Института. 1930. № 1, с. 45). Таким образом, начальство Института как бы и не виновато, что недосмотрело за Сотониным, во всяком случае, в институтской лаборатории, в своем «Вестнике». Брошюра же «НОТ как философия трудящихся масс», которой посвящена шумно-разгромная статья Бурдянского, есть, как подчеркнуто в этой статье, собственное издание автора.

Сегодняшнее болезненное состояние нашей страны среди здоровых цивилизованных стран, живущих как бы в ином измерении, на иной, кажется, недостижимой для нас, красочной ступени развития, разве не убеждает в том, что в основе жизни людей на Земле, стремящихся к разнообразнейшей радости (а не только к революционным, агрессивным переживаниям), в основе народного благополучия, действительно, лежит Научная организация труда (но не классовая, не социалистическая), содержащая в себе вместе с экономиче-

8. Очерки по истории отечественной характерологии...
скими механизмами психотерапевтического воздействия о том, что пераментами (70 лет назад) мог, чтобы отечественная стала «Детская» (1992).

Литература

1. Бурдянский, И.Н. Вестник Института. № 12. С. 19.
2. Бурно М.Е. Вестник Института. № 12. С. 19.
3. Васильев, И.Н. Вестник Института. № 12. С. 19.
4. Геннеп, Э. Вестник Института. № 12. С. 19.
5. Залки, И.Н. Вестник Института. № 12. С. 19.
6. Сотонин, К.И. Вестник Института. № 12. С. 19.
7. Сотонин, К.И. Вестник Института. № 12. С. 19.
8. Сотонин, К.И. Вестник Института. № 12. С. 19.
9. Сотонин, К.И. Вестник Института. № 12. С. 19.
10. Ю. М. Вестник Института. № 12. С. 19.

8. Очерки по истории отечественной характерологии...

скими механизмами-закономерностями и психологические, психотерапевтические в широком понимании, научное представление о том, что все мы разные своими характерами (темпераментами) и для каждого — свое. Константин Сотонин 70 лет назад понимал это, служил этому, старался делать, что мог, чтобы отечественная психология, словами Ф.Е. Василюка, стала «Деятельной и жизненной психологией» (Василюк, 1992).

Литература¹⁶⁰

1. Бурдянский И.М. Чуждая, вредная философия К. Сотонина // Вестник Казанского института научной организации труда. 1929. № 12. С. 1–5.
2. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. М.: Медицина, 1989. 304 с.
3. Василюк Ф.Е. От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 15–32.
4. Геннекен Э. Опыт построения научной критики (эстопсихология) / Пер. с фр. СПб., 1892. 124 с.
5. Залкинд А.Б. Жизнь организма и внушение. М.—Л.: Госиздат, 1927. 172 с.
6. Сотонин К. Темпераменты, проблемы и гипотезы // Сборники для изучения общественных наук при Высших учебных заведениях города Казани. Т. 1. Вып. 2. Казань: Госиздат, 1921. 98 с.
7. Сотонин К. Идея философской клиники (Введение в систему философии) // Бюро научной Организации Труда. Вып. 1. Казань: Госизд-во Авт. Тат. Сов. Республики, 1992. 52 с. (Тираж — 2000 экз.)
8. Сотонин К. НОТ как философия трудящихся масс. Казань: Труд, 1924. 18 с. (Тираж — 600 экз.)
9. Сотонин К. Система нотной записи движения человеческого тела. Казань, 1928 (Отдельный оттиск из Вестника Казанского института научной организации труда. 1928. № 10. С. 5–17).
10. Юдин Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии. М.: Медгиз, 1951. 480 с.

¹⁶⁰ Для удобства при чтении этого исторического очерка литература дается здесь же, как и в некоторых других местах книги.

Психотерапия, этика и права человека¹⁶¹

Терапия духовной культурой сегодня в психотерапевтическом мире все отчетливее выходит на первый план, оставляя за собою в мягком тумане вчерашнего дня и психоанализ, и психотерапевтическую психологию (Кречмер В., 1994). Они занимают теперь свое классическое ограниченное место в психотерапии, и так, видимо, в будущем случится и с Терапией духовной культурой. Самое существо целебного действия Терапии духовной культурой — творчество, то есть оживление духовной индивидуальности больного человека (Бурно М., 1995), переживание, которое, словами Ясперса, «никогда не протекает одинаково у бесконечного числа индивидуумов» (Ясперс, 1994). Это целебное оживление-вдохновение приходит и от «заражающего» личностного переживания самого психотерапевта, побуждающего пациентов к творческому общению с произведениями искусства, литературы, к одухотворенному общению с природой, к созданию творческих произведений и т. п. Все это, смягчая душевную разлаженность-напряженность, помогает пограничному пациенту и душевнобольному целебно почувствовать себя индивидуальностью, подлинно человеком — с каким-то своим светлым смыслом-предназначением. Терапия творческим самовыражением, которая разрабатывается, совершенствуется мною и моими товарищами уже в течение скоро тридцати лет, есть, в сущности, *клиническая* терапия духовной культурой¹⁶², способная помогать (в соответствующих формах), вместе с лекарственным лечением, и довольно тяжелым больным без острой психотики, но с тягостным переживанием своей измененности-неполноценности. Кратким приемам этой терапии нетрудно, как вижу в жизни, научиться больничным и амбулаторным психиатрам. Сорокаминутное занятие с группой нуждающихся в этом пациентов (8–10 человек) два раза в неделю с «домашним заданием» — это не так уж много врачебного физического времени, но, конечно, много работы

¹⁶¹ Доклад на VII съезде Независимой психиатрической ассоциации (30 сентября 1995 г., Москва) // Независимый психиатрический журнал. 1996. № 1. С. 20–22.

¹⁶² В сравнении, например, с психологической терапией духовной культурой — экзистенциально-гуманистической психотерапией, арт-терапией.

душевной, духовной. Обычный наш культработник с этим клинико-психотерапевтическим делом не справится.

Простите, что приходится теперь рассказывать о себе. Я вырос в семье психиатров. Детство, отрочество, половина юности прошли в доме для сотрудников, вот здесь, на территории Алексеевской психиатрической больницы (больницы Кашенко). Родился в этом доме, где мы находимся сейчас, в этом клубе больницы, этажом выше. Когда в конце войны не работал по каким-то причинам детский сад за оврагом, гулял в саду отделения с душевнобольными, рисовал там цветными карандашами, ловил сачком бабочек, собирал в коробку жуков. Больные учили меня рисовать и танк, и корову, помогали разобраться в насекомых. Еще нередко слышал, как они с надеждой спрашивали друг у друга что-нибудь такое: «Будет ли сегодня на обед котлета?» Мои родители полагали, что в саду больницы с больными мне гораздо безопаснее и полезнее, нежели болтаться на улице. В 17 лет, сразу после школы, не прошел по конкурсу в мединститут и в течение года работал санитаром в одном из тяжелых мужских отделений этой больницы, и снова было мне и интересно, и уютно с душевнобольными. Бредовой ученый объяснял мне физику для будущих моих конкурсных экзаменов так глубоко и просто, как никогда уже не удавалось послушать. С интересом, как сказку, подолгу выслушивал я его парафреническую систему, и он так меня благодарил за это внимание. Многие, многие из тяжелых больных той моей санитарской жизни замечательно оживлялись-одухотворялись, как бы поправлялись в наших беседах. Это оживлялась-светилась, прежде болезненно-вялая в бездействии, индивидуальность. Тогда еще не было современной психофармакотерапии, пациенты не были такими заторможенными. Голый кататоник вечером вдруг вышел из своей эмбриональной позы, встал с кровати, вошел в гостиную, наполненную слоняющимися там больными, и так нежно-страстно сыграл на пианино «Полонез» Огинского, что некоторое время после того, как он ушел, закончив, к своей кровати, стояла торжественная тишина. Не удивлялся тогда богатству души многих больных душою. Это было для меня естественно с детства. Испытывал только неловкость от того, что некоторые врачи и многие санитары относились к этим

людям, как плантаторы к неграм, грубо заставляя мыть полы, таскать кастрюли. Неловко было и то, что таким интересным людям приходилось часами клеить коробочки.

Уже четверть века преподаю врачам клиническую психотерапию и на выездных учебных циклах немало видел по России, уже в психофармакотерапевтическое время, психиатрических больниц. Не с ревизией, а, что называется, буднично, по-дружески. Немного изменилось в целом за эти годы по причине известного общего авторитарного застоя в стране. Те же убогие фигуры душевнобольных в замасленных полушубках с громадными обеденными кастрюлями во дворе, те же вялые гуляния ослабевших от лекарств пациентов в отделении или в саду. Те же коробочки с конвертами на трудотерапии. В детстве, помнится, было хоть плетение ковриков с разрешением здесь небольшого творчества. Есть библиотеки с библиотекарем, а библиотерапии нет. Есть немало в психиатрических больницах по России с любовью устроенных санаторных отделений с множеством цветов в горшках, живописными аквариумами. Но все это больше просто для отдыха персонала и пациентов. Редко встретишь в таком подходящем для этого отделении целенаправленно организованную Терапию духовной культурой. Плохо душевнобольным от душевного бездействия особенно во многих городских психиатрических больницах, где нет благотворных огородных работ и ухода за домашними животными. Есть, конечно же, исключения. Это прежде всего Калужский оазис нашей психиатрии с уже много лет работающим на территории психиатрической больницы цехом Калужского турбинного завода и другими замечательными способами очеловечивания-оухотворения тяжелых хронических душевнобольных (в том числе — Терапия духовной культурой). Не случайно именно Александр Ефимович Лифшиц, которому российская психиатрия обязана всем этим «очевидным невероятным», отмечал на совещании главных психиатров России в феврале 1995 года по поводу «приказа МЗ РФ с новыми штатными нормативами»: «досадно, что в новом приказе совершенно не предусмотрены специалисты, призванные обеспечить важнейший раздел реабилитации: культ- и музыкотерапию» (Лифшиц, 1995). Прекрасна, конечно, и религиозная духовная помощь больным в Алексеевской больнице, и попытка здесь лечебной художе-

8. Очерки по истории отечественной характерологии...

437

ственной мастерской. Осторожный в выводах С.Г. Жислин еще в 1939 году предполагал глубокой своей статьей, что «фактор бездействия является моментом, способствующим возникновению и развитию шизофренического процесса» (Жислин, 1939, с. 50). Недавно один мой немолодой уже эндогенно-процессуальный депрессивный пациент, много раз лечившийся прежде в психиатрических больницах, рассказал, что по-настоящему ощутимо помогла ему там однажды не лекарственная приглушенность тоски с освобождением от работы, а возможность слушать с утра до вечера соседа по койке, искусствоведа, который рассказывал ему о Брейгеле и Дюрере.

В Независимой психиатрической ассоциации России руковожу психотерапевтической программой. Главная задача программы, думается, есть усиленное содействие тому, чтобы в психиатрических больницах и диспансерах России лечение приближалось к полноценному современному в психотерапевтическом отношении, чтобы заработали и в нашей «большой психиатрии» способы лечения духовной культурой. Мы могли бы помочь врачам и психологам, арт-терапевтам познакомиться с этими способами в наших группах творческого самовыражения, в Студии целебной живописи, в нашем Реалистическом психотерапевтическом театре и группах взаимной поддержки. Это все составные части единой психотерапевтической системы, созданной-разработанной и для довольно тяжелых пациентов тоже. При Независимой психиатрической ассоциации живет-существует Общество клинических психотерапевтов, объединяющее клиницистов, внимание которых сосредоточено прежде всего на личностных, духовных переживаниях пациентов. Работы о клинической Терапии духовной культурой печатаются в журнале и сборниках ассоциации. Не отменяя лекарственного лечения, а только осторожно его дозируя, мы должны по возможности помочь душевнобольным почувствовать себя людьми, одухотворенно привязанными к жизни. Независимая психиатрическая ассоциация, как известно, серьезным пробелом в отечественном психиатрическом образовании считает скудное знакомство с феноменологическим направлением в психиатрии. Известно, с каким подробным сопереживающим вниманием, бережностью психиатрическая феноменология относится к неповторимым

движениям души пациента. Кратко излагая феноменологический метод, Юрий Сергеевич Савенко отмечает, что доступен он лишь «чистой душе», лишь при «благоговейном отношении к Истине и Природе, трепетном — к предмету постижения» (Савенко, 1992, с. 125). Именно в таком отношении врача к духовному переживанию пациента, в этом священном месте одухотворенный (непримитивно-схематически-физиологический) клиницизм соединяется с феноменологией.

Как же относится все это к этике, к проблеме человеческих прав? Подчеркну здесь два главных момента.

Первый момент. Политика редко дышит нравственностью и при этом порою склонна направлять лечение душевнобольных, отношение к ним. Помню, как в 1964 году, когда работал в Калужской областной психиатрической больнице № 2 (деревня Ахлебинино), хмельной фельдшер, секретарь парторганизации больницы, «идеологически» проверял наши врачебные истории болезней. Еще раньше приезжал тоже хмельной инструктор райкома партии и упрекал нас, беспартийных врачей, в беспартийности. Он сказал, что еще подумает, можно ли нам доверить лечение «наших советских больных». Уже перед самой перестройкой один из наших профессоров говорил с трибуны о желательности психотерапевтически-коммунистического воспитания пациентов. Государственная психиатрическая администрация в целом, понятно, не может после долгого периода большевизма быстро сделаться одухотворенно-человечной. Управляют психиатрией и сейчас нередко не духовно-совестливые корсаковы, сербские, ганнушкины, а бывшие авторитарно-партийные администраторы без малейшего чувства вины за прошлое. Для них ценность врача всецело определяется если уже не партбилетом, то должностью, ученой степенью, категорией и другими подобными «нашивками», которые пока, в каше нашего переходного времени, как и в советское время, еще нередко отдают бутафорией. К душевнобольным эти администраторы нередко относятся, как к обитателям своего «зоопарка». «Терпеть не могу этих эпилептиков, ненавижу!» — говорит один известный психиатр. «Чтоб алкашей в этом отделении и духу не было!» — говорит другой. Будто это волки и гиены в вольере, а мишки косялапые, там подальше, — эти ничего,

8. Очерки по истории...
эти мне по душе. Д...
душевнобольных. Ка...
нравственники. Ка...
певту, кстати, го...
фармакотерапевт...
психотерапевт по...
терапевту следует...
ся аффектом и не...
поучиться у лучш...
ство справедливос...
ему, даже если пер...
ническая психиат...
сти личности, пом...
те что-то ценное...
возможно в проц...
циента, общечел...
зависимо от общ...
момент отношен...
ка — нравственн...
ливость.

Второй момент...
ле, что имеет пра...
имеет право леч...
рой, а не только...
лекарствами в ж...
достаточно бол...
возбуждение, не...
ловеке, которы...
душу, надо бы п...
турно, особенн...
ми природными...
гиозной помош...
ственная пси...
позаботиться с...
дует стремитьс...
утерянному: Т...
своему времен...
рии полтора ст...
карствами ши...

эти мне по душе. Думаю, что я не романтик. Знаю, что среди душевнобольных, психопатов есть такие же жестокие безнравственники, как и среди не душевнобольных. Психотерапевту, кстати, гораздо сложнее, нежели хирургу или психофармакотерапевту, помогать таким пациентам, поскольку психотерапевт помогает своею душой. Но психиатру, психотерапевту следует работать над собою, дабы не захлестнуться аффектом и не увидеть все совсем черным. Нам хорошо бы поучиться у лучших наших правозащитников сохранять чувство справедливости (клинической справедливости) и служить ему, даже если перед нами «душевнобольной мерзавец». Клиническая психиатрия-психотерапия, исследующая подробности личности, помогает открыть и в неприятном тебе пациенте что-то ценное, полезное для людей, и уже иначе, добрее возможно в процессе психотерапии посмотреть на этого пациента, общечеловечески-нравственно охраняя его права, независимо от общественного мнения. Таким образом, первый момент отношения психотерапии к этике, к правам человека — нравственная, клинико-психотерапевтическая справедливость.

Второй момент. Душевнобольной есть человек и в том смысле, что имеет право на целительное духовное развитие. То есть имеет право лечиться духовным ростом-обогащением, культурой, а не только слоняться по палате и коридору отделения с лекарствами в животе и в жилах. Психотропные препараты в достаточно больших дозах, понятно, не только приглушают возбуждение, но одновременно сковывают душу цепями. О человеке, который пребывает в таких цепях, остановивших его душу, надо бы позаботиться и по-человечески, духовно-культурно, особенно если он не способен, в соответствии со своими природными особенностями, получить облегчение от религиозной помощи в больничной церкви или часовне. Государственная психиатрия пока не может таким образом позаботиться о душевнобольных, но к этому утерянному следует стремиться хотя бы в порядке врачебного энтузиазма. Да, утерянному: Терапия духовной культурой, соответствующая своему времени, была уже повседневностью в нашей психиатрии полтора века назад. Наряду с лечением гигиеной и лекарствами широко клинически лечили душевнобольных в Рос-

М.Е. Бурно

163

Отец родился 1 мая 1911 года в Лодзи в семье прядильного мастера и домашней хозяйки. Ему еще не было двух лет, когда семья переехала в Центральную Россию. Окончив 2-й Московский медицинский институт в 1933 году, он работал несколько лет в Преображенской психиатрической больнице (Московская психиатрическая б-ца № 3 им. В.А. Гиляровского), где полюбил женщину, тоже психиатра, ставшую моей матерью и

¹⁶³ Независимый психиатрический журнал. 1994. № 4. С. 57-58.

8. Очерки по истории отечественной характерологии...

441

его женой на всю жизнь (Софья Наумовна Бурно, 1908–1979). Потом они вместе работали в Алексеевской психиатрической больнице (Московская психиатрическая б-ца № 1 им. П.П. Кащенко). В 1950 г. отец защищает кандидатскую диссертацию «Динамика психических нарушений при гипертонической болезни» (научный руководитель — проф. Г.Е. Сухарева) и становится старшим врачом больницы. В 1957–1960 годах он работал старшим научным сотрудником в Институте Сербского, продолжая оставаться председателем судебно-психиатрической экспертной комиссии при больнице Кащенко. Отцу было трудно работать в Институте Сербского среди психиатров, обычно выводивших диагнозы не из сложившегося клинического мироощущения-опыта, а из своих аффектов или желаний начальства. Не раз ему, добросовестному старшему научному сотруднику, приходилось писать среди профессоров свое особое диагностическое мнение, и это порождало недоумения и, видимо, насмешки. Вернувшись в больницу Кащенко, отец становится заместителем главного врача по экспертизе и одновременно руководит от больницы совместными научными конференциями больницы, союзного Института психиатрии и кафедры психиатрии Центрального института усовершенствования врачей. В ту пору он обычно председательствовал на этих конференциях, когда делали сообщения или представляли клинические случаи врачи больницы. Ему были поручены также занятия с молодыми врачами больницы. Многие из них рассказывали мне об оказавшихся бесценными для них клинических разборах больных с моим отцом. Глубоко совестливый, со сдержанной ласковостью, он очень любил душевнобольных.

Получая с 60-ти лет пенсию, отец продолжает еще 22 года работать на полставки психиатром-экспертом в родной ему больнице — до января 1993 года, благодарный главному врачу, его заместителям, всем коллегам за бережное к нему отношение. Опубликовано им за все время 8 научных работ — о клинике травм мозга, о психопатологии гипертонической болезни, о психиатрической экспертизе, алкогольных психозах и об истории больницы Кащенко. Как и его кандидатская диссертация (Г.Е. Сухарева в официальном отзыве (1952 г.) считала ее «ценным, глубоким научным исследованием»), эти работы,

О характерах людей

смею уверить, отличаются щепетильной добросовестностью, живой клинической тонкостью.

Поскольку отец много лет занимал пост заместителя главного врача по экспертизе в крупнейшей психиатрической больнице, коммунисты постоянно уговаривали его вступить в партию. Будучи инакомыслящим в душе и в кругу семьи, политически молчаливым с не близкими ему людьми, он отказывался, ссылаясь на то, что верующий. Перекрещенный в детстве из католической веры в православную, отец предпочитал православие другим религиям, но верующим в подлинном смысле (во всяком случае, до старости) он не был. Только в старости и только в стихах стала звучать его надежда на духовное бессмертие и встречу с любимой женой «в параллели другой, где будет наш общий покой, где жить будем мы без разлук», где «лишь в памяти будет земля». Я не спрашивал его, истинно ли верит он в это. Как-то стеснялся.

Мало кто знает, что этот мягкий, изящный, светлый интеллигент многие годы писал стихи, прозу, делал поэтические переводы. Он был членом Российского общества медиков-литераторов и выпустил в 1993 году в издательстве Общества книжку стихотворений «Записи поэта к шедеврам живописцев прошлого» — под псевдонимом Евгений Неспokoйный. Стихи эти имеют и серьезную психотерапевтическую ценность, помогая целебно пережить известные картины прекрасных художников.

Являя собою смешение славянской, немецкой и далекой французской крови, отец художественно-тонко и точно переводил немецких поэтов (это был язык его матери). Есть что-то трепетно-человечное с мотивом профессионального служения в том, что старый психиатр, всю жизнь защищавший душевнобольных от несправедливого наказания, переводит стихи душевнобольных поэтов Гельдерлина и Рильке, поклоняясь им. Осталось от отца громадное поэтическое наследие — об этом особый разговор. Здесь же уместно сказать, что долгие годы пребывая в гуще московской психиатрической жизни, тесно общаясь в сталинщину (например, во времена т. н. павловских сессий), в брежневское застойное время с известными нашими психиатрами, тонко-клинически рассматривая порожденные большевизмом типы врачей-ученых, он не мог быть к ним рав-

8 Очерки по истории отечественной характерологии...
нодушным и не мог
пейской клинической
шийся у наших психи
Жислин). Он ясно ви
и научными коммуни
хиатрии. Многие
хастенчески-трево
повредить семье) п
вым языком, но от
сущность этих пор
специалистов. Тут
и другие, в том числ
«миниатюр в прозе
ник», созданную в

Как обыкновенно
удавалось в жиз
здесь имела знач
когорного Козла.
В свое время уд
бывая на лекция
четвероногих. П
устроился на ка
со скоростью гор
завшись в гуще
явив при этом н
пробивной Козе
лить кафедрой.
Как Козел обуча
но невежествен
лее откровенны
сообщали, что л
он читал, напри
ных, то излагал
невоздержанны
непристойно. К
они заявляли, ч
предмет, что им
Научная работа
Издавались кн

нодушным и не мог не изображать их. Проникнувшись европейской клинической психиатрией, серьезно и успешно учившийся у наших психиатров-классиков (Ганнушкин, Сухарева, Жислин), он ясно видел разницу между подлинными учеными и научными коммунистическими работниками советской психиатрии. Многие из них живы сейчас и мало изменились. Психастенически-тревожный, осторожный отец (боялся как-то повредить семье) писал о них миниатюры в прозе, эссе эзоповым языком, но от этого, думается, еще ярче-острее видится сущность этих порою сложных, но, как говорят, «совковых» специалистов. Тут и «Леопард-академик», и «Лисица в науке», и другие, в том числе ныне здравствующие. Как пример таких «миниатюр в прозе» предлагаю здесь миниатюру «Козел-удачник», созданную в 1972 году.

Козел-удачник

Как обыкновенному бородатому Козлу до глубокой старости все удавалось в жизни — один леший знает. Ходили слухи, что здесь имела значение его женитьба на сестре известного высокогорного Козла. Но слухи, как известно, еще не факт.

В свое время удачливый Козел, не заглядывая в учебники и бывая на лекциях только гостем, окончил Институт болезней четвероногих. Потом он неожиданно для бывших сокурсников устроился на кафедру невропатологии парнокопытных. Затем со скоростью горной речки продвинулся в доценты. Позже, оказавшись в гуще стечения мутных вод и обстоятельств и проявив при этом незаурядную приспособляемость и активность, пробивной Козел получил звание профессора и стал руководить кафедрой.

Как Козел обучал лесную молодежь, будучи фактически довольно невежественным животным, не оставалось секретом. Более откровенные и достаточно интеллектуальные звери охотно сообщали, что лекции Козла были «смеху подобны» и что когда он читал, например, лекцию о половых извращениях у животных, то излагал материал столь экспрессивно, что отдельные невоздержанные звери на задних рядах начинали вести себя непристойно. Когда же их по этому поводу вызывали в деканат, они заявляли, что профессор Козел так натурально преподает предмет, что им хотелось «проверить все на себе».

Научная работа на кафедре тоже кипела бурными пузырями. Издавались книги, печатались статьи. На всех научных изда-

ниях кафедры стояло имя Козла, или в сияющем одиночестве или в молодцеватом ряду авторов, хотя всем было известно, что Козел непосредственно никогда не утруждал себя черной работой познания истины. Все знали, что он по конкурсу пропускал на кафедру только способных зверей, которые умели сами, без его руководства или с отдельными советами его умудренных лесной научной жизнью помощников давать наукообразную продукцию. Козлу оставалось только перед именем автора работы поставить свое ярко популярное имя или (если работа производила на него особенно аппетитное впечатление), зачеркнув имя автора, написать большими буквами только свое.

Надо отдать, однако, справедливость Козлу, что он не был лишен чувства совести и в предисловиях к монографиям, выходявшим за его именем, не забывал поблагодарить звериный коллектив кафедры или отдельных сотрудников «за помощь и советы».

В связи с такой искрометной научной организацией труда, не известной в своих деталях высоким инстанциям, Козлу было присвоено почетное звание заслуженного деятеля лесной науки. Были попытки продвинуть его в члены-корреспонденты академии лесных наук, но они каждый раз при тайном голосовании терпели провал. По-видимому, кое-что о кухне деятельности Козла дошло и до академических кругов леса, которые не хотели, чтоб экзотика поступков этого смелого животного бросала тень на столь высокую лесную научную организацию.

Но Козел не унывал и вполне довольствовался тем, что имел. Президиумы научных заседаний без него не обходились, имя его сверкало на обложках книг, работать было легко и интересно. Своих сотрудников добряк Козел похлопывал по меховым плечам и бедрам, и все охотно прощали ему его шалости.

Но есть страшный и неминуемый враг у всех живых организмов, даже счастливых. Этот враг делает все, что ранее не удавалось другим противникам. Когда у Козла стала клоками вылезать и до того уже жидковатая шерсть, а желтоватая пеннистая слюна постоянно хлюпать у рта и вымазывать столы президиумов, когда Козел стал забывать, что молчание — золото и что не следует говорить о том, чего не знаешь; и, наконец, когда Козел, читая лекцию о половых извращениях у зверей, стал приводить себя в качестве примера, иллюстрирующего некоторые оригинально-пикантные ситуации, — было решено воспользоваться законом о возрастном потолке у четвероногих ученых и перевести мутноглазого Козла на пенсию и заслуженный отдых.

8. Очерки по истории
А Козлу было
«заслуженного»

К истории кафедр
Российской мед.
последипломного
института усовер.
Письмо в редакц.

Поскольку по
ференции, посвящ
врачей (12 декабр
зывается, притво
душой был психол
говорил на конфер
многими другими
может помочь им
мое выступление.

«Юбилей — э
шем. В этом духе
нашей кафедрой,
ня — только о хо

Я работаю на
геневич дал возн
самим собою в ра
ного, в рамках ко
терапии, не прави
тьях, его, по воз
журналов и сборн
датное поле для

Независимый

А Козлу было обидно: ему было невдомек, что он не заслужил «заслуженного отдыха».

К истории кафедры психотерапии
Российской медицинской академии
последипломного образования (бывшего Центрального
института усовершенствования врачей).
Письмо в редакцию¹⁶⁴

Главному редактору
«Независимого психиатрического журнала»
Ю.С. Савенко

Уважаемый Юрий Сергеевич!

Поскольку по поводу моего короткого выступления на конференции, посвященной 25-летию кафедры психотерапии ЦИУ врачей (12 декабря 1991 г.), были разговоры, что вот-де, оказывается, притворялся ярым клиницистом, а на самом деле душой был психологом, психоаналитиком, поскольку то, о чем говорил на конференции, случилось не только со мной, но и со многими другими психиатрами, психотерапевтами и как-то может помочь им понять себя, прошу Вас опубликовать это мое выступление.

«Юбилей — это у нас обычно воспоминания обо всем хорошем. В этом духе Владимир Евгеньевич Рожнов, заведующий нашей кафедрой, и сделал свой доклад. Но возможно ли сегодня — только о хорошем?»

Я работаю на кафедре более 20-ти лет. Да, Владимир Евгеньевич дал возможность каждому своему сотруднику быть самим собою в рамках клинического изучения бессознательного, в рамках концепции эмоционально-стрессовой психотерапии, не правил психотерапевтический стиль в наших статьях, его, по возможности, вытравливали уже редакторы журналов и сборников. Владимир Евгеньевич дал нам благодатное поле для занятий клинической терапией духовной

¹⁶⁴ Независимый психиатрический журнал. 1992. № 1-2. С. 84-85.

М.Е. Бурно

Я был и остаюсь клиническим психотерапевтом и, значит, человеком неверующим, так сказать, духовным материалистом. Терапия творческим самовыражением — дело моей души, моей клинικο-психотерапевтической жизни, и я не так пострадал в наше административно-командное время, как если бы родился, например, психоаналитиком. Смолоду, еще студентом, я увлекался психоаналитическими, экзистенциальными работами, но все это было для меня интереснейшей иллюзией, сложной сказкой, исторически предшествующей истинной, клинической (диалектико-материалистической) психотерапии. Для Фрейда религия была иллюзией. Для меня той же иллюзией были и психоанализ, и экзистенциализм. А если иллюзия, то это не настоящее, не подлинное, вроде как обман, опьянение. Я не понимал в молодости, что люди (психотерапевты и пациенты), чувствующие природой своей изначальность, первичность духа по отношению к материи (или вовсе не чувствующие здесь какой-то первичности-вторичности), так же по-своему *научно* правы в этом. Не понимал, что трезвое естествонаучное мышление — не единственный верный способ исследования Природы и Духа, что мифологическое мышле-

8. Очерки по истории психоанализа

Итак, воинству
му, убеждение, во
ход, иное мироощу
А это не так. Против
дополняют в соотве
Бора. Уже только го
понимать, но говори
тью. Я не говорил и
согласен. Но я не го
читать многое из то
мне, к сожалению,
ского мужества.

Спасибо, что вы

В 1956 году (XX съезды партии) в СССР началась «оттепель». В это время стали печататься

166. Выступление на кафедре психотерапии и психического образования (Ю. П. Павловар), с. 7-9.

ние имеет свою великую научную, теоретическую ценность в психотерапии и многие пациенты способны подняться только этой идеалистической психотерапией. Психотерапия как часть культуры проникнута **экологией**; принижая, дискредитируя, считая лишним какое-то (не безнравственное, конечно) направление в психотерапии, мы ломаем весь дом. Психоанализ, экзистенциализм, гуманистическая, трансперсональная, религиозная психотерапия — это не ниже, не хуже клиницизма, клинической психотерапии, так как исходит из самой природы, особой природы многих людей, по-своему, идеалистически-аутистически отражает мир — не естественно-научной логикой, а интуитивными теоретическими символами, которые звучат и в высшей математике, и в идеалистической философии, и в теоретической физике, и в психоанализе, и в религии.

Итак, *воинствующий* клиницизм, атеизм — это, по-моему, убеждение, во всяком случае, в том, что всякий иной подход, иное мироощущение, мировоззрение ниже, хуже твоего. А это не так. Противоположности не исключают друг друга, а дополняют в соответствии с принципом дополнительности Бора. Уже только годам к тридцати пяти я стал это понемногу понимать, но говорил об этом в своих лекциях с осторожностью. Я не говорил и не писал того, с чем не был внутренне согласен. Но я не говорил во всеуслышанье и не пытался напечатать многое из того, что хотел бы в ту пору обнародовать. Во мне, к сожалению, не было для этого достаточного гражданского мужества.

Спасибо, что выслушали».

О «возвышающей психотерапии» Рожнова¹⁶⁵

В 1956 году (XX съезд партии) после долгих тревожно-напряженных лет сталинской духовной тюрьмы наступила хрущевская «оттепель». Вскоре переиздали романы Ильфа и Петрова, потом стали печатать синтонный треп Василия Аксенова и су-

¹⁶⁵ Выступление на юбилейной конференции, посвященной 35-летию кафедры психотерапии Российской Медицинской академии последипломного образования (10 декабря 2001 года, Российская академия государственной службы при Президенте России). Первая публикация — «Вопросы ментальной медицины и экологии». Т. VIII. 2002. № 1 (Москва-Павлодар), с. 7–9.

ровую горечь Солженицына. Ожилась и психотерапия. Это было, правда, лишь некоторое, слабое еще оживление. Трудно сразу оттаять, тем более — после сталински-псевдопавловской психиатрической сессии 1951 года. Но в 1956 году состоялась в Москве Всесоюзная психотерапевтическая конференция. В 1958 году вышел сборник материалов этой конференции («Вопросы психотерапии») под редакцией тогдашнего патриарха московской психотерапии Марка Самойловича Лебединского. Патриархом ленинградской психотерапии был тогда Владимир Николаевич Мясищев, а харьковской — Константин Иванович Платонов. В своем предисловии в сборнике Лебединский еще особенно подчеркивает «успехи советских психотерапевтов в освоении физиологического павловского учения, практического его применения в лечебной работе» (с. 3). Большинство работ сборника — о внушении, гипнозе, отдыхе, режиме. Лебединский, вспоминая в своей работе «Общие вопросы методики психотерапии», как Неткачев в начале XX века предлагал заикающимся совершенствовать свое мирозерцание с помощью дневника, отмечает, что «некоторым больным можно рекомендовать при тренировке нервных процессов повышать специальными мероприятиями регулируемую роль второй сигнальной системы» (с. 45). Свой вариант коллективной психотерапии невротиков Николай Владимирович Иванов из Горького поясняет так: «Коллективная психотерапия является преимущественно стимулирующей и, следовательно, в большинстве случаев использует физиологический механизм создания новых очагов возбуждения, сила которых должна быть в конечном итоге большей, чем патодинамические структуры, определяющие клиническую картину невроза» (с. 87). Даже мясищевский психоанализ, спасенный при советской власти своим марксистским содержанием, нес на себе «ордена» и «медали» высшей нервной деятельности (см. в этом же сборнике работы В.Н. Мясищева «Некоторые вопросы теории психотерапии» и Елены Константиновны Яковлевой «Методика психотерапии невроза навязчивых состояний и психастении»). Под этими «орденами», «медалями», «ожерельями-оковами» высшей нервной деятельности, под этим физиологическим вторжением в душу психотерапии (вторжением — даже с точки зрения строгого клинициста) тут и там,

8. Очерки по истории отечественной характерологии...
несмотря на ост...
проглядывает д...
психотерапевт...
о «теплом, зад...
хайлович Зи...
ветует психот...
ность большог...
других эмоци...
и чувство кра...
кая душа и в д...
Рожнова «Ф...
стояния разл...
щищенной в...
38 лет. Наш...
сталинские...
В 1959 году...
выпустил кл...
кого психиа...
рума «Опыт...
ко знавших...
лехова. О...
отечествен...
уже немал...
хологическ...
военное вр...
как патоген...
сказал вы...
была у нас...
XX века р...
вместе с...
стран не...
ческая п...
лась-рас...
кой (пси...
когнитив...
ную пси...
рапия, с...
клинич...
шаяся с...
29 М.Е. Б.

несмотря на осторожную серость текстов, все же чувствуется, проглядывает душевное дыхание отечественных клинических психотерапевтов. Так, Иванов пишет в упомянутой уже работе о «теплом, задушевном контакте с больными» (с. 90). Петр Михайлович Зиновьев в работе «О психотерапии шизофрении» советует психотерапевтически пробуждать «заснувшую эмотивность больного, используя для этого и пострадавшее, но легче других эмоций оживляемое чувство собственного достоинства и чувство красоты» (с. 176). Чувствуется психотерапевтическая душа и в докторской диссертации Владимира Евгеньевича Рожнова «Физиологические особенности гипнотического состояния различной глубины и гипнотерапия алкоголизма», защищенной в 1956 году, когда было Владимиру Евгеньевичу 38 лет. Наша клиническая психотерапия не умерла в черные сталинские морозы. Она потихоньку оттаивала и светлела. В 1959 году Московский институт психиатрии на Потешной выпустил классическую книгу уже покойного тогда московского психиатра-психотерапевта Семена Исидоровича Консторума «Опыт практической психотерапии» с предисловием близкого знавших Консторума Иванова и Дмитрия Евгеньевича Мелехова. О Консторуме как классике, основоположнике отечественной клинической психиатрической психотерапии я уже немало писал (Бурно М.Е., 2000б, 2206б). Западная психологическая психотерапия жила-существовала у нас в послевоенное время разве лишь в марксистски задрапированном виде как патогенетическая психотерапия Мясищева, о которой уже сказал выше. Но клиническая психиатрическая психотерапия была у нас своя, глубокая и самобытная, воспитанная в начале XX века российско-немецким психиатрическим клиницизмом вместе со своей родной сестрой, клинической психотерапией стран немецкого языка. Так случилось, что западная клиническая психотерапия во второй половине XX века размешалась-растворилась в распространившейся там психологической (психодинамической, экзистенциально-гуманистической, когнитивно-поведенческой) психотерапии. От прилива в западную психотерапию большого количества психологов психотерапия, становясь все более психотерапией здоровых, теряла свой клиницизм даже в психиатрии. Эта закономерность, повторяющаяся сегодня у нас, и прекрасна, и печальна.

В 1966 году, когда уже работала кафедра психотерапии в харьковском Институте усовершенствования врачей, когда состоялась вторая Всесоюзная конференция (совещание) по психотерапии в Москве (наполненная большим разнообразием клинических психотерапевтических методов и уже без прежних физиологических оков), открылась наша кафедра психотерапии под руководством Владимира Евгеньевича в Центральном институте усовершенствования врачей. Я работал тогда в Московском психоневрологическом диспансере на улице Веснина в должности врача-психиатра одновременно в психотерапевтическом и наркологическом кабинетах. Сегодняшнюю должность «врач-психотерапевт» Владимир Евгеньевич пробил в Министерстве только в 1985 году. До психотерапии мне удалось прочувствовать в течение двух лет психотическую психиатрию с инсулиновыми шоками, пункциями, маляротерапией, инъекциями нейролептиков в Калужской областной психиатрической больнице (в деревне Ахлебинино). Покойный доцент кафедры Виктор Яковлевич Деглин навещал в осень открытия кафедры психоневрологические диспансеры в поисках кафедральной амбулатории. Пришел и к нам. И попросил меня разрешить группам слушателей института приходить в психотерапевтический кабинет к моим пациентам. Так я стал уже в 1966 году преподавателем-почасовиком, а в 1970 году штатным ассистентом кафедры. Поначалу мы, преподаватели кафедры, изучали и преподавали клиническую психиатрическую психотерапию, в основном, в виде гипноза, рациональной психотерапии в духе Дюбуа и клинически преломленной низшей ступени шульцевской аутогенной тренировки. Харьковская кафедра под руководством Ильи Захаровича Вельвовского сосредоточилась на психотерапии соматических расстройств и психотерапии в акушерстве, а ленинградская кафедра — на патогенетической психотерапии неврозов, которая со временем соединилась с приспособленной к нашим пациентам психологически ориентированной групповой психотерапией из западных социалистических стран. Возвращаясь к нашей кафедре. Владимир Евгеньевич так кратко и говорил, помнится, и в лекциях, и на еженедельных клинкопсихотерапевтических разборах пациентов: при истерии и алкоголизме — гипноз, при психастении — рациональная

8. Очерки по истории отечественной характерологии...
психотерапия, проведя
генная тренировка. Так
шизофреники» он объяснял
ных выше расстройств.
В начале 70-х годов
вдохновенно изучая ги
дмости материалистич
тального) исследовани
рается здесь на выступл
шании Президиума АМН
(1958). В этом выступл
чать то, что «фрейдизм
мир Евгеньевич пишет о
нательного» (Рожнов В.
дят во всей своей кра
сомнамбул. Эти исслед
сами рожновской «кол
гипнотерапии больных
к распахиванию-возде
стрессовой психотерап
их гипносуггестивных,
генных формах) приме
лизма, но и в клинике ра
(Рожнов В.Е. К теории
пии / Исследования
рапии при нервно-по
В.Е. Рожнова и Б.Д. Ж
1982. С. 13). В 1985 г
психотерапия» в 3-м и
хотерапии» (Под ред.
ССР) Владимир Евгень
ние психоанализу, по
нию в «скрупулезное
чины болезни, назыв
психического лечени
пией», побуждающей
духовному самосовер
образом «замкнутый
(с. 30-31). Конечно

психотерапия, при неврозе навязчивых состояний — аутогенная тренировка. Так называемую тогда «неврозоподобную шизофрению» он обычно относил к какому-нибудь из названных выше расстройств.

В начале 70-х годов прошлого века Владимир Евгеньевич, вдохновенно изучая гипноз, уже постоянно говорит о необходимости материалистического (клинического и экспериментального) исследования бессознательного. Он особенно опирается здесь на выступление Петра Кузьмича Анохина на совещании Президиума АМН, посвященном борьбе с фрейдизмом (1958). В этом выступлении Анохин призвал физиологов изучать то, что «фрейдизм называет “подсознательным”». Владимир Евгеньевич пишет о «гипнозе как методе изучения бессознательного» (Рожнов В.Е., 1972, 1973), и на кафедре происходят во всей своей красочности интересные исследования сомнамбул. Эти исследования, перекликаясь с бурными сеансами рожновской «коллективной эмоционально-стрессовой гипнотерапии больных алкоголизмом», естественно приводят к распахованию-возделыванию широкого поля эмоционально-стрессовой психотерапии Рожнова. Эта психотерапия (в своих гипносуггестивных, рациональных, ауто-суггестивных, аутогенных формах) применяется уже не только в клинике алкоголизма, но и в клинике разнообразных пограничных расстройств (Рожнов В.Е. К теории эмоционально-стрессовой психотерапии // Исследования механизмов и эффективности психотерапии при нервно-психических заболеваниях / Под ред. В.Е. Рожнова и Б.Д. Карвасарского. Л.: Институт Бехтерева, 1982. С. 13). В 1985 году в главе «Эмоционально-стрессовая психотерапия» в 3-м издании известного «Руководства по психотерапии» (Под ред. В.Е. Рожнов, Ташкент: Медицина Узб. ССР) Владимир Евгеньевич, противопоставляя свое направление психоанализу, побуждающему психотерапевта к погружению в «скрупулезное копание» в глубинах души в поисках причины болезни, называет «эмоционально-стрессовую систему психического лечения», напротив, «возвышающей психотерапией», побуждающей пациента и психотерапевта к целебному духовному самоусовершенствованию, дабы «разорвать» таким образом «замкнутый круг <...> болезненных переживаний» (с. 30–31). Конечно же, «возвышающая психотерапия Рожно-

ва» строилась прежде всего из самой бурно-жизнелюбивой личности автора, его наполненности полнокровными интересами к литературе, искусству, природе, вкусным кушаньям, его обширными познаниями в культуре и религии. Обширными познаниями при всем его воинствующем материализме и атеизме. Характер у Рожнова был разный, мозаичный. Уже стареющий, он потянулся к изучению смеха Рабле для психотерапии (Рожнов В.Е., 1993). Все это эмоционально-стрессовое необыкновенно ярко раскрывалось в общении заведующего кафедрой с нами, сотрудниками кафедры, в ежегодных наших поездках (на выездных учебных циклах) в далекие от Москвы места страны, почти всякий раз со своей особенной природой и культурой. Нередко сопровождала Владимира Евгеньевича в этих поездках его жена, присутствующая здесь Мария Александровна Рожнова, физиолог, ученица Анохина. Трудно в тогдашней советской науке было встретить такую задушевную семью творческих любящих друг друга людей, пишущих вместе книги по психотерапии для широкого читателя. Мария Александровна нередко участвовала и в наших кафедральных конференциях. Мы называли ее «государыней нашей кафедры».

Итак, это подаренное нам поле «возвышающей психотерапии» мы, сотрудники кафедры, и вскапывали, каждый по-своему. «Возвышающей психотерапией Рожнова» освещены уже в ту пору и наши собственные работы. Нам разрешалось, даже в то строгое идеологическое время, когда научные и литературные редакторы (из страха «как бы чего не вышло») преследовали всякое нестандартное живое слово в научной статье, удавалось, во всяком случае, там, где научным редактором был Владимир Евгеньевич, эти необходимые живые клиничко-психотерапевтические образы писать и печатать. Так, Владимир Петрович Колосов в главе «Эмоционально-стрессовая психотерапия неглубоких депрессий» (в том же «Руководстве» 1985 года) рассказывает, как предлагает больным в нашей клинике психотерапии пограничных расстройств («Покровское-Стрешнево») «следить на прогулке, как постепенно распускаются листья, внимательно вглядываться, наблюдая, как падает или тает снег, вслушиваться в чириканье птиц и т. д., т. е. стремиться ежечасно преодолевать свое со-

8 Очерки по истории отечественной характерологии...
стояние отчужденности...
Степанович Павлов...
ображенская больница...
но-стрессовая психотерапия...
вствующем состоянии...
ческой группе...
больных, которые...
вают остатки спир...
чужих пивных кру...
нов (клиника псих...
ница) в главе «Эмо...
нике психозов» ра...
ных шизофрениче...
«дом пустой с за...
руг такого дома...
коголизации» (с...
психоанализом...
китин, Б.Е. Ег...
(В.Е. Смирнов)...
рапией (В.П. К...
Владимир...
1997 года, пре...
вился на него...
трудников, по...
порою тяжело...
риархальные...
бенка. И Вла...
сился ко мно...
на корточки...
Тинной после...
рез некоторы...
Вашу собаку...
шение к «во...
С прихот...
Викторович...
бота кафедр...
рованной п...
ным экзис...
версия»). И...

стояние отчужденности от внешнего мира» (с. 464). Игорь Степанович Павлов (клиника психотерапии алкоголизма, Преображенская больница) в главе «Коллективная эмоционально-стрессовая психотерапия больных алкоголизмом в бодрствующем состоянии» рассказывает, как в психотерапевтической группе напоминает пациентам «об опустившихся больных, которые стоят в пивных и попрошайничают, выпивают остатки спиртного из стаканов, слизывают пену со дна чужих пивных кружек» (с. 566). Владимир Елизарович Смирнов (клиника психотерапии психозов, Преображенская больница) в главе «Эмоционально-стрессовая психотерапия в клинике психозов» рассказывает, что эмоциональность его больных шизофренией «в одном случае была скудна, напоминая «дом пустой с заколоченными ставнями», в другом — «вокруг такого дома разросшийся бурьян» в виде тенденции к алкоголизации» (с. 583). Разрешалось на кафедре заниматься и психоанализом, хотя и упрощенным (Д.В. Панков, М.М. Ракитин, Б.Е. Егоров), и экзистенциальной психотерапией (В.Е. Смирнов), и клинической трансперсональной психотерапией (В.П. Колосов).

Владимир Евгеньевич возглавлял нашу кафедру до 1997 года, предпоследнего года своей жизни, пока не обрушился на него тяжелейший инсульт. Многие из нас, его сотрудников, по-родственному, тепло любили его и прощали ему порою тяжеловатые для нас некоторые его авторитарно-патриархальные черты и вместе с тем трудности большого ребенка. И Владимир Евгеньевич тоже по-родственному относился ко многим своим сотрудникам. Помню, как он, присев на корточки, прощался за лапу с нашей собакой доберманом Тиной после вечеринки по поводу моего сорокалетия. А через некоторое время грустно-добродушно сказал: «Я ведь даже Вашу собаку теперь знаю». Это, думается, тоже имеет отношение к «возвышающей психотерапии».

С приходом к нам нового заведующего кафедрой Виктора Викторовича Макарова многое по-хорошему изменилось: работа кафедры наполнилась теперь и психологически-ориентированной психотерапией. Прежде всего российски преломленным экзистенциальным трансактным анализом («восточная версия»). Но осталась, развивается и клиническая психиатри-

ческая возвышающая психотерапия. «Клиническая психотерапия, — отмечает Макаров в своей книге «Психотерапия нового века» (М.: Академический Проект, 2001), — является нашим национальным достоянием. На ее основе сегодня строятся другие российские школы психотерапии». Разные психотерапевтические подходы (клинические и психологические), переплетаясь, интегрируясь, складываются в нашей стране в «мультимодальную интегративную российскую психотерапию» (с. 60, 75). Мотив возвышающей целебным творчеством психотерапии ясно сквозит и в сегодняшней нашей психотерапии на кафедре в целом. Виктор Викторович в сегодняшних лекциях определяет психотерапию как «служение светскому гуманизму», видит цель психотерапии, в сущности, в полной благотворной самореализации психотерапевта и того, кому он помогает. Все это так близко к «возвышающей психотерапии». Отмечал уже в своих работах, что термин «эмоционально-стрессовая психотерапия» понимается многими (особенно в наше время) не в прежнем своем смысле «возвышающей психотерапии», а в смысле терапии «ударами» («стрессами»). «Возвышающая психотерапия» сегодня — это, по существу, клиническая психиатрическая область Терапии духовной культурой (Бурно М.Е., 2000б, 2006б). Владимир Евгеньевич гордился тем, что был учеником крупных московских психиатров-клиницистов — Василия Алексеевича Гиляровского и Евгения Алексеевича Попова. Он и сам был психиатрическим клиницистом в психотерапии. Так светло вспоминаются сейчас наши содержательные, порою горячие клинко-психотерапевтические разборы...

Мария Александровна недавно в журнале напечатала три работы в соавторстве с Владимиром Евгеньевичем, как бывало это и прежде, когда Владимир Евгеньевич был жив: «Эмоционально-стрессовая терапия в свете теории функциональных систем», «Мысленная модель психофизиологической архитектуры эмоционально-стрессового внушения» и «Итоги и предвидимая перспектива» (Вопросы ментальной медицины и экологии. 2000. № 2. Т. VI. С. 72–82). Работы основательные и интересные в своей трудной теоретической сложности (во всяком случае, для меня). Но это тема уже другого, теоретического, исследования.

Бесконечно разнообразно
и должно быть в своем
нечно разнообразно
нечно разнообразно
Кажется, еще

тельства «Медици
сор, почему-то уг
пия творческим с
ство вернуло мне

дать рукопись ав
ся, отвечает ли,
кому мировоззре
новился воздух
годня допускаю

рассматривал м
ческую, как диа
ния патологии и

концепции форм
ского человека
так? Ведь эта м

хотворенность

те дни, что пиш

потому, что это

а КП (и только

медицины. Вед

ко-материали

земному, гово

КП в ее глу

ко в том поним

мена разреше

российской п

тах клиничес

199

Пленарн
тической Ассо
ка». 1–4 июля

булаторная и
Вып. 2. М.: МС

О клинической психотерапии¹⁶⁶

Бесконечно разнообразна сегодня психотерапия в России. Так и должно быть в свободной многонациональной стране с бесконечно разнообразными психотерапевтами, пациентами, бесконечно разнообразными здоровыми душевными трудностями.

Кажется, еще не так давно, лет 16 назад, рецензент издательства «Медицина», известнейший, покойный теперь профессор, почему-то упрекнул меня и рукопись моей книги «Терапия творческим самовыражением» в психоанализе. Издательство вернуло мне рукопись на переработку и собиралось потом дать рукопись авторитетному философу с просьбой разобраться, отвечает ли, в самом деле, рукопись марксистско-ленинскому мировоззрению. Но лишь собиралось — все свежее становился воздух т. н. перестроечного плюрализма. Однако сегодня допускаю, что если бы авторитетный философ серьезно рассматривал мою рукопись только как медицинскую, клиническую, как диалектико-материалистическое описание лечения патологии, не обсуждал бы ее под углом зрения известной концепции формирования единого типа гармонического советского человека, то, возможно, он и одобрил бы ее. Почему так? Ведь эта моя работа, смею думать, дышит некоторой одухотворенностью, и один из руководителей даже хмуро сказал в те дни, что пишу я церковно-славянским языком... Думается, потому, что это — работа по клинической психотерапии (КП), а КП (и только эта психотерапия) живет в доме клинической медицины. Ведь в основе клинической медицины — диалектико-материалистическое мироощущение, и оно по-своему, по-земному, говорит о духовности.

КП в ее глубинном, мироощущенческом смысле (а не только в том понимании, что служит больным людям), даже во времена разрешенного у нас психоанализа, была традиционной российской психотерапией. Это отчетливо выступает в работах клиницистов — А.А. Токарского, В.М. Бехтерева, А.И. Си-

¹⁶⁶ Пленарная лекция на X Конференции Европейской Психотерапевтической Ассоциации «Психотерапия Запада — Психотерапия Востока», 1–4 июля 2001 г., Москва. Первая публикация — в сборнике «Амбулаторная и больничная психотерапия и медицинская психология». Вып. 2. М.: МОП, 2004. С. 149–153.

корского, С.А. Суханова, А.И. Яроцкого. Порою российский психотерапевтический клиницизм смешивался с психоанализом в особый «русский психоанализ» А.А. Певницкого, Н.Е. Осипова, И.С. Сумбаева, В.Н. Мясищева (см. работы Б.Е. Егорова, 1993–2002). КП, защищенная забором клинической медицины, хотя и с серьезными трудностями, задержками, офизиологичиванием по временам, но все же, в отличие от психоанализа, способна была развиваться у нас в сталинские и застойные времена (фундаментальные работы С.И. Консторума, А.М. Свядоша, трехтомное «Руководство по психотерапии» под редакцией В.Е. Рожнова, 1974, 1979, 1985). Если бы я по природе своей был не клиницистом, а психоаналитиком, то психотерапевтическая моя жизнь прошла бы зря.

Конечно, КП включает в себя и психотерапию соматических расстройств. Здесь, однако, говорю лишь о клинической психиатрической психотерапии (КПП).

С увлечением изучал в молодости книги Фрейда, Юнга, других психоаналитиков. Отец, психиатр, юным студентом в 20-е годы купил эти книги, в библиотеках их позднее трудно было получить. Но мне созвучнее, понятнее были не психоаналитические, а клиничко-психотерапевтические работы Эрнста Кречмера, Якоба Клези, Макса Мюллера, Семена Консторума. Конечно, и клиничко-психотерапевтические работы критиковались у нас марксистами и физиологистами, но все же не запрещались, поскольку это была сугубая медицина, патология, больница, не проникавшая, в отличие от психоанализа, в общественную жизнь, располагавшаяся все же где-то в стороне от пути в коммунизм. Многие из нас, отечественных клинических психотерапевтов, понимали, что наша КП может поистине полнокровно развиваться только в живой свободной дискуссии с другими психотерапевтическими направлениями, но, будучи «тихими диссидентами», не высывались, чтобы не лишиться возможности клиничко-психотерапевтической, одухотворенно-исследовательской работы с больными людьми, светлого смысла нашей врачебной жизни. Нас печатали, хотя и с поправлениями, сокращениями, идеологическими вставками. Многое писали мы в стол, надеясь на лучшие времена.

Может быть, и не так уж странно, что клиническая, психиатрическая психотерапия развивалась у нас, в тоталитарное

время, глубже и разнообразнее, нежели в Западной Европе, где КП теснили психоаналитические и экзистенциально-гуманистические подходы. Виктор Макаров (2000) ясно отмечает, что КП — есть национальная российская психотерапия. И клинический психолог, по возможности, проникается основами этой «врачебной психотерапии» (Макаров В.В., 2001).

Необходимо, наконец, подчеркнуть, в чем же самое существо КП. В том же, в чем существо всей клинической, гиппократовской медицины. Клиницист естественнонаучно изучает, как защищается от внешних и внутренних болезнетворных воздействий стихийная природа организма и помогает ей защищаться совершеннее. Отсюда его интерес к клинической картине, дифференциальной диагностике: ведь клиническая картина, включающая в себя не только патологические расстройства, но и почву, на которой они вырастают, и есть картина защитно-приспособительной работы организма. Если, например, депрессивный, деперсонализационный больной мучается тем, что не чувствует себя эмоциональным самим собою, отчего жизнь его теряет смысл, и подспудно-робко тянется к творчеству, потому что только творчество способно оживить индивидуальность, — то на этом и основывается клиническая терапия творчеством.

Убежден, что КП не прошлое, не история психотерапии, а одна из крупных ветвей и сегодняшней развивающейся мировой психотерапии. Но КПП, в самом деле, служит, прежде всего, не невротикам и здоровым с душевными трудностями (клиентам), а довольно тяжелым хроническим тревожным, депрессивным, бодерлиновым¹⁶⁷ пациентам, пациентам с глубокими личностными расстройствами. Кому же из них особенно показана КПП, при том что другая психотерапия мало помогает? Пациентам с достаточно сложными размышлениями-страданиями по поводу своей неполноценности, своей несамособойности. Они и сами обычно понимают (или способны понять), что страдания их происходят не столько от обстоятельств жизни, сколько от внутренних, природных

¹⁶⁷ От *borderline* — граница (англ.); пограничный, на границе между психозом и неврозом. Это прежде всего пациенты с шизотипическим расстройством.

причин, и тянутся к изучению природы своей болезни. Они часто настолько самобытны в своей тревожно-депрессивной разлаженности, сомневающейся неуверенности, что не проникаются ни психоаналитической, ни экзистенциальной помощью. Многие из них ранятся психотерапевтическими техниками (в том числе, когнитивно-поведенческими), как всякой формой, моделью, и нуждаются в живом, искреннем, лично-неповторимом участии врача, в его искренней врачебной любви, врачебном сопереживании, поскольку здоровые люди, даже любящие их родственники, не способны, как правило, понять их по-настоящему, то есть так, как нашим пациентам хотелось бы, а значит, и по-настоящему полюбить. Эти глубоко страдающие люди, подобные многим героям Достоевского, Толстого, Чехова, говорят горько-правдивыми, простыми словами, обычно не требующими психоаналитического толкования. Им помогает не техника роджерсовской эмпатии, не «присоединение», а т. н. особый интимный эмоциональный контакт с психотерапевтом, учение о котором развивается в КПП в известных классических клинических работах швейцарцев Якоба Клези (1922), Макса Мюллера (1930), Пауля Кильхольца (1970), немца Эрнста Кречмера (1929), россиянина Семена Консторума (1935, 1962), американца Эугена Броди (1971). Существо этого лечебного контакта не в переносе и контрпереносе, а в искренней любви-сопереживании психотерапевта к пациенту. Любви не мужской, не женской, не дружеской, а врачебной — переживаю за то, что ты болезненно страдаешь и всей душою хочу тебе помочь, понимая, что делаю.

К психоанализу нередко эти пациенты относятся скептически. Они говорят: «Мне не до толкования скрытых смыслов, душа болит, бесформенная каша в ней, себя собою не чувствую, смысла нет». Или: «Вы не пробовали от ума, без чувства любить или во что-нибудь играть?» Или: «Не пытайтесь вводить меня в свою парадигму, в свою модель мира, она мне еще пуще мешает быть собою». Экзистенциально-гуманистические психотерапевтические занятия тут нередко углубляют переживание вины и бессмысленности, безысходности. Психотропные препараты приглушают остроту страдания, но также не помогут почувствовать себя собою. Пациенты эти обычно тянутся к

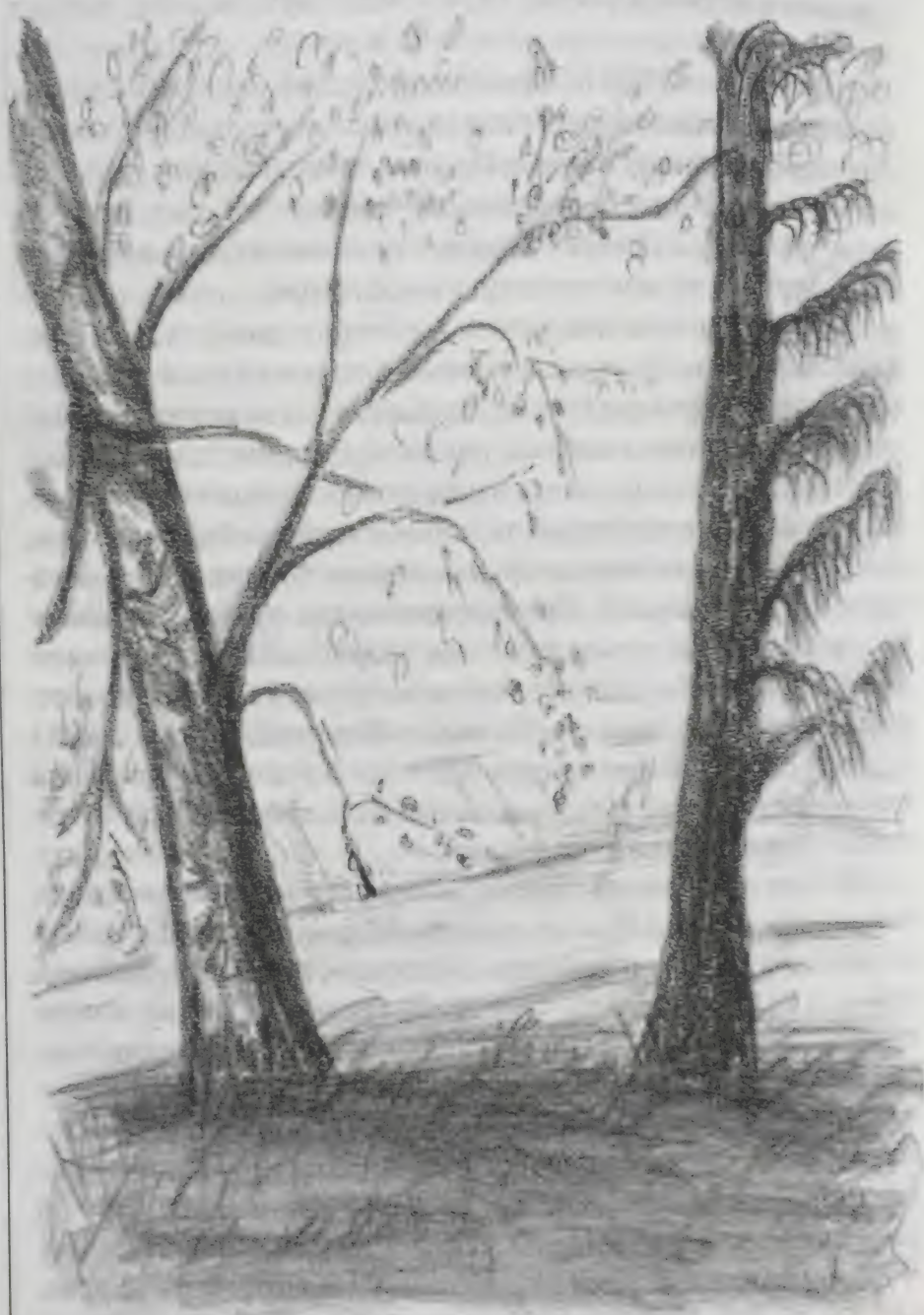
8 Очерки по истории отечественной характерологии...
естественно, что человек
зе и возможной аффект
с врачом пытаются в
научные книги.
Что дает им КПП?
была реалистической
Дюбуа. Дежерина. Го
комила пациентов с б
нием, укрепляла волю
КПП, помогая пациен
виды психотерапевт
альные, религиозны
(клинический анали
нической картины, п
тической природе па
ходимы клиническо
и отдельные, клини
воря, и Э. Блейлер
хоанализ широко —
волическое разбир
реживаниях чело
это неосознанное,
сти, обогатили и у
ваясь клиницистам
КПП стала разви
немецкого языка и
имеет свою сложн
сийской КПП види
тически-психолог
преломлении — в
кой психотерапии
Все это ясно види
хотерапевтическ
В.П. Колосова и В
В.Е. Смирнова
(2001а, б), В.Б. Г
ким самовыраже
Л.В. Махновская
2000; В.А. Чернов

естественнонаучной правде о своем расстройстве, его прогнозе и возможной эффективной помощи, нередко еще до встречи с врачом пытаются в этом отношении изучать себя, читают научные книги.

Что дает им КПП? КПП сложных душой пациентов всегда была реалистически рационально-воспитательной в смысле Дюбуа, Дежерина, Гоклера, Прэтта: естественнонаучно знакомила пациентов с болезненными расстройствами, их лечением, укрепляла волю в сражении со своими дисфункциями. КПП, помогая пациенту постичь свою природу, применяет все виды психотерапевтических воздействий, даже экзистенциальные, религиозные размышления-переживания и анализ (клинический анализ), но по-своему, то есть исходя из клинической картины, помогая, например, определенной аутистической природе пациента защищаться совершеннее. Необходимы клинической психотерапии, пусть в небольшой мере, и отдельные, клинически преломленные техники. Кстати говоря, и Э. Блейлер и Э. Кречмер понимали фрейдовский психоанализ широко — как глубокое подробное и не всегда символическое разбирательство в неосознанных, тягостных переживаниях человека с попыткой помочь пациенту осознать это неосознанное, травмирующее его изнутри. Они, в сущности, обогатили и углубили клиницизм психоанализом, оставаясь клиницистами-реалистами.

КПП стала развиваться в клинической психиатрии стран немецкого языка и России в конце XIX — начале XX века и имеет свою сложную историю. Особенность современной российской КПП видится в ее духовной, гуманистической, аналитически-психологической обогащенности, но в *клиническом преломлении* — в отличие от экзистенциально-гуманистической психотерапии, арт-терапии, религиозной психотерапии. Все это ясно видится, например, в современных клинко-психотерапевтических работах Б.А. Воскресенского (1997), В.П. Колосова и В.И. Петровой (1999), Ю.И. Полищука (2000), В.Е. Смирнова и Ю.В. Колбасина (2000), А.М. Бурно (2001а, б), В.Б. Гурвича (2001), в работах о Терапии творческим самовыражением — ТТС (Т.Е. Гоголевич, 1998, 1999; Л.В. Махновская, 2000; С.В. Некрасова, 1999, 2003; Н.А. Раю, 2000; В.А. Чернова, 2000; В.В. Васильев, 2001). Существо ТТС

М.Е. Бурно

8 Очерки по истории
(М.Е. Бурно, 1988)
пациентами с гято
ноценности элеме
знания, психоте
исходит все это в
самовыражении
ный творческий п
ческое вдохнове
ры не как модел
как духовно-при
общие стойкие ч
стеники — это
них — бесконе
ховной жизни,
стное, неповто
живание, заве
изучаемые в Т
лишь ориентир
торимому.
Альфред П
самостоятель
о человеке ут
«специфическ

(М.Е. Бурно, 1989–2006а, б) состоит в посильном изучении пациентами с тягостным, сложным переживанием своей неполноценности элементов психиатрии, характерологии, естествознания, психотерапии под руководством психотерапевта. Происходит все это в разнообразном одухотворенном творческом самовыражении с целью помочь пациенту обрести свой целебный творческий путь-смысл, сообразный его природе, свое творческое вдохновение. При этом мы изучаем, например, характеры не как модели (психологические, психоаналитические), а как духовно-природное неповторимое в человеке, но имеющее общие стойкие черты с другими людьми. Так, например, психастеники — это люди с общим складом характера, но каждый из них — бесконечно неповторимый психастеник, как и все в духовной жизни, в природе. Здесь правит бал не модель, а личностное, неповторимое, клинический опыт, интуитивное переживание, завершающееся клинической аргументацией. Так, изучаемые в ТТС характеры, душевные расстройства для нас лишь ориентиры, путеводители к своему одухотворенно-неповторимому.

Альфред Притц и Хайнц Тойфельхарт (1999), размышляя о самостоятельной современной психотерапии как новой науке о человеке уточняют, что психотерапию интересует именно «специфически личное».

9. Краткий характерологический опросник (М.Е. Бурно, 2007)

Настоящий опросник предлагается врачу и психологу для работы со взрослыми душевноздоровыми соматическими пациентами и является приложением к разделу 1 «О характерах людей», в котором дается с моими уточнениями классификация-описание устоявшихся в естественно-научной (не психоаналитической) характерологии типов характера (здоровых и патологических). Опросник в своих прежних предварительных вариантах был уже дважды опубликован: Бурно М.Е. Краткий характерологический опросник (М.Е. Бурно). М.: РОМЛ, 2005.; Бурно М.Е., Истомина Е.В., Свирин В.В. Деонтологическое поведение стоматолога-ортопеда в зависимости от характерологических особенностей пациентов. Учебное пособие для стоматологов. М.: РМАПО, 2006. С. 26–33.

В процессе работы с душевноздоровыми соматическими пациентами и здоровыми людьми (всего теперь уже более 600 человек в разных городах страны) Опросник постоянно совершенствовался, упрощался, уточнялся. Надеюсь, что в настоящем виде он больше поможет врачам (конечно же, *лишь ориентировочно*) оценивать для благотворных отношений с пациентами их характеры, хотя новый Опросник не отменяет, а лишь уточняет прежние свои варианты. Такой опросник не должен своими утверждениями встревожить душевноздорового человека сомнениями, подозрениями в том, «нет ли у меня какой-то душевной ненормальности». Пациенты, здоровые люди часто спрашивают после работы с Опросником о названии своего характера — и не следует пугать их терминами, похожими для несведущего человека на диагнозы. Для себя мы знаем, что, например, данный здоровый характер принято обозначать по А.Е. Личко как «шизоидная акцентуация», но пациенту лучше сказать: «Возможно, у Вас “замкнуто-углубленный харак-

Бланк Опросника

Сосредоточиваю
маги в столбик
только тех ут
гласны. Если н
сывайте. Спас

- 1.1. Стремлюсь
прежде вс
- 2.1. Чувствую
невозмо
- 3.1. Отмечаю
самоанал
- 4.1. Легко раз
- 1.2. По време
ся душевн
- 2.2. По време
ведливым
- 6.1. Мои мыс
вые (не з
- 3.2. Мне свой
ность, не
себе, рас

тер"». Или — «авторитарный характер» — вместо «эпилептоидная акцентуация» (по А.Е. Личко). И это не есть нарушение научной правды. Обозначения здоровых характеров, по моему, должны быть освобождены от своих «патологических корней». Следует подчеркнуть пациенту, что этот Опросник не выявляет душевной патологии. Но, зная побольше о Вашем характере, лучше смогу Вам помочь. Наконец, Опросник по-прежнему — очень краткий. Некоторые утверждения стали даже еще короче, но при этом, думается, смысл их стал отчетливее. Всего 28 утверждений, с каждым из которых пациент должен согласиться или не согласиться.

Бланк Опросника

Сосредоточившись в тишине, не спеша, запишите на листе бумаги в столбик двойные номера (например, «1.1» или «3.2») только тех утверждений, с которыми Вы безоговорочно согласны. Если не согласны хотя бы с одним словом — не записывайте. Спасибо!

- 1.1. Стремлюсь к земным, полнокровным ощущениям, этим прежде всего и живу.
- 2.1. Чувствую, что непременно смогу сделать то, казалось бы, невозможное, что уж очень хочется сделать.
- 3.1. Отмечаю у себя склонность к тревожным сомнениям, к самоанализу, самоупрекам.
- 4.1. Легко раздражаюсь, раздражение быстро проходит.
- 1.2. По временам без понятных причин печалюсь, обостряется душевная ранимость, тревожность, мнительность.
- 2.2. По временам испытываю в душе напряженность со справедливым желанием наказать своего обидчика, вообще какого-нибудь негодяя.
- 6.1. Мои мысли, переживания могут существовать как таковые (не записанные, не рассказанные кому-то) — и без моего тела.
- 3.2. Мне свойственны: робость, застенчивость, нерешительность, непрактичность, ненаходчивость, неуверенность в себе, рассеянность, излишняя совестливость.

- 4.2. От волнения у меня легко начинает колотиться сердце.
- 5.2. Мне свойственны «глупые» страхи, желания, с содержанием которых я своею душой, мыслью совершенно не согласен (не согласна).
- 6.2. Символическое, абстрактное искусство мне ближе, нежели реалистическое, земное.
- 7.2. В своих переживаниях обнаруживаю немало загадочно таинственного.
- 5.1. Обычно стремлюсь довести работу, которую выполняю, до совершенства, а иначе испытываю чувство незаконченности в душе.
- 7.1. С удовольствием играл бы (играла бы) в театре, в самодеятельности.
- 1.3. Мне по душе живая, практическая, организаторская работа.
- 2.3. По натуре я честный и смелый воин, чувствительный к малейшей несправедливости.
- 3.3. Больше тепла испытываю к близкому мне человеку, когда он далеко от меня, а не рядом.
- 2.4. Люди нередко несправедливы ко мне.
- 5.3. Не нахожу покоя, пока не выполню свое какое-то навязчивое желание, не опасное для меня и других людей, не постыдное на людях (навязчивое желание притронуться к чему либо, наступить на черту, посчитать машины).
- 6.3. Красота как таковая (сама по себе) будет существовать и без людей после человечества.
- 4.3. Ощутимо трудно расставаться со всем, к чему хотя бы немного привык (привыкла).
- 1.4. Стараюсь изо всех сил не общаться с теми людьми, которые могут испортить мне настроение, а их много.
- 7.3. Не люблю говорить о том, что многим нравлюсь.
- 3.4. Не мщу, но в душе долго помню сделанное мне зло.
- 4.4. Нередко от робости вольно или невольно изображаю в жизни свою противоположность — что-то вроде «нахальства от застенчивости».
- 5.4. Переживаю, если какой-то человек дурно обо мне думает.
- 6.4. Мне лермонтовское ближе, созвучнее пушкинского.
- 7.4. Быстрая сообразительность, красочное воображение, богатая память — это про меня.

9. Краткий характерологический опросник (М.Е. Бурно, 2007)

Толкование результатов

28 утверждений

ния («характерологический опросник»)

С утверждениями 2.1, 2.2, 2.3, 2.4, 2.5, 2.6, 2.7, 2.8, 2.9, 2.10, 2.11, 2.12, 2.13, 2.14, 2.15, 2.16, 2.17, 2.18, 2.19, 2.20, 2.21, 2.22, 2.23, 2.24, 2.25, 2.26, 2.27, 2.28, 2.29, 2.30, 2.31, 2.32, 2.33, 2.34, 2.35, 2.36, 2.37, 2.38, 2.39, 2.40, 2.41, 2.42, 2.43, 2.44, 2.45, 2.46, 2.47, 2.48, 2.49, 2.50, 2.51, 2.52, 2.53, 2.54, 2.55, 2.56, 2.57, 2.58, 2.59, 2.60, 2.61, 2.62, 2.63, 2.64, 2.65, 2.66, 2.67, 2.68, 2.69, 2.70, 2.71, 2.72, 2.73, 2.74, 2.75, 2.76, 2.77, 2.78, 2.79, 2.80, 2.81, 2.82, 2.83, 2.84, 2.85, 2.86, 2.87, 2.88, 2.89, 2.90, 2.91, 2.92, 2.93, 2.94, 2.95, 2.96, 2.97, 2.98, 2.99, 2.100, 2.101, 2.102, 2.103, 2.104, 2.105, 2.106, 2.107, 2.108, 2.109, 2.110, 2.111, 2.112, 2.113, 2.114, 2.115, 2.116, 2.117, 2.118, 2.119, 2.120, 2.121, 2.122, 2.123, 2.124, 2.125, 2.126, 2.127, 2.128, 2.129, 2.130, 2.131, 2.132, 2.133, 2.134, 2.135, 2.136, 2.137, 2.138, 2.139, 2.140, 2.141, 2.142, 2.143, 2.144, 2.145, 2.146, 2.147, 2.148, 2.149, 2.150, 2.151, 2.152, 2.153, 2.154, 2.155, 2.156, 2.157, 2.158, 2.159, 2.160, 2.161, 2.162, 2.163, 2.164, 2.165, 2.166, 2.167, 2.168, 2.169, 2.170, 2.171, 2.172, 2.173, 2.174, 2.175, 2.176, 2.177, 2.178, 2.179, 2.180, 2.181, 2.182, 2.183, 2.184, 2.185, 2.186, 2.187, 2.188, 2.189, 2.190, 2.191, 2.192, 2.193, 2.194, 2.195, 2.196, 2.197, 2.198, 2.199, 2.200, 2.201, 2.202, 2.203, 2.204, 2.205, 2.206, 2.207, 2.208, 2.209, 2.210, 2.211, 2.212, 2.213, 2.214, 2.215, 2.216, 2.217, 2.218, 2.219, 2.220, 2.221, 2.222, 2.223, 2.224, 2.225, 2.226, 2.227, 2.228, 2.229, 2.230, 2.231, 2.232, 2.233, 2.234, 2.235, 2.236, 2.237, 2.238, 2.239, 2.240, 2.241, 2.242, 2.243, 2.244, 2.245, 2.246, 2.247, 2.248, 2.249, 2.250, 2.251, 2.252, 2.253, 2.254, 2.255, 2.256, 2.257, 2.258, 2.259, 2.260, 2.261, 2.262, 2.263, 2.264, 2.265, 2.266, 2.267, 2.268, 2.269, 2.270, 2.271, 2.272, 2.273, 2.274, 2.275, 2.276, 2.277, 2.278, 2.279, 2.280, 2.281, 2.282, 2.283, 2.284, 2.285, 2.286, 2.287, 2.288, 2.289, 2.290, 2.291, 2.292, 2.293, 2.294, 2.295, 2.296, 2.297, 2.298, 2.299, 2.300, 2.301, 2.302, 2.303, 2.304, 2.305, 2.306, 2.307, 2.308, 2.309, 2.310, 2.311, 2.312, 2.313, 2.314, 2.315, 2.316, 2.317, 2.318, 2.319, 2.320, 2.321, 2.322, 2.323, 2.324, 2.325, 2.326, 2.327, 2.328, 2.329, 2.330, 2.331, 2.332, 2.333, 2.334, 2.335, 2.336, 2.337, 2.338, 2.339, 2.340, 2.341, 2.342, 2.343, 2.344, 2.345, 2.346, 2.347, 2.348, 2.349, 2.350, 2.351, 2.352, 2.353, 2.354, 2.355, 2.356, 2.357, 2.358, 2.359, 2.360, 2.361, 2.362, 2.363, 2.364, 2.365, 2.366, 2.367, 2.368, 2.369, 2.370, 2.371, 2.372, 2.373, 2.374, 2.375, 2.376, 2.377, 2.378, 2.379, 2.380, 2.381, 2.382, 2.383, 2.384, 2.385, 2.386, 2.387, 2.388, 2.389, 2.390, 2.391, 2.392, 2.393, 2.394, 2.395, 2.396, 2.397, 2.398, 2.399, 2.400, 2.401, 2.402, 2.403, 2.404, 2.405, 2.406, 2.407, 2.408, 2.409, 2.410, 2.411, 2.412, 2.413, 2.414, 2.415, 2.416, 2.417, 2.418, 2.419, 2.420, 2.421, 2.422, 2.423, 2.424, 2.425, 2.426, 2.427, 2.428, 2.429, 2.430, 2.431, 2.432, 2.433, 2.434, 2.435, 2.436, 2.437, 2.438, 2.439, 2.440, 2.441, 2.442, 2.443, 2.444, 2.445, 2.446, 2.447, 2.448, 2.449, 2.450, 2.451, 2.452, 2.453, 2.454, 2.455, 2.456, 2.457, 2.458, 2.459, 2.460, 2.461, 2.462, 2.463, 2.464, 2.465, 2.466, 2.467, 2.468, 2.469, 2.470, 2.471, 2.472, 2.473, 2.474, 2.475, 2.476, 2.477, 2.478, 2.479, 2.480, 2.481, 2.482, 2.483, 2.484, 2.485, 2.486, 2.487, 2.488, 2.489, 2.490, 2.491, 2.492, 2.493, 2.494, 2.495, 2.496, 2.497, 2.498, 2.499, 2.500, 2.501, 2.502, 2.503, 2.504, 2.505, 2.506, 2.507, 2.508, 2.509, 2.510, 2.511, 2.512, 2.513, 2.514, 2.515, 2.516, 2.517, 2.518, 2.519, 2.520, 2.521, 2.522, 2.523, 2.524, 2.525, 2.526, 2.527, 2.528, 2.529, 2.530, 2.531, 2.532, 2.533, 2.534, 2.535, 2.536, 2.537, 2.538, 2.539, 2.540, 2.541, 2.542, 2.543, 2.544, 2.545, 2.546, 2.547, 2.548, 2.549, 2.550, 2.551, 2.552, 2.553, 2.554, 2.555, 2.556, 2.557, 2.558, 2.559, 2.560, 2.561, 2.562, 2.563, 2.564, 2.565, 2.566, 2.567, 2.568, 2.569, 2.570, 2.571, 2.572, 2.573, 2.574, 2.575, 2.576, 2.577, 2.578, 2.579, 2.580, 2.581, 2.582, 2.583, 2.584, 2.585, 2.586, 2.587, 2.588, 2.589, 2.590, 2.591, 2.592, 2.593, 2.594, 2.595, 2.596, 2.597, 2.598, 2.599, 2.600, 2.601, 2.602, 2.603, 2.604, 2.605, 2.606, 2.607, 2.608, 2.609, 2.610, 2.611, 2.612, 2.613, 2.614, 2.615, 2.616, 2.617, 2.618, 2.619, 2.620, 2.621, 2.622, 2.623, 2.624, 2.625, 2.626, 2.627, 2.628, 2.629, 2.630, 2.631, 2.632, 2.633, 2.634, 2.635, 2.636, 2.637, 2.638, 2.639, 2.640, 2.641, 2.642, 2.643, 2.644, 2.645, 2.646, 2.647, 2.648, 2.649, 2.650, 2.651, 2.652, 2.653, 2.654, 2.655, 2.656, 2.657, 2.658, 2.659, 2.660, 2.661, 2.662, 2.663, 2.664, 2.665, 2.666, 2.667, 2.668, 2.669, 2.670, 2.671, 2.672, 2.673, 2.674, 2.675, 2.676, 2.677, 2.678, 2.679, 2.680, 2.681, 2.682, 2.683, 2.684, 2.685, 2.686, 2.687, 2.688, 2.689, 2.690, 2.691, 2.692, 2.693, 2.694, 2.695, 2.696, 2.697, 2.698, 2.699, 2.700, 2.701, 2.702, 2.703, 2.704, 2.705, 2.706, 2.707, 2.708, 2.709, 2.710, 2.711, 2.712, 2.713, 2.714, 2.715, 2.716, 2.717, 2.718, 2.719, 2.720, 2.721, 2.722, 2.723, 2.724, 2.725, 2.726, 2.727, 2.728, 2.729, 2.730, 2.731, 2.732, 2.733, 2.734, 2.735, 2.736, 2.737, 2.738, 2.739, 2.740, 2.741, 2.742, 2.743, 2.744, 2.745, 2.746, 2.747, 2.748, 2.749, 2.750, 2.751, 2.752, 2.753, 2.754, 2.755, 2.756, 2.757, 2.758, 2.759, 2.760, 2.761, 2.762, 2.763, 2.764, 2.765, 2.766, 2.767, 2.768, 2.769, 2.770, 2.771, 2.772, 2.773, 2.774, 2.775, 2.776, 2.777, 2.778, 2.779, 2.780, 2.781, 2.782, 2.783, 2.784, 2.785, 2.786, 2.787, 2.788, 2.789, 2.790, 2.791, 2.792, 2.793, 2.794, 2.795, 2.796, 2.797, 2.798, 2.799, 2.800, 2.801, 2.802, 2.803, 2.804, 2.805, 2.806, 2.807, 2.808, 2.809, 2.810, 2.811, 2.812, 2.813, 2.814, 2.815, 2.816, 2.817, 2.818, 2.819, 2.820, 2.821, 2.822, 2.823, 2.824, 2.825, 2.826, 2.827, 2.828, 2.829, 2.830, 2.831, 2.832, 2.833, 2.834, 2.835, 2.836, 2.837, 2.838, 2.839, 2.840, 2.841, 2.842, 2.843, 2.844, 2.845, 2.846, 2.847, 2.848, 2.849, 2.850, 2.851, 2.852, 2.853, 2.854, 2.855, 2.856, 2.857, 2.858, 2.859, 2.860, 2.861, 2.862, 2.863, 2.864, 2.865, 2.866, 2.867, 2.868, 2.869, 2.870, 2.871, 2.872, 2.873, 2.874, 2.875, 2.876, 2.877, 2.878, 2.879, 2.880, 2.881, 2.882, 2.883, 2.884, 2.885, 2.886, 2.887, 2.888, 2.889, 2.890, 2.891, 2.892, 2.893, 2.894, 2.895, 2.896, 2.897, 2.898, 2.899, 2.900, 2.901, 2.902, 2.903, 2.904, 2.905, 2.906, 2.907, 2.908, 2.909, 2.910, 2.911, 2.912, 2.913, 2.914, 2.915, 2.916, 2.917, 2.918, 2.919, 2.920, 2.921, 2.922, 2.923, 2.924, 2.925, 2.926, 2.927, 2.928, 2.929, 2.930, 2.931, 2.932, 2.933, 2.934, 2.935, 2.936, 2.937, 2.938, 2.939, 2.940, 2.941, 2.942, 2.943, 2.944, 2.945, 2.946, 2.947, 2.948, 2.949, 2.950, 2.951, 2.952, 2.953, 2.954, 2.955, 2.956, 2.957, 2.958, 2.959, 2.960, 2.961, 2.962, 2.963, 2.964, 2.965, 2.966, 2.967, 2.968, 2.969, 2.970, 2.971, 2.972, 2.973, 2.974, 2.975, 2.976, 2.977, 2.978, 2.979, 2.980, 2.981, 2.982, 2.983, 2.984, 2.985, 2.986, 2.987, 2.988, 2.989, 2.990, 2.991, 2.992, 2.993, 2.994, 2.995, 2.996, 2.997, 2.998, 2.999, 3.000, 3.001, 3.002, 3.003, 3.004, 3.005, 3.006, 3.007, 3.008, 3.009, 3.010, 3.011, 3.012, 3.013, 3.014, 3.015, 3.016, 3.017, 3.018, 3.019, 3.020, 3.021, 3.022, 3.023, 3.024, 3.025, 3.026, 3.027, 3.028, 3.029, 3.030, 3.031, 3.032, 3.033, 3.034, 3.035, 3.036, 3.037, 3.038, 3.039, 3.040, 3.041, 3.042, 3.043, 3.044, 3.045, 3.046, 3.047, 3.048, 3.049, 3.050, 3.051, 3.052, 3.053, 3.054, 3.055, 3.056, 3.057, 3.058, 3.059, 3.060, 3.061, 3.062, 3.063, 3.064, 3.065, 3.066, 3.067, 3.068, 3.069, 3.070, 3.071, 3.072, 3.073, 3.074, 3.075, 3.076, 3.077, 3.078, 3.079, 3.080, 3.081, 3.082, 3.083, 3.084, 3.085, 3.086, 3.087, 3.088, 3.089, 3.090, 3.091, 3.092, 3.093, 3.094, 3.095, 3.096, 3.097, 3.098, 3.099, 3.100, 3.101, 3.102, 3.103, 3.104, 3.105, 3.106, 3.107, 3.108, 3.109, 3.110, 3.111, 3.112, 3.113, 3.114, 3.115, 3.116, 3.117, 3.118, 3.119, 3.120, 3.121, 3.122, 3.123, 3.124, 3.125, 3.126, 3.127, 3.128, 3.129, 3.130, 3.131, 3.132, 3.133, 3.134, 3.135, 3.136, 3.137, 3.138, 3.139, 3.140, 3.141, 3.142, 3.143, 3.144, 3.145, 3.146, 3.147, 3.148, 3.149, 3.150, 3.151, 3.152, 3.153, 3.154, 3.155, 3.156, 3.157, 3.158, 3.159, 3.160, 3.161, 3.162, 3.163, 3.164, 3.165, 3.166, 3.167, 3.168, 3.169, 3.170, 3.171, 3.172, 3.173, 3.174, 3.175, 3.176, 3.177, 3.178, 3.179, 3.180, 3.181, 3.182, 3.183, 3.184, 3.185, 3.186, 3.187, 3.188, 3.189, 3.190, 3.191, 3.192, 3.193, 3.194, 3.195, 3.196, 3.197, 3.198, 3.199, 3.200, 3.201, 3.202, 3.203, 3.204, 3.205, 3.206, 3.207, 3.208, 3.209, 3.210, 3.211, 3.212, 3.213, 3.214, 3.215, 3.216, 3.217, 3.218, 3.219, 3.220, 3.221, 3.222, 3.223, 3.224, 3.225, 3.226, 3.227, 3.228, 3.229, 3.230, 3.231, 3.232, 3.233, 3.234, 3.235, 3.236, 3.237, 3.238, 3.239, 3.240, 3.241, 3.242, 3.243, 3.244, 3.245, 3.246, 3.247, 3.248, 3.249, 3.250, 3.251, 3.252, 3.253, 3.254, 3.255, 3.256, 3.257, 3.258, 3.259, 3.260, 3.261, 3.262, 3.263, 3.264, 3.265, 3.266, 3.267, 3.268, 3.269, 3.270, 3.271, 3.272, 3.273, 3.274, 3.275, 3.276, 3.277, 3.278, 3.279, 3.280, 3.281, 3.282, 3.283, 3.284, 3.285, 3.286, 3.287, 3.288, 3.289, 3.290, 3.291, 3.292, 3.293, 3.294, 3.295, 3.296, 3.297, 3.298, 3.299, 3.300, 3.301, 3.302, 3.303, 3.304, 3.305, 3.306, 3.307, 3.308, 3.309, 3.310, 3.311, 3.312, 3.313, 3.314, 3.315, 3.316, 3.317, 3.318, 3.319, 3.320, 3.321, 3.322, 3.323, 3.324, 3.325, 3.326, 3.327, 3.328, 3.329, 3.330, 3.331, 3.332, 3.333, 3.334, 3.335, 3.336, 3.337, 3.338, 3.339, 3.340, 3.341, 3.342, 3.343, 3.344, 3.345, 3.346, 3.347, 3.348, 3.349, 3.350, 3.351, 3.352, 3.353, 3.354, 3.355, 3.356, 3.357, 3.358, 3.359, 3.360, 3.361, 3.362, 3.363, 3.364, 3.365, 3.366, 3.367, 3.368, 3.369, 3.370, 3.371, 3.372, 3.373, 3.374, 3.375, 3.376, 3.377, 3.378, 3.379, 3.380, 3.381, 3.382, 3.383, 3.384, 3.385, 3.386, 3.387, 3.388, 3.389, 3.390, 3.391, 3.392, 3.393, 3.394, 3.395, 3.396, 3.397, 3.398, 3.399, 3.400, 3.401, 3.402, 3.403, 3.404, 3.405, 3.406, 3.407, 3.408, 3.409, 3.410, 3.411, 3.412, 3.413, 3.414, 3.415, 3.416, 3.417, 3.418, 3.419, 3.420, 3.421, 3.422, 3.423, 3.424, 3.425, 3.426, 3.427, 3.428, 3.429, 3.430, 3.431, 3.432, 3.433, 3.434, 3.435, 3.436, 3.437, 3.438, 3.439, 3.440, 3.441, 3.442, 3.443, 3.444, 3.445, 3.446, 3.447, 3.448, 3.449, 3.450, 3.451, 3.452, 3.453, 3.454, 3.455, 3.456, 3.457, 3.458, 3.459, 3.460, 3.461, 3.462, 3.463, 3.464, 3.465, 3.466, 3.467, 3.468, 3.469, 3.470, 3.471, 3.472, 3.473, 3.474, 3.475, 3.476, 3.477, 3.478, 3.479, 3.480, 3.481, 3.482, 3.483, 3.484, 3.485, 3.486, 3.487, 3.488, 3.489, 3.490, 3.491, 3.492, 3.493, 3.494, 3.495, 3.496, 3.497, 3.498, 3.499, 3.500, 3.501, 3.502, 3.503, 3.504, 3.505, 3.506, 3.507, 3.508, 3.509, 3.510, 3.511, 3.512, 3.513, 3.514, 3.515, 3.516, 3.517, 3.518, 3.519, 3.520, 3.521, 3.522, 3.523, 3.524, 3.525, 3.526, 3.527, 3.528, 3.529, 3.530, 3.531, 3.532, 3.533, 3.534, 3.535, 3.536, 3.537, 3.538, 3.539, 3.540, 3.541, 3.542, 3.543, 3.544, 3.545, 3.546, 3.547, 3.548, 3.549, 3.550, 3.551, 3.552, 3.553, 3.554, 3.555, 3.556, 3.557, 3.558, 3.559, 3.560, 3.561, 3.562, 3.563, 3.564, 3.565, 3.566, 3.567, 3.568, 3.569, 3.570, 3.571, 3.572, 3.573, 3.574, 3.575, 3.576, 3.577, 3.578, 3.579, 3.580, 3.581, 3.582, 3.583, 3.584, 3.585, 3.586, 3.587, 3.588, 3.589, 3.590, 3.591, 3.592, 3.593, 3.594, 3.595, 3.596, 3.597, 3.598, 3.599, 3.600, 3.601, 3.602, 3.603, 3.604, 3.605, 3.606, 3.607, 3.608, 3.609, 3.610, 3.611, 3.612, 3.613, 3.614, 3.615, 3.616, 3.617, 3.618, 3.619, 3.620, 3.621, 3.622, 3.623, 3.624, 3.625, 3.626, 3.627, 3.628, 3.629, 3.630, 3.631, 3.632, 3.633, 3.634, 3.635, 3.636, 3.637, 3.638, 3.639, 3.640, 3.641, 3.642, 3.643, 3.644, 3.645, 3.646, 3.647, 3.648, 3.649, 3.650, 3.651, 3.652, 3

Толкование результатов исследования

28 утверждений охватывают 7 характеров (по 4 утверждения («характерологических узла») из каждого характера). С утверждениями 1.1, 1.2, 1.3, 1.4 обычно соглашается человек с **сангвиническим** (синтонным) характером (С); с утверждениями 2.1, 2.2, 2.3, 2.4 — человек с **авторитарным** характером (А); с утверждениями 3.1, 3.2, 3.3, 3.4 — человек с **тревно-сомневающимся** характером (ТС); с утверждениями 4.1, 4.2, 4.3, 4.4 — человек с **застенчиво-раздражительным** характером (ЗР); с утверждениями 5.1, 5.2, 5.3, 5.4 — человек с **педантичным** характером (П); с утверждениями 6.1, 6.2, 6.3, 6.4 — человек с **замкнуто-углубленным** характером (ЗУ); с утверждениями 7.1, 7.2, 7.3, 7.4 — человек с **демонстративным** характером (Д).

Утверждения-свойства **тревно-сомневающегося** (ТС) характера обычно соединяются в характерологической картине, полученной благодаря Опроснику, с утверждениями-свойствами **застенчиво-раздражительного** (ЗР) характера. Но если наличествуют 3–4 утверждения-свойства **тревно-сомневающегося** (ТС) характера («тревно-сомневающийся характерологический узел»), то это — вероятнее всего **тревно-сомневающийся** (ТС) характер, сколько бы ни было утверждений-свойств из **застенчиво-раздражительного** характера (ЗР). То же самое следует иметь в виду, если 3–4 утверждения-свойства **сангвинического** (синтонного) характера (С) («сангвинический характерологический узел») соединяются с утверждениями-свойствами **тревно-сомневающегося** (ТС) характера или если 3–4 утверждения-свойства **авторитарного** (А) характера («авторитарный характерологический узел») соединяются с утверждениями-свойствами **сангвинического** (синтонного) (С) характера.

Достаточно и 2-х утверждений-свойств **замкнуто-углубленного** характера (ЗУ) («замкнуто-углубленный характерологический узел») для того, чтобы предположить **замкнуто-углубленный** характер (ЗУ), даже если соединяющихся с ним утверждений-свойств всех других характеров будет по 4.

Если пациент выбрал 3–4 утверждения-свойства из **застенчиво-раздражительного** (ЗР) характера и (или) **педантичного**

ного (П), и (или) демонстративного (Д), то возможно говорить лишь о том, что в пациенте преобладают (или наличествуют) в каждом отдельном случае свойства какого-то (каких-то) из этих характеров. Это объясняется тем, что указанные три «характерологических узла» в практической работе не оказались такими надежными, как все остальные.

В тех случаях, когда пациенты выбирают из каждой из конкретных групп утверждений-свойств менее 3-х утверждений, возможно говорить о **мозаичном** характере (без отчетливого характерологического рисунка).

Привожу основные характерологические формулы:

- 1) $C = 3-4 C + (1-4) TC + N^{168}$
- 2) $A = 3-4 A + (1-4) C + N$
- 3) $TC = 3-4 TC + (1-4) ЗР + N$
- 4) $ЗУ = (2-4) ЗУ + N$

В начале настоящего пособия подчеркнуто, что Опросник **ориентировочно** обнаруживает характер, характерологическую картину, т. е. обнаруживает все это лишь в широком смысле и не имеет целью обнаружить душевную патологию. Когда Опросник обнаруживает, например, **тревожно-сомневающийся** характер, то нужно иметь в виду, что дифференциально-диагностически это, скорее всего, и есть **тревожно-сомневающийся** характер как здоровая душевная особенность («психастеническая акцентуация», по А.Е. Личко). Но в известном проценте случаев это может быть и «психастеническая психопатия» (ананкастическое, тревожное расстройство зрелой личности — по МКБ-10), и даже «шизотипическое расстройство» (по МКБ-10) с психастеноподобными проявлениями. То есть речь идет о характере не в узком, а в широком смысле — о **характерологических особенностях, характерологических радикалах**, как подчеркивалось выше. Думается, однако, что и это уже достаточно важно для повседневной врачебной деонтологически-характерологической помощи пациентам.

¹⁶⁸ N — различные в разных количествах утверждения-свойства (которые могут присутствовать и не присутствовать), исключая 3-4 TC, 3-4 C, 3-4 A, 2-4 ЗУ.

10. Психотерапевтическая проза

Чехов

1

Врач Цыпленков, сотрудник Дома санитарного просвещения, вышел из электрички на бетонную платформу. Недалеко от платформы, между двумя колеями, — высокие нежно-лиловые цветы Иван-чая в дождевой мороси. Они будто светились внутренне, выходя стеблями из железнодорожно-ржавых камней, и у одного цветка, как у насмешливого парня, свешивался хохолок. Но как грустно-комично, кратко написал бы об этом Чехов, если б был жив!

Цыпленков, в белом костюме, с чеховской бородкой, в пенсне, опустился по деревянным ступенькам платформы, перешагнул через рельсы и направился по краю дачного поселка к далекому голубому дому с мезонином, в котором снимал летом комнату.

Гром вдалеке негромко гроыхнул. Вспомнилось чеховское (из «Дяди Вани»): «Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет».

Цыпленков подумал, что без всегдашней своей наполненности Чеховым спился бы или лечился у психиатров от тягостных тревожно-нравственных самокопаний, противной робости, беспомощных поисков смысла жизни. Его белый костюм, быть может, похож на тот белый костюм, что сшили Чехову перед смертью в Германии. Писателю в последние его дни, в минуты туберкулезно-токсического опьянения, хотелось носить радостно-белый костюм, попросил сшить, но так и не надел. Ночью курортный врач-немец дал ему, умирающему, шампанского, и Чехов, улыбнувшись, сказал жене (и, конечно,

врачу тоже, хотя тот, видимо, не понимал по-русски), — сказал, что давно не пил шампанского, приподнялся, выпил весь бокал, лег и умер.

Цыпленкову хотелось умереть в будущем, когда придет срок, так же светло и изящно. Иностранных языков он не знает, как и Чехов...

Но тут вспомнил, что несет в портфеле вместе с пакетом молока и батоном хлеба свой рассказ, присланный, как всегда, назад из журнала. Заехал с работы в московскую квартиру и взял из почтового ящика этот пакет.

Литсотрудник журнала писал, что в рассказе поразительно не чувствуется наше время космических полетов, лазера, накала идеологической борьбы и опасности ядерной катастрофы. Лишь печаль о том, что безвозвратно пропадает что-то хорошее и люди, проникнутые тонким душевным созвучием, которым так хорошо было бы вместе, мучаются порознь в разных домах. Подобное посредственное подражание Чехову невозможно печатать в наше ответственное время. «Если б он еще знал, — подумал Цыпленков, — что мне уже пятьдесят три года, то есть я на девять лет пережил Чехова». Ему, действительно, странно было, что вот он пишет и читает, а Чехов в эти возможные свои годы жизни (если б были тогда теперешние лекарства) более не писал и не читал. Но зато Чехов видел томики своего собрания сочинений в переплетах с вязью золотых букв, а у Цыпленкова за всю жизнь напечатана лишь страничка-памятка Дома санитарного просвещения о том, как бросить курить.

2

Чехов для Цыпленкова — совершенно живой, близкий человек, о котором постоянно думает. Дома и в библиотеках Цыпленков прочел всего Чехова и почти все, что напечатано о нем. Много лет конспектирует в толстые тетради своего дневника исследовательские работы о чеховских вещах (начиная от старинных журнальных заметок), воспоминания о писателе, записывает собственные размышления о Чехове. На столе на даче, возле портрета Чехова в наклоненной рамке, ждет

его девяносто четвертая уже тетрадь дневника. Других писателей читал неохотно, в основном для сравнения с Чеховым.

Он живет смолodu будто рядом с живым Чеховым или даже, по временам, они живут как бы вместе в одном человеке. По фотографиям, музейным вещам Цыпленков знает, как когда одевался писатель, представляет ясно застенчивую походку Чехова, ставшую и его походкой. Казалось ему, что знает прикосновение милой чеховской руки, ее запах.

Всю свою жизнь он проверял и устраивал по Чехову, радуясь мальчиком, к примеру, в Доме-музее Чехова на Садовой, что у Антоши по математике в аттестате таганрогской гимназии тоже тройки. По Чехову, поступил в медицинский, надеясь, что тут же, как Чехова, начнут его печатать в журналах. Однако рассказы до сих пор не печатают. В то же самое время, что и Чехов, отпустил усы, бородку.

Много говорит и пишет в письмах чеховских слов. Например: «мерехлюндия», «мунтифолия с уксусом», «буде пожелае». Современников Чехова, общавшихся с ним, знает как живых, даже лучше своих современников, и относится к ним так, как относился Чехов. Всерьез, до бессонницы сердится порой на давно умерших людей, обижавших Чехова, мешавших ему писать.

Наконец, как и Чехов, шутиливо-упорно не хотел жениться до сорока, хотя влюблялся и от него ждали серьезного шага.

Однажды, когда ему было тридцать четыре, одна из его любимых женщин (у него их тоже лишь «несколько») сказала в близкую минуту, сияя нежностью: «Ты — Чехов!» Это при том, что не знала еще о его отношении к Чехову, и несмотря на то, что он, в отличие от Чехова, лыс и маленького роста. Тут Цыпленков, собравшийся уже было, несколько минут назад, сделать ей предложение, вспомнил, как Чехов «тянул» с женитьбой даже на Книппер, как смеялся над молодыми литераторами, что женятся, обзаводятся детьми, вместо того, чтоб в поисках сюжетов ночевать в лодке и т. п. Вспомнил, как тридцатипятилетний Чехов тревожился в письме к Суворину, что жена нарушит его творческое вдохновение, если будет (не как луна) являться к нему каждый день. Вспомнил — и удержался от решительного шага. Он все посылал рассказы, пьесы в редакции, коллекционировал рецензии, надеялся, что вот-вот начнут печатать, вый-

дуют сборники рассказов, даже собрание сочинений с вязью золотых букв. А значит, еще столько кропотливой работы впереди, что надобно с женщинами поосторожней.

Но вот прошло еще двадцать лет, и теперь он даже не представлял себе, что кто-то может войти в его дом и нарушить его вдохновенно-добросовестные занятия, по-прежнему несущие в себе робкую, но не скромную надежду на печатанье и признание.

3

Цыпленков сперва жил вместе с родителями, весьма похожими характерами на чеховских родителей. После их смерти варил себе супы-концентраты из пакетов и находил в этом даже известную поэзию. Подобно тому как его покойному скуповатому отцу тем больше нравилось кушанье, чем меньше времени шло на его приготовление и, значит, больше оставалось для любимых занятий. Обожал пакетный венгерский гуляш, югославский грибной суп, русскую вермишель с шариками куриного мяса и красной куриной головой на пакете. Обожал молоко, чай, творог, кабачковую икру, хлеб с маслом, всякую колбасу и еще прачечную. Он как бы специально был создан природой таким неприхотливым к еде, чтоб жить одиноко-холостяцкой жизнью, погружаясь после рабочего дня и в выходные только в духовное творчество.

В юности Цыпленков особенно часто перечитывал рассказы, написанные Чеховым в юности. В тридцать хотел побывать в отпуске на Сахалине, но не хватило денег. В сорок усиленно читал чеховское сорокалетнее.

Как едут в места своего детства, к могилам предков, родителей, так он с торжественной печалью время от времени отправлялся в святые для него места — в Таганрог, в Мелихово, в Ялту. Или в Москве на Трубную площадь, где уж не продают по воскресеньям чижей, жаворонков, черных и серых дроздов, как в чеховском рассказе. Или идет в ресторан «Славянский базар», где тоже бывал Чехов.

Всюду там внимательно-просветленно смотрит на дома, деревья, которые мог бы видеть и даже трогать Чехов. В это вре-

4

У заборов дач в
шек, тимофеевк
ши разноцветн
а одна — остро
цы сложили сра

Цыпленков д
будто он и ест
го склада, но т
жизнь Чехова б
нии дело, а в т
пишутся одной
конечно, цыпл
даже в чем-то я
шенно одинако

Иные творч
самими собой,
себе, отказыв
будь о его жиз
свое характер
том, что если
кой человечес
ловечество в

Цыпленко
опасное врем
нуть от безн
имеющий от

10. Психотерапевтическая проза
мя троллейбусы. Э
юшие старые дом
Тоже застенчи
ний, публичных
ехал на чествова
конфузаясь с шам
без конца может
хова и восклицат
вал Чехова в гла

мя троллейбусы, электрические провода, как бы перечеркивающие старые дома, ему неприятны: их не было в те времена.

Тоже застенчивый, Цыпленков робеет незнакомых компаний, публичных выступлений. Вспоминая, как Чехов не поехал на чествование Григоровича, чтоб не произносить там тост, конфузясь с шампанским в руке, — Цыпленков подумал, что без конца может вспоминать подобные моменты из жизни Чехова и восклицать в душе: «Как мне это понятно!» Он чувствовал Чехова в главном и во всякой мелочи, как самого себя.

4

У заборов дач в траве — красно-фиолетовый мышиный горошек, тимофеевка, крапива двудомная и крапива жгучая. Крыши разноцветных домов сложены из толи, шифера, железа, а одна — остроконечная — из черепицы, ее еще пленные немцы сложили сразу после войны.

Цыпленков думал, что, в сущности, он живет-чувствует так, будто он и есть сам Чехов, то есть человек такого же душевного склада, но только в другом, нашем времени, в котором и жизнь Чехова была бы иной. Тут не в литературном подражании дело, а в том, что чеховские и цыпленковские рассказы пишутся одной характерологической структурой. Быть может, конечно, цыпленковские рассказы скучнее, занудливее или даже в чем-то ярче, потому что не может же быть двух совершенно одинаковых людей — точка в точку.

Иные творческие люди в подобных случаях, стремясь быть самими собой, бережно раздувают всякое маленькое отличие в себе, отказываются читать своего кумира и слушать что-нибудь о его жизни. Цыпленков же, напротив, выше всего ценил свое характерологическое сродство с Чеховым, убежденный в том, что если бы все люди мира прониклись глубинной чеховской человечностью, этой гениальной нравственностью, то человечество выжило бы.

Цыпленков был даже убежден, что, живя по Чехову в наше опасное время, когда цивилизация в любой момент может рухнуть от безнравственности, он выполняет свой святой долг, имеющий отношение к спасению человечества.

Когда в его жизни, по мере того как жил, что-то серьезно не совпадало с чеховским, Цыпленков огорчался, но трезво мирился с этим, ибо делал все от него зависящее. Так, он добросовестно отделял свои рассказы, пьесы о старомодных застенчивых интеллигентах среди русской природы, на даче, посылал в редакции. Чехов так же смирился бы в его положении с тем, что не печатают, и работал бы врачом, писал социально-медицинские работы в духе книги «Остров Сахалин» или задуманного тома «Врачебное дело в России», который остался лишь в наметках по причине счастливо сложившейся литературной судьбы.

Другое серьезное несовпадение, однако, тревожило сильнее: Чехов умер в 44 года, и с 44-х лет ему, Цыпленкову, не уютно, неловко жить, потому что Чехов в это время уже не жил. Выходило, что и сам он как бы лишнее живет. Однако и это от него не зависело. Не в обстоятельствах, в конце концов, дело, а в постоянной духовной потребности по-чеховски серьезно-нравственно, порою с печальным юмором и восторгом относиться к разным вещам сегодня — так, как относился бы Чехов.

Цыпленков не даром прочувствованно записывал в толстые тетради подробности жизни и характера Чехова (в сущности, своего характера). Не было еще случая в его зрелой жизни, когда бы не мог сказать себе, что в данной обстановке чувствовал, думал и поступал иначе, нежели это мог бы Чехов. Когда ему, уставшему, трудно уступить в метро сидение женщине или хочется, по обстоятельствам, соврать, он невольно думает, что вот Чехов уступил бы и не соврал. При этом обнаруживает, что тоже не в состоянии не уступить и соврать, как и Чехов, а размышлением о том, как поступил бы Чехов, только проясняет, уточняет себя.

5

Если бы не было «Осколков», «Стрекозы», письма Григоровича, кто знает, и жизнь Чехова могла бы сложиться подобным образом. В литобъединения при дворцах культуры Чехов не

М.Е. Бурно

10 Психотерапевтическая проза
стал бы записывать
родной медицины. К
Еще Цыпленков
против пьянства. К
чеховской застен
Организует лекции
наркологов.
Если вдуматься
наше время преду
выполняет вдумчи
дал бы Чехов.

6

Вот уже близко ег
ным балконом, на
ков во главе с тол
светлело, морос
тит от вечернег
выкрашенный фи
ленков. В окошке
смотрит обычно с
лом. На столе раз
зами, с санитарно
о народной меди
свечник, похожи
тетрадь дневника
сем Чехова, порт
ческий атлас и М
Он открыл ка
домная встречала
листьях, в поник
заяв дачи не руби
те крапивины, ч
лентой. Хозяева
но многие считан
друзей, как и у Ч
один, как будет с

стал бы записываться, а работал врачом, изучал историю народной медицины, как и Цыпленков.

Еще Цыпленков читает санитарно-просветительные лекции против пьянства, курения, хотя и трудно это ему по причине чеховской застенчивости, вспыхивающей перед аудиторией. Организует лекции терапевтов, инфекционистов, онкологов, наркологов.

Если вдуматься, все это есть серьезная врачебная работа в наше время предупредительной медицины, работа, которую выполняет вдумчиво, с душой, близоруко щурясь, как это делал бы Чехов.

6

Вот уже близко его голубой дом с мезонином, деревянным резным балконом, на котором пьет чай из самовара семья дачников во главе с толстым папашей в красных плавках. Небо посветлело, морось ушла, и бок самовара розовым пятном блестит от вечернего солнца. К дому прилепился флигель, выкрашенный фисташковой краской, в котором живет Цыпленков. В окошке флигеля Бегония в горшке, на которую он смотрит обычно сидя за грубым, с торчащими занозами столом. На столе разложены аккуратно папки с начатыми рассказами, с санитарно-просветительными набросками и рукописью о народной медицине. Еще на столе старинный медный подсвечник, похожий на тот, что стоит в Ялтинском доме-музее, тетрадь дневника в коричневой обложке, несколько томов писем Чехова, портрет писателя в наклоненной рамке, Ботанический атлас и Маленький атлас бабочек.

Он открыл калитку и подошел к флигелю. Его Крапива двудомная встречала его со старушечьи-ворчливым выражением в листьях, в поникло-зеленых соцветиях-буклях. Он просил хозяев дачи не рубить эту высокую крапиву у входа во флигель, а те крапивины, что лезли в лицо входящему, подвязал синей лентой. Хозяева, должно быть, считают его за это дурачком, но многие считают его дурачком. Поэтому у него и нет близких друзей, как и у Чехова. Чехов говорил, что при жизни своей он один, как будет один и лежать в могиле.

Просто знакомые у Цыпленкова, конечно, есть. Их много — для сюжетов. Общается с ними, хотя и дружелюбно, но застегнуто, чтоб не впадать в дружбу, не терять на это много времени.

На листьях любимой его Крапивы с круглыми, квадратными, треугольными дырками застряли крупные капли дождя. Как-то молодым врачом увидел он капли дождя на книге рассказов Чехова на улице на прилавке и выбрал из карманов все монеты, чтоб эта книга не мокла под дождем, будто сам ее написал.

7

Цыпленков уже пил молоко из керамической кружки в своей комнате за грубым столом с занозами, ел кусок мягкого батона и жележный мармелад, который любил и Чехов. Думал, что надо бы записать в особую тетрадь все травы и цветы, растущие возле флигеля, с латинскими названиями, как Чехов записывал растения в своем ялтинском саду.

«Почему я не сделался чеховедом? — пришло в голову. — Потому что мне мало исследовать Чехова, я сам хочу быть Чеховым».

Глядя на Бегонию на подоконнике с тугими, мясисто-кислыми листьями, красными цветками, он вдруг заметил, что потер рукой лоб отцовским круговым движением. Тут же забыл об этом, но вот поймал себя на том, что прихлебнул из кружки молоко с таким же легким фырканием, как мать.

Такое иногда случалось с ним, и тогда почему-то испытывал чувство недостаточности, неуверенности, начинал тревожиться, что не так живет, малого добился в жизни, детей нет, кто же похоронит... Но детей и у Чехова не было, не беда. Другое дело, в его положении надо бы побольше приносить непосредственной пользы людям, но как?

Хотелось посоветоваться с умершим Чеховым, даже пожаловаться ему. Но тут вспомнил в подробностях, со звуками, криками, движениями, картинами улиц рассказ об извозчике Ионе, как никому из седоков дела нет до его горя, и, наконец, лошади своей рассказывает это горе — что сын по-

10. Психотерапевт
мер, поясняя ей
ребеночек...
И Чехов сн
достной благо
еще и еще рас

8

Как замечатель
назад!

Приехав сю
забыл, как наз
ки. Женски-ме
Чехова. Но цве
лобородника —

Хотелось вс
милые деревен
же в ботанику,
обстоятельства
душой, когда т

Забывшие за
час на табурет
ной маленькой
Это — Ежа, П
по-латыни.

Еще так по
ре рубля. В мос
их сюда как по
таким удоволь
почему-то так

Уже потихо
о дачном муже
ках, который го
огурцами, если
себе перловую
время, ходит в
Девственну
ко. Яркие масс

мер, поясняя ей, что вот-де, положим, если б у тебя был же-ребеночек...

И Чехов снова заполнил всего Цыпленкова с чувством радостной благодарности, уютной защищенности. Вспомнились еще и еще рассказы.

8

Как замечателен был особенно первый день на даче две недели назад!

Приехав сюда с чемоданом и портфелем, обнаружил, что забыл, как называются злаки у калитки, все, кроме Тимофеевки. Женски-механическая память плоховата у него, как и у Чехова. Но цветы — Черноголовку, Лютика, Нивяника, Козлобородника — он помнил.

Хотелось все подробнее познавать с Ботаническим атласом милые деревенские растения. Видимо, и Чехов ушел бы глубже в ботанику, энтомологию, если б дожил до его лет и в его обстоятельствах. Природу глубже чувствуешь, светлеешь с нею душой, когда ты грамотнее в природе.

Забытые за зиму злаки вместе с Тимофеевкой стояли сейчас на табуретке возле кровати в подобранной во дворе черной маленькой бутылке из-под какого-то крымского вина. Это — Ежа, Пырей, Костер и Мятлик. Он знал их теперь и по-латыни.

Еще так понравились ему здесь его рабочие брюки за четыре рубля. В московской квартире они так надоели ему, что взял их сюда как половую тряпку. А сейчас, переодевшись, сидит с таким удовольствием в этих мятых крепких брюках, которые почему-то так хорошо принимает дачная живая природа.

Уже потихоньку ворочался у него в голове сюжет рассказа о дачном муже — круглом, толстом дачнике в красных плавках, который готов тут же мчаться в Москву за картошкой или огурцами, если нет этого в местном магазине. А Цыпленков ест себе перловую кашу и пишет, читает в сохраненное от поездок время, ходит в лес с фотоаппаратом и записной книжкой.

Девственную чудную поляну открыл вчера — и не так далеко. Яркие массы полевых цветов, злаков.

Это понять может лишь тот, кто тоже погрузился в Ботанический атлас и Маленький атлас бабочек. Какой мир открылся ему с тех пор, как стал видеть не вообще цветы, травы, бабочек, а Зверобой, Живучку ползучую, Черноголовку, Мышиный горошек, Золотую розгу, Луговой василек, Татарский клен с красными крылышками, как на этой поляне. И летали там не только Лимонницы и Капустницы, которых, как все, знал с детства, но еще Брюквенницы, Траурницы, Адиппы, Боярышницы.

9

Стемнело быстро. По крыше флигеля забарабанил дождь. Потом полило толстыми и наверняка теплыми струями за окном.

Цыпленков зажег свечи в старинном подсвечнике и представил, как любимая его поляна жадно пьет теплый дождь своими цветами, травами, теперь его знакомцами. Цветки Козлобородника, Лесной герани, Лугового василька сомкнулись или хотя бы сблизили лепестки под дождем, а Красный клевер, Пижма открыты и промокли насквозь.

Он понял вдруг всей душой, а не только мыслью, что эти цветы, и укрывшиеся на время дождя бабочки, и он сам — единая живая природа, бесконечно умирающая и рождающаяся. Это известное, но в то же время свежее чувство-понимание было одухотворяюще прекрасно. Он был убежден, что и Чехов, если б жил сегодня, ходил днем на поляну и тоже подкрадывался к бабочкам с фотоаппаратом, заряженным цветной слайдовой пленкой.

1984

Сыроежка

Медно-красный самовар прошлого века топится сосновыми шишками во дворе дачи. Круглый помятый его бок мягко светится от вечернего солнца.

В самоваре отражаются красные лица. Старушка и две ее дочери, которым уже серьезно за сорок, сидят у самовара со своими белыми кружками, разрисованными сиренево-розовы-

О характерах людей

...ая проза

Ботани-
открылся
бабочек,
иный го-
н с крас-
е только
ства, но

... Потом
м.

и пред-
кдь сво-
Козло-
ись или
клевер,

что эти
— еди-
щаяся.
е было
в, если
зался к
йдовой

1984

...овыми
ко све-

две ее
ара со
озовы-

ми цветками лесной герани, и пьют грузинский чай с целебным листом черной смородины, которая растет тут же, на огороде. Они уже много лет снимают на лето ветхий, из серых досок флигель с расшатанным крыльцом в глубине двора, спят в нем и готовят на газовой плите.

Город придвинулся совсем близко к дачному поселку, и лес порядочно грязен от окурков, консервных банок, белых и красных пластмассовых бутылочных пробок, которые поначалу, без сноровки путаешь с сыроежками и земляникой в траве. Много в лесу битого бутылочного стекла. Есть и неразбитые бутылки, их разыскивает старик в грязной соломенной шляпе и с дырявым мешком.

Сестрам отсюда недалеко на автобусе до их инженерно-кабинетной, не так уж интересной им службы. Не хочется искать дачу подальше от города: тревожно покидать этот двор с фиолетовыми цветками Вечерицы вокруг водопроводного крана, с красными и желтыми ягодами Малины, ягодами Черной смородины в кустах у забора. Дудник крупными зеленовато-серыми зонтами вымахал отовсюду и даже из самых сырых мест двора.

На столе со светлой в веселых ромашках клеенкой, рядом с самоваром стоят еще белая сахарница с колотым сахаром и старинными маленькими щипцами в ней, стеклянная вазочка с печеньем и такая же с яблочным вареньем — с золотисто-прозрачными на солнце кусочками. И еще лежит, тоже на блюде, свежая, только из лесу Сыроежка с ярко-белой на изломе ножкой.

— Надя, как ты увидела ее? — спрашивает старушка. — Я тоже хочу такую найти.

— А там их две было, — рассказывает Надежда. — Но другую травой разрезало, пока росла, и она сгнила, я ее не взяла, а эта крепенькая, коричневая.

— Нет, у нее шляпка не коричневая, — протестует Вера. — Она коричневато-красноватая да еще с фиолетинкой. Я бы ее, прежде чем взять, сняла на цветной слайд.

— А я так обрадовалась, что забыла, зачем у меня в руке фотоаппарат. Но какая она беленькая на изломе! Какая прелесть чисто-природная! Поцеловать хочется. Да ведь я ее и взять не успела — Елка, ревнивица бессовестная, тут же ее носом своим порушила.

10. Психотерапевтическая проза

Рыже-пегая двору
шит, как ее стыдет
шие уши, морщит
по-собачьи ревнует
ся растоптать или
кое другое живое
нибудь из ее женщ
шин, подобранных
покаленную в д
— Дивная Сыр
Она учительни
шинистым светл
аппаратом в ухе
матерью, женщи
мягкой, округлой
лицо заостренно
одухотворенный
умер сорок лет
возом бычьих се
него обрушился.
— А там вокр
спрашивает Вера
— Нет, все об
кусочек мха еще
— Я видела,
ловидный. Надо
заглянуть.
Стасик, тр
ли микроскоп, и
ходится его тян
сипеде, не брат
шей головы же
Стасик и се
ку, но не громк
сте, про себя,
молодая тогда
ную сказку пр
песенку обез
нешь кушать

Рыже-пегая дворняга Елка, лежащая недалеко в траве, слышит, как ее стыдят, и застенчиво-смешно прижимает дрожащие уши, морщит нос и отворачивается. Она, действительно, по-собачьи ревнует хозяек ко всему живому на свете, стремится растоптать или отбросить мордой лягушонка, цветок и всякое другое живое, над чем склонится в лесу или во дворе какая-нибудь из ее женщин. Это она так боится потерять своих женщин, подобравших ее лет шесть назад в лесу, с кровавым глазом, покалеченную в драке с другими бездомными собаченциями.

— Дивная Сыроежка! — вздыхает старушка.

Она учительница в прошлом, маленькая и опрятная, с морщинистым светлым лицом, в байковом халате и со слуховым аппаратом в ухе. Вера и Надежда, особенно в сравнении с матерью, женщины крупные, но Надежда широким лицом, мягкой, округлой осанкой больше похожа на мать, а у Веры лицо заостренно-готическое, как у отца на портрете. Отец, одухотворенный агроном, нежно любивший жену и дочек, умер сорок лет назад: шел с вожжами рядом с колхозным возом бычьих семенников, и этот воз на повороте с горки на него обрушился.

— А там вокруг сыроежек ничего больше во мху не было? — спрашивает Вера.

— Нет, все обыскала, даже о стекло порезалась и вот только кусочек мха еще захватила, в спичечной коробке на крыльце.

— Я видела, — кивает Вера, — наверное, это Дикран метловидный. Надо посмотреть его в микроскоп Стасика и в атлас заглянуть.

Стасик, тринадцатилетний сын Надежды, хотя ему и купили микроскоп, изучением природы не интересуется, в лес приходится его тянуть и притом уговаривать не ехать в лес на велосипеде, не брать с собой японский магнитофон с раскалывающей головы женщин американской музыкой.

Стасик и сейчас чинит за калиткой велосипед под эту музыку, но не громкую по просьбе женщин, а Надежда и Вера, вместе, про себя, вспоминают, как им в детстве эта старушка, их молодая тогда, мама, читала страшную и одновременно смешную сказку про обезьянок и как они все втроем пели из нее песенку обезьянок «Леопардик, милый дяденька, ты не станешь кушать нас: мы не сладкая говядинка и не вкусный ана-

нас». Потом, кажется, обезьянки еще объясняли плача Леопарду, что их мясо «горько-кислое» и какое-то еще плохое.

— Я помню, — говорит Надежда, — удивительную бабочку у папы в коллекции, мохнатенькую и с черным глазом на каждом крыле, папа мне еще ее называл. Я больше никогда такой не видела. А коллекция в войну сгорела, да, мам?

— Эта бабочка называется «Большой ночной павлиний глаз», — сообщает Вера. — Я видела такую живую там же, в нашей деревне. Побываем ли мы когда-нибудь еще в нашей деревне?

— Это уж потом, без меня, — просит старушка. — А то я там посмотрю на наш дом, огород, разволнуюсь и сразу помру. И так голова все время кружится и уже папазол не помогает.

— Я никогда так не воспринимала растения, насекомых, животных, как вы, — говорит Вера почему-то с обидой-напряженностью в голосе. — Я помню названия, но не чаруюсь отдельно каждым лепестком, каждой прожилкой лопуха или вот подушками на лапах Елки, а как-то воспринимаю сами связи Природы, то, что связывает лепесток, ягоду, собачью лапу, крыло бабочки в единую гармонию, и именно эти связи потрясают меня, я прямо трепещу. Мне кажется, мой бывший муж запил еще и потому, что не мог меня понять, принять. Он все говорил, что во мне есть что-то космическое и он боится меня.

— А мой бывший муж, — вспоминает Надежда, — пил потому, что совсем меня не боялся. Даже говорил, что у него нет никакой подтянутости передо мной как перед женщиной и потому, дескать, он так распустился. Ну, Бог с ним. Спасибо ему за Стасика, хотя мальчик, кажется, слабовольный в отца и к Природе так же безразличен. А мы бы пропали без Природы, правда? Если б не чувствовали от всех этих трав, деревьев, насекомых, грибов живую силу в нашей душе. И все-таки год назад мне еще так хотелось замуж, за настоящего человека, как наш папа. Как бы я подчинялась ему...

Вера говорит:

— Какая же женщина не хочет подчиняться глубокому, трезвому мужчине, который чувствует, осмысляет в единстве и Природу, и Технику, и Искусство, и Космос. Но теперь мы можем опереться только друг на друга и на Природу. И вот Стасика надо воспитать... А профессию уже не переменишь.

10. Психотерапевтическая проза
— Опять
ка. — Ох, не
со мной. Но
радоваться.
своей капри
— Поди,
— Нет, н
прекрасная!
пахла, неже
нашла Земл
паштета? Ка
— Прост
Вера. — Он
дышей, сое
ресно, кстат
есть они ув
оружением
локи, скаж
как мясник
изучает пер
он и любит
дуры, что н
школьных
нам живее
рее к сослу
изучение е
если Сыро
сохранить
Вера п
тив насад
— Я т
такого же
му: у мен
це, а у те
— Да
жен. — Я
ду, как в
Движен
моей ду

— Опять голова болит и кружится, — вздыхает старушка. — Ох, не дай Бог, парализует меня и придется вам возиться со мной. Но если совсем глупая стану и Природе уже не смогу радоваться, — отдайте в больницу, даже если стану в глупости своей капризничать, рыдать.

— Поди, приляг, мама, я тебя провожу, — просит Надежда.

— Нет, ничего, я вот на Сыроежку еще погляжу. Какая прекрасная! Вера вчера Свинушку нашла. Как она по-другому пахла, нежели Сыроежка. А я, помните, прошлый год какую нашла Земляничину возле той пустой банки от печеночного паштета? Как же люди захламили лес, у них души нет.

— Просто у них особая, примитивная душа, — отмечает Вера. — Она построена не из лесной герани, земляники, ландышей, соек, бабочек, а из консервных банок и водки. Интересно, кстати, что эти люди часто — смекалистые технари. То есть они увлечены разделкой Природы, приготовлением, сооружением из нее всякого человечески-неприродного, проволоки, скажем, ламп... И вот они так же жестоки к Природе, как мясник (в отличие от доярки) к корове. А когда человек изучает первозданную природу (географ он или ботаник), то он и любит ее, бережет и как тепло о ней пишет. Какие мы дуры, что не пошли учиться биологии, как отец, послушались школьных учителей. Общение с Природой и сейчас помогает нам живее делать наши инженерно-бумажные дела, быть добрее к сослуживцам, а что было бы, если б работа с Природой, изучение ее и защита — все это стало нашей профессией? А что, если Сыроежку уже на блюде снять на цветной слайд? Чтоб сохранить ее?

Вера приносит из дома фотоаппарат, ввинчивает в объектив насадочную линзу, чтоб снять очень близко.

— Я тоже, пожалуй, сниму, — говорит Надежда. — И с такого же расстояния, но все равно получится у нас по-разному: у меня белоснежность излома, фиолетинка в живой кожице, а у тебя твои связи-символы.

— Да, символы! — голос Веры опять обиженно напряжен. — Я в отца. Потому я так люблю не только живую Природу, как вы с мамой, но и облака, солнце, голые синие скалы. Движение всей вообще Природы — это радостное движение моей души. Мне даже думается, что я с вдохновенной сладос-

тью умерла бы от чистой Природы — утонула в океане, лопнула в раскаленной лаве вулкана, но только — не от человеческой ядерной бомбы, не от пули, не от ножа.

На стол упал Лист с высокой Березы у забора; он, как нарочно, прислонился так нежно к Сыроежке и был уже по-осеннему желтоватый с темно-зелеными и коричневыми точками.

Сестры и старушка восхищенно-восторженно смотрят на него: старушка и Надежда — почти касаясь его носами. Вера — прищурившись издалека. И все шепотом повторяют: «Какое чудо!»

— Вот у меня и голова прошла, — шепчет старушка.

Все боятся спугнуть Листик. Старушка полотенцем заслоняет его от ветра, она открыла рот от сосредоточенности, и слуховой аппарат выпал из уха, а женщины взволнованно возятся со своими фотоаппаратами и хотят снять именно так, как соединила Лист Березы и Гриб сама Природа, не подправляя рукой. «Какие будут слайды!» — шепотом повторяют они. И каждая из женщин к своему слайду подберет музыку и уже думает — какую.

В это время появляется Стасик, измазанный машинным маслом, и не может понять, в чем дело.

— А! — машет он рукой, поняв наконец. — Опять с ума сходите, ну вас! Цветочки, бабочки... Работать надо! Можно мне там у калитки музыку хоть погромче сделать, а то не чинится велосипед?

Мать говорит ему, не отрываясь от фотоаппарата:

— Леопардик, милый дяденька, ты не станешь кушать нас.

— Наше мясо горько-кислое, — добавляет тетка.

Бабушка без слухового аппарата не слышит, о чем они говорят, все держит обеими руками полотенце, и Лист Березы все так же нежно опирается на сломанную Сыроежку. Щелкают фотоаппараты.

1984

Свой мир

Анучин, пятидесятилетний школьный учитель рисования, измучился в воскресенье слушать дома, как его жена опять руга-

ла своего старого отца за то, что женился на ее покойной матери, оставив первую жену.

«Это непорядочно, это безнравственно, — говорила она, — бросить женщину только за то, что она не может родить ребенка, она не виновата в этом, это такая особенность ее тела». «Но если б я не оставил Нюру, — сердито скалясь, оправдывался старик, — то тогда бы ты не смогла родиться на свет». Жена всякий раз съезживалась при этом, но не говорила, что лучше б она тогда вовсе не родилась, нет, ей хотелось жить — и даже так, как живет, — в тесной квартире, с никчемным, «занюханым» мужем, с ее собственной гневной раздражительностью.

Анучин был рад, что получил уже загодя поручение от жены сходить на рынок за овощами и незаметно ушел с сумкой из дома, из этого воздуха, напряженного злобой дочери и отца. Он хорошо понимал, что жена ругается, потому что сама бесплодна, чувствует себя от этого неполноценной, но не согласна с этим и вот сердито шумит.

Анучин с удовольствием шел с крепкой хозяйственной сумкой по лесопарку, смотрел на Березы, на желтые Одуванчики в траве и успокаивался душевно в общении с живой природой: ведь ни Одуванчик, ни Лютик, ни этот замшелый Пень не ругают его, как жена, тесть, за его всегдашнюю застенчивость, непрактичность, за то, что мало зарабатывает и вот новые его ботинки куплены не на его, а на женину зарплату. Жена получает раза в три больше, она называет свою профессию — «производитель обоев». А учились они когда-то в одном художественном училище.

«Чудесная, милая моя Природа», — думал Анучин, рассматривая Лопухи, голубые цветки Вероники дубравной в траве.

Кажется, если даже заболеет смертельно раком с метастазами, ему и то будет душевно светло сидеть на скамейке в этом волшебном месте, в этом природном оазисе среди грохочущего города, так близко от дома. Будет легче, спокойнее, потому что вон у Березы тоже опухоль и эта Крапива, и эта Бабочка-крапивница тоже через несколько месяцев умрут, у всех у нас, живых, одна судьба, а когда у всех и в том числе таких прекрасных твоих живых братьев, — то умирать не страшно.

Подобное чувство испытывал он когда-то в молодости, когда, не женатый еще, летел с товарищем-студентом в самолете в

каникулы на юг рисовать Черное море и кипарисы. Ему страшно было первый раз лететь в самолете, но разносила пассажирам газированную воду и леденцы такая чудесная стюардесса с прозрачными, заботливыми руками, как лепестки нежных цветов, и с глубокими глазами застенчивого лесного зверя (так ему тогда все это рисовалось в душе), что с такой девушкой и в авиакатастрофе погибать было все-таки не так страшно. Удивительно, он и теперь ясно помнит ее маленькие полупрозрачные светло-коричневые родинки на обнаженных руках и ногах.

А впереди — рынок. И там будет тоже хорошо среди охапок, холмов свежих овощей, среди незнакомых людей: никто тебя не упрекнет там, что неумело, плохо живешь; смотри себе на ярко-красную редиску, ярко-зеленый лук с белыми головками, вспоминай, как все это чудесно-остро пахло в детстве, особенно первые огородные огурчики с пупырышками, — и уходи в свой мир.

Он всегда с удовольствием скрывался на рынок из семейной, нечистой суеты, как хемингуэвский старик (о котором читал в юности) ходил в тихое, безлюдное кафе только потому, что там чисто и светло, и никто его тоже не понимал.

Вот будет он сейчас ходить по рынку в приятном одиночестве среди людей и представлять, как многое овощное, фруктовое мог бы нарисовать не только в душе, но и акварелью, гуашью, углем.

Куда денутся папки с его рисунками после его смерти?

Впрочем, ясно куда, если жена и тесть уже сейчас, при его жизни, предлагали их выбросить, чтоб меньше пыли в квартире.

Но ведь в этих папках еще и рисунки школьников — и какие есть среди них чудесные, то есть выражающие добрую душу мальчика или девочки. Это же не важно, что рисовать — Герань в горшке на подоконнике, Кошку на диване или смоченные дождем крыши домов за окном, — важно то, что у одних это просто цветок, кошка, крыша, а у других — сияние, мягко-тревожное звучание индивидуальной души по поводу цветка, кошки, крыши, то есть сама душа, таинственно спрятавшаяся в бумаге для рисования, тянется к тебе, проникает в твою душу, заряжает восторгом перед таким обычным и таким чудесным миром.

По существу, любое по-доброму индивидуальное движение души, оставленное на бумаге, вечно. Пусть это не есть подлин-

ное искусство, но этот рисунок, входя в души тех, кто его смотрит, увеличивает, усиливает общечеловеческое добро. Как же можно такие рисунки выбрасывать! Сколько людей могло бы их хоть кнопкой прикрепить на стене где-нибудь, хоть на даче. Ни жена, ни тесть, к сожалению, не понимают, что выбросить такой рисунок — это выбросить душу.

Жена-то художница, хотя и прикладная уж много лет, а не понимает. Ну, тесть — партийный работник в прошлом, что с него возьмешь. А покойный отец Анучина был задушевный психотерапевт в санатории недалеко от города и, сколько помнится, все мягко-деликатно учил чуткости к больному, друг к другу всех медицинских работников санатория. Все читал лекции по деонтологии, рассказывал, например, о том, что вот когда поступает человек в санаторий и приходится ему где-то там в приемном покое немного подождать, надо медсестре сердечно поговорить с ним, угостить чаем, а вот печенье в вазочке... Его обычно хорошо слушали, хотя бы из любопытства к необычному, многие завораживались его добротой — но, видимо, чаще, как думал Анучин, люди воспринимали эту его доброту как доброту, направленную лишь к каждому из них, что это именно ему, слушателю психотерапевта, в ожидании регистрации дали хорошего чаю с печеньем, а не так, чтобы захотелось самому стать милосердным ко многим другим. Можно ли всех научить чуткости?

Как хорошо, однако, что он, Анучин, рядом с духовно чужими ему людьми — женой и тестем — может уходить в свой бездонный мир, как хорошо, что он учитель рисования в четвертых и пятых классах и видит дыхание детской души во многих рисунках, и помогает ребятам выразить свое внутреннее и в этом самовыражении обрести бесценное вдохновение. Пусть художниками-живописцами в будущем сделаются единицы, но остальные будут художниками в других делах.

А еще чудесно, что есть у них дача, хоть и плохонькая, и скоро уже можно будет там жить. Во дворе дачи кран с белой раковиной. Высокая Двудомная Крапива, которую столько уже рисовал и углем, и акварелью, и зеленым фломастером, стоит-столпилась вокруг этого крана, поникла-склонила узко-жгучими головами от своей крупности. Кое-где нижние листья ее запачканы зубной пастой и заваркой выпитого чая. Приходит-

ся некоторые крапивины срезать, чтоб не стрекали умывающихся, и Анучин зимой вспоминает это с чувством вины перед Крапивой, читая книгу Швейцера. А над Крапивой раздвинула ветки старая яблоня с шершавым стволом. Будут ли этим летом яблоки? Только бы не приезжала к ним больше в гости сестра жены, а то срежет опять дикие флоксы, крапиву у калитки и под яблоней, начнет сажать свои кладбищенские анютины глазки...

С этими мыслями и образами в душе Анучин вошел в громадное, с прозрачной крышей здание рынка и с удовольствием вдыхал в себя запах свежих овощей, фруктов, цветов, воображал, как бы все это нарисовал, слушал рыночную пеструю людскую разноголосицу и уже верил, что свояченица не придет хотя бы этим летом к ним на дачу.

1990

М.Е. Бурно

Дарвин и Швейцер

Молодой учитель биологии и химии Селиванов, по обыкновению, рано утром пошел со своей суетливо-застенчивой дворнягой Златой за детский сад, на собачью лужайку.

У каменного забора детского сада, мимо которого они шли, и на лужайке — необыкновенно крупная, мягкая майская зелень. Громадные уже лопухи, двудомная крапива с дырками, глухая крапива-ясотка белая, любимая его крапива. В детстве как часто он высасывал из ее цветков нежно-сладкий прохладный нектар. Высокая трава с холстинковыми зонтиками болиголова, сныти над ней, желтая сурепка. Учитель различал в этом живом царстве колбаски лисьего хвоста, метелки мятлика — «петушка или курицы», ежу — зеленые ежики ползут в разные стороны по разветвляющемуся стеблю. Все это наполнено росой и рассеянным солнцем.

Селиванов удивлялся такой роскошной нежной ранней пышности в середине мая. Он уже подумывал — не от радиации ли такое? Не от черныбыльской ли катастрофы?

Злата упоенно ела зелень возле лип с мягкими прозрачными листьями. Потом ела зелень возле живущей здесь еще со времен исчезнувшей деревни заскорузлой, одичавшей яблони

О характерах людей

с голыми еще, старческими узловатыми ветками, но уже с белорозовыми цветками.

Собака носилась, фыркая, в мокрой траве, были видны только ее беспородные уши, как коричневые рваные тряпицы. Учитель не заметил, сделала она там, в траве, свои дела или нет.

Вот уже и возвращаются по асфальтовой дорожке в свой белый девятиэтажный дом, мимо белокаменного детсадовского забора, обросшего двудомной крапивой и болиголовом.

Недалеко от синего мусорного контейнера с грязными коробками и битыми черными бутылками, рядом с асфальтовой дорожкой, среди желтых одуванчиков и уже бело-опушенных ворона бьет клювом по голове голубя, должно быть, старого и больного. Голубь, защищаясь, раскрыл крылья и спрятал, подогнул голову под свою грудь. Селиванов и Злата прогнали ворону, но она лишь отошла недовольно в сторону, и рядом, на ветке татарского клена, довольно низко, сидели еще две вороны и угрюмо-злобно смотрели на голубя. Голубь вяло сложил крылья и поднял голову. Пух на голове покраснел от крови, слипся местами. Но голубь немного приободрился и пошел к асфальтовой дорожке.

Учитель и Злата посмотрели на него, оглянувшись назад. Нужно было уже умыться, готовиться в школу, помогать жене на кухне и потом еще завтракать.

Учитель оглянулся еще раз — ворона снова била-убивала голубя крепким старым клювом. А две другие вороны так нетерпеливо присели на своей ветке, будто готовы вот-вот спрыгнуть.

Селиванов быстро вернулся к голубю, таща за собой на поводке Злату, прогнал ворону.

Его удивило, что собака спокойно относится к этому порядку в Природе. «А может, это как раз порядок? — подумал он. — Голубь стар или болен, ворона действует, как санитар. Через нее дарвиновский естественный отбор уничтожает слабое, нежизнеспособное. Потому собака спокойна. Хотя ворона сама уже старая, но пока еще сильнее голубя. Потом придет и ее черед».

Голубь лежал перед Селивановым, раскрыв слабые, грязноватые крылья, засунув голову под грудь, тяжело дышал, не пытался уже встать на ноги.

Учителю так жалко сделалось голубя, что готов был унести его домой и лечить. Но дома был еще хищный кот. И жена не разрешит. И голубь болен, наверно, каким-нибудь заразным орнитозом. Ему естественно умереть среди Природы. Но жалко, жалко голубя, как вообще какую-то уходящую, исчезающую живую жизнь.

Швейцер в своем религиозном мировоззрении благоговения перед жизнью, отмечая, что даже жизнь микроба священна, полагал, что по необходимости возможно пожертвовать одной жизнью ради другой. Он покупал у туземцев орленка, чтобы спасти его, и убивал для этого каждый день несколько рыбешек на корм орленку. Но при этом важно по-швейцеровски испытывать нравственную ответственность подобного выбора. Вот и он, Селиванов, делает сейчас свой духовный выбор: больной голубь умрет, чтобы вокруг было здоровее и жили съевшие его вороны-санитары.

Учитель все же не мог успокоиться, потому что в душе возникли вопросы: а почему голубь не должен умереть естественной смертью, без битья клювом по голове? Ведь вороны могут поесть, чтобы продолжалась их жизнь, и что-то другое питательное на помойке? Швейцер говорит о необходимости, а необходимости-то нет, просто голубь для ворон повкуснее старого хлеба или засохшей каши. Голубь, как и больной, старый человек, мог бы еще пожить без вреда для другого живого, если взять его в дом.

Селиванов запутался. Да, надо спешить делать добро, но как разобраться, какое в данный момент добро важнее, нужнее?

Пришлось идти со Златой домой. У парадной двери учитель снова обернулся — уже две вороны убивали голубя. Селиванов не вернулся к нему.

Когда он шел в школу, не было уже в том месте ни голубя, ни ворон.

«Зачем же больного голубя брать домой?! — оправдывался перед собой учитель. — Ведь уже взял с улицы котенка, больную Злату...» Но все равно тягостно, душевно неуютно было ему на уроках и в перемены. Хорошо, что все были в этот день уроки химии, а не зоологии, ботаники.

После уроков Селиванов читал в домовой конторе лекцию пенсионерам об экологии. В перерыве вышел на улицу и смотрел на здоровых, молодых голубей на дорожке, возле овощного магазина, под серым небом. Вернувшись в комнату-красный уголок, удивился, что его слушатели, пожилые люди, по оче-

реди пьют возле крана воду из его ярко-желтого синтетического стакана, который принес с собой в портфеле, чтоб не сохло горло. Но удивился этому как-то тупо-туманно, без живого отвращения, как случилось бы в другой день.

Вечером снова пошел на собачью лужайку со Златой.

После дождя терпко пахли в полутьме молодые листья липы, просвеченные электрическими фонарями. И Селиванов уже чувствовал, как сердится-негодует в душе на таких невоспитанных, нетонких пенсионеров. Ему с детьми и животными, растениями было гораздо легче, спокойнее, нежели со взрослыми людьми, в которых он часто ошибался, не знал, чего ждать от них. Он вообще часто запутывался в отношениях взрослых людей друг с другом, в политических событиях, но успокаивал себя тем, что, как бы ни было тягостно в обществе людей, всегда зато и зимой, и весной будет Природа, и он будет в ней жить.

Наутро он уже живо порадовался на лужайке, что какой-то одухотворенный целитель так заботливо помазал голубым лекарством ранки и язвы на липах, яблоне, татарских кленах.

Снова пошел дождь, теплый, и просачивалось сквозь тучи солнце. Он подумал, как же не промокает опушенный одуванчик, как устроена его круглая бело-прозрачная шубка, чтоб не промокнуть. Ведь нет же над ней крыши?..

Пышная, мягкая трава, двудомная крапива, яснотка, болиголов, сныть, лопухи — все это было в крупных каплях дождя. И уже по-настоящему свежо, живо, спокойно на душе.

«Ну и что же? Про голубя я уже, кажется, не переживаю, что ли? — подумал он. — Ведь почти забыл уже несчастную птицу... А ведь как страдал, а? Зачем же тогда страдал? Как понять все это?»

1991

Возраст проблем

1

Просыпается Снегов с тоскливыми вязкими мыслями, что не пишется, хорошего ничего не написал, писателем не станет.

О характерах людей

етическо-
не сохл
з живого

той.
ья липы,
уже чув-
итанных,
тениями
юдьми, в
них. Он
ей друг с
тем, что,
и зимой,

акой-то
бым ле-
енах.
зь тучи
одуван-
а, чтоб

а, боли-
х дож-
ше.
киваю,
стную
л? Как

1991

то не
анет.

Утро пасмурное, тяжелый воздух давит голову. Сесть в таком состоянии за рассказ — значит тупо смотреть в стол и мучиться. Лучше полежать плечами и головой на «куриной» подушке, подумать про жизнь. Снегову девятнадцать лет. После первого курса медицинского института на каникулы он приехал домой в районный город. Из постели в окно видна двухэтажная белая гостиница с железной мокрой крышей и большой вывеской. Перед гостиницей клумба с черной землей и красными цветами, две скамейки, тоже мокрые от ночного дождя. Идет мимо гостиницы в бревенчатую аптеку женщина в телогрейке. У аптеки на мостовой лежит пес и выгрызает на брюхе насекомых. «Не походишь тут в театр, — думает Снегов. — Неужели через пять лет вернусь в это первобытное место, чтобы врачевать днем и ночью, как мои старики, и оставить после жизни одни истории болезней в архиве больницы».

В прошлом году, в последнем классе школы, Снегов стал подолгу, подробно размышлять о том, что человеческая жизнь есть короткое или долгое ожидание смерти. Для него и раньше ожидание плохого события бывало мучительнее самого события. Но тут становилось ему временами так тоскливо, что хотелось жить котенком или другим животным, которое не ведает, что всю жизнь умирает. Весной стало веселее, глуповатее, как будто выпил вина. Хотелось целовать в темноте женскую руку, рот и, может быть, всю женщину. Снегов понимал, что в его теле готовится весной природное вино и смешивается с кровью, чтоб он, пьяный, родил с женщиной ребенка, вырастил и, одряхлев, уступил ему свой воздух. Выходило, что смерть и любовь есть вечная плата друг за друга, а потому всякому смертному следует любить женщину. И даже ему — костлявому, с маленьким носом, на котором веснушки. Снегов заметил, что девушки в классе тоже краснеют от весеннего вина, растерянные, хотят любить. Но по робости и мнительности выбрал самую некрасивую — Зину. Она сидела через парту большой спиной к нему и часто зевала. До сих пор Снегов был равнодушен к ней, а в седьмом классе даже дразнил «лошадью», но теперь хотелось прикоснуться к розовым родинкам на ее белой весеннейшее, большим белым рукам и чистым губам. Быть с ней близким физически не хотелось. «Физиология», как он чувствовал, уместнее всего с женщиной, которую не любишь, даже

презираешь и потом больше не встретишь. Снегов сочинил стихи: «На затылке синяя фуражка, под фуражкой русая метла, на груди под кителем рубашка, а под нею хмурая тоска». Дальше прозой подписал, что любит Зину и просит быть в десять вечера на кладбище.

От вечерних запахов мяты и ромашки кружилась на кладбище голова. Снегов понимал: если Зина пришла, значит, он ей не противен, но боялся заговорить. Измучившись нерешительностью, вдруг обнял ее крупные плечи, ужаснулся, какие у него худые и мелкие для Зины руки, постеснялся поцеловать ее в лицо и поцеловал в шею.

— Стихи твои хорошие, — сказала Зина, подняла в темноте свои руки и обняла его. Снегов стал целовать ее вспотевший мягкий лоб, крупные щеки, плечи — все, до чего мог достать волнующимся ртом. «Это ничего, что я худой, — размышлял он. — Главное, я немного выше ее».

— Родная моя, — проговорил он. — Спасибо.

— Ты меня к экзаменам подготовишь?

— Да, да. Будем всегда вместе?

— Будем. Стихи твои такие хорошие...

Обнимая ее Снегов, почувствовал, что она хочет сесть в траву, и сел рядом с ней.

— Я сначала думала, ты девственник, — зашептала Зина. — Прямо не знала, надевать это платье или нет. Темно-то как.

Продолжая целовать, он соображал, что она понимает под «девственником», и увидел, что платье ее застегивается сверху донизу спереди. Заметил, что целует уже механически, что растерялся, но любопытно стало, как будет дальше. Вся «физиология» продолжалась несколько секунд, потом услышал неприятный металлический запах духов от шеи Зины, поднялся, посмотрел сверху на белеющее в темноте немного лошадиное ее лицо, пошел. «И это плата за смерть!» — кисло подумал он, разглядывая кладбищенские кресты.

На выпускном вечере учителя и ребята пили шампанское, а Снегов тосковал. Люди, бутылки, пирожные представлялись ему временами ненастоящими, даже уменьшенными, будто картинка. «Глупо за что-то пить, — думал он. — Глупо веселиться. Все это крысиные бега. Даже самые молодые здесь проживут еще — ну, самое большее — лет семьдесят. За какие гре-

хи ему, в отличие от вороны или гольца, известно, что род уходит и род приходит, как точно сказано в Библии, что впереди необходимая смертельная пустота и любая минута жизни, веселая, грустная, даже спящая, есть минута умирания. Какой смысл в самом вопросе о смысле жизни? Тут Снегов, случайно заметив портрет Чехова на стене, почувствовал, как весь внутри посвежел, повеселел — непонятно отчего. Стал прислушиваться к своим мыслям, чтоб найти причину возбуждения жизненных сил. Довольно быстро понял, в чем тут дело. Этот человек, Чехов, еще тысячи лет нужен будет людям своими рассказами и подробностями своей жизни, то есть он душевно вечен. Снегов вышел из праздничного зала в коридор, чтобы в музыке и голосах не потерять эту важную для него мысль. Выходит, писательство делает человека душевно бессмертным. Писатель это знает, и знание это успокаивает его большую тоску о временности жизни. Тоской этой всегда отличались от других людей большие писатели. Но если в нем тоже есть такая тоска, то, может быть, есть и природное средство от нее — писательский талант. Именно писательский, ибо ученые, актеры, живописцы — бессмертие ненастоящее. Наука, сказал Гюго, движется вперед, перечеркивая себя, а Шекспир не зачеркивает Гомера. Кинопленки после жизни актера разрушаются временем, как картина живописца. Только писателя можно переиздавать бесконечно, и он понятен всем. Вот куда развивалось природное переживание его души. Развитие шло сперва бессознательно, а теперь для выхода из тошнотворного состояния в радостную работу наступило озарение-осознание — природа показывает, как жить, для чего. Стало быть, ехать в Москву изучать медицину, как Чехов, чтобы подробно знать человека для рассказов и повестей о нем. Снегов пошел домой — лечь спать и утром уже готовиться к экзаменам в институт. Проходя в сумерках мимо запертой чайной, возле которой кричали по природной надобности коты, вспомнил, что писателем был уже в пять лет. Тогда умер от старости их кот Бармалей. Кота похоронили, а ночью Снегов проснулся, заревел, стал спрашивать: «Мама, я тоже когда-нибудь умру? И ты? И папа?» Мама объяснила спросонья, что умирают только животные, он не поверил. Утром в детском саду поливал из зеленой лейки редиску, красными боками вылезавшую из зем-

10. Психотерапевтическая проза
ли. Наклеив
дажом: будт
забыл смер
шла за Снег
хладную в
щиной поэ
«хмурую то
жених, шо
тылки вод
всю его од
за столом
Хотелось
вместе жи
да она всп
лась, на ко
«А! — ма
с поэтами
Учить
го самол
Приходи
зы писал
оставало
рассказ
Чехова з
гимнази
тройки.
сказа. О
как игр
соседка
жание
сто у на
врожд
похож
напеча
стиль
жени
сих по
ние, р
ставл

ли. Наклеивал тополевы пух на зайца, нарисованного карандашом: будто мех. За этим художественным узнаванием мира забыл смерть. Возбужденная выпускным шампанским Зина шла за Снеговым от школы, глубоко дыша, чувствуя свою прохладную влажную грудь. Вспоминала, как была первой женщиной поэта таких хороших стихов про «синюю фуражку» и «хмурую тоску». Не хотелось больше, чтоб приходил к ней ее жених, шофер, и приносил в грязных от автобуса пальцах бутылки водки. Мечтала кормить Снегова своей едой, стирать всю его одежду, скоблить до свежести комнату, в которой он за столом пишет стихи, и чувствовать часто, как он целует ее. Хотелось громко заплакать, броситься к нему и договориться вместе жить. В это время позвал Зину из темноты шофер. Тогда она вспомнила, что уже беременна от жениха, что закончилась, наконец, школа, надо поступать работать и делать семью. «А! — махнула рукой. — Обойдемся без поцелуев, некогда нам с поэтами связываться». Зевнула и пошла к жениху.

Учиться в институте средне Снегов не хотел из болезненно-го самолюбия. Кроме того, Чехов учился медицине хорошо. Приходилось много заниматься анатомией, химией, а рассказы писал рано утром до лекций, полчаса или час. На чтение оставалось еще меньше времени, читал лишь ранние чеховские рассказы и воспоминания о писателе. Находил, что похож на Чехова застенчивым характером и средней памятью. В музее в гимназическом аттестате Чехова стояли по математике тоже тройки, и это радовало. До нового года Снегов написал два рассказа. Один — про студентов, запоминающих скелет. Другой — как играют в дурака старушка, у которой снимал комнату, и ее соседка. Журналы рассказы не напечатали за «слабое подражание Чехову». «Вовсе не так, — размышлял Снегов. — Просто у нас похожие характеры, то есть мы похожи друг на друга врожденным своеобразием души, поэтому и творчество наше похоже». Духом не пал: было ему тогда восемнадцать, а Чехов напечатался впервые в двадцать лет. Решил все-таки изменить стиль, чтоб хоть начали печатать, но, кроме первого предложения нового рассказа: «Была очаровательная осень», — до сих пор не подвинулся. По утрам тупо смотрел в это предложение, рисовал на полях осенние деревья, до головной боли заставлял себя придумывать, что же случилось «очарователь-

ной осенью». Потом начинал жалеть даром уходящее время и открывал анатомию. На лекции шел растерянный, угрюмый, вспоминая, что молодому Чехову писалось легко, по рассказу в день. На студенческие вечеринки Снегов ходил редко. Он скучал там от «детской болтовни» про киноактрис, хирургию, воскресные туристические походы. Смеялся в душе над хлопотуньей-старостой. Она просила всех придумать интересную общественную работу для группы, например, организовать художественную самодеятельность и летом с концертами поехать на целину. «Все это крысиные бега», — думал Снегов, не спорил, но и ни с кем в группе не дружил. Что есть хирургия? Больные, вылеченные операциями, все равно когда-то умрут. К нескольким беловолосым студенткам в прозрачных узорных чулках Снегова, между прочим, тянуло. Хотелось чистой, платонической любви для рассказов. И с кем-нибудь сбрасывать мужской голод. Но когда начинал подробно размышлять, куда и как пригласит девушку для свидания и о чем с ней станет говорить, — все это начинало казаться слишком хлопотным, сложным. Вспоминалась тогда Зина. К ней не было уже отвращения, она представлялась ему теперь «милой губастой мужичкой». С ней сейчас все было бы проще, но она далеко. «Ладно, без женщин я обойдусь, — решил он. — Но пусть будет и бессмертие, ведь не плачу любовью за смерть. Где ж ты, природная обратная связь? Почему не пишется ни черта?»

2

Снегов лежит на «куриной» подушке. Все пасмурно. Выходит из гостиницы человек в парусиновом костюме с портфелем, в соломенной шляпе, провинциальный интеллигент. Смотрит на клумбу с красными цветами. Пес все выгрызает насекомых на брюхе. Женщина в телогрейке, возвращаясь из аптеки, встретила старуху в большом платке, с бидоном, и уже долго они стоят и разговаривают. Весь день вчера Снегов ехал от надоевшего гула механизмов Москвы, давки и спешки людей, от множества молодых женщин в разных чулках. В поезде говорили о войне израильтян с арабами, о китайцах. Разумом Снегов понимал, что люди говорят про главное дело всего сегодняшне-

го мира и, стало быть, его самого, но тоскливой душой ничто не мог поставить выше собственной писательской вечности. Некоторые пассажиры читали книги. «Вот самое главное и вечное», — думал Снегов, завидуя писателям этих книг. Подъезжая уже на автобусе к городу, в котором вырос, увидев в окно церковь, красную от красного заката, деревянные дома, огороды картошки, почувствовал, что соскучился по родным. Мама приготовила к его приезду яблочного гуся и по обыкновению суежилась вокруг стола, просила съесть то «колбаски», то еще кусок гуся. Дядя Ваня, детский врач, друг семьи, как и раньше, много смеялся, много ел, приговаривал: «Пузо лопнет — наплевать, под рубахой не видать». Отец застенчиво улыбался и спрашивал: «Ну как ты живешь?» Еще за вчерашним столом, покраснев от вина, Снегов почувствовал, что эти люди опять раздражают его, как еще до студенчества. Раздражали уменьшительные слова мамы: «колбаски», «сырку», «перчику». Удивляло, как могут столько внимания еще отдавать три пятидесятилетних человека и как могут быть спокойны они, зная, что не оставят после своей жизни ни одного напечатанного слова. Не хочется вставать: ничего хорошего не будет сегодня. Мама опять заохает, что похудел и начнет откармливать, как поросенка. Не вдолбишь им, что главное для него — ясность духа, что в голове образуется туман, когда живот полон еды. За столом пойдут разговоры о еде, о политике, о рыбалке, о пьянице фельдшере и прочей суете. Вечером придут все городские врачи выпьют водки, завспоминают про свое студенчество, станут говорить опять о еде, о своих огородах, а потом начнут петь громко песни, как простые мужики и бабы. Какая вялая, животная, разбухшая жизнь!

Приоткрыв дверь, мама смотрит на него.

— Спишь, Витенька?

— Разве ты не видишь, что у меня открыты глаза? — раздражается он. — Сейчас встану.

— Встанешь? Тогда я на стол буду накрывать к завтраку, хорошо?

— Ах, боже мой, сколько суеты из-за пустяков, мама! Накрывать... к завтраку... Все проще в мире. Встану, умоюсь да поем.

— Не сердись, сынок. Ведь ты целый год дома не был. Хочется все как лучше для тебя сделать. Вот мы с папой специ-

ально отпуск взяли. Буду всякие вкусные вещи готовить, а папа с тобой рыбу половит. Скажи мне, что ты сегодня на обед желаешь?

— О, господи, причем тут обед! Ты мама врач, а тратишь на кухню столько дорогих минут жизни. Ну, какая разница, съем я кусок вареного мяса или шашлык! Не в этом дело. Ну иди, буду вставать.

— Еще хуже стал, — шепчет мама и плачет. Легко идут слезы женщин. Так легко шла вода из зеленой лейки в детском саду. Не жалко эту суетливую женщину с цыплячьим лицом, в розовом халате с белыми травками. Интересно психологически: насколько он смел с близкими, настолько робок, деликатен с другими людьми.

3

М.Е. Бурно

На кухне Виктор умывается холодной водой из рукомойника. Таких людей, как дядя Ваня, прекрасно отвлекает от мыслей о смерти вот эта физическая радость холодной воды, вкусная еда и прочая чувственность. Снегов вытирает полотенцем перед зеркалом круглое худое лицо с грустными носогубными складками, маленьким носом в веснушках. От медленных тоскливых мыслей лицо, по-видимому, мало движется и дрябнет. В легких черных брюках, черной рубашке с белыми пуговицами, угрюмый, стройный, входит в столовую. На столе самовар, яблочное варенье в зеленой стеклянной вазе, эмалированная кастрюля с блинами. Вышло немного солнца, светит сквозь белые занавески с красными петухами и толстые листья столетника. Все за столом. И дядя Ваня. Он что тоже взял отпуск? Какой свежий, упитанный! Гладкая лысина, веселые белые усы и белый костюм. Отец рассказывал, что немцы называют таких людей «пикниками» за любовь к пикникам. Непонятно Виктору, зачем наряжаться в провинции в белый костюм, завязывать шелковый галстук. Ну, в Москве есть кому себя показывать для дешевого удовольствия, а тут... Отец тоже в крахмальной рубашке, клетчатом галстуке, роговых очках, самое малое — доцент на даче. Отец, как и Виктор, худощав, тоже много в нем грустной застенчивости, но

10. Психотерапевтическая проза
нет смелости
ментально
ческих ист
личием к
уже боль
ильской а
тае. ни да
знают, что
нов, тоже
мира.

— Ну
когда Вик
— Мно
медленно
включает
мне», — п

— Ма
аляповато
можешь!

бога! Не ч

Мама
цами боль
мажет вар

— Нел
— Как

после раб

— Раб

помрут от
смотрите

на. Тверд
пытаетес

долго еди
мые мину

рили, как
ки. Десят

ничной л
морде па

Ну, скаж
— Дл

нет смелого творчества, много осторожности, отсюда сентиментальность и равнодушие к смерти, как у многих механических исполнителей. Узость его легко доказывается безразличием к искусству. Человек, переживающий искусство, это уже больше, чем автомат. Отец и дядя Ваня говорят об израильской агрессии. Не сообразят, что ни в Израиле, ни в Китае, ни даже в Москве никто о них не знает. Зато во всем мире знают, что живут в Москве поэт Евтушенко и писатель Аксенов, тоже врач. Книги их вечно будут лежать в библиотеках мира.

— Ну расскажи, как же ты живешь? — спрашивает отец, когда Виктор садится за стол.

— Много взрезал лягушат? — смеется дядя Ваня. Виктор медленно жует блин, чтобы не говорить. Мама в углу столовой включает пластинку. «Но глаза твои большие не дают покоя мне», — поет женщина.

— Мама! — не выдерживает Виктор. — Это ведь пошлость, аляповатость, как и твой идиотский халат, кстати... Как ты можешь! Прошу, выключи. И не говорите мне ничего, ради бога! Не читайте мораль! И так тошно.

Мама плачет. Отец устался в стол, обхватив тонкими пальцами большой лоб. Дядя Ваня, качая неодобрительно головой, мажет вареньем блин. В тишине Виктору еще хуже.

— Нельзя так жить, — говорит он тихо. — Скучно.

— Как жить нельзя? — спрашивает отец. — Мы работаем и после работы отдыхаем.

— Работаете... День и ночь лечите людей, а они все равно помрут от старости. Настоящая работа остается навеки. Посмотрите на себя со стороны. Кто вы? Вяленые воблы Щедрина. Твердите только, что уши выше лба не растут. Даже не пытаетесь сделать что-нибудь вечное. Долго покупаете еду, долго едите, долго моете посуду и проживаете так необратимые минуты жизни. Говорите о чепухе. Вчера весь вечер спорили, как сажать шампиньоны, как фельдшера лечить от водки. Десять лет подряд восторгаться за ужином дружбой болярничной лошади с лабораторным бараном, как они мордой к морде пасутся! Ах, как это важно! Разве я говорю неправду? Ну, скажи, папа, для чего ты живешь?

— Для чего живу... Да вот если б не жил, и тебя не было бы...

— Э, такое умеют и кошки.

— Так, так, интересно, очень интересно, — перестает есть дядя Ваня. — В таком случае выпиши нам рецепт жизни. Расскажи, как жить.

— Очень просто — чтобы жизнь не уходила в вечность бесследно. Это чеховские слова.

— Что мы должны для этого делать?

— Писать.

— Писать? Хм. Мы пишем истории болезней.

— Это тлеет в архиве. Писать нужно такое, чтобы вечно хранилось в библиотеках мира. Ну хоть рассказы. Шекспир не зачеркивает Гомера. Если я за всю жизнь напечатаю даже только один маленький рассказ в газете, я буду счастлив. Для меня этот напечатанный рассказ дороже диссертации или собственного автомобиля. Ведь газету во многих городах мира переплетут, сфотографируют для вечности. А тогда хоть один чужак в мире раз в сто лет непременно прочтет меня, копаясь в старом. И, значит, я буду душевно бессмертен. Вот что такое — писать.

— Подлиннее б письма писал, — вздыхает мама.

— Это как ты, на четырех листах? Дядя Ваня лечит Машеньку от скарлатины, в магазин привезли копченую колбасу, весь день вчера стирала, мыла пол, а сегодня испекла оладьи, жаль тебя с нами нет... Хочешь, чтоб и я писал такое? А потом это пойдет в полное собрание сочинений? Я шучу, конечно. Но знайте, если будете жить по-прежнему, через сто лет никому не будет известно, что вы были.

— И пусть, — усмехается дядя Ваня.

— Ну, конечно, ты живешь только для того, чтобы лечить скарлатину и есть за это блины. Ты хоть редко думаешь, что будет с тобой... потом?

— Потом — суп с котом. Помру и разойдусь по молекулам в деревья, в полынь, в коров.

— Но душа, личность твоя в коровах и редиске не останется. Если не отпечатаешь ее в типографии, она погаснет, как огонь спички. Ты не боишься умереть душой начисто?

— Не боюсь. Ха-ха! Я взаимодействую с природой, людьми, получаю удовольствие от этого взаимодействия, а смерть ничего не ощущает и потому не имеет ко мне никакого отношения, как сказал один древний грек.

10. Психотерапевтическая проза
— Да, ты
В столову
на пол, мур
дился Сиде
За что такие
— Ха-ха
маешь, мож
— Еще б
вечности пр
— Ну, Г
— Ты са
— А чер
ся, кто это
ем. — А? Ха
рез два дня
брат, все —
Виктор
— Пого
только я се
чего тогда
— Ради
ния жизни.
брат, чудес
— Верн
слабые зас
еще не пон
устроена т
заклучает
симум добр
— Фу, п
тор. — Ле
— Да к
такое гово
холодный
— Хор
только тв
жил по эт
тебя пригл
тому что в

— Да, ты непробиваем.

В столовую приходит беременная кошка Сильва, валится на пол, мурлыкает, закрыв глаза. «Боже мой, почему я не родился Сильвой или хотя бы пикником, — думает Виктор. — За что такие муки!»

— Ха-ха! — добродушно смеется дядя Ваня. — Так ты думаешь, можно быть душевно вечным?

— Еще бы! Только не в смысле вечности души, а в смысле вечности продукта души — литературного произведения.

— Ну, Гомер вечен?

— Ты сам доказал это сейчас, сказав его имя.

— А через два миллиарда лет, когда человечество кончится, кто это имя скажет? — тянется дядя Ваня к вазе с вареньем. — А? Ха-ха. Ну, скажи, какая разница — забудут тебя через два дня или через два миллиарда лет? Против вечности, брат, все — секунда.

Виктор теряется.

— погоди, это вроде, действительно, так... А может, не так, только я сейчас не соображу... Но если так, то скажи, ради чего тогда вообще стоит жить?

— Ради взаимодействия с природой, людьми. Ради ощущения жизни. Вот с яблочным вареньем повзаимодействуй. Это, брат, чудесное ощущение!

— Верно, Ваня, верно, — волнуется отец, разглядывая свои слабые застенчивые руки. — Ты, Витя, вот чего, мне кажется, еще не понял... Не сердись, что мы, старики, учим тебя. Жизнь устроена так, что все люди друг другу нужны. И смысл жизни заключается в том, чтобы каждый из нас приносил людям максимум добра.

— Фу, папа, прорвало тебя сантиментами, — морщится Виктор. — Лезешь со своим добром.

— Да как ты говоришь! — кричит мама. — Как можно отцу такое говорить! Что же мы враги тебе? Ох, какой жестокий, холодный стал!

— Хорошо, прости, папа, я понимаю, я дурно сказал, но только твое добро это сентиментальная абстракция. Вот ты жил по этой религии и что получилось? Двадцать лет назад тебя пригласили в московскую аспирантуру. Ты не поехал, потому что в нашем городишке было мало врачей. Ты думал, что

приносишь людям максимум добра. А поехал бы — может, сейчас профессор был и приносил этого добра в сто раз больше. И про меня, я знаю, все вы думаете, что самое большое мое добро это работать врачом здесь с вами, потому что врачей все не хватает, приедут, поработают и в большие города удирают — к ванне, к театрам. А если я, получив диплом, работать врачом не буду, а стану нужным миру писателем, это ведь тоже добро, и какое! Стало быть, первое уже не добро, а зло, так как мешало второму, более важному.

— Какой ты писатель! Что ты фантазируешь! — удивляется мама. — В юности все писатели...

Виктор замечает языком во рту длинный мамин волос, попавший с блином, и, морщась, вытягивает его изо рта рукой. Он понимает, что в другое время сделал бы это незаметно. «Тонкое психологическое событие, — думает он. — Надо бы записать и употребить в рассказе, да книжки записной нет. Может, потому и не пишется, что не записываю подобное и забываю». Виктора поражает эта мысль, он уже никого не видит и не слышит, о чем говорят. Молодой Чехов с купцами пил, на свадьбы ходил и все в книжку писал, а он весь московский год сторонился людей. Даже в троллейбусе читал вместо того, чтобы слушать разговоры пассажиров. Понятно, почему не писалось. Вот оно что! Надо продумать это в тишине. Погулять, что ли? Хорошо вообще махнуть куда-нибудь на юг, в густоту современной жизни, в массу психологических типов. Десять лет назад с родителями он был в Сухуми. Помнятся пальмы, люди в цветных купальниках, у заборов кактусы, как тут полынь. Взглянуть бы на это теперь писательскими психологическими глазами, с записной книжкой в кармане. Виктор встает.

— Я пойду погуляю.

— Иди, иди, — кивает отец. — Гольцов когда половим, а?

— Гольцов? Не знаю... Я, может быть, уеду завтра.

— Куда? — вскрикивает мама.

— Послушайте меня, — Виктор прижимает к груди скрещенные руки. — Постарайтесь меня понять. Я чувствую себя писателем уже год. И вижу ясно свое главное дело в жизни. Внутреннее, подсознательное гонит меня разглядывать человеческие души и природу вокруг людей. Я поеду на Кавказ или в Крым, но поймите меня хорошо, я не отдыхать еду, а жестоко

10. Психотерапевтическая проза
работать. И если
радость, то не ра
вы осматривает
глядываю разн
лезни у меня за
тяжелая рабо
— Мы тебя
так! Неужели п
работать! Тут и
есть. И совмещ
какие тебе еще
— Сию мину
Сию минуту о

Солнца снова
вянным забор
няются куря
ром столбе с
веревочной ф
ные сушки. Ч
Веревки, про
арды нужных
шевно вечны
он живет, ка
кой жизнью
дня работае
дится почти
все даром, п
чив рассказ
родились е
прошел для
по своей не
это, если са
модействия
мама, дядя
менной по
станет. Ес

работать. И если, купаясь в море, буду ощущать физическую радость, то не ради ее самой, а ради ее описания в рассказе. Как вы осматриваете больных, так я все время, пока не сплю, разглядываю разные типы здоровых людей, а вместо истории болезни у меня записная книжка. Это главная моя работа, очень тяжелая работа.

— Мы тебя год ждали, — плачет мама. — Что тебе все не так! Неужели плохо тебе с нами отдыхать, а потом здесь с нами работать! Тут и природа, и в магазинах сейчас почти все из еды есть. И совмещать можно на целую ставку. Ты вырос здесь. Ну какие тебе еще нужны люди!

— Сию минуту никто не нужен! — раздражается Виктор. — Сию минуту одиночества хочется. Пойду.

4

Солнца снова нет. Дождевые капли падают на лопухи под деревянным забором. По земляной улице с глубокими лужами слоняются куры, помеченные красками. Из репродуктора на сером столбе слышится всей улице детская передача. Рабочие веревочной фабрики пьют у ларька желтое пиво, грызут соленые сушки. Через сто лет никто не вспомнит этих рабочих. Веревки, продукт их труда, истлеют. Будут жить новые миллиарды нужных, но душевно временных людей и новые сотни душевно вечных писателей. Отца тоже не вспомнят, потому что он живет, как все здешние врачи, хоть трудной, но механической жизнью. Полдня принимает больных в поликлинике, полдня работает в больнице. Часто приходят за ним ночью. Трудится почти сутки, вечно усталый, но и труд, и усталость — все даром, потому что не оставляют вечного. Писатель же, кончив рассказ, ставит под ним год — и даже те люди, которые не родились еще на свет, узнают когда-нибудь, что этот год не прошел для него впустую. По воскресеньям отец читает книги по своей невропатологии, по биологии, психологии, но к чему это, если сам не пишешь. Для клубных лекций и прочего взаимодействия с жителями городка? Крысиные бега. Конечно, отец, мама, дядя Ваня — добрые хорошие люди, полезные своей временной пользой, но сам он этой временной жизнью жить не станет. Если в студенчестве не удастся издать сборник расска-

зов и остаться в Москве, будет путешествовать. Поедет в тундру или в Среднюю Азию. Будет работать врачом и писать. Найдена, наконец, ошибка. Изучать надо жизнь вокруг себя, записывать в книжку рождающиеся при этом мысли, чтоб по утрам составлять из них рассказы. А сейчас на юг ехать надо. Вот Чехов побыл несколько дней в Абхазии, посмотрел тамошних людей, природу — и написалась «Дуэль». Отца жалко. Между прочим, отец, не подозревая, развивал в нем писательский дар, когда показывал по дороге в детский сад кур, подсолнухи, лошадей и объяснял, что все это родственные нам существа.

Еще тогда Виктор представлял ярко, как в лопухе по сосудам течет зеленая кровь. Редиска, кошка, человек пронизаны сосудами, по которым движется растворенная в крови еда. Просачиваясь ежесекундно через стенки сосудов, она превращается в живое тело, которое постоянно обновляясь, постоянно разрушается, и разрушенное выходит вон. Из этого можно написать рассказ про мальчика и его отца среди растений и животных. Виктор подходит к больнице. В этом каменном с колоннами особняке жил до революции купец. Он торговал щетиной, грешил и, чтобы попасть в рай, построил благотворительно церковь. Тоже рассказ. Да, рая нет. Виктор вспоминает, что писательской вечности как будто тоже нет по причине временности человечества, но не хочется сейчас про это думать. Зимой возле больницы много саней — из деревень привозят больных. Зимой белые деревья на голубом небе и лошадиные морды в сосульках. Из чайной валит пар: там пьют водку с горячими блинами. Древний русский городишко! Но писателю жить следует в самом сложном и современном месте страны. Вон отсюда — из этой вялой исторической жизни. Подавить застенчивость, вбежать в толпу современных типов, жадно изучать каждого: кто ты? чем дышишь? Завтра в поезде начнет эту новую исследовательскую жизнь. Природу юга тоже следует записывать в книжку для пейзажа в рассказе. Для писателя каждая минута жизни, даже сновидение, есть тайная или сознательная работа для рассказа. Дождевые капли все падают вокруг, но в одном месте неба загорается солнце, сверкают каменные купеческие лавки, влажный зеленый пустырь с татарниками, где нашли с отцом мертвого Бармалея. Крысы грызли труп кота, превращая в свои тела. Прогнали крыс и закопали Бармалея в зем-

10. Психотерапевтическая проза
лю, чтоб у
спину Зинь
сказ. Хотел
сказа, как
это и объяс
без книжки
на спину З
и потому х
был близок
тупности и
другими ж
Жениться
сорок лет.
работы за
разговор

Снегов п
котором
водная к
даже те,
квартир
лой пове
— Он
ему это
двадцат
Ты долж
голову. I
— Д
Наташа,
разуется
телям, п
жется. Я
вают та
— А
родител
— Н
денег, п

лю, чтоб ушел в растения. Неожиданно впереди Снегов видит спину Зины и думает, что прежние их отношения — тоже рассказ. Хочется окликнуть Зину, поговорить с ней для конца рассказа, как с литературным материалом, но стесняется сделать это и объясняет себе, что нет еще в кармане записной книжки, а без книжки половину забудешь. Замечает, что волнуется, глядя на спину Зины и ее большие белые ноги. «Это потому волнуюсь и потому хочется мне к ней, что она единственная, с которой был близок. Любви, конечно, тут нет. Только по причине доступности и в Москве вспоминал ее часто. Вылечить можно это другими женщинами. Буду смелее там, на юге, на пляже, да, да. Жениться ни в коем случае нельзя писателю. Чехов женился в сорок лет. Писателю нужно много одиночества. Не только для работы за столом, но и для вот таких долгих психологических разговоров с самим собой».

5

Снегов подходит к деревянному дому с железной крышей, в котором жил всю домосковскую жизнь. Через дорогу водопроводная колонка, к ней бегал с ведром. Почти все москвичи, даже те, что живут и без временной пользы для других, имеют квартиры с ванной и газом. Несправедливость, достойная целой повести. Слышно в открытое окно, как мама ругается:

— Он нечуткий, черствый и ты, как отец, должен сказать ему это и запретить ехать одному бог знает куда. Мальчишке двадцать лет. Ерундой занимается, писателя себе придумал. Ты должен, должен ему сказать, чтоб он этим не морочил себе голову. Надо жить, как все люди.

— Да, конечно, — соглашается отец. — Но, понимаешь, Наташа, Ваня прав: все это от незрелости. В таком возрасте образуется естественное желание делать многое наперекор родителям, протестовать. Это не страшно, потому что пройдет, уляжется. Я тоже в юности был петухом. Знаешь, французы называют такое «возраст проблем». Я могу показать книгу...

— А иди ты со своими французами! Я в любом возрасте родителей слушалась. Что ты несешь!

— Не у всех так, Наташа, но у многих. Надо бы дать ему денег, пусть путешествует, созревает, а?

— Интересно! — восторгается дядя Ваня. — Очень интересно. В коротких штанах и сандаликах был один человек, теперь совсем другой, а лет через пять снова изменится. Потрясающе интересно это саморазвитие в себе и вокруг. И так все мы — и баран, и вот береза в саду — все изменяется саморазвиваясь. Изменение — вот на что никогда не надоест смотреть. Потрясающе прекрасно жить, потрясающе!

— Да, я вот понимаю его, понимаю, — кивает отец. — Верно, не хочется умереть душой начисто. Отчего я тогда в аспирантуру не поехал! Это ты меня не пустила. Теперь поздно, уже поздно.

— Еще твоего нитья не хватало! Опять начал! — говорит мама.

На веранде стоит женщина, та что в телогрейке шла утром в аптеку. Рядом с ней желтушный испуганный мальчик лет семи. Видно, стесняются постучаться в комнаты. Сильва, взъерошенная, вбегает на веранду из огорода, с воробьем в зубах. «Даже в отпуск покоя не дают, домой к врачу приходят, — вздыхает Виктор, здороваясь. — Ох, эта провинция!»

М.Е. Бурно

6

На другое утро в южном поезде у Снегова опять тяжелая голова. Он старается думать изо всех сил, что вот как раз сейчас начинает правильную для писателя жизнь. Чехова читать больше не станет вовсе. Напишет на южном материале что-нибудь сверкающее, психологически-экзотическое. От Чехова отличает его, пожалуй, большая красочность образов, и следует выпуклить это сугубо свое. Мысли эти — все вчерашние. Только механически повторяет их в голове, а новое про писательство не думается и пассажиров изучать не хочется. «Даже без атомных войн людям осталось жить всего два миллиарда лет, — приходит в голову. — Перед абсолютной вечностью это — секунда. Какой смысл писать?» Вспоминается, как закутанного в платок на санках мама везла в детский сад. Во втором классе болел гриппом, и отец тогда четыре часа простоял в магазине за медом для него. Бедные старики работают по две ставки, чтоб посылать ему деньги, а он ни разу не сказал за это спаси-

О характерах людей

бо. Чтобы отвлечься от таких мыслей, Снегов заставляет себя разглядывать пассажиров и придумывать сравнения для лица, одежды; достает купленную записную книжку. Отвлечься не может. Начинают дрожать колени; детская, растерянная беспомощность образуется в душе. Выходит в тамбур и там вдруг начинает задыхаясь рыдать. Писательство теперь представляется ему игрушкой рядом с острой жалостью к родителям, острым чувством вины перед ними и сильным желанием жить дома, ловить с отцом гольцов, хвалить мамины обеды. Как в детстве, хочется молить у родителей прощение, пока не поцелуют. За стеклом вагонной двери движется солнечный луг с коровами. По утрам, поглядывая на гостиницу, писал бы в своей комнате «Детство». Про Бармалея, красную редиску в детском саду, про то, как нужны друг другу люди, животные, растения. Верно, только человеческие отношения есть главное дело в этой временной, но прекрасной жизни. Все остальное стоит на них и есть их выражение. Не путешествия творят писателя. Для таланта и родной дом и отношения между близкими — сюжет. Лев Толстой тоже сперва написал «Детство». «Я сошел с ума, какой-то сентиментальный психоз, — соображает Снегов, вытирая платком лицо. — Надо прогнать это вином». Он идет по вагонам в ресторан. В коридорах вагонов бросаются ему в глаза девушки и молодые женщины с голыми шеями и руками, в цветных брюках, готовые к загадочным приключениям на морском берегу. Сейчас уменьшит застенчивость холодным вином и пофлиртует вот с этим улыбающимся лягушонком для экзотического рассказа. Сравнение не забыть записать. В тамбуре вагона-ресторана вспоминает, как пришел первый раз домой из первого класса, смущенный новой школьной жизнью. Отец заметил его смущение и сказал маме: «Ничего, мы с ним после обеда пойдем рыбу ловить». Когда пришли с пруда, в комнатах было еще сентябрьское солнце. Поставили на окно стеклянную банку. В ней плавали полупрозрачные гольцы, шевеля рваными от рыболовных крючков ртами. Снова сдавливает грудь, дышать нечем.

На остановке Снегова ведут из вагона за руки, всхлипывающего, в медпункт.

1967

Аминет

1

Студенты-мед
горячем от сол
окнами краси
сидел на черн
лось Азовско

— Мой ау
ша, твоя ипох

«Исцелит
ман. — Точно
ловек и возит
пропал».

— Ночью
скую природ
завтра, как в
нет. Ведь ты

«Сестрен
Однако разв
свою ипохон
графные сто
будет со мно
понимаю, ч
ушло на стр

2

Роман под
шлой осен
пов в секц
ватель по
варишем
четырех л
— Да
время пр
желудок

Аминет

1

Студенты-медики Роман и Казбек после третьего курса ехали в горячем от солнца поезде из Москвы на юг. Проходили уже за окнами красные кирпичные дома Таганрога, под чистым небом сидел на черном пьедестале черный изящный Чехов, показалось Азовское море, голое и блестящее.

— Мой аул тебя исцелит, — сказал Казбек. — Там, Ромаша, твоя ипохондрия пройдет.

«Исцелит — это сделает снова целым, — соображал Роман. — Точно говорит по-русски этот нежный восточный человек и возится со мной, как с ребенком. Без него я бы совсем пропал».

— Ночью приедем, Ромаша. Поглядишь черкесов, черкесскую природу, поешь черкесской еды, выпьем, черт возьми, а завтра, как выспимся, в ущелье пойдем и возьмем с собой Аминет. Ведь ты еще не видел мою Аминет!

«Сестренке его пятнадцать, — медленно думал Роман. — Однако развиваются южанки быстро... Впрочем, я так ушел в свою ипохондрию, что женщины для меня сейчас — как телеграфные столбы. Зачем они мне теперь, когда неизвестно, что будет со мной вскоре. Вот в первый раз смотрю на живое море, понимаю, что оно прекрасно, а чувства к нему нет, все чувство ушло на страх за себя и жалость к себе».

2

Роман подробно, как казалось ему, понимал свою болезнь. Прошлой осенью после лабораторий, анатомического театра, трупов в секционном зале студенты пришли в клинику. Преподаватель повел их сразу в операционную и стал перед ними с товарищем оперировать под общим наркозом токаря тридцати четырех лет.

— Да тут не полип, — покачал головой через некоторое время преподаватель, ощупывая и осматривая разрезанный желудок в открытом животе токаря.

— Эге, — сказал его помощник, тоже молодой и тоже прокуренный, сухощавый хирург. — Просто хрен собачий.

— Тут, ребята, рачище, — кивнул преподаватель студентам, — потому что смотрите, какая мягкая, белая, ясно отграниченная опухоль, как гриб. Так и называется — грибовидный рак. Ну, ближе подходите, не бойтесь. Удалять, конечно, бесполезно — вон сколько в брюшине и сальнике метастазов.

Когда токарь проснулся от наркотического сна, хирурги весело сказали ему, что операция прошла хорошо. Токарь погладил с удовольствием наклейку на животе.

На несмертельных больных Роман с тех пор не обращал внимания, они даже раздражали его, если жаловались ему на свои болезни. Но больные раком, попавшие в клинику из Москвы и других мест, скопившиеся здесь, стояли постоянно у него в голове, каждый со своим выражением лица. «Все же больных таких мало, — пытался он успокоить себя, — если считать их не в клинике, а на улице». Особенно пугало Романа то, что ни книги, ни профессора не могли толком объяснить, почему заболели раком именно эти люди, а не другие. В таком случае, как может быть он спокоен, что рак в любую минуту не возникнет у него самого! Не утешит здесь и то, что больше семидесяти пяти процентов раковых больных — люди, которым не меньше пятидесяти. Двадцать пять процентов — тоже немалая цифра. Токарю было тридцать четыре, а могло быть и двадцать. «Рак молодеет», — сказал профессор. Итак, никто не может гарантировать невозможность возникновения у него в двадцать лет рака желудка. Стало быть, по этому поводу имеется тревожное сомнение, неопределенность, которая есть самое скверное для него состояние, сквернее плохой определенности. Тут же Роман подумал, что ведь у него вроде бы имеются уже ранние признаки рака желудка: хуже стал аппетит, уже дня два как будто бы слабость, имеется также некоторое неудобство, так сказать, дискомфорт, в животе, чуть похудел. Роман растерялся, почувствовал, что его от испуга бросило в жар. Он сидел в это время на не понятной ему лекции по фармакологии рядом с Казбеком и, дождавшись конца лекции, попросил друга:

— Пойдем поскорей в столовую.

— Пойдем, бедненький мой, проголодался... А почему такой красный?

— Я расскажу потом.

В столовой Роман обнаружил, что на фоне пониженного аппетита отмечается у него как будто бы некоторое отвращение к котлетам, то есть к белкам.

— Что, тебе нравятся эти котлеты? — спросил он Казбека.

— Нет, Ромаша, плохие, хлеба много. Вот летом в ауле поедим с тобой чистого мяса, да еще с какими соусами!

— Прости, я сейчас, — сказал Роман и быстро пошел в туалет. Там рассмотрел в зеркало свое лицо и нашел свойственную раку желудка бледность кожи с желтоватым оттенком.

— Что ж ты не скажешь мне, что я бледен? — спросил он Казбека, вернувшись.

— Бледен? Да ты красен, как черкесский помидор.

Они вышли в сквер. Роман чувствовал себя все беспомощнее, хотелось прижаться к Казбеку, горько заплакать.

— Казбек, у меня, наверно, рак желудка, — проговорил растерянно он.

Казбек громко естественно захохотал. Роману сразу стало от этого легче, он даже заметил, как девушка с кроличьим лицом, в светлом плаще, с большим портфелем, любителю хохочущим нерусским Казбеком, подумал, что в сквере настоящий сентябрь с желтыми и красными листьями, с бесцветными набрякшими цветами на холодной клумбе, с протоптанной уже на газоне дорожкой, когда весь день кажется, что уже вечер.

3

Однако раковые сомнения не прошли, и Казбек стал горячо заботиться о друге. Сперва повел его, нерешительного, за руку в кабинет преподавателя. Хирург не стал долго их слушать, сказал, что это невроз впечатлительных студентов третьего курса. Чтобы невроз скорей прошел, следует чаще смотреть операции, а если это не поможет, надо пойти на кафедру психиатрии, там дадут специальные от этого невроза лекарства. На столе преподавателя лежал открытый английский журнал

с рисунками желудков и кишок. Особенно успокоило Романа в этом разговоре замечание о психиатре, он засмеялся и даже предложил Казбеку сходить в кино, но через полчаса, на веселом французском фильме, раковые сомнения стали понемногу возвращаться. Во-первых, он отнюдь не впечатлителен, ибо спокойно резал трупы, не шлепаясь в секционном зале в обморок, как некоторые студентки; во-вторых, хирург даже не осмотрел его; в-третьих, хирург молод, щеголеват, ему нельзя доверять, так как запущенный рак токаря принял до операции за полип. Тогда Казбек затащил друга в кабинет профессора. Старик с бородой и осторожными грустными глазами за голыми стеклышками пенсне выслушал студентов внимательно, осмотрел подробно Романа и сказал, что это, по всей видимости, ипохондрические сомнения, то есть сомнения о несуществующей у студента болезни, невротическое состояние, описанное еще Бехтеревым. Однако, если студент настаивает, можно сделать рентген и анализы. Обрадовавшись, Роман отказался от этого, но Казбек запротестовал, стал просить профессора сделать все, что можно, а то студент опять засомневается. После рентгена и анализов, показавших совершенную норму, Роман смеялся над своими сомнениями около недели — пока не умер от рака еще один больной. Роман подумал тогда, что хотя, возможно, сейчас даже и нет у него рака, но рак может возникнуть в любой момент, и застраховаться от этого невозможно. Опять стал смотреть на все вокруг сквозь печальные ипохондрические сомнения, мучился от болезненной беспомощности перед возможной катастрофой, в автобусе, метро завидовал здоровым людям, особенно старикам, которым так много лет уже удалось прожить. Часто внимательно прислушивался, приглядывался к своему организму; замечал тогда и пониженный аппетит, и бледность кожи с желтоватым оттенком и прочие ранние симптомы рака желудка, о которых усиленно читал в книгах. Испуганный, спрашивал себя растерянно, как жить остаток жизни. Может, не поздно лечь на операцию? Может, сказать родителям, что с ним? Но они, инженеры, перепугаются больше, чем он. В душе он надеялся, что все это пустая ипохондрия, пробовал взять себя в руки, выкинуть дурные мысли из головы, но от насилования себя становилось еще хуже. Особенно плохо делалось, когда оставался один. Где бы

ни был тогда — дома или в библиотеке — тянулся к медицинским книгам, надеясь научно, логически исключить возможность возникновения этой смертельной болезни у себя. Казбек, зная это, старался как можно больше быть рядом с Романом. Казбек жил в студенческом общежитии, а Роман — вместе с родителями. Домой Роман приходил поздно — только ужинать и спать. Все остальное время и даже в воскресенье в библиотеке он был с Казбеком. Лекции мало отвлекали Романа от ипохондрии. Напротив, в них часто удавалось найти подкрепление сомнениям. Больные тоже отвлекали плохо. Раковых больных просил рассказывать о своем состоянии до того, как пришли к врачу, находил общее с собою и чувствовал, как становится горячим лицо, колотится сердце. Несмертельным больным (например, своему больному с переломом ноги) просто завидовал и, значит, опять все время думал о раке. Только Казбек хорошо отвлекал его добросердечным смехом над ипохондрией.

— Послушай, Ромаша, — смеялся он, — почему ты решил, что рак будет у тебя сейчас, а не через пятьдесят лет, и почему у тебя, а не у меня, не у Хакуринова?

— Это кто такой?

— Один балбес из Хатажукая. Ах, Ромаша, Ромаша, да ведь так можно промучиться до ста лет и помереть от инфаркта.

Роман не мог логически опровергнуть это и веселел. «Боже мой, — думал он. — За что мне, ипохондрическому зануде, такое счастье — дружить с Казбеком, который не рассердится, а поможет — даже если приставать к нему с нытьем своим тысячу раз в день. Какая естественная освежающая сердечность в человеке! Вот кому быть врачом».

Охотно слушал Роман рассказы Казбека о его адыгейском народе, маленькой Адыгее со столицей Майкопом и родным Казбеку аулом с речкой Фарс. Там жарят баранов, на белых домах висят связки красного перца.

— Не понимаю! — сокрушался Казбек. — Почему слово «Адыгея» лучше, чем старое «Черкессия»? Просто в старину «черкес» значило вор, разбойник, и стариков обижает это слово, а я, ей-богу, рад и горд, что я черкес, как называл нас Пушкин. Куда лучше звучит, чем адыг! Значит мы крепко договорились, Ромаша, везу тебя летом в аул к черкесам, своим

старикам, сестренке Аминет, курице с подливкой — чэтшыпс. И еще ты никогда не пробовал адыгейскую жареную курицу — четлибж!

4

Весна не развеяла ипохондрию Романа, прошла в этот раз для него без любви. Когда кончились институтские занятия, Роман и Казбек стали ходить в беседку Парка культуры — готовиться там к экзаменам. Казбек выразительно читал вслух учебник. Все, не имеющее отношения к раку, Роман усваивал с трудом. Вокруг беседки было много солнца и молодой зелени. Пахла сирень, по дорожкам, посыпанным красным толченым кирпичом, ползали черные жуки.

— А ну, господин студент, — спрашивал Казбек Романа, подражая профессору-хирургу с бородой, к которому они ходили по поводу ипохондрии, — расскажите, голубчик, какие бывают раны. Нуте-ка!

— Раны бывают открытые, закрытые, — растерявшись, бормотал Роман.

— Чепуху порете! — взвизгивал Казбек, делая вид, что дрожащими от волнения пальцами снимает с носа пенсне. — Чепуху! Какие это такие закрытые раны! Это что — переломы? Небось, вместо того, чтоб к экзамену готовиться, девушке голову морочил?

— Какие уж тут девушки! — вздыхал Роман.

— А что, Ромаша, — Казбек переставал быть профессором. — Познакомить тебя, а? Для разрядки. Помнишь, как чеховский студент зубрил латынь, каждые, кажется, полчаса сбегал с чердака в девичью и оттуда слышался визг, писк. Это он называл освежиться. Освежимся, Ромаша?

— Ты уже освежаешься?

— Недавно. И у нее есть подруга.

— Когда ты успеваешь? Ты все время возишься со мной.

— Вечером. Как расстаемся, так и... Я весной сплю мало.

Да ты забыл, как мы на первом, на втором курсе...

— Нет, сейчас мне не до того.

В этот вечер в метро Роман вспомнил, что забыл в беседке тетрадь. Он вернулся и недалеко от беседки по белым брюкам

и белой рубахе узнал в темноте длинного Казбека, который сидел на скамейке с маленькой, по-видимому, толстой девушкой. Она несколько раз прыснула и сказала:

— А теперь поняла, вы из Сухуми.

Роман не мог заснуть ночью: завидовал Казбеку, завидовал живой жизни людей, которая продолжалась уже как будто бы без него.

5

На экзамене по общей хирургии впервые за студенчество Роман получил «неудовлетворительно» у того самого профессора с осторожными грустными глазами, так как ничего не мог рассказать о тромбозе. Сперва Роман даже обрадовался: профессор не поставит двойку раковому больному; значит, старик не обманул его. Но, когда вышел в тенистый сад клиники, неловкими движениями снимая с себя накрахмаленный мамой белый халат, и узнал, что у Казбека — «отлично», впервые за много месяцев стало страшно не за свое здоровье, а что исключат из института. Впереди экзамены по фармакологии, патологической анатомии, а он не сдал даже хирургию. С Казбеком поехали в деканат, выпросили разрешение пересдать экзамен завтра. Всю ночь Роман читал о смертельных болезнях. Утром с грехом пополам получил «удовлетворительно», вышел сияющий из клиники в сад, где ждал его Казбек. Зашли в кафе, выпили сухого вина и съели по бифштексу с яйцом.

— Ты сильный, веселый тип нервной системы, — говорил, захмелев, Роман. — А я слабый, нудный. Неужели тебе не скучно со мной?

— Что ты, Ромаша! — взмахивал руками Казбек. — Какие слова говоришь! Да разве мы знаем, почему какой-то человек для нас друг. Просто душевная совместимость, это еще не изучили. Я бы с тобой в космос полетел, а с другим — не знаю. Вот я тебя в аул отвезу, там ипохондрия живо пройдет.

На весь месяц, куда продолжались экзамены, ипохондрия отпустила Романа. После экзаменов была «сестринская» практика. В хирургическом корпусе студенты совершенствовались

в процедурах медсестер — в уколах, банках, перевязках. Снова умирали больные, и вернулась к Роману ипохондрия.

6

Когда от железнодорожной станции Белореченская ехали в автобусе, было уже темно на улице. Сквозь печальные ипохондрические сомнения Роман замечал в окно стоявшие близко к электрическим фонарям белые южные дома и пирамидальные тополя. Оттого, что по причине темноты видно было немного, место казалось особенно экзотическим. Две женщины в полутьме автобуса говорили, наверно, на языке Казбека.

— О чем они говорят? — заставил себя спросить Казбека Роман.

— Одна говорит, что купила в городе четыре простыни, а другая спрашивает, где достать пустые банки для компота.

«Как интересно все это было бы мне, — подумал Роман, — если б я был уверен, что проживу еще хоть лет пять». Он с детства интересовался жизнью нерусских людей. Когда мальчиком бывал с мамой на рынке, разглядывал там кавказских людей, торгующих грушами, апельсинами. Интересно было, что они едят, во что одеты, вообще — чем отличаются от русских. Хотелось даже записывать все это в тетрадь, чтобы по-настоящему изучать. Когда приехал дядя из Винницы, Роман со своей тетрадью не давал ему покоя: спрашивал, есть ли там магазины, что в них продают, какой там хлеб, растут ли в Виннице лопухи. Девятилетним он шел с мамой мимо мусульманского кладбища в Москве, смотрел между железными прутьями ограды на мусульманские полумесяцы вместо православных крестов, увидел между могилами козу, стал разглядывать морду этой нерусской козы и заметил, что она, действительно, как-то странно не по-русски, а по-восточному жует траву.

Этой зимой заказывал в библиотеке книги про Адыгею и пытался выписывать интересные ему места в записную книжку. Книжка сейчас в кармане, но в ней исписано лишь два листа. Роман рассматривает крепких веселых людей в автобусе — черкесов и русских, думает, что все-таки даже на Кавказе болеют раком, и тут тоже есть больницы. Нет никакой га-

рантии, что даже если он не заболел раньше, то не заболеет тут. В это время почувствовал он под ложечкой как будто бы сдавление, незаметно сунул руку под ковбойку, стал прощупывать, не обозначилась ли там уже опухоль. Казбек заметил и засмеялся:

— Небось уже с картофелину, Ромаша? Дай потрогать.

Роман засмеялся тоже. «А верно, черт возьми, — думал он, — ну какие есть реальные основания мне бояться рака? Ведь все эти ощущения появляются в животе, когда думаю об этом, когда стараюсь, что-то ощутить в желудке. А вот отвлекся — и все прошло. И увижу аул, буду есть черкесскую еду, а завтра — в ущелье. Буду писать в книжку все интересное, что увижу». Однако тут же предупредил себя — не радуйся особенно этому душевному подъему, все может вернуться, как после экзаменов. Ведь и вчера вечером было хорошо. Мама укладывала его чемодан, а он лежал в ванне в белоснежной заморской пене, пахнущей сосной.

Пена, лопаясь, скрипела, как снег, возле его ушей, и тоже сделалось весело, смешными, мелкими показались сомнения, засмеялся в ванне облегченно и тихо, чтобы не заглушить приятный хруст пены. А проснулся сегодня опять с головой, тяжелой оттого, что все-таки гарантии не заболеть нет. Как не согласиться с экзистенциалистом Сартром в том, что жизнь человека — ходьба по проволоке с завязанными глазами. Живешь и вдруг умираешь, а другие, не боясь, живут дальше. Может, проклятые эти мысли терзают его, потому что не знает, как жить, зачем? То есть как зачем? Чтоб лечить людей, его учат этому. Просто еще каша юности в голове и болезнь студента третьего курса. Да, но кто докажет, что сегодня или завтра не начнется у него смертельная болезнь? Зачем тогда учиться лечить?

7

Вышли в ауле из автобуса. В черноте летали, вспыхивая, как ночные самолеты, светляки. В бледно-желтом освещении редких фонарей виднелись кирпичные дома с закрытыми ставнями, с необычными восточными узорами по краям железных

крыш. Встречались и как будто бы белые дома с соломенными или тростниковыми крышами. Кое-где удавалось разглядеть, благодаря фонарям, плетеные из веток заборы и акации у заборов. Этнографический, географический дух захватил Романа и вытеснил на минуту ипохондрические сомнения. В сущности, это — маленькая страна со своей природой, обычаями, своим искусством, по-видимому, своими, особенными домашними животными. Как необычны эти крупные черкесские светляки: кажется, видишь светящееся, толстое, в складках брюшко каждого. Надо бы записать эти первые впечатления в книжку, да темно. Потом пришло в голову, что светляки счастливый народ: не бывает у них рака желудка. Вспомнилось, как после смерти одной больной Казбека, в морге патологоанатом достал из живота этой женщины желудок с разлагающейся, похожей на мокрую кашу опухолью. Тоненькая восторженная студентка упала в обморок на каменный пол, а на другой день уже звонко хохотала, забыв вчерашнее. Снова Романа опутало и сдавило тревожными сомнениями.

Казбек улыбался в темноте своей родине.

— Вот ты и приехал ко мне! Эблаг, как говорят у нас, то есть — добро пожаловать.

— Прости, Казбек, за такой вопрос в такую минуту, но мне бы хоть немного успокоиться... Скажи, ведь ты понимаешь, что и ты не гарантирован от того, что сегодня или завтра не начнется у тебя раковый процесс. Почему ты не боишься этого, не думаешь про это?

— А я, Ромаша, понимаю хорошо, — отвечал Казбек, почти незаметный рядом со своим чемоданом в черноте аула среди медленных полетов крупных светляков, — я понимаю, что если буду трястись перед этой микроскопической вероятностью, то скорее всего протрясусь всю длинную свою жизнь, а это разве не смешное безобразие? Кроме того, боязнь не остановишь саморазвивающуюся материю, в каком бы направлении она не развивалась.

— Ага, так тебе все же приходят в голову такие мысли?

— Да, и я их выбрасываю вон.

— А как выбросить? Научи! Впрочем, не научишь. Это все равно, что карась просит воробья научить летать. У нас с тобой разные мозги, хотя и совместимые для дружбы. Ты мо-

10. Психотерапевтическая проза
жешь легко вы-
наю его разду-
что уже, напри-
ше или крема-
щееся меня, и
или я сам себе
дано. Посколь-
меня сегодня
Ипохондрия за-
я бы стеснялся
бы, как все там
ничего этого не
тебе нравилось

— А мне, Р
самокопатель
кое, но такое
ного душой че

— Да что х
анализ эгоист
ровья. Ты на
кренне помоч
цательный и,
вой интеллиге

— Спасибо
но сомневаю
головно сомн
кусстве, по-м
мневающаяся
клянусь. Ого

8

Казбек откр
остановилис

— Здраве
приехал ко м
В полутем
виноградных

жешь легко выкинуть сомнение из головы, а я не могу. Я начинаю его раздувать, накручиваю бог весть чего, дохожу до того, что уже, например, сомневаюсь, что лучше для меня — кладбище или крематорий. Гложет всякое тревожное сомнение, касающееся меня, и ни о чем больше не дает думать, пока кто-то мне или я сам себе не докажу, что сомнение это логически неоправдано. Поскольку невозможно доказать, что рак не возникнет у меня сегодня или завтра, буду, наверно, всю жизнь мучиться. Ипохондрия заслоняет мой характер. Не будь ее у меня сейчас, я бы стеснялся идти к незнакомым мне пока людям, раздумывал бы, как все там будет, не подумают ли про меня плохо. А теперь ничего этого нет, только рак в голове. Понять не могу, чем я тебе нравлюсь? Сам мучаюсь, тебя мучаю...

— А мне, Ромаша, интересно с тобой. Ты сомневающийся самокопатель, самоед. Это у тебя, как я понимаю, невротическое, но такое возможно, по-моему, только у хорошего, сложного душой человека.

— Да что хорошего нашел ты во мне! Мой рафинированный анализ эгоистически вращается вокруг собственного моего здоровья. Ты на улице, в поезде, в институте готов всякому искренне помочь, ты веселый, добросердечный, смелый, проникательный и, главное, без копания в себе современный деловой интеллигент, а я — старомодный, чеховский.

— Спасибо, Ромаша, ты прав, я деловой человек, практик, но сомневающиеся люди, ей-богу, очень нужны. Мудрецы поголовно сомневались. Самые большие открытия в науке и искусстве, по-моему, основаны на сомнениях. Просто сейчас сомневающаяся твоя энергия ушла в невроз, но аул вылечит тебя, клянусь. Ого, пришли!

8

Казбек открыл деревянную калитку, юноши вошли во двор, остановились каждый со своим чемоданом в руке.

— Здравствуй дом, — сказал Казбек. — Салям. Мой друг приехал ко мне в гости, то есть сделал бысы́м.

В полутемном дворе стоял деревянный стол, над столом в виноградных листьях горела голая электрическая лампа. На

стене белого каменного сарая с тростниковой крышей, над связкой красных перцев, тоже горела такая лампа. Старик за столом, задремавший на руке, поднял голову, крикнул радостное. Во дворе появилось еще десять или больше мужчин и женщин. Казбек по-русски сказал, что привез друга. Роман пожимал руки и не заметил, как снова остались они во дворе с Казбеком одни. Белый сарай с перцем на стене — это, конечно, летняя адыгейская кухня, совсем как на фотографии в книге о быте адыгейских крестьян. Из кухни в дом побежала девочка с тарелками — наверно, Аминет. Она принесла потом на стол под виноградом бутылку водки и много продолговатых рыбок на газете.

— О, шамайка! — обрадовался Казбек. — Ромаша, ты, конечно, не ел кубанскую шамайку. Аминет, сестренка, ну как ты живешь? Как хорошо, что тебя еще не украли!

— Садитесь с нами, — попросил Роман.

Аминет, ахнув, убежала.

— Боится, — кивнул Казбек. — От папаши может влететь. Ему восемьдесят, живет старинными обычаями, по которым, например, нельзя женщине за стол с мужчинами, что ты! Даже нам нельзя сесть за стол со старшими. Простим папаше скрепленный склерозом фанатизм, он вообще добрый человек, но как ребенок. Впрочем, у нас старших критиковать, боже упаси, никак нельзя. Давай водку пить и шамайку есть.

9

Водка ожгла Романа внутри, и сильно захотелось есть. Подражая Казбеку, рвал руками шамайку, мясо упругими нежными лентами отходило от костей, стекал по рукам розовый прозрачный жир. Приговаривая «вкуснейшая рыбешка», Казбек ножом разрезал газету на салфетки, и юноши вытирали этими салфетками руки, чтоб не выскользнул стакан.

Развеселившись, Роман подумал, что никаких оснований бояться рака желудка нет, а есть основания ярко, весело жить. Поистине смешно, почему рак должен возникнуть у него, а не у милиционера за клумбой, как объяснял в московской беседке Казбек. Хорошо в таинственной ночной Черкессии. Везде

гирлянды красного перца на белой стене под лампой. Сейчас даже о смерти он мог думать спокойно. В конце концов, есть записная книжка, в которую можно записывать свои раковые ощущения до последней минуты жизни, и это войдет в науку. Роман даже перестал бояться, что ипохондрия снова нагрянет на него. Захотелось говорить всем, но особенно Казбеку, хорошие слова.

— Чудесная рыба шамайка! — сказал он. — И прекрасный ты человек, Казбек. Выпьем за тебя!

Аминет опять семенила тонкими ногами из летней кухни с тарелками в дом. В доме готовился адыгейский ужин. По-другому, с мужской радостью, стал Роман следить за Аминет, заметил ее немного горбатенький нос, узкое лицо с послушными глазами. Пахло жареной бараниной, курицей, острым соусом.

— Казбек, скажи, а что Аминет могут украсть?

— Могут. За это, правда, сейчас судят. Но боюсь, что старик повелит ей смириться по обычаю.

— Ну, тогда я сам украду ее, — предложил Роман и, даже захмелевший, смутился.

— Укради, — засмеялся Казбек. — Я помогу тебе.

«И поможет, — подумал Роман. — А что если правда жениться в будущем на ней и сделаться Казбеку совсем родственником. У нее, наверно, Казбеков характер с большим стремлением заботиться о людях — и будет, вместо Казбека, заботиться обо мне всю жизнь. Она не жгучая кавказская красавица, не царица Тамара, даже не брюнетка, как и брат ее, но послушная, добрая и до мизинчика милая».

В темноте вечера кричали вокруг по аулу древесные лягушки, как будто милиционеры спокойно и долго свистели в свои свистки. По двору, недалеко от ног, прыгали, шлепались животами о землю небольшие жабки.

«Черт побери, как же быть с Аминет? — размышлял Роман. — Подумаю об этом завтра — трезвый. Вот штука — украсть дочь у гостеприимного старика Ибрагима! Как кутался он в бурку и жал мне руку. Говорил, два праздника у него сегодня: сын и гость. «В Москве живешь? — спросил. — Барашку любишь? Уже жарится». Итальянец Ксаверио Главани еще в начале восемнадцатого века писал про черкесское гостеприимство... забыл — как».

Они сидели уже в маленькой комнате дома вдвоем, отдельно от старших. На одной белой стене были старые фотографии черкесов с кинжалами, на другой, над кроватью, выцветший ковер — «Совет в Филях». В соседней комнате — мужчины постарше, в третьей — старики с Ибрагимом. Казбек и Роман выпили опять водки, поели жареной баранины с острой подливкой. Прибежала Аминет, выхватила у них грязные тарелки, принесла в чистых мягкого куриного мяса с рисом и тоже с острой подливкой. Казбек схватил сестру за талию, насильно усадил на свою табуретку. Роман увидел близко ее испуганный, как у птенца, рот, скачущую жилку на шее и захотелось отнять у Казбека девочку, прижать к себе, убежать с ней в темноту, и пусть поплачет у него на руках, а он, целуя, станет ее успокаивать. Аминет бесшумно вырвалась, убежала.

— Очень любит отца, не хочет огорчать, — объяснил Казбек.

Когда Аминет прибежала снова, Роман сказал:

— Не хочешь сесть с нами за стол, так скажи хоть, как эта курица называется?

— Чэтщыпс, — проговорила она смущенно.

«Низкий голос, — подумал Роман. — И ноги ее уже с темными волосками, стесняющиеся уже, совсем не девочки ноги, хоть и тонкие; губы полноватые и горячие, наверно, черт возьми, если потрогать».

— В каком ты классе, Аминет? — спросил Роман.

— В девятый перешла, — покорно остановилась перед ним девочка с большой банкой яблочного самодельного компота в руках. — Хотите, шамайки еще принесу? Вам хорошо у нас, Роман?

— Аминет, говори мне ты, — попросил он и неуклюже встал, потому что она все стояла.

— Да сиди же, Ромаша, — схватила она его за ковбойку маленькой рукой и, смутившись, убежала.

Старик Ибрагим заглянул к ним в комнату, постоял у порога с радостным длинным лицом, двинул в их сторону большим стеклянным бокалом с водкой и пропал.

Роман водки выпил много, но сильно не опьянел, потому что наелся теплого жирного мяса. «Счастливый человек Казбек, — раздумывал Роман. — Приедет с дипломом в свою Черкессию лечить этих людей, женится на девушке, мягкой, озорной, как Аминет, будет она заботиться о нем каждую минуту. А что мне делать с моим дипломом? Больных лечить не могу, так как переносу на себя их болезни». Думая это,пил холодный компот из яблок, которого пить можно было сколько угодно. Вдруг жалко стало Аминет и, тоже застенчивую, ее мать Шихархан, невесток, соседок, других женщин, которые готовили еду, носили тарелки, а есть могли только в летней кухне, на дворе. Что если в самом деле украсть чудесную Аминет с большим горячим ртом и посидеть с ней в московском ресторане. Поскольку работать с больными не хочется, после института он станет историком медицины и особенно глубоко займется народной медициной черкесов с древних времен, научится языку, каждое лето с Аминет будут они приезжать сюда расспрашивать стариков-знахарей. Это и к этнографии близко! Вот как славно все складывается!

11

Из другой комнаты послышалась адыгейская музыка.

— Ромаша, пошли танцевать, — сказал Казбек.

Роман с полным животом поплелся за ним.

В проигрывателе вращалась пластинка. Кроме того, мужчины хлопали в ладоши в такт песенке и кричали:

— Ай-да-дарайда, Ай-да-дарайда, Ай-да-дарайда, райдайда!

Старик Ибрагим, расставив в стороны длинные руки с коричневыми грузными кистями, выпятив грудь, гордо топтался на месте, а Аминет с поднятыми тонкими руками семенила возле отца туда-сюда, горбоносая, с узким милым лицом, горячим ртом, уже без фартука — в желтом легком платье повыше коленок. «Украду, украду, — думал Роман, глядя, как по обычаю, Аминет танцует со всеми стариками по очереди. — Такая трогательная должна прислуживать!» Роман все чувствовал к Аминет сильную жалость, почти влюбленность. И раньше, бывало, влюбленность возникала из жалости. Но из-за тре-

возможно-трусливого ипохондрического раздумья над своей «раковой обреченностью» уже больше года влюбленности не было, а тут опять знакомое это состояние, хотя и объелся.

Потанцевав со стариками, Аминет выбирала, какую поставит еще пластинку.

— Ступай, танцуй, Ромаша, — пнул его кулаком в спину Казбек.

— Да я с охотой, только бы ту же музыку.

Казбек крикнул сестре по-адыгейски, и она поставила старую пластинку. Роман поклонился Аминет, они стали танцевать — им захлопали, запели айдадарайду. По тому, как хохотал, закрывая кулаками глаза, Казбек, Роман понял, что делает не так, но разобраться не мог. Наконец, понял, что танцует, как Аминет, бессознательно подражая ей, а надобно по-мужски топтаться на месте с выпяченной грудью, расставив руки и не поднимая их вверх. «Как хорошо, — думал Роман. — Буду заниматься историей черкесской медицины, а жена моя — черкешенка».

После танца почувствовал, что все-таки здорово захмелел. Не заметил, как очутились с Казбеком снова в той комнате, где пировали, как приготовила им Аминет постели. Пожелав спокойной ночи, убежала с прозрачными розовыми ушками, как показалось Роману. Раздевшись, он залез в белоснежную постель и не перестав еще погружаться в куриный пух перины, уснул.

12

Проснулся Роман в восемь утра. Последние полгода утро было для него самым тяжелым временем — временем вязких, скверных мыслей. Сейчас же, несмотря на головную боль от вчерашней выпивки (словно рвались в мозгу тонкие нити), в душе была радостная приподнятость. У другой стены спал под простыней Казбек — длинное, тонкое, живое тело. «Вот как нужно, черт возьми, жить — наслаждаться красками жизни, — подумал Роман. — Теперь всегда буду так жить».

— Казбек, Аминет это по-русски Аня? — спросил он.

— Аня, — проснулся Казбек.

— Казбек, милый, а вчера я, пьяный, не вел тут себя плохо? Может быть, против обычаев...

— Вел ты себя отлично. Вставать пора, в ущелье пойдем. Возле Романа — ковер «Совет в Филях». Над кроватью Казбека — на куске ткани белая голова олененка среди зеленых листьев винограда. Под окном говорили по-адыгейски Шихархан и Аминет. Из перины смотрел Роман на кусок тростниковой крыши в голубом небе. Кудachtало много кур.

13

С крыльца, в просветы между виноградными листьями, за забором, Роман увидел большой огород с красными помидорами. Во дворе, у каменного круглого колодца, стоял коренастый, как дуб, грецкий орех. Заметил Роман синицу рядом с кистью винограда. Сутились весело возле летней кухни Шихархан и Аминет, что-то жарилось. «Украду девочку, — подумал Роман. — Кончит школу и украду. Буду с ней ходить в гости, в московские кафе... Черт побери, исследователь древней черкесской медицины и жена его — черкешенка».

— Казбек, женщины стряпают, а мужчины спят еще?

— Обычай, Ромаша. Пережиток моего народа.

«Ипохондрия прошла, — думал Роман. — Вытеснилась влюбленностью в Аминет, в прекрасное утро адыгейского двора с пряным запахом горячего мяса. Понятно, почему Казбек не сделается никогда ипохондриком: в его душе все время такая влюбленность».

Умывшись холодной водой из кумгана, кавказского кувшина, стали с Казбеком есть за столом под виноградом белый адыгейский сыр и жирную курицу в остром соусе. Шихархан и Аминет уносили в летнюю кухню грязные тарелки юношей, приносили чистые. Роман поймал себя, что даже нравится ему, как живет тут мужчинам. Подумал, что Казбеку тоже, видимо, нравится прислуживание женщин: вон как развалился блаженно на своей табуретке. «Ага, нашел я в нем хоть что-то нехорошее», — обрадовался Роман, и стало еще легче. С волнением наблюдал за Аминет в белом с маленькими красными цветками платье, заметил, как у нее пробегающей мимо, без

тарелок, одни тонкие пальчики руки двигались назад, другие — вперед. Движения пальчиков показались знакомыми. Вспомнил: точно так же делала вчера, когда, танцуя опускала руки вниз. Может быть, с помощью этих веселых движений пальчиков с удовольствием вспоминает она сейчас, как танцевала вчера с ним?

— Прекрасный кувшин, — сказал Роман Шихархан, кивнув на кумган на табуретке. — Должно быть, кустарной работы, старинный...

— Нравится? — обрадовалась Шихархан. — Нравится — возьми!

Положила кувшин к его ногам.

— Обычай, Ромаша, — сказал Казбек. — Что похвалишь, то отдадут. Смотри, не похвали корову!

«Кумган будет стоять на шкафу с книгами о Черкессии, — размышлял Роман. — Аминет всякий раз к приходу гостей будет надевать национальное платье».

М.Е. Бурно

14

Ходили по двору куры. Аминет подбегала часто к ящику под грецким орехом.

— Кто там? — спросил Роман.

— Кисеныши, — засмеялась Аминет. Приподняла ладонями пушистого котенка и поцеловала в нос.

«Добрые любят животных, — думал Роман. — Нет, черт побери, а вот бы впрямь завести такую жену. Будет готовить чудесную черкесскую еду, держать в полном порядке дом, не помышляя о хозяйственной помощи мужа. Кроме того, станет моим переводчиком в разговорах с адыгами о народной черкесской медицине». Однако, как же не совестно ему! Сперва хотел украсть эту милую девочку, чтобы освободить от прислужничества, а теперь сам готов поработить ее. Какой все-таки он жуткий эгоист, барин, воспринимающий человека прежде всего как возможного своего слугу. Вот каков он на самом деле, а Казбек просто не раскусил его. Но вокруг было много утреннего солнца, очень свежа была тень винограда, в которой сидели, куры весело ходили по двору, и не было больше сил упрекать себя.

10. Психотерапевтическая проза

На крыльцо
черных шаров
застегнутой н
пальцами, пох
голенького в
стола на табу
— Хороши
барашку реза
Зевнул, пр
плакал. Амин
тро надела ем
должал плака
обглоданную
сосал, плака
— Ай-да-
няв Моса по
песенку, а п
Ибрагим
тер большо
долговатое
Моса. «Укр
рика с обви
добрый, а д
придумать
его в нем
Чего я все
кессии, на
— Мос
Ибраг
губки, по
— У-у
«Слав
про себя
Ибраг
Шихарха
вать их в
— Су
Злющий
чтоб отп

На крыльцо вышел заспанный старик Ибрагим в мятых, черных шароварах, в шерстяных носках и серой рубашке, не застегнутой на седой груди. В мясистых коричневых руках с пальцами, похожими на жареные котлеты, он держал грудного голенького внука. Подойдя к завтракающим, сел недалеко от стола на табурет и сказал про внука:

— Хороший мальчик. Зовут — Мос. Ходить начнет — опять барашку резать будем.

Зевнул, приложил палец-котлету к носу и чихнул. Мос заплакал. Аминет подбежала к отцу, опустилась на колени и быстро надела ему на ноги большие тапки со шнурками. Мос продолжал плакать. Ибрагим подошел с ним к столу, взял у Казбека обглоданную куриную косточку и дал Мосу пососать. Мос пососал, плакать перестал, Ибрагим снова сел с ним на табурет.

— Ай-да-дарайда, ай-да-дарайда! — запел Ибрагим, приподняв Моса подмышки, и Мос засучил ножками под вчерашнюю песенку, а потом стал обнимать деда.

Ибрагим подсел к столу, съел жирный кусок курицы, вытер большой рукой нос, большие губы и потом все свое продолговатое копченое лицо, а в другой руке держал голенького Моса. «Украду ее все-таки у этого коричневого неумного старика с обвислыми плечами, — думал Роман. — Правда, старик добрый, а для неумного человека самое лучшее, что можно придумать, это чтобы он был добрый. Впрочем, по неумности его в нем и обычаи сидят так крепко. Ну да к черту анализ! Чего я все мыслю, мыслю, я ведь сейчас на каникулах, в Черкессии, надо эмоциями жить».

— Мос, покажи, как бабушка сердится, — попросил Казбек.

Ибрагим сказал это Мосу по-адыгейски, и Мос, вытянув губки, потянул:

— У-у-у!..

«Слава богу, бабушка имеет право сердиться», — отметил про себя Роман.

Ибрагим понес Моса в каменный сарай — показать корову. Шихархан появилась с охапкой сухих стеблей, стала запихивать их в железную печку на дворе.

— Сухая амброзия, — назвал Роману стебли Казбек. — Злющий здешний сорняк и аллерген. Пойду попрошу папашу, чтоб отпустил с нами в ущелье Аминет.

Аминет гладила «кисенышей», прислушиваясь к адыгейскому разговору отца и брата в сарае. Вдруг радостно всполошилась, и снова длинные ее пальчики задвигались туда-сюда.

15

Когда шли по аулу, Роман наблюдал проходивших мимо женщин. Крепкие, горбоносые, приземистые, часто с черными курчавыми волосами на загоревших икрах, представлялись они ему смиренными, но грубоватыми. «Аминет особенная, — думал он. — Она классическая черкешенка, потому что милая в каждом маленьком своем движении».

Многие дома были из красного кирпича с адыгейскими железными узорами на железных крышах. Белела всюду цветами акация, сухая, колючая, как многие растения и животные жарких мест. Бродили по улицам куры, все больше черные, и стада индюшек. Поджарые черные и коричневые коровы паслись за домами в поле. И пастух на черной лошади — поджарый, смуглый, с буханкой хлеба, воткнутой между ремнем и полушубком.

На краю аула — адыгейское кладбище, заросшее кустами. Казбек сказал:

— Адыгейское кладбище — самое бедное кладбище.

Кладбищенского забора не было, и ограды стояли только вокруг нескольких могил с мусульманскими полумесяцами или военными пятиконечными звездами. В другие могилы просто закопаны пеньки: два пенька в мужскую и один — в женскую.

— Я видел, как долго хоронят на русском кладбище, — сказал Казбек. — У нас это делается быстро. Прибегут с мертвецом, закопают и уйдут.

«Как замечательно, что даже вид кладбища и слова Казбека про смерть не возвращают мою ипохондрию, — думал Роман. — Я все так же радостно напряжен в душе». Он посмотрел на Аминет, тихо идущую рядом, торжественно вытянувшую руки вниз и двигавшую весело пальчиками. Что если правда она вспоминает так вчерашний их танец! А хорошо жить тут и умереть тут в глубокой старости для этого тихого заросшего кладбища. Аул стоит больше ста лет, живет в нем много людей, а могил всего несколько. Хорошо жить без ипохондрии и знать,

что вечером опять адыгейский ужин, что рядом Аминет, которую он, быть может, любит. Вот если б у него вся жизнь была как любовь, то и не было бы никакой ипохондрии.

Сели в автобус — ехать в горы.

16

Прохладно было в голых скалах от тени и горной шумящей речки. Всюду, куда проходило солнце, застыли на белых камнях чуткие ящерицы, росли кривые, крепкие деревья. В шапках темного мха лежали валуны. Роман представлял, как во времена Пушкина, молодого Толстого бесшумно ходили тут горцы — ни один сучок не трещал под ногой. «Черкес оружием обвешен; он им гордится, им утешен...» Аминет козочкой бегала в разные стороны, искала редкие, хилые здешние грибы в кожаную сумку.

— Покажи, Аминет, как растут грибы, и как ты их ищешь, — попросил Роман. Опустился рядом с девочкой на колени, их лица были близко, от тонких ее пальчиков, ощупывающих мох, пахло грибами. «А как хорошо было бы, — думал он. — К нам приходили бы медики, историки, а она, нежная, застенчивая черкешенка, приносила бы из кухни на стол, например, жареную адыгейскую курицу — четлибж. Нет, позер, позер я, право, позер и поработитель. Этакое эгоистическое у меня мышление. И ипохондрия моя возникла, конечно, на эгоизме, из жуткой заботы о самом себе. Нет, нужно и про Аминет подумать. Она тоже будет заниматься наукой... С утра, позавтракав черным кофе с печеньями с маслом, будем садиться за письменные столы. Однако даже в любви сколько у меня анализа, мудрствования!»

Вышли на такое место, где столбами, всюду, где можно, стояли ясени. Их корни, вылезая из земли, переплетались, как змеи. Роман записал это в книжку.

— Казбек, а это дерево с белым, гладким стволом — граб? — спросил он и, не слушая Казбека, стал писать в книжку: «Как интересна мне эта необычная для меня природа, как хочется изучать этих прытких ящериц, ловить насекомых, собирать гербарии. По-видимому, любовь к черкешенке Аминет поднимает меня».

О характерах людей

Внимательно наблюдал Роман, как пробирается между острых камней черный жук. Вдруг свалившаяся сверху — без человека, одной природой, — щепочка столкнула жука в белую струю воды. Струя пронесла жука над камнями, бросила в речку, и черной точкой жук поплыл к водопаду, откуда ему уже не выбраться. «Вот, случайность, — подумал Роман. — Так и меня в один несчастный миг может сбить в могилу какой-то внешний или внутренний предмет природы. Неважно содержание этого предмета (рак, лейкоз, автомобиль, бомба), важно, что никто не может гарантировать мне, что я проживу до конца весь завтрашний день». Однако Роман удивился, что эти его мысли не сопровождаются тревогой, как еще вчера в поезде, а висят бесчувственные, чисто интеллектуальные, и потому не боится он их. «Это все-таки оттого, — размышлял он, — что душа приподнята другим, заботой о девочке Аминет, может быть, любовью к ней. Любовь, по сути дела, и есть забота. Потому возникает она у меня часто из жалости. Надо всю жизнь о ком-то заботиться, тогда никакая ипохондрия не войдет в меня. Мамин-Сибиряк писал, кажется: смерть — это когда думаешь только о себе, и ее нет, когда думаешь о других».

17

Втроем стояли у края пропасти. Внизу, в черной тени — голые скалы, на дне пропасти — речка. Навязчивое желание возникло у Романа — приближаться и приближаться к краю пропасти.

Зловеще представилось, как можно полететь в пропасть, задеть головой камень и выронить мозги. Очень захотелось вдруг жить, и стал толкать в пропасть большие камни. Царапая скалы, цокая, камни с бултыхом уходили в воду, и Роман получал физическое удовольствие от того, что в пропасть летит камень, а не он сам.

Казбек вынул из авоськи арбуз, и они не съели, а выпили его холодные, сладкие, красные куски. Держась за стволы деревьев, стали подниматься по тропинке. Аминет бежала первая и, если там можно было пройти, кричала:

— Могако!

Роман понял, что «могако» — значит «сюда», сам стал бегать вперед и кричать под их смех:

О характерах людей

— Могако!

«Я потому сейчас счастлив, что отчетливо вижу через любовь свое дело, — думал он. — Это не просто — найти свое дело, то дело, которое получается у тебя лучше, чем другие дела. Если еще Аминет возьмется изучать древнюю кавказскую культуру, то здорово мне поможет: ведь писатели, художники изображали всегда и врачей, и способы лечения».

18

М.Г. Бурно

В аул вернулись в темноте с крупными южными звездами в небе. Светились своими животами светляки. Роману хотелось пить, и, как только вошли в пустой двор, он достал из колодца ведро воды, зачерпнул большой эмалированной кружкой. Когда с острым физическим удовольствием пил чистую холодную воду и увидел мокрое дно кружки с маленькой отраженной луной, пронеслось в голове, что будет сейчас славный адыгейский ужин, а потом — танцевать с Аминет, и подумал, как же хорошо жить, вот как надо жить. Недалеко плакал шакал, аульные собаки облаивали его. Древесные квакши уже понемногу свистели милиционерами.

Аминет снова бегала из летней кухни в дом с тарелками, из дома в кухню без тарелок. Роману захотелось несколько минут, пока не готов ужин, походить где-то в темной тишине, хоть на огороде, чтобы обдумать сегодняшний особенный день, чтобы выложить перед собой мысли про Аминет, про то, как быть дальше. «Должно быть, для любви к женщине, для любви к жизни требуется и немного одиночества», — соображал он.

1968

Зал редких книг (психотерапевтическая повесть)

1

В конце июля на закате солнца в Москве Медведева и Пичугин вошли в белоснежный теплоход «Волга».

В их каюте было два дивана, между ними у окна стол, за шторой умывальник и стенной шкаф. Главное же, никому не нужно было знать, в законном они браке или просто так. Есть билеты — и ладно. Потому что это был не туристический теплоход, а обыкновенный, для передвижения пассажиров и грузов от Москвы до Ростова-на-Дону и обратно. Но за билетами в каюты первого и второго класса люди полгода стояли в очереди, потому что плыть в такой каюте, когда на корме стеклянный, уютный ресторан, а на носу салон и в двух шагах от каюты душевая с могучими струями и берега все время меняются своей природой, людьми, деревнями, городами, а в больших городах теплоход стоит по несколько часов и многое можно посмотреть, передвигаться так самым древним способом для многих людей — прекрасно.

Медведевой было тридцать, Пичугину тридцать два, и, кроме того, они были сейчас в состоянии острой влюбленности друг в друга. При задержанных коричневых занавесках на окне они стали целоваться, дорвавшись друг до друга, с искренними постанываниями, пьяными шептаниями, опытно, без всякой уже юной застенчивости, хотя для Медведевой быть так близко и запертой, наконец, от других с любимым мужчиной случилось впервые. В то же время оба ясно понимали, где они, что происходит, и немного обдумывали в поцелуях свои проблемы и мелочи. Медведева думала, что наступает, наконец, кажется, в ее жизни священный момент превращения в женщину, и что надо бы поставить сейчас на полку свои книги и папки, а на стол белый кофейник, с яркими нарисованными ромашками, и что это будет чудесно — в тени палубы писать статьи по истории психиатрии, а элегантная старуха, которая свирепо смотрела в морской бинокль на берег, — либо истеричка, либо шизофреничка. Пичугин же думал, что вот начинается головокружительное счастье и что сразу после путешествия или будущей весной, чтоб дочке исполнилось хотя бы три года, надо разводиться с женой, и что хорошо будет, поглядывая на Волгу, писать рассказы, ощущая совсем другой, не технический, обрывдлый ему ход душевной работы.

Полгода в очереди за билетами на теплоход стояла тоже незамужняя еще подруга Медведевой. Они вместе мечтали

плыть, но Медведева недавно попросила оба билета. Подруга с внутренней, смущенной завистью пожелала ей счастья.

Они вышли на палубу, встали рядом с элегантно-свирепой старухой и тоже смотрели на Речной вокзал в вечернем солнце с массой арок, фигурами трудовых людей тридцатых годов. Каменная лестница спускалась к теплоходам. Черная, спокойно-вечерняя вода. Между окурками здоровенный плавает огурец.

2

Медведева и Пичугин познакомились в Ленинской библиотеке, в зале редких книг. Пичугин недавно случайно обнаружил этот всегда почти пустой зал для чудаков — любителей древности, где можно хорошо позаниматься среди растений за отдельным столом.

Столы здесь громадно-старинные, тяжеленно-дубовые и такие же стулья. Чтобы стул подвинуть, пришлось его двумя руками приподнять и опускать с бережной нежностью, потому что была тут чудесная старинная тишина. Всего несколько человек в зале, и многие столы свободны.

Сочно-зеленые массы цветов — на подоконниках, на столах, в углах зала. Здешние библиотекари, видно, глубоко увлекались цветами. Пичугин не видел никогда таких мясистых листьев герани, таких упругих великанш-бегоний, в которые хотелось по-детски вгрызться, как в капусту.

Он сел за стол в заднем углу зала, где особенно много цветов и чтобы всех видеть, и открыл папку с начатым рассказом про одинокую женщину, свою начальницу. Хотелось поработать над описанием ее костюма и рук, переставляя местами слова в черновике и поглядывая сбоку, не ярче ли вышло от этих перестановок.

Каждодневная работа в конструкторском бюро сделалась для него омерзительной, и дома тоже неладно. Дочка без конца болеет ангинами, случались даже воспаления легких с угрозой перейти в хроническое. Жена мало работала на своей музыкальной службе в детском саду и, несмотря на скромный их бюджет и частые болезни дочери, твердила: «Вот бы нам теперь сыночка еще! Ох, как хочется много-много деточек нарожать!» — «На какие же шиши жить-то будем!» — раздражался

Пичугин и тут же истощался в своем раздражении, ругая себя за неуклюже грубое слово, но тут же опять раздражало его то, что у жены дыра в чулке, заштопать не может. «Да разве кап-рон штопают?» — удивлялась она и плакала.

Духовного контакта у них не было никакого, писательство его воспринимала она как развлечение вроде собирания марок.

Еще детей Пичугин не хотел. Он даже единственной дочкой тяготился, хотя и понимал, что грех это. Он так загружен постоянным почти напряжением про то, что нет времени на любимое, сокровенное писательство, что даже не может до сих пор прочувствовать по-настоящему, что он — отец этой смешной, ласковой крошки, что она родное ему существо, которое не смогло бы без него возникнуть. Всегда в нервной спешке и домашней суете-возне, задавленный необходимостью постоянно ходить в магазины, в прачечную, в аптеку, делать неприятную для него, но весьма ответственную работу в конструкторском бюро. Где уж тут заниматься с дочкой и любить ее не поверхностно, а с глубиной души, тут можно и взвыть, потеряв всякую нравственность!

Ему не нравилось в дочке, как ходит она уточкой, похоже на мать, как ноет-капризничает, что папе-де хорошо, он компот еще не доел, а я уже доела. В таком же духе и жена поговаривает: «Соседке хорошо, ей муж шубу купил».

Глупа жена, конечно. Так глупа, что и серьезной злости к ней нет. Он девочке, к примеру, запрещает грязнить пластилинном пол, а жена тут же разрешает и приговаривает: «Ух, папка какой, не разрешает! Ух, мы ему покажем такому-сякому, как нам не разрешать. Пусть-ка он лучше побольше зарабатывает, чтоб доченьке своей мог клубничку покупать, а не только ре-диску да репку». Тыфу ты! Вот противность глупая. А в субботу и воскресенье теща приезжает и пуще угнетает, что-де первый зять машину купил, а ты что для семьи сделал?

Пичугин совсем рассорился с женой и тещей, стал по субботам и воскресеньям уезжать в библиотеку, дело шло к настоящему разводу, и женщины испуганно присмирели.

Пичугин, при склонности своей к самокопанию и самообвинению, не смог себя серьезно упрекнуть в том, что бросает жену с ребенком. Просто он будет жить отдельно от них, пото-

му что с ними, да еще с тещей, морально измучился, дальше некуда. Он даст им четыре пятых своей зарплаты, много ли ему нужно на бутылку молока и пакет супа? И вот тогда он сможет писать рано утром и после работы.

Но тут вставал перед ним один каверзный вопрос — где будет он жить? Если там же, то все будет по-прежнему, потому что не сможет быть просто соседом, а если снимать комнату, то надо много платить.

Пичугин сам не знал, как он позволил себе совершить две такие тяжелые ошибки: окончил технический вуз, послушавшись родителей-инженеров (дескать, технический кусок хлеба — во всех отношениях хороший кусок), и женился на духовно-ограниченной девочке-нянечке, которая не способна посочувствовать ему, когда журнал в очередной раз отказывается печатать его рассказ, которая только и хочет, что «деточек побольше нарожать», неизвестно зачем. Как проглядел он за наивной узколицей кривой улыбочкой самку с неумным рожательным инстинктом! Вот и трудится ломовым грузчиком умственного труда, совершая ответственную, но осточертившую работу, а после работы и домой не хочется — опять жена будет умолять про «еще деточку». Хорошо еще, если среди всего этого удастся пописать по часу или два в неделю.

В таком настроении Пичугин и увидел крупную изящную спину не знакомой ему еще Медведевой — через четыре пустых стола перед собой.

3

На белой вязаной кофте, на спине лежали ее распущенные крепкие каштановые волосы, но без тени вульгарности, благородно, аккуратно распущенные. Она выписывала места из старинных книг в ветхих телячьих переплетах.

Пичугин сразу сравнил ее со своей приземленной женой. Вот бы с кем вместе жить! Интерес к книге, волнение, с которым читала, — все это выразительно светилось в ее красивой крупной спине. Он представил, что вот так она могла бы читать его рассказы, и почувствовал, что, хотя не видел еще ее лица, все в ней — и вязаная кофта, и богатые волосы, и пух на

10. Психотерапевтическая проза

шее — для нег
ственно-женст
тянет к ней. Та
ти не было ещ
Он вспом
пороге разво
Главное же —
тью, бредом с
бы с кем кажд
раивает ему и
ку, а эта сама
Чтоб увиде
читального за
нее, она тут ж
тересованным
ше и сейчас т
потерять, что
ней и спросил
— Прости
— «Эконом
красно, что о
ей легче позн
шел», — рад
— Это на
чугин.
— Да, кон
телята, из ко
нецивилизов
У нее пол
ялась, что о
собирается
ства и что об
давно друг д
нить все.
На улице
нула из сво
ную целлоф
полями и во
ными капля

шее — для него такое домашнее, близкое и в то же время таинственно-женственное, что его просто приподнимает со стула и тянет к ней. Такой неожиданной, острой, нежной влюбленности не было еще в его раздрябше-подсохшей душе.

Он вспомнил, что ему еще всего тридцать два года, что он на пороге развода с женой, и наполнился мечтами и надеждами. Главное же — эта влюбленность не была голой чувственностью, бредом сердца, а происходила из раздумья о том, что вот бы с кем каждый день разговаривать и читать книги. Жена устраивает ему истерические скандалы, когда он покупает книжку, а эта сама будет покупать книги.

Чтоб увидеть ее лицо, он встал, будто нужно ему пройти из читального зала в музей старой книги, и когда посмотрел на нее, она тут же сама посмотрела в его лицо блестящими, заинтересованными глазами. Он понял, что она заметила его раньше и сейчас тоже думала и думает о нем, и так испугался ее потерять, что заколотилось сердце. Пичугин пошел прямо к ней и спросил:

— Простите, что это у вас за книги?

— «Экономический магазин», — ответила она, понимая прекрасно, что он совсем не то хочет спрашивать, но так и ему, и ей легче познакомиться. «Господи, как хорошо, что он подошел», — радовалась она.

— Это настоящие телячьи переплеты, — проговорил Пичугин.

— Да, конечно. Это же восемнадцатый век. Представляете, телята, из которых сделаны эти переплеты, бегали по полям нецивилизованной России двести лет назад.

У нее получилось это так поэтически, потому что она боялась, что он отойдет, спросив. Но тут же поняла, что он не собирается уходить, что он уже преодолел барьер знакомства и что оба они уже как бы вцепились друг в друга и будто давно друг друга знают, нужно только выйти из зала и вспомнить все.

На улице был теплый июльский дождь с солнцем. Она вынула из своего узкого высокого портфеля и надела прозрачную целлофановую шляпу с мягкими свисающими вокруг лица полями и волнистой черной ленточкой у края полей. Под крупными каплями дождя поля будто прилипли к лицу, и по ним

потекли капли. Пичугину жутко захотелось схватить обеими руками это круглое крепкое милое лицо, обернутое в мокрый целлофан, и гладить, размазывать капли по лицу и этой чудесной, прозрачной шляпе.

Они вошли молча в метро, ехали вниз на эскалаторе, а внизу он предложил пойти в Александровский сад, и они стали подниматься наверх. Пичугин стоял позади нее, на две ступеньки ниже и глянул на ее нежно-гордые ноги на высоких каблуках, полноватые, но с кошачьей стройностью. Медведева чувствовала, что он смотрит на ее ноги, и это не смущало ее, как раньше в таких положениях, а напротив, было приятно и радостно и хотелось смотреть, как он смотрит.

4

М.Е. Бурно

Пичугин преклонялся перед самым неизвестным и пресным писателем, поскольку завидовал его счастливой возможности писать с утра, позавтракав, несколько часов, понимая это как ежедневную работу-обязанность. Или ехать в Среднюю Азию, Сибирь в творческую командировку — то есть жить там живой жизнью, переплавляя осознанно-бессознательно внутри себя все это в рассказ. Эта зависть захватывала его, пьянила надеждой — вдруг и с ним когда-нибудь это будет, ведь все-таки делают же люди писателями и после тридцати двух лет.

Ни один из его рассказов не был еще напечатан, и любой напечатанный где-то рассказ, даже скучный, представлялся ему святым и законченным сгустком души, вечной ценностью за одно то, что теперь не мог он уже устареть, выказать какую-то свою неправильность, как, например, научная статья или лекция. У него было пока только двенадцать законченных напечатанных на машинке рассказов, медленно выточенных, доделанных так, что больше уж ничего не изменишь в них.

Пичугин надеялся, что рассказы будут напечатаны — и это было пока единственной опорой его души. И все же он понимал, что не нашел еще своей тропы в искусстве и, выписывая эстетски-чувственные фразы с претензией на вечные метафоры, подпиливая и подтачивая их, как столяр, рассматривая сбоку, переставляя слова и рассматривая вновь, подражает

10. Психотерапевтическая проза
Олеше и Козин
ной структуры
смысле, что ем
по-настоящему
выразить свое
после него.

Он расска
мейке и попра
разобраться в
помощно как
при этом ум, п
крупной деву
гладила его с
очень хотела

Он проче
саниях бело
Она наверня
рактеры. Во
книг.

Медведе
атр-психотер
но и по-род
тельностью

5

Медведева
шесть лет
удалось ос
в таких слу
больницу.
лекарства
ку, чаще,
их домашн
лась им кв
ников —
он все кре
отличаясь

Олеше и Козину, писателям любимым, но в общем иной душевной структуры, где-то даже чуждым ему. Он знал себя в том смысле, что ему не нужны почести и именитость, а важно ему по-настоящему уважать себя за свои поступки и свое дело, выразить свою жизнь и душу в рассказах, которые будут жить после него.

Он рассказал все это Медведевой в темноте парка на скамейке и попросил ее, как любимую и психиатра, помочь ему разобраться в душевной запутанности, найти свою тропу и беспомощно, как ребенок, прижался к ней щекой. Он чувствовал при этом ум, глубину и доброту влюбленно-встревоженной им крупной девушки с крепкой каштановой массой волос, а она гладила его сангвинической крепко-нежной рукой, целовала и очень хотела ему помочь.

Он прочел уже небольшую ее статью о древнерусских описаниях белой горячки и увидел, как близко это к рассказам. Она наверняка психиатрически поможет ему изображать характеры. Вообще символично, что он отыскал ее в зале редких книг.

Медведева была для Пичугина и любимая девушка, и психиатр-психотерапевт, и даже немного мать, он настолько естественно и по-родному чувствовал себя с ней, что, отличаясь щепетильностью, не смущался плыть на теплоходе за ее деньги.

5

Медведева работала в психоневрологическом диспансере уже шесть лет и любила возиться с больными. Многим из них ей удалось основательно помочь амбулаторно, тогда как обычно в таких случаях диспансерные психиатры надеялись только на больницу. Дело в том, что Медведева не только хорошо знала лекарства, но, энергично и весело разъезжая по своему участку, чаще, чем полагалось, навещала больных дома, вникала в их домашнюю жизнь, помогала устроиться на работу, добивалась им квартиры, защищала от соседей, отчитывала родственников — и в результате всего этого больному делалось лучше, он все крепче влезал в здоровую людскую жизнь, все меньше отличаясь от здоровых, забывая по временам о болезни, но все

время почти думал о докторе как о самом близком человеке, на которого всегда можно опереться в душевной боли.

Погрузившись в лечебно-практическую работу, Медведева тянулась к истории психиатрии, особенно древней, так как вообще любила живую, естественную древность без необходимых, но искусственных терминов цивилизации. С каждым годом она понимала все отчетливее, что изучает старые книги, читает с большой охотой художественное и философское, смотрит спектакли и фильмы, в конце концов, для того чтобы через все это лучше понимать своих больных и основательнее им помочь.

Она жила вместе со своей матерью, старым психиатром, пенсионеркой. Мать подолгу смотрела телевизор, читала толстые романы и строго спрашивала с дочери, где была и с кем, звонила по телефону подругам дочери, чтобы проверить, действительно ли с ними была в театре. Медведевой легче было при этих строгостях работать на полторы ставки — меньше отчитываться. Наконец, мать заметила, что в тридцать лет дочь еще не замужем, а хотелось бы уже внука. Дочь с тактичной своей сангвиничностью сказала:

— Мама, ты так со мной строга, что я боялась прийти домой после девяти вечера. Какие же тут женихи! Не могу же я сразу человека позвать домой, как ты хочешь. Надо же с ним прежде на скамейке посидеть в темноте.

— Ерунда какая! Я ничего тебе не запрещала, — ворчала мать. — Делай что хочешь, но только не так, как сейчас все делают, то есть сразу в постель.

Седая, крепкая, энергичная, как и дочь, в роговых очках, вечно хмурая, мать отличалась прямолинейностью, которая всегда делает человека духовно ограниченным, поскольку он не способен признать и понять свою неправоту, тут же забывает ее и потому искренне считает себя всегда правым. Точно так же она забыла, что муж ее, отец дочери, умер на улице от опоя, когда она выгнала его пьяного на улицу, и теперь искренне считала, что умер он от того, что переборщил на каком-то банкете и сдало сердце — и все.

В тридцать лет Медведева начала, наконец, искать спутника жизни. Ей даже снились эти романтические спутники, и были такие сновидения, о которых никому не расскажешь; природа

брала свое. Но кому ты нужна в тридцать лет! Вчерашние студенты поженились уже на своих однокурсницах или девятнадцатилетних девочках. Стыд-позор, тридцатилетняя старая дева, приходится даже напускать на себя легкую вульгарность, чтоб не подумали, что дева, событие исключительное для нашего века.

Встреча с Пичугиным была как дар Божий. Медведева даже испугалась, не снится ли это. Ведь такой одухотворенный, умный мужик, она сразу тогда в библиотеке почувствовала его тонкие токи, а раньше лишь дребедень всякая обращала на нее внимание. Она заставила себя не поверить в то, что из этого может выйти серьезное, подумала: «Хоть девственность проклятую с ним порушу, и на том спасибо».

В Пичугина она влюбилась сразу за милую его неловкость, худощавость, морщинистое продолговатое лицо — мужское с густой бородкой, но и с каким-то едва уловимым светом нежной девушки. Когда надевал он белую фуражку, то делался похожим на инженера из горьковских пьес.

Она не удивилась и не расстроилась, когда услышала от него, что у него жена и дочка. Ей даже легче сделалось, когда узнала, что у него семья: без этого все было слишком уж сказочно.

Некоторое время Медведеву беспокоила совесть, что участвует в несчастье его близких, но потом успокоилась на том, что сама-то, может быть, была раньше еще несчастнее.

6

Итак, впереди прекрасное путешествие самым древним способом, по Волге, хотя, в отличие от древности, работают современные шлюзы и Волга соединяется с Доном. Десять дней до Ростова-на-Дону и десять дней обратно жить вместе в уютной каюте с душевным ромашечным кофейником на столе.

Две недели они обнимались и целовались в парке на скамейке, и, если б не теплоход, то не выдержали бы и укатали на электричке в лесную траву.

Пичугин любил так остро в первый раз. Он судил об этом по тому, что когда ел теперь что-то вкусное, например кусок торта в гостях у соседей, то страдал, что она этого не ест.

Он постоянно теперь в душе все бежал к ней. Когда жена, по обыкновению, зевала так сладко, что раньше хотелось только погладить ее, как кошку, то теперь, погладив, хотелось бежать к Медведевой. Когда же жена раздражалась на него, придираясь к пустякам, ему было легче за свой грех перед ней: дескать, вот ты поведением своим и заслуживаешь все это. Пичугин даже хотел ее раздражения. Вообще теперь, что бы ни случилось, он всегда мог душевно успокоиться с мыслями, воспоминаниями о Медведевой.

Еще одно серьезное изменение в нем говорило, что влюблен необычно. Раньше он почти постоянно с напряжением думал о предстоящей когда-нибудь, а может, вот-вот, смерти и боялся умереть, не оставив себя в своих рассказах жить дальше. Действительно, разве умерший хороший писатель не есть живой человек, когда столько людей думают о нем и чаще, и глубже, нежели о каком-то человеке, живущем сейчас в банальном смысле. Так вот теперь он иногда замечал, что ему достаточно было бы того, что Медведева переживет его, будет его вспоминать и плакать. Вот теперь высшее для него счастье.

Боковыми, окольными мыслями Пичугин понимал, что это он так поглупел, опьянел от любви: так легко смотрит на смерть и смысл жизни только восторженный дурак или веселый пес. Среди накрапывающего летнего дождя в темноте на скамейке в сквере он ей говорил, что так хорошо к ней относится (они не говорили между собой слово «любовь»), что, верно, прыгнул бы за нее в огонь, а раньше только смеялся над подобным в романах.

При всем этом он стал теперь относиться к жене все-таки добрее, теплее, но только как к милой нянечке, немного вздорной и все же родной. Не хотелось жить с нею и с дочкой, так на нее похожей, как не хочется жить с родителями, когда полюбил и жаждешь быть наедине с любимым человеком.

Медведева тоже почти все время думала о нем. Среди всяких других желаний чувствовала она в себе острое, малопомятое ей желание — пусть будет так, чтоб он делал с ней все, что ему хочется, потому что все, что здесь ему хочется, ей тоже хочется. Теперь, с ним, все прежние мимолетные влюбленности ее представились ей инородно-игрушечными. Медведева чувствовала, что начинавшаяся в ней старая дева, то есть

10. Психотерапевтическая проза
некоторая все
маской вольга
все это умерло
сти. необход
ро-прекрасно
сейчас.

Только теп
нулся уже Сер
травой и очен
шенько запер

Пичугин у
ственное, как
ность радуе
друг в друга, р
тать — чита
тать ее истори
поможет ему
разъяснениям
просто новых
дру, то в Сред
больше лет пр
тошения в эт
хотя необход
ное — это их

Медведева
как будет по
сейчас, насто
себе мечтать
хотелось быт

7

Когда вышли
гало желто-з
длинных обл
тьев вместе,
женщин в дл
как костляв

некоторая все же пугливая встревоженность, хотя и за легкой маской вульгарности, застенчивая осанка и тому подобное, — все это умерло сейчас в ней на пороге их окончательной близости, необходимой, банальной, но для нее таинственной и остро-прекрасной до того, что не верится, что это произойдет вот сейчас.

Только теперь, когда теплоход, наконец, плыл и мимо тянулся уже Серебряный бор с изумрудной от вечернего солнца травой и очень красными купальниками купальщиц, они хорошенько заперлись в каюте и встретились бесконечно глубоко.

Пичугин увидел, что испытывает в это время не только чувственное, как было это с женой, а сквозь острую чувственность радуется тому, что они не только вот так будут уходить друг в друга, растворяться друг в друге, но будут вместе и работать — читать, писать, говорить о прочитанном, он станет читать ее историко-психиатрические статьи, а она его рассказы и поможет ему своими физиологическими и психиатрическими разъяснениями, а летом в поисках творческого материала и просто новых впечатлений они будут путешествовать то в тундру, то в Среднюю Азию, то в Сибирь — и только бы больше, больше лет прожить так вместе. И после остро-любовного истощения в этой постели он понимал, что произошло сейчас, хотя необходимое, но не самое яркое, а самое яркое и важное — это их духовная совместная творческая жизнь.

Медведева тоже думала-мечтала о будущих путешествиях и как будет помогать ему писать рассказы. То, что произошло сейчас, настолько обезволило ее, что уж не могла запрещать себе мечтать. Они все лежали, прижавшись друг к другу, не хотелось быть отдельными телами.

7

Когда вышли в этот вечер на палубу, солнце еще немного брызгало желто-зеленой влажностью из-под низких лилово-серых длинных облаков. Это было лето и коротких, и длинных платьев вместе, и приятно было Пичугину смотреть на тоненьких женщин в длинных до полу ярких и неярких платьях и юбках, как костлявыми кулачками подтягивали они юбку вверх и

стучали каблучками по палубе и по ступенькам вниз в машинное отделение, где кипятик и буфет.

Но прекрасней всех была для него, конечно, Медведева, совсем не тоненькая, а настоящая русская барышня с зонтиком, в белой широкой шляпе и с блестящими влажными зубами. Ему было и забавно, и остро приятно от того, что на округлом милом, немного кошачьем ее лице под очень большими умно-строгими глазами горел еще пьяный румянец острой любовной близости, и она не могла с ним справиться и смешно смущалась. Потом вдруг бросила стесняться и обняла его с такой мягкой крепостью, что у него заколотилось сердце, еще больше наморщился лоб, неловко дернулась густая борода и сквозь морщинистую мужественность приподнятого кверху продолговатого лица проступил вместе с румянцем еще отчетливее свет нежной девушки.

Сумерки покрывали и лес на берегу, и гладь воды. Ребята-матросы устроили на палубе танцы под магнитофон и сами тоже танцевали и твист, и шейк с официантками ресторана и уборщицами кают. Пичугин и Медведева тоже потанцевали немного среди двадцатилетних, и старики, прогуливающиеся перед сном по палубе, хмурились на эту белую высокую пару в сумерках (Пичугин тоже был в светлом костюме).

На душе у них было чудесно. Разве только у Медведевой мелькнуло печально-нелепо: неужели у него и с женой было то бесконечно-острое и родное, что произошло у них совсем недавно в каюте. А Пичугин подумал, тоже мельком, хотя и с досадой: зачем послушался родителей и поступил в этот бесполезный для него технический вуз, когда надо было для писательства идти в гуманитарный или медицинский. Но тут же у него все это вытеснилось сильным желанием снова остаться с ней вдвоем в запертой каюте и раздеть дрожащими руками и поцелуями ее большое, славное, чистое тело, вздрагивающее и постанывающее от каждого прикосновения.

Медведевой же сильно хотелось делать ему что-то очень хорошее или своими руками спасти его от чего-то страшного. Ей даже представилось вдруг, что вот если бы он остро сошел с ума, она не отдала бы его ни в какую больницу, а только, обняв, поцеловала бы и тем сняла, купировала психотическое состояние, потому что «он только мой и я сама спасу его

и никому не отдам». Острая нежность-забота так переполняла ее, что она еле удерживалась, чтоб не заплакать, но, когда остались опять одни в каюте, беззвучно заплакала. Но и плакала она с умной тонкостью без знакомой ему глупой набухлости губ.

Пичугин понял это только как реакцию радостного умиления с необходимой долей грусти на случившуюся с ней глубокую жизненную перемену, потому что глаза ее при этом искрились живым мокрым смехом над собой.

Проснулись ранним утром в шлюзе. Пичугин подвинул занавеску — за окном шли вниз влажные серо-каменные стены и становилось все светлее. Посмотрев друг на друга, они весело каждый из своей постели протянули друг к другу руку и, тихо коснувшись кончиками пальцев, сморщили по-детски друг другу рожицы и демонстративно-наsupленно отвернулись к своим стенам, чтобы заснуть. Медведева скоро проснулась и чуть приоткрыв глаза смотрела туда, где отодвинута занавеска.

Там, за стеклом, было теперь солнечно и слышно, как под безоблачным небом трещат на берегу кузнечики. Лесистые березово-осиновые берега выложены камнем у самой воды. Иногда возникали на берегу рябины с уже красными гроздьями.

Медведева тихо умывалась за занавеской, напряженная прежним нежным желанием заботиться о нем как о любимом и ребенке своем — все вместе.

Теплоход остановился у какой-то пристани, она купила там мороженого и газетный кулек вишни у бабки. В каюте вымыла вишню, ловко вытащила все косточки английской булавкой и смешала вишню в белой эмалированной кружке с мороженым.

Проснувшись и увидев это вместе с ее большим чистым округлым лицом, сияющим умом и нежной преданностью ему, с прозрачным пухом на шее, перемешанным с утренними солнечными лучами, он поцеловал ее в широкий нос, в мягкое белое ухо и тут же стал есть ложкой из кружки, ощущая весь мир ярко-белым, как пломбир, ярко-вишневым, как вишня, и остро-вкусным, как все это вместе. Особенно приятно было то, что булавка, которой Медведева вытаскивала вишневые косточки, быть может, была прежде где-то в ее одежде и даже, возможно, касалась ее тела.

Погуляв по палубе, пошли завтракать в ресторан, где у них было уже свое место. В коридоре перед стеклянной дверью ресторана, когда никто не мог их услышать, Пичугин шепнул:

— Я теперь начну дрессировать мою нежность к тебе, чтоб укладываться в несколько, ну, восемь, поцелуев в день.

— Хорошо, — кивнула она, — но только в день, а в сутках их будет гораздо больше.

У него опять заколотилось сердце от этих шутливых, но ясных ее слов о том, что ей хорошо с ним ночью и она этой ночи ждет. Не выдержав, Пичугин поцеловал ее в щеку пронзительно нежно, но в то же время так, как можно было поцеловать на людях, то есть этот поцелуй не помещался в те восемь поцелуев, и они вошли в наполненный солнцем, хрустящий белыми салфетками ресторан на корме, за стеклянными стенами которого по берегам канала шли ласковые русской душе пейзажи.

Здесь, в ресторане, продолжались яркие краски. В салате из помидоров со сметаной помидоры были очень красные, огурцы ярко-зеленые и остро пахли первой-летней огуречной свежестью из белоснежной густой сметаны.

Жигулевское пиво в запотевших бокалах было вкусно своей солено-взрослой, не детски-сладкой вкушностью — как никогда. Они пили это пиво и менялись бокалами, чтобы подчеркнуть то, что они родные друг другу люди: еще сильнее хочется пить из твоего бокала, чем из своего, потому что это тоже хоть как-то прикоснуться к твоим губам лишний раз.

Старичков и старушек, верно, на теплоходе было многовато. Среди полей стояло село с церковью.

Взяли к дрожащей еще яичнице свежий творог и манную кашу, и белый хлеб с маслом.

За соседним столом сидели две девушки из соседней каюты. По всему виду они были очень порядочные и аккуратные девы в возрасте под тридцать. Одна высокая, головой и лицом похожая на курицу и с костлявыми длинными руками. Другая пониже, поплотнее, с круглой мордашкой и веселым носом. Одеты они были в почти одинаковые цветастые легкие платья, и в

крупных, белых, тревожных коленях чувствовалась затянувшаяся застенчивая свежeweымытая нетронутость. В глазах тоже было общее — потаенная робкая, жалкая мольба, обращенная к мужчинам: не погубить, а подарить семью. Так во всяком случае представлялись они Медведевой и Пичугину — и здесь, и на палубе, когда они вязали или читали у своего окна.

— Курица и Карась, — сказал тихо Пичугин про этих дев, склонившихся над своими салатиками и яичницами без всякого хлеба и каш, чтоб не толстеть.

— Точно, — засмеялась Медведева. — Вот увидишь, если они где-нибудь увидят малыша, то непременно склонятся над ним с трогательной нежностью.

Она даже слегка злорадствовала в душе, что вот сама-то уже не та. И им тоже — бросаться бы головой в омут, а не закрывать на ночь окно щелевой доской для безопасности и тюремной духоты. Смелее надобно жить. Вот она Пичугина ужасно любит и очень хочет семьи с ним, чтоб, как говорят, вместе состариться, но, не разведись он со своей женой, влюбись даже в жену свою еще крепче, как бывает после того, как мужчина пожил на стороне, она все равно не пожалеет ни о чем, а будет всегда безмерно благодарна ему за эти нежно-красочные дни, будь их побольше.

И Медведевой, счастливой сейчас, хотелось творить всяческое добро: например, как-то помочь этим девам, закованным в тревожную разборчивость, что особенно ощущалось в Курице с ее бугорками и родинками на шее и брезгливо-повисшем лице. Бедные девы! Только они, наверно, не поняли вчера на палубе, что случилось у Медведевой и Пичугина, когда те вышли из каюты в вечернее солнце с красными лицами и нежно-блестящими глазами.

Взяли еще салат из редиски со сметаной.

Для Медведевой и редиска была слишком красная своим бочком и слишком сочно-белая на разрезе. И она, действительно, была благодарна и жизни, и Пичугину за каждую полнокровную, сочную минуту.

Пичугин же тревожился уже в глубине: вдруг все как-то расстроится, рухнет. Он даже побаивался Медведеву, как это бывает, когда сильно любишь умную женщину. Вспомнил, как прошлым летом выходила замуж девушка, соседка по лестнич-

ной площадке. Жена волновалась так, будто замуж выходит ее дочь, помогала одевать невесту и готовить стол. Вся красная, взволнованная, глупая, она была даже счастливее невесты. В загсе, куда и Пичугину пришлось поехать, после шампанского мать жениха предложила молодым ехать на Красную площадь к вечному огню, и жена при этом взволнованно проговорила: «Да, да, поедemте, поедemте, пусть они там погуляют, красавчики».

Теперь же он сам как в свадебном путешествии медового месяца. Что бы случилось с женой, если б узнала? Пичугин испугался, что вопрос этот может привязаться к нему, но в это время уже вошли они в каюту и он благополучно отключился от неприятного.

9

Потом сидели они на палубе в тяжелых палубных креслах, прижимаясь друг к другу локтями, и читали. Писать они еще не могли: от любовной напряженной устремленности друг к другу не получалось сосредоточиться.

Проплыли Дубну с песчаным берегом и стоянкой множества моторных лодок; рядом с каждой лодкой железный сарайчик с замком — прятать мотор. Кончился канал, разлилась уже настоящая Волга.

Пичугин вскоре почувствовал, что среди благоухания большой волжской воды и природно-диких, не искусственно-каменных уже берегов чувство его смягчается: как будто бы держится все та же безмерная нежность к Медведевой, но уже без внутренней сумасшедшей оголтелости.

Проплыли и Кимры со стройной церковью. Теплоход опаздывал часов на шесть, простояв ночью в тумане.

В библиотеке запаслись еще книгами. Взяли Чингиза Айтматова, том Бальзака, справочник «По Волге» и два тома Мопассана. Овеваемые теплым палубным ветерком, они читали неглубоко и несерьезно, все поглядывая друг на друга и улыбаясь. Читали друг другу места из книг, а когда рядом никого не было, Пичугин брал Медведеву за руку и спрашивал, встревоженный своей внутренней смягченностью:

— Я боюсь теперь... вдруг потеряю тебя, а? А ты?

— Я? Я тоже не хочу тебя потерять. Но я не так остро боюсь этого, потому что трезвее тебя в том смысле, что не задумываясь радуюсь тому, что дает мне жизнь, а ты, получив что-то от жизни, не можешь забыться в радости, а все тревожишься, что отнимут у тебя это.

«Батюшки, как она меня верно понимает! — думал он. — Даже неловко, что так умно и по-психиатрически верно».

Размышляя вслух, они сошлись на том, что Чингиз Айтматов славный романтик, но как-то несколько ограничен своей же романтичностью, чего нельзя сказать про другого романтика — Сергея Есенина. Пичугин заметил, что даже порадовался тому, что так тонко сошелся с ней в оценке, и сделалось неловко: неужто она умнее его? Почему он радуется тому, что думает, как она, а не наоборот — что она думает, как он? Уж не давит ли она умом своим? «Нет, нет, — успокоил он себя. — Просто вот что дает медицинская, психиатрическая образованность, вот в какой институт надо было бы идти для писательства. И она мне теперь хоть немного поможет этим...»

По палубе все прогуливались старики и старухи. Один старик рассказывал, что нога его ночью попала в открытую часть окна и, проснувшись, он втянул ее, зачоченевшую, в постель, но не знает теперь, простудится ли.

Когда обедали, все еще было красочно в круглой салатнице, где смешаны сметана с помидорами и огурцами. Но еще много было в этом салате петрушки и укропа. И они опять совпали друг с другом в своей горячей симпатии к укропу, который могли есть, густо посыпая им черный хлеб с солью.

— Мы будем, — сказал он, — наполнять каждую осень укропом литровую банку, пересыпая укроп солью, и — в холодильник на всю зиму.

— Вот мечтатель ты мой! — засмеялась она.

«Это вроде как «мальчик мой», — он подумал. — Я для нее мальчик, с которым играет...»

Медведева же сказала так потому, что самой так хотелось жить с ним вместе и на зиму заготавливать в холодильнике укроп, что, когда он сказал это, она испугалась, что этого может и не случиться, и проговорила про мечтателя, чтоб не сглазить. Но, впрочем, может быть, неосознанно она ощущала его

одновременно и мальчиком своим, потому что любила его все сильнее, можно сказать, жадно, а потому в чувстве ее было уже незаметно-материнское напряжение.

На остановке вышли на берег, прошли мимо торговых вишнями, помидорами, солеными огурцами в заросли полыни, лопуха и полевых цветов.

Медведева стала рвать ромашки, дикий львиный зев и цикорий, чтоб поставить в каюте и чтоб ему было хорошо. «Интересно, — думала она, — почему хочется дарить цветы любимому человеку? Потому что цветы красивы, как любовь, или все тут глубже биологически и Зигмунд Фрейд не даром напоминает, что цветы — половые органы растений? Как бы ни было, чудесно любить и чудесно рвать цветы любимому!»

Пичугин в это время записывал в записную книжку наблюдения за своим любовным состоянием и образы любви. Еще вчера он не мог этого делать, потому что вчера чувства его были еще свято-сокровенными, не делимыми от него, не могли принадлежать даже его рассказу. Пичугин лет с двадцати жил, думал и чувствовал, рассматривая все это постоянно как материал для будущих рассказов, хотя и написал их немного. В сущности, он и книги, и даже газеты читал для рассказов, выискивая в них особые слова и сообщения.

В каюте заметил он на столе молочную бутылку с ромашками, цикорием и диким львиным зевом.

— Цветы как раз для каюты, правда? — спросила она. Пичугин поцеловал Медведеву в лицо. Нет, он безмерно, безмерно любит эту сангвинически-трогательную, умную психиатршу из зала редких книг.

У города Калязина под вечерним солнцем стояла по грудь в волжской воде затопленная колокольня с крестом. Жалкая, худая, мальчишки в мокрых трусах по ней бегали. Раньше стояла она на площади в центре Калязина, городишки сапожных мастеров. И оба они признались друг другу в вечернем солнце, что жалко несчастную колокольню.

За Калязиным Волга очень широкая. Чистая темная вечерняя вода.

За ужином в ресторане пили холодное жигулевское пиво из бокалов, и на столе их тоже стояли цветы — табак в белой вазочке. Табак остро пахли, потому что был вечер. В каюте

ждали их полевые цветы в бутылке, из которой вчера выпили кефир, и Медведева, значит, взяла бутылку из ресторана в каюту, дальновидная.

Все-таки все было очень хорошо. Этот стеклянный ресторан на корме, в котором можно было съесть и хороший дешевый обыкновенный обед, и стерляжью уху или сочный шашлык, и другое в таком духе. И песня в ресторане из репродуктора про то, что течет река Волга, а мне семнадцать лет, а потом все больше и больше и, наконец, шестьдесят. И растерянный мальчик в матроске за соседним столом, который еще дома мечтал показать капитану теплохода свои марки, значки, вот они в портфеле, а капитан, не оправдав его надежд, ни разу пока не надел форму, расхаживал по теплоходу в красном тренировочном костюме и мягких тапочках с пампушками. За стеклами на палубе малыши ездили друг на друге верхом то как на верблуде, то как на мотоцикле. Над одним из них, действительно, опьяненные нежностью и трогательностью, склонились Курица и Карась.

В серебристых сумерках над темным лесом стояла темно-малиновая луна. И вода в Волге была серебристая.

10

Следующее, второе, утро на теплоходе «Волга» было мягко-солнечным с белыми облаками.

Проснувшись, Пичугин почувствовал, что хочется уже писать. Медведева еще спала, и он с нежностью посмотрел на округлое, умное любимое лицо, казавшееся и после ночи таким белым и чистым, будто умылась сейчас ключевой водой с душистым мылом. Но Пичугин не поцеловал ее, чтобы не разбудить и не помешать тем себе погулять сейчас по палубе и кое-что обдумать. Он бесшумно, слегка умылся, расчесал перед зеркалом бородку, надел свою белую фуражку и вышел на палубу.

Еще не было семи утра, но старички уже вышагивали по палубе свой моцион — методично, старательно, с большим уважением к своему здоровью.

Пичугин думал: «Ну да, она умница и тонкая, обаятельная, кошачье-страстная — все вместе; и я должен покорить ее ум

своим умом, потому что я мужчина». Сегодня в этом смысле решающий день: он даст Медведевой почитать свой рассказ.

Элегантно-свирепая старуха, которую они с Медведевой прозвали уже Пантерой, сидела в белом плаще и белых брюках на ящике для шланга и двигателя ногой, разгибая и сгибая ее, видно, занемевшую. Но похоже это было и на смешную и жалкую завлекательно-кокетливую игру ногой. Потом она вдруг встала с таким выражением морщинистого напряженного лица, будто прикажет сейчас повернуть теплоход на сто восемьдесят градусов, и озлобленно стала смотреть в бинокль на берег, на ярославские уже деревни и леса. Опустив бинокль, она задумалась и пошла как бы нерешительно по палубе, встряхивая время от времени корзинкой седых волос в сетке на затылке. Матрос-парнишка, который мыл шваброй палубу, сказал ей:

— Мамаш, погоди прогуливаться здесь!

Она покорно пошла в другую сторону. Медведева про нее вчера сказала: «Вот увидишь, к окончанию путешествия ее белая шляпа вся покроется значками тех городов, в которых будет останавливаться».

Пичугин посмотрел на других стариков и старух, вышагивающих круги по палубе в физической борьбе с собственной дряхлостью, и подумал, что это прекрасно, когда это для сохранения творческого духа. Он тоже когда-нибудь пенсионером будет так делать — вышагивать свои круги по палубе. Старый писатель есть пенсионер лишь в том смысле, что получает пенсию, но работать, писать он может при этом пуще прежнего. Скорей бы уж ему начать печататься, тогда бы и рассказы писались скорее, выпускал бы по сборнику в год-два, ушел бы, наконец, из проклятого КБ и столько было бы денег, что и себе с Медведевой хватило б, и жене первой с дочкой много бы получалось. Но ничего, сегодня она прочтет его рассказ, и сколько вдохновения будет у него от жизни с ней рядом!

Он волновался, потому что любил ее и хорошо понимал: только если он покорит ее своими рассказами, они смогут быть по-настоящему вместе. А нет... и ему стало страшно, что же будет тогда. Нет, все будет хорошо, хорошо, и она, любимая моя, будет меня усаживать за письменный стол писать и не выпустит, пока не напишу дневную норму. Как раз вот сейчас,

пока не поздно еще, надо вработываться и вработываться в свои писательские навыки. Настоящая работа только еще начинается, и сейчас на теплоходе он уже должен взять за правило писать не меньше двух часов в день.

Мимо плыл белоснежный теплоход «К.А. Тимирязев», а подальше, в другую сторону, — «Г.В. Плеханов».

— Когда я была в Японии... — сказала Пантера другой, полной и круглой женщине, с которой беседовала.

Пичугин заметил себе как литературный образ, что Пантера уже в широкой белой шляпе и губы ее чуть подкрашены помадой.

Та, полная женщина, глядя на церкви по берегам Волги, сказала Пантере:

— Ах, эти церквушки, ах, как они всегда строятся на холмах, ах, как мило!

11

За завтраком Пичугин был молчалив, и у него дрожали руки. Медведева удивилась, заметив.

— Волнуюсь, — сознался он. — Ведь после завтрака дам тебе рассказ.

— Ну, давай, — сказала она хорошим внутренне-ласковым голосом, в котором звучала искренняя готовность к восхищению рассказом.

Пичугин упрекнул себя за этот недозволенный прием, который вышел случайно: он вроде просил таким образом снисхождения. Сделалось неловко, и даже подумал: «Еще восхитится неискренне, с поблажкой, что тогда?» В каюте он дал ей напечатанный на машинке рассказ, и она стала читать, сидя у окна за столиком, а он лег на свой диван и отвернулся к стене, чтоб спрятать волнение. Рассказ был коротким раздумьем о смысле жизни и неминуемой старости, наполненный грустными нотами и яркими метафорами. Ему показалось, что она слишком быстро, слишком сангвинически-трезво его прочла.

— Ничего, — сказала она. — Даже очень ничего. Мне понравилось это размышление и такие сравнения. Правда, мало

действия, медленный такой слог, но ничего, ничего. Давай поцелую!

Он повернулся, сел, посветлел немного и сам благодарно поцеловал ее в щеку. Но потом почувствовал, что все же морально придавлен всеми этими «ничего». Да, не почувствовал он с ее стороны острого восторга его рассказом, но тем сильнее, сильнее хотелось доказать ей, что он глубокий, интересный писатель. Он тут же решил дать ей завтра же другой рассказ и пытался убедить себя, что по одному рассказу трудно составить верное впечатление, но он еще увидит ее восторг и ее преклонение перед его творчеством и, значит, все еще будет хорошо.

Медведева же думала, что, судя по этому рассказу, он писатель не в ее духе и вообще нет еще раскованности в собственном творчестве в том смысле, что, видно, не нашел еще себя, есть моменты подражание и Олеше, и Чехову одновременно. Но рассказ содержит его нежную доброту и внимательность к душевным движениям. Она постарается помочь ему найти себя, писать в рисунке собственной личности и потому выстраданно и без психологических ошибок. Мопассана из него все равно не получится, другой душевный склад, но не известно, как бы ей было с Мопассаном, а он нежный, чуткий, душевный, любимый человек, может быть, тьфу-тьфу, ее муж, и как хочется жить и стариться с ним вместе. Важно, чтобы он полнее научился выражать себя в рассказах своих, и тогда душевно будет легче, творческое отреагирование смягчит душевную напряженность, обусловленную тягостной неопределенностью. Творчество, в сущности, есть психотерапия катарсисом, отреагированием и для автора, и для читателя в том смысле, что определеннее, понятнее делаются собственные переживания, и тогда мягче, легче на душе. Она постарается полюбить его камерные, домашние рассказы, как его самого, для него самого и поможет ему. А если удастся что-то напечатать, например через одного ее пациента, редактора журнала, то совсем воспрянет. А почему бы и не напечатать? Рассказ, хоть этот, не так уж плох, чтоб не напечатать его, печатают хуже еще.

Пичугин после этого уже не смог писать свое. Они стали читать в прохладе палубы. Она Мопассана, а он Бальзака. Он все-таки уже ощутил болезненную трещинку в их отношении

ях, пытался всячески мечтами-надеждами своими замазывать ее и даже раза два поцеловал Медведеву на палубе в щеку, хотя и почувствовал, что поцелуи вышли противно-заискивающие. От неудачи этой он только сильнее стремился к ней в своей душе. Понимал, что жаждет завоевать эту женщину не примитивным образом, а духовностью, преклонить ее пред силой своего творческого дела и сделать ее рабски-преданной помощницей своему духовно-творческому делу — не просто секретарем, курьером в редакции, машинисткой, а все это и еще другое в более тонком и высоком духе, учитывая ее женскую духовную сложность и профессию.

В Ярославле они сошли на берег и купались в Волге. Когда медленно рядом плыли на середину, Пичугин не думал о Медведевой, а вспомнил, как лет двенадцать уже назад студентом со студентами ехал в товарном поезде на целину и по дороге теплым вечером студентов выпустили покупаться в Волге где-то рядом с железной дорогой. И тогда была такая же сладкая, мягкая вода, и тоже хотелось жадно пить ее.

«Надо бы записать это для рассказа, — подумал он. — А еще записать: как вчера вечером в приволжском городишке в стеклянную закусочную женщины в белом не впускали пьяного, и появились два парня в хорошей одежде, один в ярко-красном, другой в белом свитере, и ярко-красный врезал пьяному. Но пьяный вскоре поднялся с земли и побежал к пристани ругаться с ними, догнал их у пристани, еле держась на ногах, и там они отдали его милиционеру. Милиционер был щеголеват в ярко-белой форменной рубашке. А за стеклянной закусочной был обшарпанный желтый дом с ржавыми балконами. Это тоже надо бы записать».

12

За ужином увидели они в противоположном конце ресторана четверых, которых прозвали уже «чванами»: отец, мать и дочь с мужем. Чваны снова, как и те два вечера, пили коньяк и шампанское, ели шашлык и осетрину. Тоже уже толстая дочь похожа была на мать, обе с широкими лицами и круглыми барбосочьими носами, так что не вниз, а прямо торчали черные дыры-

ноздри. Папаша-чван, тоже толстяк, весь день играл в преферанс в салоне, в креслах, одетых в белые чехлы. Худого, с красивыми манерами зятя держал при себе и учил жизни. Однажды на слова партнера, что дело не в деньгах, он ответил: «Да, дело не в деньгах, когда их мало». Мама и дочка несколько раз в день меняли наряды, прогуливаясь по палубе и как бы чувствуя каждым солидным движением свои дорогие юбки и туфли. Снисходительно-презрительно, как и многих, оглядели они Медведеву с Пичугиным. По торжественности, наряженности им не было равных на теплоходе, и по их барбосочьим лицам и телодвижениям видно было, что они это знают. Когда все вчетвером стояли на палубе, рассматривая пристань, к которой приближался теплоход и то, что было вокруг пристани, Папаша-чван обычно сообщал, что вот на этой машине подъехало большое начальство, а на этой вот очень большое начальство. Все они, как дети, радовались, когда накупали таранки и заказывали в ресторане сварить им целую кастрюлю картофелин.

— Смотри, — сказала Медведева Пичугину, — они чувствуют себя выше других только потому, что у них много денег и они могут позволить себе, как им кажется, все.

Они вспомнили, как вчера чваны пригласили за свой стол официантку, толстенюкую девушку, Котенка, переплатили ей и сидели в ресторане до позднего часа против правил. В ресторане больше никого не было, и через стены-стекла прогуливающиеся по вечерней палубе видели, как Папаша-чван танцевал с раскрасневшейся Котенком, наивно-гордой таким обществом.

— Да, — кивнул Пичугин. — Напыщенная радость — чувствовать себя выше других... Это нужно иметь способность — чувствовать в наше время свое превосходство над другими людьми только потому, что можешь себе многое позволить по деньгам.

— Это такой тип, склад характера, — сказала Медведева. — Бездуховные люди, люди влечений, в том числе и агрессивности. Эпитимный личностный склад.

— Как?

— Эпитимный. Это сложное личностное своеобразие с прямолинейностью мышления, кстати, и, как ты сказал, примитивной напыщенностью.

10. Психотерапевтическая проза

Пичугин процитировал того, что Медведева в типичные характерные способности убедился для своего лать, еже Бог даст, гических знаниями отдельном что никак Немно спросил: — Ты Он-то выше, но — Ни Это «в лось, что радость» правила, дословно — Ни один чел — Я Это и столом что и он его, но «Нич себе «ни тогда по хмельно потянул нил дру вошли

Пичугин обрадовался, что она согласилась с ним и даже процитировала его, но ему сделалось неловко-унизительно от того, что Медведева так профессионально-глубоко разбирается в типах людей и знает сложные термины, обобщающие целые характерологические конструкции. Благодаря этому она способна предвидеть многое в поведении человека, в чем он убедился. «Но в общем-то я ведь и хочу подучиться этому у нее для своего писательства, — успокоил он себя. — Что же делать, ежели сам не врач! Ничего, завтра я дам ей еще рассказ и, Бог даст, понравится по-настоящему. Набраться же психологических знаний с ее помощью еще не поздно. Всеми этими знаниями она ведь не умней меня, а просто больше знает в этом отдельном вопросе. Главное же — мой писательский дар, то, что никакими учениями не приобретешь».

Немного опьянев от пива и смягчившись еще больше, он спросил:

— Ты думаешь, все же ничего мой рассказишко, а?

Он-то надеялся, что она, продумав рассказ, оценит его выше, но она ответила:

— Ничего, вполне ничего.

Это «вполне» подействовало на него угнетающе, и вспомнилось, что, цитируя его только что, сказала не «напыщенная радость», как он, а «примитивная напыщенность», то есть исправила, уточнила и даже унизила этим, потому что цитируют дословно.

— Ничего — это у меня в кармане ничего, как говаривал один человек, — сказал Пичугин.

— Я тебе помогу, дорогой, я уже об этом думала.

Это искреннее согрело его, он не сдержался и пожал под столом ее прохладную, мягкую руку и заметил краем глаза, что и она, растрогавшись, чуть-чуть потянулась поцеловать его, но опомнилась, что они в ресторане, и застыла.

«Ничего, — подумал Пичугин. — Вот же я и сам говорю себе «ничего». Ничего, завтра получит еще один рассказ и уж тогда посмотрим». Ему стало даже приятно, что он, хотя и хмельной от двух бутылок пива, а заметил так тонко, как она потянулась его поцеловать. В этом пивном опьянении он вспомнил другое свое опьянение, коньячное, и как в метро, куда они вошли с Медведевой по дороге из ресторана «Славянский ба-

зар», он бросил в разменный автомат именно ту монету, для которой была уготована там щель. Пичугин тоже возгордился тогда, что, хоть и пьян крепко, но как хорошо владеет собой и знает, куда какую монету нужно бросить.

После ужина прогуливались по палубе, и Медведева, тоже немного хмельная, сказала, прижимаясь к его руке:

— Я все-таки женщина, и мне очень интересно знать две вещи. Во-первых, эта толстая молодлица — жена старика или его дочь. А во-вторых, сколько лет той складной худенькой дамочке с седым колечком в черных волосах. Ну, помнишь, которая каждый день в новом наряде, которая вчера в длинном вечернем платье читала на палубе английскую книжку, но при этом чувствовалось, что она одновременно получает удовольствие и от того, что красиво сидит в кресле. В общем, такая милая истеричечка?

— Как? Истеричечка? Это что, ваш психиатрический жаргон?

Ему снова сделалось неловко, снова почувствовал, что она как-то угнетает, унижает его, но не столько потому, что наклеивает людям свои психиатрические ярлыки, сколько потому, что, кажется, она наблюдательнее его, глубиннее видит людей, то есть из зависти, что ли. Еще он заметил про себя, что если еще вчера ни одна женщина на теплоходе не могла понравиться ему, захваченному Медведевой, то сейчас ему весьма нравилась во всех планах как раз эта тоненькая истеричечка.

— А я что, тоже истеричечка? — спросил он Медведеву, внутренне обиженно и за худенькую даму, и за себя, но внешне как можно шутливее.

— Нет, ты у меня совсем другое, — ответила она, стараясь не чувствовать его раздражение. — Я тебе еще расскажу про тебя. На другом нашем уроке.

Из репродуктора на палубу и дальше на волжскую воду неслась песня про Стеньку Разина, который справлял новую свадьбу, «сам веселый и хмельной». «А я что, тоже справляю новую свадьбу?» — подумал Пичугин, почему-то с легкой грустью, и еще острее захотелось завоевать Медведеву умом, сложным своим богатым духом.

Солнце закатывалось за лесной горизонт. Теплоход стоял в шлюзе. Чайки кричали над оглушенными в шлюзе рыбинами, которые метались в мелкой воде, высовывая тревожные спины.

13

Когда стемнело, Медведева и Пичугин собрались пить кофе. Перед тем как спуститься в машинно-шумный трюм теплохода по узкой лестнице за кипятком с белым кофейником, Пичугин спросил:

— Ведь этот кофейник с ромашками теперь и твой, и мой, правда?

— Правда, — ответила она, и захотелось поцеловать его, но вспомнила его раздражение и, подумав, что, может быть, оно от частых поцелуев, сдержалась и надкусила помидор.

— Тогда поцелуй меня перед крутой лестницей с кипятком, а то еще случится что-нибудь, — попросил он.

— У меня уже губы в помидоре... Ну что ты, ничего не случится, иди...

Он пошел и думал: «Она не любит меня, если так может испытывать мою судьбу. Она не тревожится за меня, она играет в мою судьбу». Сделалось тягостно, представилось, что и впрямь может случиться с ним страшное, — упадет с кипятком с узкой крутой лестницы. Сам бы он этого, конечно, не сделал, но если бы случайно произошло само собой, то и пусть бы произошло. Для нее.

А Медведева думала: «Лучше бы я поцеловала его, чем теперь в таком страхе ждать. Как придет, возьму кофейник, поставлю на стол и брошусь на шею». Но когда он вернулся, мрачный и молчаливый, она не сделала этого, побоялась.

Пили кофе и намазывали масло на печенья. Медведева понимала, что сейчас как раз наступило то время, когда от постоянного пребывания вместе они уже должны начать понемногу, хоть чуточку, по-хорошему, по-домашнему, раздражать друг друга. Ее, правда, раздражало лишь то, что раздражается он. Она подозревала, что раздражение его от того, что разлюбил ее и думает о своей жене. Медведева осознала, что и не целует его, даже когда он просит, — чтобы проверить это. Ей страшно было подумать, что все у них может прекратиться и она вдруг останется без него.

Когда легли, он спросил в темноте:

— Ты боишься меня потерять?

В голосе было столько искренней тревоги, что Медведева, испугавшись и потеряв сдержанность, ответила:

— Да, да, боюсь!

Заплакала и прижалась к нему, как маленькая, своим большим телом.

— Почему же ты не поцеловала меня перед лестницей?

Как ей было объяснить? Дальше она уже не могла быть искренней, чтоб совсем не расплавиться и не вызвать у него отращивание к этой бабьей беспомощности.

— Вот ты какой, — сказала она. — Это я тебя воспитываю, лечу от навязчивых тревог, понимаешь?

— Что ж я, больной?

— Все мы больны понемножку, а совершенно душевно здоровый человек, без капельки ранимости, он просто не интересен.

Пичугин подумал, что, если б она только сказала с тем стоном «Да, да, боюсь!» и прижалась к нему, заплакав беспомощно, если б не сказала всего того, что сказала после, он бы не выдержал и объяснил бы ей причину своего раздражения и, как ни глупо это, попросил бы ее любить его рассказы и боготворить его как писателя. Но когда услышал, что она лечит его от навязчивостей, от навязчивой любви, что ли, он совсем растерялся. И близость была в эту ночь и неуверенная какая-то, и растерянная, и короткая.

Под утро Медведева проснулась с колотящимся сердцем от сновидения: будто он говорил ей, что ноги его жены гораздо лучше ее ног, и что, когда он обнимает ее, то для страсти представляет, будто обнимает свою жену.

Медведева все-таки была убеждена, что раздражительность его объясняется тем, что тоскует по жене и девочке. И если при этом она будет бросаться ему на шею и ежесекундно лизаться, исповедоваться в своих острых к нему чувствах, в страхе своем потерять его, то он сбежит от нее домой завтра же. Она и так виновата, что во всех смыслах, и вишнями с мороженым тоже, бросалась ему на шею, а женщину любят тем сильнее, чем меньше она заботится о мужчине и нуждается в нем. Что же делать? Можно ли еще что-то поправить?

Утром теплоход «Волга» пристал в солнечном городишке Плес, и все пошли в дом-музей Левитана. Пичугин сперва раздраженно ревновал Медведеву к Левитану: вместо того чтобы ей читать сейчас его рассказ, они здесь. Потом стал всматриваться в музей в фотографии с картин художника Степанова, рисовавшего Левитана вместе с Кувшинниковой, которую Левитан увез сюда от ее мужа-доктора, а Чехов описал это в «Попрыгунье».

В доме этом было по-чеховски и по-левитановски уютно. Черно-тяжелые резные стулья и письменный стол красного дерева у окна с раскрытой на нем старинной книгой. Веяло от этого прошловековой интеллигентностью и вместе русской меланхолической размашистостью. Были там же пианино и ноты — играла жена доктора Кувшинникова. «Интересно то, — думал Пичугин, — что она просто-напросто изменяла мужу с Левитаном, но гений Левитана отделяет эту измену от миллионов других подобных измен во все века, которые совершали обыкновенные люди. Личность Левитана как бы превращает эту измену из банальной в одухотворенно-художественную, помещает на века в иную, не банальную, а даже поэтическую плоскость жизни». Будет ли и его измена таковой?

Пичугин с детства мучился честолюбием, но это было не честолюбие ради честолюбия, не желание нравиться, а средство утвердиться в жизни, чтобы слабее ощущать малоценность свою. Даже в детстве, когда увлекался он фотографией, то не мог делать это только для себя, а непременно посылал снимки в журналы и переживал отказы. Так и рассказы не мог он писать просто для себя, как самоутешение.

— Ты знаешь, — сказала ему Медведева, — Чехов открыл у Левитана аневризму аорты. Очень может быть, что это сифилитической природы патология.

— Да, но здесь это так же, как у Мопассана, не вызывает брезгливости, правда? У автора «Вечернего звона» и «Тихой обители» может быть только особый, поэтический сифилис, не имеющий ничего общего с сифилисом, например, какого-нибудь чиновника или инженера.

Она засмеялась и проговорила:

— Точно, очень точно и замечательно сказал.

Но тут же испугалась, что опять выразила ему свое восхищение, вместо того чтобы поступить для удержания его даже как-то наоборот. А он обрадовался таким ее словам, тут же горячо смягчился, схватил ее большую руку, подумав: «Вот сегодня еще рассказ прочтет и все еще будет чудесно!»

Медведева восторгалась внутренне. Может, ей просто побольше его хвалить, как всякого неуверенного в себе человека, ведь ей есть за что его похвалить. Вот рассказ его и сейчас почти весь помнится и звучит в ней. «Нет, нет, это опасный путь, — испугалась она. — Все-таки любой мужчина по-настоящему любит женщину, когда хоть каплю боится ее. А я наверняка потеряю границу, перехваляю и сделаюсь для него угодливой нянькой, и у него возникнет отвращение ко мне как к женщине».

Если бы Пичугин был пациент ее, она бы его похвалила, конечно, и вообще поступала бы профессионально, исходя из знания людей подобного склада. Но он был мужчина, которого страшилась потерять, и потому действовала просто как женщина — тривиальными женскими способами, вытеснив из себя именно здесь, только в борьбе за него, все свое профессиональное психологическое умение.

15

Когда отплывали от Плеса, пошел крапать дождь, и волжская вода была вся в точках от дождя, как в мухах. В такую мягкопасмурную крапающую погоду, когда слегка сдавливает голову у неуверенного в себе человека, хорошо обедать в ресторане с холодным пивом.

Чваны ели специально заказанного в ресторанной кухне гуся с кашей, в бокалах у них опять сверкало шампанское. Они поглядывали недоброжелательно на Медведеву и Пичугина, потому что видели в их молчании и жестах чуждую, не понятную им духовную жизнь и борьбу. Они злились на это, потому что не понимали этого и сами ссорились совсем по-другому. Они убеждены были в том, что все то, что не так, как у них, — неправильно и плохо. И Медведевой жалко было их в этой их ограниченности.

Курица и Карась тревожились маленьким своим потолстением и силились меньше есть хлеба.

— Смотри, — шепнула Медведева, — они млеют и краснеют, когда поглядывает на них тот мальчик лет двадцати четырех, которому мама всегда перекладывает в тарелку свое мясо, но между собой наверняка называют его сопливым мальчишкой.

Пантера элегантно-хмуро смотрела в сильный морской бинокль из-за стола сквозь стекла ресторана на берег.

Был в ресторане еще один пассажир, на которого они обратили тоже особое внимание и прозвали Кроликом. Он постоянно боролся с собой, чтобы выпить поменьше спиртного, продержаться на минимуме, лучше одним пивом. Но утром, с похмелья, опухшему, ему так было тяжело, что он застенчиво просил у Котенка сто граммов водки, запивал пивом и заедал манной кашей, смешно морща обдрябшее с мешочками лицо и умиляя смотревших на него своими виновато-добрыми, пропитанными спиртным движениями. В обед он просил только пива, а через некоторое время «эх, и водочки бокальчик», а потом брал опять пиво.

Сейчас он как раз хотел взять после водки пива, но Котенок долго не подходила к нему. Он сказал ей, когда проходила мимо:

— Девушка, или немедленно еще пива, или рассчитайте!

Она тут же подошла к нему и рассчитала. Он был, видимо доволен победой над собой, что рассчитался, выдержал.

А Котенок, думая о нем, вся была в тревожной заботе о своем женихе-матросе, с которым по вечерам танцевала твист на палубе: он тоже все чаще просил у нее «пятьдесят грамм».

— Смотри, Кролик сейчас такой помятый, — сказала Медведева, — но, приплыв на свою пристань, он сойдет с теплохода выглаженный, в белом и непременно с подарками для родных в коробках.

— А почему он должен сойти на какой-то пристани? — удивился Пичугин.

— Потому что он не просто путешествует, как мы, а едет к родным или близким, но едет самой древней, медленной дорогой, чтобы ехать с алкогольным удовольствием. Разве ты не видишь, у него все это написано на носу.

Если бы ее профессиональная интуиция работала и в сторону Пичугина, но как раз здесь Медведева была растеряна совершенно и действовала так, как принято у женщин.

16

После обеда в каюте Пичугин дал Медведевой другой свой рассказ. Он тоже был — печальное размышление молодого человека, лежащего в траве на опушке леса, размышление о том, как жить, чтобы не страшно было умереть. Но в этом размышлении время от времени сверкали утрированно-яркие сравнения про грибы, сороку, бруснику и нарушали настроение рассказа, будто человек пел грустную песню и одновременно жевал конфеты из веселых бумажек.

Пичугин от нервного напряжения не мог находиться в каюте, пока Медведева читала рассказ. Он вышел в коридор, открыл дверь на палубу и глубоко дышал влажным прохладным воздухом с большими каплями дождя.

Палуба была мокра. Чуть дрожащие, медузные капли томно сползали с деревянных перил, другие же лихо, стрелой скользили вниз после замедленного подготовительного движения. Гроыхнул не очень сильно гром, и из окна каюты высунулась, как из гнезда, испуганная голова Курицы с тревожными родинками на белой шее.

Теплоход подходил к Кинешме, и Пичугин ревниво испугался, что Медведева засмотрится в окно на церковь, купеческие кирпичные лавки и другую прекрасную русскую каменную старину и не успеет дочитать рассказ. Подсмотрев в окно, он убедился, что она читает рассказ, но теперь ему показалось, что слишком быстро читает, может быть, даже пропуская места. Каменная старина Кинешмы была изрядно попорчена безвкусными вывесками сегодняшнего дня.

Медведева дочитала рассказ и задумалась. Дав ей несколько минут, чтоб успокоилась, отошла от рассказа, Пичугин вошел в каюту.

— Ты знаешь, и этот ничего, — сказала она, улыбнувшись крупным нежным ртом. — Но тоже действия маловато... Какая-то скованность, нет действия, стремительности, живой яркости. Вот помнишь, как у Мопассана в «Милон д'Анж», ког-

да Дюруа приходит на обед к Форестье, как он там сразу приручил эту дерзкую девочку и покачал на колене, а потом тут же стал прощаться, чтоб не испортить впечатления и вовремя удалиться, и как, уходя, поклонился на лестнице своему отражению в зеркале. Как блестяще, правда?

— Да, правда, — пробормотал Пичугин. Он был подавлен всем этим, потому что не помнил, кто такой Форестье, и чувствовал острую зависть к Мопассану, и обиду, и растерянность, неуверенность в собственном писательстве.

— Не унывай, — сказала Медведева. — Не всем же быть гениями. Но я не отстану от тебя, пока в рассказах твоих не зазвучит действие, стремительность.

Медведева и здесь не догадывалась, при всей своей психиатрической опытности, что совершила непоправимую ошибку, отвергнув даже возможность его гениальности и взяв на себя отважную задачу переделывать его как писателя. Пичугин был человек, сосредоточенный всем своим существом на главной своей — писательской — работе и мечте всеобщего признания. Рядом с этим он мог влюбиться в Медведеву, но влюбиться в нее всецело, навсегда было для него возможно лишь в том случае, если б она преклонялась перед ним как перед непревзойденным творцом. Пусть, в конце концов, он не гений, это, впрочем, еще неизвестно, но для любимой своей он должен быть навсегда несомненный гений. Он согласен, чтобы она помогла ему в плане ее профессии, но реконструировать его писательскую натуру, болезненно ломать, диктовать ему, как он должен писать, — не слишком ли берет она на себя? Уж тут он наверняка не глупей ее. Да, сравнение с Мопассаном в пользу Мопассана подействовало очень скверно. Пичугин прилег на свой диван и задумался — почему все это так?

— Какой это город? — спросила Медведева.

— Кинешма, но идет дождь. Так что читай своего Мопассана.

— Ты обиделся? Да мне и твой рассказ нравится. Только разве можно равняться с гигантами?

Пичугин подумал, что она, может быть, даже специально добивает его по самому больному месту. Он искренне до сих пор не считал себя гением, но когда любимая женщина сказала ему отчетливо, что он не гений, сделалось грустно, обидно, и почувствовал, как душевно отстраняется от нее и хочется уже бежать, бежать прочь.

После Кинешмы лежа читали каждый на своем диване. Пичугин читал «Евгению Гранде». Там тоже было много действия и естественных, живых красок и искусственных обстоятельств.

Вечером в ресторане он почувствовал, что хочется ему все же как-то выразительно оправдаться перед ней, но, конечно, просить ее читать еще третий рассказ после всего этого — нелепо. Он сказал, отпив желто-зеленого, остро-холодного жигулевского пива:

— Бальзак гениален, конечно, своей сочностью, юмором, критической остротой и образы лепит превосходно. Скрыга Гранде останется на века. Но, знаешь, мне кажется, при всей громадности он ограничен своей сангвиничностью, и такие слова, как «духовность», «глубинный психологический анализ» не подходят к нему. Такие романы возможно, конечно, писать по ночам с кофейником, распаляясь художественной краской, но не тонкой философичностью. Потому Бальзак великолепно может изобразить лишь тех, кого вмещает в себя его личность — ростовщика, романтическую девушку, писателя, такого, как он сам, весельчака с виртуозной предприимчивостью, — но вряд ли мог бы он написать образы философов-мыслителей или просто духовно-сложных людей вроде Пьера Безухова. Вот это и есть ограниченность своей сангвиничностью. Каждый, даже гениальный человек ограничен собственной личностью и одновременно интересен именно ею, своим особенным.

Медведева была все это время после разговора о втором рассказе напряжена неловкой тяжестью их отношений, она уже понимала, что в чем-то основательно не права, может быть, в том, что рядом с его рассказом восхитилась Мопассаном. Это несправедливо, потому что Мопассан писатель другого характера, другой писательской структуры, нежели Пичугин, если отвлечься от гениальности и говорить только о душевном рисунке. Другое дело, что мопассановское ей ближе, созвучнее, интереснее, чем пичугинский рассказ, но с другим читателем может быть совсем наоборот. И в то же время она наверняка не смогла бы так глубоко и нежно влюбиться в живого Мопассана, как в Пичугина.

Странно, ей хочется переделывать его как писателя, но в то же время он ей родной и любимый именно тем, что другой, не такой, как она. Может быть, она интуитивно тянется к человеку умному, одухотворенному, но иному, чтобы возможный будущий их ребенок был крепче, сильнее от их разности и соединял в себе и ее сангвиничность, и его духовную рефлекссию... В то же время хочется ей, чтоб он писал по-другому, потому что стремительность и действие в его рассказах психотерапевтически сделают его самого живее и веселее, конечно, в пределах астенической личности, и, кроме того, тогда скорее начнут его печатать.

Однако нехорошо получилось, он мог подумать, что она хочет сделать из него дешевое издание своего любимого Мопассана, а надо просто помочь ему ярче выразить собственную личность, поболее действия, стремительности никогда не помешает.

Наконец, все-таки никогда не мешает и недохвалить мужчине, а перехвалишь — значит будешь для него безопасно-безвкусная поклонница-нянюшка, и потеряет к тебе страсть и уважение, которые всегда имеют внутри себя хоть немного боязни. Но вот сейчас такого расстроенного, угнетенного надо обязательно похвалить, поднять, тем более — есть за что.

— Как ты чудесно сказал про Бальзака! — искренне восхитилась она. — Да, все мы люди с разными характерами и у каждого писателя есть свои читатели по принципу некоторой схожести, созвучности душ. И ведь верно, Толстой писал не ночью, а рано утром, Безухова ночью не напишешь.

Ее большие, как у умной лошади, глаза нежно-страстно повлажнили.

Пичугин подумал, что это от восхищения его размышлением, и готов был уже все простить, прижаться к ее большой груди в белом платье и заплакать от радости, но на самом деле она восхитилась сейчас, представив себе опять, какой чудесный может быть у них ребенок, если вберет в себя и его, и ее.

«Какая она вся чистенькая, розово-беленькая, нежно загоревшая, — думал Пичугин. — Кажется, заставь ее жить в грязи сколько угодно долго, она и там будет свежая, ничто плохое

не прилипнет ни к ней, ни к ее широкой, белой шляпе, как-то по-умному, по-дамски ухмыляющейся».

«А может быть, — думала Медведева, — такого ранимого, неуверенного в себе человека не надо бояться перехвалить, а говорить ему все, что думаю и чувствую, про те его образы из рассказов, которые запомнились и один даже снился? Нет, нет, пожалуй, нет. Все-таки мужик, а любого мужика никак нельзя захваливать и каждый день в постель ему вишню с пломбиром никак нельзя, даже если очень хочется. А во всем остальном надо быть глубоко искренней, когда любишь, и все тут».

— Вот я тоже сангвиническая натура, — сказала она, — хотя и с некоторой внутренней тревожинкой, как это бывает. Потому мне, конечно, ближе ярко-трезвая сердечность и откровенность Бальзака и Мопассана и нашего Куприна и Мамин-Сибиряка, гораздо ближе, созвучнее, нежели рефлексия Толстого и Чехова. Но разве я не понимаю, что Толстой и Чехов гении?

Она сказала все это, чтобы подчеркнуть верность пичугинского размышления, но невольно при этом подчеркнула и то, что рефлексия не созвучна ей, а созвучна сангвинически-сочная сердечность.

За стеклами ресторана в ярком солнце, блестящий от невысохшей еще дождевой влаги, проплыл двухпалубный теплоход «Сыр-Дарья».

— Погоди, значит, и я не созвучен тебе? — спросил Пичугин, растерявшись. — Как же тогда все? Зачем же я тогда тебе?

— Чудак, разве ты не знаешь, как я к тебе отношусь? Разве это мое чувство не выше всех писательств вообще?

— Что ты хочешь этим сказать? Что женщина испытывает к мужчине-писателю бездумное, животное чувство, независимое от того, по душе ей или нет его творчество?

— Нет, конечно, нет, — спохватилась Медведева, но тут же подумала, что в данном случае это как будто так и есть.

— А как же тогда? — спросил он. — Как же тогда ты можешь чувствовать ко мне что-то, если я не сангвиник и у нас нет близкого созвучия?

— А я именно и люблю тебя, — не выдержала Медведева, впервые сказав это чистое слово, — потому что ты на меня не

10. Психотерапевтическая проза
похож. Если бы
только как бр
— Да, ты в
я запутался.
Тут они за
ют с напряжен
Карась. Слуша
рецепты вани
шит, смотрит
ем, будто гото
Помолчали
но по дороге в
слово «любовь»

В какие Медв
заплакала, зал
которую вчера
— Да, люб
целовать тебя
грудь в глубин
Ты прости, что
твоей жене, те
выйть хочется.
Пичугин к
читая мой рас
так и будет? М
только не сра
кристаллизац
Медведева
жалась и вот
теперь обо мн
Пичугин к
припадке умн
тетами, хоть п
го, тонкого ум
его рассказом

похож. Если бы ты был на меня похож, я бы могла любить тебя только как брата.

— Да, ты в чем-то права, — согласился он. — Но все равно я запутался...

Тут они заметили оба, что увлеклись, и разговор их слушают с напряженным вниманием и чуть ли не со слезами Курица и Карась. Слушают и чваны с презрительными усмешками и перешептываниями. А Кролик пьет водку и, хотя ничего не слышит, смотрит на них с таким горячим, разбухшим дружелюбием, будто готов их обнять.

Помолчали, смутившись, расплатились и пошли в каюту, но по дороге в коридоре оба подумали про впервые сказанное слово «любовь» и испугались этого.

18

В каюте Медведева не совладала с собой, бросилась к нему и заплакала, заливая своими слезами его лицо и белую рубашку, которую вчера стирала и гладила.

— Да, люблю, люблю, милый, — шептала она. — И хочу целовать тебя всего-всего и как маленького спрятать на своей груди в глубине под одеждой, чтоб никто тебя у меня не отнял. Ты прости, что я так расквасилась, но я все с тревогой думаю о твоей жене, твоей девочке... Я уже без тебя не могу, ох, орать, выть хочется...

Пичугин крепко ее сжал и думал: «Если б она так ревела, читая мой рассказ — продолжение меня!... Но, может быть, так и будет? Может, полюбит она так сильно и мои рассказы, только не сразу, а постепенно — и вдруг потом произойдет кристаллизация, как это бывает...»

Медведева же теперь ругала себя в душе: «Держалась, держалась и вот сделала то, чего так боялась, дура, дура, что он теперь обо мне подумает!»

Пичугин как раз не думал, что она дура, он видел в этом ее припадке умную страсть с замечательными метафорами, эпитетами, хоть пиши сейчас же в рассказ, и он боялся ее высокого, тонкого ума и как бы счастлив был, если б она восхитилась его рассказом. Подумалось ему, что в душе она, может быть, и

восхитилась уже, но почему-то не хочет сказать, как учитель не хвалит ученика, чтоб не расхолаживать. Захотелось сейчас же выяснить это. Осторожно обнимая большое заплаканное милое тело, он усадил ее на диван, сам сел рядом и уже подумывал, как бы продолжить разговор, но она, видно, не поняла его и, слабо подняв руку, задвинула на окне занавеску, и тогда он, растерявшись на секунду, встал и запер дверь.

Такой глубокой, пряной, долгой, сумасшедшей близости у них никогда еще не было.

Когда умылись холодной водой, раздвинули занавески и открыли окно, Пичугин сказал:

— Ты знаешь, я сам понимаю, что не нашел еще по-настоящему себя в писательстве. Мне даже кажется, что я попал в тупик, сижу не на своем коне и не Олеша и Козин мои учителя, а мое профессиональное уважение к ним даже мешает мне.

— Вот я и хочу тебе помочь в этом. Понимаешь, я думаю, что твой личностный склад в основном астенический, с самоуглублением, но и с образностью, нежной застенчивостью, художественной наивностью, то есть, если хочешь, с некоторой инфантильностью. Мне рассказы твои симпатичны, хотя я люблю больше действие, чем самоуглубление. Но каждый писатель, мне думается, должен писать себя, потому что он сам — это и есть то, что он знает лучше всего прочего и где уж он не ошибется. Ты же сам так чудесно сказал, милый: каждый из нас ограничен своей личностью, ты своей, я своей, и я с удовольствием буду читать в рассказах твоих твою личность и, может быть, со временем крепко полюблю дух твоих рассказов, как люблю тебя самого. И вот для этого я должна сама много сделать, понимаешь? Прежде всего, мне кажется, что отталкиваться тебе нужно не от Олеси и Козина, а от Лихоносова. Помнишь, мы говорили о нем еще до теплохода.

— Это что, деревенский лирик, ранимо-застенчивый почвенник? Ты хочешь, чтоб я ему подражал?

— Да не подражал, а попробовал в том же духе, то есть без эстетских олешиноподобных метафор, без козинских чувственных выкрутасов, а грустно-лирически, потому что есть у тебя с ним, Лихоносовым, общее. Действительно, как ты сказал, уязвимость, ранимость, намеки на рефлекссию, печаль, но без есенинской раскованно-поэтической бесшабашности. Есе-

нин, он, конечно, настоящий гениальный инфантил, Олеша — ананкаст, а вот ты, по-моему, больше всего в лихоносовском духе.

— А может, я больше в бунинском духе?

— В бунинском? Нет, не то. Бунин истеричен. Вот у Мопассана или Бальзака — у них и острая чувственность, и одновременно глубокий, трезвый, даже обличающий ум, а у Бунина только чувственность расчудесная, а в остальном прямо-таки малоумие, отсутствие духовной зрелости, ледяной инфантилизм. Вот что никогда не скажешь про Бунина, это — что он философ. А у тебя размышления, мысли. Нет, в тебе больше лихоносовского.

— Боюсь, что и Лихоносов не большой философ. Вот даже рифма. Кроме того, еще до теплохода мы с тобой, помнится, в парке на скамейке соглашались в том, что Лихоносов вышел из Бунина. Значит, и он малоумен, и я, да?

— Ну что ты! И потом, ведь это особенное малоумие, точнее — наивная свежесть художнического восприятия.

— Выкручивайся, выкручивайся... Слово не воробей. А про Олешу как ты сказала? Анан... боюсь дальше говорить.

— Ананкаст.

— Это что?

— Это человек, загруженный всякими навязчивостями, например, навязчивыми ритуалами, которые с необходимостью должен совершать, иногда по многу раз в день. Это от имени древнегреческой богини необходимости Ананке. Я читала про Олешу в воспоминаниях современников, как он еще гимназистом по камешкам ходил в гимназию и если ногой не попадал на камешек, то возвращался, чтоб не получить двойку. И по этой же причине потом по сто раз переписывал каждую фразу и не мог никогда сдать рукопись в срок. А у тебя совсем другой склад, я уже немного изучила.

— Исследовала? Анатомировала? Когда же ты это делаешь? И когда целую тебя — тоже?

— Нет, теперь я от этого с ума схожу и сознание почти теряю.

Медведева обняла его и поцеловала большим, нежным ртом в щеку, и в глаз, и в губы, но он сидел деревянный, угнетенный этим разговором.

Во-первых, он не мог все-таки понять, как можно так сильно, до рева, любить человека, рассказы которого «не в моем духе».

Во-вторых, что уже совсем жутко, она, действительно, кажется, умнее его. Как быстро помогла она ему разобраться в характерах многих пассажиров, подсказала-предсказала, что от кого ждать можно в какой ситуации, и, верно, все это сбывается, кого ни возьми — чванов, Пантеру, Курицу с Карасем... Получается, что учит его не медицине в нужных ему моментах, а его собственному писательскому делу. Чуть удастся ему что-нибудь умное сказать, так он, видите ли, как прекрасно, чудесно сказал, а он ее и похвалить не может, потому что она все время говорит прекрасное и необыкновенное, хоть записывай. А какой же это, черт побери, помощник, если помощник умнее мастера да еще научно исследует мастера!

В-третьих, какого черта пытается она его переделывать, реконструировать, тьфу! Он хочет быть самим собой, а не каким-то Лихоносовым, будь он хоть трижды гений! Как ей, такой умной, непонятно это?

У Пичугина возникло даже такое остро-неприятное чувство, будто она, Медведева, предала его. Никак не мог понять, в чем, как предала, но предала, предательница. Он вспомнил, как еще до теплохода они рвались по вечерам друг к другу у заветной скамейки в парке, хоть в дождь, и как еще не замутнена, не усложнена умственно была тогда их любовь.

Какая же это к дьяволу женская любовь, когда она не только случайных пассажиров, но и всех нас, писателей, разложила по полочкам и клеточкам, как химические элементы в Менделеевской таблице, составила периоды, ряды, группы и наверняка наперед знает теперь, кто из нас, писателей, какие способен давать окислы! А он, видите ли, пытается что-то делать не по законам своей клетки, ведет себя, как соседний элемент, и ее научная задача приструнить его, чтоб давал свои реакции, а не чужие.

Все это было еще более неприятно тем, что Пичугин чувствовал: по-своему, по-научному она глубоко права, как прав анатом, кощунственно разрезающий мозг.

Наконец, была во всем этом и маленькая приятность. Состояла она, в сущности, в этом его случайном выражении «всех нас,

писателей», из которого он как бы получался в одном ряду с Буниным и Олешей. Пичугин улыбнулся в душе над этой своей честолюбивой слабостью и спросил себя, чувствуя на плечах любимые полные руки и чистое, душистое, как лесной воздух, ее дыхание у самой своей щеки: ну, и что же мне теперь делать?

19

Глубоким вечером после душа Пичугин лежал на ее диване в испарине и ждал, когда она выкупается. Он не знал, как теперь, после того, как он все это продумал, может случиться у них близость. Он не хотел этой близости, даже боялся и стыдился ее, будто он был хирургический больной, которому Медведева недавно сделала серьезную операцию.

Вдруг вспомнил, что у дочери через несколько дней день рождения. Он не мог сейчас вспомнить про дочку ничего плохого. Как будто она говорила ему что-то обидное, но это размазлось в его памяти слабым пятном, и только ощущал острое родное, кровное чувство-жалость к этой маленькой девочке, которую надо бы везти на юг купаться, промывать черноморской водой ее больное горло.

И про жену почему-то не мог сейчас подумать-вспомнить плохое: жена как жена, деточек хочет нарожать, как многие женщины, но не от кого-нибудь ведь, а от него, потому что любит его.

Пичугин встал, сел за стол и написал в красивой открытке с видом Волги, что поздравляет доченьку, целует ее и маму, ужасно соскучился о них, а потому долго не выдержит, бросит своего приятеля и вернется с дороги из какого-нибудь большого волжского города самолетом.

Чтобы письмо пошло тоже самолетом, он вынул из бювара дополнительную марку и приклеил ее к открытке, смочив своей испариной.

Когда Медведева вернулась из душа, он старался сделать все, чтобы ей было хорошо, может быть, это последняя их ночь. Но потом сказал:

— Вот видишь, как говорит твой Мопассан, у меня нет голоса, чтобы спеть песню любви. Наверно потому, что не пишу ни черта.

Медведева подумала, что он просто устал и ему надо хорошенько выспаться, поцеловала его, прижалась к его спине и заснула.

20

Он действительно хорошенько выспался, и за окном, наконец, опять солнце, но настроение по-прежнему тягостное.

Медведева тоже проснулась и смотрела на него из своего дивана глазами лучистыми, большими, как у лошади. Она видела, что ему все же не по себе, и думала: «Значит, не в дожде, не в атмосферных колебаниях дело».

Давно ли они, проснувшись в этой каюте, были так счастливы и строили друг другу рожицы. Теперь у него в душе была не знакомая ему боль, боль предательства — почему, трудно пока понять. Хотелось домой — отвезти в остаток отпуска больную дочку и жену к морю.

Медведевой же подумалось, что плохо ему от того, что не пишет, надо бы за него сейчас взяться.

— Вставай, умойся и садись за стол писать, — сказала она. — А я быстро сварю тебе кофе.

Пичугин понимал, что содержание ее слов и вообще этой утренней ее заботы замечательно для него как писателя, но в тоне ее слов и настроения чувствовался ему сейчас невыносимый для него оттенок, — будто говорила она: открой рот, скажи «а-а», дыши глубже, были ли припадки? Он вспомнил, как жена прочла однажды его рассказ и вообще ничего не могла сказать о том, как ей рассказ понравился, только глупо сердилась на героя рассказа за его нахальные мысли. «Уж лучше так, чем эдак, — подумал Пичугин, вспоминая разговоры с Медведевой о своих рассказах. — Уж лучше ограниченная истерическая нянечка, на которую по-настоящему-то и нельзя сердиться, чем эта мудрая, тонкая, всезнающая Белая Медведица, которая постоянно унижает, оскорбляет своим умом». Вот в чем предательство: она унизила его тем, что пытается реконструировать из него что-то писательски-сносное с ее точки зрения.

— Я прогуляюсь, — сказал он и вышел побыстрей, чтобы не сорваться.

Было раннее утро, еще матрос драил палубу, старики еще только начинали пускаться в свои моционные круги по палубе. Солнце светило на обрывистый берег с красной голой землей, обвалами, пятнами светлой глины в красном откосе. Чайки сверкали белизной, а вчера под морозящим дождем казались серыми.

«Я даже не могу сейчас все это увиденное обработать и записать для рассказа, — думал Пичугин. — Настолько я напряжен этой тягостной сложившейся ситуацией. Теперь хоть понятно мне, в чем корень: да, когда такая глубокая, богатая натура не поняла твоего сокровенного, выраженного в рассказах, и ставит тебе в пример Мопассана, то это еще хуже, нежели родная дурочка вроде моей жены просто дергает, раздражается и этим не дает спокойно писать. На жену хоть не обижаешься умом и даже кажется она неплохой, уютно-домашней, убаюкивающей, когда повзаимодействуешь с этим интеллектуальным, очаровательным монстром. Забудешься иногда, начнешь этому монстру рассказывать что-нибудь интересное и даже не из мира искусства, а из строительных конструкций — и чувствуешь вроде как, знает она все это или не знает, но видит, как плохо рассказываю. Жутко чувствовать этот интеллектуальный рентген. И получается в конечном счете, что не мужик сверху, а баба. Бежать надо, бежать, бежать».

Вдруг он увидел, что Медведева стоит рядом с ним, и ощутил в ней внутреннюю взволнованность.

В ее встревоженных глубоких глазах мелькнула беспомощность, и то же самое ощущалось в изгибах милой, чудной ее талии в белом платье, и, хотя руки ее, мягкие, чистые, уверенные руки врача, прижимали к груди психиатрический том, ей самой было ясно, что она готова сейчас бросить этот том за борт и вцепиться в Пичугина, чтоб вернуть его, не потерять. Она, наконец, только что поняла, в чем все дело: с ним нужно еще мягче, его не нужно пытаться переделывать, она просто должна быть безропотной и восторженной помощницей его творчеству. И ей казалось сейчас, что она все это сможет — только бы он не ушел. Да, да, астеническое самолюбие — страшная вещь. Хотелось тут же рассказать ему все это, что она вдруг поняла, и объяснить ему, как все будет теперь по-другому: она станет сама печатать его рассказы на машинке,

чтобы не относить машинистке, она сама будет носить их в редакции... Но не получилось сказать ему это, сказала только:

— Прости, что мешаю тебе думать и смотреть, мне как-то беспокойно, родной мой.

Она впервые сказала ему «родной мой» и при этом чуть не заплакала: настолько точно и остро это выражало ее теперешнее отношение к нему. Но тут же собралась и, будто ничего не произошло, взяла его под руку, и пошли по палубе.

Через полчаса, поглядывая на людей, читающих в креслах в мягком утреннем солнце, она сказала ему уже смелее:

— Видишь, как старушки-пенсионерки любят читать биографические книги про знаменитых врачей. Вообще старость уважает хорошего врача больше, чем молодость.

Но Пичугин понял это как укол, упрек, что вот-де она врач, а он нет, и потому многое из того, что знает и понимает она, он не понимает. Он нахмурился и еще больше душевно отстранился от нее.

Она почувствовала это в его руке, за которую держалась, и подумала в страхе: «Боже мой, что же я делаю! ему ведь нужна вдохновляющая, поднимающая его восхищением своим женщина, и я должна и искренне хочу быть такой, потому что я не могу без него и ни с кем больше не смогу быть близка».

«Нет уж, лучше, — думал Пичугин, — жить холостяком вместе с кошкой или моей немудрствующей женушкой, которая тоже не способна предать меня духовно. А ведь это превосходно, впрочем, что жена отнеслась тогда к рассказу моему, как к куску жизни, рассердилась на героя. Может, в этом и есть сущая помощь писателю — иметь возможность вот так проверять свои рассказы. Но, однако, как быстро могу охладеть к человеку, в которого только что был так влюблен, если не выходит взаимопонимания по самому моему сокровенному, писательскому делу, не выходит подробного духовного созвучия здесь».

Теплоход «Волга» в это время отходил уже от какой-то пристани, постояв там недолго, и пассажиры кормили с теплохода домашних гусей старым хлебом. Одна стая подплыла к теплоходу и хватала лучшие куски. Другая жалась к берегу под глинистым откосом.

Эти гуси забирались в Волгу, чтоб тоже поймать куски, но гусаки первой стаи с шипеньем выгоняли их прочь, на берег.

Медведева тоже принесла из каюты хлеба и просила Пичугина кидать куски той, несчастной стае на берег. Он стал кидать, но не мог докинуть: хлеб был мягкий. Тогда она попросила его умоляюще:

— Ну, пожалуйста, постарайся! Возьми потяжелее кусок. Он бросил корку, и она упала на берег, к ней бросилась несчастная стая. И в это время Пичугин заметил, что гусак, отгонявший эту береговую стаю, злобно взглянул на него.

— Спасибо, — сказала Медведева и поцеловала его в щеку. Ей почему-то казалось, что доброшенный кусок как-то поможет вернуть ее счастье. И вдруг испугалась: как вернуть? значит, оно потеряно? как же так? неужели не будет того, что было? и не будет ребенка? и ребенка от всего этого не останется?

21

За завтраком в стеклянном солнечном ресторане для них не было уже тех ярких красок, как раньше. Помидоры, редиска, сметана — все прежних цветов, но без прежней сочности-яркости. Не было и прежнего интереса наблюдать за Кроликом, Пантерой, чванами и т. д. Он не знал — о чем с ней говорить, но все же была в душе ниточка надежды: вдруг образуется еще все.

Молчание сделалось слишком тревожным и неловким, Пичугин испугался даже, что Медведева разрыдается, и сказал, чтобы просто не молчать:

— Не пишется что-то...

— Это пройдет, — сказала она виновато, стараясь показать и тоном голоса, и лицом, что это все из-за нее и она в отчаянии и готова какими угодно средствами все поправить.

— Боюсь, что нет, — сказал он, чувствуя, что рисуется, и разрешая себе это для того, чтобы ее в последний раз испытать. — Боюсь, надо мне кончать писать, потому что ни к чему это. Редакторы, не напечатавшие ни одного моего рассказа, сразу и давно это поняли, а я только сейчас.

— Никак нельзя тебе бросать писать, — сказала она. — Как хочешь, но, пока я с тобой, я не дам тебе этого сделать,

потому что для тебя с твоим ранимым, внутренне грустным характером при твоей неудовлетворенности твоей работой это просто ужасно.

Пичугин понял, что окончательно оскорблен: она считает его писательство просто лечебным хобби по принципу «чем бы дитя не тешилось». То есть он для нее тоже бездарь, бездарь, истерически мучающаяся своей бездарностью. Значит, все, вместе им быть нельзя, потому что он вот-вот уже возненавидит ее за ее психотерапевтический подход к нему.

Медведева посмотрела на него и поняла, что снова его обидела, но не могла понять, чем обидела. Она настолько вжилась в психиатрическое мирозерцание, что для нее всякий и даже тем более гениальный писатель своим писательством, сам порой не зная, глубоко психотерапевтически помогал себе, а душевная боль-неудовлетворенность с полусознанным стремлением выразить ее и была признаком истинного таланта.

— Я не дам тебе бросить писать, — сказала она, — потому что иначе в тебе погибнет писатель для людей...

— Не нужно, не нужно выкручиваться из сказанного искренне, — проговорил Пичугин. — Будь уж искренней до конца, побойся фальши.

Медведева ничего не ответила. «Боже мой, как же так! — испугалась она. — И ребенка не останется...»

Они не только не замечали сейчас, что делается вокруг, но и не стеснялись, что их могут слышать и что-то могут думать о них плохое или смешное.

Расплачиваясь с Котенком, Пичугин впервые заметил про себя, что многовато истратил сегодня денег, мог бы не брать ей сметану, все равно к ней не притронулась. Лучше бы сэкономить денег и отвезти своих хоть на неделю на юг. Но тут вспомнил, что ведь ничего не заплатил за свой дорогой билет, а тратится только на еду. Он устыдился такой своей забывчивости и стыдно сделалось также перед женой и дочерью, что не позаботился о них, хотя и решил еще совсем недавно развестись... Но тем более надо было позаботиться о здоровье дочки.

Вся эта мешанина мыслей и переживаний угнетала его, и единственно, чем мог оправдаться, так это тем, что у Бунина, например, был тоже характер весьма тяжелый для его близких

и вообще мало кому из художников удавалось жить тихо и мирно в своей семье.

Из ресторана пошли в каюту, сели понуро на свои диваны. Пичугин подумал, что вот надо опять о чем-то с ней говорить. А Медведева испытывала настоящий душевный пожар, понимая все отчетливее, что кончено, кончено ее счастье. Она боялась разреветься, броситься к нему на шею и потому крепко держалась за свой психиатрический том и жестоко мяла его. Еще никогда не унижалась она так перед мужчиной и не была готова унижаться так бесконечно. Настолько невыносимо тесно, горько и беспомощно было в душе, что, казалось ей, как только он окончательно ее прогонит, она бросится в Волгу, чтобы прекратить эту настоящую, почти уже психотическую, душевную боль.

Пичугин рассчитал, что еще два дня надо проплыть ему с Медведевой, чтоб истратить на нее столько денег, сколько она истратила на его билет, и тогда можно лететь с берега на самолете к своим. Теперь, когда он все уже для себя окончательно решил и немного успокоился, можно было поговорить с Медведевой просто как с доброй знакомой. И он спросил, читала ли она Николая Зарудина.

— Нет, — вдруг солгала она. — Это современный писатель?

— Какой же современный! — даже обрадовался Пичугин, что она не знает Зарудина. — Он до войны умер, и некоторые считают его, знаешь, чувственным гением.

Вот теперь, когда она солгала, то есть уже по-настоящему сфальшивила, чтобы обрадовать его, и, верно, заметила, что он обрадовался, — теперь она поняла окончательно, что все, не быть им вместе. И когда он спросил теперь, читала ли она Гранта Матевосяна, Медведева кивнула.

— Ну и как думаешь о нем, в какой он личностной клетке? — спросил он с ехидцей.

— Думаю, что у него есть что-то общее с Фолкнером. Романтическая яркость, живость, но с шизотимической извилистостью, внутренней эстетской временами выкрутасностью, тоже образной, но образность какая-то особенная — мыслительная, что ли. В общем, нет, по-моему, в Матевосяне духовной простоты, способности проникать в душу незамысловато и глубоко, незаметно, не через журчание образов.

Медведева заметила, что увлеклась даже этим размышлением, осмелела и прибавила:

— А вот ты говорил, что некоторые этого писателя Зарудина гением называют... так тут я, знаешь, заметила, что, бывает, один писатель называет гением другого, который пишет даже еще хуже, чем он сам. Так срабатывает психологически-бессознательный механизм, позволяющий еще крепче убедиться в собственной гениальности.

Пичугин и тут почувствовал обидный намек на себя, будто он сам назвал Зарудина гением и таким образом себя вместе с ним. В то же время он не мог еще раз не восхититься внутренне и с досадой тонкостью ее ума. «Скорей бы уж расстаться! — думал он. — Как тягостно, унизительно с ней».

Он вспомнил, как жена в усталом раздражении одевала в другой комнате дочку и сказала: «Вот папа нам даже туфельку не может подать!» Тогда это его оскорбило-ужалило на неделю, но теперь казалось таким безобидным, даже домашне-уютным, смешным пустяком в сравнении с тягостным унижением, которое терпел от интеллекта этой другой женщины. Нет, лучше уж жить с раздражительной дурочкой — по крайней мере она не способна предать тебя духовно, интеллектуально.

На берегу был город Городец, в котором по дороге из Золотой Орды умер Александр Невский.

22

Когда приставали к Горькому, капитан сказал, как всегда, в репродуктор:

— Отдать шварты!

Канаты с петлями на концах полетели на берег. «Интересно, — пронеслось в голове у Медведевой, — шварта — так один институтский преподаватель, хирург, называл крепкую, мешающую ему на операции спайку, тоже стягивающую, сцепляющую кишки». Она сказала об этом Пичугину — и его чуть не затопило.

Они оба были нарядны, как всегда перед несколькочасовой прогулкой в городе, но душевно обоим было плохо.

— Давай в Горьком отдохнем друг от друга, — предложила Медведева, когда спустились по трапу на пристань.

Он согласился кивком головы, и пошли в разные стороны. Медведевой навстречу шла ворчливая женщина с теплохода, за руку держа мальчишку, который ногами выписывал кренделя, задевая людей.

— С панталыку никого не сбивай! — кричала женщина.

К Медведевой так и привязалось это, и она шла и все повторяла про себя: «С панталыку только никого не сбивай».

Шла она быстро и вскоре поднялась в горьковский Кремль. Ремонтировали башни и ограду, и она подумала, что в другое время непременно взяла бы из кучи мусора красный кусок старинного кремлевского кирпича как память о поездке. Но об этой поездке ей уже сейчас не хотелось ничего вспоминать. Она увидела, как молодая женщина, моложе ее лет на пять, везла перед собой по дорожке детскую коляску с накинутым на нее красивым белым кружевом и рукой поддерживала через платье одну грудь, которая, видимо, налилась молоком, и молоко полилось бы из нее, если отпустить руку.

Медведева нашла одинокую скамейку в зарослях бузины, села на нее и тут же разревелась. Дала себе полную волю реветь, редела, зная, что никто ее не видит и что делает это для того, чтобы отреветься, чтобы смягчилось душевное напряжение, а потом приведет себя в порядок, умоется вон из того ржавого крана для поливания цветов и — в поезд, в Москву, только на теплоход она уже больше не вернется.

Плача, она догадывалась, что своим невольным, профессиональным опсихиатричиванием жизни постоянно ранила его, но что же она могла поделать тут с собой. Если б она могла вынуть из себя проникающий все ее существо груз психиатричности, чтобы сделаться как когда-то наивной и миленькой, которую он сам смог бы воспитывать и просвещать!

Как только она сфальшивила с Зарудиным, она поняла, что по естеству своему не сможет больше фальшивить даже для любимого человека. Он хороший, он замечательный, она с ума, наверно, сойдет без него, но она не в состоянии быть восторженной дурочкой, пожирающей каждое слово, каждый вздох его поэтически-астенической, грустноватой наивности.

Она горячо любила его вместе с этой его наивностью-инфантильностью, но восторгаться ею могла точно так же, как и его чудесной, пахнувшей сеном бородкой, восторгаться, поправ-

ляя ее, меняя фасон, но не покоряясь этому духовно, умственно, не превращаясь с ним вместе в восторженную инфантилку.

Нет, она теперь уже не хотела навсегда забыть теплоход «Волгу», напротив, она была безмерно благодарна этому чудному мальчику за эти чудные дни и с тайной надеждой спрашивала свою судьбу: не беременна ли от Пичугина? и лучше — такой же обаятельной, нежной девочкой?

Вспоминала полную молоком грудь той молодой женщины с коляской, грудь, которую приходилось поддерживать рукой, и снова рыдала. Вспоминала его, пичугинское, продолговатое лицо с нежными морщинками, лучившееся светом девушки, особенно когда приподнималось кверху. Вспоминала так, будто годы не виделись.

Истощившись в реве и тем успокоившись, Медведева подумала: «Ну ничего, что же делать, у меня ведь есть еще мои больные, уж их-то у меня никто не отнимет».

Пичугину Горький сперва не понравился тем, что повторял некоторыми новыми зданиями подобные московские здания, но в уменьшенном виде. Здесь был и маленький кинотеатр «Октябрь», как в Москве на Калининском проспекте, и маленький кремлевский зал филармонии, и т. д. Но потом, вокруг всего этого, Горький очень ему понравился стилизованными в древнерусском духе кафе, горьковским Кремлем, церквами, зелеными новыми домами на вершине, просто красавец! Довольно часто встречались ему на улицах умные, одухотворенные лица. А сколько молодых мужчин с бородкой и зонтиком! Один из них рассказал ему, как пройти в букинистический магазин. Недалеко от этого магазина в парке Пичугин увидел Курицу и Карася, с трогательной нежностью склонившихся над чужим малышом в песочнице.

В букинистическом он отхватил красивый том стихов и рассказов Бунина. На скамейке в парке записал в записную книжку несколько интересных наблюдений, сюжетов и деталей для будущих рассказов, и настроение стало лучше, легче, он даже соскучился по Медведевой. «Ну ладно, еще посмотрим, как там будет, — подумал он. — Может быть, все еще будет и неплохо. В сущности, она ведь и не отрицает, что я талантлив! А как чертовски писать хочется, сколько сюжетов, планов в голове!»

Когда теплоход
дана ее: значи
ко огорчен и д
что все к лучч
а то хорошо с
товок для рас
а с ней ведь де
Он хорош

сказ, и уже яс
ше выжженн

Он с живо
купали дешел
риновали их,
стани у чув
рассматрива
вишни без ко

«Надо ска
кий толчок,
сейчас лихо
Надо еще зап
ну на боку и
сти. Да, да, о
жить вместе
си Бог».

Он плыл
От ветра
по берегу ле
Ленинский
«сбивал спо
— А там

В ресторани
ся сидеть т
его даме пл

Когда теплоход отчалил, Пичугин обнаружил, что нет и чемодана ее: значит, она не опоздала, а ушла. Он был сперва глубоко огорчен и даже возмущен этим, но вскоре успокоился тем, что все к лучшему, значит, так надо. «День-два еще проплыву, а то хорошо стала работать наблюдательность, наделаю заготовок для рассказов; может быть, даже и закончу что-нибудь, а с ней ведь деньгами уже почти рассчитался».

Он хорошо проспал ночь, утром за два часа написал рассказ, и уже ясно чувствовалось, что природа стала южнее: больше выжженной травы и колючек.

Он с живостью наблюдал, как уборщицы на остановках покупали дешевые помидоры, яблоки, а между остановками мариновали их, закатывая в трехлитровые банки. В селе у пристани у чувашек с грубоватыми лицами в белых платках он рассматривал соленые огурцы, яблоки, вишни и вспоминал ее вишни без косточек в пломбире.

«Надо сказать, она дала мне известный художественнический толчок, — подумал Пичугин. — И утренний рассказ, и сейчас лихо работаете, только успевай записывать в книжку. Надо еще записать, как видел в Волге с палубы крупную рыбину на боку и почему-то подумалось, что умерла она от старости. Да, да, она на меня хорошо подействовала, спасибо ей, но жить вместе с такой умной женщиной никак невозможно, упаси Бог».

Он плыл и плыл, и не хотелось слезать в самолет.

От ветра на Волге были барашки, как на море. Густые шли по берегу леса — симбирские. Уже записывали на экскурсию в Ленинский мемориал, и мальчик, который всех на пристани «сбивал спонталыку», спрашивал маму:

— А там игрушки Ленина есть?

В ресторане все было по-старому. Пичугин ничуть не стеснялся сидеть теперь один за тем же столиком: пусть думают, что его даме плыть нужно было до Горького.

Молодой человек с бледным женственным лицом, от взгляда которого краснели Курица и Карась, перестал на них смотреть и сделался совсем маменькиным сынком. Его мама, маленькая и толстая, в панамке и с колючим взглядом, по-прежнему суетливо перекладывала ему в тарелку свою жареную колбасу и мясо, и оба они погружали в свои супы купленную на берегу петрушку целыми букетиками.

Котенок все танцевала по вечерам на палубе с любимым матросом в цветастой рубаше и плакала, когда он был пьян.

Кролик в белых брюках и белой рубашке, нарядно-застенчивый и добрый, покинул теплоход в Саратове с коробкой с фотоувеличителем в руке и еще какими-то свертками. Глядя на него, Пичугин подумал, что вот и это, предсказанное ею, сбывается. «Страшная женщина, просто ведьма!»

На берегах была теперь настоящая засуха с выжженной землей, горяче-сухой каменистостью с колючками. Ни ягодки, ни рынка, овощи на огородах пересохли в бурьяне. Пичугин видел какие-то дома с худыми крышами, высохшими досками, расщепленными, как вафли, с зарослями лебеды и репейника вокруг. В сараях дыры, а в окнах домов вместо занавесок пожелтевшие газеты. «Не только тут засуха, но и людская лень», — подумывал Пичугин.

По утрам в деревянных деревнях на берегах пели петухи. Против солнца рыбаки в лодках казались черными закорючками.

Пичугин вышел на берег с убогими деревьями и каменными домишками. Внутри речного вокзала были несоразмерно громадные портреты Маркса и Ленина. Во дворе тир, газетный киоск, продовольственно-пивной ларек.

Часах в четырех до Куйбышева на высоком берегу стоял каменный крест и ниже часовенка. Купца тут, говорят, ограбили, убили, и брат его соорудил это. А если б не брат, никто бы не знал сейчас на теплоходе об этом.

После Куйбышева был Волжск, большой, дымный, с трубами город. На известняковых боках берегов травы, кустарники росли пятнами, как тигровая шкура. Тополя сделались пирамидальными, стремясь в небо узкими, как у рыб, телами.

«А верно она говорила, — думал Пичугин, — надо мне писать не так камерно, а про живую жизнь, чтоб больше действия, она права, она мудрая женщина».

Он стал теперь, гуляя в прибрежных городах и деревнях, не только искать детали, но, главное, смотреть, как живут люди, о чем говорят, и хотелось уже писать рассказы по-новому, с действием. Для этого, — чувствовал он, — надо как-то самому больше действовать в жизни, не уходить от людей, а сливаться, взаимодействовать с ними. Начал он с того, что когда в одном поволжском магазине старуха-продащица упрекнула его за бороду, сказал: «Эх, бабушка, а ведь я, может быть, доктор. Не дай бог, оказалась бы передо мной на операционном столе, так ведь так не ругала бы, а?» Старуха сделалась вся красная, и он, удовлетворенный, отошел.

В Волжске на пристани многие накупили дынь, и на теплоходе — густой ароматный дынный запах. Пичугин во все глаза уже смотрел на палубе на ту худенькую женщину, которая читала по-английски и которую Медведева считала «истеричечкой». Она была сейчас в полосатом платье из материала, который можно было бы разрезать на махровые полотенца. От этого была она почему-то особенно соблазнительной. Английской книжки не было с ней сейчас, она ела дыню и улыбнулась ему маленьким, хищным ртом. «Точно, хищница-истеричница-соблазнительница, — подумал Пичугин. — И тут права эта мудрая Белая Медведица с влажными зубами и блестящими глазами».

Снова был сложенный из камня берег — теперь уже канала «Волга—Дон». Теплоход опускался в шлюзе, и в это время под теплоходом будто сильно шумел дождь.

Оглушенные, ополоумевшие рыбы опять метались с торчащими из воды спинами. Матросы ловили этих рыбин сачками.

На другой день с утра пошли по берегу богатые донские станицы. Каменные дома со ставнями, трехэтажные розово-коричневые школы, лодки на песке. Всюду был порядок и веяло казацкой крепкой сколоченностью. Какая-то старуха вытягивала удочкой из Дона здоровенного леща.

Вечером на свет в каюту прилетела туча насекомых — зеленобрюхих, похожих на комаров, но не кусаются. Пичугин записал в книжку и мушку с коричневыми глазами и темными пятнышками на прозрачных крыльях.

Краски по-настоящему вернулись к Пичугину. Ему захотелось в этой духоте холодной ботвиньи, той самой, которую

ел, тоже в жару-духоту, бунинский офицер из «Солнечного удара» где-то в провинциальном подвальном трактире. Действительно, какая острая, юношеская свежесть у Бунина!

Она права, это инфантильная свежесть восприятия мира. И права в том, что нельзя сказать, кто лучше, сильнее, например, Бунин или Чехов. Смотря для какого читателя. И уж во всяком случае он пишет сейчас рассказ, какой никогда не писали бы ни Бунин, ни Чехов, потому что у него, Пичугина, иной, свой душевный склад.

На белой шляпе Пантеры уже много было значков-городов. Неодобрительно посмотрела свирепо-изящная старуха на Пичугина, а потом, еще более сердито — в морской бинокль на берег.

«Как она, Медведева, могла угадать, что шляпа Пантеры покроется значками? — думал Пичугин. — Ведьма, ведьма...»

1976

М.Е. Бурно

Из дневника пожилого человека

1

Мне шестьдесят пять лет. Я уже пять лет на пенсии. А до пенсии всю врачебную свою жизнь проработал в поликлинике врачом-лаборантом.

Год назад, тоже апрельской весной, умер мой отец, прожив 93 года. Позвоночник его в последние годы совсем согнулся — вперед и одновременно вбок. Такой скрюченный, ослабевший, отец все равно просил меня пойти с ним в магазин в день нашей пенсии. Еще я иногда выводил его погулять на собачью лужайку, где низко летали вороны, дразня домашних собак, недалеко от нашего двенадцатиэтажного дома-башни. Он все-таки очень любил, получив пенсию, отправиться со мной в гастроном и там закупить немного празднично заграничных вкусностей — двести граммов голландского сыра, двести граммов нарезанной уже, в целлофановом пакетике, финской колбасы, несколько бананов, пахучего чаю, леденцов, сдобной соломки в коробке. Это все стоило почти половину его пенсии и называлось у нас — «кутнуть». Но вина мы не пили уже много лет:

О характерах людей

1976

договорились как учитель и врач не прикасаться к спиртному в спивающейся стране. Отец душевно оживал в магазине у прилавка. Волнуясь, считал дрожащими руками деньги, переспрашивал цены, будто жил настоящей, живой жизнью среди людей, в житейских заботах. Я покупал еще перловой крупы, овсянки, хлеба, и мы шли домой. Одной рукой я нес сумку, на другой висел отец. Это было смешное зрелище: один нескладный старик с бородой тащит другого, без бороды, сморщенного, большеголового, горбатого, и еще сумку. Я вспоминал тогда зловещее стихотворение одного современного поэта о двух старушках, матери и дочери, о том, как этот поэт ужасался, удивлялся, представляя себе, как когда-то ведь одна из этих старушек кормила другую грудью.

Но голова у отца была поэтически душевная, ясная. Он мог бы еще, если б не изношенное тело, продолжать одухотворенно преподавать биологию в школе. Школа в полчасе езды на трамвае и троллейбусе. Отец подрабатывал там целую четверть века, будучи уже на пенсии, а ушел совсем, когда почувствовал-испугался, что так ослабел уже и так тяжело схватывает в дороге сердечная боль, несмотря на сустав, нитроглицерин, что однажды не доберется до дома. Наш дом, наша уютная двухкомнатная квартира — это для нас с ним самое дорогое. Это радость: жить там вместе, в сокровенном духовном созвучии рассказывая важное друг другу, смотреть телевизор, читать книги и размышлять-беседовать о них, готовить дешевые добрые кушанья для утоления голода. И еще — смотреть друг на друга. В детстве из народной толпы отец видел последнего русского царя и не раз рассказывал мне об этой встрече, всякий раз уточняя, добавляя.

Умер отец в одну ночь. Возникла у него боль в животе. Я вызвал скорую. Отца увезли в больницу, где он скончался через несколько часов с диагнозом «кишечная непроходимость». Видимо, по-старчески долго и тихо росла опухоль, а потом закупорила собою кишку. Держать тело в морге, вскрывать у меня просто не было денег. Да и не хотел, чтобы мертвого отца разрезали. Хотя я и врач-лаборант и вроде бы не должен быть равнодушным к человеческому телу изнутри... Остатка наших пенсий и «похоронных» из райсобеса хватило, чтобы отвезти тело отца из больницы в крематорий. Родствен-

ников у нас
пригласить
тоже хорон
похорон, в
го сыра, ко
суетливо с
этот сыр. П
слова генер
будет пить
пив в тот д
ные полки
стого, Дост
кой галере
и альбом
вас не про
кошунство
что я сказа

В мои
сейчас исп
ротства. Я
ше пойти
ветоватьс
дразнит с
нес отца
время, у
сейчас за
вой, до
сейчас т
живого, и

2

Моя мес
сорок де
вполне е
смерти.
или по ч
перловк
праздни

ников у нас нет. Нет и знакомых, которых можно было бы пригласить на кремацию или на кладбище. Вазу с прахом отца тоже хоронил один — в нашу семейную могилу. Дома, после похорон, выпил чаю и съел бутерброд с остатком голландского сыра, который купил еще отец. Помню, как он тревожно-суетливо считал у прилавка деньги, покупая рядом со мной этот сыр. Перед самой смертью отца мы прочли с ним в газете слова генерала Лебеда о том, что в спивающейся стране он не будет пить вина вовсе. И это было, как из нашего сердца. Выпив в тот день поминального чаю, я посмотрел на наши книжные полки до потолка — на любимые наши с отцом книги Толстого, Достоевского, Чехова, на альбомы картин Третьяковской галереи, Русского музея, Эрмитажа и сказал вслух книгам и альбомам: «Как хорошо, что денег хватило, что я кого-то из вас не продал». Может быть, для кого-нибудь, кто это прочтет, кощунственно будет такое услышать, но отцу, убежден, то, что я сказал, понравилось бы.

В мои-то годы, после смерти отца, я все равно испытывал и сейчас испытываю звенящее, тревожно-печальное чувство сиротства. Я готов отчаянно заплакать, от того что не могу больше пойти с ним на собачью лужайку, не могу поговорить-посоветоваться о двудомной крапиве, о черноклювой вороне, что дразнит соседского лохмато-диванного эрдельтерьера. Я тащил нес отца в день пенсии на своей руке в магазин, но, в то же время, у меня было чувство-убеждение, что это он обо мне сейчас заботится, бережет-защищает меня. Он весь, как живой, до мелочей, в моем чувстве-переживании. Я его люблю сейчас так сильно, одухотворенно-подробно, как не любил живого, и пугаюсь, что это все так происходит.

2

Моя месячная пенсия не так уж мала: ее хватило бы сейчас на сорок девять батончиков моего любимого горчичного хлеба. И я вполне ею обхожусь. Новой одежды мне не надо уже до самой смерти. С обувью тоже обойдусь. Покупаю по свежему батону или по черной полбуханке утром, и еще остается на овсянку и перловку. Гречку можно, конечно, лишь по воскресеньям, праздникам, она подороже. А еще покупаю в овощном несколь-

ко свеколок в полмесяца и режу их в кашу. Покупаю и сахар, и чай, а на воскресенье и праздники стоит у меня в семейном дубовом буфете банка с кофейным напитком «Летний», растворимым без осадка. И есть в этом же буфете старая банка с еще советским, засохшим уже клубничным вареньем. Ухитрюсь, понятно, и за квартиру платить. А если еще остаются деньги, то покупаю бутылочку кетчупа — поливать этим томатным соусом кашу или кусок черняшки, батона. Словом, вполне выживаю. Но есть у меня в этой жизни одна душевная забота, долг, и на это уже пенсии никак не хватило бы. Тут у меня другой путь, о котором только своему дневнику и могу рассказать. Хожу с хозяйственной сумкой на помойки.

Не сразу к этому пришел. Некоторое время после смерти отца я, как когда-то выражался главный врач нашей поликлиники, изучал этот вопрос. Наблюдал из окна кухни (наша квартира на восьмом этаже) за пенсионерами-мусорщиками. Не работниками, собиравшими мусор, а людьми, выбиравшими из мусора что-то им нужное. Внимательно разглядывал, проходя мимо, как бы на прогулку на собачью лужайку, что там навалено в этих мусорных ржавых ящиках-контейнерах и вокруг них. Примечались и неплохие вещицы, выброшенные богатыми людьми: хрустальный бокал с отбитой ножкой, сломанные настенные часы, даже куски холодильника. Но на что мне все это — в технике не соображаю, хрустальный бокал тоже не исцелю. Да и брезговал бы все это нести домой. Выброшенная обувь, к примеру, может быть и с заразными грибками. Заметил из окна кухни, что пенсионеры-мусорщики, весьма прилично одетые, с добротными, даже нарядными сумками, охотятся преимущественно за выброшенными пустыми бутылками. Бутылки можно сдавать, и чем больше сдашь, тем больше получишь денег. А так, чтобы в прошлогодних, слежавшихся листьях на собачей лужайке отыскать-выкопать граненый стакан, отмыть и продать или самому из него пить — нет, этого я не смогу. И вот стал я мусорщиком, охотником за бутылками, и снова у меня пошли рабочие дни, и тоже часов по пять-шесть. Но уже без суббот и воскресений — так сильно захватывает этот промысел.

Конечно же, я не хожу к контейнерам возле нашего дома, а хожу и езжу на троллейбусе подальше. И подальше от поликлиники, в которой проработал тридцать шесть лет, чтобы не встре-

тить у помойки знакомых. Хотя и переживаю, проходя на охоту мимо своих контейнеров, что вот там, кажется, блестят хорошие, водочные бутылки. А то даже примечу рваные резиновые сапоги, которые, как мне кажется, не побрезговал бы и взять, сумел бы заклеить. Пошел бы в них ранней весной в парк по чавкающей от влаги земле искать первые цветки мать-и-мачехи. Может быть, зарисовал бы их цветными карандашами и описал свои чувства о них в своем дневнике. Да, мы стараемся одеться получше, когда отправляемся туда. Многие из нас надевают галстук. А такие, как я, с бородой и в очках, похожи ну не на профессора, но на доцента. Некоторые даже в кожаных пиджаках, с тележкой. Чтобы не подумали о нас, что какие-то бомжи-бродяги. У меня, например, добротная матерчатая сумка с нарисованными на ней крупными бордовыми розами, а в ней еще одна такая же — с голубыми колокольчиками и тоже сложенный целлофановый пакет, на всякий случай. Мы обходим наши помойки, будто ходим по магазинам. Стесняемся друг друга, если встречаемся у контейнера. Кто-то из нас деликатно ждет в невидимом отдалении свою очередь: вдруг коллеге не понадобится то, что понадобится ему. Но бутылки обычно все мы берем. Конечно, лучше работать рано утром или в середине дня — меньше народу, смелее чувствуешь себя. Ведь прежде, чем подойти к контейнеру, осматриваемся: порою приходится и перевеситься телом в этот ржавый ящик, если он по-утреннему почти пустой, только на дне бутылки.

Когда подошел к контейнеру как пенсионер-мусорщик в первый раз, я сказал себе: «Сейчас такое наступило ранне-рыночное время, что никому ты, Глеб Гаврилович, не нужен, никому нет до тебя дела. В Чечне гибнут двадцатилетние солдаты, и все уже к этому привыкли и хохочут над рекламой по телевизору. Все, кроме солдатских родителей. Множество нищих. Так кто же станет возмущаться тем, что ты возьмешь из контейнера бутылку! Давай-давай, а то мусорщик-профессионал придет. Все, что ты сейчас делаешь, это естественно: когда живут в стране богатые и бедные, то богатые всегда что-нибудь хорошее для бедных набрасывают». И все тогда сладилось: взял первые бутылки, обрел дело.

Мусорщики-профессионалы, в самом деле, главные наши враги, потому что еще в подъездах, на лестничных площадках

сами собирают бутылки. Еще они время от времени заглядывают в свои контейнеры и около, но уже не украдкой, в отличие от нас, а степенно, деловито, выполняя свою таинственную работу. Но грех мне ворчать на нашего мусорщика: он хоть и пьяница, хоть и похож на старого вороненка в своем черном, замасленном, а крошит голубям и воробьям хлеб и беседует с ними.

Все ярче становится помойка от заграничных упаковок, выброшенных красивых конфетных коробок... Одну такую крупную коробку с выпуклой прекрасной белкой с золоченым орехом в лапках на изумрудно-зеленой елочной ветке я все же взял, но не из контейнер, а рядом, с треснувшего асфальта. Я храню в ней небольшие простые камни, которые подбираю где-нибудь, потому что они видятся мне какими-то трогательными, добрыми, т. е. испытываю с ними душевное созвучие, взаимотяготение. И в таком же духе собираю кусочки, комочки мхов в эту же коробку. Правда, на всякий случай, протер коробку старым нашим, но крепким, зеленым одеколоном «Шипр».

Люблю спокойно, не стесняясь, смотреть из окна кухни подальше красных детских качелей на разноцветную помойку, смотреть в полевой бинокль, в который отец мой когда-то смотрел в дачном лесу на птиц. Раньше все мы были (кроме больших начальников) примерно равны своей относительной бедностью. Теперь же есть много бедных и мало, но достаточно для нас, богатых. Богатые выбрасывают на помойку довольно хорошие вещи и, конечно, бутылки, поскольку сами-то их не сдают за гроши в приемный пункт. Они, понятно, могут выставлять пустые бутылки на лестничную площадку, чтобы их сразу схватили профессиональный мусорщик, уборщица или охотящиеся за бутылками старушки. Но все же и на помойку почему-то выносят. Да, помойка, конечно, стала богаче, красочнее. Выносят и кладут рядом с мусорными контейнерами даже телевизионные трубки, которые могли бы еще поработать, даже поломанные или просто старомодные транзисторы. Но я всегда ужасно был непрактичен. Я из тех, кто лезет левой рукой в правый карман и при этом вывихивает себе ногу. Я как тот рассеянный профессор, который подает даме руку, помогая ей выйти из троллейбуса, и тут же наступает ей на ногу. Мог усердно конспектировать брошюру по сантехнике, поку-

пять сложные инструменты, а потом такое море устраивал в квартире, что все кончалось отчаянным зазыванием сантехника. Как туземец-дикарь, тянусь к заграничным ярким упаковкам, роскошным пивным и кофейным банкам, не привык еще к этому после нашей серой, нудной большевистской жизни. В то же время, много еще у меня в душе чего-то юнкерски-ребячьего. При всей (и теперешней) острой застенчивости живет во мне этакий хулиганистый бесенок. Может быть, из-за него и чувствую себя душой много моложе своих лет. Готов заговаривать с длинноногими девушками, как равный им юноша. В душе, конечно. А по-настоящему я и в молодости не решился бы с ними заговорить. Странно: уже пять лет езжу на троллейбусе, автобусе бесплатно, с пенсионным удостоверением, а сам тянусь к девушкам, заглядываюсь на их коленки. Однажды было это даже прячась за мусорный контейнер. Я, белобородый, дряхловатый уже, удивляюсь-огорчаюсь, когда мне говорит кто-то: «Отец, дай закурить». Иному самому уже к пятидесяти (и я это вижу), а он мне: «отец».

Если смотреть из окна кухни подальше помойки, — там, за белым двухэтажным детским садом, собачья зеленая лужайка, а за ней парк и за парком промышленные трубы с дымом, от которого по временам на небе, над нашим домом, зловеще-сизые облака. Набрав бутылок, несую домой в двух сумках, а дома мою их в тазу. Особенно хороши водочные бутылки: их всегда принимают. Потом отправляюсь сдавать уже чистые бутылки на приемный пункт, а если он закрыт, то сделаю еще один, дополнительный, а то и два обхода помоек по моим маршрутам.

Хорошо сейчас ходить на эту охоту. Необыкновенно теплый, мягкий в этом году апрель. Крапивка уже вылезла. Воробы кричат весенними, прочищенно-воспаленными голосами, купаются в высыхающей луже. Но я уж благородно не хожу в парк за бутылками в травах. Пусть себе старушки ищут их для подарков внукам. Это ведь очень важно — знать, во имя чего тайно погружаешься в помойку. Старушки даже с раскладными стульчиками туда ходят и в таких уютно-моложавых платьях. Сидит себе беленькая бабушка в очках, в панамке, книгу читает, а рядом, в траве, две цветочками расписанные матерчатые сумки с бутылками. Уж я-то различаю знакомые, добрые очертания бутылет.

Вечером слушаю радио. Старенький наш черно-белый телевизор сломался. Починить пока дороговато. И еще такую толстую разноцветно-капиталистическую рекламную газету «Экстра» получаю бесплатно в почтовый ящик, как и все в нашем доме, по субботам. Вот интересно там смотреть, как, наконец, и у нас прекрасно богатые люди живут, путешествуют, радоваться, что и тебе, по законам развития капитализма, будет как-то лучше, если они станут еще богаче.

3

Почему необходима мне эта охота за бутылками на помойках? Ответ — целая история моей жизни, моего больного характера.

Чеховский недотепа, я никогда не мог естественно выражать свои переживания, вообще естественно чувствовать жизнь, как чувствует подавляющее большинство людей. В несчастье человек горюет, случается радостное событие — он веселится. Я, конечно, тоже тоскую и радуюсь сообразно событиям, но у меня это происходит как-то неестественно, без должной чувственной четкости, непосредственности, с тягостной неуверенностью в своих чувствах и в жизни. Это все оттого, что от природы чувственность моя не полна, не цельна, а притуплена, блекла, жухловата. Эта неполнота чувственности начинена тревожностью, покрывается и перекрывается склонностью к тревожным аналитическим раздумьям, одухотворенно размышляющей, щемящей жалостливостью по обстоятельствам. Среди людей, не способный к живому естеству общения, нередко думая-переживая в беседе о том, что к беседе совершенно не относится, я пугаюсь, что это заметно со стороны как что-то постыдное, странное, и от этого еще больше смешиваюсь в своих чувствах и мыслях, мучаясь напряженностью застенчивости. В молодости еще и заливался при этом краской, и все это лишь обостряло мучительное ощущение неестественности происходящего и без того постоянно присутствующее во мне чувство вины перед людьми и собою. Еще труднее, нежели общаться с людьми, мне выступать перед аудиторией или отвечать урок, как бывало в школе. Естественность-непосредственность, цельное чувство определенного содержания

придут ко мне уже потом, после общения с людьми, в одиночестве. Даже с матерью, работягой-ткачихой, которая во мне души не чаяла, я чувствовал себя в непосредственном общении неестественно-напряженно. Она ведь меня никогда не била; просто правильная, справедливая строгость звучала в ее голосе, осанке. Мать умерла двадцать лет назад от кровоизлияния в мозг, я навсегда по-сыновнему тепло благодарен ей за свое рождение в жизнь, за то, что тревожно заботилась обо мне, как о своем птенце, в полуголодное военное мое детство отправлялась только ради меня, заболевшего, на базар и приносила кусочек мяса, помидорку, луковицу или что-нибудь еще в таком укрепляющем тело духе, что удавалось ей выторговать подешевле. Перешивала на меня отцовскую гимнастерку, бесконечно штопала мои носки. Но расслабляться душевно, быть более-менее естественным я долгие годы мог только с отцом, благодаря нашему глубинному духовному родству.

Я поступил в медицинский институт, чтоб разобраться в себе и помогать заболевшим людям, поскольку искренне жалел тех, кому было плохо, особенно если это было понятно-созвучно моим собственным переживаниям. В себе так толком и не разобрался, понял лишь, что истинной душевной болезни (сумасшествия) у меня нет. С больными же работать не смог, потому что вследствие своих особенностей, будучи в общении с пациентом совершенно непрактичным, не чувствующим руками, глазами, ушами (даже с прекрасным импортным фонендоскопом) того, что с легкостью, от природы, цепко, без неуверенности-сомнений, чувствовали мои коллеги, не в состоянии, например, различать сердечные тоны, — я совершал серьезные врачебные промахи и мучился уязвленным самолюбием и своей действительной виной. Растерянный от всего этого, посоветовался в диспансере с психотерапевтом. Деловитый, с усиками, он сказал мне, что вам, уважаемый Глеб Гаврилович, с такой глубокой психастенией не следует работать лечебником, а лучше пойти во врачи-лаборанты. Так и поступил, благодаря его письменному заключению, после нескольких месяцев плохой работы участковым терапевтом. Именно таким, лабораторным образом, не торопясь, рассматривая в микроскоп мочу, кровь, кусочки удаленных хирургом папиллом, уточняя, советуясь с консультантом, помогал заболевшим в

той же поликлинике в течение всей своей врачебной жизни до самой пенсии. Купил себе на всю жизнь толщенную книгу Предтеченского о лабораторной диагностике. Как же быстро пролетело время, боже мой...

Там, в поликлинике, в лаборатории, встретил в первый же год работы сорокалетнюю санитарку Веру, с которой сразу почувствовал себя душевно легко, светло. Она-то как раз и была по-настоящему душевнобольна. Все жаловалась мне, что виновата в том, что это из-за нее люди так тяжело болеют и не выздоравливают. Это потому, что она худо моет от микробов пол в лаборатории и в других местах поликлиники. К удовольствию старшей сестры Вера являлась на работу, особенно во время обострения болезни, на несколько часов раньше и уходила после всех, вымывая-вылизывая до необыкновенной чистоты поликлинику. Двадцатичетырехлетний, я полюбил ее за то, что ее психотическое чувство вины было неизмеримо сильнее моего, отчего я, видимо, и не чувствовал себя рядом с нею пришибленным и никчемным, как это было рядом с моими длинноногими сверстниками. Случилась единственная в моей жизни любовь. Любовь, пронизанная щемящей жалостью. Я все время думал о Вере, желал горячо делать что-то хорошее для нее и ее пятилетней дочки Насти, которую она родила от слесаря-сантехника поликлиники, умершего от опоя. И она потянулась ко мне. Я жил вместе с ними, счастливый, в их убогой квартире на двенадцатом этаже, недалеко от поликлиники, в течение года. Я готов был уже официально жениться на Вере и удочерить Настю. Но Вера, узнав об этом, стала мучиться, что погубит своим таким замужеством мою молодую жизнь, говорила, что мне нужна девушка, а не тетка, и выбросилась с двенадцатого этажа.

До этого я подумывал, что вот бы мне и стать психиатром для таких тяжелых больных, я бы чувствовал себя сильнее, здоровее их и этим бы сам лечился, им помогая. Но тут перепугался ужасно и больше уже о том, чтобы стать психиатром, не помышлял. Всю эту крошечную жуть тяжело вспоминать, тем более в подробностях, в том числе милицейских, прокурорских. Отмечу только, что Вера была не «теткой», а трогательной природной дамой, хотя и без образования, но как бы из другого мира. Одухотворенная нежной благодарностью ко мне, она так беспомощно-детски ко мне прижималась, так радост-

но, засучив рукава, творила мой любимый салат с большими помидорными кусками и сметаной, так волшебнo-загадочно просила Настю угостить «нашего любимого доктора Глеба Гавриловича» своею конфетой, рассказать ему свой страшный сон. При этом, однако, и в узком, мраморном ее лице с болотно-прищуренными глазами, и в натруженных мытьем полов готически-мускулистых руках и ногах всегда чудилось мне что-то, напоминающее гордую орлицу.

Я хотел тогда удочерить осиротевшую Настю. Отец одобрял меня, а мать была категорически-злобно против, отыскала сестру того покойного сантехника, отца Насти, уговорила ее взять опеку над девочкой. И еще мать не разрешила мне похоронить Веру в нашей семейной могиле. С тех пор прошло лет сорок. Опекунша умерла, Настя живет в своей прежней квартире. Она инвалид второй группы по душевному заболеванию, раза два в году лечится по несколько месяцев в психиатрической больнице, эндокринно-ожиревшая, быть может, от обилия лекарства, но духовно прекрасная. Меня она знать не хочет, убежденная в том, что сбросил с балкона Веру.

Настя с детства рисует городские пейзажи, смешивая гуашь с акварелью. Она училась, благодаря доброй опекунше, в студии детского творчества. Выставки ее картин иногда устраивают в фойе кинотеатра в нашем микрорайоне, и была даже выставка в районном музее. Напечатана, в связи с этим, в художественном журнале статья о Настиных картинах с цветными иллюстрациями, в которой сказано, что это какой-то неповторимо-новый московский постимпрессионизм. А я вижу в картинах знакомое мне болезненное чувство вины перед людьми с острым желанием искупить какой-то свой не понятный людям грех и еще вижу-чувствую что-то хрупкое, щемящее, напоминающее рассыпанную в пейзажах гордую орлицу. Для меня это — подлинное творчество-искусство, т. е. то, что оживляет-просветляет души людей, делает тебя глубже, мудрее, понимает к смыслу твоей жизни. Это то вечное, настоящее, чему хочется служить своей жизнью, хотя бы ее остатком. И, видимо, все более и более с годами соглашаются со мною в этом люди. Вот уже и первая статья о работах Насти, и автор — кандидат искусствоведения. С тех пор, как Настя, уже повзрослевшая, вернулась в свою квартиру, я раза два в неделю жду ее,

спрятавшись в кустах сирени на скамейке, недалеко от ее дома, чтобы посмотреть, как она идет с сумкой в магазин или в свой диспансер. В ее неуклюжем ковылянии чувствую глубинную любовь к матери, особую грацию, готов долго смотреть и дышать всем этим. Никто, однако, не знает, что все эти годы кладу на Настину сберегательную книжку разные суммы «от поклонников таланта на краски и кисти» и потому в этих родных мне картинах чувствую и себя, свое участие-поддержку. Из моей пенсии теперь, после смерти отца, уже не мог бы выкраивать эту поддержку. И свою квартиру, без ведома Насти, завещал ей для мастерской или как она захочет. Еще не известно, сколько за эту двухкомнатную квартиру мне со временем придется платить. Может, еще и не только бутылками придется промышлять.

4

М.Е. Бурно

После смерти Веры, в молодости, два раза пытался сблизиться с женщинами, которые сами меня для этого выбрали. Я был недурен собой в молодости, только нескладный. Одна была медсестра, а другая даже врач-терапевт, все из нашей поликлиники. Несчастные своим одиночеством, некрасивые женщины с отдельными квартирами. Но у меня ничего не получалось, несмотря на уютно-спокойную в смысле полной запертости-защищенности от мира обстановку в их квартирах. Они оскорбительно посмеялись над моей мужской слабостью, неуклюжестью, сексуальной малограмотностью, а врач — та даже так расстроилась-рассердилась, что дала мне в постели подзатыльник. Увидев потом какую-то из них в поликлинике, я сгорал от стыда и убегал, прятался. Дело тут было не в каком-то болезненном недостатке мужской силы, уж я-то знаю, а в том, что так я устроен. Для того, чтобы обнаружилась моя сила, мне необходимо быть убежденным в том, что вот с этой самой женщиной мы всегда будем вместе и будем преданы друг другу. Или — важно хотя бы серьезно надеяться на это. Дело, конечно, не в некрасивости этих медичек. Женщина всегда была для меня священна одним своим женским началом-естеством, тем, чем отличается от мужчины. Но чем она была красивее, свежее, моложе, тем более дурачки переживал, что недостойн ее.

Потому и смог влюбиться в женщину на много лет старше меня, и мог бы, по-видимому, влюбиться в женщину уродливую. Важной причиной этого моего поражения, убежден, было еще и другое, хотя и связанное с первым: меня в минуты сближения с этими женщинами мучило чувство, что изменяю Вере, будто она жива. Я испытывал вину предательства перед нею.

После этого уже ни с кем не пытался сблизиться. Рассказал об этом отцу, и он сказал, что хорошо меня понимает, что сам был хрупок в этом отношении, зависим от многих обстоятельств и получал подобные нахлобучки от матери, хотя и любил ее, а сейчас, когда ее уже нет, любит еще сильнее. «Если б мама понимала-чувствовала, что такое нежность! — сокрушался он. — Да, мы с тобой, Глебушка, для жизни в оранжерее, как это называл Павлов». Но я не рассказал отцу, как мать мне, четырнадцатилетнему, когда была с отцом в ссоре, на даче, на пляже, коренастая, в бордовом купальнике, жаловалась на него, что он не мужчина, что живет с ним уже много лет просто как с братом. Как мне тягостно-неловко, стыдно было тогда это слушать! И притом — почему-то на пляже. Я ничего тогда не ответил матери, но эта неловкость за нее до сих пор занозой сидит в моей душе.

Когда-то на кладбище перед простой могилой, заросшей травой, с железной табличкой с именем, фамилией Веры и годом ее смерти, я попросил тогда у Веры прощение за то, что пытался ей изменить, посадил в землю среди травы несколько букетиков незабудок, укоротив их стебли, чтоб не вытащили подарить кому-нибудь. Конечно, это Настя покрасила буквы на заржавевшей табличке. Еще сказал, что Насте уже двенадцать, учится в студии детского творчества и я хожу на нее смотреть издалека и тайно ей помогаю, хотя ты это и без меня хорошо знаешь. Извинился, что нет у меня денег на памятник, но на плиту уже почти накопил и попрошу скоро поставить ее вот здесь, где растет папоротник.

5

Мы с отцом более тридцати лет жили в нашем доме и не знали соседей по именам. А как отец умер, пожилая простоватая женщина из квартиры напротив заметила его отсутствие и посочув-

ствовала мне. Она сказала: «Помните, когда умер мой отец в позапрошлом году (а я и не знал, что ее отец с ними жил, и не помню, какой он был), у меня, грех говорить, даже наступило облегчение, потому что он меня все время давил морально, особенно на кухне, и я все боялась что-то такое сделать, что ему не понравится. А сейчас я хотела бы вот так бояться его, а бояться некого». Я сказал ей, что своего отца не боялся, но чувствую перед ним вину хотя бы за то, что мало в последнее время выходил с ним гулять на собачью лужайку, дышать воздухом, мало говорил ему каких-то хороших слов. В это время на лестничную площадку из своей квартиры вышел мальчик лет трех, прислушался к нашему разговору и проговорил: «А мой дедушка в магазин пошел, и я его жду». Соседка еще сказала, что ее близкие смотрят телевизор и все ругают капитализм за малую свою зарплату и цветные рекламы всяких наслаждений для богатых. Но ей все равно как-то легче дышится при капитализме, надежда какая-то есть. И я согласился с ней, что да, хотя и дороги картошка, хлеб, но чувствуется где-то впереди свет развитого капитализма, как в цивилизованных странах, где заботятся и о неспособных драться с победой за богатство-благополучие: все-таки и они там спокойно, сравнительно светло живут, сыты, одеты. Еще подумал, что выставки Насти ведь стали устраиваться только с переломом жизни к горбачевскому главенству духовных, общечеловеческих ценностей.

После этого разговора с соседкой (первого в жизни, раньше только здоровались) уже в своей квартире невольно подумал: «Вот и будет кому меня похоронить, только надо в этот заветный похоронный пакет все подкладывать и подкладывать деньги: похороны-то все дороже». И не почувствовал себя настолько уж заброшенно-несчастливым среди людей после смерти отца. А то как-то раньше ощутил себя таким отчаянно-одиноким, не нужным никому, увидев на помойке выброшенные, даже не разбитые, пластинки с классической музыкой и сравнив себя с ними. Видимо, их век прошел: переписали на магнитфонную ленту и выбросили. И телефон наш уже столько лет молчит... Вообще грязное, тяжелое, помоечное время со сказочно-богатыми ларьками. Все-таки сознаюсь и себе самому, что пластинки с музыкой Шопена и Баха я взял, они были чистыми. И еще взял как-то правый ботинок моего размера и долго

держал его в целлофане с формалином, морил возможные там грибки. А теперь ищу левый ботинок, похожий. Старые-то ботинки прохудились. Тяжко-стыдно от всего этого становится, но прочтешь несколько страниц из Толстого, Чехова или помотришь цветные картинки в Ботаническом атласе — и легче, можно дальше так жить.

Конечно, был бы я опытный терапевт, я бы и сейчас, на пенсии, может быть, работал — частную практику имел. Но как старый лаборант-пенсионер кому я нужен без лаборатории? И молодых уже безработица хватает за шиворот. Сумку с товаром на колесиках возить перепродавать во Владимир, например, не смогу: с людьми надо общаться. Газеты продавать еще и потому не хочу, что политику не люблю.

По радио слышал, что есть где-то для пенсионеров (или только особенных каких-то пенсионеров) дом-дворец, в котором горят свечи и на чистом паркетном полу — груды крепкой американской поношенной одежды и обуви. Сказали: даже дубленки бывают, но обычно начальство их себе забирает. Узнать бы, где этот дом...

А с отцом отношения у меня прежние, сердечные. Я его очень подробно, осязаемо чувствую в нашей квартире. Кажется, вот из комнаты своей выйдет... Я его спрашиваю: «Как ты думаешь, генерала Дудаева поймают?» и он как бы мне отвечает. В комнате отца все так и стоит, лежит, как при нем: письменный стол со старинным тяжелым чернильным прибором, даже песочницей — вместо промокашки, песком написанное сушить, диван, шкаф с альбомами природы, томами Дарвина, Павлова, бесчисленные толстые тетради отцовских дневников. И это никак не музей, а отец там живет. В своей комнате стараюсь сделать все уютнее, чтоб и в душе было уютнее. У меня секретер с важной для меня полкой, где толковые словари и уже семнадцать толстых тетрадей дневника, который все время пишу, чтобы в себе подробнее разбираться, яснее себе быть. И полки с книгами — живыми душами писателей — до потолка. Все Насте останется. Как и альбом с черно-белыми фотографиями ее картин, что я снимал на выставке. Если б я знал тогда про цветную «Фуджи»! Надо бы увеличить свой помоечный круг, набрать побольше водочных бутылок и купить «Фуджи» — пленку к следующей, будущей Настиной выставке.

Представляю уже, как чудесно останутся на этой японской пленке символически-иероглифические золотисто-оранжевые от низкого солнца городские Настины пейзажи. И каждый из них своими яркими и скромными красками, потаенно-загадочными знаками и сверхреалистическими (до ржавого гвоздя с шляпкой на дороге) деталями, мотивами оживляет-напрягает не просто чувство, а размышляюще-аналитическое чувство-переживание. Ежели Настя такое рисует, не может же ей быть чуждо все, что останется после меня в квартире. Может, когда и подумает обо мне получше, чем сейчас.

А ведь жизнь так могла бы сложиться, что и про меня мальчик, не соседский, а мой внук, мог бы сказать: «дедушка мой пришел», «дедушка мой в магазин пошел, и я его жду», «дедушка мой умер».

6

М.Е. Бурно

Итак, читал я всю врачебную свою жизнь «Руководство по клиническим лабораторным исследованиям» Предтеченского. Читал, конспектировал и другие книги, статьи в этой области, учился несколько раз в Институте усовершенствования врачей, но настоящих способностей, таланта к лабораторному делу не обнаружил. Способны к этому делу, как заметил, либо душевные сангвиники со своей художественной чувственностью-естественностью, благодаря которой могут различать и запоминать оттенки красок, линий, рассматривая что-то из человеческого тела глазами или под микроскопом, либо холодноватые чудаки-шизоиды. Эти шизоиды, особенно женщины, обращали на себя мое внимание манерно-вычурными, красочно-иероглифическими очками, прическами, шляпками, туфельками. Да и тела, лица их часто напоминали древнеегипетскую Нефертити. Я уловил, что Красота для них существовала изначально и вечно. Все остальное, жизненное, земное, было лишь как-то привязано к Красоте или служило ей коробкой, рамкой, аквариумом. Если красивыми были, например, раковые клетки, то возможность смерти, судьба больного не принимались тут во внимание. Красоту рака или другого зла они видели как бы отдельно, отделенно от этого. «Боже мой, какие роскошные лейкозные красавцы!» — восклицали они на занятии, рассмат-

ривая в микроскоп кровь больного. От них не жди душевного сочувствия заболевшему, которое обычно так естественно и психотерапевтично у сангвиников. Однажды на занятии сангвиничка спросила шизоидную: неужели ей приятна гармония зла, смерти, к примеру, саркомы. Шизоидная пояснила, что Гармония, Красота вечна и при чем тут смерть, жизнь? «Смотрите чаще на звездное небо», — посоветовала она сангвиничке. Для меня же, как и для многих сангвиников, природа развивается сама по себе и прекрасно прежде всего земное тепло в человеке, собаке. Сообразно природе своей, сложности мозговой структуры, — одни могут увидеть вечную Красоту в раковой клетке, а другие нет, но видят прекрасное в печальных, глубоких глазах кормящей суки, в одиноком лопухе, веселом одуванчике, в примитивно-человеческой доброте. Необходимо, я думаю, и то, и другое, потому что ощущение изначальности-вечности Красоты лежит в основе математики, биохимии, астрономии... Но, в отличие от печально-тревно-веселых естественных сангвиников, у меня, жухлого, нет такой чувственной лабораторной зоркости, хваткости глаза, чтобы быстро увидеть важные элементы-подробности в отправлениях больного глазами или в микроскоп. Зато я способен душевно порадоваться, что вот все в порядке у человека по анализам или посочувствовать ему, если там плохо. А еще склонен к психологическим размышлениям и попробовал бы себя в психиатрии, если б смерть Веры не сломала эти мои надежды.

Курсы усовершенствования, однако, были для меня тягостным испытанием. Застенчиво-красный, я забирался-прятался в Институте усовершенствования в угол еще пуще, чем когда был студентом, дрожал, что преподаватель спросит у меня что-то, чего не знаю. Как хорошо, что все это давно кончилось.

Вообще, если сознаться себе и своему дневнику, я теперь, после смерти Веры и отца, живую природу люблю больше, чем человека, наверно, потому что с нею мне легче, спадает груз застенчивой напряженности и дурацкой виноватости перед кем-то и перед собою. Может быть, я полюбил бы сильнее Природы Настю, но она упорно гонит меня прочь при всякой моей попытке поговорить с ней. Стараюсь не быть назойливым, а то еще догадается и перестанет принимать в Сбербанке мою ежемесячную помощь.

Конечно же, самая тяжелая моя виноватость — перед Верой и Настей. Меня гложет действительная причастность моя к самоубийству любимой женщины. Она сделала это, узнав о моем решении жениться на ней, сделала в психозе, не желая обременять мою жизнь своей «теткостью». Совершилось это от моей неловкости-непрактичности, от незнания психиатрии. Ведь у нее, как выяснилось потом, и раньше были попытки уйти из жизни, а я об этом не знал. Пагубно было сказать ей тогда с присущей мне радостной категоричностью: «Верочка, мы с тобой должны поскорее пожениться, и Настенька будет и моя дочка». Надо было бы Веру как-то потихоньку подготовить к этому. Теперь остается только утешаться тем, что не понимал, что творил, как не понимает своего поступка несмышлениш-младенец, сталкивающий в окно с высокого этажа свою кошку. Но несмышлениш еще долго не поймет, что кошку погубил, а я-то сразу вину свою понял. Не уйти мне тут от себя. С этой страшной виноватостью в душе и помру.

М.Е. Бурно

7

Недалеко от нашего дома — японская лаборатория для фотолюбителей «Фуджи-сервис». В ней все замечательно по-капиталистически чисто и нарядно, начиная с белоснежной ручки входной двери. Люблю постоять там, поглядывая, как люди, получившие в красивых длинных конвертах свой заказ, рассматривают напечатанные цветные фотографии. Только у одного пожилого господина, похожего на профессора или доцента, видел то, что с охотой снимал бы сам: шмеля на красном клевере, глухую крапиву с белыми цветочками, опущенный одуванчик среди голубенькой вероники. А все другие снимали своих родственников, знакомых в домашней обстановке или среди живой природы, которую мне так хотелось рассматривать за их плечами и спинами.

Почему, особенно с годами, таким нежным чувством проникся я к природе? Отец говорил, что и с ним такое случилось после шестидесяти. Мы объясняли это тем, что растения, птицы, насекомые, собаки, кошки настолько естественны-природны, что не способны по-человечески, по Фрейду, вытеснить из себя, из сознания то, о чем не хочется думать, чувствовать,

вспоминать. У них нет сознания, а значит нет потаенных сделок-компромиссов сознания с бессознательным, здесь все как на ладони, без двойного дна. Вот этот желтый, чистый цветок мать-и-мачехи, который стоит сейчас передо мной в крохотной бутылочке из-под пенициллина, не может врать, даже искренне врать, т. е., не понимая, что врешь. А люди, даже добрые, славные... Вчера в булочной, в очереди за дешевыми батонами, увидел знакомую мне даму-пенсионерку с милой, круглой, очкастой физиономией, бывшую партийную начальницу из райздравотдела. Она приходила когда-то к нам в поликлинику с идеологической проверкой, еще наставительно упрекнула меня, беспартийного, в том, что в моей кафельной лаборатории не было портрета Ленина, но тут же, правда, и простила улыбкой, пояснив, что, конечно, лаборатория все же не кабинет главного врача. Все равно некоторое время после этого я боялся выговора. И вот она рассказывала в очереди о каком-то старинном среднерусском городке, в котором сохранились с дореволюционного времени все церкви и церквушки, потому что «как-то не добралась до них большевистская рука». Мне сейчас особенно противно вспоминать это, потому что ведь все же повесил тогда портретик вождя, хотя и юного, в гимназической форме, но повесил, перестраховщик тревожный. Хотя чего боялся? Наверно, лишь того, что политически упрекать будут и усилят-обострят этим мое переживание неполноценности, тьфу! Но я-то хоть не вытесняю эту свою действительную, на всю жизнь, вину, а эта добрая, милая партийка, лучшая, быть может, из них, она же себя, выходит, искренне не причисляет сейчас к большевикам, служившим делу Ленина, вытеснила этот факт своей жизни в бессознательное. И многие-многие так. А еще многие-многие большевики-коммунисты, как кончилась их власть, ринулись в предприниматели-коммерсанты. Даже в нашей поликлинике, сколько знаю, это случилось. Значит, они по натуре своей и были дельцами. А многие — и врожденными безырадовенниками: то в коммунизме, то в коммерции. Вот чего ни с крапивой двудомной, ни с бабочкой-капустницей никогда бы не случилось. Эх, если б были у меня деньги на пленку «Фуджи» и печатание с нее снимков, какие одухотворенные портреты сделал бы я и крапиве, и воровьям, и даже ворунам — хоть злые они, но без двойного дна.

Поглядишь на эти русские картинки японскими красками — и не хочется прежней черно-белой фотографией заниматься.

Почему-то особенно в мелкий дождичек мы любили с отцом на собачьей лужайке растения рассматривать, вглядываясь в тончайшие прожилки и в листе подорожника, и в лопухе, и в округлых блестящих листьях чистяка. Эти разветвляющиеся сосуды-прожилки в сосудистых растениях — предтеча наших вен и артерий, и от этого знания-чувствования возникает трогательное ощущение родства, живой нашей биологической близости. Вот только теперь, когда все это подробно-одухотворенно чувствуешь, приходится по несколько пар очков на прогулку брать: чтобы издалека посмотреть, поближе и совсем близко. Очки-то все старые, а хрусталики глаз еще больше засохли, новых очков требуют, а они теперь страшно посмотреть сколько стоят.

Вообще волшебное лечение природой по-настоящему развернется еще только в будущем. Я бы задаром какому-нибудь предпринимателю отдал свою идею психотерапевтически-физиотерапевтических лечебниц, наполненных животными и растениями: ласково-благодарными котами, с охотой сидящими на шеях пациентов для лечения шейного остеохондроза, домашними цветами в глиняных горшках (бегонией, фиалкой, столетником), излучающими свои целебные токи, как в нашей квартире.

И еще сознаюсь себе и своему дневнику: два неплохих глиняных горшка для цветов нашел в прошлом месяце на разных помойках. Если бы там еще валялись неснятые пленки «Фуджи»... Ну-ка посмотрю старые наши альбомы с фотографиями природы. Снимки черно-белые, сделанные дешевым фотоаппаратом «Смена», а растения, бабочки-живые — хоть и сереньким, но правдивым, скромным духом своим, сообщающим о чем-то самом важном.

8

Читаю дневники отца — и даже азарт охватывает: вот нет человека, т. е. его тела, а Душа-то живет в тетрадах, и я с нею так глубоко и сложно общаюсь. Да, да, тихая радость с искрами азарта: ушел, удрал от смерти отец в свои тетради, в свои

10. Психотерапевтическая проза
фотографии в альбоме
других людей — от к
шебно-замечательна
износившегося Тел
раком...

А прах тела, излу
ной могиле на том ж
Веры через Настю ж
тире, такой родной м
нале. На нашей мог
православным крес
ни — прадеда, праб
меня осталась узка
ет ли там кто-то м
соседку и еще бол
Так хочется быть с
православным кре
ми, но как-то при
религий более вс
вым, довоенным
как бы посоветов
мне, что именно
вижу со всеми ег
ческим — при во
восприятия. Оте
жену после ее с
робно-ясно ощу
подтвердил мне
нашей могиле,
моим рассказам
к нам в гости.
отцом, но особ
ред моей молод
кой». Напомни
быть под одно
Ношу стар
ренно-хорошо
Я теперь пони
хорошо было

фотографии в альбомах и на стене, удрал в мою душу и души других людей — от костлявой старухи с косой. Какая-то волшебнo-замечательная свобода духа, свобода от всего этого износившегося Телесного, да еще больного остеохондрозом, раком...

А прах тела, излучавшего эту Душу, лежит в нашей семейной могиле на том же кладбище, что и прах тела Веры. Душа Веры через Настю живет в городских пейзажах Насти в ее квартире, такой родной мне, на выставках и в художественном журнале. На нашей могиле старая длинная плита, и в столбик под православным крестом выбиты имена и фамилии с датами жизни — прадеда, прабабушки, деда, бабушки, матери и отца. Для меня осталась узкая полоска внизу плиты, уже в траве. Выбьет ли там кто-то меня? Надо попросить об этом в завещании соседку и еще больше денег в том заветном конверте скопить. Так хочется быть со своими под небольшим выбитым на плите православным крестом. Мы с отцом никогда не были верующими, но как-то признались друг другу, что Православие из всех религий более всего нам по душе. Вот и сейчас, сидя за дубовым, довоенным еще, письменным своим столом с ящиками, как бы посоветовался с отцом о Православии. И он подтвердил мне, что именно так. Я его прямо чувствую, туманно-мягко вижу со всеми его морщинками, большой головой, горбом старческим — при всей блеклости-жухлости моего воображения-восприятия. Отец тоже говорил мне, что любит мою Мать, свою жену после ее смерти еще больше, чем живу. И тоже так подробно-ясно ощущает рядом с собою. И еще отец вот сейчас подтвердил мне, что не возражает, чтобы и Вера была с нами в нашей могиле, если я так хочу. Он был знаком с ней только по моим рассказам. Мне так и не удалось привести Веру с Настей к нам в гости. Вера не хотела, боялась знакомиться с моим отцом, но особенно с матерью, мучаясь тем, что виновата перед моей молодостью своей старостью, все называла себя «теткой». Напомнил об этом отцу, и порешили, что все же не стоит быть под одной плитой Вере и маме. Да, и что Настя скажет?

Ношу старые домашние туфли отца — и мне так умиротворенно-хорошо в них, оттого что это его туфли, что он их носил. Я теперь понимаю, как ему, как он рассказывал, в свое время, хорошо было лежать, спать на кровати, на которой умирала моя

мать, его жена. А я тогда не хотел бы спать на этой кровати смерти, как-то неприятно было. Видимо, это потому, что не мог простить матери, что жаловалась мне, мальчику, на мужскую слабость моего отца, своего мужа, и такую вызвала этим тогда тягостную неловкость во мне, неловкость за нее. Или, может, просто я сейчас старый стал и не так боюсь смерти...

Вспомнилось вот, как в пять лет отец подвел меня к больной, сморщенной прабабушке, маминой бабушке, лежащей в постели под белым одеялом. Я как будто бы называл ее «старенькой бабушкой», чтоб отличать от бабушки, маминой мамы. Я не помню, где это было. И не помню, даже смутно, родных отца и других родных матери, они жили не в Москве, но все наши родные, сколько знаю от отца, были учителями или врачами. И вот умирающая прабабушка подарила мне тогда деревянный ящичек с акварельными красками. Она не могла говорить, но сухой рукой на белом одеяле показала на этот желтый ящичек, тоже лежащий на одеяле. Мне думается сейчас, что это был знак моей судьбы, что как будто бы этими красками рисует теперь Настя.

9

Телевизор починить дороговато, но радио каждый день внимательно слушаю. Бывает интересно. Например, радиопостановки чеховских пьес в Художественном театре, народные наши песни. Помнится из детства, что тогда по радио даже разучивали песни, были также передачи. И даже лучше не видеть по телевизору этой бойни в Чечне. Не хочется телевизор чинить и потому, что не знаю, сможем ли с отцом за телевизором так хорошо, тихо переговариваться, как было. Если соскучусь, бывает, по телевизору, захожу в магазин видеоаппаратуры и магнитофонов недалеко от дома. Там бесплатно можно смотреть сразу несколько программ на прилавках. Жуткие американские фильмы со стрельбой или сексом — боже мой, как это далеко от русской психологической прозы... Но однажды в этом магазине видел куски цветного фильма о Камчатке — белоснежные сопки-вулканы, горячие источники, океан, пропасти. Мне подумалось тогда, что если б я там жил и разбился в пропасти, то материальные песчинки, оставшиеся от меня,

10. Психотерапевтическая проза
 были бы песчинки, решил, что нет
 го Холода. д
 не夫斯基 Базар
 что когда отец
 «похоронные»
 его трудовой
 две школы, в
 в райсобес. Т
 шлось снова
 все это с вну
 бы для отца,
 ние вины пер
 ности в посл
 лять на соба
 отвлекали от
 ли помощь
 старыми чер
 и наклеивая
 реживания
 в противове
 Только н
 горел фото
 цовским «Ф
 зднее — в
 получится
 неестествен
 в детстве,
 общаясь со
 же, в отно
 индивиду
 фотоаппар
 гда смягча
 Такой
 холодильник
 стеклянн
 хар почер
 роп с отце
 шать эти
 39 м.е.

были бы песчинками этой холодной, но Красоты. Но потом решил, что нет, не нужно мне красочно-экзотического вечно-го Холода, лучше я буду пребывать после смерти, как тургеневский Базаров, в добром, теплом нашем лопухе. Вспомнил, что когда отец умер, трудно было мне сразу получить на него «похоронные» деньги в райсобесе — чего-то там не хватало в его трудовой книжке. Мне пришлось тогда срочно поехать в райсобес. Там уже была закрыта нужная мне комната, и пришлось снова туда приехать на другой день утром. Но я делал все это с внутренней, теплой охотой, потому что делал это как бы для отца, притупляя этим, по возможности, свое переживание вины перед ним. Ведь мало как-то проявлял к нему сердечности в последние его дни, реже просил пойти со мной погулять на собачью лужайку. Хотя помойки меня тогда еще не отвлекали от этого, было у нас две пенсии. И мы еще выкраивали помощь для Насти. Просто, кажется, завозился тогда со старыми черно-белыми фотографиями природы, разбирая их и наклеивая в старые альбомы. Вот все эти воспоминания-переживания и представились чем-то горько-своим, родным — в противовес камчатской отстраненной Красоте.

Только недавно, вспоминая свое детство, понял, почему так горел фотографией. Почему так волновался, фотографируя отцовским «Фотокором» с гармошкой, проявляя пластинки, а позднее — в черном бачке — пленку. Это был не просто азарт: получится-не получится. Это я от переживания своей душевной неестественности, от неуверенности в собственных чувствах, еще в детстве, стремился таким образом утвердиться в себе самом, общаясь со своею же индивидуальностью, выраженной в пейзаже, в отношении к соседской кошке и во всяком другом, — моей индивидуальностью-особенностью, остановленной щелчком фотоаппарата, закрепленной на фотобумаге. Помнится, как всегда смягчалась при этом душевная моя напряженность.

Такой рассеянный, скверный я хозяин, что нашел сегодня в холодильнике прошлогодний укроп, пересыпанный солью в стеклянной банке. Прежде думал, что это просто соль или сахар почему-то стоит в холодильнике, забыл, что мы этот укроп с отцом вот так консервировали. Теперь стану слегка украшать этим зеленым укропом свою овсяную или перловую кашу.

Хочется завести собаку, но не кошку. Кошки — хищники. Останешься с кошкой надолго без еды в запертном доме — и неизвестно, что от тебя там останется. Заснуть страшно будет. А собака умрет от голода рядом с тобою. Два раза в месяц покупаю «Медицинскую газету» или «Известия». И вот увидел однажды в газете страшную фотографию из Чечни: лежит где-то там наш солдат, двадцатилетний парень, и все тело его изъедено кошками до оголенного позвоночника. И рядом с остатком его тела сидят-дремлют две милые домашние кошечки — белая и серая. Наверно, еще мурлычут. Боже мой, это мог бы, как говорится, быть мой сын! Мой сын от Веры. Или еще из газеты: двадцатипятилетнего психиатра убил чеченский снайпер, когда психиатр переносил с солдатом раненого из бронетранспортера в госпиталь. И он тоже мог быть моим сыном. Как простить его родителям этого снайпера! Да они невольно будут видеть теперь убийцу сына в каждом чеченце. И так же чеченские женщины, потерявшие в бомбежке детей, долго еще не смогут спокойно смотреть на русских солдат, летчиков. А как-то родителям парня, изъеденного кошками, смотреть по телевизору красочную, смешную рекламу об этом дорогом роскошном кушанье для кота под названием «китикет»: «Здоровый кот без всяких хлопот». Нет, все это не так, как в ту серьезную сердцем, священную войну с фашистами, которую я пережил мальчиком. Неужели мы привыкнем к этим повседневным смертям, как привыкли к жалким нищим на улицах и в подземных переходах. Всякие, конечно, среди них есть. Видел сморщенную старушонку с протянутой восковидной рукой; лицо у нее такое, будто ей укол делают. А другой рукой украдкой банан себе в рот пихает. Мальчик привесил на грудь картонку, где большими кривыми буквами: «Хочу есть — помогите». И подают, потому что всегда найдется в России добрая душа. В газете еще читал, что один человек в пожилой нищенке школьную свою учительницу признал. Я не подаю нищим: и нечем, и считаю, что и они могли бы бутылки собирать. Но однажды усмотрел в метро тоскливого мужчину средних лет с табличкой: «Помогите художнику вылечить правую руку» — и подал ему как-то бессознательно и столько, что можно было

10. Психотерапевтическая проза
белый батон на это ку
случилось? женщине н
а ему подал... Так поде
рое время вижу его т
назад окликнул меня
рассказал, что приме
курса погибла от алко
них инсультов пьяни
Какое-то дикое сн
находят убийц. Неиз
всего этого моя раст
альности углубляютс
ко в мусорных конт
помойка грязного, н
теряют и до того сл
других, говорят, что
живем: модно быть
пожалуйста, модно
жалуйста. И все ис
мне удастся, кажется
Тут важна простая
сам и отвечаешь пе
Конечно, с бол
большая собака и
посочувствовавшие
как пушкинская
кашу, если в ней
соседки — инвал
ловалась мне, что
вкусные вещи пр
вой заграничной
ко мне эта женщи
Говорила еще, ч
пуговицы приш
помру. Ведь не у
лет вдруг помре
ти, а потом пер
пойду? Вроде б
дряхлое. Но эт

белый батон на это купить. Все думал: как же со мной это случилось? женщине на лечение маленького ребенка не подал, а ему подал... Так подействовало, что художник. Через некоторое время вижу его там же хмельного вдрызг... Лет пятнадцать назад окликнул меня на улице тоже хмельной однокурсник и рассказал, что примерно пятая часть мужчин-ребят нашего курса погибла от алкоголизма — от опоев-интоксикаций, ранних инсультов пьяниц и тому подобного.

Какое-то дикое сюрреалистическое время. Убивают и не находят убийц. Неизвестно, как завтра жизнь повернется. От всего этого моя растерянность, неуверенность, чувство нереальности углубляются, обостряются. Красочный мусор не только в мусорных контейнерах, но и вокруг, потому что всюду помойка грязного, начального капитализма, в котором многие теряют и до того слабую совесть, способность заботиться о других, говорят, что это не модно сейчас. Выходит, что по моде живем: модно быть совестливым, заботиться о ближнем — пожалуйста, модно обманывать-надувать, грабить — и это пожалуйста. И все искренне, на фрейдовском вытеснении. Хотя мне удастся, кажется, не вытеснять, во всяком случае, так лихо. Тут важна простая-простая штука: за то, что сам делаешь, — сам и отвечаешь перед собой и людьми.

Конечно, с большой собакой не боялся бы так ночью. Но большая собака и ест много. Даже маленькая черная собачка посочувствовавшей мне соседки из квартиры напротив, совсем как пушкинская Жучка на снегу в деревне с ребятами, не ест кашу, если в ней мало мяса размешано. Сын этой простоватой соседки — инвалид по душевному заболеванию. Она вчера жаловалась мне, что он в коммерческом ларьке работает, деньги, вкусные вещи приносит, а пока не попросишь у него фруктовой заграничной водички или печеньица, сам не даст. Тянется ко мне эта женщина. Видно, тоже одинока душевно и бедна. Говорила еще, что и нитки стали дороги — дырки зашивать, пуговицы пришивать... Хорошо, что она есть: заметит, когда помру. Ведь не удивительно будет, если дед шестидесяти пяти лет вдруг помрет. Отец тоже боялся умереть лет до семидесяти, а потом перестал бояться. Может, в него и долголетием пойду? Вроде бы и сердце пока не болит, и тело не такое уж дряхлое. Но это и хуже, если не болит, если обходные сосуди-

стые пути этим самым не проторяются. Трахнет сосудистый спазм — оголодает-омертвеет инфарктом сердечная стенка, а подвоза питания, с другой стороны, нет, сердце и остановится.

Самое страшное для меня — безысходность-беспомощность в больнице, когда кому-то без охоты, а то и с брезгливостью придется за тобой ухаживать, лечить тебя. Но, может еще поживу до этого? Я ведь сын своего отца. Вспоминается хирургический больной шестидесяти двух лет с язвой луковицы двенадцатиперстной кишки, которого курировал, т. е. наблюдал-учился, будучи студентом. Он умер на операции, а перед операцией сказал мне: «Ну, может быть, все будет ладно, а? Вон мой сосед по палате хорошо перенес операцию, встает уже, а ему семьдесят три. Я еще вроде молод, крепок в сравнении с ним». Я кивал тогда головой, а сам думал: какая же это молодость. Для меня тогда что шестьдесят, что восемьдесят — было все одно.

Но если и придется в беспомощности в больницу лечиться, кажется, все равно возьму с собой свой дневник. И будет мне с ним там полегче, напишу в него то, что в окно палаты увижу, что подумаю-почувствую там.

А коты — сущие нахалы, хоть воруны их и клюют на деревьях. Встретил утром на помойке такого по-весеннему обдранного, но гордого, с широкой сонной мордой. «Где же, — говорю, — твой китикет?» Он ответил мне легким, ленивым поворотом морды: «А где же твоя котлета?»

11

На шестидесятипятилетие подарил себе дорогую индийскую зубную пасту. Чем больше стареешь, тем пуще хочется ублажать свой старческий рот изысканно-душистой пастой. Тело мое, действительно, все же дряхловато, хочется его освежить, одеть в нарядное, чистое, чтобы было подстать молодому стройному збмку души, как это чувствую. А где уж тут нарядное, чистое: пожмакаешь рубашку в мыльной воде, ополоснешь, выжмешь, а гладить — так слегка, осторожно, чтоб жженных коричневых пятен, дырок не натворить.

Пять лет назад, к выходу на пенсию, торжественно подарила мне родная поликлиника махровое китайское полотенце. Как чудесно вытираться этими махровыми полосками-грядками, впи-

тывающими влагу с лица! Берегу его, с нежностью просушиваю. Необыкновенное благодарно-теплое чувство стало возникать в старости к удобным вещам для тела. По-новому полюбил и свою кровать, на которой так приятно возможно вытянуть свой остеохондрозный позвоночник. Полюбил сильно и туфли отца, и обе его зеленые шариковые ручки с синей пастой, которыми он писал свой дневник, закончив его фразой: «Воробьи чирикают по-весеннему взволнованно, а среди человеческого мусора желтеют цветки чистейшего чистяка». Так хорошо держать в руках эти отцовские ручки и так хорошо знать-чувствовать, что они одновременно служат работе моей души в моем дневнике.

Но к старости еще и обостренно чувствительным становишься к внешним прикосновениям и некоторым собственным воспоминаниям. Никогда раньше не было мне так стыдно вспоминать, как в несытое военное детство в коммунальной квартире на кухне воровал круглые жарящиеся тефтели из жаровни богатой соседки-старушки Софьи Назаровны, матери доцента истории партии. Не помню, как удавалось мне не обжечься, приподнимая чугунную крышку жаровни, вытаскивая пальцами серый мясной шарик из кипящего мясного сока. Только один или два, чтобы не было заметно. Может, я тряпкой крышку приподнимал? Только по причине кухонных разговоров соседок о тефтелях и по причине этого воровства я и знаю, что такое тефтели. А вообще в кулинарии весьма малограмотен. Всегда мне, конечно, свойственно было такое мелкое мальчишеское хулиганство. Благодаря этому, видимо, и сейчас на помойки двинулся. Но за помойки не стыдно, а за тефтели проклятые и т. п. в детстве совесть мучает. За помойки не стыдно потому, что это имеет смысл для чего-то главного, высокого для меня. Ведь самый строгий мой судья-обвинитель — это я сам, собственная моя совесть. Серафим Саровский назвал бы это страхом моим перед Богом, но я так не чувствую. Это страх перед биологически обусловленной совестью-совестливостью моей, родственной виноватости по-своему совестливой собаки, виновато уткнувшейся в угол, после того как сделала в комнате лужу. Придет — не придет сейчас хозяин, а у нее во всем теле чувство вины. У нас ведь была когда-то овчарка Ромбша. Она мне нечаянно, ринувшись на улице за котом, руку надкусила — так после этого всю ночь скулила, мучаясь своей виной, пыталась мне руку зализывать,

хотя я и погладил уже ее, обнял, простил. Может, все-таки накопить на недорогого щенка на Птичьем рынке? Там, бывает, и даром отдадут доброму человеку. Только ведь щенка до года без мяса вырастить нельзя. После года можно уже, говорят, и кашей собаке жить, как и мне сейчас, а до года... И отец про совесть-совестливость свою так же думал — без Бога. Мы и в этом с ним были согласны, читая вместе и Дарвина, и Павлова, и Чехова. Достоевский нам был интересен, но неприятен. А с Толстым богатое было душевное-духовное созвучие, но все же он нам был не свой своей громадностью-напряженностью влечений. Разные с отцом мы были в том, что он был все же гораздо поэтичнее меня: дневник его наполовину в стихах. В нем было больше вечного романтического юноши. Оттого он и легче общался с людьми, с учителями-коллегами, школьниками. И не было еще у него этой моей обостренной чувствительности к обычным неприятным прикосновениям извне.

Вот вошел третьего дня, продав бутылки, в лифт, а там, как случается, лужа человеческой мочи. Ну, постеснялся какой-нибудь пьяница эту лужу за стволом тополя вылить на глазах у всех и сделал такое в лифте, гоняя лифт между этажами, чтоб потом выйти из него там, где лифта никто не ждет. Отец бы поругался-поворчал, ботинки обмыл бы дома и не мучился бы. А я целых четыре дня в лифт не мог зайти, перся по лестнице на наш восьмой этаж и душевно мучаюсь до сих пор, будто это моя лужа. Я же врач-лаборант, исследователь мочи, но ежели это не моча в лабораторной банке, тем более — не беспомощная, больная моча, а наглая, в том числе и по здоровому цвету своему, я наполняюсь жуткой брезгливостью. И гложет это дурацкое чувство вины за другого. Я бы, при некоторой склонности своей к проказам, кажется, умер бы, но такого не сотворил. Крохотную бумажку, ежели мимо урны брошу, болезненно (с точки зрения толпы) нагнусь и подниму, чтобы она попала в урну. Впрочем, не такая уж в этом глубокая нравственность. Вот если бы я, как покойная Вера, болезненно стремился вообще наводить порядок за всеми людьми, а не только за собою...

С неделю назад ходил в магазин. Подошел с хлебом и крупной в сумке на первом этаже к лифту. А там уже сосед с пятого этажа со своим черно-лохматым ризеншнауцером лифт ждет. Кивнули мы с соседом друг другу. Вошел он с собакой в лифт и

закрыл передо мной дверь, хотя я с псом с охотой проехался бы. Ну, ладно, думаю, он же не знал этого, бог с ним, вернет мне сейчас лифт. А он не вернул. Подождать четверть минуты пришлось, пока погаснет красная кнопка, чтобы нажать ее. Лифт спускается ко мне, а я, дурак, чуть не плачу оттого, что сосед, которого и звать как не знаю, не подумал обо мне, забыл меня. И сейчас все не успокоюсь, что не нужен я ему. А в самом деле, зачем я ему? И он мне зачем?

12

Ругают многие наши теперешние магазины-музеи, потому что в них все есть и все так дорого. А я думаю, что это хорошо: человек наш будет стараться работать лучше, чтобы было на что покупать в магазинах, где все есть, где столько прекрасного. Даже есть водка «Мелисса» — будто бы в запотевших на холоде бутылках. Могу уже, конечно, умереть в моем возрасте, но не хочется. Это тем старикам хочется, которые в старом, советском времени душою живут, к новому привыкнуть не могут, переживают. А я этот воздух свободного творчества всю жизнь ждал. Давно осознанно хотел этой жизнью жить, тяготился прежней. Я в своей жизни сейчас живу — при всех ее передрыгах-несовершенствах. Конечно же, тяжело бедным детям слушать по радио, как богатые дети, тоже детскими голосами, рассказывают, где лучше, как им думается, отдыхать-путешествовать — на Сицилии или во Франции, в Англии. Раньше все мы, кроме правителей, были бедняками в социалистическом лагере, и как-то было не обидно. Теперь — зависть. Но она и побуждает делать свое дело совершеннее, чтобы больше и больше было денег. А у одухотворенных людей вместо денег есть свое внутреннее, духовно-природное богатство, к которому необходим лишь прожиточный минимум, условия для творчества. Понятно, понятно, все тут не так просто: для одного эти условия есть грошовая ручка и тетрадка для дневника, для другого — возможность изучать архитектуру своими глазами в городах мира, покупать дорогие холсты и краски. Энергичные, предприимчивые люди выплывают наверх, обогащаются, пьют на улицах дорогие заграничные соки из красочных пакетов, как, не стесняясь, ели мы когда-то копеечное мороженое.

Худо нам, недотепам, без прожиточного минимума. Вот видел таких милых маму (должно быть, учительницу) с дочкой-девочкой, продавали грустно-застенчиво рядышком газету «Вечерняя Москва». Я бы не мог. Стоишь с газетами, а на тебя смотрят. И финскую сочную колбасу, как беловато-полноватая девушка в магазине, не смог бы взвешивать, недотепа.

Жду, когда Настины картины в больших музеях повесят, когда поэтические дневники отца напечатают. А там, глядишь, и мое записанное многолетнее переживание жизни людям как-то понадобится. Как напечатал в газете кто-то статью о вышедшем очередном томе дневников Чуковского, статью под удивительно-прекрасным названием: «В России надо жить долго и вести дневник».

Как Горбачев объявил сутью «нового мышления» превосходство общечеловеческих ценностей над классовыми, так одно за другим и распалось все, что прежде держалось на классовых, большевистских штыках, — и социалистический лагерь, и Советский Союз, и наш российский социализм. Теперь, конечно, беда в государстве — стоят, разрушаются во многих местах наша промышленность и сельское хозяйство. Потому что, прежде всего, сколько понимаю-соображаю здесь, слушая радио, слабовато оказалось наше не военное хозяйство в сравнении с мировым. Даже прекрасные наши самолеты не покупают, потому что много они жгут дорогого теперь горючего и комфорт в них не тот. Скоро, стало быть, и нам легче-дешевле будет покупать заграничные самолеты за наши нефть, газ, лес. И зачем нам производить, например, свою искусственную почку, когда со шведской почкой, при прочих равных условиях, почечный больной живет пятнадцать лет, а с нашей — не более пяти. И так во всем почти, как понимаю. Кроме, конечно, того, что связано не с наработанной в мире техникой, а непосредственно с нашей российской душой. Но худенький недотепа-мальчик, в подземном переходе играющий на скрипке с шапкой у ног, — он ведь тоже с российской душой.

Вот пишу это за письменным своим столом с деревянным стаканом с ручками, карандашами, стержнями (с разноцветной шариковой пастой) и даже при этом чай из довоенного еще тонкого хрустального стакана (с серебряным подстаканником) отпиваю и присохший черный хлеб жую и думаю: верно по радио

10. Психотерапевтическая проза
утром говорили, ч
душе — это хлеб, и
ко-понятно. Каж
этом куске хлеба и
буханку. И еще н
кувшинчик с уже

Третье поколе
соседа по подъез
все знают друг др
восте лишь здор
так и не узнаю.
мальчика, его с
няюсь что-нибу
годня с любопы
нышнего дня б
нечно, когда п
что то было об
но, то могу дня
лании пообща
Верой, вполне
с отцом — по
как-то объеди
шел ко мне та
ни отца. Если
Маленька
карандашами
«не сердитес
мне без Наст
что близки
так ко мне. С
тяжело. Есл

Только ког
мать-чувст
Долго уже
ко отец. Т
А иногда,

утром говорили, что на войне самое вкусное, самое дорогое душе — это хлеб, напоминающий о мире и доме. Мне это близко-понятно. Кажется, ощущаю всем собою мирный труд людей в этом куске хлеба и женщину, мягкими руками лепящую из теста буханку. И еще на столе — крохотный латышский глиняный кувшинчик с уже осыпающимися желтыми чистяками.

Третье поколение детей народилось в нашем доме. Я знал соседа по подъезду мальчиком, а теперь он уж дедушка. Почти все знают друг друга в нашем доме. А я от проклятой застенчивости лишь здороваюсь с соседями, привыкнув к их лицам, но так и не узнаю, наверно, как зовут их, как имя того бывшего мальчика, его сына и его внука. И у этого крошки-внука стесняюсь что-нибудь спросить, хоть о вороне, на которую он сегодня с любопытством смотрел, не думая еще о том, что сегодняшнего дня больше никогда не будет. В поликлинике я, конечно, когда приходилось, живее общался с людьми, потому что то было обязательно по службе, а когда это не обязательно, то могу днями прятаться в свое одиночество, при всем желании пообщаться с каким-то человеком. Нам с отцом, как и с Верой, вполне хватало друг друга. С Верой я скучал по отцу, с отцом — по Вере и Настеньке. И жениться хотелось, чтобы как-то объединиться нам всем в одной квартире. Если б пришел ко мне такой близкий человек теперь, когда нет ни Веры, ни отца. Если б пришла ко мне Настя...

Маленькая Настенька, помнится, рисовала дума цветными карандашами иван-чай и ромашку. Она им говорила при этом: «не сердитесь, что я вас сорвала. Я вас за то нарисую». Одинок мне без Насти, Вериней кровинушки. Чувствую на расстоянии, что близки мы с ней душевно-духовно, хотя она и напряжена так ко мне. С людьми трудно, а без Насти, родного мне человека, тяжело. Если бы в соседней, отцовской комнате тихо себе жила.

13

Только когда перевалило мне за шестьдесят, я стал ясно понимать-чувствовать, что шестьдесят и семьдесят — не одно и то же. Долго уже живу, но еще не очень долго, не столько еще, сколько отец. Теперь понимаю: я еще не старый, я еще пожилой. А иногда, когда вдохновенно наклеиваю в альбом свои старые

фотографические черно-белые пейзажи, портреты скромных цветов, пишу дневник, мне кажется-чувствуется, что все светлое, чудесное еще только начинается в моей жизни. Что сейчас пройду эти две троллейбусные остановки к Вере, и там снова маленькая Настенька, и я сделаю такое, так Веру нежно обниму, так посмотрю на нее, что душа ее поднимется навсегда из депрессии и никогда не сделает Вера того, что сделала. Мы сыграем скромную, но волшебную свадьбу и мы поедem куда-нибудь в Природу, в свадебное путешествие, вместе с Настенькой. Мне кажется, что я и Веру люблю теперь все сильнее, и не любил так живую. Уже писал, что мне трудно непосредственно-полно чувствовать реальность и трудно действовать в ней. Но могу, хоть и неярко, в мягко-приглушенных красках, уже без отчетливой неуверенности в своих чувствах, воображать довольно подробно то, что со мною уже было и что еще только может случиться. Это, конечно, психастеническая патология. Это скверно, но как-то и радостно; по-настоящему глубоко-цельно, с живым, трепетным переживанием, я общаюсь с людьми, даже самыми близкими, лишь в своем воображении, когда их нет рядом. Этому, понятно, способствует дневник. По-видимому, жизнь моего воображения (лирическое, но пастельного, без остро-чувственных подробностей), запечатленная в дневнике, и есть моя главная жизнь — среди дрожащего тумана действительности. Но местами немного рассеивается этот туман, и я с тревогой, теряясь, смотрю на свои пятнистые, старые уже руки — и делается тягостно-грустно оттого, что жизнь моего тела, светящегося душой, пастельными картинками воображения, заканчивается так нескладно. Тогда открываю «Школьный атлас-определитель растений» и по цветным рисункам вспоминаю эти цветы, травы и деревья в жизни, останавливаясь на самых близких душе растениях. И всегда при этом делается легче. Наверное, потому что с близкими мне растениями, как и с самыми близкими людьми, чувствую себя более собою, а, кроме того, растения — это живая Природа, из которой вышел и в которую уйду рассыпанными-разрозненными молекулами своего тела, но больше всего их будет на кладбище, под нашей плитой. Чтобы еще больше полегчало, надо от ботанического атласа приблизиться к самим цветам и травам на собачьей лужайке. Это ведь отец рассказал мне еще в детстве, как их зовут и как они живут. Вглядишься-всмот-

10 Психотерапевтическая проза
ришься в листик
дерева или даже в
заметной чувств
этой стихийной
Бога, служу, яв
влияние, как-то
моем собственно
ся какое-то загра
шаю явственно
грязна. Во всяко
очиститься. Вед
есть потребность

Ранним утром
мысел, на сво
стно того, что
тому что оно и
щих ветках д
сидит и на на
не улетает, б
«Нельзя, — к
быть, смотри
темноте погл
тели вороны,
мусор. На рж
К вечеру наб
в латышски
денькой кра
как летом. Е
в Москве, с
сохшее клу
Вчера х
иду с цвета
бывающей
Они для м
знаю, что
ценность

ришься в листик крапивы, а зимой хоть в живую, сухую кору дерева или даже в неживую снежинку — и такой пустячной, незаметной чувствуешь-понимаешь собственную жизнь рядом с этой стихийной природной Красотой, которой я, не верующий в Бога, служу, являясь ее песчинкой. Эта очищающая Красота, ее влияние, как-то чувствуется все время ощущением чистоты в моем собственном внутреннем духовном храме. Когда случается какое-то загрязнение, я и спешу к Природе очиститься. Ощушаю явственно, что душа моя еще дышит, что она уж не так грязна. Во всяком случае, не загрязнял ее намеренно, пытался очиститься. Ведь если человек ведет дневник, значит, у него уже есть потребность говорить с собой, со своей совестью.

14

Ранним утром, когда многие-многие еще спят, иду на свой промысел, на свою охоту, зная хорошо про себя: не стыдно, не советно того, что сам своею совестью не считаешь постыдным, потому что оно имеет светлый смысл. Весенний туман. На чернеющих ветках дерева сидят и каркают крепкие вороны. Ворона сидит и на нашем мусорном контейнере, совсем недалеко от меня, не улетает, будто приглашает подойти и рассмотреть мусор. «Нельзя, — киваю я ей, — кто-нибудь из моих соседей, может быть, смотрит сейчас на меня в окно своей кухни. Вот уж в темноте погляжу, с фонариком, а сейчас не смогу». Еще подлетели вороны, уселись рядком на ржавом контейнере, смотрят на мусор. На ржавом контейнере белой краской намалевано: «sex». К вечеру наберу на собачьей лужайке букетик свежих чистяков в латышский кувшинчик на своем столе. Еще набрать бы молоденькой крапивки на щи. Удивительный конец апреля — тепло, как летом. Если летом будет душное пекло, как случается у нас в Москве, стану разводить в воде из холодильника старое, задохшее клубничное варенье и пить это кисленькое.

Вчера хоронили старика из первого подъезда, а я еще живу, иду с цветастой добротной сумкой среди зеленой травки, пробивающейся сквозь мусор, среди желто-блестящих чистяков. Они для меня прекраснее роз и ирисов. Как врач-лаборант, знаю, что чудесная весна и опасна своей усталостью — истощенностью тела, обострениями хронических болезней, нача-

лом новых и в том числе самых серьезных, к примеру, болезней крови. Может, и у меня потихоньку-незаметно растет кишечная опухоль. Немного пораньше, чем у отца. Тоже еще боюсь болезней, как и отец боялся в моем возрасте. Боюсь, потому что чувствую телом и душой, что могу еще жить дальше со своими жизненно не опасными радикулитными и другими нервными болями, сбоями, и есть у меня смысл пока еще продолжать жить. Конечно, мне шестьдесят пять. В таком возрасте человек может умереть в любой день, и никто этому не удивится. Но вокруг, на собачьей площадке, возле забора детского сада, все такое яркое, живое — и крапивка, и чистяки, такая красочная трепетная зелень, будто я еще молод. Отец в мои годы, однако, еще ничем серьезным не болел, как не болел и потом еще много лет. Только всяческие старческие пятна и бородавки на коже. Ничего, я читал, у таких тяжелых психопатов, как я, чем острее трудности общения с людьми, тем слабее ипохондрия. Мой светлый, Духовный смысл — посильно поддерживать Настю, ее живопись, надеяться — вдруг помягчает в будущем она ко мне. Хотя бы после моей смерти. Уйду, не оставив себя в картинах, рассказах, научных статьях, только — в дневнике, как и отец. Мы с ним, по природе своей, никогда не надеялись всерьез на свет в конце туннеля. Но всегда хотелось нам как-то продолжать жить после своей смерти не прозрачными, а именно такими же душой, какими были до смерти. Может быть, благодаря своим делам, своему дневнику. И вместе с отцом (ведь он одобрял мою помощь Насте) останемся в картинах Насти для людей сегодняшних и будущих, а среди них есть и будут созвучные нам по духу. Разве не ради этого созвучия с людьми и Природой все мы живем? Сколько могу, буду нести эту посильную пользу. Челноком-купцом не могу быть, нищим в подземном переходе — тоже, газеты тоже не могу продавать, а тайным мусорщиком — могу.

Помнится, совсем недавно еще, в конце февраля, такая была снежная пышность, нежно запорошило помойку и прошлогодние слежавшиеся коричневые и черные листья у забора детского сада. Листья эти к лету перегнивают, и мальчишки с удочками копают в них розовых червей, как и я когда-то, еще до войны, на даче, вместе с отцом.

Неполный
которых

- Аверинц
- лог, куль
- Беленьк
- следоват
- Бердяев
- лософ.
- Берце Й
- Бирман
- лог, не
- Блейде
- Богомо
- ственн
- Бор Н
- Бурно
- атр, по
- Васил
- Верни
- ромор
- Весто
- Волк
- певт.
- Ганн
- хиат
- Гель
- тера
- Гриз
- Гру

169 Ав
или в Со
прожива
дерация
1991 год
«латвий

Неполный список авторов, которых упоминал в книге¹⁶⁹

- Аверинцев Сергей Сергеевич (1937–2004), российский филолог, культуролог.
- Беленький Александр Гедальевич, российский журналист, исследователь бокса.
- Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский философ.
- Берце Йозеф (1866–1958), австрийский психиатр.
- Бирман Борис Наумович (1884–1952), отечественный физиолог, невропатолог, психотерапевт.
- Блейлер Эуген (1857–1939), швейцарский психиатр.
- Богомолец Александр Александрович (1881–1946), отечественный патофизиолог.
- Бор Нильс Хенрик Давид (1885–1962), датский физик.
- Бурно Евгений Иосифович (1911–1994), российский психиатр, поэт.
- Василюк Федор Ефимович, российский психолог.
- Вернике Карл (1848–1905), немецкий психиатр, невролог, нейроморфолог.
- Вестфаль Карл (1833–1890), немецкий психиатр и невролог.
- Волков Павел Валерьевич, российский психиатр-психотерапевт.
- Ганнушкин Петр Борисович (1875–1933), отечественный психиатр.
- Гельштейн Элиазар Маркович (1897–1955), отечественный терапевт.
- Гризингер Вильгельм (1817–1868), германский психиатр.
- Груле Ганс Вальтер (1880–1958), немецкий психиатр.

¹⁶⁹ Авторы, проживавшие до своего ухода из жизни в старой России или в Советском Союзе, отмечены здесь как «отечественные». Авторы, проживающие и проживавшие в новой России (Россия, Российская Федерация — официальное название нашего государства с декабря 1991 года), отмечены как «российские» в сравнении с «украинскими», «латвийскими» и т. д.

- Грушевский Николай Петрович, российский терапевт.
- Давиденков Сергей Николаевич (1880–1961), отечественный невролог.
- Добролюбов Николай Александрович (1836–1861), российский литературный критик, публицист.
- Добролюбова Елена Александровна, российский психолог-психотерапевт.
- Дольник Виктор Рафаэлевич, российский этолог.
- Жане Пьер (1859–1947), французский психиатр, психолог.
- Жислин Самуил Григорьевич (1898–1968), отечественный психиатр.
- Зеленин Владимир Филиппович (1881–1968), отечественный терапевт.
- Иванов Валентин Дмитриевич (1902–1975), отечественный писатель-историк.
- Иванов-Смоленский Анатолий Георгиевич (1895–1982), отечественный патофизиолог.
- Изард Кэрролл, американский философ и психолог.
- Каннабих Юрий Владимирович (1872–1939), отечественный психиатр.
- Карабчиевский Юрий Аркадьевич (1939–1992), российский писатель, литературовед.
- Консторум Семен Исидорович (1890–1950), отечественный психиатр-психотерапевт.
- Корсаков Сергей Сергеевич (1854–1900), отечественный психиатр.
- Краснушкин Евгений Константинович (1885–1951), отечественный психиатр.
- Крепелин Эмиль (1856–1926), немецкий психиатр.
- Кречмер Эрнст (1888–1964), немецкий психиатр-психотерапевт.
- Кречмер Вольфганг (1918–1994), немецкий психиатр-психотерапевт, сын Э. Кречмера.
- Лебедев Владимир Иванович (1929–2004), российский психолог.
- Лэнг Рональд (1927–1989), шотландский психиатр.
- Лесгафт Петр Францевич (1837–1909), отечественный врач и педагог.
- Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999), российский литературовед.
- Лифшиц Александр Ефимович, российский психиатр.
- Лоренц Конрад (1903–1988), австрийский естествоиспытатель.
- Лысенко Трофим Денисович (1898–1976), отечественный агроном.

Неполный список авторов...

- Львов Иван
- гинеколог
- Магазиер М
- Майер-Грос
- психиатр.
- Макаров Е
- рапевт.
- Маслоу Аб
- холог.
- Мельников
- психотерап
- Минковска
- кая, затем
- Монтескье
- Морель Б
- хиатр.
- Мясцев
- психиатр,
- Нессельш
- куства.
- Нуллер Ю
- Павлов И
- Петрило
- Пик Арн
- Поклита
- фтизиатр
- Полис А
- Попов Е
- хиатр.
- Притц А
- Рогинск
- рополог
- Роджер
- Рожнов
- хиатр-г
- Савенк
- Свядо
- Селье
- Семен
- честве
- Шанс

- Львов Иван Моисеевич (1856–1904), отечественный акушер-гинеколог¹⁷⁰.
- Магазинер Марк Яковлевич (1789–1858), отечественный врач.
- Майер-Гросс Вильгельм (1899–1961), немецко-английский психиатр.
- Макаров Виктор Викторович, российский психиатр-психотерапевт.
- Маслоу Абрахам Харольд (1908–1970), американский психолог.
- Мельников Дмитрий Александрович, российский психиатр-психотерапевт.
- Минковская Франциска (Франсуаза) (1882–1950), швейцарская, затем французская исследовательница-психиатр.
- Монтескье Шарль Луи (1689–1755), французский философ.
- Морель Бенедикт Августин (1809–1872), французский психиатр.
- Мясищев Владимир Николаевич (1893–1973), отечественный психиатр, психолог, психотерапевт.
- Нессельштраус Цецилия Генриховна, российский историк искусства.
- Нуллер Юрий Львович (1929–2003), российский психиатр.
- Павлов Иван Петрович (1849–1936), отечественный физиолог.
- Петрилович Николаус (1924–1970), немецкий психиатр.
- Пик Арнольд (1851–1924), немецкий невролог и психиатр.
- Поклитар Евгений Антонович, украинский психотерапевт, фтизиатр, рентгенолог.
- Полис Альфред Фрицевич, латвийский врач-философ.
- Попов Евгений Алексеевич (1899–1961), отечественный психиатр.
- Притц Альфред, австрийский психиатр-психотерапевт.
- Рогинский Яков Яковлевич (1895–1986), отечественный антрополог.
- Роджерс Карл Рэнсом (1902–1987), американский психолог.
- Рожнов Владимир Евгеньевич (1918–1998), российский психиатр-психотерапевт.
- Савенко Юрий Сергеевич, российский психиатр.
- Свядош Абрам Моисеевич, российский психиатр-психотерапевт.
- Селье Ганс (1907–1982), канадский патолог.
- Семенов-Тян-Шанский Вениамин Петрович (1870–1942), отечественный географ и статистик, сын П.П. Семенова-Тян-Шанского.

¹⁷⁰ Благодаря московского психолога-психотерапевта Александра Борисовича Павловского, разыскавшего ценные сведения об этом враче и его портрет.

- Сикорский Иван Алексеевич (1845–1919), отечественный психиатр.
- Сканава Елена Евгеньевна (1890–1983), отечественный психиатр.
- Снежневский Андрей Владимирович (1904–1987), отечественный психиатр.
- Стеллер Георг Вильгельм (1709–1746), немецкий врач и естествоиспытатель, переехавший в 1734 году в Россию.
- Суханов Сергей Алексеевич (1867–1915), отечественный психиатр.
- Сухарева Груня Ефимовна (1891–1981), отечественный психиатр.
- Сухомлинский Василий Александрович (1918–1970), отечественный педагог.
- Тейлор Эдуард-Бернетт (1832–1917), английский антрополог, историк культуры.
- Теплов Борис Михайлович (1896–1965), отечественный психолог.
- Фейгенберг Иосиф Моисеевич, российский, с 1992 года израильский психофизиолог.
- Фичино Марсилио (1433–1499), итальянский философ.
- Флоренский Павел Александрович, священник (1882–1937), отечественный математик, инженер, искусствовед, богослов, философ.
- Франкл Виктор Эмиль (1905–1997), австрийский психиатр и психолог, психотерапевт.
- Фрейд Зигмунд (1856–1939), австрийский невролог, психотерапевт.
- Фромм Эрих (1900–1980), немецко-американский психолог.
- Ходос Хаим-Бер Гершонович (1897–1995), российский невролог.
- Шнейдер Курт (1887–1967), немецкий психиатр.
- Штеренгерц Александр Ефимович (1921–1998), украинский невролог, психотерапевт.
- Юнг Карл Густав (1875–1961), швейцарский психиатр, психотерапевт.
- Ющенко Александр Иванович (1869–1936), отечественный психиатр.
- Эфроимсон Владимир Павлович (1908–1989), отечественный генетик.
- Яроцкий Александр Иванович (1866–1944), отечественный терапевт и психотерапевт.
- Ясперс Карл (1883–1969), немецкий психиатр, философ.

Сводная таблица
обозначений ВСТ

(классические к
обозначения по
классификация
[адаптированная
по МКБ-10 и «
обозначения ав

1. Психопатии (с
МКБ-10 (F60))
- 1.1. Психастениче
тия по МКБ-9
сивное) расст
возное (укло
10 (F60.6));
- 1.2. Астеническа
расстройств
- 1.3. Шизоиды (и
шизоидное
- 1.4. Циклоиды (и
циклотими
- 1.5. Эпилептои
и эмоциона
пульсивны
- 1.6. Истерице
МКБ-9 (30
МКБ-10 (F40
1.7. Ананкаст
сессивно-
10 (F42))

Сводная таблица диагностических обозначений, встречающихся в книге

(классические клинические обозначения, обозначения по МКБ [Международная классификация болезней]-9 [адаптированная для использования у нас], по МКБ-10 и «рабочие» диагностические обозначения автора)

1. Психопатии (специфические расстройства личности по МКБ-10 (F60)):
 - 1.1. Психастеническая психопатия (ананкастическая психопатия по МКБ-9 (301.4) и ананкастное (обсессивно-компульсивное) расстройство личности по МКБ-10 (F60.5), тревожное (уклоняющееся) расстройство личности по МКБ-10 (F60.6));
 - 1.2. Астеническая психопатия по МКБ-9 (301.6) и зависимое расстройство личности по МКБ-10 (F60.7);
 - 1.3. Шизоиды (шизоидная психопатия по МКБ-9 (301.2) и шизоидное расстройство личности по МКБ-10 (F60.1));
 - 1.4. Циклоиды (аффективная психопатия по МКБ-9 (301.1) и циклотимия по МКБ-10 (F34.0));
 - 1.5. Эпилептоиды (возбудимая психопатия по МКБ-9 (301.3) и эмоционально-неустойчивое расстройство личности (импульсивный тип) по МКБ-10 (F60.30));
 - 1.6. Истерические психопаты (истерическая психопатия по МКБ-9 (301.5) и истерическое расстройство личности по МКБ-10 (F60.4));
 - 1.7. Ананкасты (невроз навязчивости по МКБ-9 (300.3) и обсессивно-компульсивное расстройство личности по МКБ-10 (F42)).

- М.Е. Бурно

Бассия Ф.В. Проблемы
формам высшего
1968. 468 с.

Беленький А.Г. Бокс
та: Реквием по
АСТ: Астрель, 200

Бердяев Н.А. Самоп
М.: Междунаро

Бердяев Н.А. Судьба
ков: Изд-во Фол

Бурно А.М. Дифференциальная психология обсессивного поведения на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Бурно А.М. Дифференциальная психотерапия обсессивно-компульсивного расстройства

Бурно М.Е. Кот-мел

Бурно М.Е. Терапи
1989. 304 с.

Проект, 1999.

Бурно М.Е. Трудности
176 с.

Бурно М.Е. Психи
дикова

Бурно М.Е. О ре
театр

театре / / О
жением и к
учебн

Бурно М.Е. Зоо...

Бурно М. М. Зоологическое описание. М.: 2000а. 91 с.

М.Е. Клини
ект, ОППД
ческ

М.: Б. А.

Литература

- Бассин Ф.В. Проблема «бессознательного» (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности). М.: Медицина, 1968. 468 с.
- Беленький А.Г. Бокс: Большие чемпионы: Второй после президента; Реквием по плохому парню. М.: Агентство КРПА Олимп: АСТ: Астрель, 2004. 587 с.
- Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
- Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. 736 с.
- Бурно А.М. Дифференцированная когнитивно-поведенческая терапия обсессивно-компульсивных расстройств: Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. мед. наук. 2001а. 23 с.
- Бурно А.М. Дифференцированная когнитивно-поведенческая терапия обсессивно-компульсивных расстройств // Московский психотерапевтический журнал. 2001б. № 4. С. 110–131.
- Бурно М.Е. Кот-меланхолик // Юный натуралист. 1976. № 4. С. 42.
- Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. М.: Медицина, 1989. 304 с., ил.; 2-е изд., доп. и перераб. М.: Академический Проект, 1999. 364 с., ил.; 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2006а. 432 с., ил.
- Бурно М.Е. Трудный характер и пьянство. Киев: Выща шк., 1990. 176 с.
- Бурно М.Е. Психиатр Гречихин. М.: Изд-во российского об-ва медиков-литераторов, 1994. 143 с.
- Бурно М.Е. О реалистическом, клинко-психотерапевтическом театре // О краткосрочной терапии творческим самовыражением и клинко-терапевтическом театре в психиатрии: Учебное пособие. М.: НПА России, 1997. С. 15–29.
- Бурно М.Е. Зоолохия (рассказы психотерапевта о детстве и отрочестве). М.: Изд-во российского об-ва медиков-литераторов, 2000а. 91 с.
- Бурно М.Е. Клиническая психотерапия. М.: Академический Проект, ОППЛ, 2000б. 719 с.; 2-е изд., доп. и перераб. М.: Академический Проект; Деловая Книга, 2006б. 800 с.
- Бурно М.Е. Алкоголизм. Терапия творческим самовыражением. М.: Познавательная книга плюс, 2002. 224 с.

- Бурно М.Е. Больной человек и его кот: Психотерапевтическая проза о целебном творческом общении с природой. М.: Приориздат, 2003. 336 с.
- Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением в практической психологии и педагогике // Психотерапия. 2007. № 9. С. 13–17.
- Бурчо Л.И. Гуманитарно-культурологические дериваты Терапии творческим самовыражением // Новое в науке и практике. 2001. № 1 (Одесса). С. 27–28.
- Василюк Ф.Е. Пережить горе // О человеческом в человеке / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 230–247.
- Васильев В.В. Этнокультуральные особенности суицидального поведения психически больных в Удмуртии: Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. мед. наук. М., 2001. 24 с.
- Волков П.В. Разнообразие человеческих миров: Руководство по профилактике душевных расстройств. М.: Аграф, 2000. 528 с.
- Волков П.В. Люди с трудным характером. М.: Академический Проект, 2001. 64 с. (Ты не один).
- Воскресенский Б.А. Психиатрия и религия, взгляд клинициста // Культуральные и этнические проблемы психического здоровья. Вып. II / Под ред. Б.С. Положего, А.А. Чуркина. М.–Ижевск, 1997. С. 25–29.
- Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М.: Медицина, 1964. 292 с.
- Гоголевич Т.Е. Краткосрочная терапия творческим самовыражением пациентов с шизоидной и психастенической психопатиями в стадии декомпенсации: Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. мед. наук. М., 1998. 26 с.
- Грушевский Н.П. О психотерапевтическом поведении с соматическими пациентами в зависимости от их характерологических особенностей (опыт работы терапевта) // Московский психотерапевтический журнал. 1994. № 4. С. 97–116.
- Грушко Н.В. О психокоррекционном варианте Терапии творческим самовыражением в условиях дополнительного образования // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2002. Т. 8. С. 35–40.
- Гурвич В.Б. Клиническая психотерапия при реактивных состояниях, развившихся в позднем возрасте в связи с утратой близкого человека // Вопросы ментальной медицины и экологии. Т. VI. № 4. 2000 (Москва–Костанай). С. 20–22.
- Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л.: Гос. Институт усовершенств. врачей им. Кирова, 1947. 382 с.
- Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М.: Молодая гвардия, 1982. 320 с.

- Дарвин Ч. Сочинения
Дарвин Ч. Сочинения
Дарвин Ч. Сочинения
Добролюбов Н.А.
учителя)
1935. С. 437
Добролюбова Е.А.
ческим само
тной шизофр
зависимому
1996. С. 7–8
Добролюбова Е.
ким самовы
номенологи
ложение к
НПА Росси
Добролюбова Е.
пациентов
собие для п
Добролюбова
отказываю
ментально
Костанай)
Дольник В.Р.
компания
Егоров Б.Е. Р
ла. М.: А
Евлахов А.М.
стого. М.
Жане П. Невр
Дома Пр
Жане П. Нев
Жислин С.Г.
тута им
НИНПИ
Журова Е.С.
ного во
ким са
экологи
Зуйкова Н.
ем ши
реф. д

- Дарвин Ч. Сочинения. Т. 3. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 832 с.
- Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 1040 с.
- Дарвин Ч. Сочинения. Т. 9. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 734 с.
- Добролюбов Н.А. Ученики с медленным пониманием (Из заметок учителя) // Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Госиздат, 1935. С. 437–452.
- Добролюбова Е.А. Шизофренический «характер» и терапия творческим самовыражением // Психотерапия малопрогрессирующей шизофрении. Консторумские чтения. Приложение к Независимому психиатрическому журналу. М.: НПА России, 1996. С. 7–8.
- Добролюбова Е.А. Полифоническая детскость и терапия творческим самовыражением // Клиническая психотерапия и феноменологическая психиатрия. Консторумские чтения. Приложение к Независимому психиатрическому журналу. М.: НПА России. 1997. С. 21–22.
- Добролюбова Е.А. К психотерапии дефензивных шизотипических пациентов (терапия творческим общением с природой): Пособие для психотерапевтов. М.: РОМЛ, 1997. 25 с.
- Добролюбова Е.А. К психотерапии шизотипических пациентов, отказывающихся от медикаментозного лечения // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2000. Т. VI. № 2 (Москва—Костанай). С. 35–36.
- Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: Педагогика-пресс, 1994. 208 с., ил.
- Егоров Б.Е. Российский клинический психоанализ — новая школа. М.: Академический Проект, ОППЛ, 2002. 528 с.
- Евлахов А.М. Конституциональные особенности психики Л.Н. Толстого. М.: Сварогъ, 1995. 112 с.
- Жане П. Неврозы и фиксированные идеи / Пер. с фр. СПб.: Типогр. Дома Призрения Малолетних Бедных, 1903. 434 с.
- Жане П. Неврозы / Пер. с фр. М.: Космос, 1911. 316 с.
- Жислин С.Г. Фактор бездействия и шизофрения // Труды института им. Ганнушкина. Вып. 3 / Под ред. С.В. Крайца. М.: НИНПИ им. П.Б. Ганнушкина, 1939. С. 50–69.
- Журова Е.С. Занятия с заикающимися детьми старшего дошкольного возраста с использованием элементов Терапии творческим самовыражением // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2000. Т. VI. № 2. (Москва—Костанай). С. 42–43.
- Зуйкова Н.Л. Краткосрочная Терапия творческим самовыражением шизоидных личностей с семейными конфликтами. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. мед. наук. М., 1998. 24 с.

М.Е. Бурно

- Иванов-Смоленский А.Г. Очерки нейродинамической психиатрии. М.: Медицина, 1974. 568 с.
- Изард Кэррол. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. 440 с.
- Избранные труды Одесской школы Терапии творческим самовыражением / Под ред. Е.А. Поклитара и М.А. Раскиной. Одесса: Астропринт, 2007. 232 с.
- Ирвин Уильям. Дарвин и Гексли / Пер. с англ. М.: Молодая гвардия, 1973. 464 с.
- Калецкий А.А. Факты и вымыслы // Человек и природа, 1980, № 11. С. 14–69.
- Каннабих Ю.В. История психиатрии. М.: Госмедиздат, 1929. 520 с.
- Карабчиевский Ю.А. Воскресение Маяковского. М.: Сов. писатель, 1990. 224 с.
- Колосов В.П., Петрова В.И. Опыт индивидуальной клинической трансперсональной психотерапии в амбулаторной практике // Успехи теоретической и клинической медицины. Вып. 3. Материалы III научной сессии Российской медицинской академии последипломного образования. М.: РМАПО, 1999. С. 199–200.
- Конрад-Вологина Т.Е., Бурчо Л.И., Лупол А.В. Внелечебные возможности приема Терапии творческим самовыражением М.Е. Бурно // Новое в науке и практике. 1999. № 1 (Одесса). С. 43–45.
- Конрад-Вологина Т.Е., Поклитар Е.А. Опыт внелечебного использования приема Терапии творческим самовыражением М.Е. Бурно // Терапия творчеством. М.: МПА, 1997. С. 31.
- Консторум С.И. Учебник психиатрии. М.–Л.: Биомедгиз, 1935. 184 с.
- Консторум С.И. Опыт практической психотерапии. М.: Гос. инт. психиатр., 1962. 224 с.
- Краснушкин Е.К. Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителей // Избранные труды. М.: Медгиз, 1960. С. 201–226.
- Кречмер Э. Строение тела и характер / Пер. с нем. М.: Педагогика-Пресс, 1995. 608 с. (Серия: «Психология: Классические труды»).
- Кречмер В. Спонтанные переживания и действия / Пер. с нем. // Независимый психиатрический журнал. 1994, IV. С. 5–12.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

- Лэнг Р. Расколотое «Я» / Пер. с англ. СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.
- Лесгафт П.Ф. Школьные типы (Антропологический этюд). СПб.: Русское богатство, 1884. 124 с.
- Лившиц А.Е. На совещании главных психиатров России // Независимый психиатрический журнал. 1995, II. С. 64.
- Лоренц К. Человек находит друга / Пер. с англ. М.: Мир, 1971. 166 с.
- Лупол А.В. К обоснованию целесообразности внедрения в практику школьного воспитания модифицированного клинического метода ТТС М.Е. Бурно // Новое в науке и практике. 2000. № 1 (Одесса). С. 18–19.
- Лупол А.В. Рациональная методика комплектования групп творческого самовыражения в общеобразовательных школах // Новое в науке и практике. 2000. № 2 (Одесса). С. 30–31.
- Магазинер М.Я. Нечто об Ипохондрии в диетическом отношении // Друг здоровья. 1837. № 10. С. 74.
- Макаров В.В. Клиническая психотерапия в контексте новой российской психотерапии // Независимый психиатрический журнал. 2000, II. С. 29–33.
- Макаров В.В. Психотерапия нового века. М.: Академический Проект, ОППЛ. 2001. 496 с.
- Манюкова Е.С. Терапия творческим самовыражением: Учебное пособие. Новокузнецк: Ин-т повышения квалификации, 2003. 71 с.
- Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1961. 746 с.
- Махновская Л.В. Терапия творческим самовыражением пациентов с деперсонализационными расстройствами // Материалы XIII съезда психиатров России. М.: РОП, 2000. С. 299.
- Монтескье. Персидские письма. М.: Госиздат. худож. лит., 1956. 350 с.
- Некрасова С.В. Краткосрочная Терапия творческим самовыражением больных с шизотипическим расстройством и дефензивными проявлениями: Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. мед. наук. М., 1999. 24 с.
- Некрасова С.В. Терапия творческим самовыражением шизотипического расстройства // Практическое руководство по Терапии творческим самовыражением / Под ред. М.Е. Бурно, Е.А. Добролюбовой. М.: Академический Проект, ОППЛ, 2003. С. 284–308.
- Нерсесян О.Н., Степула М.И., Мастеров Г.Д., Смоквин В.Д., Нелин В.Н. Многопрофильное психологическое исследование как критерий оценки эффективности эмоционально-стрессо-

вой терапии // Научно-практ. конференция «Актуальные вопросы лечебно-профилактич., диагностич. и учебно-воспитат. работы». Одесса: Педагог. ин-т им. К.Д. Ушинского, 1991. С. 63–64.

Носач А.А. Терапия творческим самовыражением (ТТС) в комплексном лечении и реабилитации больных костно-суставным туберкулезом // Новое в науке и практике. 2001. № 1(11) (Одесса). С. 29.

Нуллер Ю.Л., Михаленко И.Н. Аффективные психозы. Л.: Медицина, 1988. 264 с.

Павлов И.П. Психопатология и психиатрия: Избр. произведения / Под ред. и с предисл. Л.А. Орбели. М.: Изд-во Академии мед. наук СССР, 1949. 236 с.

Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Изд-е 7-е. М.: Медгиз, 1951. 508 с.

Поклитар Е.А. Опыт использования психогигиенического варианта Терапии творческим самовыражением // Научно-практ. конференция по ЛФК, физвоспитанию, диагностике, лечению и учебно-воспитательной работе. Одесса: Одесск. управл. санаториями МЗ УССР, 1990. С. 35.

Поклитар Е.А. Семинар виртуальной психогигиены Анны Генрик // Новое в науке и практике. 2000. № 3 (Одесса). С. 32.

Поклитар Е.А. Два типа «религиозного обращения» у занимающихся в группах творческого самовыражения // Новое в науке и практике. 2001. № 1 (Одесса). С. 28–29.

Поклитар Е.А., Штеренгерц А.Е., Ян В.И., Ройз И.Е. Эмоционально-стрессовый прием М.Е. Бурно // Актуальные вопросы психотерапии и альтернативной медицины (Материалы международной научно-практической конференции) / Под ред. А.Е. Штеренгерца. Одесса: Гипно, 1994. С. 46–48.

Поклитар Е.А., Орловская Л.В., Штеренгерц А.Е. Прикладное значение психотерапевтического приема М.Е. Бурно в практике воспитания школьников и студентов // Материалы международной научно-практ. конференции по учебно-воспитат. работе с детьми. Одесса: Педагог. ун-т им. К.Д. Ушинского, 1996. С. 45–46.

Полищук Ю.И. Разрушение высших личностных смыслов как важный фактор психогенеза невротических расстройств в позднем возрасте // Материалы XIII съезда психиатров России. М.: РОП, 2000. С. 164.

Попов Е.А. Психопатии: Учебник психиатрии / Авт. О.В. Кербинов, Н.И. Озерский, Е.А. Попов, А.В. Снежневский. М.: Медгиз, 1958. С. 300–314.

- Практическое руководство по Терапии творческим самовыражением / Под ред. М.Е. Бурно, Е.А. Добролюбовой. М.: Академический Проект, ОППЛ, 2003. 880 с., ил.
- Применение метода Терапии творческим самовыражением в работе психолога: Учебно-методическое пособие / Под ред. Л.А. Селивановой, Т.Ю. Шиховой, Л.М. Лучшевой. Новокузнецк: Изд-во МОУ ДПО ИПК, 2006. 92 с.
- Притц А., Тойфельхарт Х. Психотерапия — наука о субъективном // Психотерапия — новая наука о человеке / Под ред. Альфреда Притца / Пер. с нем. М.: Академический Проект, 1999. С. 10–57.
- Раю Н.А. Психотерапевтический театр как прием Терапии творческим самовыражением // Современные аспекты профилактики и реабилитации наркозависимости. Тамбов: Департам. по молодежн. политике Мин. образов. РФ, 2000. С. 120–123.
- Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза: Учеб. пособие для студентов ун-тов. Изд-е 2-е, доп. М.: Высш. школа, 1977. 263 с.
- Рожнов В.Е. Эмоционально-стрессовая психотерапия // Руководство по психотерапии / Под ред. В.Е. Рожнова. Изд-е 3-е, доп. и перераб. Ташкент: Медицина УзССР, 1985. С. 29–45.
- Рожнов В.Е., Бурно М.Е., Овчинская А.С., Островская О.А. Опыт психопрофилактики алкоголизма // Вопросы наркологии. 1991. № 3. С. 43.
- Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001. С. 477.
- Савенко Ю. С. Феноменология как преодоление дилеммы «сциентизм-антисциентизм» (значение и судьба феноменологии в психиатрии) // Пути обновления психиатрии. Материалы IV съезда НПА / Под ред. Ю.С. Савенко. М.: Литература и политика, 1992. С. 122–129.
- Свядош А.М. Неврозы. 3-е изд-е, перераб. и доп. М.: Медицина, 1982. 368 с.
- Сегал Б.М. Алкоголизм. Клинические, социально-психологические и биологические проблемы. М.: Медицина, 1967. 580 с.
- Сикорский И.А. Ненормальные и болезненные характеры // Сб. научно-лит. статей по вопр. общественной психологии, воспитания и нервно-психич. гигиены: В 5 кн. Кн. 3. Киев; Харьков: Южно-рус. книгоизд-во Ф.А. Иогансона, 1900. С. 70–99.
- Сканави Е.Е. История детского отделения // Проблемы психиатрии военного времени / Под ред. В.А. Тверитина. М.: Б-ца Кашенко, 1945. С. 34–56.
- Смирнов В.Е., Колбасин Ю.В. АРТ — в психиатрии // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2000. Т. VI. № 1 (Москва-Костанай). С. 83–86.

- Спиридонов О.В.* Психопрофилактический вариант Терапии творческим самовыражением детей с дефензивностью в характере // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2000. Т. VI. № 4 (Москва-Костанай). С. 40-41.
- Сухарева Г.Е.* Клинические лекции по психиатрии детского возраста. Том II. М.: Медгиз, 1959. 408 с.
- Тейлор Э.* Первобытная культура / Пер. с англ. М.: Гос. социально-экон. изд-во, 1939. 568 с.
- Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 536 с.
- Терлецкий А.Р.* Использование элементов Терапии творческим самовыражением в комплексном лечении соматоформных расстройств желудочно-кишечного тракта // Новое в науке и практике. 2001. № 1 (Одесса). С. 30.
- Тиганов А.С.* Шизофрения // Руководство по психиатрии: В 2 т. Т. 1 / Под ред. А.С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. С. 407-437.
- Флоренский Павел, священник.* Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Сост.: игумен Андроник (Трубачев), М.С. Трубачева, Т.В. Флоренская, П.В. Флоренский. Предисл. и комм. игумена Андроника (Трубачева). М.: Моск. рабочий, 1992. 560 с. (Голоса времен).
- Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции / Пер. с нем. М.: Наука, 1989. 456 с.
- Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе / Пер. с нем. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 74-81.
- Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. Т. 1 / Пер. с нем. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 252 с.
- Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. Т. 2 / Пер. с нем. М.; Пг.: Госиздат, 1922. 252 с.
- Ходос Х.-Б. Г.* Малые аномалии развития и их клиническое значение. Иркутск: Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1984. 88 с.
- Чернова В.А.* Коррекция тревожных состояний у больных шизофренией методом творческого самовыражения // Актуальн. проблемы современной психиатрии и психотерапии. Новосибирск: АМН РФ, Сибирское отделение, 2000. С. 87-90.
- Штеренгерц Е.А., Конрад-Вологина Т.Е., Воробейчик Я.Н.* Терапия творческим самовыражением как способ предупреждения и устранения ностальгического синдрома // Новое в науке и практике. 2001. № 1 (Одесса). С. 31.
- Юнг К. Г.* Архетип и символ / Пер. с нем. Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

- Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / Пер. с нем. Киев: AirLand, 1994. 406 с.
- Юнг К.Г. Психологические типы / Пер. с нем. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. 720 с.
- Ян В.И. Опыт применения приема Терапии творческим самовыражением при преподавании на педагогическом факультете // Материалы научно-практич. конференции по эмоционально-стрессовой психотерапии, физическому воспитанию, диагностике заболеваний, реабилитации больных. Одесса: Минздрав УССР, 1990. С. 8.
- Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы / Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1969. 224 с.
- Ясперс К. Общая психопатология (1959) / Пер. с нем. // Логос. 1994. № 5. С. 42–87.
- Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.
- Bleuler E. Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien // In: Handbuch der Psychiatrie / Ed. G. Auschaffenburg. Leipzig und Wien, 1911. 420 S.
- Kretschmer Wolfgang. Indikation und Methodik der Psychotherapie (ausgenommen Psychoanalyse) // Psychiatrie der Gegenwart. Springer-Verlag / Berlin. Gettingen. Heidelberg. 1963. S. 361–383.
- Pick A. Zur Psychopathologie der Neurasthenie // Archiv fur Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1902. Band 35, Heft 2. S. 393–402.
- Minkowska F. La constitution epileptoide et ses rapports avec la structure de l'epilepsie essentielle. Проблемы психиатрии и психопатологии / Под ред. С.Н. Давиденкова. М.: Биомедгиз, 1935. С. 483–492.
- Petrlowitsch N. Abnorme Personlichkeiten. 3 Aufl. Basel, New York. S. Karger. 1966. 178 s.
- Schneider K. Die psychopathischen Personlichkeiten. Leipzig und Wien. Deuticke. 1923. 96 s.
- Schneider K. Klinische Psychopathologie. 12 unveränderte Aufl. Stuttgart, 1980. 174 s.

Содержание

Предисловие ко третьему изданию	3
Предисловие ко второму изданию	4
Предисловие к первому изданию	5
1. О характерах людей	6
Вступление	8
Сангвинический (синтонный) характер (циклоид)	11
Напряженно-авторитарный характер (эпилептоид)	20
Тревожно-сомневающийся характер (психастеник)	25
Застенчиво-раздражительный характер (астеник)	37
Педантичный характер (ананкаст)	38
Замкнуто-углубленный (аутистический) характер (шизоид)	43
Демонстративный характер (истерик)	57
Неустойчивый характер (неустойчивый психопат)	63
Смешанные (мозаичные) характеры	66
Грубоватый характер (в патологии — органический психопат)	68
«Эндокринный» характер (в патологии — «эндокринный» психопат)	71
«Полифонический» характер	73
Заключение	77
2. О некоторых душевных расстройствах на почве разных характеров	82
Застенчивость	82
Страх	88
Навязчивости	94
Болезненные сомнения и тревожная мнительность	100
Сверхценные идеи	106
Ипохондрия	113
Депрессия	118
3. О происхождении характеров, сила слабых и помощь при дефензивности	127
О происхождении характеров	129
Отношение к «слабому» (меланхолическому) характеру в разные времена в западноевропейских странах	142

Отношение к «слабому» (меланхолическому) характеру в разные времена в нашей стране	157
Психотерапевтическая и психопрофилактическая помощь «слабым» (дефензивным) людям	179
Примеры психотерапевтической прозы	188
Заключение	212
4. Психопатии	213
Вступление	213
Психопатии, обусловленные мягкой задержкой развития — инфантильные (ювенильные) психопаты	218
Психопатии, обусловленные искаженным развитием	234
Психопатии, обусловленные повреждением мозга	276
Заклучение	276
5. Шизофрения	285
История клинического изучения шизофрении	286
Клинические картины и типы течения шизофрении	287
Распространенность шизофрении и ее природа	288
Лечение	290
6. Дефензивные люди и Терапия творческим самовыражением	291
О существе Терапии творческим самовыражением (ТТС) ...	291
Еще о силе слабых	301
О некоторых приемах самопомощи творческим самовыражением	303
О чувстве общественной полезности и светлом мироощущении, духовности	325
Богу или маммоне	331
«В зимний морозный день...»	333
Поднимает душу из печали	335
Психотерапевт Лес	340
О тоскливом переживании смерти близкого человека	342
О национальных характерах	345
Тема «Религиозные чувства и характеры» в Терапии творческим самовыражением	349
«Душа России» и профилактика душевного здоровья	352
7. Письма пациентам	359
Вы уже никогда не сможете пить понемногу	360
Вам необходимо возненавидеть свои истерические расстройства	364
У Вас навязчивые страхи	367
Ваши переживания естественны для Вашего психастенического характера	370

Неврастения вернулась	374
Болезнь студента-медика третьего курса	376
Навязчивости по-прежнему с Вами... ..	380
Дрессировать себя!	382
Жить в тени для Вас невыносимо	385
Когда человек что-то делает, переживает по-своему, он больше чувствует себя собой	388
Вы недостаточно ясно пока понимаете ценность своего душевного склада	391
Я останусь жить, пока живет Человечество	395
«Здесь нужны короли и поэты»	406
Есть и грани созвучия	410

8. Очерки по истории отечественной характерологии, психиатрии, психотерапии

К истории древнерусской психиатрии, психологии, этики (по «Повести временных лет»)	413
О М.Я. Магазинере (к истокам отечественной психотерапии алкоголизма)	414
Некоторые примеры изображения бессознательного русскими писателями конца XVIII — начала XIX века	417
К истории адыгейской психиатрии и психотерапии (донаучный период)	421
О Константине Сотонине и его мыслях	428
Психотерапия, этика и права человека	434
Памяти отца	440
К истории кафедры психотерапии Российской медицинской академии последипломного образования (бывшего Центрального института усовершенствования врачей). Письмо в редакцию	445
О «возвышающей психотерапии» Рожнова	447
О клинической психотерапии	455

9. Краткий характерологический опросник (М.Е. Бурно, 2007)

10. Психотерапевтическая проза	467
Чехов	467
Сыроежка	476
Свой мир	482
Дарвин и Швейцер	486
Возраст проблем	490
Аминет	509
Зал редких книг (психотерапевтическая повесть)	532
Из дневника пожилого человека	586

Содержание

639

Неполный список авторов, которых упоминал в книге	621
Сводная таблица диагностических обозначений, встречающихся в книге	625
Литература	627

О характерах людей

Научно-популярное издание

Бурно Марк Евгеньевич
О ХАРАКТЕРАХ ЛЮДЕЙ

Компьютерная верстка *И.В. Белюсенко*
Корректор *Е. Маркелова*

ООО «Академический Проект»
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
СЕРТИФИКАТ СООТВЕТСТВИЯ
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012.
Орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «ПРОФИ-СЕРТИФИКАТ»

*По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикси»:*

**111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@aproject.ru
Интернет-магазин: www.aproject.ru**

Формат 84×108/32. Гарнитура Quant Antiqua C. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1753

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.
E-mail: tko-saransk@mail.ru

ание

ВИЧ

ДЕЙ

Люсенко
а

кт»

кая, 3.

ВИА

3.03.2012.

001.11AE51

АТ»

им обращаться

ская, 3.

кс: 305 6088

и

gest.ru

С. Бумага офсетная.
аж 1000 экз.

казчика
Красный Октябрь»
ветская, 55а.

367-50

Пополняемый, углубляемый с каждым изданием живой учебник для психотерапевтов и пациентов. Книга помогла многим изучить свой характер в сравнении с другими характерами, дабы ладить с людьми и делать в жизни, сообразно своим особенностям, прежде всего то, что получается лучше, чем другое, и лучше, чем у многих других. Книга помогла и помогает прежде всего людям с разнообразными трудными характерами, с переживанием своей неполноценности, с тревожно-депрессивными расстройствами.

ISBN 978-5-8291-1502-9

9 785829 115029

МАРК БУРНО

ОХАРАКТЕРАХ
ПРОДЕРУ

Дополнение.

**У абсолютного
большинства
населения
любой страны
упрощенное и
примитивное
мышление.**

**Вокруг очень много образованных, обладающих
большим объемом знаний граждан. Так почему все
эти казалось бы умные граждане не миллиардеры?
Да потому что, мышление это создание
НОВЫХ синоптических связей В МОЗГУ.
НОВЫХ СВЯЗЕЙ.**

**Мышление - Это когда от одной связи возникают НОВЫЕ
СИНОПТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ, образуя СЕТЬ синоптических связей.**

**У большинства же граждан новые связи формируются или
долго, или очень долго. А значит такие граждане могут
ТОЛЬКО ГОВОРИТЬ, озвучивая данные хранящиеся в их
ПАМЯТИ, а полноценного мышления эти индивиды лишены.**

Большинство ошибочно принимает заученное за умность. Владелец хорошей памяти может вы зубрить тома научных трудов и точно цитировать настоящих ученых. При этом в реальности оставаясь слабоумным.

Только из за того что сейчас в мире абсолютное большинство человечества слабоумно, даже дебилы могут быть очень богатыми гражданами.

Если вы встречаете кого либо кто много и долго болтает и даже цитирует какие либо научные данные, это вовсе не означает что перед вами умный человек. Скорее наоборот.

Вот пример: специалист в определенной отрасли, может сказать вам любую точную техническую или научную информацию по его профилю. Казалось бы, умный человек? Но задаёте специалисту вопрос и часто специалист приходит в состояние ступора, когда вопрос требует не ответа который специалист заучил, а требуется собственное мышление. Ситуация ещё больше усложняется когда вопрос разоблачает знания как не верные, знания которые специалистом воспринимаются как истина в состоянии догмы.

Вывод простой: абсолютное большинство разумных гоминид которых вы называете людьми это гоминиды обладающие достаточно развитым мозгом который позволяет им ЗАПОМИНАТЬ достаточно большой объём знаний. При этом, их мозга НЕ ДОСТАТОЧНО для ПОЛНОЦЕННОГО мышления.

Индивид с нормальным мышлением.

**Шерлок Холмс не знал
элементарных догм, как то что,
Земля вращается вокруг Солнца.**

**Указывает ли это на то что
Шерлок Холмс не умён?**

**Ум, это способность к правильному и
полноценному мышлению.**

**Абсолютное же большинство
считают образованность за
наличие развитого интеллекта, что
не верно и ошибочно.**

**Шерлок
Холмс**

Человеческий мозг — это пустой чердак

28.03.2013 комментарии 10 Афоризмы и цитаты Просмотров 30 754 раз(а)

Шерлок Холмс: Роман... Вы что, читаете романы?

Доктор Ватсон: А вы хотите сказать, что... не читаете?

Шерлок Холмс: Не читал, не читаю и не собираюсь читать. Я вообще не читаю беллетристику.

Доктор Ватсон: Ну, а история? Философия?

Шерлок Холмс: Историю, философию в руки не беру.

Доктор Ватсон: А как же Аристотель? Жанна Д'Арк, Коперник?

Шерлок Холмс: Коперник — знакомая фамилия. Что он сделал?

Доктор Ватсон: Боже мой, так ведь это же он открыл, что Земля вращается вокруг Солнца! Или этот факт вам тоже неизвестен?

Шерлок Холмс: Но мои глаза говорят мне, что скорее Солнце вращается вокруг Земли. Впрочем, может быть, он и прав, ваш этот... как его — Коперник.

Доктор Ватсон: Простите меня, Холмс! Но вы же человек острого ума, это сразу видно! ... Как же вы не знаете вещей, которые известны каждому школьнику? **Шерлок Холмс:** Ну, когда я был школьником, я это знал, а потом основательно забыл.

Доктор Ватсон: Вы что, хвастаетесь своим невежеством?! ... Но ведь я говорю об элементарных вещах, которые знает каждый!

Шерлок Холмс: Но я-то не каждый, Ватсон, поймите: человеческий мозг — это пустой чердак, куда можно набить всё, что угодно. Дурак так и делает: тащит туда нужное и ненужное. И наконец наступает момент, когда самую необходимую вещь туда уже не запихнёшь. Или она запрятана так далеко, что ее не достанешь. Я же делаю всё по-другому. В моём чердаке только необходимые мне инструменты. Их много, но они в идеальном порядке и всегда под рукой. А лишнего хлама мне не нужно.

Доктор Ватсон: Учение Коперника, по-вашему, хлам?!

Шерлок Холмс: Хорошо. Допустим, Земля вращается вокруг Солнца.

Доктор Ватсон: То есть... то есть... как — допустим?!

Шерлок Холмс: Земля вращается вокруг Солнца. Но мне в моём деле это не пригодится!

Писатель Артур Конан Дойл совершенно правильно и наглядно показывает что наличие даже хорошей памяти и способности к заучиванию большого объема информации вовсе не означает что индивид умён, даже если индивид обладает большим объёмом научных знаний.

Дураки не способные к полноценному и здоровому мышлению маскируют своё слабоумие цитированием из своей памяти информации которая по их мнению может произвести и производит впечатление на других слабоумных.

Обратите внимание, память не безгранична, и забивая свой мозг всем подряд вы создаёте заросли из синоптических связей занятых всяческой лабудой, и вот этот синоптический лес ботвы про Коперника, анекдоты и всевозможная в том числе и научная информация и создаёт в голове индивида непроходимый забор для полноценного мышления,

Полноценного, здорового мышления для которого НЕОБХОДИМО СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО для создания НОВЫХ синоптических связей.

Тот, кто прочёл тысячи книг почти всегда умственный калека. У него много знаний, но способность к полноценному мышлению кастрирована.

**Много читаешь,
умнее не станешь.**

Мао Цзе Дун.

**Избыток информации
оставшейся в памяти,
даже научной
информации, приводит
к слабоумию.**

**В СССР государственная доктрина состояла
в УПРОЩЕНИИ и УДЕШЕВЛЕНИИ - ВСЕГО!**

**Выдавали премии тем, кто придумывал как упростить и
удешевить уже максимально упрощённое и убогое изделие.**

**Какое должно
было быть
мышление у тех,
кто принимал
решение сделать
подобные
сооружения
основой
архитектуры на
территории всего
СССР, Восточной
Европы и
половины Азии?**

Как Вы думаете, о чем думали в момент фотографирования этого момента колхозники? О том, как космические корабли бороздят космос?

Таблица VII

Моделька реконструкция из Тенис Тенис

**Мышление абсолютного
большинства населения
любой страны хаотично.**

**В этом легко
убедится в беседе.**

**Обращайте внимание на речь
собеседника, практически
всегда индивид
воспроизводит в своей речи
информацию которая
содержится в его памяти. Это
происходит после первых
нескольких минут общения
когда сказаны приветствия и
собеседник начинает искать
у себя в памяти что либо для
продолжения беседы.**

Таблица III

Деталь из Тенис Тенис

PICT-COLLAGE

Таблица VI

Деталь из Тенис Тенис

Таблица A

Деталь из Тенис Тенис

**У большинства населения мышление не связано с речью и действиями.
Мышление отдельно. Речь (слова) отдельно. Поступки отдельно.
Думаю одно, говорю другое, действую часто не так
как думаю и почти всегда не так как говорю.**

Вот пример примитивного мышления абсолютного большинства современного человечества, когда мышление отдельно, слова отдельно, действия отдельно-

Евангелие от Иоанна, 6: 53-56

«Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день;

Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нём»

Евангелие от Иоанна, 6: 53-56

«Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день;

Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нём»

Вы понимаете что здесь написано?

**Вот пример
примитивного,
первобытного
мышления
неандертальца - когда
слова это просто звуки,
которые можно
понимать как хочется.**

**Написано ПЛОТЬ - понимаем как ТЕЛО Христа - КУШАЕМ хлеб.
Написано КРОВЬ - понимаем как КРОВЬ Иисуса Христа - ПЬЁМ вино.
Написано одно - понимаем как другое - делаем третье.**

Евангелие от Иоанна, 6: 53-56

«Иисус же сказал им: истинно, истинно
говорю вам: если не будете есть Плоти
Сына Человеческого и пить Крови Его,
то не будете иметь в себе жизни;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь
имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в
последний день;

Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь
Моя истинно есть питье;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь
пребывает во Мне и Я в нём»

Евангелие от Иоанна, 6: 53-56

«Иисус же сказал им: истинно, истинно
говорю вам: если не будете есть Плоти
Сына Человеческого и пить Крови Его,
то не будете иметь в себе жизни;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь
имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в
последний день;

Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь
Моя истинно есть питье;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь
пребывает во Мне и Я в нём»

**Плоть - это мясо.
Хлеб это не плоть.
Слова существуют
что бы не путать
говно с пирожными.**

Любому нормальному человеку понятно что эти «священные книги» писались во времена позднего палеолита когда повсеместно был распространён каннибализм. И писалось и понималось буквально как написано - кушайте плоть человека, пейте кровь человека.

Сейчас же, вместо того что бы исправить эти первобытные тексты, всем предлагают просто не обращать внимание на то что написано и понимать не то что написано, а то что хочется служителям религиозных культов.

«Иисус же сказал им: истинно, истинно
говорю вам: если не будете есть Плоти
Сына Человеческого и пить Крови Его,
то не будете иметь в себе жизни;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь
имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в
последний день;

Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь
Моя истинно есть питье;

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь
пребывает во Мне и Я в нём»

Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день!

Ешьте плоть Человека, пейте кровь Человека и будете спасены.

**В животном мире обман и ложь НЕ СЧИТАЮТСЯ чем
ТО ПЛОХИМ.**

**У животных обман это хорошо. Имейте это ввиду когда
сталкиваетесь с лжецами. У обезьян нет чувства угрызения
совести или сочувствия, обезьяны могут знать что у людей
имеются эти качества личности, но у самих обезьян нет этих
качеств людей.**

**Обезьяна испытывает
ТОЛЬКО радость от того что
удалось обмануть и печаль
если обман не удался. Это
научно доказанный факт.**

Для большинства ложь не только не является чем то плохим, наоборот, для большинства ложь считается правильным и хорошим.

Для большинства ложь которая приукрашивает и выставляет нужное в хорошем свете лучше чем нелिцеприятная правда.

Абсолютное большинство лжёт постоянно, не стыдясь и не испытывая угрызений совести.

Для большинства неприятная правда не нужна и искренне рассматривается как зло.

**Научное
обоснование**

Доказательства

**Догмы
вбитые в мозг
как
«правильные»**

Факты

Логика

**Здравый
смысл**

Большинство

граждан УПРЯМЫ, КАПРИЗНЫ и ТУПОУМНЫ.

Всегда скептически относитесь к любым словам. Имейте ввиду что абсолютное большинство используют слова как звуки которым верят дураки, это означает что если вам говорят что либо, то вероятность того что слова соответствуют настоящим намерениям говорящего минимальна.

PIС-COLLAGE

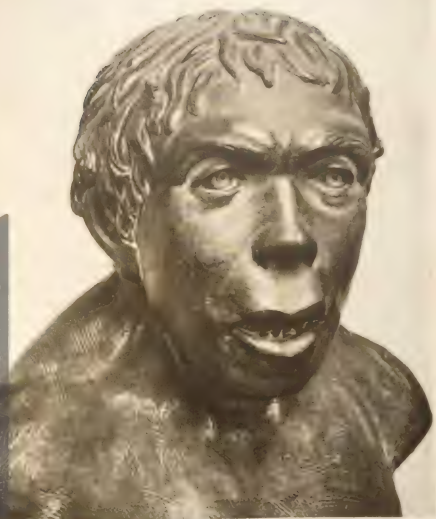

Таблица IV

Великий неандерталец из Лейпцига

Таблица V

Неандерталец из Дюранья

Таблица VII

Младший неандерталец из Тель-Авива

PIC•COLLAGE

Когда что либо делают, не важно что, то почти всегда процесс интересен больше чем результат. Почти всегда процесс увлекает полностью, отодвигая результат деятельности в степень даже не второстепенную, а вообще практически не имеющую никакого значения.

**Выстраивая
бессмысленные схемы в
своём мышлении
индивид сам находится в
полной уверенности в
правильности и
логичности его мышления.**

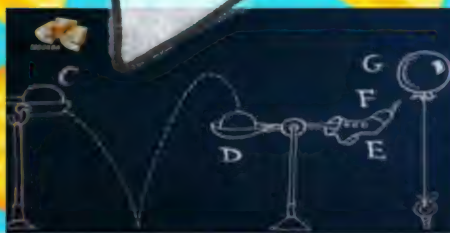
**Я специальный
ЭКСПЕРТ! Я
избавляюсь от
комара ТАК -**

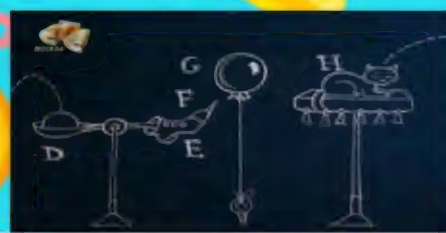
**Я хочу
избавиться
от комара!**

**Ножницы А перерезают веревку Б
заставляя мяч Ц упасть на чашку**

**Отчего башмак пинает шарик
прокалывая его гвоздем**

**Что напугает кошку которому
придётся прыгнуть**

**Прыгнуть в корзину что откроет
клетку и выпустит птицу**

**Которая полетит к
кормушке на платформе**

**Это заставит выстрелить пистолет,
пуля перебьет веревку и освободит
наковальню которая прихлопнет
комара!!!**

PIC-COLLAGE

Типичное мышление Большинство граждан мира.

Меланк, неандерталец из Гомини-Елени

Таблица 30 (стр. 67)

**Абсолютное
большинство
думают
только о себе.
О себе, и о
своих детях.**

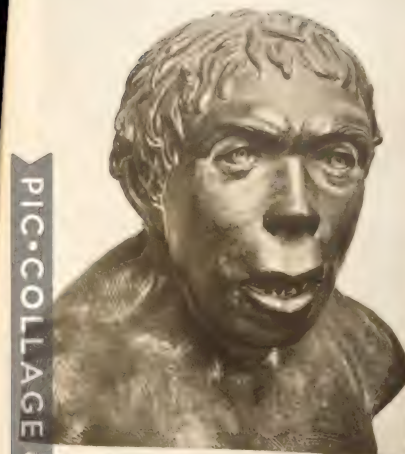
Меланк, неандерталец из Гомини-Елени

Таблица 31 (стр. 68)

Меланк, неандерталец из Гомини-Елени

Таблица 32 (стр. 69)

Меланк, неандерталец из Гомини-Елени

РІС-СОЛЛАЖЕ

Таблица 33 (стр. 70)

Неандерталец из Ла-Шапель

**У окружающих вас граждан разное мышление.
Каждый думает о своём.**

**Что бы узнать КАК мыслит тот или иной индивид
необходимо узнать КАК индивид выстраивает
логические цепочки, как и почему принимает
решения, на что опирается при принятии решений.**

**Это легко выяснить при беседе с обсуждением какого либо
вопроса. Сначала задайте вопрос. Получив ответ
поинтересуйтесь почему такой ответ? После чего осторожно
спросите как собеседник пришёл к его ответу. Особенно
интересно узнать как собеседник видит решение какой либо
бытовой проблемы и ситуации в меж личностных отношениях.**

**Уверяю Вас, Вы можете неожиданно сделать открытие
которого возможно и не ожидали от собеседника.**

У абсолютного большинства граждан всех государств мира очень плохое мышление.

Вот наглядный пример:

В СССР ВСЕГДА существовали подпольные и легальные миллионеры. Да, да. В СССР существовали легальные миллионеры. Некоторые категории граждан в СССР совершенно законно получали миллионы рублей. НО! Ещё больше миллионеров в СССР были подпольными, теневыми.

Жулики получали много денег, но не имели никакой возможности ТРАТИТЬ свои миллионы. Для того что бы иметь возможность ПОЛЬЗОВАТЬСЯ предметами роскоши открыто требовалось изменить политический строй и экономическую систему.

И вот эти граждане, на протяжении ДЕСЯТИЛЕТИЙ пробирались во власть, сговаривались, тайно объединялись, и подготавливали почву для народных волнений.

МАРТ
17
ВОСКРЕСЕНЬЕ
1991 г.

Д Е Н Ъ
ВСЕНАРОДНОГО
ГОЛОСОВАНИЯ
(референдума СССР)

по вопросу „О сохранении Союза
Советских Социалистических
Республик“

31/31
Уважаемый Христенко Вадим А. - впа

Участковая комиссия по проведению референдума приглашает Вас
принять участие во всенародном голосовании по вопросу «О сохране-
нии Союза Советских Социалистических Республик».

Голосование будет проходить с 7 часов до 20 часов на участке
№ 2 . . . в помещении ДК «За интеллигенцию»

В списке участников голосования Ваш номер 1897.

Просим при себе иметь паспорт или иное удостоверение личности.

Участковая комиссия по проведению референдума

Затем, после
череды событий
гражданам де-юре
ЕДИНОВОГО союзного
государства СССР
предложили
референдум, на
котором был
выставлен вопрос.

БЮЛЛЕТЕНЬ

для голосования на референдуме СССР

17 марта 1991 года

Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности.

Оставьте один из указанных ответов, другой вычеркните

ДА

НЕТ

Бюллетень, в котором при голосовании вычеркнуты слова ДА и НЕТ или не вычеркнуты оба слова, признается недействительным

**ВОТ ЭТОТ
ВОПРОС.**

**Читайте
ВНИМАТЕЛЬНО.**

БЮЛЛЕТЕНЬ

для голосования на референдуме СССР

17 марта 1991 года

Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности.

Оставьте один из указанных ответов, другой вычеркиваете

ДА

НЕТ

У абсолютного большинства граждан любой страны мира мозг не в состоянии работать сколько нибудь продолжительное время и очень быстро снижает свою мыслительную деятельность до самого минимума.

Граждане поняли ТОЛЬКО что референдум О СОХРАНЕНИИ СССР, и отвечали - ДА.

**Демократия "святых 90х"))
- Вы НЕ хотите СССР
или хотите - НЕ СССР ??**

БЮЛЛЕТЕНЬ

для голосования на референдуме СССР

17 марта 1991 года

Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности.

Оставьте один из указанных ответов, другой вычеркните

ДА

НЕТ

В вопросе же ясно написано, хотите ли вы сохранить СССР как некий союз НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ? Республика это государство.

МАРТ

17

ВОСКРЕСЕНЬЕ

1991 г.

Д Е Н Ъ
ВСЕНАРОДНОГО
ГОЛОСОВАНИЯ
(референдума СССР)

по вопросу „О сохранении Союза
Советских Социалистических
Республик“

31/31

Уважаемый

Христенов Борис М. Вяч

Участковая комиссия по проведению референдума приглашает Вас
принять участие во всенародном голосовании по вопросу «О сохране-
нии Союза Советских Социалистических Республик».

Голосование будет проходить с 7 часов до 20 часов на участке
№ *2* . . . в помещении *ДК № 3 «Колос»*.

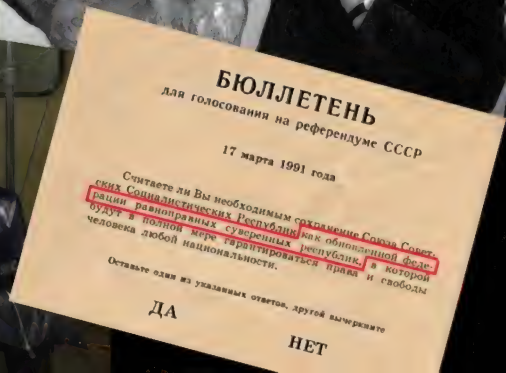
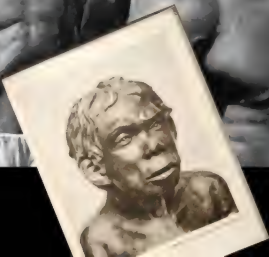
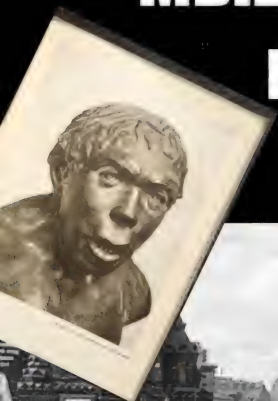
В списке участников голосования Ваш номер *1897*.

Просим при себе иметь паспорт или иное удостоверение личности.

Участковая комиссия по проведению референдума

Это то же самое,
если спросить - Вы
хотите сохранить
Россию как союз
суверенных
независимых
республик?
Да или нет?
Хотите сохранить
или не хотите?

Ясно? Абсолютное большинство граждан
вообще крайне плохо соображает.
Мышление большинства статично, убого,
примитивно, автоматизированно.

Куклы с синдромом Дауна стали лучшими игрушками 2020 года

В этом году 24 бренда презентовали 81 игрушку для участия в конкурсе

Высшего Совета МММ Миссия, 11 октября 2020

Продвижение разнообразия

Куклы – представители разных рас с синдромом Дауна испанского бренда

неандерталец
в музее.

PIE-COLLAGE

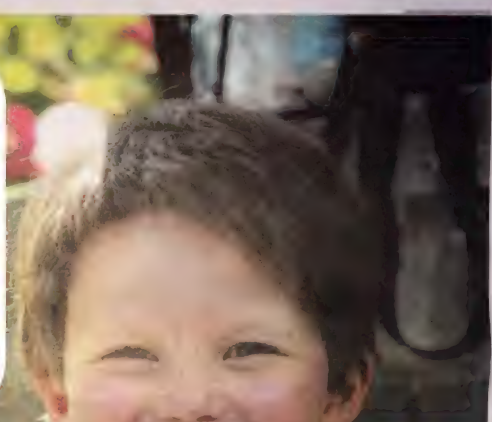
ёдоров
гает тайну
ревала
глова

ТОП-5
НЕДЕЛИ

Weekend

САМЫЕ ГЛАВНЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ ВЫХОДНЫХ

metr

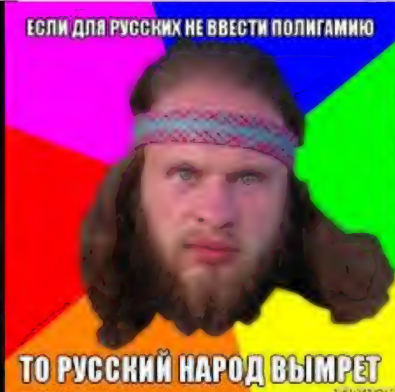

Первая роль Дочка Учителя сыграла сына Цоя

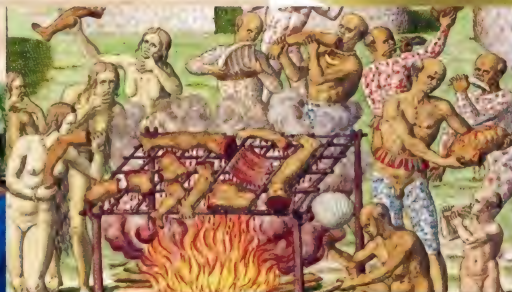
В прокат вышла картина «Цой». Режиссёр Алексей Учитель рассказал Metron, как подбирал актёров на роли, какими запомнил Виктора Цоя и что думает про желание родственников музыканта запретить фильм

metr Weekend Читай и обсуждай на сайте metronews.ru

**Сегодня 24 ноября 2020.
День Эволюции.
21 век...**

Здесь суицид вечные
спасают
в последний
отправляют путь,
то не качели! а пафос
об этом путник
не забудь!

PICT-COLLAGES

**Вот три представителя трёх видов.
Вопрос - почему они все не один вид?**

PICTOCOLLAGES

Потому что, они НЕ ОДИНАКОВЫЕ.

Pongo pygmaeus

Pongo abelii

**Pongo
tapanuliensis**

**Даже небольшое различие в
морфологии = уже ДРУГОЙ ВИД.**

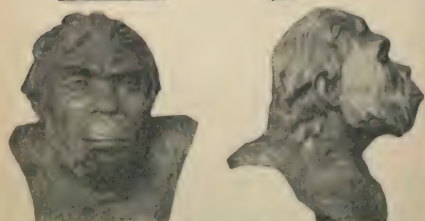
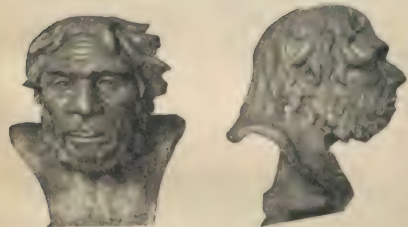
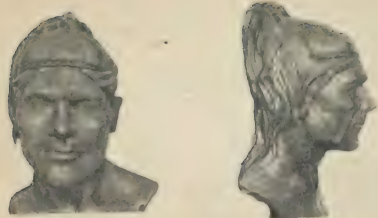
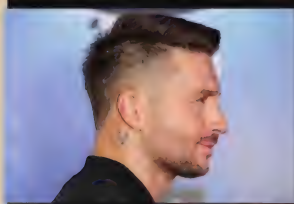

Рис. 30. Неизвестные люди.

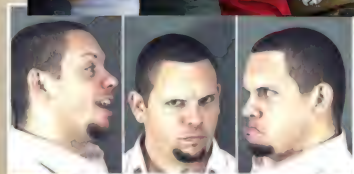
Верхний ряд — кроманьонцы; средний ряд — неандертальцы; нижний ряд — синантропы.
(Реконструкция М. И. Герасимова.)

Кроманьонцы

Неандертальцы

Синантропы

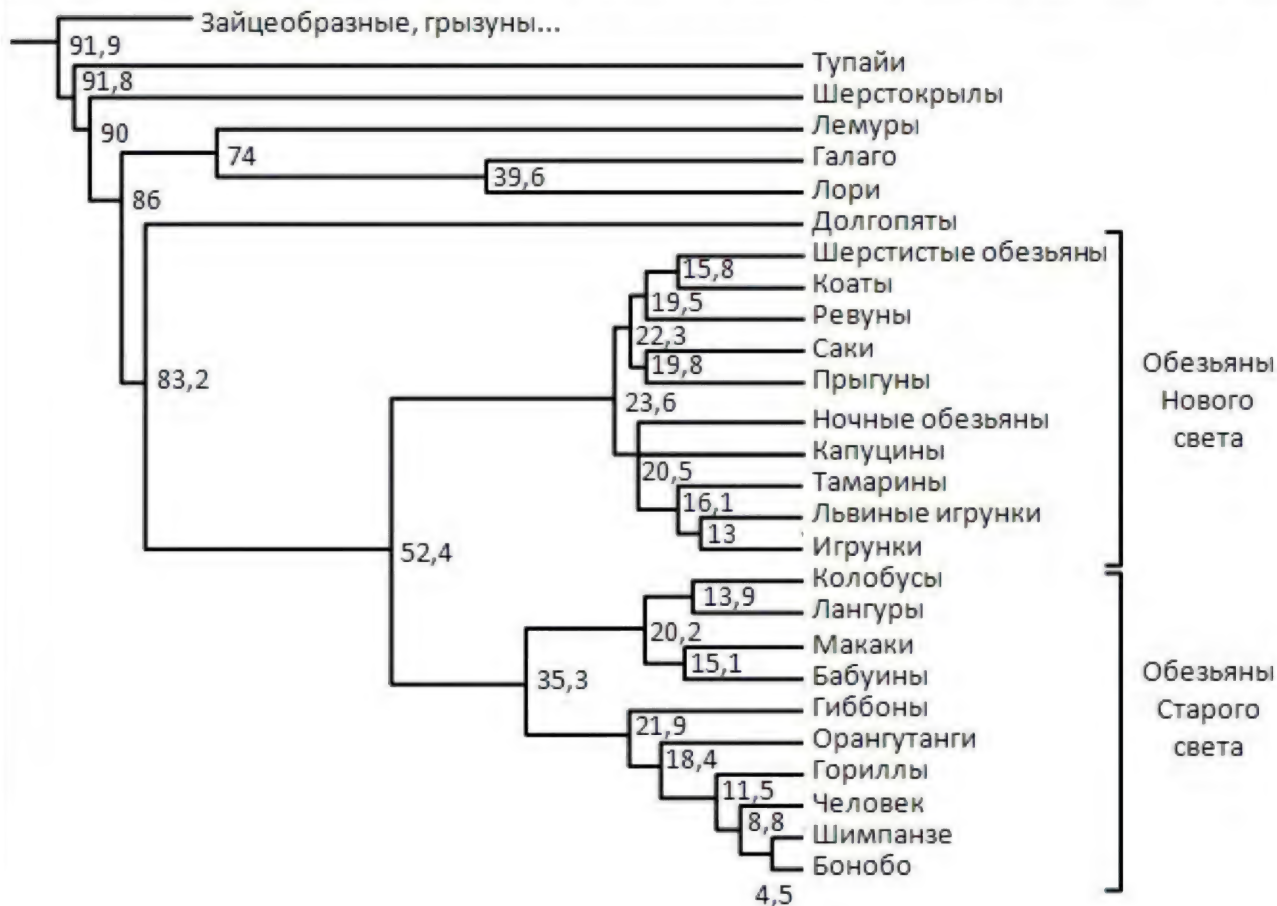

Гориллы

PIC-COLLAGE

PIC-COLLAGE

Почему все обезьяны не один вид?

**Потому что, ВСЕ представители
одного вида (подвида)
каждого пола и возраста -
ОДИНАКОВЫЕ.**

**Биологический вид это - популяция ОДИНАКОВЫХ
особей каждого пола и возраста.**

**Как определить вид животного, птицы, насекомого, рыбы?
Достаточно просто посмотреть - ВСЕ представители одного
вида (подвида) каждого пола и возраста - ОДИНАКОВЫЕ.**

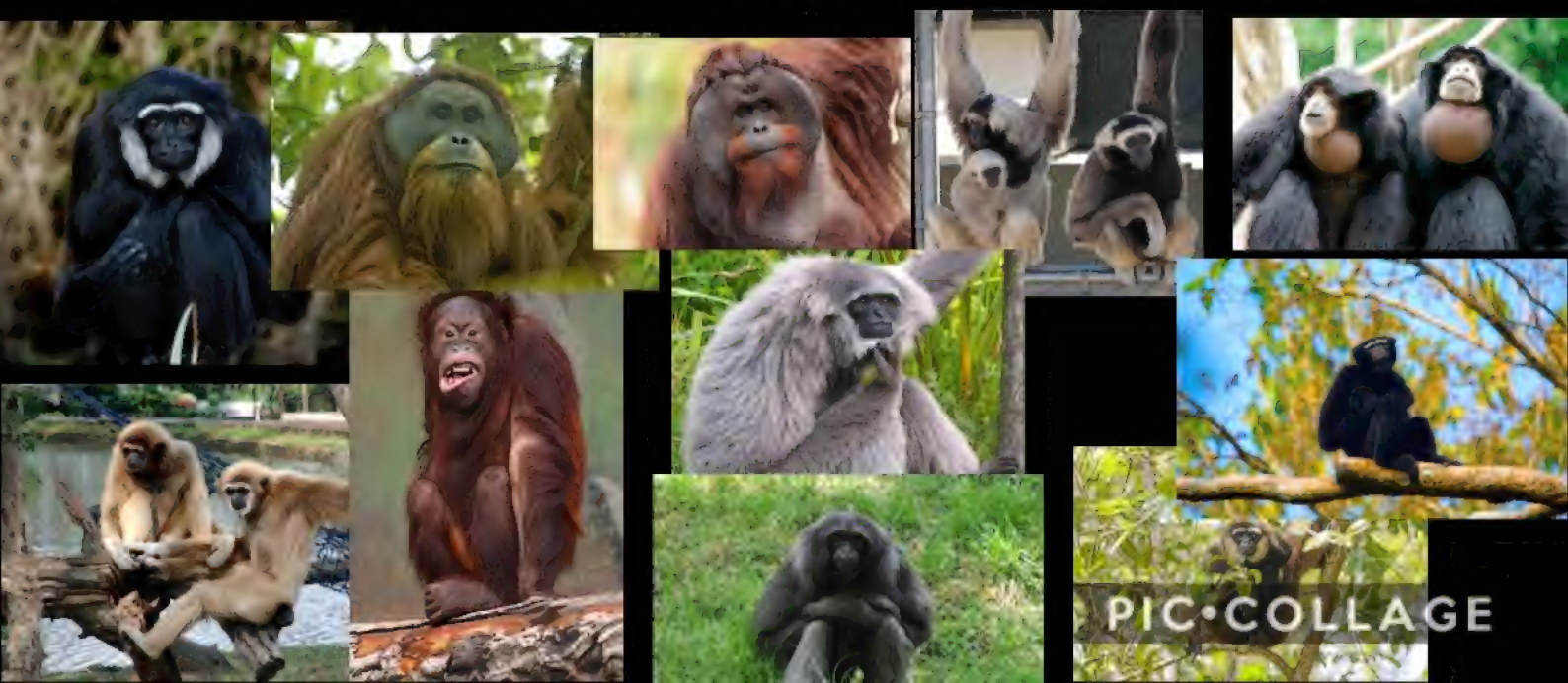
**В С Е представители
ОДНОГО вида (подвида)
каждого пола -
ОДИНАКОВЫЕ.**

Один вид «*homo sapiens*»?

РАЗНЫЕ - ВИДЫ - ОБЕЗЬЯН.

Человек

Рис. 103. Группа детей-наркоманов в учреждении для беспризорных.

нередкого злоупотребления ими, а быстро развивающееся привыкание ведет к тяжелой картине наркомании, более или менее одинаковой.

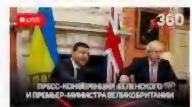
Ясно, что это?

**неандерталец,
разумный и много
болтающий подлый
гоминид.**

#Телеканал360 #мисскузбас #преступление
Вынес в пакетах из-под мусора: чиновник расчленил «мисс Кузбасс» и выкинул в реку
15 604 просмотра... 👍 496 💬 НЕ НРАВИТСЯ ➦ ПОДЕЛИТЬСЯ ➕ СОХРАНИТЬ ...
Телеканал 360 ● вы подписаны

Итоги встречи Зеленского с Джонсоном. Прямая...
Телеканал 360 ●
Зрителей 399
СЕЙЧАС В ПРЯМОМ ЭФИРЕ
Спортлото-82 (комедия, ...)

PIC-COLLAGE

До сих пор у абсолютного большинства населения любой страны мира ум индивида определяется образованием. Абсолютное большинство убежденно что большой объем запомненной информации это показатель большого ума индивида. Это ошибка. Хорошая память вовсе не означает способность к полноценному и здоровому мышлению. Очень часто, да почти всегда граждане посвятившие свою жизнь заучиванию и повторению научных учебников и энциклопедий живут в плохоньких квартирках, имеют неряшливый внешний вид и не способны заработать хоть сколько нибудь денег для без бедной жизни. На фото типичный представитель научного сословия. ВСЕ представители научного сословия находятся в полной уверенности что они умнее окружающих. На каком основании? На основании того, что их мозг как подобен их пыльной квартире - захламлён всевозможной научной и не научной информацией. А по факту такие деятели подобны пыльной Большой Советской Энциклопедии - информации тонна, но на то, чтобы привести в порядок даже свою маленькую квартирку умственных сил уже нет.

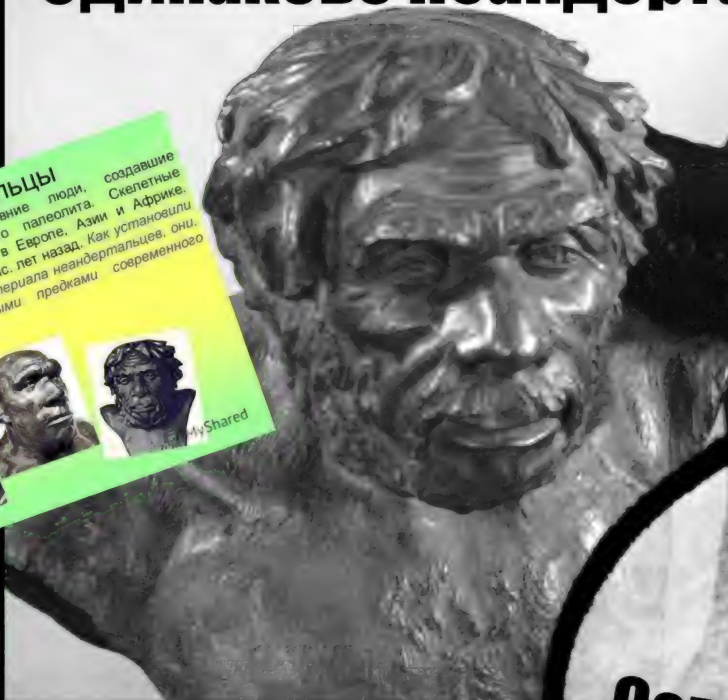

Вот типичный представитель научного сословия. Обратите внимание на количество всевозможных энциклопедий и всяких книг. Будьте уверены, все эти книги прочитаны и по возможности не один раз и сохранено в долгосрочной памяти. Много всякой информации это признак большого ума - по мнению этих граждан.

Homo Neanderthal

Оди́наково Неандерта́льцы

Неандертальцы
ископаемые древние люди, создавшие
культуры раннего палеолита. Скелетные
остатки неандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке.
Существовали 200 — 35 тыс. лет назад. Как установили
исследования генетического материала неандертальцев, они
являются прямыми предками современного человека.

Нет нет
неандертальцы
давно вымерли.
Я человек.
Совпадения
случайны.

Нотто одинаково

ЮЛИЯ БАЦЫНА

"Нужно ли беречь природу и спасать планету?"

Это российские ЭКОЛОГИ!

Обратите на комментарии - тот кто отучился в университете и вызубрил много учебников на самом деле считает себя УМНЫМ. По мнению этих ученых Образование = Ум. почему они бедные если такие образованные? Потому что.

искренне сожалею о своем
Свернуть

5 5 ОТВЕТИТЬ

Людмила Фионова Комитет100 1 день назад

Мы вашей отписки не переживем! Уходите! Это - канал для умных.

ОТВЕТИТЬ

СОХРАНИТЬ

ПОДПИСАТЬСЯ

Stepanich 5 дней назад

Ну так Стерлигов говорит что надо вырубать электричество на всей планете одновременно, это доступно любой спецслужбе мира.

3 5 ОТВЕТИТЬ

Скрыть ответ

Людмила Фионова Комитет100 4 дня назад
Идиотизм Стерлигова заблокируем. На этом канале умные. Вы - не по адресу

4 1 5 ОТВЕТИТЬ

7 5 ОТВЕТИТЬ

Скрыть 2 ответа

Людмила Фионова Комитет100 5 дней назад
Если Царева и Библия для Вас - авторитеты, зачем Вы слушаете умных на нашем канале?

5 5 ОТВЕТИТЬ

Людмила Фионова Комитет100 4 дня назад

@kuznechanka55 Бред с именем Ленина будем блокировать. Навсегда. Здесь - умные.

5 5 ОТВЕТИТЬ

1. Схема должна быть простой и доступной в практической работе, и поэтому общее число основных и промежуточных типов (без учета микро- и макровариантов) не должно превышать 15—20.

2. Набор признаков, используемых для выделения соматотипов, также необходимо ограничить, чтобы он не превышал 20—25 измерительных признаков. Описательные (балловые) признаки в схему не включаются. Набор признаков характеризует развитие жировых, мышечных и костных компонентов веса тела у мужчин, костных и жировых у женщин.

3. Индексы при анализе соматотипов не применяются.

4. Признаки развития головы и лица не учитываются.

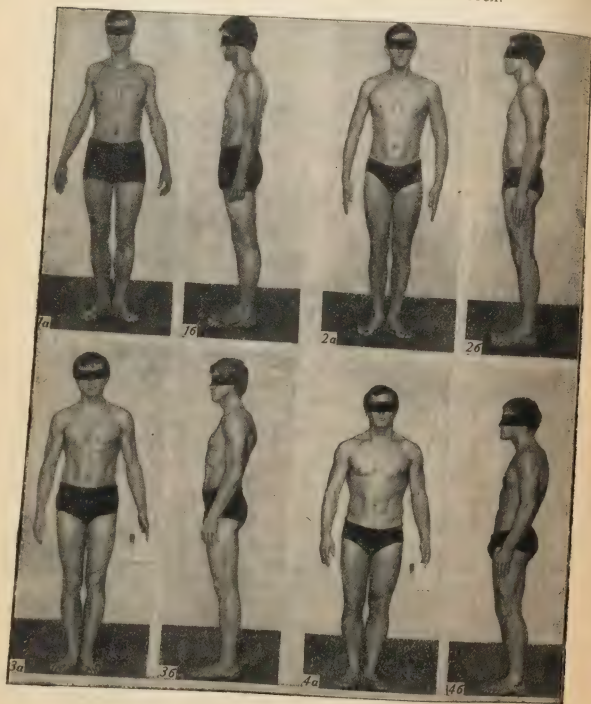

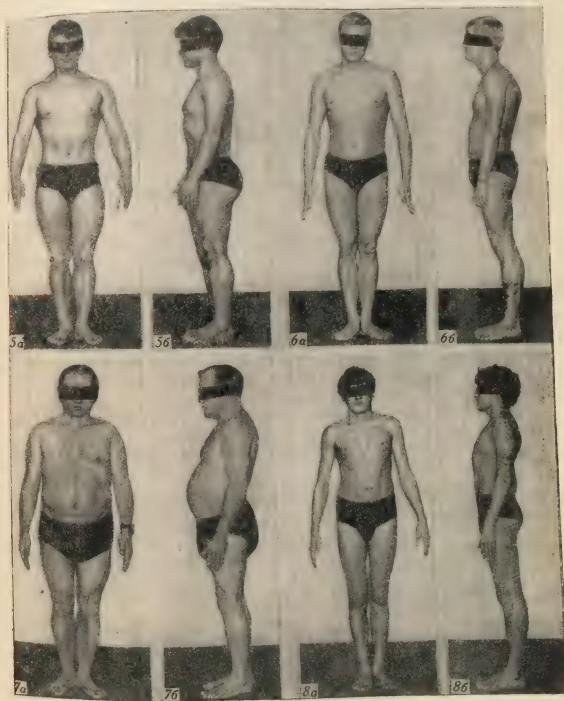
Рис. 5.2. Соматотипы мужчин (по Членову, 1978):
1 — грудной; 2 — грудно-мышечный; 3 — мышечно-грудной; 4 — мышечный;

5. Речь идет только о нормальных соматотипологических (конституциональных) вариантах, патологические типы должны учитываться отдельно. Выделяется также неопределенный тип.

6. Фотографии при оценке соматического типа не обязательны.

7. Комплексы признаков, характеризующие степень развития жировой, мышечной и костной тканей, имеют более или менее равную значимость в конституциональной диагностике.

При отборе признаков соматотипологической диагностики прежде всего учитывали реальность различий соответствующих признаков у «чистых» конституциональных типов, коэффициенты корреляции между признаками, а также результаты многократного перебора различных

5 — мышечно-брюшной; 6 — брюшно-мышечный; 7 — брюшной; 8 — неопределенный

В основу индивидуальной типологии женщин была положена упомянутая выше терминология И. Б. Галанта.

При построении нормативной таблицы для соматотипологической диагностики у женщин (табл. V.8) было использовано 10 измерительных признаков в отличие от 16 основных признаков у мужчин. Как и для мужской группы, был применен принцип разбиения распределения каждого отдельного признака на части по среднему квадратическому отклонению. Учтены отклоняющиеся от нормального распределения признаки, характеризующие жировой компонент.

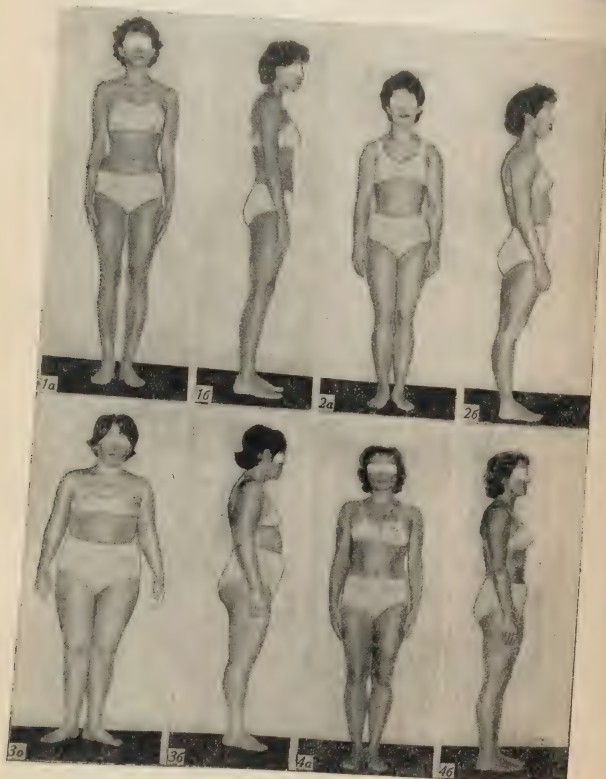
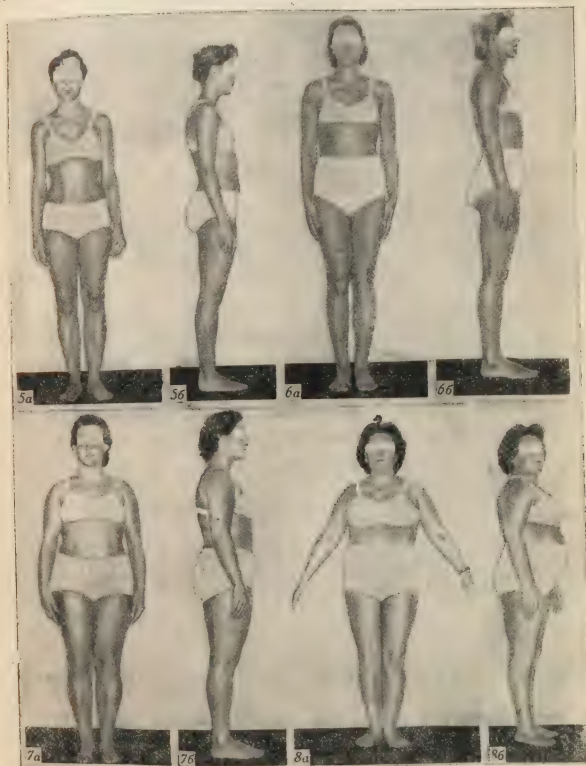

Рис. V.3. Соматотипы женщин (по Чтецову, 1979):
1 — астенический; 2 — стенопластический; 3 — пикнический; 4 — мезопластический;

В женской схеме, в отличие от мужской, учтена длина тела и исключены оценки развития мышечной массы как недостаточно дискриминативные.

Как и в мужской выборке, признаки сгруппированы по категориям, характеризующим в основном развитие костной и жировой тканей. Баллы, соответствующие степени развития отдельных признаков, суммируются по указанным выше категориям, характеризующим развитие костной и жировой массы, вычисляются средние баллы для каждой категории. Эти последние являются основой для диагностики со-

чекский; 5 — субатлетический; 6 — атлетический; 7 — эурипластический; 8 — эурипластический низкорослый

**КАЖДЫЙ (!) ВИД обезьян
ОТЛИЧАЮЩИЙСЯ от других обезьян это
- ДРУГОЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВИД!**

**ВСЕ «человеки» с РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ это
РАЗНЫЕ ВИДЫ «человека».**

**У 9 из 10 «человеков» с ОДИНАКОВЫМИ и ОЧЕНЬ
ПОХОЖИМИ лицами будут ОДИНАКОВЫЕ мышление,
ОДИНАКОВЫЙ характер, ОДИНАКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И
ПОСТУПКИ (!), ОДИНАКОВЫЙ голос и манера
разговора. ДАЖЕ у НЕ РОДСТВЕННИКОВ! Даже если
ОДИНАКОВЫЕ «человеки» РОДИЛИСЬ и ЖИВУТ в
РАЗНЫХ странах и ДАЖЕ НА РАЗНЫХ КОНТИНЕНТАХ!**

РУССКИЕ РАСЫ

rac^{es} of Russian

ТИПЫ И ЭЛЕМЕНТЫ
ВНЕШНОСТИ
(ГЭВ)

РАЗДЕЛ I

ОСНОВНЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ
НАСЕЛЕНИЯ СССР

- Рис. 1 — 14 Русские центрального типа.
Рис. 15 — 23 Русские западного типа.
Рис. 24 — 31 Русские северо-западного типа.
Рис. 32 — 38 Русские северного типа.
Рис. 39 — 44 Русские юго-западного типа.
Рис. 45 — 50 Русские южного (донского) типа.
Рис. 51 — 54 Русские юго-восточного (вариант донского) типа.
Рис. 55 — 60 Русские контактного с северо-востоком типа.
Рис. 61 — 64 Русские контактного с востоком типа.
Рис. 65 — 68 Украинцы прибрежного Полесья.
Рис. 69 — 72 Украинцы центральной Украины.
Рис. 73, 74 Украинцы степной Украины.
Рис. 75 — 78 Украинцы Карпат и Буковины.
Рис. 79 — 88 Вспомогательные.
Рис. 89 — 99 Литовцы.
Рис. 100 — 108 Латыши.
Рис. 109 — 114 Эстонцы.
Рис. 115 — 125 Таты Грузии.
Рис. 126 — 128 Армяне.
Рис. 129 — 131 Закавказьянцы.
Рис. 132 — 139 Молдаване.
Рис. 140, 141 Евреи.
Рис. 142 — 152 Цыгане.
Рис. 153 — 159 Каралы.
Рис. 160 — 163 Топари.
Рис. 164 — 169 Кочы.
Рис. 170 — 178 Морзала.
Рис. 179 — 184 Чукчане.
Рис. 185 — 187 Удмурты.
Рис. 188 — 192 Маношны.
Рис. 193 — 200 Татары.
Рис. 201 — 204 Башкиры.
Рис. 205, 206 Чалпы.
Рис. 207 — 209 Мансы.
Рис. 210 — 214 Талышцы.
Рис. 215 — 223 Туркмены.
Рис. 224 — 232 Узбеки.
Рис. 233 — 237 Казахы.
Рис. 238 — 241 Киргизы.
Рис. 242 — 244 Тувинцы.
Рис. 245 — 246 Якуты.
Рис. 247, 248 Непцы.
Рис. 249, 250 Эвенки.
Рис. 251, 252 Чукчи.
Рис. 253, 254 Эвенышцы.
Рис. 255 — 258

**Ещё раз повторяю - у приматов С
ОДИНАКОВЫМИ ХАРЯМИ почти
всегда (в 9 случаях из 10) будет
ОДИНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР.**

**ОДИНАКОВЫХ приматов с
ОДИНАКОВОЙ внешностью
ОЧЕНЬ МНОГО!**

**Будь внимательней и замечай при общении
с приматами, А ЛУЧШЕ ЗАПИСЫВАЙ в
блокнот - У КОГО КАКОЙ ХАРАКТЕР.**

**Записи дополняй ФОТОГРАФИЕЙ того о
ком идёт описание характера.**

**Ты ОЧЕНЬ БЫСТРО обнаружишь что у
приматов С ОДИНАКОВОЙ ВНЕШНОСТЬ
будут ОДИНАКОВЫЕ характеры!**

**Даже у НЕ РОДСТВЕННИКОВ! Даже у
АБСОЛЮТНО ЧУЖИХ ДРУГ ДРУГУ
граждан!**

Рекомендую для прочтения книгу -

**Психологическая классификация
личностей: элементарная методика
психологического исследования.**

**Автор: А. Е. Петрова,
1927 г. - 292 стр.**

Очень полезная книга.

А. Е. ПЕТРОВА

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТЕЙ

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МЕТОДИКА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ, ПСИХИАТРОВ, КРИМИНОЛОГОВ И ПЕДАГОГОВ

С предисловием проф. П. Б. ГАННУШКИНА

МОСКВА
ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1927

А. Е. ПЕТРОВА

Психолог психиатрической клиники 1-го М. Г. Ун-та, — Гос. Института по изучению преступности и преступника при Н. К. В. Д., — Кабинета по изучению личности преступника и преступности при Мосздраве, — Психоневрологической и педологической Школы-Санатории Наркомздрава, в Москве

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТЕЙ

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МЕТОДИКА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

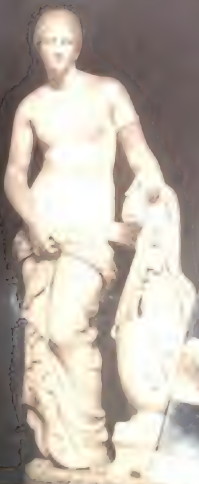
Для ПСИХОЛОГОВ, ПСИХИАТРОВ, КРИМИНОЛОГОВ И ПЕДАГОГОВ

С предисловием проф. П. Б. ГАННУШКИНА

МОСКВА
ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1927

Napoli - Museo Nazionale - Ces

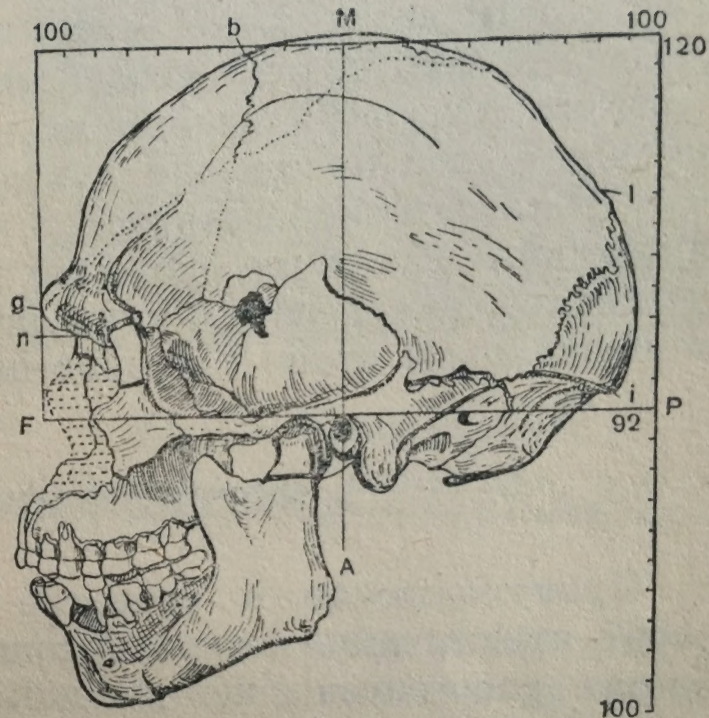
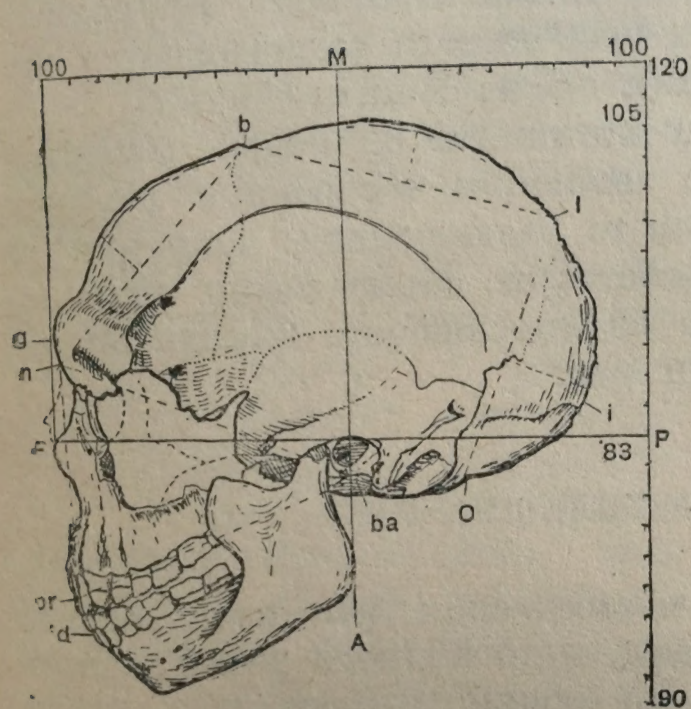

Рис. 36. Черепа неандертальцев из пещер Табун (слева) и Схул (справа).

FR — франкфуртская антропометрическая горизонталь; МА — линия, проходящая через верхнеушную точку; n — носовая точка — назион; g — передняя лобная точка — глабелла; b — точка на пересечении поперечного лобного (венечного) и продольного теменного (сагиттального) швов — брегма; l — точка на пересечении сагиттального и поперечного затылочного (ламбдовидного) швов — ламбда; i — точка на нижнезаднем крае затылочного поперечного валика — инион; цифры указывают миллиметры.

Рис. 103. Группа детей-наркоманов в учреждении для беспризорных.

нередкого злоупотребления ими, а быстро развивающееся привыкание ведет к тяжелой картине наркомании, более или менее одинаковой.

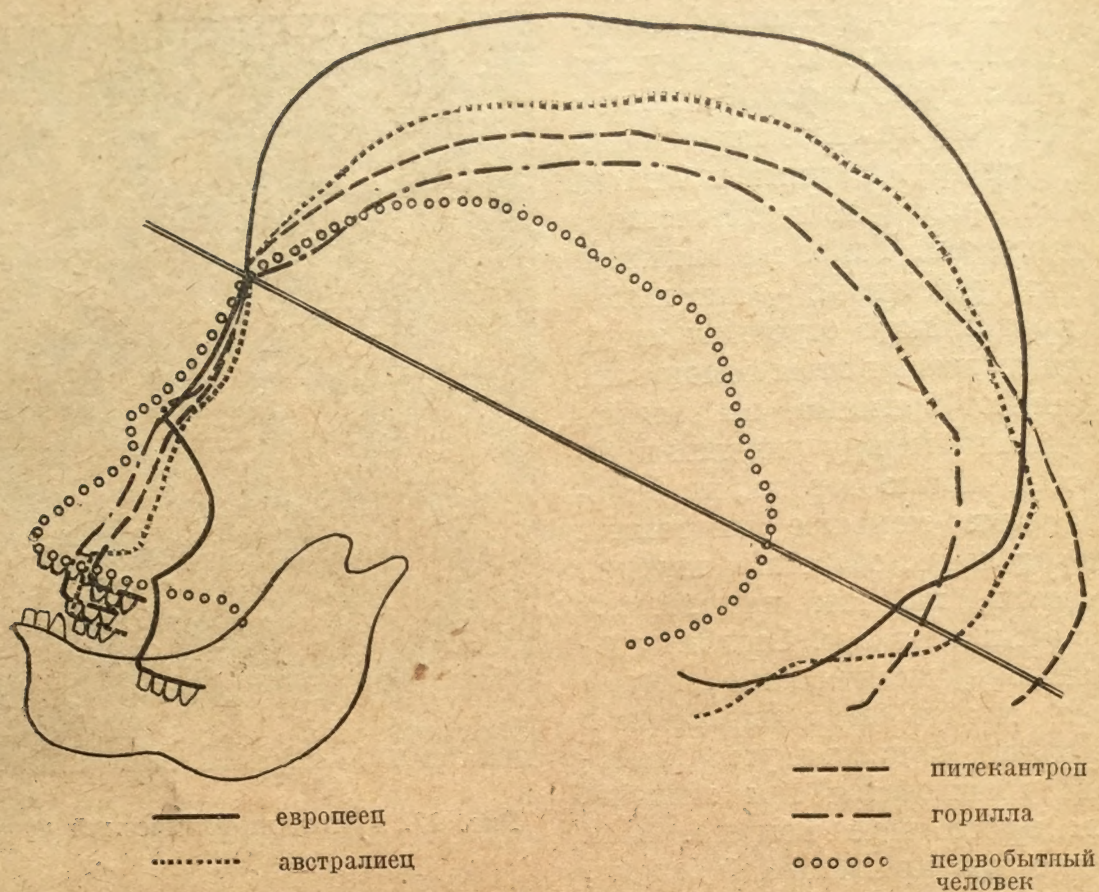

Рис. 18. Различные стенки прогнатизма у обезьяны и человека.

Рис. 19. Неправильное, частью несимметричное строение черепа и лица у олигофренов; оттопыренная ушная раковина у мальчика справа.

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

PIC•COLLAGE

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.